

В. М. Фролов

РАБСТВО
И
ДАНИЧЕСТВО

А. С. Смирнов

Мл. Аб

*63.3(2)41
Ф 92*

И.Я. Фроянов

**РАБСТВО
И
ДАНИЧЕСТВО
У ВОСТОЧНЫХ
СЛАВЯН**

(VI-X вв)

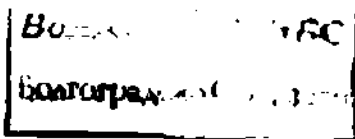
Под редакцией доктора исторических наук
А.Я. Дегтярева

18 119375/1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издательство Санкт-Петербургского Университета
1996

ББК 63.3(2)41

Ф 91

Фроянов И. Я.

Ф 91 Рабство и данничество у восточных славян. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. — 512 с.

ISBN 5-288-01832-4

Новая книга И. Я. Фроянова посвящена двум важнейшим проблемам истории восточного славянства — рабству и данничеству. Тщательно изучив доступные современному исследователю источники, автор приходит к выводам, существенно отличающимся от представлений, широко распространенных в новейшей отечественной исторической литературе. Рабовладение и даннические отношения он рассматривает не только как элементы производственных и социальных связей, но и как проявления духовной и нравственной жизни восточных славян VI-X вв.

Для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, всех, кто интересуется древней историей России.

Без объявл.

Научное издание

Игоря Яковлевич Фроянов

**РАБСТВО И ДАНИЧЕСТВО
У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН**

Редактор *Р. Г. Тихонова*

Художник *А. Г. Абрамевич*

Компьютерный набор и верстка *О. В. Шатаевой*

Корректор *О. В. Мизайлова*

Лицензия ЛР №040050 от 15.08.96 г.

Подписано в печать 10.12.96. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,0. Усл. кр.-отт. 32,13. Уч.-изд. л. 28,32. Тираж 2000 экз. Заказ 3331.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография № 1 ВО «Наука». 199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12.

ББК 63.3(2)41

© И. Я. Фроянов, 1996

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 1996

ISBN 5-288-01832-4

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Глубокие социально-экономические и политические перемены, происходящие ныне в российском обществе, вызвали подъем исторического самосознания нашего народа. Вновь, как и не раз прежде, встал вопрос о путях развития России, ее роли и значении во всемирной истории. Историки, дебатировавшие этот вопрос, решают его неоднозначно, предлагая два различных по сути подхода. Одни из них, рассуждая о модернизации России, связывают ее с приобщением к западно-европейской цивилизации, с теми стадиями, которые проходило западное общество. Они ведут речь о возвращении России к капитализму после неудавшегося большевистского эксперимента построения социализма и коммунизма «в отдельно взятой стране». Другие исследователи показывают специфику российской истории, стремятся найти собственное место России в мировом развитии. Будущее России им видится не через примитивное копирование западных образцов, а через возрождение вековых национальных традиций, в которых преобладают не индивидуальные, а коллективные ценности, где основополагающей является не частная собственность, разъединяющая людей, а общинно-государственная собственность, способствующая их объединению. К числу этих исследователей принадлежит И. Я. Фроянов, работы которого по истории средневековой России приобрели широкую известность в науке.

Своим научным творчеством И. Я. Фроянов отчасти как бы предвосхитил изменения, происходящие сейчас в историческом сознании российского общества. В историческую науку он вошел ярко и самобытно, с арсеналом идей, разрушающих привычные в советской историографии стереотипы, относящиеся к ранней истории России, что открыло возможность нестандартного осмысления русского исторического процесса вообще. В отстаивании научных убеждений ему пришлось пере-

жить немало трудностей, нападков и даже гонений. Уже первая написанная им книга «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории» встретила в охранительных академических кругах активное неприятие.² Но И. Я. Фроянов устоял в борьбе, отвечая сановным недругам новыми и новыми трудами, судьба которых, впрочем, была порою драматичной.³

Совсем недавно, в 1995 году, вышла в свет его капитальная книга «Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы», являющаяся за последние сорок лет (после публикации известной книги акад. М. Н. Тихомирова в 1955 году) первым и пока единственным обобщающим научным исследованием по истории социальной и политической борьбы на Руси IX – начала XIII столетия. Главный пафос данной книги И. Я. Фроянова направлен против чересчур преувеличенных представлений о роли классовой борьбы в развитии древнерусского общества, укоренившихся в советской историографии Киевской Руси. И вот теперь перед нами еще один труд историка, посвященный рабству и данничеству у восточных славян VI–X вв. и восполняющий существенный пробел в исторической науке, поскольку она до сих пор не располагает монографическим исследованием на указанную тему. Есть еще другое обстоятельство, придающее важное значение настоящему труду И. Я. Фроянова.

Взгляд на общественный строй восточных славян и Древней Руси у современных историков во многом обусловлен их пониманием проблемы рабства и особенно даннических связей. Именно на основе толкования дани как феодальной ренты сложилась теория государ-

¹См.: Афанасьев Ю. Я должен это сказать. Политическая публицистика времен перестройки. М., 1991. С.13; Кобрин В. Кому ты опасен историк? М., 1992. С.180-183.

²См., напр.: Академик Л. В. Черепнин. Еще раз о феодализме в Киевской Руси// Из истории экономической и общественной жизни России. Сборник статей к 90-летию академика Николая Михайловича Дружинина. М., 1976. С.15-22.

³См.: Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С.9, 760-818.

ственного феодализма, господствовавшего якобы на Руси. И. Я. Фроянов убедительно опровергает эту теорию, показывая ее несостоятельность.

Весьма интересным и в научном плане перспективным является стремление автора вывести рабовладение и данничество за рамки производственных и социальных отношений в сферу духовной и нравственной жизни, или в ментальную область. Это придает исследованию автора книги более объемный, всесторонний и системный характер, поднимая его на новый, более высокий, соответствующий современным требованиям, научный уровень. Довольно любопытны наблюдения, касающиеся происхождения войн как действий, имеющих прямую связь с религиозными воззрениями древних людей.

Не сомневаюсь, что книга И. Я. Фроянова, выдержанная в лучших стилевых традициях русской исторической науки, будет прочитана читателем с живым интересом и станет заметной вехой в познании отечественной истории.

Проф. В. Т. Пуляев, научный руководитель
государственной программы
«Народы России: возрождение и развитие»

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена рабству и данничеству у восточных славян VI-X вв. — вопросам отнюдь не новым в отечественной историографии. Чем обусловлено наше обращение к этим вопросам, казалось бы, достаточно проработанным в науке? Ответ здесь не может быть однозначным.

Прежде всего следует заметить, что познание прошлого — процесс постоянно возобновляющийся, если, конечно, речь идет о крупных исторических явлениях, охватывающих сравнительно длительные отрезки времени, а не о единичных и очевидных фактах. Именно к таким явлениям относятся восточнославянские институты рабства и данничества.

Изучение названных институтов позволяет увидеть наиболее архаичные формы господства и эксплуатации, восходящие к дописьменной эпохе восточного славянства, и тем самым наблюдать зарождение коллективного, а затем — индивидуального богатства, ставшего впоследствии источником жестоких войн, социальной несправедливости, общественных бед и потрясений. Иными словами, перед нами институты, игравшие важную роль в жизни восточнославянского общества. Отсюда их притягательность для историка. Побуждают обратиться к ним и некоторые обстоятельства историографического порядка.

Что касается проблемы рабства у восточных славян, то в дореволюционной исторической науке она оказалась едва лишь затронутой. Бытовало мнение, согласно которому рабов у восточных славян было ничтожно мало и рабство не имело сколько-нибудь серьезного общественного значения. С. М. Соловьев, например, пи-

гал: «Желание иметь рабов и удерживать их как можно долее в этом состоянии бывает сильно, во-первых, у народов, у которых хозяйственные и общественные отправления сложны, роскошь развита; во-вторых, рабы нужны народам, хотя и диким, но воинственным, которые считают занятия войною и ее подобием, охоту за зверями единственно приличными для свободного человека, а все хлопоты домашние слагают на женщин и рабов; наконец, как ко всякому явлению, так и к явлению рабства посреди себя народ должен привыкнуть, для этого народ должен быть или образован и приобретать рабов посредством купли, или воинствен и приобретать их как добычу, или должен быть завоевателем в стране, прежние жители которой обратились в рабов».¹

Всех этих свойств и качеств С. М. Соловьев не нашел у восточных славян. Он полагал, что «славяне жили под самыми простыми формами быта, быта родового, их хозяйственные отправления были нетрудны и несложны, в одежде и жилищах господствовало отсутствие всякой роскоши; при всем этом и при постоянной борьбе со своими и чужими, при постоянной готовности покинуть свое местопребывание и спастись от врага рабы могли только затруднять славянское семейство, а потому не имели большой ценности. Потом известно, что воинственность не была господствующею чертою славянского народного характера и что славяне вовсе не гнушались земледельческими занятиями. У народа, в простоте родового быта живущего, раб не имеет слишком большого различия от членов семьи, он бывает также младшим членом ее, малым, юным; степень его повиновения и обязанностей к главе семьи одинакова со степенью повиновения и обязанностей младших членов к родоначальнику».²

Малочисленным и сравнительно легким казалось восточнославянское рабство Н. А. Рожкову. «До X-го и даже до XI-го века, — говорил он, — холопов было немного и положение их было не тяжело: все писатели, сообщающие нам сведения о первобытных славянах, — таковы по преимуществу писатели византийские, — оставили нам целый ряд свидетельств о том, что рабов

¹ Соловьев С. М. Соч. в 18-ти книгах. М., 1988. Кн. I. С. 97.

² Там же. С. 97-98.

у славян было мало, обращались они с этими рабами хорошо и скоро отпускали их на волю».³

По мнению некоторых историков, у восточных славян вообще не было «настоящего рабства». Так, Б. Н. Чичерин утверждал, что «настоящее рабство является у нас вместе с варяжской дружиной, и, вероятно, было принесено ею».⁴ Сходные суждения высказывал М. К. Любавский, по словам которого «среди восточного славянства с прибытием варяжских князей образовалось особое, отделенное от всего остального населения общество, имевшее свою особую организацию, — общество, которое можно назвать княжеским. Кроме князей, к нему принадлежали княжьи мужи — бояре и огнищане, гриди, отроки, детские, княжеские рабы».⁵ Но появление собственно класса рабов М. К. Любавский относил ко временам Древней Руси, связывая его с ростом землевладения князей и бояр: «... важным социальным последствием развития княжеского и боярского землевладения было отложение в русском обществе значительного класса рабов и юридическое развитие института рабства. В X веке челядь вывозилась большею частью за границу. Но с того времени, как нашлось для нее дело и дома, челядь все более и более копилась на Руси».⁶ Из рассуждений историка явствует, что до прибытия варяжских князей рабовладение у восточных славян (если таковое было) мало что значило.

И все же надо отдать должное некоторым представителям досоветской историографии, сумевшим не только оценить степень распространения восточнославянского рабства, но и увидеть в нем действенное средство утверждения личной власти в местном обществе, а значит, — имущественной дифференциации и предпосылок социального неравенства.

³Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Часть первая. Киевская Русь (с VI до конца XII века). М., 1905. С.62.

⁴Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С.145.

⁵Любавский М. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918. С.90.

⁶Там же. С.118.

М. Д. Затыркевич, рассуждая об укладе жизни «бродячих народов», в том числе «Славянских племен», отмечал наличие неравенства «по состоянию и общественному положению между семействами». Ученый полагал, что «это неравенство явилось само собою как неизбежное следствие непрерывных войн, господствовавших между бродячими народами. Обыкновенно все военнопленные у бродячих народов, если не освобождались от плена посредством выкупа, обращались побежденными в рабов, поступали в их непосредственное распоряжение и обязаны были трудиться в пользу своих господ и их ближних. Таким образом лица, отличающиеся храбростью и физической силой, всегда имели возможность приобрести богатства (состоявшие в то время преимущественно из движимого имущества) и военнопленных рабов, находившихся в их непосредственном распоряжении. Уже это одно доставляло возможность отдельным личностям возвышаться над своими родственниками и всеми вообще соседними семействами».⁷ К сожалению, эти мысли были брошены автором вскользь, как бы мимоходом, не став основанием более или менее обстоятельного исследования. К тому же М. Д. Затыркевич не проявил должной последовательности и поддался влиянию идеи о внешнем происхождении древнерусского рабства, возникшего в результате появления в Восточной Европе «варягоруссов». Часть населения «варягорусского» происхождения, обосновавшаяся в «городах (старославянских), образовала «дворовых людей» князя. Эти «дворовые люди, называвшиеся сначала в общей совокупности то родом, то домом, состояли почти исключительно из лиц несвободного, рабского состояния — челяди, людей».⁸ Число дворовых было огромно. Даже у первых князей Рюрикова дома оно «доходило до многих тысяч».⁹

Можно, таким образом, утверждать, что в досоветской исторической науке (если брать ее в целом) раб-

⁷Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874. С.37-38.

⁸Там же. С.56-57.

⁹Там же. С.60.

ство у восточных славян (до прихода варяжских князей) оставалось недостаточно исследованным и не получило должной оценки.

В советской историографии положение изменилось. что было связано с классовым подходом к изучению прошлого, который предписывала марксистская теория познания истории. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества на Руси становятся ведущими темами советской исторической науки. Поворот к этим темам обозначился уже в 20-е годы. Вполне понятно, что восточнославянское рабство рассматривается теперь как фактор классовобразования. Согласно П. И. Лященко, «основным элементом разложения первобытно-коммунистического хозяйства являлось рабовладение. Городское туземное славянское население, по-видимому, еще издавна выделило такой привилегированный класс, для которого рабовладение получило производственную связь с первобытным хозяйством». В источниках этот привилегированный класс, по мнению П. И. Лященко, называется «огнищанами». Его экономической основой являлась торговля, а также землевладение, базировавшееся на труде челяди, или рабов.¹⁰

С особой остротой вопрос о рабстве у восточных сла-

¹⁰Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М., 1926. С.43. Сходные мысли, правда, в несколько иных выражениях и с некоторым смещением акцентов П. И. Лященко высказывал и много позже. Рабство он считал «элементом, способствовавшим более быстрому разложению первобытного доклассового общества». Само «первобытное рабство возникает обычно в пределах первобытного хозяйства и родового строя еще задолго до их разрушения. Но оно здесь носит особый, большей частью так называемый "домашний" характер, не имея еще глубоких производственных основ». По П. И. Лященко, существенное «значение для разложения первобытного общества у славян рабовладение получило лишь тогда, когда стало соединяться с хозяйственной эксплуатацией рабов». Стремление же к «хозяйственному использованию» рабов возникает с «распадом родового быта, с возникновением земельного неравенства и территориальной общины, с захватом земли руководящими родовыми и племенными группами». — Лященко П. И. История народного хозяйства СССР Т.1. Докапиталистические формации. М., 1956. С.88.

нии встал во время дискуссий об общественном строе Киевской Руси, проходивших в 30-е годы. Спор тогда вращался вокруг проблем рабства и феодализма, увязываемых с задачей изучения истории в ключе марксистско-ленинской теории об общественно-экономических формациях.¹¹ В полемических обсуждениях затрагивался и вопрос о рабстве у восточных славян. Некоторые из участников дискуссий характеризовали восточнославянское общество IX-X вв. как рабовладельческое. К их числу относился В. В. Мавродин, который полагал, что Правда Ярослава, отразившая явления IX-X вв., изображает общество, разделенное на классы рабов и рабовладельцев.¹² По мнению И. И. Смирнова, в X веке у восточных славян существовало «развитое классовое общество» рабовладельцев и рабов. Правда Ярослава запечатлела именно это общество, а так называемая Правда Ярославичей стояла на грани двух эпох, преломив в себе «начальные феодальные отношения» и «очень сильные следы предшествующего строя — рабства».¹³ И. И. Смирнов доказывал с теоретической точки зрения неизбежность рабовладельческой формации как ступени общественного развития, более ранней, чем феодализм.¹⁴ О восточнославянском рабстве, из которого вырастал феодальный строй в Киевской Руси, говорил и М. М. Швибак. Не поддерживая идею о существовании рабовладельческой формации на Руси, он все же считал исторически неверным стремление «умалить роль рабовладельческих отношений в древней Руси». Суть не в том, что «рабства не было. Оно было и было очень сильно распространенным, было очень тяжелым... Дело не в том, чтобы отрицать рабство, а в том, чтобы показать, как оно превращается в источ-

¹¹ См.: Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Исторические записки. 76. М., 1965. С. 100-104; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 230-246.

¹² Изв. ГАИМК. Вып. 86. 1934. С. 89.

¹³ Там же. С. 98-102.

¹⁴ См.: Смирнов И. И. 1) О генезисе феодализма // Проблемы истории материальной культуры. 1933, № 3-4; 2) Феодальнокрепостническое общество // Изв. ГАИМК. Вып. 99. 1934.

ник феодализации, серваж».¹⁵ Даже Б. Д. Греков, упорно проводивший идею о феодальной природе социальных отношений в Киевской Руси, вынужден был отчасти согласиться с теми историками, которые видели в эпохе, отраженной Правдой Ярослава, явные черты рабовладельческого общества.¹⁶ О важном значении рабства в жизни восточных славян, особенно в IX–X вв., рассуждали и другие ученые.¹⁷

Такое положение в историографии сохранялось не очень долго. Уже к исходу 30-х гг. был дан явный крен в сторону феодализма. Началось удревание его истоков. В итоге сложилось представление, по которому Русь перешла к феодальной формации непосредственно от первобытнообщинного строя, минуя рабовладельческую формацию. К сожалению, оно утвердилось в исторической науке как монополярное, что привело к отрицательным последствиям: известному ослаблению интере-

¹⁵ Изв. ГАИМК. Вып. 86. С. 137–139; Цвибак М. М. К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934. С. 92.

¹⁶ Изв. ГАИМК. Вып. 86. С. 149. Пойти на уступку своим оппонентам он в ту пору мог без особого для себя напряжения, поскольку совсем недавно в одной из своих статей писал, что Правда Ярослава рисует нам примитивное классовое общество, состоящее из свободных и рабов, а Правда Ярославичей и Пространная Правда — успешно феодализирующееся общество. — Греков Б. Д. Начальный период в истории русского феодализма // Вестн. АН СССР. 1933, № 7.

¹⁷ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 237, 239, 240. М. Б. Свердлов усматривает в этом «догматическое» следование «указаниям» И. В. Сталина о рабстве как неизбежной ступени социально-экономического развития (см.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С. 195–199). При этом особенно достается М. М. Цвибаку за его «схематические теоретические установки», взятые из сталинских положений (там же. С. 196, 198). М. Б. Свердлов никоим образом не смущает тот факт, что М. М. Цвибак, придерживающийся «указаний» Сталина, «был арестован и погиб», а Б. Д. Греков, расхопившийся с этими «указаниями», уцелел и занял должности репрессированного Цвибака (там же. С. 199). Уже это показывает, насколько тенденциозны и надуманны историографические оценки Свердлова.

си исследователей к рабовладению у славян VI–X вв. и недооценке роли рабства в жизни восточнославянского общества указанного времени. Б. Д. Греков был провозглашен главой и высшим авторитетом советской исторической науки, связанной с изучением отечественной истории. Естественно, что в этих условиях его концепция была признана единственно правильной. Это очень походило на культ Б. Д. Грекова среди историков-руссистов, как, впрочем, и среди других.¹⁸

Однако мысль о важном значении рабства у восточных славян и в Древней Руси пробивала себе дорогу. Лице в конце 30-х годов А. В. Шестаков выступил в «Учительской газете» со статьей, где утверждалась идея о рабовладельческой природе древнерусского общества, что вызвало бурную дискуссию, которая состоялась в Институте истории АН СССР.¹⁹ Существенную роль

¹⁸ Атмосферу, царившую вокруг Б. Д. Грекова, с простодушной непосредственностью человека, причастного к ней, изобразил В. Т. Пашуто много лет спустя: «Вспоминается ярко освещенный большой конференц-зал в д.14 на Волхонке, на котором ныне укреплен барельеф Бориса Дмитриевича. По устланной красным ковром лестнице стекаются ученые всей страны. Их около тысячи. Они толпятся в коридорах, заполняют зал. Председательствует в президиуме акад. А. Н. Несмеянов. Это праздник советской исторической науки, праздник русской медиевистики — 70-летие Б. Д. Грекова, 45-летие его научно-педагогической деятельности. Среди множества адресов и подарков особенно запоминаются два: только что вышедший из печати Сборник — символ учености, в котором объединены статьи от глубокой древности (статья В. В. Струве) до начала XVIII в. (статья А. М. Панкратовой); другой символ от технических служб института — белоснежный голубь — символ не нуждающийся в пространных пояснениях, когда речь шла о выдающемся борце за мир» (Пашуто В. Т. Б. Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С.4). Все это очень похоже на ритуальное действие, связанное с поклонением кумиру, что для того времени было делом обычным: существование большого сталинского культа порождало культки поменьше в других сферах общественной жизни.

¹⁹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С.257.

в развитии социальных отношений у восточных славян IX-X вв. отвел рабовладению С. В. Юшков. Указав на отсутствие предпосылок для перехода восточнославянского общества в «рабовладельческую общественно-экономическую формацию», он все же утверждал, что в обозначенное время «на основе разложения сельской общины возникают первые классы рабов и рабовладельцев», причем «рабство в этот период носит яркие патриархальные черты».²⁰

В военные годы вышла в свет книга А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.». Хотя эта книга посвящена главным образом холопству позднего времени, в ней мы находим также разделы, относящиеся к истории рабовладения у восточных славян и на Руси XI-XII вв. Обращение исследователя к проблемам раннего рабства не случайно: «Для того чтобы ориентироваться в ряде заданий, возникающих при изучении столбцов Приказа холопьяго суда, изучающий этот материал наблюдатель должен был выработать известное общее понимание истории холопства в русских условиях вообще и для того углубиться в далекое прошлое X и XI столетий н. э., так как основные концепции холопьяго права сложились именно в эпоху Ярослава и Ярославичей».²¹ Углубившись в далекое прошлое, А. И. Яковлев нашел в Древней Руси довольно разветвленное холопство, «верхи рабовладельческого общества», а у восточных славян — достаточно развитую работорговлю.²² При этом историк отрицал наличие в Киевской Руси «рабовладельческой формации античного типа», полагая, что образованию ее «помешал общинный строй славян».²³

О рабовладельческом строе в Киевской Руси писал П. П. Смирнов.²⁴ На важную роль рабов в древнерусском

²⁰ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 42.

²¹ Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. I. С. 6.

²² Там же. С. 9, 10, 11, 12, 21.

²³ Там же. С. 11.

²⁴ См.: Смирнов П. П. Сказание о холопьяй войне // Учен. зап. Моск. горпединститута. Т. II. Кафедра истории СССР. Вып. 2. М., 1947.

обществе указывал Б. А. Романов. По его наблюдениям, рабство, проникая глубоко в социальную жизнь, оказывало ощутимое воздействие на быт и нравы населения Древней Руси. По словам исследователя, «свободный муж как-то не мыслится без раба (и рабы), раб — это неременная принадлежность быта свободных. А те, кто рабов не имел, стремились ими обзавестись правдами и неправдами».²⁵ Б. А. Романов обращал внимание на демократизацию состава древнерусских рабовладельцев, отмечая, что рабовладение в «XII в. становится доступным самым широким слоям "свободных" мужей из числа "неимовитых", которые в условиях крайнего обострения противоречий в рождающемся феодальном обществе при случае и сами опрокидывались в бездну... работного ярма».²⁶ Говоря о широком распространении рабства на Руси XII века, о феодальном обществе, чолько возникающем в это время, Б. А. Романов порывал тем самым с господствующей грековской концепцией, согласно которой рабовладение в ту пору изживалось, а феодализм вступил в зрелую фазу своего развития, показателем чего служила феодальная раздробленность. Впрочем, он старался сгладить впечатление, какое должна была произвести его книга на научную общественность, прежде всего на Б. Д. Грекова и грековцев. «Работы моих предшественников (и особенно Б. Д. Грекова), — писал Б. А. Романов, — избавили меня от необходимости в какой-либо мере ставить и пересматривать вопрос об общественной формации, в недрах которой складывались, действовали и развивались те "люди" и те "нравы", которые являются предметом моего изучения и показа на протяжении XI-XIII вв. (до монгольского нашествия). Я мог исходить из прочно установленного советской историографией положения, что древняя Русь XI-XIII вв. переживает процесс классовообразования, свойственный и характерный для феодальной формации».²⁷

Наивно было ожидать, что подобные реверансы удо-

²⁵ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С.49.

²⁶ Там же. С.87.

²⁷ Там же. С.5. Под впечатлением этих слов В. М. Панях пришел к выводу, что Б. А. Романов «в целом присоединился к кон-

влетворяют упомянутых «предшественников (и особенно Б. Д. Грекова)», поскольку мысли Б. А. Романова относительно процесса классового образования на Руси XI-XIII вв. и широкого развития рабства в древнерусском обществе решительно противоречили идеям Б. Д. Грекова о наличии у восточных славян (начиная с IX века) «феодального способа производства», «оформленного феодального базиса»,²⁸ о рабовладении в Киевской Руси, идущем к «сокращению» и «уничтожению».²⁹ К сожалению, Б. Д. Греков избрал средства борьбы отнюдь не академического свойства, специально приехав в Ленинград, чтобы помешать изданию книги Б. А. Романова. Он побуждал декана исторического факультета ЛГУ В. В. Мавродина отказаться от ее публикации, мотивируя свои настояния тем, что Б. А. Романов будто бы написал не научное исследование, а нечто похожее на «Декамерон».³⁰ И все же книга вышла в свет. Но это принесло Б. А. Романову больше горечи, чем радости.

цепции Б. Д. Грекова» (Панеях В. М. Проблемы истории России эпохи феодализма в научном наследии Б. А. Романова // История СССР. 1989, № 1. С.133). Полагаем, что то было «присоединение» скорее на словах, чем на деле. В противном случае становится непонятным резко отрицательное отношение Б. Д. Грекова к книге Б. А. Романова. Более правильным, на наш взгляд, является другое заключение В. М. Панеяха: «По сравнению с господствовавшими в конце 30-х и в 40-х гг. воззрениями, сложившимися, главным образом под влиянием работ Б. Д. Грекова, древнерусское общество в исследованиях Б. А. Романова предстает как более архаичное, находящееся на начальном этапе вызревания феодальных отношений и складывания классов, характерных для феодальной формации». — Там же. С.139. В другой своей статье В. М. Панеях говорит о «новаторской концепции» Б. А. Романова (Панеях В. М. Борис Александрович Романов (1889-1957). Трудная судьба ученого // Новая и новейшая история. 1993, № 1. С.188). Создать «новаторскую концепцию» способом «присоединения» (тем более «в целом», а не в отдельных деталях) к концепции Б. Д. Грекова едва ли возможно, а точнее сказать, — нельзя.

²⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С.528.

²⁹ Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л., 1940. С.14, 15.

³⁰ Об этом случае В. В. Мавродин не раз вспоминал в личных беседах с автором настоящих строк.

Вероятно, с подачи Б. Д. Грекова или его сторонников в аппарате ЦК ВКП(б) сложилось извращенное представление о книге Б. А. Романова как «порнографической».³¹ Понятно, что отзывы о ней в отделе науки ЦК (в частности, некоего Удальцова) были нелестные.³² Обвинения в чрезмерном внимании к сексуальным, интимным моментам были предъявлены Б. А. Романову при обсуждении его книги (апрель 1949 г.) в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.³³ Главный докладчик И. И. Смирнов, оценивая работу Б. А. Романова с точки зрения общепринятой концепции Б. Д. Грекова, говорил, что она «в корне меняет наше представление о характере процесса феодализации, о путях и методах развития крепостнической зависимости крестьянства, о природе законодательства Киевской Руси, о политике государственной власти и роли церкви киевской эпохи». Книга Б. А. Романова не удовлетворила И. И. Смирнова ни в какой мере».³⁴ Позднее, однако, И. И. Смирнов даст высокую оценку трудам Б. А. Романова по Русской Правде и Древней Руси, поставив его рядом с Б. Д. Грековым по степени влияния на собственное творчество, и даже сознается в том, что «учился у него искусству исторического исследования».³⁵ Эти признания, сделанные в период потепления научного климата в нашей стране, со всей очевидностью выдают инспирированный, конъюнктурный характер выступления И. И. Смирнова на апрельском 1949 года обсуждении книги Б. А. Романова. О том же свидетельствуют и конкретные его исторические изыскания. Мы знаем,

³¹См.: Панеях В. М. Борис Александрович Романов: письма к друзьям и коллегам// Отечественная история. 1993, № 3. С.154, прим.23.

³²См.: Панеях В. М. Борис Александрович Романов: письма друзьям и коллегам. С.136, 154, прим.22; Фурсенко А. А. Борис Александрович Романов// Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова /Отв.ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1991. С.12.

³³Панеях В. М. Проблемы истории России.. С.140.

³⁴Там же.

³⁵Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963. С.4.

что в 30-е годы он настойчиво доказывал существование рабовладельческой формации в Киевской Руси. В конце 50-х — начале 60-х гг. И. И. Смирнов выступил с обширными статьями по истории смердов и холопов,³⁶ а затем опубликовал книгу, посвященную социально-экономическим отношениям на Руси XII—XIII вв.³⁷ В предисловии к ней говорилось: «В своей работе автор опирался на тот колоссальный труд, который проделала советская историческая наука по исследованию истории древней Руси. Среди этих исследований автор считает необходимым особо выделить классический труд Б. Д. Грекова «Киевская Русь», где Б. Д. Греков изложил основы той концепции Киевской Руси как раннефеодального государства, которая сейчас получила всеобщее признание и которая служила и для автора настоящей книги предпосылкой при изучении Руси XII—XIII вв.».³⁸

Заявление И. И. Смирнова о приверженности к наследию Б. Д. Грекова оказалось по существу декларативным, когда исследователь приступил к осмыслению фактического материала. В отличие от Б. Д. Грекова, рассматривавшего VI—VIII вв. как «время становления феодальных отношений и возникновения феодальной собственности у восточных славян», а IX столетие в качестве конечной грани создания «феодального способа производства» и оформления «феодального базиса»,³⁹ И. И. Смирнов отнес завершение процесса феодализации к XI веку. Он писал: «Первоначальный период в развитии феодальных отношений в Древней Руси, период генезиса феодализма, в основном заканчивается в пределах XI в. К этому времени уже складывается и существует основа экономики феодального общества —

³⁶Смирнов И. И. 1) Проблема «смердов» в Пространной Правде// Исторические записки. 64. 1959; 2) К проблеме «холопства» в Пространной Правде. Холоп и феодальная вотчина// Исторические записки. 68. 1961.

³⁷Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.; Л., 1963.

³⁸Там же. С.4

³⁹Греков Б. Д. Киевская Русь. С.116, 117, 528, 533.

феодалная вотчина...». ⁴⁰

И. И. Смирнов полностью разошелся с Б. Д. Грековым в вопросе о древнерусском рабстве — холопстве. Если Б. Д. Греков говорил об угасании рабовладения на Руси XI—XII вв., то И. И. Смирнов, подобно Б. А. Романову, отмечал бурное развитие холопства в означенное время. Холопы-рабы перестают быть принадлежностью только «княжеского домена», вливаясь в челядь других владельцев, прежде всего бояр. Они становятся важнейшей категорией зависимого населения в Древней Руси и превращаются, можно сказать, в главную группу рабочего люда древнерусской вотчины. ⁴¹ Не входя в открытую полемику с Б. Д. Грековым по проблеме рабства в Древней Руси, И. И. Смирнов, тем не менее, фактически опровергал его.

Прямое несогласие с «главой советских историков» выразил А. П. Пьянков, поставивший под сомнение тезис об отмирании рабства в средневековой Руси и его якобы патриархальном только характере. ⁴² По мнению ученого, «развитие феодального строя не сокращало сферу применения холопского труда, а, наоборот, расширяло ее». ⁴³

Мысль А. П. Пьянкова насчет необоснованности предположения о том, будто рабство на Руси отмирало, разделял А. А. Зимин, ⁴⁴ который, оспаривая утверждение

⁴⁰Смирнов И. И. Очерки... С.5. По-иному смотрел на XI век Б. Д. Греков, находя в нем признаки «зрелого феодального строя» (Греков Б. Д. Киевская Русь. С.87.) Формирование крупного феодального землевладения он датировал VII-VIII вв. - Там же. С.125-126.

⁴¹Смирнов И. И. Очерки... С.123, 127.

⁴²Пьянков А. П. 1) Холопство на Руси до образования централизованного государства// Тезисы докладов и сообщений восьмой (московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.). М., 1965. С.19-20; 2) Холопство на Руси до образования централизованного государства// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970. С.42.

⁴³Пьянков А. П. Холопство на Руси до образования централизованного государства// Ежегодник... С.48.

⁴⁴Зимин А. А. Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV-XV вв.// Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова

Б. Д. Грекова о сокращении княжеского и боярского холоповладения на протяжении XIV–XV вв., не нашел в духовных грамотах указанной поры никаких свидетельств «увеличения отпуска холопов на свободу». Он даже высказал догадку, что на исходе XV века «абсолютная численность холопов (в связи с ростом феодального землевладения и народонаселения) несколько увеличилась». Вместе с тем «удельный вес несвободной челяди в хозяйстве феодала к концу изучаемого периода, очевидно, уменьшился». ⁴⁵

Важной вехой в познании истории восточнославянского и древнерусского рабства явилась книга А. А. Зимина «Холопы на Руси». Говоря о рабовладении у восточных славян, историк подчеркивает патриархальный его характер. Рабов в восточнославянском обществе заводили преимущественно с целью получения выкупа и продажи на внешнем рынке. ⁴⁶ На Руси XII–XIII вв. рабы теряют значительную роль в «торговом балансе» и все более тесно связываются с «хозяйственной жизнью растущей феодальной вотчины». ⁴⁷

Весьма существенную роль А. А. Зимин отводит рабам в процессе «формирования класса феодально зависимых крестьян». С одной стороны, этот класс образовывался «за счет постепенной ликвидации свободного сельского населения», а с другой — в результате «превращения холопов в крепостных крестьян». ⁴⁸ Это последнее социальное явление, по словам А. А. Зимина, «отмечалось в трудах советских историков, но сколько-нибудь серьезного значения исследователи ему не при- давали». ⁴⁹ И вот он постарался восполнить данный про-

/Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1967. С. 56.

⁴⁵ Там же. С. 71. В конце 60-х — начале 70-х гг. в советской историографии появились серьезные исследования, показывающие развитие и рост холопства на Руси XV–XVI вв. — См., напр.: Панель В. М. 1) Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967; 2) Холопство в XVI–начале XVII века. Л., 1975; Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.) М., 1971.

⁴⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) М., 1973. С. 9–50.

⁴⁷ Там же. С. 28.

⁴⁸ Там же. С. 6.

⁴⁹ Там же.

бел. Но, как бывает порою, чересчур увлекся и почти все феодальные элементы вотчинного населения (смердов, закупов, рядовичей) вывел из рабства — челядинства, или холопства.⁵⁰ А. А. Зимин, таким образом, с шиквой выполнил давнее пожелание М. М. Цвибака: показать, как рабство «превращается в источник феодализации, серваж». При этом историк никоим образом не отвергал «марксистскую концепцию о переходе Руси непосредственно к феодальному строю от первобытнообщинного, минуя рабовладельческую формацию».⁵¹ Однако пересмотр этой концепции не означал отхода от марксистской теории исторического процесса. Поэтому некоторые исследователи, оставаясь на почве марксизма, все же пытались истолковать общественный строй восточных славян с другой точки зрения.

Н. Л. Рубинштейн, всматриваясь в контуры социальной организации, проступающие в Древнейшей Правде, обнаружил «только две основные социальные категории — мужа и челядина. Муж — свободный общинник... Свободному общиннику — мужу противостоит патриархальный раб — челядин».⁵² Еще более решительны в своих заключениях А. П. Пьянков и В. И. Горемыкина: первый настаивал на существовании раннерабовладельческого общества у антов, а вторая — в Киевской Руси X—XI вв.⁵³ Однако большинство советских историков отвергло столь смелые попытки, сохраняя старое мнение о том, что переход восточнославянского общества к феодализму был совершен непосредственно от перво-

⁵⁰ Там же. С. 83, 96, 105, 117, 128, 135, 142.

⁵¹ Там же. С. 6.

⁵² Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 10.

⁵³ См.: Пьянков П. А. 1) Социальный строй восточных славян в VI—VIII вв. // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1969. С. 56–58, 62, 70; 2) Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980; Горемыкина В. И. 1) К проблеме истории докапиталистических обществ: (На материале Древней Руси). Минск, 1970; 2) Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. Минск, 1982.

бытнообщинного строя без каких-либо промежуточных рабовладельческих ступеней.

Какие выводы следуют из сделанного нами, по необходимости краткого экскурса в область отечественной историографии восточнославянского рабства? Первый вывод состоит в том, что проблема рабовладения у восточных славян до сих пор остается в современной исторической науке дискуссионной и потому нуждающейся в дальнейших изысканиях. Надо также сказать, что изучение процессов возникновения и развития рабства в социальной жизни восточного славянства имеет очень важное значение в сфере познания общественной эволюции наших предков. Наконец, без исследования рабства у восточных славян невозможно правильно понять историю рабовладения эпохи Древней Руси.

При ближайшем рассмотрении института восточнославянского рабства обнаруживается его тесная связь с данничеством, обусловленная общностью происхождения этих социальных явлений. Война, военное принуждение — единый источник рабства и данничества. Вот почему успешное изучение проблемы рабства без обращения к данничеству едва ли достижимо и, — наоборот. Однако со стороны общественных связей даннические отношения сами по себе представляют огромный интерес для историка.

В дореволюционной исторической науке данничество привлекало внимание исследователей в плане финансовой политики и удовлетворения материальных потребностей князя и его дружины. К этому надо добавить, что все написанное о данях в дворянской и буржуазной историографии представляет собой отрывочные высказывания, в лучшем случае — краткие очерки.⁵⁴

Советские историки относят данничество к важнейшим элементам формирования на Руси классовой организации. В современной исторической литературе наметились разные подходы в освещении дани как создающего феодальное общество начала. Согласно одному из них, «дани, виру, продажи, полюдь и прочие побо-

⁵⁴См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.134-147.

ны подрывали устой общины, разоряли экономически слабых общинников. Чтобы уплатить дань или для того, чтобы как-то просуществовать после разорительного сбора дани, им приходилось идти в кабалу к своим же богатым сообщинникам, к родо-племенной знати, разного рода «лучшим людям», «старой» или «нарочитой чледи», «старцам», ко «всякому князю», к тому же князю или его боярам-дружинникам. Так росла долговая кабала — один из источников формирования феодально-зависимого люда». ⁵⁵

Дань здесь, следовательно, подается в качестве причины обнищания общинников, загонявшего их в феодальную неволю. Но наиболее распространенным стал взгляд на дань как феодальную ренту. По мнению сторонников этого взгляда, учреждение даннических отношений среди восточнославянских племен сопровождалось «окняжением» — установлением верховной собственности князя или государства на земли данников, что и обобщало получаемой дани рентный характер: дань в это время выступала в качестве централизованной феодальной ренты, взимаемой корпорацией феодалов с «лично свободных непосредственных производителей». ⁵⁶ Перед нами концепция государственного феодализма в Киевской Руси, отдельные носители которой претендуют на последнее слово в исторической науке, ⁵⁷ не имея на то достаточных оснований.

«Окняжение» племенных территорий с вытекающим из него данничеством рассматриваются новейшими исследователями как факторы строительства древнерус-

⁵⁵ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1915. С.155-156.

⁵⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С.281-300.

⁵⁷ См.: Свердлов М. Б. 1) Критерии прогресса в изучении общественного строя Древней Руси// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год/ Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1986; 2) Образование Древнерусского государства: (Историографические заметки)// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992-1993 годов/ Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1995; 3) Общественный строй Древней Руси... С.312-317.

ской государственности. И «окняжение» и сбор дани они относят к числу основных признаков государства.⁵⁸

Таким образом, история данничества у восточных славян приобрела в современной исторической науке значение проблемы первостепенной важности. Но, как ни странно, приверженцы теории государственного феодализма на Руси до сих пор не удосужились свести воедино весь комплекс имеющихся в их распоряжении известий о данничестве у восточных славян, выявить происхождение этого института, проследить за эволюцией даннических отношений со времени их возникновения (или, во всяком случае, с первых упоминаний о них в источниках) до IX–X вв., когда данничество стало якобы главным двигателем феодализационного развития восточнославянского общества и важным элементом формирования государства.⁵⁹ Иными словами, данничество, даннические отношения в восточнославянском обществе по-настоящему еще не изучены. Налицо, следовательно, расхождение между выводами о феодальной природе дани на Руси IX–X вв., ее государственной сути

⁵⁸См., напр.: Котляр Н. Ф. 1) Север или юг (К вопросу о возникновении древнерусской государственности)// Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992; 2) О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995; Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы)// Там же; Пчелов Е. В. К вопросу о времени возникновения древнерусского государства// Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток, 1995. Критику построений Е. А. Мельниковой и Н. Ф. Котляра см.: Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии// Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей к 60-летию И. Я. Фроянова. СПб., 1996.

⁵⁹Следует заметить, что наши историки в основном сосредоточились на данничестве второй половины IX–X вв., оставив без должного внимания (за редкими исключениями) предшествующий период его развития.

и той исследовательской базой, на которой они построены. Выход из создавшегося положения один: монографический анализ даннических отношений у восточных славян на протяжении всей эпохи их существования, доступной обозрению современного историка.

Полагаем, что сказанное выше вполне мотивирует наше обращение к истории восточнославянского рабства и данничества VI-X вв.

Часть первая

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ РАБСТВО

РАБЫ У АНТОВ И СКЛАВИНОВ VI-VII вв.

Самые ранние письменные известия о славянах, выступающих под именем венедов, восходят к первым столетиям новой эры и содержатся в трудах греко-римских авторов: Гая Плиния Старшего, Публия Корнелия Тацита и Клавдия Птолея. Это — весьма фрагментарные и невыразительные известия, позволяющие предположительно определить лишь территорию, занимаемую венедями.¹ Сведения об укладе жизни славянских племен в них практически отсутствуют.

Начиная с VI века характер информации о славянах меняется. Она становится более подробной и разнообразной. Появляются рассказы византийских, латинских и других писателей, повествующие о хозяйственных занятиях, быте и нравах славянских племен, их религии, общественном строе, военной организации и т. д. Нет оснований сомневаться в достоверности этих рассказов. Надо согласиться с П. Н. Третьяковым в том, что «сообщения византийских, латинских и сирийских авторов VI-VII вв. об антах и склавинах являются первыми вполне бесспорными и обстоятельными историческими известиями о славянских племенах, в частности славянах на восточноевропейской равнине».²

¹См.: Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С.5-6.

²Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С.153.

По мнению современного исследователя славянской старины В. В. Седова, «анты и славяне (склавины. — И. Ф.) были отдельными племенами, имевшими собственных вождей, свое войско и ведущими самостоятельную политическую деятельность. Различия между ними, по-видимому, носили этнографический характер, а в языковом отношении не выходили за рамки диалектной дифференциации».³ Говоря о различии между племенами антов и склавинов, которое, несомненно, имело место, нельзя допускать крайностей, поскольку анты и склавины, по свидетельству византийцев, — племена, очень похожие друг на друга. «У обоих этих варварских племен, — извещает Прокопий Кесарийский, — вся жизнь и законы одинаковы... У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темнокрасные... И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же».⁴ С Прокопием созвучен Маврикий: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам».⁵

Наше внимание привлекают прежде всего анты, поскольку именно их многие исследователи отождествляют с восточными славянами в целом или с южной группой восточнославянского мира.⁶ Правда, в последнее время такое отождествление стало подвергаться сомне-

³ См. также: Левченко М. В. Византия и славяне в VI–VII веках // Вестник древней истории. 1938, № 4. С. 25. По Л. Нидерле, «более конкретно и подробно история начинает упоминать о восточных славянах лишь с IV и последующих веков нашей эры». — Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 139.

³ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 28.

⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 297.

⁵ Маврикий. Стратегикон // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 253. См.: Рыбаков Б. А. Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладельческого строя // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958. С. 47–48.

⁶ См.: Грушевський М. Історія України-Руси. В одинадцяти томах, дванадцяти книгах. Київ, 1913. Т. I. С. 176–177; Погодин А. Л. История славянских передвижений. СПб., 1901. С. 27; Середо-

нию и даже полному отрицанию. По словам В. В. Седова, предположение о соответствии антов восточной ветви славянства представляет ныне «чисто историографический интерес», ибо «археология определенно свидетельствует, что в V-VII вв. анты были отдельной этноплеменной группировкой славянства, сформировавшейся в III-IV вв. в составе черняховской культуры в условиях взаимодействия славян с ираноязычным населением... Анты — племенная группировка праславянского периода. Они вместе с иными праславянскими группировками приняли участие в этногенезе будущих восточных, южных и западных славян».⁷ Тем не менее В. В. Седов, обращаясь к «общим вопросам восточнославянской археологии», рассматривает хозяйство и общественный строй восточных славян, их религиозные верования, а также многое другое, используя исторические данные, относящиеся к антам.⁸ И это, на наш взгляд, вполне правомерно.

Столь же оправдано распространение на антов сведений, касающихся непосредственно склавинов. Несмотря на то, что эти племена, как верно замечал Н. С. Державин, представляли «собою два отдельные объединения», что «каждое из них в своих международных отношениях живет независимою друг от друга политическою жизнью, а в своих взаимоотношениях они не всегда поддерживали мирные, добрососедские отноше-

нин С. М. Историческая география. Пг., 1916. С.122; Сплицын А. А. 1) Русская историческая география. Пг., 1917. С.18; 2) Древности антов// Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С.492-495; Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С.6-14; Нидерле Л. Славянские древности. С.139-141; Греков Б. Д. Борьба руси за создание своего государства. М.; Л., 1945. С.7; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С.153-185; Державин Н. С. Славяне в древности. Б/м., б/г. С.12; Рыбаков Б. А. Славяне в Европе... С.49; Брайчевський Михайло. Конспект Історії України. Київ, 1993. С.34.

⁷Седов В. В. Восточные славяне... С.28. См. также: Седов В. В. 1) Славяне в древности. С.277-278; 2) Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С.81-84.

⁸См.: Седов В. В. Восточные славяне... С.238, 241, 242, 246, 247, 259, 260, 268, 272.

ния»,⁹ между ними было очень много общего, и это дает возможность историку видеть общественную жизнь антов там, где речь идет только о склавинах.

Таким образом, мы формулируем для себя два важных методических принципа, позволяющих проецировать материалы источников, касающиеся антов, на восточных славян, а относящиеся к склавиным, — на антов. Что же наблюдаем в результате?

Под пером византийских авторов анты и склавины выступают как гордый и свободолюбивый народ: «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране».¹⁰ И все же рабы у них были, причем во множестве. Славянское рабство питали прежде всего войны. Вот соответствующие данные. Согласно Прокопию, «большой отряд славян, перейдя реку Истр, стал грабить тамошние места, и забрал в рабство большое количество римлян».¹¹ В следующий раз уже анты «сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гони их перед собою, они вернулись с ними на родину».¹² Обращает внимание еще один эпизод: «Войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности».¹³ Прокопий сокрушается и о том, как однажды «огромная толпа славян нахлынула на Иллирию и произвела там неопишутые ужасы... варвары совершали ужасные опустошения. Во время этого грабительского вторжения, оставаясь в пределах империи долгое время, они заполнили все дороги трупами трупов; они взяли в плен и обратили в рабство бесчисленное количество людей и ограбили все,

⁹ Державин Н. С. Славяне в древности. С.12.

¹⁰ Маврикий. Стратегикон. С.253. А. П. Пьянкову думалось, что у Маврикия «имел в виду не рабство как таковое, а политическое подчинение» (Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980. С.91). Эту догадку он ничем не обосновывает.

¹¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. С.294.

¹² Там же. С.295.

¹³ Там же. С.337.

что можно... и со всей добычей ушли домой».¹⁴ Походы славян на Византию сулили им «бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей».¹⁵

В другом сочинении Прокопия, названном «Тайная история», читаем: «Почти каждый год с тех пор, как Юстиниан стал владеть Римской державой, совершали набеги и творили ужаснейшие дела по отношению к тамошнему населению гунны, склавины и анты. При каждом набеге, я думаю, здесь было умерщвлено и поработано более двадцати мириад римлян, отчего вся эта земля стала подлинно Скифской пустыней».¹⁶ И еще: гунны, славяне и анты разграбили большую часть Европы, «разрушив до основания одни города и тщательнейшим образом обобрава другие посредством денежных контрибуций... они увели в рабство население вместе со всем его достоянием и своими ежедневными набегами обезлюдили всю землю».¹⁷

Аналогичные сообщения находим и у других византийских авторов. По свидетельству Менандра, аварский каган Баян, воевавший со склавины, «возвратил свободу многим мириадам римских подданных, бывших в неволе у склавинов».¹⁸ Феофилакт Симокатта рассказывает о том, как византийский военачальник Коментиол, отражавший нападение славян, встретил возле Адрианополя славянского предводителя Ардагаста, который «вел по этим местам большие отряды славян и огромные толпы пленных с богатой добычей».¹⁹ Феофилакт упоминает еще один случай, когда византийский разведывательный отряд, посланный вперед военачальником Петром, столкнулся «с 600 славян, гнавшими большую добычу, захваченную у римлян. Еще недавно были опустошены Залдапы, Акис и Скопсис; и теперь они вновь грабили несчастных. Они везли добычу на огромном числе повозок. Когда варвары увидели

¹⁴ Там же. С.439.

¹⁵ Там же. С.373.

¹⁶ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. С.378.

¹⁷ Там же. С.392-393.

¹⁸ Вестник древней истории. 1941, № 1. С.248.

¹⁹ Там же. С.260.

приближающихся римлян и в свою очередь были ими замечены, они тотчас же бросились убивать пленных. Из пленников мужского пола были убиты все, бывшие в цветущем возрасте».²⁰

По известиям сирийского автора Псевдо-Захарии, писавшего почти одновременно с Прокопием Кесарийским, «в 27 году царствования Юстиниана (555 г. н. э.) полчище варваров пришло на селение Диобулион, сожгло его, равно и храм и пленило народ».²¹ А. П. Дьяконов отнес сообщение Псевдо-Захарии к славянам.²²

Итак, свидетельства древних писателей не оставляют сомнений в том, что у антов и склавинов VI–VII вв. существовало рабство, формируемое за счет пленников. Можно с полной уверенностью говорить об отсутствии в это время в славянском обществе внутренних источников порабощения. И здесь вспоминается любопытный случай, о котором поведал Прокопий Кесарийский. Вышло так, что «анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну... в этой войне анты были побеждены врагами», и «один славянин взял в плен юношу, едва достигшего зрелости, по имени Хильбудия». Затем враждующие племена примирились, а юноша-раб Хильбудий был куплен каким-то антом. Купленный вскоре рассказал своему новому хозяину, что он родом ант и потому, придя в родную землю, будет свободным согласно существующему в антском обществе закону.²³ П. Н. Третьяков отсюда сделал правильный вывод: «Рабом у антов мог быть лишь чужеземец; порабощение же соплеменников запрещалось обычным правом».²⁴ Более

²⁰ Там же. С. 265.

²¹ Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939, № 4. С. 89.

²² Там же.

²³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. С. 295–296.

²⁴ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С. 175. См. также: Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 11; Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI–начале VII века // Советское славяноведение. 1977, № 3. С. 55. А. П. Пьянков призывает понимать это место из Прокопия «более реалистично. Скорее всего здесь речь идет не о рабах вообще, а только о пленниках-рабах. Прокопий отмечает, что пленник-раб, так или иначе вернувшийся на родину, переставал быть рабом. Это

широко толкует известие Прокопия об анте Хильбудии Л. В. Данилова: «Рабы, зависимые и неполноправные разного рода в догосударственный период — это, несомненно, иноплеменники».²⁵ Нет никаких оснований говорить о разного рода зависимых и неполноправных среди славян, опираясь на свидетельство о Хильбудии. Если быть точным, то в данном случае мы можем вести речь лишь о рабах и приходиться к выводу о запрете у антов обращения в рабство членов собственного племени. Этот вывод вполне распространим и на другие славянские племена, поскольку тот же Прокопий, как мы знаем, отмечал полное совпадение общественных порядков у склавинов и антов.

Рассмотренный нами материал достаточно определенно указывает на то, что наиболее ранней формой рабства в восточнославянском обществе было порабощение военнопленных. Военные действия, следовательно, были у восточных славян первичным источником рабовладения. Все это вписывается в общие закономерности развития рабства у различных народов мира, выявленные современной этнографической наукой.²⁶

вполне естественно, ибо до взятия в плен он был свободным человеком. В рассмотренном сообщении Прокопия нет даже и намек на то, что анты и славяне не могли быть рабами у себя на родине» (Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя... С.91.) С тем же успехом можно сказать, что тут у Прокопия нет никакого намека на то, что анты и склавины могли быть рабами у себя на родине. Не стоит забывать, что Хильбудий вернулся к своим не просто как раб-пленник, а как *купленный* антом раб-пленник. По логике рассуждений А. П. Пьянкова, в этом случае Хильбудий должен был остаться в рабстве у нового хозяина, пополнив категорию рабов у себя на родине. Но ничего подобного не произошло, и Хильбудий заявил о своем праве быть свободным в племени антов не потому, что у себя дома ранее являлся свободным, а потому, что родом был ант. Следовательно, рабство соплеменников у антов и склавинов находилось под общественным запретом. Л. Нидерле с полным основанием говорил, что рабы у славян, «как и повсюду, первоначально были людьми иноземного происхождения». — Нидерле Л. Славянские древности. С.351.

²⁵ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С.130.

²⁶ См.: Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строи

Находящиеся в нашем распоряжении факты не дают оснований рассуждать о каких-либо переломных моментах в истории славянского рабства VI—начала VII вв. Между тем, в исторической литературе предпринимаются попытки найти такого рода моменты. Базируются они на некоторых известиях Прокопия Кесарийского, в частности тех, что касаются середины VI века, когда славяне взяли силой город Топер. «До пятнадцати тысяч мужчин они тотчас же убили и ценности разграбили, детей же и женщин обратили в рабство. Вначале они не щадили ни возраста ни пола... убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными телами... Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они и варвары из другого отряда, как бы упившись морем крови, стали некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой бесчисленные десятки тысяч пленных».²⁷

А. А. Зимин, следя за развитием отношений склавиков и антов к пленникам, замечает: «Если вначале жители покоренной земли были только врагами, подлежащими истреблению в пылу битв, то позже поголовное убийство сменяется массовым уводом в плен».²⁸ При этом он обращается к Ф. Энгельсу, который, характеризуя древнюю общину на переломе, вызванном в связи с появлением частной собственности и расслоением внутри общества, писал: «Сама община и союз, к которому принадлежала эта община, еще не выделяли из своей среды свободных, избыточных рабочих сил. Зато их доставляла война. До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом. ... Рабство бы-

о возникновение классового общества// Первобытное общество: основные проблемы развития/ Отв.ред. А.И. Першиц. М., 1975. С. 7; История первобытного общества. Эпоха классовобразования/ Отв.ред. Ю.В. Бромлей. М., 1988. С.201.

²⁷Прокопий из Кесарии. Война с готами. С.365-366.

²⁸Зимин А. А. Холопы на Руси... С.9

ло открыто».²⁹ А. А. Зимин берет на вооружение тезис Ф. Энгельса: «Прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень неравенства в распределении».³⁰ Надо сказать, что с точки зрения теории здесь многое справедливо.

Возражение вызывает стремление А. А. Зимина наложить приведенные теоретические выкладки на конкретную историю славянства VI века. По его мнению, выявленный Ф. Энгельсом «переломный момент не исчез для нас бесследно в глубине веков, не может быть отнесен к какому-то доисторическому периоду. Во всяком случае с полным основанием намеком на эту эволюцию в отношении к пленникам можно считать знаменитое рассуждение Прокопия Кесарийского в его "De bello Gothico" (написано во второй половине VI в.) о том, что "сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они, как бы упившись морем крови, ... стали некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой бесчисленные десятки тысяч пленных"».³¹ Это сообщение Прокопия дает, по словам Л. В. Даниловой «представление об изменившемся отношении славянских племен к побежденным врагам».³² Следовательно, и А. А. Зимин и Л. В. Данилова воспринимают «знаменитое рассуждение Прокопия Кесарийского» как отражение обособленных действий славянского войска, разделенных хронологически так, что позволяет исследователям говорить об эволюции отношений славян к «побежденным врагам» на протяжении какого-то длительного отрезка времени.³³

Присмотревшись внимательнее к данному тексту Про-

²⁹ Маркс К. и Ф. Энгельс. Соч. Т.20. С.185.

³⁰ Там же. С.164; Зимин А. А. Холопы на Руси... С.10.

³¹ Зимин А. А. Холопы на Руси... С.10.

³² Данилова Л. В. Сельская община... С.131-132.

³³ Помимо А. А. Зимина и Л. В. Даниловой, аналогичный ход мысли замечаем и у других исследователей. — См. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII-первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Л., 1968. С.155; Седов В. В. Восточные славяне... С.244; Попович М. В. Мироззрение древних славян. Киев, 1985. С.32.

мужчин при низком уровне развития экономики было затруднительно, поэтому они обычно уничтожались».³⁶ Правда, «бывали и исключения: иногда адаптировались и мужчины, если требовалось в какой-то мере возместить военные потери».³⁷ Впоследствии пленение взрослых мужчин стало обычным делом.³⁸

Византийские источники VI-VII вв. содержат сведения о взятии славянами в плен как женщин и детей, так и боеспособных мужчин, указывая, следовательно, на наличие в славянском обществе двух составных групп рабства, возникших из пленения и дальнейшей адаптации в семейные союзы женщин и детей, с одной стороны, а позднее взрослых мужчин, — с другой. Понимать это нужно так, что ко временам склавин и антов славянское рабство прошло достаточно длительный, двухступенчатый путь развития и стало привычным явлением в общественной жизни славянства.³⁹ Тем не менее оно заметно отличалось от византийского рабства. «У антов, — замечал В. В. Мавродин, — существовало рабство, но оно очень отличалось от того рабства, которое имело место в Византии».⁴⁰ Действительно, склавины

³⁶История первобытного общества... С.201.

³⁷Там же.

³⁸«Положение начало меняться с появлением в обществе регулярного избыточного продукта, когда возникли возможности производственного использования полонянина». - Там же.

³⁹Нельзя согласиться с И. И. Ляпушкиным, который полагал, будто рабство у славян возникло лишь в результате их движения на Балканы (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... С.155). Ближе к истине, на наш взгляд, А. П. Пьянков, когда он говорит, что в VI-VII вв. «рабство в обществе антов выступало как давно сложившееся явление» (Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980. С.89). Но с историком трудно согласиться в том, что «самые первые следы рабовладения у антов относятся к IV в. н. э., к тому времени, когда анты, во главе которых стоял гех (король) Бож, вели борьбу с готами» (Там же. С.89-90). Вернее было бы говорить о самых первых следах рабовладения, обнаруживаемых современным исследователем. Вероятно, рабство у славян существовало и ранее IV в., но отсутствие соответствующих данных не позволяет установить его начало.

⁴⁰Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

и анты, как извещает Маврикий, не держат пленников в рабстве «в течение неограниченного времени, но ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси, или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей». ⁴¹

В рассказе Маврикия нет ничего особенного, присущего исключительно славянам. Как явствует из наблюдений новейшей этнографии, на стадии раннего (по терминологии этнографов, «домашнего») рабства «статус раба отнюдь не был постоянным: по происшествии определенного времени раб мог превратиться в полноправного члена нового коллектива. Он мог вступать в брак, пользоваться в полной мере имущественными правами, его участие в общественной жизни и даже в военных мероприятиях никак не ограничивалось. Какой-либо специфический аппарат контроля и принуждения отсутствовал. Далеко не всегда рабское состояние было и наследственным; потомки рабов считались свободными». ⁴²

Возвращаясь к свидетельству Маврикия, отметим, что клавины и анты отпускали на свободу пленников-рабов, независимо от того, получал ли господин за них выкуп или нет. ⁴³ Недаром П. Н. Третьяков, толкуя данное свидетельство, говорил: «Даже в том случае, если пленных не выкупали, им через некоторый срок возвраща-

⁴¹ 49.

⁴¹ Маврикий. Стратегикон. С.253.

⁴² История первобытного общества... С.202. См. также: Хазанов А. М. Разложение первобытного строя... С.113-114.

⁴³ Едва ли прав Ю. А. Кизилов, полагающий, будто здесь перед нами «идиллическая картина рабства у восточных славян», нарисованная Мавриkiem «скорее для психологического воздействия на византийских солдат, опасавшихся славянского плена, чем для научно-познавательных целей» (Кизилов Ю. А. Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму // Вопросы истории. 1969, № 3. С.102). Эта догадка Ю. А. Кизиловой, по справедливому замечанию А. А. Зимина, не обоснована «анализом текста памятника» (Зимин А. А. Холопы на Руси... С.11). Она возникла под впечатлением известий о жестоком обращении с рабами, относящихся к XI-XII вв.

лась свобода».⁴⁴ Представляется весьма сомнительным утверждение А. П. Пьянкова, согласно которому находящиеся у антов рабы приобретали «себе свободу только за выкуп».⁴⁵ Не выглядят убедительными и его сомнения насчет достоверности сообщения Маврикия. Логика у исследователя такова: «В обществе антов и славян, где рабов продавали и покупали, нельзя допустить безвозмездный отпуск рабов на свободу, особенно если рабы имели возможность выкупиться. "Свобода и дружба", о которых писал Псевдомаврикий, не была бескорыстным отказом рабовладельца от своих "прав" на раба, а скорее всего означала наделение пленника-раба пекулием».⁴⁶ Не касаясь пока вопроса о рабском пекулии в социальной системе славян VI—начала VII в., заметим, что А. П. Пьянков приводит доводы «от здравого смысла», свойственного современному человеку, не пытаясь вникнуть в социальную психологию древних людей, которые делали свободными пленников-рабов по самым разным причинам: достижение ими совершеннолетия, усвоение языка и обычаев захватившего их племени, хорошее поведение и пр.⁴⁷

Известия Маврикия о срочном характере рабства у

⁴⁴Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.175. См. также: Нидерле Л. Славянские древности. С.299, 418; Мавродин В. В. Происхождение русского народа. С.49. По-другому рассуждал А. В. Мишулин: «Все порабощаемые могли выкупиться из плена через определенный срок, причем после выкупа рабы, получив свободу, выбирали — отправиться ли им обратно на родину, или остаться у славян в качестве "свободных друзей"» (Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи// Вестник древней истории. 1939, № 1. С.306). Трудно предположить, что каждый пленник выкупался на свободу. Были, конечно, и те, кто оставался невыкупленным. Но и такие лица в конечном счете выходили из неволи.

⁴⁵Пьянков А. П. Социальный строй восточных славян в VI—VIII вв.// Проблемы возникновения феодализма у народов СССР/ Отв.ред. З. В. Удальцова. М., 1969. С.61.

⁴⁶Пьянков А. П. Социальный строй восточных славян... С.62. См. также: Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980. С.92.

⁴⁷См.: Хазанов А. М. Разложение первобытного строя... С.113-114.

склавинов и антов привели некоторых историков к мысли о патриархальной сути славянского рабовладения. Но В. В. Мавродину, «ограниченный срок рабства, небольшой выкуп, возможность стать свободным и полноправным членом общины антов — все это говорит за патриархальный характер рабства».⁴⁸ Вместе с тем и В. Мавродин считал, что «рабство у антов переросло в патриархальную форму».⁴⁹ Последний тезис получил развитие у П. Н. Третьякова, отказавшегося рассматривать рабовладение у склавинов и антов «в качестве примитивного патриархального рабства, которое было распространено у всех первобытных народов и которое еще не играло большой роли в их социально-экономической жизни. Но это не было, конечно, и развитым рабовладением, оформившимся как целостная система производственных отношений».⁵⁰ И все же сла-

⁴⁸Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С.45. См. также: Мавродин В. В. Происхождение русского народа. С.52. Идея о патриархальном характере рабовладения у славян вызревала в советской исторической литературе с давних пор (см., напр.: Левченко М. В. Византия и славяне в VI-VII вв.// Вестник древней истории. 1938, №4; Мишулин А. В. Древние славяне...; Горянов Б. Д. 1) Славянские поселения и их общественный строй// Вестник древней истории. 1939, №1; 2) Славяне и Византия в V-VI вв. нашей эры// Исторический журнал. 1939, №10). Эта идея пользуется признанием и у новейших исследователей (см., напр.: Зимин А. А. Холопы на Руси... С.9-21; Мацилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С.132). П. Д. Греков к термину «патриархальное рабство» добавляет термин «домашнее рабство», говоря о «древнеславянском патриархальном домашнем рабстве». (Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С.180). Подобное смещение терминов «патриархальное рабство» и «домашнее рабство» наблюдается также в новейшей научной литературе. См.: Социально-экономические отношения и социоморфативная культура. М., 1986. С. 159.

⁴⁹Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 45.

⁵⁰Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.175. См. также: Третьяков П. Н. Общественный и политический строй восточнославянских племен в первой половине I тысячелетия// Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III-IX вв./ Отв.ред. Б. А. Рыба-

вянское рабство в антскую эпоху выходило уже за рамки первобытного патриархального рабства.⁵¹ Любопытно, что в первом издании своей книги о восточных славянах П. Н. Третьяков несколько иначе расставлял акценты. Там читаем: «Рабовладение у склавинов и антов, несомненно, имелось, но оно, по-видимому, очень недалеко ушло от того патриархального рабства, которое еще не играло большой роли в их социально-экономической жизни».⁵² Эти разночтения объясняются общим состоянием дел в советской историографии Киевской Руси, которое выразилось в стремлении во что бы то ни стало удревнить возникновение классового общества на Руси.⁵³

Помимо определений славянского рабства VI-VII вв. как патриархального или выходящего за рамки патриархальности в нашей историографии иногда встречаются и несколько расплывчатые выражения, окрашенные в бытовые тона: «мягкое обращение с рабами-военнопленными»,⁵⁴ «мягкие формы эксплуатации пленных (рабов)»,⁵⁵ «мягкие формы зависимости рабов».⁵⁶

Идею о патриархальности рабовладения у антов и склавинов отверг А. П. Пьянков. Славянское рабство, по его мнению, уже в VI веке «утратило свой патриархальный характер».⁵⁷ Он убежден в том, что восточнославянское общество VI-VIII вв. было рабовладельческим. По А. П. Пьянкову, «византийские авторы за-

ков. М., 1958. С.92.

⁵¹Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.291.

⁵²Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948. С.84.

⁵³См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.264-272.

⁵⁴Левченко М. В. Византия и славяне в VI-VII вв. С.30.

⁵⁵Свердлов М. Б. 1) Общественный строй славян в VI—начале VII века// Советское славяноведение. 1977, №3. С.54; 2) Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С.22.

⁵⁶Брайчевский М. Ю. Анты// Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т.1. С.639.

⁵⁷Пьянков А. П. 1) Холопство на Руси до образования централизованного государства// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г./ Отв.ред. В. К. Яцунский. М., 1970. С.43; 2) Социальный строй восточных славян... С.67.

фиксируют ту стадию в социальном развитии антов, которая отделяла прошлые времена первобытнообщинного строя от позднейшей феодальной поры. Анты VI в. находились на стадии раннего рабовладельческого общества». ⁵⁸ Иной взгляд у В. В. Седова: «Рабовладельческой формации у восточных славян не было. В эпоху разложения первобытнообщинного строя существовал лишь рабовладельческий уклад, не ставший основой экономической жизни, но способствовавший выделению и усилению знати». ⁵⁹

Таков спектр суждений современных исследователей о рабстве у склавинов и антов VI-VII вв. Какова степень их убедительности? Прежде всего нам кажется несостоятельной концепция А. П. Пьянкова о раннерабовладельческой природе восточнославянского общества, поскольку она не имеет серьезного обоснования в источниках. ⁶⁰ Вызывает сомнение и предположение относительно рабовладельческого уклада, представленного подобно в хозяйственной жизни славян той поры. Вряд ли можно склавинское и антское рабство подвести под социально-экономический уклад, т. е. особый тип хозяйства, ⁶¹ существующий в качестве отдельного сектора славянской экономики. Уклад соответствует более или менее сложившейся и устойчивой системе производственных отношений, чему решительно противоречит срочный статус рабов в местном обществе. Срочность рабства, возможность вхождения отпущенных на волю пленников-рабов в туземные общественные союзы на правах «свободных и друзей» — все это убедительный показатель неустойчивости и неупорядоченности рабовладения, социальной аморфности рабства, не организованного в уклад. Это и понятно, ибо много-

⁵⁸ Пьянков А. П. 1) Социальный строй восточных славян... С.62;

2) Происхождение общественного и государственного строя... С.93.

⁵⁹ Седов В. В. Восточные славяне... С.244-246.

⁶⁰ Доводы, приводимые А. П. Пьянковым в подтверждение своих положений, мы оценим ниже.

⁶¹ См.: Шапов Я. Н. О социально-экономических укладах в Древней Руси XI—первой половины XII в.// Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма/ Отв.ред. Л. В. Черепнин. М., 1970. С.85-119.

укладность есть «характерный и в высшей степени важный признак всякого докапиталистического классового общества». ⁶²

Зарождение же многоукладности, на наш взгляд, происходит не в условиях господства родовых отношений, а после их распада, в процессе которого складывается новая социальная структура, по терминологии А. И. Неусыхина, «общинная без первобытности». В ее основе лежат уже не кровнородственные, а территориальные связи. ⁶³ Именно в этот период появляется многоукладность и завязывается процесс классовообразования. В древнерусской истории это падает на конец X – начало XI в. ⁶⁴ Вся же предшествующая история восточнославянских племен развивалась в условиях родоплеменного строя, ⁶⁵ что исключало возникновение рабовладельческого уклада «в силу присущей первобытнообщинному обществу интеграции на кровнородственной основе». ⁶⁶

Нельзя признать удачным обозначение рабства у антов и склавинов как патриархального. ⁶⁷ По поводу тер-

⁶² Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С.18.

⁶³ См.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн.1. С.596-617.

⁶⁴ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990; 4) Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX–начала XIII столетия. СПб., 1992; 5) Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

⁶⁵ См.: Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян VIII–IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Вып. II. Сб. статей в память профессора М. И. Артамонова / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л., 1978. С.125-132.

⁶⁶ Данилова Л В Сельская община в средневековой Руси. С.145.

⁶⁷ По выражению М. Ю. Браичевского, это — «архаическое рабство». — Браичевский М. Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964. С.30.

лина «патриархальное рабство» определенные сомнения высказал А. М. Хазанов. «Наиболее ранние формы рабства, — говорил он, — обычно называют патриархальными или домашними. Первый термин в настоящее время представляется устаревшим, потому что "патриархальное" рабство в равной мере присуще и позднерусским обществам. Второе название вполне приемлемо, так как хорошо отражает главные особенности раннего рабства: отсутствие особого класса рабов и любой сферы применения рабского труда в общественном производстве».⁶⁸ В отношении термина «патриархальное рабство» А. М. Хазанов, наверное, прав.⁶⁹ Относительно же наименования «домашнее рабство» не все так очевидно, как может показаться поначалу.

Термин «домашнее рабство», пожалуй, более подходит к той стадии развития общества, когда род распадается на большие семьи, становящиеся основными производственными ячейками, а дом превращается в главную хозяйственную единицу.⁷⁰ Инкорпорированные в большую семью рабы и олицетворяли домашнее рабство. Аналогичным средоточием домашнего рабства могли выступать и малые семьи, возникавшие в ходе сегментации или разложения большесемейных союзов.

Эти соображения позволяют усомниться в обоснованности применения термина «домашнее рабство» к родоплеменным обществам. Адаптация пленника-раба родовым коллективом происходит на иной общественной почве, чем его вхождение в большую семью. Вклю-

⁶⁸ Хазанов А. М. Разложение первобытного строя... С.114.

⁶⁹ Следует отметить, что существенный недостаток данного термина заключается еще и в том, что он несет по смыслу в большей мере бытовую нагрузку, чем социальную.

⁷⁰ Не случайно слово «дом» в значении «хозяйство» употребляется в древнерусском языке с XI в. (Черных А. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1. С.262). Известный современный специалист в истории русского языка В. В. Колесов, прослеживая смысловую эволюцию термина «дом», отмечает, что «в родовом быту дом — это прежде всего населяющие его люди», а в «мире Древней Руси — хозяйство, и только ближе к нашему времени — здание, в котором может скрываться все это — и люди, и добро, и сама жизнь». — Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С.199.

чение «полоняника» в род осуществлялось через половозрастную систему, причем нередко с перспективой выхода на свободу. Так, у ленапов и делаваров мужские пленные, достигнув совершеннолетия, усыновлялись, занимая место тех, кто погиб на войне или умер другим путем. С момента усыновления они считались членами племени, к которому теперь принадлежали.⁷¹ Положение раба-пленника в родоплеменном коллективе напоминало скорее бытовую ущербность, нежели социальное неравенство. Его часто использовали на женских работах или принуждали к такому труду, который был особенно тяжелым, либо считался недостойным полноправного мужчины.⁷² Но главное заключалось в том, что это положение не было безысходным. Оно являлось временным. По истечении определенного срока раб, согласно нормам обычного права, получал свободу и возможность жить среди своих прежних хозяев в качестве полноправного члена родового общества. Домашнее же рабство в данном отношении — тупиковое. Выход из него на свободу зависел главным образом от воли господина, а не от обычая, хотя влияния последнего полностью отрицать не стоит. И все-таки решающее слово в судьбе домашнего раба или рабыни принадлежало господину — главе большой семьи.

Полагаем, что сказанного достаточно, чтобы отказаться от применения терминов «патриархальное рабство», «домашнее рабство» в связи с исследованием рабовладения в родоплеменном обществе. Более уместным здесь нам кажется термин «первобытное рабство», соответствующий родовой архаике, характеризующей эпоху первобытности.

К числу важнейших особенностей первобытного рабства необходимо отнести коллективное (родовое, племенное) владение рабами. По словам Л. С. Васильева, «как и любое иное добытое в бою или приобретенное иным способом на стороне имущество, движимое или недвижимое, рабы считались достоянием коллектива и использовались для его блага — будь то очистительная жертва с благодарностью за помощь богам либо пред-

⁷¹ Нибур Г. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. М., 6/1. С.60.

⁷² История первобытного общества... С.201-202.

...им, работа на храмовых полях во имя тех же богов или, наконец, услужение тем, кто возглавляет коллектив и управляет им».⁷³ А. М. Хазанов скептически воспринимает такого рода утверждения. Он пишет: «Мнение, что первоначально рабы являлись собственностью всей общины (так называемое общинное или коллективное рабовладение) представляется недоказанным, во всяком случае в качестве универсального явления. ... Более вероятно, что даже самые ранние формы рабовладения были частными, если не по форме, то по существу».⁷⁴ В том же духе высказывается А. И. Першиц: «Имеющее подчас место различие общинного и индивидуального рабства, по-видимому, неоправдано, так как отчетливые примеры коллективного рабства в этнографии и истории не зафиксированы...».⁷⁵ Не беремся судить о других народах, но относительно славян, а именно склавиров и антов, можем с достаточной уверенностью говорить, что сперва рабовладение у них было коллективным по существу и частным по форме. При этом носителем владельческих прав выступал не только род, но и племя. Каковы доводы?

Начнем с того, что пленения, производимые славянами в моменты их нападений на соседние земли, являлись, как правило, делом коллективным, но отнюдь не индивидуальным.⁷⁶ Пленники, согнанные в многотысячные толпы, доставлялись в славянские пределы усилиями всего войска, а не отдельных воинов, что запечатлено в большом количестве сцен, описанных византийскими авторами. Эти пленники, надо думать, находились в собственности всего народа до тех пор, пока их не делили между участниками похода. Такой порядок proceedings вытекает из свидетельства Прокопия Кесарийского о

⁷³ Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т.1. С.217.

⁷⁴ Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя... 113.

⁷⁵ Социально-экономические отношения и соционормативная культура. С.160.

⁷⁶ Бывали, конечно, случаи пленения и отдельными лицами, о чем рассказывает Прокопий Кесарийский, сообщая о войне между склавинами и антами, в которой «один славянин взял в плен юношу, едва достигшего зрелости по имени Хильбудия, и отвел его к себе домой». — Прокопий из Кесарии. Война с готами. С.295.

том, как «анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеколюбивому и мягкому хозяину».⁷⁷ Легко догадаться, что «судьба привела» пленника к его новому хозяину в результате раздела полона по возвращении антов домой.

Дележ награбленной в войне добычи производился по жребию, о чем можно догадаться, обратившись к сравнительно-историческим данным, взятым из истории древних франков. Эти данные, запечатлевшие архаическую традицию, донесла до нас легенда о суассонской чаше, рассказанная Григорием Турским в написанной им «Истории франков». От Григория узнаем о том, как после захвата франками Суассона «многие церкви были ограблены войском Хлодвига, ибо тогда он погрязал еще в заблуждениях язычества». Среди награбленных вещей оказалась удивительной величины и красоты чаша. И вот «епископ той церкви», откуда была похищена та чаша, отправил посланца к Хлодвигу с просьбой вернуть если не все, то хотя бы означенную чашу. «Выслушав эту просьбу, король сказал посланному: "Иди за нами в Суассон, ибо там будет дележ всего, что захвачено. Если мне достанется по жребию тот сосуд, который просит святой отец, я выполню [его просьбу]"... прибывши в Суассон, король сказал, когда сложил посередине всю добычу: "Прошу вас, храбрейшие воители, не откажите дать мне вне дележа еще и этот сосуд", — он имел в виду вышеупомянутую чашу». Но тут выступил один из воинов и, ударив чашу секирой, сказал: «Ничего из этого не получишь, кроме того, что полагается тебе по жребию». Хлодвиг смолчал.⁷⁸ В этом эпизоде Е. А. Косьминский усматривал отражение древних обычаев франков.⁷⁹ Суть их состояла в равном разделе награбленного по жребию. Со временем вождю (королю, князю) стала выделяться определенная фиксированная

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 48.

⁷⁹ Косьминский Е. А. История средних веков. Стенограммы лекций. М., 1937. С. 77.

часть добычи, подтверждение чему находим в одном из древнейших памятников славянской юридической мысли «Законе Судном людем», где читаем: «Плена же шестую часть достойт взимати княземь и прочее чю во все всим людемь в равну часть делитися от мала до велика, достойт бо княземь часть княжа, а прибыток людемь».⁸⁰

Вернувшись к свидетельству Прокопия Кесарийского о пленнике, которого в земле антов судьба привела к доброму и мягкому хозяину, заметим, что упоминание самой судьбы следует разуметь как намек на жребий, ноплощающий, так сказать, перст судьбы.

Переход раба-пленника посредством дележа в частные руки не означал полной и безусловной передачи коллективом своих прав на живой полон. Племя, по всей видимости, сохраняло какие-то верховные права на пленников и в этом случае. Довольно показательна здесь история антского юноши Хильбудия, взятого в плен склавинами и купленного потом неким антом, ошибочно принявшим его за известного военачальника ромеев, носившего то же имя. Покупая Хильбудия, тот наотправиться с ним к грекам, ант рассчитывал получить «великую славу и очень много денег от императора». Все это вначале «делалось тайно от остальных варваров. Когда же этот слух, распространяясь в народе, стал достоянием всех, то по этому поводу собрались почти все анты, считая это делом общим и полагая, что для них всех будет большим благом то, что они — хозяева римского полководца Хильбудия».⁸¹

Несмотря на необычность описанного Прокопием происшествия, можно все-таки полагать, что у антов и склавинов индивидуальное (частное) рабовладение не было единственной формой рабства. Больше того, оно не являлось безусловным и полным, поскольку, как мы убедились, над правом индивидуального рабовладельца возвышались права коллектива (рода, племени), обладавшего верховной собственностью на иноплеменников-рабов.⁸² Похоже, этим объясняется отсутствие сведе-

⁸⁰Закон Судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961. С.34; Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961. С.36.

⁸¹Прокопий из Кесарии. Война с готами. С.296-297.

⁸²Это еще раз выдает первобытность склавино-антского рабства.

ний о работорговле внутри племен склавинов и антов. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения говорят о межплеменной или международной торговле рабами, практикуемой этими племенами.⁸³ Впрочем, сфера и этой торговли едва заметна в источниках, будучи весьма невыразительной. Прав П. Н. Третьяков, когда говорит, что склавины и анты уводили пленных «главным образом с целью получения выкупа».⁸⁴ Правда, чуть ниже он пишет о торговле живым товаром склавинами и антами как о занятии привычном: «Рабов продавали и покупали».⁸⁵ Такая непоследовательность проистекает из сложности самой проблемы. Поэтому в историографии высказываются на сей счет диаметрально противоположные мнения.

По А. П. Пьянкову, «византийские авторы VI-нач. VII в., изображая общественный строй антов и южных славян, сообщают не только о наличии у них рабов, но и о торговле ими».⁸⁶ Отсюда он сделал важный вывод: «Купля-продажа рабов показывает, что в обществе антов существовали условия для применения рабского труда».⁸⁷ Всю свою теорию купли-продажи рабов в антском обществе А. П. Пьянков построил на рассказе Прокопия о Хильбудии. Историк не обращает внимания на тот факт, что Хильбудий был куплен антом не для того, чтобы заставить его работать на себя, а с целью получить «великую славу и много денег». Значит, для рассуждения о применении рабского труда в хозяйстве антской знати нет оснований.

Если А. П. Пьянков чересчур переоценивает значение работорговли в славянском мире, то А. А. Зимин вообще отрицает таковую. В VI-VII вв., по мнению ученого, славяне «принимают участие в работорговле только в

⁸³ Не случайно А. П. Пьянков, доказывающий широкое развитие работорговли у восточных славян, говорит, что анты приобретали рабов за деньги у своих соседей — южных славян. — Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя... С.90.

⁸⁴ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.175. Ср.: Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С.131.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя... С.90.

⁸⁷ Там же.

мчестве "страдательного" элемента, как объект продажи, товар-добыча, захваченная чужеземцами. Пленники рабы еще долго остаются как бы извне навязанными славянскому обществу, когда человеческая добыча захватывалась в покоренных землях наравне со всеми остальными видами сокровищ. При родовом устройстве, подвижном племенном образе жизни и патриархальных формах быта этот приток чужеземного населения, не находя себе прочного места в производстве и лишь частично растворяясь в потоке международной работорговли (это придет позднее), осаждался на новых местах "в качестве свободных и друзей"⁸⁸.

Точки зрения А. А. Зимина и А. П. Пьянкова представляются нам двумя крайностями, далекими от реальной жизни славянского общества. Более здравый подход проявил в одной из своих ранних работ Б. А. Рыбаков. Остановившись на сообщении Прокопия о покупке антом раба у славянина, он замечает: «Делать отсюда вывод о существовании широко развитой работорговли нельзя, но факт сам по себе примечательный». Оригинально исследователь понимает существо выкупа византийцами своих сограждан из славянского плена: «Получение антами выкупа за плененных во время набега византийцев являлось уже первичной, еще не развернутой формой работорговли. Раб-военнопленный не превращался в товар, его "отпускали" на родину, но у антского дружинника, получившего этого раба при разделе добычи, оказывалась известная сумма жизненных благ после того, как его раб выкупался на волю»⁸⁹. И все же выкуп есть выкуп, а не работорговля на внешнем рынке. Выкуп, вероятно, не знал сравнительно быстро меняющейся конъюнктуры рынка на цену раба, будучи более или менее стабильным. Вот почему у Маврикия читаем, что славяне и анты отпускали пленников домой «за известный выкуп»⁹⁰. Но как бы там ни было, ясно одно: нет должных оснований ставить знак равенства между выкупом пленников и торговлей рабами. Это — разные

⁸⁸Зимин А. А. Холопы на Руси... С.13.

⁸⁹Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь// Вестник древней истории. 1939, № 1 (6). С.332.

⁹⁰Маврикий. Стратегикон. С.253.

по роли и значению в общественной жизни явления.

С нашей точки зрения, не следует полностью отрицать куплю-продажу рабов склавинами и антами. Однако не стоит и преувеличивать ее масштабы. Рабами они порою торговали, но не внутри собственных племен, а вне, т. е. работорговлю вели с другими племенами и народами. И все же главной формой обогащения, связанного с пленниками, надо считать не торговлю, а выкуп каждого пленника.

Суммы, полученные славянами в качестве выкупа, впечатляют. Приведем лишь один пример, относящийся к концу правления Анастасия (491–518 гг.), когда геты, или славяне,⁹¹ прошли и опустошили Македонию, Фессалию, на юге дошли до Фермопил, на западе — до старого Эпира, повторив тот самый путь, которым шел Атила, сея разорение и смерть. Они захватили великое множество римлян, и «Анастасий был вынужден послать тысячу фунтов золота на выкуп пленных».⁹² Страсть к богатству и готовность Византии тратить огромные средства на выкуп своих несчастных сограждан, оказавшихся в плену и рабстве у завоевателей, толкали славян на бесчисленные походы за пленниками. Чтобы лучше понять, насколько солидной и разработанной была выкупная система в Империи, послушаем современного исследователя социальной истории византийского общества.

Г. Е. Лебедева говорит о появлении специального законодательства, которое касается «весьма широко распространившейся в IV–VI вв. (в связи с усилившимися варварскими вторжениями) практики выкупа захваченных в плен. Дальнейшее развитие римского законодательства о выкупе по существу начинается со времени Гордиана. Но основная масса законов, содержащихся в кодексах (18) и свидетельствующая об возрастающем значении этой проблемы, приходится на эпоху Диоклетиана и последующий период. В связи с увеличением числа захваченных варварами жителей империи и расширением практики их выкупа организующая роль в этом деле со временем все более возлагалась на мест-

⁹¹См.: Левченко М. В. Византия и славяне... С.37; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С.53.

⁹²Левченко М. В. Византия и славяне... С.37

ную церковь, епископа; иногда для выкупа пленных использовались церковные фонды и добровольные пожертвования (эта практика получила более или менее широкое распространение в VI в.)».

Обнаруживаются довольно интересные обстоятельства, побуждавшие "жертвователей" к такой "благотворительности": они приобретали определенные права на освобожденных (выкупленных) из плена. «Как показывает законодательство, "частный" выкуп пленными нередко имел конкретной целью, особенно в опустошенных пограничных провинциях, дополнить хозяйства "принудительной" рабочей силой. Хотя юридически бывшие свободные в принципе по-прежнему считались таковыми, фактически они оказывались во временном или постоянном рабстве у выкупивших. Попавшие в плен, сделавшись там рабами и затем выкупленные, они как бы продолжали и юридически считаться в рабском состоянии до момента окончательной расплаты...».⁹³ Г. Е. Лебедева прослеживает у "жертвователей" отчетливую тенденцию «упрочить свои права на выкупленных из плена, удержать их в качестве рабов или низвести к подобному статусу».⁹⁴ Вот почему «правительство вынуждено было принимать крайние меры, чтобы сдержать попытки полного порабощения выкупленных, угрожая нарушителям ссылкой, работами в рудниках, конфискацией имущества, а чиновникам штрафом в 10 ф. золота за неприимные мер к своевременному освобождению выкупленных. Закон имел в виду прежде всего земельных собственников, акторов, прокураторов, кондукторов. Двадцать законов по этим вопросам, включенных в Кодекс Юстиниана и дополненных в VI в. новыми законами об организации более массового выкупа военнопленных, свидетельствуют не только об актуальности этих проблем в VI в., но и, бесспорно, о фактическом росте размеров использования труда военнопленных».⁹⁵

⁹³ Лебедева Г. Е. 1) Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства // Византийский временник. М., 1975. Т.36. С.34-35; 2) Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С.34-35.

⁹⁴ Лебедева Г. Е. Социальная структура... С.35.

⁹⁵ Там же. С.35-36.

Как видим, анты и склавины могли не беспокоиться насчет выкупа взятых ими в плен жителей Империи. Об этом усердно заботились и сами римляне. Поэтому совсем не обязательно связывать, подобно А. П. Пьянкову, возможность выкупа раба у славян с предоставлением ему пекулия — личного хозяйства.⁹⁶ Рабов-пленников выкупали весьма заинтересованные в том их соотечественники. Тех же, кто не был выкуплен, анты и склавины через определенный срок отпускали на свободу в качестве «свободных и друзей». Следовательно, отсутствие возможности выкупиться не обрекало пленника на бессрочное рабство. Оно служило лишь препятствием для его возвращения на родину, и он был вынужден войти в новое общество, но уже на положении свободного, хотя, быть может, и несколько ущемленного в правах.

Не только ради выкупа славяне захватывали пленных. Известно, что в древности плен был источником возмещения убиты боеспособных мужчин, являвшейся естественным следствием войн.⁹⁷ О существовании у славян такой практики можем судить на примере упоминавшегося уже нами Хильбудия. Взятый в плен «одним славянином», он «оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным. Не раз подвергаясь опасностям из-за своего господина», Хильбудий «совершил много славных подвигов и смог добиться для себя великой славы».⁹⁸

Рабы-пленники использовались и в качестве слуг, в первую очередь в домах предводителей и знатных членов племени. А добытые в военных экспедициях женщины становились наложницами победителей, ублажая своих господ «на этом» и «на том» свете. Последнее следует из ритуального умерщвления рабынь после кончины господина, на что, кажется намекает Маврикий, рассказывая о славянах и антах: «Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство считают смерть своего мужа своей

⁹⁶Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя... С.92. О том, насколько правомерны рассуждения А. П. Пьянкова о пекулии у славян, см.: Свердлов М. Б. Общественный строй славян... С.55.

⁹⁷История первобытного общества... С.201.

⁹⁸Прокопий из Кесарии. Война с готами. С.295.

смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь».⁹⁹ Возможно, за этими словами Маврикия скрывается обычай удушения рабынь, совершаемый при похоронах их хозяев. Не исключено, что нечто сходное видел в начале X в. Ибн Фадлан, наблюдавший за похоронами знатного руса. Девушку-рабыню, добровольно изъявившую согласие последовать за умершим, «уложили рядом с ее господином. Двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, пришла старуха, называемая ангелом смерти, наложила ей на шею веревку с расходящимися концами и дала ее двум [мужам], чтобы они ее тянули, и приступила [к делу], имея [в руке] огромный кинжал с широким лезвием. Итак, она начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла».¹⁰⁰

О ритуальном убийстве славянами женщин сообщает и Ибн Русте: «Если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она это сделает, скамью убирают и под нее и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает».¹⁰¹

Естественным образом напрашивается сопоставление известий восточных авторов с рассказом Маврикия. И оно уже предпринималось историками. «Сообщение Маврикия о самоубийстве жен на могилах мужей, — писал В. В. Мавродин, — говорит о рабстве, а именно — о ритуальном убийстве рабынь на могиле своего господина. Обычай, бытовавший у русов в IX–X вв. и опи-

⁹⁹ Вестник древней истории. 1941, № 1. С. 253.

¹⁰⁰ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 145.

¹⁰¹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 388.

санный Ибн-Фадланом». ¹⁰²

Языческий обряд похорон воинов, сраженных в бою, требовал обильных человеческих жертвоприношений, материалом для которых служили пленники. Сохранилось на этот счет хотя и позднее, но отражающее давние обычаи восточных славян свидетельство Льва Диакона, повествующего о том, как после кровопролитного сражения при Доростоле воинов Святослава с греками «наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] младенцев и петухов, топя их в водах Истра». ¹⁰³

Надо думать, что пленников приносили в жертву не только по случаю похорон, но и в связи с другими обстоятельствами, требующими человеческих жертвоприношений. С этой точки зрения пленник-раб — потенциальная языческая жертва. Принесение в жертву военнопленных получило широкое распространение у древних народов. ¹⁰⁴ Так, скифы устраивали особые святилища, где в жертву божеству приносили скот и пленников. По верованиям германцев бог сражений и смерти Один (Водан, Вотан) «должен быть умиловителен человеческой кровью. Страбон сообщает, что кимвры вешали пленников над большими бронзовыми сосудами, а жрицы, одетые в белое, взбирались к жертвам по лестницам и перерезали им горло, так что кровь лилась в поставленные сосуды. По Иордану, готы ублажали Марса жесточайшим культом: жертвою ему было "умерщвление пленных". У ацтеков необходимость войны стала одной из основных концепций их религии. Целью войн, которые они должны были вести с соседями, считался захват пленных для принесения их в жертву богу Уитцилопочтли, отождествленному с Солнцем. Кровь жертв поддерживала жизнь светила (бога)». ¹⁰⁵ Пленные ра-

¹⁰² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 46.

¹⁰³ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 78.

¹⁰⁴ См.: Религиозные верования. Вып. 5. М., 1993. С. 80.

¹⁰⁵ Там же. С. 51.

ны, следовательно, были необходимы для отправления ищического культа. Отсюда ясно, что многочисленные и массовые пленения врагов, производимые антами и склавинами, были также продиктованы в немалой мере религиозными причинами.

Итак, захватывая в плен жителей соседних земель, славяне VI—VII вв. преследовали бытовые, матримониальные и религиозно-обрядовые, но отнюдь не производственные цели, что, впрочем, не отрицает какого-то использования труда рабов-пленников.¹⁰⁶ И все же главный стимул многолюдных полонов — стремление к накоплению богатства,¹⁰⁷ обусловленное как высшими духовными, так и прозаическими потребностями. Затронем некоторые из них.

Склавины и анты, нападая на соседей, сами подвергались вражеским нашествиям и оказывались в положении побежденных. От Менандра узнаем о том, как ивары грабили и опустошали землю антов.¹⁰⁸ С Менандром перекликается древнерусский летописец, повествующий о «великих телом» и «гордых умом» обрах, которые «воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущия словены...».¹⁰⁹ Чтобы избавиться от разорительных набегов более сильных неприятелей, уберечь соплеменников от плена и порабощения, надо было славянам платить дань «мира деля», на что требовались значительные средства.

Славяне, как мы убедились, получали большие богат-

¹⁰⁶ Необходимо понимать различие между использованием труда пленных рабов и эксплуатацией этого труда. В первом случае рабы-пленники трудятся вместе и наряду с представителями племени и родов, в плену у которых они находятся, а во втором они составляют отдельную и замкнутую социальную группу, резко отличающуюся от остальной свободной массы производителей.

¹⁰⁷ Богатства славян росли не только благодаря выкупам за пленных, но и за счет грабежа имущества, драгоценностей, угона скота. По свидетельству Менандра, каган аваров Баян не без основания предполагал, что «склави́нская земля изобилует деньгами, потому что издавна склавины грабили римлян... их же земля не была разорена никаким другим народом». — Вестник древней истории. 1941, № 1. С. 248.

¹⁰⁸ Там же. С. 247.

¹⁰⁹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 14.

ства за счет выкупа пленных римлян. Но им приходилось заботиться и о своих людях, взятых в плен врагами. Неизвестно, насколько часто приходилось проявлять такую заботу. Но один любопытный эпизод, связанный с попыткой выкупа антами представителей своего племени, находившихся в плену у аваров, описан Менандром: «Анты отправили к аварам посланника Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, и просили допустить их выкупить некоторых пленников из своего народа».¹¹⁰ Миссию Мезамира постигла неудача. Он обращался к аварам свысока, «закидал их надменными и даже дерзкими речами». Авары убили антского посланника. Выкуп пленных не состоялся. Но сама по себе попытка выкупа антами «пленников из своего народа» показательна. Если предположить (а это вполне резонно), что славяне выкупали пленных сородичей более или менее регулярно, то им опять-таки нужны были значительные средства.

Проведение завоевательных походов тоже требовало больших денежных затрат, поскольку путь славянских отрядов проходил через владения таких как и они варваров, с которыми надо было договариваться о беспрепятственном движении по их землям, а то и пользоваться помощью при переправах через крупные реки. Так позволяет думать свидетельство Прокопия Кесарийского о славянах, нахлынувших на Иллирию в правление императора Юстиниана. Византийская армия была бессильна противостоять им. «Даже при переправе через Истр (на обратном пути. — И. Ф.) римляне не могли устроить против них засады или каким-либо другим способом нанести им удар, так как их приняли к себе гепиды, продавшись им за деньги, и персправили их, взяв за это крупную плату: плата была — золотой статер с головы».¹¹¹ По словам А. Л. Погодина, это показывает, как «богаты были славяне».¹¹² Точнее было бы сказать, что описанный Прокопием случай свидетельствует, как обогащали славян грабительские походы. Этот же случай говорит и о том, что часть награбленных богатств

¹¹⁰ Вестник древней истории. 1941, № 1. С.247.

¹¹¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. С.459.

¹¹² Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. С.58.

вплывала из рук завоевателей, пока они добирались до дому. Вообще войны создавали, так сказать, эффект перемещения ценностей, когда богатства в результате изменчивости и непостоянства военного счастья, удачи переходили от одних племен к другим. Славяне не составляли здесь исключения. Приобретая богатства посредством вооруженных набегов и получения огромных выкупов за пленных, они должны были отдавать их соседям, чтобы обезопасить себя от разорительных вторжений извне, выкупать своих соплеменников, попавших в плен к врагам, обеспечивать себе передвижение в походе по чужой территории и т. д. То были, как видим, лишние траты. А как богатства использовались славянами внутри собственного общества? Отвечая на поставленный вопрос, нельзя не учитывать выводов, содержащихся в исследованиях о назначении и роли богатства в древних обществах.

Теперь мы знаем, что богатство в архаические времена воспринималось совсем иначе, чем сейчас. Оно не имело столько утилитарное значение, сколько было орудием социального престижа, опорой личной власти и влияния. «Понятие ценности было проникнуто магическими религиозными и этическими моментами. Экономическая деятельность была обставлена ритуалами и мифами, являлась неразрывной составной частью социального бытия». ¹¹³ Нельзя правильно понять страсть варваров к золоту и серебру, отвлекаясь от их религиозных верований. Можно утверждать, что «в течение долгого времени деньги представляли для варваров ценность не как источник богатств, материального благосостояния, а как своего рода "трансцендентные ценности", нематериальные блага». ¹¹⁴

У древних людей существовал «взгляд на золото и серебро как на такой вид богатства, в котором материализуются счастье и благополучие человека и его семьи, рода. Тот, кто накопил много ценных металлов, приобрел средство сохранения и приумножения уда-

¹¹³ Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 65, 68.

¹¹⁴ Там же. С. 72, 75.

чи и счастья. При этом золото и серебро сами по себе, безотносительно к тому, в чьих руках они находятся, не содержат этих благ: они становятся сопричастными свойствам человека, который ими владеет, как бы "впитывают" благополучие их обладателя и его предков и удерживают в себе эти качества». ¹¹⁵ Полагаем, что отношение антов и склавинов к богатству было во многом схожим. И тут настал момент коснуться проблемы «антских кладов», найденных археологами в пограничных районах леса и степи, а также в Среднем Поднепровье — восточном, как считают некоторые исследователи, центре антской земли. ¹¹⁶

В научной литературе нет единого мнения относительно этнической принадлежности «кладов». ¹¹⁷ Положим все же, что сторонники славянской атрибуции этих археологических находок правы. Прислушаемся к ним.

По словам П. Н. Третьякова, «клады антского времени состоят обычно из золотых, серебряных и бронзовых украшений, нередко инкрустированных самоцветами или цветным стеклом, из монет, драгоценной посуды, вооружения и т. д. Наряду с вещами местного произ-

¹¹⁵ Там же. С.72. См. также: Гуревич А. Я. Историческая наука и научное мифотворчество (Критические заметки)// Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. 1995. 1(119). С.85.

¹¹⁶ См.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.182.

¹¹⁷ Специалисты обычно относят их к славянам (см.: Бобринский А. А. Перещепинский клад// Материалы по истории России. Пг., 1914. №34. С.119-120; Спицын А. Древности антов. С.492-495; Рыбаков Б. А. 1) Анты и Киевская Русь. С.330, 332; 2) Славяне VI в. н. э. Предпосылки образования Русского государства// История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. Т.1. С.347; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.182, 184; Брайчевский М. Ю. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослав'янських племен VI-VIII ст.// Археологія. Київ, 1950. Т.IV. С.37-41; Сміленко А. Г. Глодоські скарби. Київ, 1965. С.54-58; Седов В. В. Восточные славяне. С.246). И. И. Ляпушкин высказывает по этому поводу сомнения, считая, что так называемые «антские клады» оставлены кочевниками (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы. . С.157-158). См. также: Степи Евразии в эпоху средневековья/ Отв.ред. С. А. Плетнева. М., 1981 С.13, 18, 21.

подства в кладах встречаются предметы византийского или сасанидского художественного ремесла — главным образом золотая и серебряная посуда. Вес драгоценного металла в некоторых кладах измеряется несколькими килограммами. Известный клад драгоценного оружия, художественной посуды и украшений, найденный в 1912 г. у с. Малая Перещепина Полтавской обл., содержал более 20 кг одного лишь золота. Так или иначе, но ценилось в варварской среде и художественное качество изделий. Клад подобного состава представлял собой поистине несметное богатство, в сотни раз превосходящее стоимость имущества и хозяйства средней семьи.¹¹⁸ Помимо перещепинского клада, выделяются суржанский, обоянский и др., зарытые вдоль лесостепной полосы.¹¹⁹

Перещепинский клад породил в воображении А. А. Бобринского красочную картину шумного застолья, устроенного славянским князем: «Можно себе представить такой-нибудь "почестен-пир" славянского вождя VII в. в сто кочевом стане недалеко от Полтавы, когда на столах фигурировало все награбленное добро: византийские и восточные золотые и серебряные блюда и сосуды». Но шли годы, и «перещепинским владыкам пришлось в свою очередь испытывать ужасы страха перед победоносным врагом, приходилось спасаться бегством. С востока надвигаются новые, еще более одичалые и сильнее племена, и противостоять им нет возможности. И вот, в песчаных дюнах близ Полтавы славянский князь инскаро закапывает и упрячивает свои сокровища. И надо отдать ему справедливость — запрятал он их хорошо».¹²⁰

Рассматривая клад, Б. А. Рыбаков представляет образ богатого антского князя, зарывшего «сундук с вещами, накопленными несколькими поколениями».¹²¹

От признания факта принадлежности перещепинского клада славянскому князю, т. е. представителю знати, наши историки очень скоро перешли к социологическим обобщениям. «Клады антов» стали рассматриваться

¹¹⁸ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С. 182.

¹¹⁹ Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. С. 330.

¹²⁰ Бобринский А. А. Перещепинский клад. С. 119, 120.

¹²¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 101.

как показатель имущественной и социальной дифференциации в восточнославянском обществе. Еще на исходе 30-х годов Б. А. Рыбаков по поводу этих кладов писал: «Совершенно естественно, что владельцы подобных сокровищ были неизмеримо богаче своих сородичей. Появилось имущественное неравенство, возраставшее с каждым удачным походом».¹²²

В. В. Мавродин, приведя данные о «кладах антов», заключил: «Каждый удачный поход обогащал предводителя антских дружин. Росла имущественная дифференциация».¹²³ По словам П. Н. Третьякова, «сокровища Перещепинского клада бесспорно принадлежали какому-то удачливому военачальнику, водившему свои дружины в пределы Византийской империи». В целом же клады рисуют ему «убедительную картину имущественного неравенства, того, что некоторые семьи или лица являлись обладателями огромных богатств».¹²⁴ Сходные мысли высказываются в настоящее время. «О том, что какая-то часть славянского населения выделилась в экономическом отношении из остальной массы, — заявляет В. В. Седов, — ярко свидетельствуют клады, сосредоточенные преимущественно в южных районах восточнославянского ареала. Эти клады оставлены не рядовыми членами общества, они принадлежали знати».¹²⁵

Столь же однообразно звучат суждения ученых о причинах зарытия кладов. Оказывается, то были сугубо земные материальные причины, связанные с опасностью, грозившей владельцам богатств, укрывавшим свои сокровища от врагов (внешних и внутренних), чтобы потом при перемене обстоятельств вернуть себе их снова. В качестве образца такого рода суждений сошлемся на выводы Г. Ф. Корзухиной, касающиеся, правда, кладов более позднего времени, но достаточно показательные и в нашем случае. Г. Ф. Корзухина пишет: «Суммируя все сказанное о причинах зарытия кладов в

¹²² Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. С.330-331.

¹²³ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.44, 45.

¹²⁴ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.182, 185.

¹²⁵ Седов В. В. Восточные славяне... С.246. Перещепинские древности В. В. Седов относит то к славянам (там же. С.20, 22), то к тюркоязычным кочевникам (там же. С.24).

домонгольский период, можно сказать, что клады зарывались, во-первых, в период формирования территории Киевского государства в условиях борьбы за объединение славянских племен и включение некоторых иноязычных племен в состав Киевской Руси; во-вторых, в связи с острой социальной борьбой внутри Киевского государства вследствие усиления феодального гнета, нередко приводившей к широким народным восстаниям против феодального гнета; в-третьих, вследствие бесконечных межкняжеских войн, особенно усилившихся в период феодальной раздробленности, и, в-четвертых, в связи с непрекращающейся борьбой против кочевников, которые были на протяжении всего домонгольского периода бичом для древней Руси...».¹²⁶

Все приведенные выше соображения есть следствие одностороннего взгляда на богатство как на явление чисто экономическое, характеризующее процессы имущественного и социального расслоения первобытного, в частности славянского, общества. Они базируются на слишком упрощенном, прямолинейном понимании восточнославянской истории, на избыточной вере в способность открыть ее тайны одним лишь ключом материалистического познания. Однако следует отказаться от закоренелых привычек и сделать более разнообразным инструментарий проникновения в секреты прошлого, иначе — подойти к проблеме богатства не только с материальной, но и с духовной, религиозной точки зрения. И тут открывается нечто неожиданное и захватывающее.

Древние люди, доверяя земле богатства, «стремились сохранить их с тем, чтобы взять с собой в загробный мир, подобно тому как при переселении в мир иной им нужны были оружие, предметы обихода, кони, собаки, корабли, слуги, которых зарывали в курган вместе с покойным вождем или другим знатным человеком... Серебро и золото, спрятанные в землю, навсегда оставались в обладании их владельца и его рода и воплощали в себе их удачу и счастье, личное и семейное благополучие».¹²⁷ Нет ничего невероятного в том, что славяне

¹²⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С.47.

¹²⁷ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма... С.74-75. См.

VI–VII вв. зарывали клады с аналогичной целью. Но возможно в кладах отразилось и другое: отношение славян к земле.

Сакрализация земли – явление, присущее многим традиционным обществам.¹²⁸ Особая роль земли, дающей благополучие и процветание людям, породила и особое к ней отношение. Земля обожествлялась. Древние верили, что «все уголья — обрабатываемые и необрабатываемые — принадлежат особым духам земли... , находятся в совместном владении живых, умерших и еще неродившихся поколений».¹²⁹ Любой участок земли считался обладающим магической силой и табуировался «как обитель духа».¹³⁰ Земля, по верованиям африканцев, излучает магическую силу, дарующую «правителю харизматическую власть над страной и ее населением».¹³¹

Есть основания говорить о том, что славяне-язычники почитали землю как бога,¹³² что у них существовал культ земли.¹³³ Земля, согласно их воззрениям, — «мать человека, породившая его из своих недр, жалеющая и

также: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С.147; Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С.83.

¹²⁸См.: Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси С.28.

¹²⁹Община в Африке: Проблемы типологии /Отв.ред. С. А. Токарев. М., 1978. С.80.

¹³⁰Традиционные и синкретические религии Африки/ Отв.ред. Ан.А.Громыко. М., 1986. С.211.

¹³¹Там же. С.213.

¹³²Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. М., 1994. Т.1. С.142; Смирнов С. Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913 С.262.

¹³³Смирнов С. Древнерусский духовник... С.265. С. А. Токарев высказывается об этом в осторожной форме: «Видимо, был (у древних славян. — И. Ф.) культ богини земли, хотя прямо он не засвидетельствован» (Токарев С. А. Религия в истории народов мира М., 1965. С.229). На фоне последних исследований Б. А. Рыбакова по истории славянского язычества эта осторожность становится излишней. — См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981 Гл.6-7.

искущаяся о нем при жизни и возвращающая его в свое лоно по смерти». Она «мыслилась как судия и как искупительница грехов. Ею клялись, при чем целовали и даже ели землю».¹³⁴ В исповеди ей поверяли сокровенные тайны, молили о помощи и прощении прегрешений.¹³⁵ Земля воспринималась, как живая: ее можно было оскорбить и осквернить, причинить боль, она могла плакать в предчувствии людских бед. «Земля неисчерпаемый источник сил и здоровья человека».¹³⁶ Исследователи обращают внимание на глубокую древность почитания «матери-сырой земли».¹³⁷ Логично предположить жертвоприношения земле. Правда, С. Смирнов отмечал отсутствие в источниках указаний о жертвах земле.¹³⁸ Однако кое-какие намеки на это в письменных памятниках все-таки остались.

Древнерусский летописец, повествуя об учреждении князем Владимиром языческого пантеона и о принесении «кумирам» человеческих жертв, бросает примечательную фразу: «И оскверняху землю требами своими».¹³⁹ Киевляне, по всему вероятно, поливали землю кровью приносимых в жертву людей. Кровь, отданная земле, — деталь довольно характерная, позволяющая высказать догадку о жертвоприношениях земле, быть может, несколько завуалированных и деформированных требами богам, возглавляемых знаменитым Перуном. Заслуживает внимания и текст из «Беседы Григория Богослова об испытании града» в той части, которая признается вставкой русского книжника XI века:

¹³⁴ Там же. С. 268, 274. См. также: Афанасьев А. Поэтические воззрения... С. 146, 147-148; Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 94.

¹³⁵ Еще в XIV в. новгородские стригольники учили исповеди не священнику, а земле. — См.: Афанасьев А. Поэтические воззрения... С. 143; Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 14, 98.

¹³⁶ Смирнов С. Древнерусский духовник... С. 268, 269, 272.

¹³⁷ История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 62. Как мы уже отмечали, обожествление земли, поклонение земле известны многим народам мира. — См.: Токарев С. А. Религия народов мира. С. 141, 213, 480.

¹³⁸ Смирнов С. Древнерусский духовник... С. 262.

¹³⁹ ПВД. Ч. 1. С. 56.

«Овь въ потребу створи на студеньци, дъжда иски от него... овь не сущим богом жьреть... Овь реку богыню нарицаеть и зверь, живуць въ неи, яко бога нарицаа, потребу творить. Овь Дыю жьреть, а други Дивии».¹⁴⁰ Б. А. Рыбаков, толкуя запись о том, как «ов Дыю жреть, други Дивии», затрудняется точно сказать, кого надо разуместь под богиней Дивией. Но он склонен в ней видеть богиню, подобную древнегреческой Гее.¹⁴¹ Если его догадка верна, то в «Беседе Григория Богослова» мы находим уникальное свидетельство о жертвоприношениях земле, совершаемых на Руси в XI веке. Еще с большим основанием мы можем говорить об этом применительно к предшествующей эпохе восточного славянства.

Если учесть, что культ мертвых стоял в тесной связи с земледельческими интересами и стремлениями, а земля и находившиеся в ней покойники как бы сливались в единое целое,¹⁴² то достаточно хорошо представленная в источниках система жертвоприношений покойникам может в определенной мере быть отнесена и к жертвоприношениям земле.

В свете вышеизложенного «антские клады» поворачиваются к нам новой гранью, отражающей их сакральную суть. При этом зарытия в землю сокровищ поддаются разным толкованиям. Возможно, за ними скрывалось желание владельцев взять сокрытые в земле богатства в загробный мир. Вполне вероятно и другое: «клады антов» — жертвенный дар земле как весьма почитаемому божеству, дающему благоденствие людям. Второе предположение кажется предпочтительнее. В нем нас укрепляют некоторые сведения, почерпнутые в письменных и археологических источниках, относящихся, впрочем, к более позднему времени, чем «антские древности».

В ходе раскопок у д. Большое Тимерево Ярославской области археологи нашли клад восточных монет. Жителями этого поселения были в основном славяне — пе-

¹⁴⁰ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. С.93-94.

¹⁴¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. С.347.

¹⁴² См.: Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963. С.22-23.

расселенцы из земли новгородских словен и кривичи.¹⁴³ Поэтому надо считать его славянским, несмотря на смешанный состав местного населения.¹⁴⁴

Причины зарытия Тимеревского клада некоторые исследователи объясняют по принятому в науке трафарету земными нуждами. Так, согласно Л. В. Алексееву, поход «вещего» Олега из Новгорода в Киев и создание для этого огромного войска «стоил кривичам и другим племенам дорого и сопровождался жестокой борьбой. Возможно, что именно результатом этого сопротивления был зарытый (и не «востребованный») клад последней трети IX в. в Тимереве».¹⁴⁵ И. В. Дубов счел данное объяснение Л. В. Алексеева безосновательным, поскольку «причины зарытия кладов у северных народов в эпоху раннего средневековья разнообразны и не имеют однозначных решений. Можно предполагать, что, несмотря на активное участие в трансъевропейской торговле, для местного населения клады не были в полной мере явлением экономическим, и богатству, видимо, придавался в некоторых случаях сакральный характер».¹⁴⁶ Тимеревский клад имел культовое назначение, будучи по сути приношением богам.¹⁴⁷ Догадку И. В. Дубова подтверждает само местонахождение клада. Он был зарыт в центральной огороженной части поселения,¹⁴⁸ т. е. на его сакральной территории.¹⁴⁹

¹⁴³См.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь. С.187; Алексева Л. В. Смоленская земля в IX-XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С.106.

¹⁴⁴И. В. Дубов по этому поводу пишет: «На первом этапе (IX-X вв.) население данного района, и Тимерева в том числе, было смешанным. Здесь представлены славянский, финно-угорский и скандинавский этнические компоненты. Второй этап (XI-XII вв.) характеризуется уже сложившимся этническим массивом — древнерусским, ведущую роль в формировании которого в Волго-Окском междуречье на первом этапе играли словене новгородские, а на втором — кривичи». — Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С.187.

¹⁴⁵Алексева Л. В. Смоленская земля... С.106.

¹⁴⁶Дубов И. В. Северо-Восточная Русь... С.146-147.

¹⁴⁷Там же. С.148. См. также: Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах... С.133.

¹⁴⁸Там же. С.164, 165, 216-217.

¹⁴⁹И. В. Дубов видит в ограде лишь первоначальное укрепление

Таким образом, Тимеревский клад может служить иллюстрацией зарытия славянами сокровищ в качестве жертвенного дара богам, в частности земле.

Обычай жертвоприношений земле сохранялся у восточных славян довольно долго. Он существовал еще в конце XI-начале XII в. в разгар борьбы христианства с язычеством. Владимир Мономах в своем Поучении назидает: «И в земли не хороните, то ны есть велик грех».¹⁵⁰ Указание на грех есть верный признак языческой направленности действия, отмеченного Мономахом. Оно, по-видимому, выражалось в поклонении земле, находившем выражение в жертвенных дарах.¹⁵¹ Эта практика имела широкое распространение на Руси, о чем судим по извлечению из повести о крещении князя Владимира, датируемой А. А. Шахматовым концом XI в.: «Не скрываите собе сокровищ на земли, идеже тля тлеть и татье подкопывають, но скрываите собе сокровище на небесех, идеже ни тля тлеть, ни татие крадуть».¹⁵² Г. Ф. Корзухина отсюда резонно заключила: «Очевидно, сокрытие земных сокровищ в виде кладов было явлением распространенным, поскольку этот образ мог быть использован для пояснения мысли отвлеченного, фило-

Тимеревского поселения (Дубов И. В. Северо-Восточная Русь. . С.165). Однако в древности ограды и стены играли сакральную роль, защищая местные святыни от вторжения злых сил со стороны окружающего, внешнего мира.

¹⁵⁰ПВЛ. Ч. I. С.157.

¹⁵¹Возможно, несколько искаженное отражение этого обычая имеется в «Стратегиконе» Маврикия, где говорится, что славяне и анты зарывают необходимые им вещи в тайниках (Вестник древней истории. 1941, № 1. С.253). Заслуживает внимания соответствующая интерпретация, данная В. В. Мавродиным. Он пишет: «Антские племенные князья-предводители, «рексы» сосредоточивают в своих руках ценности, которые тщательно пряча от врагов, зарывают в землю» (Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.45). Историк рационалистически подходит к оценке поведения древних людей, отыскивая прозаические причины, по которым антские вожди зарывали в землю ценности, и в этом минувшего построений.

¹⁵²Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира// Сборн. в честь В. И. Ламанского. СПб., 1908. Ч. II. С.1110, 1147.

офского характера». ¹⁵³ О зарытии «под землю» золота и серебра как о деле обычном говорится в древнем «Чтении о Борисе и Глебе». ¹⁵⁴ Довольно примечательно то, что христианские книжники Древней Руси упоминают в связи с находящимися в земле кладами бесов, которые указывают приглянувшимся им людям место, где лежат эти клады. ¹⁵⁵ На языке церковных учителей XI-XII вв. бесы — языческие божества. ¹⁵⁶ Так протягивается ниточка, соединяющая зарытые в земле сокровища с «поганскими» богами, и выявляется сакральный смысл кладов.

Побуждают к соответствующим размышлениям и некоторые детали зарытия кладов западноевропейских дикарей на территории Древней Руси. Среди упаковок этих кладов встречаются деревянные колоды и гробы, ¹⁵⁷ в чем проглядывает жертвенная суть опущенного в землю богатства. Исследователи отмечают «определенную связь между кладами и курганными находками. Клад нередко является центром, около которого располагаются такие находки». ¹⁵⁸ Подобная связь, конечно, не случайна: за ней угадывается сакральное назначение клада. Установлено также, что применение бересты в качестве оберточного материала — одна из характерных особенностей кладов, обнаруженных на древнерусской территории. ¹⁵⁹ Если вспомнить о том, что наши предки использовали бересту для обертывания гробов и покойников, ¹⁶⁰ то станут очевидными религиозные мо-

¹⁵³ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX-XIII вв. С. 8.

¹⁵⁴ См.: Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916. С. 16.

¹⁵⁵ См.: Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 119, 215; Кушелев-Безбородко Г. Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. С. 223.

¹⁵⁶ См.: Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбаков Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 328.

¹⁵⁷ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Л., 1968. С. 16.

¹⁵⁸ Там же. С. 29, 31, 32.

¹⁵⁹ Там же. С. 17-19. См. также: Корзухина Г. Ф. Русские клады IX-XIII вв. С. 13, 95, 97.

¹⁶⁰ См.: Антонович В. Б. Древности Юго-Западного края. Рас-

тивы устройства кладов, отданных в дар земле.¹⁶¹

Приведенные факты и соображения позволяют, на наш взгляд, заключить о существовании в восточнославянском обществе как культа земли, так и жертвоприношений в ее честь, состоящих в виде богатств, зарываемых в землю. Таковыми могли быть и «клады антов». Разумеется, наше предположение правомерно лишь тогда, когда мы признаем эти клады антскими. В противном случае вопрос о них сам собой отпадает. Но при любых обстоятельствах остается непоколебленной наша уверенность в том, что наличие богатства у склавинов и антов нельзя воспринимать как показатель социального расслоения, положившего начало классовому образованию в славянском обществе.

Тенденциозным и потому далеким от реальной жизни склавинов и антов представляется мнение, будто добычаемые в военных походах богатства доставались преимущественно вождям и племенной знати. Византийские авторы ничего не говорят о подобном элитарном распределении имущества, захваченного варварами. Напротив, эти авторы свидетельствуют об обогащении всех, кто принимал участие в грабительских экспедициях. И совсем не обязательно полагать, что награбленные ценности становились индивидуальной собственностью. Они могли концентрироваться в руках вождей. Но следует помнить, что вождь в архаическом обще-

копки в земле древлян// Материалы по археологии России. СПб., 1893. Вып.11. С.9; Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 году// КСИИМК. 1945. Вып.11. С.72; Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде// КСИИМК. 1949. Вып.24. С.102; Успенская А. В. Звенигородские курганы// КСИИМК. 1953. Вып. 49. С.126.

¹⁶¹ В. М. Потин рассуждает по этому поводу с чисто практической точки зрения, объясняя использование бересты при укрытии кладов «стремлением как можно лучше сохранить накопленное богатство. Эластичность бересты, ее водонепроницаемость, свойство противостоять гниению — все это делало березовую кору незаменимым материалом для всякого кладохранилища» (Потин В. М. Древняя Русь... С.19). Данное объяснение нам представляется недостаточным, совершенно не учитывающим названные самим же автором «вотивные», т. е. культовые, клады, обнаруженные «на месте святилищ и жертвенников, в храмах и т. п.» — Там же. С.12, 13.

стве — олицетворение коллектива, выражение его воли и жизненных потенций. Потому имущество вождя являлось общественным достоянием либо отчасти либо целиком.¹⁶² Богатства, находившиеся при нем, не являлись его безусловной собственностью, будучи в распоряжении всего коллектива (рода или племени). Они пополнялись на протяжении длительного времени.¹⁶³ В них состояло благоволение богов, удача, счастье и благополучие как отдельного индивида, так и объединения людей, будь то родовой или племенной союз.

В плане социально-экономическом значение богатства было, можно сказать, нулевым. Зато в социально-политическом отношении оно играло весьма существенную роль, поднимая престиж, усиливая власть и влияние отдельных лиц и коллективов.

Таким образом, стремление антов и склавинов к накоплению богатств обуславливалось не столько экономическими причинами, сколько потребностями религиозного, политического и военного свойства. А это означает, что многочисленные и массовые походы, сопровождавшие походы славян и приносившие им огромные доходы, никакого отношения не имели к их хозяйственным и производственным нуждам. И тут мы опять, хотя и с другой стороны, приходим к мысли об отсутствии у славян VI–VII вв. социально-экономических условий для развития рабства. Поэтому в жизни склавинов и антов оно занимало достаточно скромное место. В славянском обществе той поры рабы, как мы уже отмечали, не составляли замкнутую социальную группу, а растворялись среди свободных, приобретая статус младших его племени. Столь радикальная адаптация облегчалась тем, что архаические сообщества строились в большей мере на основе возрастных групп, а не по принципу кровнородственных (физиологических) связей.¹⁶⁴

Отсюда понятно, что пленники-рабы у склавинов и

¹⁶² У некоторых племен вождь не имел ничего своего, все, чем он владел, принадлежало коллективу. — См.: Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. С.184.

¹⁶³ Можно думать, что некоторыеклады антов накапливались несколькими поколениями. — См.: Рыбаков Б. А. 1) Анты и Киевская Русь. С.330; 2) Ремесло древней Руси. С.101.

¹⁶⁴ См.: Мисюгин В. М. Мифы и этносоциальная история// Афри-

антов находились скорее в положении неравноправных, нежели зависимых. Очевидно, здесь сказывалась существующая «несбалансированность» прав и обязанностей между «чужаком» и «своими», причем «даже в тех случаях, когда пленника включали в семью на правах младшего члена. Такой "как бы родич", с одной стороны, не мог рассчитывать на ту меру поддержки и помощи со стороны группы, на какую имел право родич настоящий. С другой стороны, права группы на этого "как бы родича" были абсолютны и никакому ограничению не подвергались... в большинстве случаев сохранялось представление о рабе как о чужаке, пребывающем в маргинальном состоянии». Но это все же «не мешало во многих случаях полному или почти полному равенству между рабами и свободными в материальном положении».¹⁶⁵

Названная «несбалансированность» прав и обязанностей между пленником-рабом и группой, его адаптировавшей, являлась единственным показателем "рабского состояния" захваченного в плен чужака. В остальном отношения "приемыша" с коллективом строились в рамках традиций, существующих в родовом союзе, куда он входил в качестве младшего "сородича". Тем самым создавалось препятствие для формирования отгороженной, если можно так выразиться, от местного населения социальной категории, стянутой петлей рабства.

Еще меньше оснований говорить о выделении внутри славянского общества VI–VII вв. людей, потерявших личную свободу. Поэтому безуспешными нам кажутся попытки доказать, что в «родоплеменном обществе существовала тенденция "внутреннего" расслоения свободных на зависимых и господ уже в общеславянский период», что «прекращение связей с семейными или родовыми коллективами влекло за собой с развитием социальных отношений подчиненное общественное положение». С этих именно позиций рассматривается происхождение понятий *sir — «сирота», *cholpъ — «холоп», прослеживаются «источки имущественной дифференци-

канский этнографический сборник/ Отв.ред. Д. А. Ольдерогге. Л. 1984. XIV. С.48-61.

¹⁶⁵История первобытного общества. С.202.

ации» по материалам праславянской лексики: «оскудеть, скудный» от *skodъ, «нищий, неимущий» от *nistio, «убогий, бедный» от *nebogъ, *ubogъ как противоположное *bogъ — богатство. Далее утверждается, будто «подчинение детей и младших членов семьи и рода старшим полноправным членам семьи вело к тому, что в раннеклассовых славянских обществах название младших членов семей стало обозначением зависимых или подчиненных свободных членов общества. В праславянском языке обозначением для подчиненных членов семьи или рода были: *dete, *orbe, *cedo, celjadъ, *otrokъ».¹⁶⁶

Грудно уразуметь, что означает такое определение, как «зависимый или подчиненный свободный член общества». Автор этого определения грешит отсутствием элементарной логики: если человек зависимый или подчиненный, то он не может быть свободным членом общества, а если перед нами свободный член общества, то его нельзя считать зависимым или подчиненным. Непонятно также, что скрывается за фразой «развитие социальных отношений», поскольку она слишком неопределенна и потому бессмысленна. Наконец, обоснование тенденции «внутреннего» расслоения свободных на зависимых и господ уже в общеславянский период посредством лишь лингвистических данных таит опасность сбиться с правильного пути, поскольку у нас нет никакой уверенности, что приведенные выше праславянские слова имели только ту семантику, которая согласуется с упомянутой «тенденцией».

Итак, у славян VI–VII вв. мы находим лишь одну форму несвободы — временное рабство, питавшееся за счет «полона», приобретаемого во время грабительских войн, получивших тогда очень широкое распространение. Рабовладение никоим образом не нарушало социальную структуру родоплеменного общества. Оно не имело сколько-нибудь серьезного экономического и производственного значения. Его нельзя рассматривать как фактор классовобразования, разлагающего традиционные общественные связи. Скажем больше: функционально рабство укрепляло родоплеменную организацию, особенно в сфере религиозной, а также военной.

¹⁶⁶ Свердлов М. Б. Общественный строй славян... С.55.

И в этом своем качестве «первобытное рабство» выступало не только в «антскую эпоху», но и позднее, — во времена восточного славянства.

РАБОВЛАДЕНИЕ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН VIII-X вв.

Важную информацию о рабстве в восточнославянском обществе VIII-X вв. поставляют арабские писатели, из чьих сведений явствует, что рабы у восточных славян — это недавние пленники, добываемые в войнах. По известиям Гардизи, венгры нападают на славян, рассматривая их как потенциальных рабов.¹⁶⁷ Славяне смотрели на венгров теми же глазами. Следствием взаимных набегов у них, согласно Марвази, было «много рабов».¹⁶⁸ Свидетельство о большом количестве рабов у славян содержится и в сочинении Гардизи.¹⁶⁹

Комментируя эти сообщения арабов, А. П. Новосельцев писал: «У славян в какой-то форме существовало рабство... Об источнике рабов говорит ал-Марвази. Этим источником были внешние войны, в результате которых не только славяне становились добычей венгров (и русов) и продавались затем в Византию, Булгар и Хазарию, но и сами, захватывая пленников, обращали их в рабов. Кто и как пользовался трудом рабов, какое место занимал их труд в славянском обществе — на этот вопрос наш источник ответа, к сожалению, не дает».¹⁷⁰ Последние слова комментатора обусловлены, по всей видимости, его уверенностью в том, что труд рабов

¹⁶⁷ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щалов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 389.

¹⁶⁸ Там же. С. 391. Б. Н. Заходер переводит Марвази несколько иначе: «Зимой нападают на них (славян. - И. Ф.) мадьяры, у них много рабов, потому что они постоянно нападают». — Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 131.

¹⁶⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 390.

¹⁷⁰ Там же. С. 396.

у славян находил применение и поэтому занимал в славянском обществе определенное место. Но это — факт далеко не очевидный.

Сообщения о рабстве у восточных славян¹⁷¹ арабские писатели дополняют рассказами о рабах у русов, принадлежащих, несомненно, к славянскому этносу. Ибн Русте говорит о русах: «Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют и [и] обращают в рабство».¹⁷² Ибн Русте называет, в частности, тех, на кого нападают русы. Это — славяне: «Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен...».¹⁷³ О том же повествует и Гардизи, по которому русы «постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов...».¹⁷⁴ Осмысливая приведенные свидетельства, А. П. Новосельцев пишет: «Заслуживает внимательного изучения данные о взаимоотношениях русов и славян. Последние служат объектом нападения русов и источником рабов. . . Очевидно, под этими названиями следует понимать соседние русам славянские племена, им еще не подчиненные».¹⁷⁵

Нередко пленения, производимые восточными славянами, преследовали цель захвата в плен женщин и детей, как это бывало и прежде. Так ал-Масуди извещает о том, что во время похода русов на Каспий (909 - 910 гг.¹⁷⁶), «они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для на-

¹⁷¹ Б. Н. Заходер пришел к выводу, согласно которому «славянские темы», представленные в сочинениях Ибн Русте, Гардизи и др., «не могут быть локализованы на запад далее, чем Киевское государство». — Заходер Б. Н. Каспийский свод... С.108. См. также: Новосельцев А. П. Восточные источники... С.391-393.

¹⁷² Новосельцев А. П. Восточные источники... С.398.

¹⁷³ Там же. С.397.

¹⁷⁴ Там же. С.399.

¹⁷⁵ Там же. С.405.

¹⁷⁶ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 99. В научной литературе существуют и другие, близкие к обозначенным годам, датировки этого похода. — См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. 182-184.

бегов, уничтожали и жгли [дома]». ¹⁷⁷ Хазарские мусульмане, охваченные жаждой мести, говорили потом о русах, что те «совершили нападение на области наших братьев мусульман, пролили их кровь и увели в плен жен и детей». ¹⁷⁸ Точно так же поступили русы, овладев богатейшим городом Закавказья Бердаа, разорили его и «угнали женщин, юношей и девушек, сколько хотели». ¹⁷⁹

Итак, сведения, извлеченные из восточных источников, со всей ясностью показывают, что в VIII-X вв. основную массу рабов у восточных славян по-старому составляли иноземцы, приведенные удачливыми славянскими воинами из ближних и дальних стран в качестве пленников. Можно с уверенностью сказать, что именно в котле войн вываривалось главным образом восточнославянское рабство. Однако по сравнению с «антской эпохой» в рабовладении указанного периода наметились и некоторые перемены: если раньше обычно право запрещало обращение в рабство соплеменников, то теперь появились первые и едва заметные ростки рабской неволи на местной почве. В рабов стали обращать за преступления и нарушение нравственных норм. Некоторый свет здесь проливают все те же арабские писатели.

По Гардизи, славяне, «если схватят вора, забирают его имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают». Примечательно, что это известие идет вслед за сообщением о рабах у славян, в чем улавливается их тематическая связь. ¹⁸⁰ О наказании вора читаем и у Ибн Русте: «Если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений». ¹⁸¹

В рассказах Ибн Русте и Гардизи проглядывает не-

¹⁷⁷ Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 829.

¹⁷⁸ Там же. С. 830.

¹⁷⁹ Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх о походе русов. . . С. 69.

¹⁸⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники. . . С. 390.

¹⁸¹ Там же. С. 389. Б. Н. Заходер предложил следующих перевод цитированного отрывка из Ибн Русте: «И если он захватит вора в своем государстве, приказывает удушить его или помещает его по соседству с наиболее крайней областью своей страны». Заходер Б. Н. Каспийский свод. . . С. 125

что похожее на «поток и разграбление», когда человек, совершивший «разбой» или «татьбу», обращался в рабство.¹⁸² По словам одного из исследователей первобытного права, «виновный в разбое подвергался потоку или разграблению, т. е. лишению всякой правоспособности временно или вечно, лишению мира, при котором все имущество преступника отбиралось, сам он изгонялся, мог даже быть отданным князем в холопство».¹⁸³ В записи Ибн Русте есть одна многозначительная деталь: славянский «царь» приказывает удушить преступника. Воровство, следовательно, влекло утрату виновным права на жизнь. Тем вероятнее потеря им права на свободу и переход в рабское состояние.

Сообщения Гардизи и Ибн Русте позволяют высказать догадку о начавшемся среди восточных славян обособлении рабов от массы свободных, т. е. о формировании группы людей, образующих отдельную от других слоев общества социальную категорию, живущую по предписанным властями правилам и законам. Но это новое образование еще не вошло органически в общественную ткань и потому, вероятно, концентрация туземных рабских элементов происходит на окраинах восточнославянских земель, а не в гуще свободного населения — значит, лишний раз указывающий на внешнее изначально происхождение рабства в восточнославянском обществе. Именно так, по нашему мнению, надо понимать факт отправки славянским «царем» обращенного в рабство преступника на периферию своих владений под надзор тамошних правителей. Общество, следовательно, допуская в особых случаях порабощение соплеменников, вместе с тем отторгает подобное порабощение, локализуя его носителей в пограничье с внешним миром. К этому надо добавить, что люди, совершившие преступление и обращенные за то в рабство, переходили в распоряжение и, если можно сказать, под юрисдикцию «царя» или его доверенных «мужей», занятых в сфере управления обществом.

¹⁸² См.: Правда Русская. II. Комментарии. М.; Л., 1947. С.291, III.

¹⁸³ Гальперин С. Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893. 152-153.

Тут мы наблюдаем зарождение в восточнославянском обществе государственных форм зависимости, когда в непосредственное подчинение государству, олицетворяемому верховным правителем, поступают социальные элементы, выпавшие из сферы действия традиционных правовых норм и оказавшиеся вследствие того под покровом нового, так называемого «княжого права». Конечно, это были самые первые, чуть заметные ростки отношений, которые в эпоху Киевской Руси разовьются в целую систему.¹⁸⁴

Арабские авторы упоминают еще один внутренний источник рабства у восточных славян, связанный с нарушением нравственных устоев общежития. Гардизи говорит, что славянин, когда берет себе жену, то «делает ее женой», если она окажется девственницей, «если же нет, то продает ее...».¹⁸⁵ К сожалению, Гардизи не уточняет, кому продавалась женщина, потерявшая невинность до замужества: своим или чужим покупателям. Однако сам характер повествования (описание внутреннего уклада жизни славян) склоняет к мысли, что у него речь идет о женоторговле среди аборигенов, а значит, — о рабстве. Но в отличие от обращения в рабство за воровство, служившего источником формирования государственных рабов у восточных славян, наказание невесты, скрывшей от жениха и его родичей свою девичью неполноценность, являлось средством развития частного рабовладения. Стало быть, различный характер нарушения завещанных предками обычаев влек за собой в восточнославянском обществе и возникновение различных форм рабства: государственного и частного.

Если высказанные нами предположения верны, то мы получаем свидетельства о появлении у восточных славян VIII–X вв. отдельных прослоек рабов, несколько изменивших архаический колорит общественной жизни восточного славянства.

Не следует преувеличивать социальную роль этих новых явлений, а также выискивать источники «внутреннего рабства» там, где их нет. Между тем, А. А. Зимин

¹⁸⁴ См.: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909.

¹⁸⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники... С.390.

считает, что Ибн Фадлан «упоминал о случаях, когда жена и дети бежавшего предводителя обращались в рабство».¹⁸⁶ Надо заметить, что А. А. Зимин не учитывает одну существенную деталь: Ибн Фадлан свидетельствовал не о славянских, а о хазарских военных «предводителях» и «заместителе» кагана, которых, «если они обратятся в бегство, приведут их [самих] и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят [на это], и точно так же [дарят] лошадей, и их [домашние] вещи и их оружие, и их дворы [усадыбы], а иногда он [царь] разрежет каждого из них на два куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами».¹⁸⁷

Стараясь найти следы порабощения восточными славянами своих соплеменников, А. А. Зимин обращается к Гардизи, писавшему о русах следующее: «И там (у них) находится много людей из славян, которые служат (как рабы?) им (русам), пока не избавятся от зависимости (рабства?)...».¹⁸⁸ Гардизи, как видим, не поясняет, в каком качестве славяне «служат» русам: рабов или нерабов. Недаром переводчик сопровождает интерполированные им в источник слова «рабы», «рабство» знаком вопроса. Положим все же, что славяне служили русам, будучи рабами.¹⁸⁹ Но и тогда нельзя воспринимать сообщение Гардизи как свидетельство о порабощении со-

¹⁸⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси... С.44.

¹⁸⁷ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С.147.

¹⁸⁸ Зимин А. А. Холопы на Руси... С.44; Новосельцев А. П. Восточные источники... С.400.

¹⁸⁹ В. В. Бартольд толкует данный текст Гардизи так, будто «многие славяне приходят к русам служить им, чтобы этой службой приобрести для себя безопасность» (Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. С.822, 823). Если это на самом деле соответствует словам Гардизи, то здесь мы приобретаем уникальное известие, позволяющее говорить о том, что враждующие восточнославянские племена, оказавшись в положении побежденных, платили победителям «мира деля», или собственной безопасности, не только дань (см.с.293-301 настоящей книги), но и приходили служить им, выступая, следовательно, в роли временно зависимых людей, несущих трудовую повинность, обусловленную военным поражением племени, к которому они принадлежали.

племенников. Хотя русы и славяне Гардизи относились к одному славянскому этносу,¹⁹⁰ но то были разные племена, жившие самостоятельной и обособленной жизнью. Поэтому славяне-рабы у русов — то же самое, что, скажем, анты-рабы у склавинов, или склавины-рабы у антов. Иначе, это рабы внешнего происхождения, попавшие в полон и обращенные в рабство на стороне, т. е. за пределами своего родного племени.

Этим, однако, не ограничивается информация, которую исследователь может почерпнуть в цитированном тексте Гардизи. И тут наше внимание привлекает известие о том, что русам служит «много людей из славян». Отсюда можно, по крайней мере, сделать два вывода: 1) войны внутри восточнославянского мира, сопровождаемые полонами с вытекающим из них рабством, стали довольно распространенным явлением и 2) наиболее типичной фигурой раба-пленника у восточных славян становится свой же собрат по славянскому этносу, тогда как ранее им был чужеземец из неславян.

Немалый интерес для историка представляет и указание Гардизи на то, что славяне служат русам, «пока не избавятся от зависимости». Трудно сказать, посредством чего «избавлялись» славяне «от зависимости». Легче догадаться о срочности их «службы». Из рассказа Гардизи можно заключить, что старый порядок, делающий рабство временным, продолжал в какой-то мере (быть может, в урезанном виде) действовать и в обществе восточных славян VIII–IX вв.

Отмечая определенные сдвиги в развитии восточнославянского рабовладения, произошедшие на протяжении VIII–IX столетий и выразившиеся в усилении славянского элемента среди рабов, появлении едва различимых зачатков внутреннего рабства и малоприметном первоначальном складывании отделенной от свободного люда социальной категории рабов, мы должны еще уяснить, имели ли место перемены в использовании невольников.

Ранее, как мы знаем, пленники-рабы служили славя

¹⁹⁰ Восточные авторы это хорошо понимали. По Ибн Хордадбеку «русские купцы» есть «вид славян». — Новосельцев А. П. Восточные источники. . . С.384.

ним важным средством обогащения, источником которого были выкупы, мощным потоком поступавшие из Византии. Торговля рабами не играла тогда сколько-нибудь существенной роли. В VIII–IX вв. соотношение выкупов за пленных и торговли рабами начинает сдвигаться в сторону увеличения последней. Применительно же к IX в. можно утверждать, что работорговля в восточнославянском обществе превратилась в заурядное дело, потеснив заметно выкупную систему. Нельзя, конечно, недооценивать значение выкупных платежей. Достаточно сказать, что в русско-византийском договоре 911 года вопросу о взаимном выкупе пленных уделено серьезное внимание.¹⁹¹ И все-таки торговля рабами-пленниками выходит, пожалуй, на первое место, что, как кажется, было вызвано соответствующими причинами, главная из которых состояла, на наш взгляд, в особенностях военно-политических отношений между восточнославянскими племенами рассматриваемого времени и в обусловленном этими особенностями изменении этнического состава «полоняников», удерживаемых в рабстве восточными славянами.

На VIII–начало X в. падает все возрастающая племенная консолидация восточного славянства, стимулируемая ростом населения, миграционными процессами, усиливающейся внешней опасностью и другими факторами.¹⁹² Эта консолидация «овеществлялась» в союзных организациях различных уровней. Первоначальной формой был союз родственных племен. Затем племенные союзы соединялись в союзы союзов, или суперсоюзы.¹⁹³ Создание межплеменных объединений явля-

¹⁹¹ Памятники русского права. М., 1952. Вып.1. С.8, 18; Сахаров А. Н. 1) Дипломатия древней Руси: IX–первая половина X в. М., 1980. С.171; 2) «Мы от рода русского...». Л., 1986. С.150.

¹⁹² Аналогичную тенденцию мы замечаем и в предшествующее время. Но тогда она проявлялась эпизодически, от случая к случаю. Возникающие союзы довольно быстро распадались. Устойчивой и нарастающей межплеменной консолидацией у восточных славян становится именно в VIII–начале X в., особенно в IX и отчасти X столетиях.

¹⁹³ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.11–13; 2) Мятный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы

лось отнюдь не простым занятием. Оно протекало во взаимной борьбе и соперничестве племен за лидерство, что нередко выливалось в ожесточенные войны и конфликты,¹⁹⁴ сопровождавшиеся многочисленными полонями. Эти полоны, помимо истребления боеспособного населения и разорения земли врага, производились с целью ослабления соперника. В результате удачливые племена, господствующие в племенных союзах, накапливали большое количество пленников-рабов, использование которых внутри племени-завоевателя наталкивалось на некоторые серьезные и непреодолимые затруднения. Во-первых, не было условий для более или менее широкого применения рабского труда в производстве. Во-вторых, концентрация на территории победившего племени представителей соперничающих или враждебных племен была весьма опасна. Поэтому надо было убрать их подальше. Удобным каналом, по которому уходил на сторону этот «горючий материал», явилась внешняя торговля.

Итак, конкретно-исторические реалии восточнославянской истории VIII–начала X в., выразившиеся в сложных военно-политических процессах, связанных с образованием межплеменных союзов, вызвали два существенных изменения в сфере местного рабства: славянизацию рабского состава и расширяющуюся продажу пленных.

Раб-пленник превращается в привычный предмет торговли.¹⁹⁵ А. А. Зимин придерживается иного взгляда, полагая, что относительно даже IX в. «источники не дают

конца IX–начала XIII столетия. СПб., 1992. С.46, 54-55, 68-69; 3) К истории зарождения Русского государства// Из истории Византии и византиноведения/ Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991. См. также: Рыбаков Б. А. 1) Предпосылки образования Древнерусского государства// Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М., 1958. С.857; 2) Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С.88.

¹⁹⁴ См.: Фроянов И. Я. Мятежный Новгород... С.46-56, 68-71, 73-74.

¹⁹⁵ См.: Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси// Историк-марксист. 1937, №3. С.171.

ним основания для подобного утверждения». ¹⁹⁶ Историк считает, что еще в IX в. славяне «принимают участие в работорговле только в качестве "страдательного" элемента, как объект продажи, товар-добыча, захваченная чужеземцами». ¹⁹⁷ Среди прочих восточных писателей он цитирует Ибн Русте, чтобы подкрепить свою мысль. А. А. Зимин пишет: «В книге "Драгоценные ценности" (30-е годы X в.) Ибн Русте использовал источники второй четверти IX в. Поэтому он еще отмечал патриархальное отношение к рабам, существовавшее у русов. "Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего. Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство", причем "с рабами обращаются хорошо". Здесь бросается в глаза сходство с византийскими памятниками (Прокопий, Маврикий). Примечательно, что Ибн Русте, перечисляя товары, которыми торгует Русь, как и ал-Масуди и другие авторы, говорит только о мехах, но не о рабах». ¹⁹⁸

Надо сказать, что А. А. Зимин проявляет здесь довольно торопливость, обходя вниманием сообщение Ибн Русте, согласно которому русы, нападая на славян, «забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают». Далее Ибн Русте говорит, что «единственное их (русов. — *И. Ф.*) занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям». ¹⁹⁹ Означает ли это, что среди товаров, которыми торговали русы, отсутствовали рабы? Нет, не означает. О торговле русов пленниками-рабами Ибн Русте, как мы только что убедились, свидетельствует с полной определенностью, хотя в самом его перечне товаров, какими торгуют русы, рабы не фигурируют. Вот почему следует относиться с осторожностью к известным другим восточным авторам, говорящих о продаже русами лишь мехов. В этом смысле текст из сочинения Ибн Русте является серьезным предостережением от поспешных выводов. К тому же мы располагаем прямыми указаниями письменных памятников на работорговлю,

¹⁹⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси... С.22.

¹⁹⁷ Там же. С.12, 13.

¹⁹⁸ Там же. С.14.

¹⁹⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники... С.397.

практикуемую восточными славянами ранее X в.

В группе восточных источников о трех «центрах» или «племенах» Руси, содержащих сведения о русах IX в., привлекает внимание отрывок из сочинения Ибн Хаукаля, где говорится, что из Арсы вывозят «черных соборей, черных лисиц и олово (свинец?) и некоторое число рабов». Ибн Хаукаль имеет в виду, конечно, русов, поскольку в Арсу путь посторонним, по его словам, заказан, и жители этой земли «убивают всех чужеземцев, приходящих к ним. Сами же они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о делах своих и товарах своих и не позволяют следовать за собой и входить в свою страну».²⁰⁰

Раффельштеттинский таможенный (мытный) устав, составленный около 903–906 гг., упоминает купцов из ругов (русов), которые платили подати «с одной рабыни по тремиссе» («столько же за жеребца»), а «с каждого раба по сайге» («столько же за кобылу»)²⁰¹. Этот устав запечатлел порядки, существовавшие в IX в.²⁰²

Давно налаженной выглядит работорговля русов в описаниях путешествовавшего в 921–922 гг. по Волге Ибн Фадлана, который сообщает, что «царь славян», т. е. верховный правитель Волжской Булгарии,²⁰³ берет с каждого десятка рабов, привозимых в его «государство» для продажи русами, «одну голову».²⁰⁴ Русы-работорговцы «прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атыле, — а это большая река, — и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается [их] в одном [таком] доме десять и двадцать, —

²⁰⁰ Там же. С.412.

²⁰¹ См.: Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888, июль. С.145; Назаренко А. В. Немецки-латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С.67.

²⁰² Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968. С.49.

²⁰³ См.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С.159; Калинина Т. М. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983 год / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1984 С.195.

²⁰⁴ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С.141-142

испиде или больше. У каждого [из них] скамья, на которой он сидит, а с ними [сидят] девушки-красавицы для купцов». ²⁰⁵ Накануне торгового собрания русы совершают моления, подойдя «к длинному воткнутому [в землю] бревну, у которого [имеется] лицо, похожее на человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные бревна, воткнутые в землю». Они взывают к своему богу: «О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мною девушек столько-то и столько-то голов... Я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он попал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю». ²⁰⁶ Судя по всему, Ибн Фадлан описывает многолетний опыт торговли русов невольниками, уходящий своими истоками в IX столетие.

О подобной работоторговле русов, налаженной длительным временем сообщает Константин Багрянородный, рассказывая о закованных в цепи рабах, привозимых русскими купцами для продажи в Константинополь. ²⁰⁷ Среди этих рабов были не только «крепкие мужчины и юноши, но и дети, и девушки, и женщины». ²⁰⁸ По словам Г. Литаврина, «формы организации торговых экспедиций русов в империю представляли собой сложившуюся и четко отработанную за многие годы во всех своих звеньях систему». ²⁰⁹

Таким образом, продажа восточными славянами рабов на внешнем рынке делается обычной если не в VIII, то в IX столетии, превращаясь со временем в доходную отрасль «хозяйственной деятельности» социальной верхушки Киевской Руси. Рабы, будучи живым товаром, составляли богатство, сохранение которого требовало бережного с ними обращения. Ибн Русте пи-

²⁰⁵ Там же. С.142.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С.49.

²⁰⁸ Литаврин Г. Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии. (Предварительные замечания)// Византийские очерки/ Отв.ред. Г. Г. Литаврин. М., 1991. С.81.

²⁰⁹ Там же. С.77.

шет о русах: «С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими)».²¹⁰ А. А. Зимин увидел тут «патриархальное отношение к рабам», сходное с тем, что запечатлели византийские памятники (Прокопий, Маврикий).²¹¹

Аналогично рассуждает Л. В. Данилова. Указав на сообщение Маврикия о переводе славянами по истечении определенного срока своих рабов на положение «свободных и друзей», она замечает: «О патриархальном отношении к рабам говорится и у более поздних авторов. Ибн Русте, использовавший в своей книге источники первой половины IX в., пишет, что славяне "с рабами обращаются хорошо"».²¹² Мы не можем согласиться с названными исследователями, поскольку заботливость русов о рабах, хорошее обращение с ними объяснялось, на наш взгляд, не старыми «патриархальными» нравами и традициями, а новым порядком вещей, явившимся следствием развития массовой работорговли, изменившей прежнее отношение к рабам, которые в результате наступивших перемен постепенно теряли (чем дальше, тем больше) возможность получить через определенное время статус «свободных и друзей», оставаясь в бессрочной неволе. Чтобы продать раба, надо было придать ему хороший, так сказать, товарный вид. Именно этим были озабочены работорговцы, о чем в источнике сказано со всей ясностью: русы заботятся об одежде невольников и хорошо с ними обращаются, «потому что торгуют ими».

Приведенные данные позволяют утверждать, что подавляющая часть рабов, приобретаемых восточными славянами посредством полонов, поступала на внешний рынок. Но какая-то часть пленников-рабов находилась при господах, образуя их окружение. Они использовались в качестве слуг прежде всего знатными людьми. Интересные, хотя и единичные примеры на сей счет находим в русском эпосе, в частности, в былине о молодости Чурилы.

²¹⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники. . С.397.

²¹¹ Зимин А. А. Холопы на Руси. . С.14.

²¹² Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М 1994. С.132.

Эта былина повествует о нападении на владения полчищ враждебного славянского племени во главе с Чурилой и об ответном карательном походе из Киева, организованном князем Владимиром. В былине цель похода замаскирована позднейшими наслоениями, по смыслу которых Владимир снаряжается для судебного разбирательства, что совершенно не вяжется с положением Чурилы и его людей как «неведомых», т. е. не входящих в состав половецкого племени. В ряде вариантов былины военный характер акции Владимира выражен со всей определенностью:

Тут солнышко ладился (латился),
 Поскорей Владимир кольчужился,
 И брал любимого подручника,
 Старого казака Илью Муромца,
 Брал и княгиню Опраксию,
 И поехал к Чурилушке во Киевец.²¹³

Былинное «кольчужился» не оставляет сомнений относительно того, что речь идет именно о военном предпринятии киевского князя.

Иногда в роли «подручников» вместо Ильи Муромца выступают другие русские богатыри:

Втапоры Владимир-князь и со княгинею
 Скоро он снаряжается,
 Скоря тово поездку чинят;
 Взял с собою князей и бояр
 И магучих богатырей:
 Добрыню Никитича
 И старова Бермята Васильевича, —
 Тут их собралось пять сот человек
 И поехали к Чурилу Пленковичу.²¹⁴

Важную информацию заключают варианты, в которых воины князя Владимира выступают безымянно:

Тута солнышко Владимир стольне-киевский
 Выбирает лучших товарищей,
 Князей и бояр, захватил он русских богатырей,

²¹³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909. Т. I, № 45.

²¹⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Давыдовым. М., 1977. № 18.

Набрал партию да людей семдесят;
С молодой княгиней он прощается,
В путь-дороженьку да снаряжается.²¹⁵

Приведенные тексты позволяют высказать предположение о том, что с точки зрения социальной структуры войско Владимира не было однородным. Оно состояло из знатных и простых воинов, т. е. представителей общественной верхушки и рядового люда. Перед нами, следовательно, поход воинства полянской общины против враждебного племени Чурилы, поход, подобный многим из тех, что запечатлены Повестью временных лет.²¹⁶

Воины Чурилы не могли противостоять киевской рати, чем и объясняется дальнейшая его служба Владимиру. В большинстве былинных вариантов Чурилу побуждает к службе князь Владимир. Внешне это выглядит как приглашение, а по существу есть принуждение. Во всяком случае, нотки приказа здесь звучат явственно: «Втапоры Чурила князя Владимира не ослушался».²¹⁷ Характерно и то, что служба Чурилы отождествляется с бедой:

Кто от беды откупается,
А Чурила на беду накупается.²¹⁸

Да иной от беды откупается,
А Чурила на беду и нарывается.²¹⁹

Служба Чурилы связана с дворцовым хозяйством Владимира. Сперва он служит «курятником»: «И живет-то Чурила во Киеве у князя у Владимира в курятниках».²²⁰ Затем мы видим его «стольником», который «ходит-де ставит дубовые столы», т. е. выполняет обязанности простого слуги. Все, что делает Чурила, в былине называется «работушкой»:

Говорит Владимир стольне-киевский:

²¹⁵ Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941. № 1.

²¹⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.190-191.

²¹⁷ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. № 18.

²¹⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым... , № 45.

²¹⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1951. Т. III. № 223.

²²⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым... , № 45.

– Тебе дам работушку да стольником,
 Стольником да чашником,
 Расставляй-ко, молодец, столы дубовые,
 Полагай-ко чаши золоченыи,
 Наливай-ко яствушки сахарнии,
 А напитокки да все медвяные,
 Станови-тко вина заморский.²²¹

В княжеском доме Чурила только слуга, почему он и стол не садится, а лишь вокруг столов «похаживает», иначе — прислуживает. Гостей Чурила обслуживает с необыкновенной легкостью, красотой и изяществом. Княженицкие жены им любят, а у «молодой княгинишки Опраксии», супруги Владимира, голова кругом пошла, хлеб в горле застрял и вино «во рту застоялось». Апраксия обращается к мужу с весьма рискованной и столь же сомнительной просьбой:

Смини Чурилушки работушку,
 А не стольником-то быть ему, не чашником,
 А быть ему до постельником,
 Чтобы в нашей-то да светлой спаленки
 Убирал бы кроваточки тисовые,
 Постилал бы перинушки пуховые,
 Покрывал бы одеяла соболиные.²²²

Князь разгневан, чувствуя себя опозоренным перед гостями. Но Апраксия не отстает от него:

Если не возьмешь Чурилы во постельники
 Оберегать кроваточки тисовые,
 Расстилать перинушки пуховые,
 То возьми Чурилу в рукомойники;
 Встану по утру да ранешенько,
 Чтоб Чурилушко да сын Плёнкович
 Наливал мне воду в рукомойничек.
 Подавал бы полотеньшко камчатое.²²³

Опасаясь за свою супружескую честь, князь Владимир решил держать Чурилу подальше от Апраксии и сделал его «зазывальщиком»:

Ты ездит-тко по городу по Киеву

²²¹ Былины Пудожского края. № 1.

²²² Там же.

²²³ Там же.

Зазывать гостей да на почестный пир
 Ты князей, бояр да и с жонами,
 А богатырей да одиноких,
 Всех купцов, людей торговых.²²⁴

Служба «зазывальщиком» — последняя «работушка», какую выполнял Чурила при княжеском доме. Владимир отпускает его со словами:

Да премладый Чурило ты сын Плёнкович!
 Да больше в дом ты мне не надобно.
 Да хоша в Киеви живи, да хот домой поди.
 Да поклон отдал Чурила да и вон пошол.²²⁵

Таким образом, былина о молодости Чурилы рисует военное противоборство племенного союза полян с каким-то соседним восточнославянским племенным объединением, в результате которого полянский князь одержал победу и взял в плен вождя из вражеского стана, отправив его в Киев, где он, низведенный до рабского состояния, должен был прислуживать киевскому князю. Былина, следовательно, позволяет увидеть, какое применение находили пленники-рабы в повседневной жизни восточнославянской знати. Вместе с тем она свидетельствует и о том, что практика срочного рабства с присутствием ей отпуском невольников на свободу по истечении определенного времени, еще не исчезла полностью из социальной жизни восточных славян, что нами уже отмечалось на материале показаний других источников.

Надо сказать, что не только с целью бытовых услуг восточнославянская знать обзаводилась рабами-пленниками. Не менее существенными были соображения престижа в обществе, укрепление социального статуса, ибо, как верно говорил Г. Нибур, «на низших стадиях культуры человек не может выстроить дворца, или держать автомобиль, или покупать картины и может выказать свое богатство народу, только окружив себя большим количеством людей или домашних животных».²²⁶ В древних обществах «обладание большим количеством

²²⁴ Там же

²²⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. . . № 223

²²⁶ Нибур Г. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. М., б/г. С.368.

рабов служит признаком отличия», оно, «подобно всякой другой собственности, указывает на богатство, а где рабы приобретаются посредством захвата на войне, — это мужество владельца». ²²⁷

Как и прежде, обращаемых в рабство пленников восточные славяне использовали для военных целей. Но если раньше рабы-пленники как бы восполняли убыль родовых отрядов и племенного войска, то теперь они группировались вокруг отдельных лиц, прежде всего князей и правителей, сбиваясь в боевые дружины, выступавшие нередко в качестве личной гвардии властителей. Яркой иллюстрацией тому является рассказ Ибн Фадлана о царе русов: «Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатейшей, его сподвижников, причем находящиеся у него наложные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него». ²²⁸ Умерщвление «сподвижников» царя после его смерти — верный признак их рабского состояния. Принадлежность рабов-«сподвижников» к соплеменникам князя, судя по всему, исключается.

Нечто похожее открывается в отроках, состоявших при княгине Ольге. Летописец, изображая сцену тризны по князю Игорю, устроенной вдовствующей княгиней в Древлянской земле, говорит: «И повеле людям своим сослужити могилу велику, и яко соспоша, и повеле тризну творити. Посем седоша деревляне пити, и повеле Ольге отроком своим служити пред ними. И яко упишася деревляне, повеле отроком своим пити на ня, а сама отъиде кроме, и повеле дружине своей сечи деревляны; исевоша их 5000». ²²⁹ Отроки, как видим, — слуги. Но они выполняли и военные функции, входя в княжескую дружину на правах младших ее членов. ²³⁰ Служебная роль отроков проглядывает также в сюжете о греческих дарах князю Святославу: «И поведоша Святославу, яко придоша гръци с поклоном. И рече: "Въведете и семо". Придоша и поклонишася ему, и положиша пред ним зла-

²²⁷ Там же.

²²⁸ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С.146.

²²⁹ ИВЛ. Ч.1. С.41-42.

²³⁰ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.90-91.

то и паволоки. И рече Святослав, кроме зря, отроком своим: "Схороните"». ²³¹ Отроки прислуживают князю, но наряду с этим являются и его ближайшим вооруженным окружением. Сама же по себе служба отроков есть признак рабской зависимости.

Весьма симптоматично, что в старославянском, чешском и словацком языках слово «отрок» означало *раб*. ²³² Этимология этого слова приподнимает завесу над происхождением рабства отроков. По мнению лингвистов, оно, будучи общеславянским, образовано с помощью отрицательного префикса *от-* («не») от *рок*, «говорящий». Отсюда отрок — неговорящий, бессловесный. ²³³ Обычно данное значение истолковывают как *не говорящий*, т. е. «не имеющий права речи, права голоса в жизни рода или племени, не имеющий права говорить на вече». ²³⁴ Однако можно предположить и другое. Вполне возможно, что в древности отроками славяне называли не только детей, но и тех, кто не умел говорить на славянском наречии — пленников из чужих, неславянских земель. В этой догадке мы опираемся на мнение выдающегося знатока славянских древностей Любомира Нидерле, который писал: «Слово отрок (*otrok*) первоначально означало того, кто не умеет говорить, и отсюда легко объяснить, почему им назывались и дети и иноплеменные пленные». Еще раз возвращаясь к данной теме, Л. Нидерле отмечал, что поначалу отроками называли тех, «кто не умел говорить, то есть и детей и чужеземных работников». ²³⁵ Отроки, стало быть, составлял

²³¹ ПВЛ. Ч.1. С.50-51.

²³² См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т.3. С.171; Копечный Ф. Ф. К этимологии слав. *otrok*// Этимология. М., 1968. С.54; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С.226.

²³³ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т.1. С.669; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. 1971. С.319; Копечный Ф. Ф. К этимологии... С.55.

²³⁴ См., напр.: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь... С.319; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993 Т.1. С.611.

²³⁵ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С.299, 353.

ряд военных слуг князя, свою родословную вели от рабов-пленников. Они, конечно, не являлись новообращенными X в. Их появление при восточнославянских князьях надо, вероятно, связывать с возникновением в IX в. постоянных княжеских дружин.²³⁶

Полагаем, что сказанного вполне достаточно, чтобы заключить о наличии у восточных славян обращенных в рабство пленников, используемых в военном деле.

Еще одна сфера приложения рабского «труда» у восточных славян VIII–X вв. — наложничество, доставшееся в наследство от предшествующих времен. То была доступная всем (от рядовых до знатных) форма использования пленных женщин. По рассказу Ибн Русте, славянский царь ежегодно объезжает подвластных ему людей. «И если у кого из них есть дочь, то царь берет ее по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, то дает по одному из платьев жены или рабыни в год».²³⁷ Замена платья жены на платье рабыни не оставляет сомнений в том, что под последней надо разуметь наложницу.²³⁸

В. А. Рыбаков, осмысливая свидетельство Ибн Русте, отмечал, что «рабыни есть даже у простых людей».²³⁹ Этим замечанием ученого следует согласиться. Издание Ибн Русте, действительно, дает основание говорить о наличии наложниц у самых широких кругов восточнославянского люда. Тем более не приходится сомневаться в том, что наложницы из рабынь являлись постоянной частью досуга знати. К тому же у знатных лиц, по всему вероятно, наложниц было больше, чем у рядовых соплеменников. Особенно отличались в этом отношении властители. Ибн Фадлан рассказывает, что ложе царя русов «огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе

²³⁶ См.: Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Л. Курбатова. Л., 1991. С.78-80.

²³⁷ Новосельцев А. П. Восточные источники... С.389.

²³⁸ Кстати, в переводе Б. Н. Заходера фигурирует именно «наложница». — Заходер Б. Н. Каспийский свод... С.124.

²³⁹ Рыбаков В. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси // История СССР. 1981, № 2. С.52.

сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников...». ²⁴⁰

Вспоминается и князь Владимир Красное Солнышко, который имел 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде и «200 на Берестове в селци». ²⁴¹ Сам Владимир был «робичичем», т. е. сыном Святослава от рабыни. Нам она известна. Это — Малуша, «ключница» княгини Ольги. ²⁴² Любовные подвиги царя русов и князя Владимира, описанные Ибн Фадланом и древнерусским книжником, связаны, безусловно, с традициями, уходящими в глубь времен и обусловленными не столько половыми наклонностями правителей, сколько архаическими представлениями о роли и назначении носителей власти.

Древние люди верили, что жизнь и душа вождя «симпатическими узами связана с благосостоянием всей страны, что в случае его заболевания или старения заболит и перестанет размножаться скот, урожай сгниет в полях, а эпидемия унесет людские жизни... Весьма симптоматичен в этой связи тот признак одряхления, который решает участь правителя, а именно его неспособность сексуально удовлетворить своих многочисленных жен, другими словами, продолжать род». ²⁴³ Отсюда становится понятной пикантная подробность, сообщаемая Ибн Фадланом: соитие царя русов с наложницами в присутствии своих «сподвижников», чем удостоверилась физическая сила царя и, следовательно, его способность дать управляемому им народу благоденствие. Своеобразной проверкой потенций правителя являлась многочисленность жен (наложниц) царя русов и князя Владимира. О последнем летописец судит с точки зрения христианской морали, обличая в нем женолюбца, «побежденного похотью женской». Летописатель либо ничего не понимал, либо делал вид, что ничего не понимает. В действительности же общение со множеством наложниц — это вменяемая в обязанность обычаям тяжёлая работа, подтверждающая право царя и князя на

²⁴⁰ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С.146.

²⁴¹ ПВЛ. Ч.1. С.57.

²⁴² Там же. С.49.

²⁴³ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С.303.

власть. По опыту различных древних народов известно, что именно наложницы-жены первыми оповещали о наступающей слабости правителя, подводя роковую черту под его карьерой.

Мы далеки от того, чтобы в случае с царем русов и особенно с князем Владимиром усматривать проявление древних верований в их первоизданном свойстве. Скорее всего время и обстоятельства внесли здесь свои изменения, деформировав старые представления. Но они, несомненно, еще сказывались на поведении восточнославянских властителей, причем не только высших, но и рангом пониже. В результате устанавливается еще одна из внутренних потребностей восточнославянского общества в женских полонах.

Наконец, пленники-рабы удовлетворяли религиозные нужды восточных славян в качестве кровавых жертв, приносимых языческим богам. Человеческие жертвоприношения были довольно распространенным явлением у восточных славян, о чем судим по известиям восточных писателей. Согласно Ибн Русте, среди русов находились «знахари, из которых иные повелевают царю как будто они их (русов) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. Если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что «жертва богу»».²⁴⁴

О том же пишет Гардизи: «Есть у них знахари, власть которых распространяется и на их царей. И если знахарь возьмет мужчину или женщину, накинет им на шею веревку и повесит, пока те не погибнут и говорит "это приказ царя", — то никто не говорит ему ни слова и не выражает недовольства».²⁴⁵ Ибн Русте и Гардизи не уточняют, кого знахари приносили в жертву: соплеменников или чужеземцев-пленников. Зато Лев Диакон, о свидетельстве которого уже шла речь, сообщает, как русы, совершая обряд похорон, закололи «по обычаю пред-

²⁴⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники. . С.398.

²⁴⁵ Там же. С.400.

ков множество пленных, мужчин и женщин».²⁴⁶ В Повести временных лет под 983 г. читаем: «Иде Володимир на ятвягы, и победи ятвягы, и взя землю их. И иде к Киеву и творяше требу кумиром с людьми своими».²⁴⁷ Поход Владимира на ятвягов был, как видим, успешным. Несомненно, что он сопровождался захватом пленников, часть которых по возвращении в Киев князь принес в жертву «кумирам». Так позволяет думать применяемый летописцем термин «треба», который в другом летописном тексте напрямую связан с человеческими жертвоприношениями: «И жряху им (кумирам. — И. Ф.), наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими».²⁴⁸ Вернувшийся из удачного похода Владимир совершил кровавую благодарственную жертву кумирам, даровавшим ему победу. Значит, рабы-пленники служили русам необходимым материалом для отправления языческого культа, что также вызывало потребность «ополонений».

Проследившая в источниках свидетельства о захвате восточными славянами пленных с целью удовлетворения военных, религиозных, бытовых и брачных нужд, а также ради обогащения посредством «пленопродавства» и для повышения престижа в обществе, мы не находим в письменных памятниках указаний на использование пленников-рабов в производстве. Если характеризовать их положение с точки зрения социально-экономической, то следует сказать, что перед нами рабы, занятые в сфере прислуживания своим господам, т. е. в непроизводственной сфере. Так продолжалось, по крайней мере, до X столетия, когда древнерусские князья стали обзаводиться селами, где велось промысловое хозяйство.²⁴⁹ Кто жил в княжеских селлах, были ли они населены постоянными жильцами, мы не знаем, поскольку не имеем на сей счет никаких сведений. Правда, некоторые историки полагают, что там находились представители покоренных Киевом соседних восточно-

²⁴⁶ Лев Диакон. История. С.78.

²⁴⁷ ПВЛ. Ч.1. С.58.

²⁴⁸ Там же. С.56.

²⁴⁹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С.45-51.

славянских племен.²⁵⁰

Такое предположение вполне вероятно. Во всяком случае, исторический опыт древних народов показывает, что пленников нередко «сажали на землю в специальных поселках и взимали с них дань продуктами земледелия и ремесла».²⁵¹ В этой связи определенный интерес представляют наблюдения Б. А. Тимощука, касающиеся селения, расположенного поблизости от Ревновского городища на Воляни. По мнению ученого, в этом селении-спутнике, помимо ремесленников, находились землевладельцы-смерды, эксплуатируемые обитателями соседствующей крепости, которых он относит к социальной верхушке.²⁵² «Восточнославянское население, — пишет Б. А. Тимощук, — могло попасть в зависимость от княжеско-дружинной знати в процессе "окняжения" той или иной территории, который сопровождался ликвидацией общинных центров».²⁵³ Окняжение общинной земли с освоением живущего на ней земледельческого люда — историографический миф, легший в основу теории, доказывающей существование в Киевской Руси государственного феодализма.²⁵⁴ Если идея Б. А. Тимощука о смердьях в составе населения в Ревно верна, то разгадку появления занимаемого им поселка следует искать не на путях мнимого «окняжения», а в другой, более исторически реальной плоскости.

Л. В. Данилова, развивая мысль Б. А. Тимощука, говорит: «Обособленность поселений ремесленников и сельчан, обслуживавших потребности крепости, а также меньшее число остатков на месте их жилищ, по-видимому, предполагает их известное неравноправие. Б. А. Тимощук увидел в сельчанах, обязанных выпол-

²⁵⁰ См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955. С.31.

²⁵¹ Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 144.

²⁵² Тимощук Б. А. Восточно-славянская община VI-X вв. н.э. М., 1990. С.119-121.

²⁵³ Там же. С.121.

²⁵⁴ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990.

нять какие-то повинности в отношении общинной вер-хушки и военно-дружинного слоя предшественников древнерусских смердов. Хотя полемика по поводу социального статуса смердов, называемых Русской Правдой, летописью и другими источниками, еще продолжается, и конца ей не видно, совершенно ясно, что это достаточно широкий слой зависимого неравноправного населения, истоки формирования которого уходят в глубь веков. Гипотеза Б. А. Тимощука о зависимом статусе сельчан, населявших спутники-городища, приобретает особую убедительность в свете вывода И. Я. Фроянова о том, что смерды Киевской Руси — люди зависимые и не принадлежащие к местной общине, скорее всего пленники. Сходное предположение может быть высказано и в отношении ремесленников, приставленных обслуживать нужды городища».²⁵⁵

Л. В. Данилова, принимая наш взгляд на смердов как иноплеменников, приведенных в качестве полона и поселенных на земле победителей, вносит соответствующую поправку в построения Б. А. Тимощука, перенося центр тяжести с вопроса о внутривременном принуждении на проблему господства и подчинения в межплеменном аспекте. И это правильно, ибо, как разъясняет сама исследовательница, «появление социального неравенства внутри родовых общин, родов, племен и других объединений, связанных кровнородственными отношениями, было затруднено». Вот почему «оно возникало прежде всего во взаимоотношениях отдельных общностей».²⁵⁶ Здесь, как нам кажется, лучше следовало бы сказать, что появление социального неравенства внутри родственных союзов было «не затруднено», а исключено, что оно поэтому возникало не «прежде всего», а только во взаимоотношениях отдельных общностей. Возникновение социального неравенства внутри названных общностей произойдет с распадом кровнородственных объединений и с устройством общества на территориальных началах.

Б. А. Тимощук пытается обнаружить соседскую общину у восточных славян X в. и, таким образом, представить появление поселений зависимых землевладельцев

²⁵⁵ Данилова Л. В. Сельская община... С.129.

²⁵⁶ Там же. С.96.

как следствие внутренних процессов, переживаемых восточнославянским обществом.²⁵⁷ Но в итоге он дает противоречивую картину, в которой не различить внутреннее принуждение от внешнего порабощения. Ученый пишет: «Итак, конкретные археологические материалы и свидетельства письменных источников позволяют сделать вывод о том, что часть местного (восточнославянского) населения попадала в зависимость от княжеско-дружинной знати в процессе ликвидации общинных центров. Конечно, в такую зависимость население попадало и по другим причинам. Но в ранний период строительства княжеских крепостей основную массу зависимого восточнославянского населения составляли те жители, которые оказывали сопротивление приходу новых феодальных порядков и попадали в зависимость как пленники, но были наделены землей и эксплуатировались как крестьяне. Зависимое население жило отдельными поселениями (они в летописях упоминаются как княжеские села), которые чаще всего располагались вблизи княжеских крепостей, и на их территории сохранялись по традиции общинные порядки».²⁵⁸ Весьма сомнительно, чтобы пленники, поселенные в специальных поселениях, расположенных рядом с «княжескими крепостями» охраняли «общинные порядки». Эти пленники — не общинники, а рабы, находившиеся под жестким контролем княжеских надсмотрщиков и жившие по установлениям своего владельца. никоим образом нельзя говорить об их феодальной зависимости. Они состояли в рабской силе.

Отвергая некоторые построения Б. А. Тимошука, мы, однако, считаем достаточно правдоподобным его предположение о наличии на Руси X в. поселений с пленниками, работающими в княжеском хозяйстве. Косвенно это подтверждают, как уже отмечалось нами, летописные сообщения о селах, принадлежащих киевским князьям. Надо думать, что эти села не пустовали, а населялись.²⁵⁹ По условиям же того времени населить их можно было только инородцами, или пленниками, поскольку

²⁵⁷ Тимошук Б. А. Восточнославянская община... С.122-138.

²⁵⁸ Там же. С.124.

²⁵⁹ Мы согласны с предположением Л. В. Черепнина о том, что применение рабской силы в сельском хозяйстве относится ко време-

ку формирование зависимого люда на внутренней, местной почве не имело под собою необходимых социально-экономических оснований.²⁶⁰ Факты, хотя и единичны, укрепляют нас в этой мысли.

В Истории В. Н. Татищева читаем о князе Святославе, который «ясы и косоги победил» и «много привел в Киев на поселение».²⁶¹ Эта запись содержится во второй редакции татищевской Истории. В первой редакции она выглядит несколько иначе: «И ясы победи, и косоги, и приведе я многи ко Киеву».²⁶² О поселении

ни зарождения в X в. вотчинного землевладения. — Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С.172.

²⁶⁰ Благоприятная для образования внутренних форм зависимости обстановка складывается в результате разложения родового строя и устройства общества на территориальных связях, что происходит на Руси с конца X в. и полное развитие получает в XI-XII вв. (см.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии). Однако Л. В. Данилова пишет: «Современные археологические и исторические исследования с достаточной убедительностью доказывают, что истоки социальной дифференциации у восточных славян уходят в догосударственный период и что восточнославянское общество не только киевского, но и предшествующего времени было в значительной мере стратифицировано. Помимо рабов, число которых в целом было относительно невелико и которые находились за рамками общественной организации подчинившего их этноса, в нем существовала родоплеменная и княжеско-дружинная аристократия, рядовые свободные общинники, полусвободные разных степеней и форм зависимости» (Данилова Л. В. Сельская община... С.115). Относительно рабов мы полностью согласны с Л. В. Даниловой. По поводу же «полусвободных разных степеней и форм зависимости» сильно сомневаемся, полагая, что при господстве кровнородственных отношений, наблюдаемом у восточных славян в VIII-IX вв. и отчасти в X в., имела место лишь одна форма зависимости — рабство, причем внешнего происхождения.

²⁶¹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 49.

²⁶² Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 126.

пленников здесь, как убеждаемся, ничего не говорится. Но в примечании к данной записи В. Н. Татищев замечает, что «козары и косоги по завоевании переведены были и поселены около Киева».²⁶³ Отсюда заключаем: в Киевской Руси середины X в. поселение пленников на землях полянской общины становится более или менее обычным делом. Местом поселений могли быть и княжеские села. По найденному предшественниками пути князя Ярослав и Мстислав, когда в 1030 г. «сограста вой мног, идоста на Ляхы, и заяста грады черненьскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы дихы приведоста, и разделивша я. Ярослав посади своя по Рьси, и суть до сего дне».²⁶⁴

Итак, мы считаем вероятным, что часть приводимых в попойны пленников-рабов восточные славяне поселяли на собственной племенной территории. При этом преследовались разные цели: военно-оборонительные, если пленников размещали на южном пограничье со степняками (например, по Роси), и производственные, если приведенный «полон» сажали на владельческую землю, именуемую селами.²⁶⁵

Возвращаясь к восточнославянскому рабовладению, надо сказать, что по сравнению с «антским периодом» в течение VIII–X столетий в институте рабства у восточных славян многое переменилось.²⁶⁶ Появилось

²⁶³ Там же. С.405.

²⁶⁴ ПВЛ. Ч.1. С.101.

²⁶⁵ Посаждение пленников на землю А. А. Зимин связывает с выкупом. Он пишет: «Очевидно, на Руси в этот период (первая половина X в. — И. Ф.) пленников, посаженных на землю и обрабатывающих свой выкуп, было мало. Это и понятно: на Руси еще незаметно отведения княжеской дружины на землю — и, следовательно, труд рабов почти не применялся в хозяйстве» (Зимин А. А. Холопы на Руси... С.33.) В том, что посаженных на землю пленников было мало, вряд ли можно сомневаться. Но совсем не обязательно труд рабов-пленников во владельческих селах рассматривать лишь как отработку в счет выкупа. То была обычная рабская работа на господина. Но А. А. Зимин проявляет оправданную осторожность, когда говорит о незначительности участия пленников в хозяйственной жизни Руси.

²⁶⁶ Нельзя признать правильным утверждение П. Н. Третьякова о том, что «накануне возникновения Древнерусского государства ра-

бессрочное рабство, хотя сохранялось и прежнее ограниченное определенным временем рабское состояние. Но постепенно не обычай, а воля господина определяет судьбу раба, что также переходило в обычай, давший позднее право рабовладельцу распоряжаться жизнью и смертью тех, кто находился у него в рабской зависимости.

К числу новых явлений следует отнести зачатки внутреннего рабства, впрочем, весьма слабые и маловыразительные.

Еще одна перемена состояла в том, что рабы из подвижной и неустойчивой группы, растворявшейся в свободном населении, мало-помалу соединялись в отдельную социальную категорию, послужившую основой для развития рабовладельческого уклада.

Новым было и то, что рабы приобрели меновую стоимость и мощным потоком хлынули на внешний рынок. Есть достаточно данных, чтобы говорить о значительном подъеме работорговли у восточных славян IX–X вв. Если в прежнюю эпоху выкуп из рабства преобладал над торговлей рабами, то с этих пор превалировать начинают торговые сделки живым товаром.²⁶⁷ Причем, хотя и очень медленно, но шаг за шагом развивается внутренняя работорговля, достигшая в X в. некоторых успехов.²⁶⁸

Несколько разнообразнее стало использование рабов: за них получали выкуп, ими торговали (преимущественно на внешнем рынке), применяли в качестве воинов²⁶⁹ и

бовладение у восточных славян имело примерно те же формы, что и рабовладение у антов VI в.». — Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С.292.

²⁶⁷ Не стоит преувеличивать значение выкупа рабов для Руси X в., как это делает А. А. Зимин (см.: Зимин А. А. Холопы на Руси... С.28-41). Однако не следует, подобно В. О. Ключевскому, впадать в другую крайность и вовсе отрицать выкупную практику «у той ветви славян, которая после Маврикия отлила на Днепр». — См.: Ключевский В. О. Соч. в девяти томах. М., 1990. Т.VIII. С.214.

²⁶⁸ См. с.122-123 настоящей книги.

²⁶⁹ Помимо приведенных выше фактов использования рабов в военном деле, сошлемся на любопытное свидетельство из речи патриарха Фотия по поводу нападения Руси на Константинополь в 865 г

дуг, приносили в жертву языческим богам, их копили ради повышения престижа в обществе, широкое распространение получило наложничество рабынь.

В источниках вплоть до X в. не прослеживается эксплуатация рабов в производстве. Предположительно, конечно, можно думать, что пленники-рабы, приводимые домой простыми восточнославянскими войнами, включались в производственную деятельность и трудились вместе и наравне с другими членами семейно-родовых коллективов в тех краях, куда забросила их судьба. С X в. появляются первые признаки использования труда рабов-пленников в княжеских селах. Но в целом рабский труд не играл сколько-нибудь заметной роли в экономике восточнославянского общества, и потому едва ли можно говорить о наличии у восточных славян VIII-X вв. рабовладельческого хозяйственного уклада.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что восточнославянские рабы указанного времени — в подавляющей массе бывшие пленники. Внутреннее рабство едва только прорастало, будучи практически неприметным. Война — единственный, в сущности, источник пополнения рабов в восточнославянском обществе.

Обращение в рабство пленников являлось своеобразной формой эксплуатации одних племенных общностей другими. Это означает, что социальное неравенство у восточных славян не имело еще внутренних стимулов и было локализовано в области межплеменных отношений.

Нельзя также забывать, что в пленениях находило выражение также превосходство сверхчувственных потенций того или иного этнического образования над сво-

Патриарх восклицает: «О город, царствующий почти над всею вселенною, какое войско, не обученное военному искусству и составленное из рабов, глумится над тобою...» (Васильевский В. Г. Труды. Т. III. Пг., 1915. С. СXXXIII). Конечно, речь Фотия, как верно замечал В. Г. Васильевский, не дипломатический документ и не историческая записка, а проповедь, исполненная риторического пафоса, построенная на антитезе, заключенной «в сопоставлении величия царственного града и ничтожества врагов, которые подняли против него свои руки» (там же). Но несмотря на все это, нам все-таки в словах Фотия слышится намек на участие рабов в войске руггов.

ими соседями. Следовательно, побудительные мотивы полонов возникали не только в материальной, но и в духовной сфере.

Раб-пленник являлся наиболее древней фигурой зависимого люда на территории, занятой восточным славянством. Естественно предположить, что в древнерусских письменных источниках он должен быть упомянут прежде, чем какой-нибудь представитель иных групп зависимого населения. И вот тут наше внимание привлекают термины «челядь», «челядин».

К ВОПРОСУ О ЧЕЛЯДИ НА РУСИ КОНЦА IX-НАЧАЛА XI ВЕКА

Более полувека назад занятый изучением российских древностей Б. Д. Греков как-то заметил, что понятия «челядин» и «челядь» в исторической литературе «всегда относились к важнейшим объектам исследования».²⁷⁰ И он нисколько не преувеличивал: не было и нет сколько-нибудь заметного исследователя общественного строя Древней Руси, который оставил бы в стороне вопрос о челяди. Высказывания отечественных историков о челяди конца IX-начала XI в. можно разделить на две точки зрения. Согласно первой из них, челядь — это рабы, а соответственно второй за челядью скрывались не только рабы, но и люди нерабской зависимости, которую советские историки определяли как феодальную.²⁷¹

Представители последней точки зрения большое значение придавали этимологическим данным, касающимся слова «челядь». В этом слове, по мнению Б. Д. Грекова, «отражена история общественных отношений с очень отдаленной поры. Челядь, человек, колено (в смысле поколения), литовское *keltis*, латышское *kilts* — это

²⁷⁰ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве М.; Л., 1937. С.85. Эти понятия историк считал одними из «наиболее ответственных и содержательных». — Там же.

²⁷¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.97-133.

ные слова одного корня, которые ведут нас к глубокой старине, когда *keltis* и *kilts* значило — *genus, Geschlecht*, т. е. род. Этот же термин на новой ступени общественного развития у болгар, русских, чехов и др. стал обозначать семью, детей, у арабов — женщину в семье и зависимых людей, детей. Соответствуя понятию *familia*, этот термин менял свое содержание вместе с историей *familia*, в состав которой первоначально входили домашние рабы, а с течением времени все чаще и чаще стали входить и не-рабы». ²⁷² Понятие *familia* послужило Б. Д. Грекову ключом к разгадке термина «челядь».

Приверженцы расширительного толкования слова «челядь» как обозначения рабов и нерабов порою механически переносят древний смысл этого слова на его конкретные упоминания в источниках. Например, М. Б. Свердлов, снимая противоречие по поводу продажи и непродажи челяди, обнаруженное им (ранее до этого, кажется, никто из исследователей не догадался) в договоре Олега с греками, говорит: «Это явление объясняется широким значением термина "челядин", восходящим к родоплеменному обществу. Членов большой патриархальной семьи и зависимых соплеменников, по разным причинам неравноправных, продавать было нельзя», тогда как «патриархальных рабов» продавать было можно. ²⁷³ Полагаем, что подобная терминологическая методика исследования порочна, поскольку лишена историчности. Досадно и то, что М. Б. Свердлов не учел наблюдения отдельных, наиболее вдумчивых, лингвистов, в частности, А. С. Львова, у которого читаем: «*Сел-едь* — образование с суффиксом *-едь*, *-ядь* с собирательным значением и обозначение им *дети, члены семьи, большая семья* является естественным и первичным, древнейшим. Этим следует объяснять сохранение во многих славянских языках в слове *селъядь* значения *дети* в смысле *потомки, потомство*. Появление в классовом обществе значений *прилуца, батрак* и т. д., первоначально входившие в состав семьи, также понятно и естественно. Однако особня-

²⁷² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 168.

²⁷³ Свердлов М. Б. Челядь и холопы в Древней Руси // Вопросы истории. 1982, № 9. С. 47.

ком стоит др.-рус. *челядин, челядь*, которые, как люди, не имеют собственно никаких прав и являются предметами торговли — и все это к тому же не позже начала X в. закреплено законодательством...».²⁷⁴ Последнее заключение А.С.Львова предостерегает от формальных и потому поверхностных этимологических сопоставлений, касающихся терминов «челядь», «челядин», побуждая к определению их содержания с помощью не столько языковых аналогий, всегда в высшей степени условных, сколько посредством тщательного анализа всех упоминаемых письменными памятниками случаев, где они фигурируют.

Впервые со словом «челядин» нас знакомит Повесть временных лет, сохранившая тексты договоров Руси с Византией X в. Среди различных статей, толкующих о самых разнообразных предметах, договор Олега с греками 911 года включает соглашение в вопросе о челяди: «Аще украден будет челядин Руский, или уско-чить, или по нужи продан будет, и жаловати начнуть Русь, да покажется таковое от челядина, да поимуть и Русь; но и гостие, аще погубиша челядин, и жалуют, да ищуть и, обретаемое, да поимуть е... Аще ли кто искушенъа сего не даст створити местник, да погубить правду свою».²⁷⁵ Каково социальное положение человека, называемого в договоре челядином?

Современные историки обычно усматривают в нем раба.²⁷⁶ Иначе думал Б. Д. Греков. «Едва ли в этой

²⁷⁴ Львов А. С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С.235-236.

²⁷⁵ Памятники русского права. М., 1952. Вып.1. С.9.

²⁷⁶ См., напр., Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси// Исторические записки. 56. 1956. С.240; 2) Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв.// Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, С.171; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С.124; Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С.36-38; Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства// Труды Всесоюзного юридического заочного ин-та. Т. XIV. Проблемы истории государства и права. М., 1970. С.147; Мавродин В. В. Образование Древнерус-

статье, — писал он, — имеются в виду обязательно только рабы, привезенные в Константинополь на продажу. Школьные возможно, что это слуги, сопровождающие своих господ в далекое путешествие, среди которых, естественно, были и рабы. Закон оберегает их от насильственной продажи, каковая удостоверяется, в случае если она имела место, самим челядином; возвращенный из бегов, из насильственной продажи челядин возвращается обратно в Русь. Эта мысль подчеркнута дважды. Среди этих слуг могли быть и подлинные рабы и не рабы. Продавались, конечно, незаконно, в Древнерусском государстве и закупы, т. е. не-рабы, и, вероятно, другие категории населения».²⁷⁷ Нетрудно заметить, что Б. Д. Греков акцентирует внимание на незаконной продаже челядина, оставляя в стороне другие казусы договорной статьи, связанные с челядином. Похоже, он поступил так потому, что эти казусы плохо вяжутся с не рабским статусом челяди, о чем скажем ниже.

Весьма сложное, надуманное толкование настоящей статьи русско-византийского договора предлагает М. Б. Свердлов. Челядин у него здесь раздваивается, выступая в качестве «патриархального» раба, которого продавали, а также члена патриархальной семьи и неполноправного, зависимого соплеменника, чья продажа не допускалась.²⁷⁸ Рассуждая о характере зависимости своих героев, М. Б. Свердлов пользуется разноречивыми формулировками: «значительная степень зависимости челяди»;²⁷⁹ «полная зависимость челяди от господина»;²⁸⁰ «ограниченные формы зависимости челядина

от своего государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С.62; История Византии в трех томах. М., 1967. Т.2. С.230.

²⁷⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. С.165.

²⁷⁸ Свердлов М. Б. 1) Об общественной категории "челядь" в Древней Руси// Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971. С.55; 2) Челядь и холопы в Древней Руси. С.46-47; 3) Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С.76-77. В последней работе автор уже не упоминает «зависимого соплеменника», говоря «свободных родственников, по разным причинам неполноправных». — См.: Свердлов М. Б. Генезис... С.76.

²⁷⁹ Свердлов М. Б. Об общественной категории... С.55.

²⁸⁰ Свердлов М. Б. Челядь и холопы... С.46. См. также: Сверд-

от господина». ²⁸¹ Приведя статью 12 договора 911 г., пресекающую кражу, бегство и продажу «по нужи» челядина, он говорит, что «важно определить лицо, которое "по нужи" продавало челядина, и понять слова "по нужи". В первом казусе ("еще украден будет") подразумеваются три лица: челядин, господин и вор. Во втором случае ("или ускочит") определяются отношения двух лиц: челядина и господина. В третьем неясно, кем продан "по нужи" челядин — господином или третьим лицом». ²⁸²

Устраняя досадную неясность источника, историк склоняется к мысли, что челядина продавал "по нужи" ни кто иной, как господин. При этом доводы следующие: «Если предположить насильственную продажу челядина третьим лицом, пришлось бы считать, что данный казус фиксирует нарушение прав собственности господина. Во всех случаях основанием для возвращения челядина была жалоба "Руси", т. е. господина или стоящих за господином или челядином лиц. Нарушение права собственности на челядина уже упоминалось в первом казусе о краже челядина, поэтому насильственная продажа третьим лицом является лишь вариантом первого случая. В композиции статьи — это неудачный повтор после казуса бегства челядина. Если считать третий казус фиксацией отношений трех лиц — господина, челядина и Руси, которая обжалует такую продажу, — то он воспринимается как большая новая тема в отношениях господина и челядина по сравнению с первым и вторым казусами. Поэтому представляется, что продажа "по нужи" предусматривает продажу челядина господином под принуждением или по нужде, по необходимости. В этом случае складывалось, казалось бы, парадоксальное положение. Русь могла обжаловать такую продажу, и челядин возвращался на Русь. Вместе с тем существовала "челядинная цена", что свидетельствовало о продаже русскими челяди в Византию. Вероятно, в этом противоречия нет. Существовала челядь, которую продавали, — патриархальные рабы; за ними не стояли семейно-родственные коллективы. Но была и такая че-

лов М. Б. Генезис... С.77.

²⁸¹ Свердлов М. Б. Об общественной категории... С.55.

²⁸² Свердлов М. Б. Челядь и холопы... С.46-47.

чидь, продажа которой не допускалась, а в случае продажи насильно или по необходимости, челядина по жалобе со стороны Руси могли возвратить на Русь».²⁸³

Мы намеренно столь пространно воспроизвели систему аргументации М. Б. Свердлова, чтобы нагляднее показать степень ее убедительности. Скажем откровенно: она нам кажется предвзятой. Автор во что бы то ни стало старается доказать смешанный состав челяди, не останавливаясь перед явными натяжками, скрытыми под внешним академизмом и многословием. Начинает он, впрочем, с верной посылки, говоря о важности для исследователя «определить лицо, которое "по нуки" продавало челядина, и понять слова "по нужи"». Но затем у него идет целый ряд если не манипуляций, то произвольных операций над ними, приводящих порой к нелепостям.

Указав со ссылкой на И. И. Срезневского, что слово «нужа» в памятниках XI–XII вв. выступало в значениях «нужда, необходимость», «принуждение, насилие», «притеснение» и др., М. Б. Свердлов утверждает, будто господин продавал своего челядина «под принуждением или по нужде, по необходимости», нарушая тем его права. Здесь связаны в единую смысловую цепочку разные ситуации: одно дело продать челядина «под принуждением», т. е. насильно, а другое — «по нужде, по необходимости». Конечно, продажа «по нужде» и «необходимости» не исключает принуждения и насилия. Но в таком случае договорная статья должна была бы содержать соответствующее уточнение и формулировать Klaus несколько иначе, чем это сделано при составлении договора. Между тем в ней фигурирует лишь одно выражение, характеризующее продажу челядина, — «по нужи». Следовательно, из всех значений, присущих слову «нужа», нам необходимо подобрать такое, которое наиболее соответствует смыслу интересующей нас статьи, а не запутывать, подобно М. Б. Свердлову, многозначностью данного слова и без того трудный для разумения ее текст. «Принуждение, насилие» — вот это значение.²⁸⁴ Стало быть, формула «по нужи продан будеть» имеет в виду случай, когда челядин продается на-

²⁸³ Там же. С. 47. См. также: Свердлов М. Б. Генезис... С. 76.

²⁸⁴ Именно так И. И. Срезневский толкует слово «нужа», содер-

сильно.²⁸⁵ Кто выступал в роли продавца? Отнюдь не господин челядина, как считает М. Б. Свердлов. Содержание статьи 12, ее композиционное строение никак не согласуются с его утверждением.

Статья стоит на страже интересов владельцев челяди и защищает их право на живую собственность.²⁸⁶ Она фиксирует казусы, когда это право нарушается, называя кражу челядина третьим лицом, побег от господина, совершенный самим челядином, и насильственную продажу челядина опять-таки третьим лицом.²⁸⁷ И здесь нет никаких повторов, о чем пишет М. Б. Свердлов, ибо перед нами проходят разные случаи нарушения владельческих прав на челядь (кража, бегство, продажа), что подчеркнуто разделительно-перечислительным союзом *или*, с помощью которого составлен перечень этих случаев, сведенных воедино в договорной статье.

Серьезное значение при удовлетворении иска договор придавал показаниям челядина: «Да покажетсяя

жащееся в статье 12 договора 911 г. Руси с греками (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 474). М. Б. Свердлов механически присоединяет к установленному И. И. Срезневым значению этого слова («принуждение, насилие») другие представленные в Материалах значения («нужда, необходимость»), создавая неудобоваримую семантическую смесь.

²⁸⁵ Соответствующим образом переводят текст о челядине русско-византийского договора современные ученые, издававшие памятник либо отдельно, либо в составе Повести временных лет. — См., напр.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 13; ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 225; Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957. С. 18; Начало русской литературы: IX–начало XII века. М., 1978. С. 51.

²⁸⁶ Надуманным представляется мнение М. Б. Свердлова о том, будто бы в данной статье «регламентируются отношения между хозяином-русином и челядином, украденным, беглым или проданным хозяином» (Свердлов М. Б. Об общественной категории "челядь"... С. 55). Главная ее задача состояла в том, чтобы оградить господина от покушения на его собственность, от кого бы оно не исходило.

²⁸⁷ Возможно, продавец принадлежал к русским купцам, как полагает А. А. Зимин (Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 36). Но говорить об этом с полной уверенностью, конечно, нельзя.

никовое от челядина, да поимуть и Русь».²⁸⁸ По мысли М. Б. Свердлова, «показание самого челядина» есть свидетельство признания за ним права юридического лица,²⁸⁹ в чем он видит новое подтверждение наличия среди челяди не только рабов, но и «свободных родственных, по разным причинам неравноправных», т. е. лиц нерабского состояния.²⁹⁰ Однако показание челядина не может служить фактом, указывающим на его нерабский статус. Даже в эпоху Русской Правды наказания раба являлись важным элементом судебного разбирательства. Вспомним хотя бы ст.38 Пространной Правды, восходящую к ст.16 Краткой Правды и ее конкретизирующую.²⁹¹ Она гласит: «Аще познаеть кто челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам до 3-го свода; пояти же челядина в челядин место, а оному дати лице, ать и деть до конечняго свода, а то есть не скот, не лзе рчи: у кого есмь купил, но по языку ити до конца...».²⁹² По поводу данной статьи Б. А. Романов говорит: «Перед нами здесь картина внутренней работорговли с довольно быстрым оборотом и пример строгой внимательности к индивидуальным интересам владельца: все потерпевшие и вовлеченные в эту сомнительную сделку цепко держатся за "своих" челядинов, которые считаются не легко взаимозаместимыми предметами сделок перепродажи, а скорее предметами целевых покупок для личной эксплуатации. Подразумевается при этом, что каждый купивший краденого челядина обычно имеет рабов и кроме того».²⁹³ В целях защиты «индивидуальных интересов владельца» Русская Правда устанавливает необходимость показаний челядина,

²⁸⁸ А. А. Шахматову, отождествлявшему челядина с рабом, это, по-видимому, показалось неестественным, и он слова «от челядина» заменил словами «о челядине» (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т.1. С.39.). Однако, по словам А. А. Зимина, такая «конъюнктура не основательна». — Зимин А. А. Холопы на Руси... С.37.

²⁸⁹ Свердлов М. Б. 1) Челядь и холопы... С.47; 2) Генезис... С.77.

²⁹⁰ Свердлов М. Б. Генезис... С.76-77.

²⁹¹ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI-XIII вв. Л., 1966. С.42.

²⁹² Правда Русская. I. Тексты. М.; Л., 1940. С.107-108.

²⁹³ Романов Б. А. Люди и нравы... С.42-43.

облегчающих процедуру свода, исходя из признания за ним дара речи, что только и отличает влекомого «по кунам» челядина от скота. В остальном же челядин и скот, — так сказать, сиамские близнецы.²⁹⁴ Поэтому показания челядина, предусмотренные договором Руси с греками 911 г., нельзя использовать как аргумент, говорящий о нерабском общественном положении челяди времен первых Рюриковичей. Следовательно, статья 12 договора под челядином разумеет раба.

Челядинный силуэт вырисовывается в статье 9 того же договора: «Аще полоняник обою страну держим есть или от Руси, или от Грек, продан в ину страну,²⁹⁵ ци обраться или Русин или Гречин, да искупить и възвратять искупное лице в свою страну, и возмутъ цену его купящий, или мнисья в куплю на день челядинаа цена».²⁹⁶ Эта статья примечательна тем, что через понятие «челядинная цена» связывает пленника с челядином, позволяя ближе познакомиться с последним. Надо, впрочем, заметить, что данное понятие толкуется в исторической литературе по-разному.

²⁹⁴ По словам А. А. Зимина, «указание на то, что челядин "есть ие скот" свидетельствует о начавшемся изменении в правовом положении холопов. В этот период холопов часто сажают на землю, в силу чего они приобретают некоторые права. Косвенным подтверждением является данная статья» (Памятники русского права. Вып. I С.155). Более пронизательным в данном случае был Б. А. Романов, согласно которому «оговорка, что челядин "не скот", означала не какое-либо изменение в общественной оценке холопа, а подчеркивала лишь то техническое удобство, что челядин обладает органом речи, что и облегчает процедуру свода. В остальном на бытовом языке холоп — тот же "скот"» (Романов Б. А. Люди и нравы. С.44). Примечательны и суждения В. О. Ключевского, исходившего, помимо прочего, и из привлекающей сейчас наше внимание статьи Пространной Правды. Историк писал: «Холопство в Русской Правде является с такими резкими чертами неволи, которые лишали холопа значения лица в юридическом смысле слова, приближая его к вещи, к домашнему скоту». — Ключевский В. О. Соч. в девяти томах. М., 1989. Т. VI. С.260.

²⁹⁵ Мы придерживаемся чтения «в ону страну», содержащемся в Лаврентьевском списке Повести временных лет. — См.: ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб.36.

²⁹⁶ Памятники русского права. Вып. I. С.8.

В. Н. Татищев переводил текст договорной статьи «челядинной ценой» следующим образом: «Буде пленники у русских или грек имеются, оным всех освободить. А если запродан в другое владение, а не увести, должно возвратить. И впредь ни греком, ни русским не продавать и не покупать. А ежели купил до сего, то, взяв данную или поденную рабам уставленную цену, и отпустить в отечество».²⁹⁷ Под «челядинной ценой» В. Н. Татищев, как явствует из его перевода, разумел цену, равную той, что уплачена при покупке пленника, а также определенную сумму, отработанную рабом поденно. Историк, стало быть, совместил два разных принципа погашения «челядинной цены», усложнив тем и без того трудный для истолкования предмет.

У Н. М. Карамзина более ясное видение сюжета: «Ежели найдутся в Греции между купленными невольниками Россияне или в Руси Греки, то их освободить и взять за них, чего они купцам стоили, или настоящую, известную цену невольников...».²⁹⁸

По С. М. Соловьеву, «челядинная цена» есть искупная или общая цена невольника.²⁹⁹

Платеж за пленника, зависящий от покупной его стоимости «для лица, от коего он выкупается», — так определял «челядинную цену» А. В. Лонгинов.³⁰⁰ Нетрудно заметить в его словах нечто сходное с тем, о чем говорил Н. М. Карамзин.

Близкий на сей счет к С. М. Соловьеву взгляд замечаем у В. О. Ключевского. Он писал: «В договорах Руси с греками X в. встречаем условие, по которому жители одной из договаривающихся стран, попавшие пленными в другую, выкупались по установленной холопией такте, или текущей "челядинной цене", и возвращались в отечество».³⁰¹

²⁹⁷ Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М.; Л., 1963. II С.38.

²⁹⁸ Карамзин Н. М. История Государства Российского в двенадцати томах. М., 1989. Т. I. С.108.

²⁹⁹ Соловьев С. М. Соч. в восемнадцати книгах. М., 1988. Кн. I. С. 137.

³⁰⁰ Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса, 1904. С.156.

³⁰¹ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. VIII.

В новейшей историографии высказываются различные суждения о «челядинной цене». М. В. Левченко усматривает в ней «соответствующую компенсацию» стороне (русской или греческой), оказавшей содействие в выкупе и отправке на родину невольника — «русина» или «гречина».³⁰² Столь же неопределенно рассуждает А. Н. Сахаров, говоря о возвращении «руссами захваченных в плен греков за выкуп по установленной цене».³⁰³ К тому же он здесь почему-то видит обязательство одной лишь «русской стороны».³⁰⁴ Но ни М. В. Левченко, ни А. Н. Сахаров не сочли нужным выяснить, на какой основе складывалась «челядинная цена». Попытку в этом направлении предпринял А. А. Зимин. В одной из своих ранних работ он, перекликаясь с В. Н. Тащицевым, истолковал «челядинную цену» как «поденно отработанную рыночную цену раба».³⁰⁵ О поденных отработках в счет погашения выкупа исследователь размышлял и в поздней книге, посвященной холопству в древней Руси.³⁰⁶ Однако сам А. А. Зимин существенно ограничил свою догадку, отметив, что «на Руси в этот период пленников посаженных на землю и обрабатывающих свой выкуп, было еще мало», что «труд пленников почти не применялся в хозяйстве».³⁰⁷ Если это так, то с какой стати договаривающиеся стороны, заключая соглашение, преследующее цель разрешить особо значимые и типичные для русско-византийских отношений вопросы, взяли за источник «челядинной цены» такое редкое явление, как труд пленников. Легко сообразить, что они не должны и не могли это сделать. Стало быть разгадка «челядинной цены» кроется в другом.

На наш взгляд, «челядинная цена» статьи 9 договора

С.214.

³⁰² Левченко М. В. Очерки... С.123.

³⁰³ Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси: IX-первая половина X в. М., 1980. С.172.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Памятник русского права. Вып.1. С.13, 20.

³⁰⁶ См.: Зимин А. А. Холопы на Руси... С.30-33. М. Б. Свердлов, приняв мнение А. А. Зимина, от себя добавил, что в этом случае «челядинная цена» не является свидетельством о продаже челяди. — Свердлов М. Б. Челядь и холопы... С.46.

³⁰⁷ Там же. С.33.

Руси с Византией 911 г. — это плата за «полоняника» (русина или гречина), выкупленного и возвращенного в свою страну,³⁰⁸ которая шла в счет погашения выкупной суммы. Размер ее менялся, находясь в зависимости от рыночной конъюнктуры, спроса и предложения на живой товар («мнится в куплю на день»). Иными словами, го была, пользуясь выражением В. О. Ключевского, «текущая цена».

Нельзя согласиться с А. А. Зиминим в том, будто «челядинная цена» рассматриваемой договорной статьи отличается по существу от цены пленника. Согласно исследователю, «"челядинная цена" в данном случае ясно противостоит цене пленного (в ст.9 и в других статьях говорится просто цена, которая отличается от челядинной союзом "или")».³⁰⁹ Мы не знаем «других статей» договоров Руси с Византией, где фигурируют термины «цена» и «челядинная цена», между которыми стоит союз *или*.³¹⁰ Такая конструкция имеется лишь в статье 9 договора Олега с греками. Но там союз *или* имеет, по нашему мнению, не *противительную*, а *пояснительную* функцию. При подобном понимании союза *или* соответствующая часть названной статьи («и возмуть цену его купящии, или мнится в куплю на день челядинаа цена») приобретает простой и ясный смысл: выкупивший полоняника и возвративший его на родину получает плату³¹¹ в размере текущей рыночной «челядинной

³⁰⁸ См.: Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Исторические записки. 56. М., 1956. С.240; 2) Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С.171.

³⁰⁹ Там же. С.30.

³¹⁰ Надо сказать, что сам термин «челядинная цена» встречается единственный раз и только в договоре Руси с Византией 911 г.

³¹¹ Одно из значений в древнерусском языке слова «цена» — это *плата* (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб.1458). Правда, в Словаре И. И. Срезневского термин «цена» из статьи 9 договора Олега с Византией истолкован как *цена, стоимость* (Там же. Стб.1459). Безусловно, в этой статье данный термин выступает в значении

цены», т. е. стоимости раба-пленника.³¹² Такое толкование нам представляется естественнее, чем выдвигаемая А. А. Зиминным версия: «Если пленник (из числа подданных) той или иной страны насильно удерживается русскими или греками, будучи запродан в другую страну, а объявится (соотечественник пленного), русский или грек, то (тогда разрешается его) выкупить и возвратить выкупленного на родину, а (купцы его) купившие, возьмут цену его, или пусть будет засчитана в выкупную цену поденно (отработанная рыночная) цена челядина».³¹³

Обращает внимание надуманность изображаемой А. А. Зиминным ситуации, когда русские или греки насильно удерживают пленника, «запродав» его в другую страну. Неужели, чтобы удерживать силой пленника, надо заключить предварительное условие о его продаже с покупателем из чужой страны? Ведь пленник — это потерявший свободу и удерживаемый (само собой разумеется, насильно) тем, кто пленил несчастного. Совершенно неуместен, собственно, и мотив о «запродаже», или предварительном заключении условия о продаже пленника. Тут А. А. Зимин чересчур усложняет смысл статьи.³¹⁴ Непонятно далее, чем принципиально отличается цена, подлежащая «купившему» (освободившему) пленника, от «цены челядина». Думается, тут нет качественных различий, хотя количествен-

стоимость, но только в словосочетании «челядинная цена». Таким образом, можно говорить о двух значениях слова «цена» в упомянутой статье: *плата и цена, стоимость*. Видимо, поэтому И. И. Срезневский поместил выдержку из нее среди текстов, сгруппированных вокруг значений *цена, стоимость* (Там же). При этом другие отрывки русско-византийских договоров с наличествующим в них словом «цена» приведены для иллюстрации понятия «плата». — Там же.

³¹² По А. С. Львову, слово «цена» фигурирует в договорах Олега и Игоря как обозначение стоимости человека и вещи. — Львов А. С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 261.

³¹³ Памятники русского права. Вып. 1. С. 12-13.

³¹⁴ Проще и точнее текст Б. А. Романова и Д. С. Лихачева, переводчиков Повести временных лет: «Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну...». — ПВЛ. Ч. 1. С. 224.

ные несоответствия имели место, о чем речь впереди. А сейчас следует признать (независимо от того, хочешь это или нет): за освобожденного пленника, согласно русско-византийскому договору 911 г. выплачивалась «челядинная цена», которую А. А. Зимин некогда рассматривал «как мерило для выкупа русских пленников». ³¹⁵ Все это, безусловно, означает, что челядин и пленник — социально родственные лица. ³¹⁶

Вместе с тем договор Олега с греками содержит статью, где плата за пленника определяется без каких-либо соотношений с «челядинной ценой». Это статья II, которая гласит: «От Руси о пленени, многажды от коеа любо страны пришедшим в Русь и продаемым в Хрестьяны. И еще же и от Християн плененных, [многажды] от коеа любо страны приходящим в Русь, се продаеми бывають по 20 злата, и да приидуть в Грекы». ³¹⁷ Данная статья не может, как нам думается, быть понята так, что она будто полностью отгораживает пленника от челядина. Ее задача в другом: установить твердую и, похоже, выгодную русам расценку на выкупаемых пленников-греков, ³¹⁸ привезенных с целью продажи «в Русь» из других стран. Ясно, что отраженная в ней реальная конкретика несколько отличается от описываемой в статье 9, чем и объясняются, с нашей точки зрения, различия в употреблении терминов.

И все же договор Олега с греками позволяет увидеть и челядином не просто раба, а именно раба, попавшего в рабство через плен.

Не обошел стороной челядина и договор Руси с Византией 944 г. В нем, как и в соглашении 911 г., достигнута договоренность о челядине: «Аще ускочить челядин от Руси, понеже придуть в страну цесарьствия нашего и от святаго Мамы и аще будеть обратется, да поимуть и;

³¹⁵ Памятники русского права. Вып. I. С. 47.

³¹⁶ Это тонко почувствовал Л. В. Черепнин, который связал «челядинную цену» с пленными и высказал мысль о том, что во времена договоров киевских князей с Византией «значительную часть челяди составляли пленники». — Черепнин Л. В. 1) Из истории феодально-зависимого крестьянства на Руси. С. 240; 2) Русь. Спорные вопросы... С. 171.

³¹⁷ Памятники русского права. Вып. I. С. 9.

³¹⁸ Там же. С. 21.

аще ли не обрящется, да на роту идуць наша христианаа Русь по вере их, а не хрестьянии по закону своему, ти тогда взимають от нас цену свою, якоже уставлено ест. преже, 2 паволоце за челядин. Аще ли кто от людии цесартства нашего, или от града нашего, или от инех град ускочить челядин нашъ к вам, и принесеть что, да въспятять и опять, а еже что принесл, будеть все цело, да възмутъ от него золотника два имечнаго».³¹⁹

Челядь, как видим, бежит от своих господ (не от хорошей жизни, разумеется), ее вылавливают, разыскивают как вещь, стараются пресечь бегство челядинов, защитить владельцев челяди от утечки богатства, воплощенного в ней. За каждого бежавшего заранее назначена цена в 2 паволоки, выплачиваемая в качестве компенсации, если розыски беглеца оказались безуспешными. Величина вознаграждения определена с учетом привычных финансовых расчетов («якоже уставлено ест преже»). Можно, не боясь ошибки, сказать, что челядин, упоминаемый в договоре Игоря с греками, есть раб.

В отличие от соглашения 911 г. договор Руси с ромеями 944 г. не обнаруживает явного сближения челядина с пленником, определяя за последнего особую плату: «И елико хрестьян от власти нашея пленена приведуть Русьту, аще будеть уноша или девица добра, да вдасть златник 10, и поиметь и; аще ли ест средовичъ, да вдасть златник 8, и поиметь и; аще ли будеть стар или детищъ да вдасть златник 5. Аще ли обрящются Русь, работающе у Грек, аще ли суть пленници, да искупають я Русь по 10 златник; аще ли купил будеть Гръчин, под хрестомъ достоить ему, да возметь цену свою, елико же дал будеть на немь».³²⁰ За выкупаемых пленников платили, следовательно, от 5 до 10 золотников в зависимости от возраста, тогда как за челядина полагалось 2 паволоки. Впрочем, здесь перед нами, быть может, мнимое различие. Не случайно А. А. Зимин, комментируя фразу «2 паволоце за челядин», замечал: «Русский пленник по ст. 7 (договор 944 г. — И. Ф.) расценивался в 10 золотников; очевидно, паволока равнялась 5 золотникам».³²¹ Но допустим все же, что цена челядина и пленника не

³¹⁹ Там же. С. 32.

³²⁰ Там же. С. 33.

³²¹ Там же. С. 45.

говпадала. И вот тогда при поверхностном прочтении статей о челядинах и пленниках русско-византийских договоров может возникнуть впечатление, будто челядин и пленник не имеют ничего общего друг с другом. За историографическими примерами ходить далеко не надо.

М. Б. Свердлов относится к числу тех, кто пережил это впечатление. Он писал: «В текстах обоих договоров одного различаются челядины и "полоняники", статьи о них являются самостоятельными. "Полоняник" захвачен в другой стране, его продают, покупают. Челядин выжит от хозяина (может прихватить и его добро), его могут украсть или насильно продать. Русские, "работящие у грек", выкупаются на Русь, если они "пленьищи", а не челядь (911 г. ст.9, 11, 12; 944 г. ст.3, 4, 7). Подобные различия свидетельствуют о том, что термины "полоняник" и "челядин" были в X в. не равнозначны. "Полоняник" представлял собой товар для продажи, захваченный на войне. Владение им продолжалось до захвата или купли до продажи. Челядин же был тесно связан с хозяйством господина. Он собственность господина и предмет продажи».³²²

Соображения М. Б. Свердлова страдают, по крайней мере, двумя недостатками: отсутствием внутренней логики и торопливостью осмысления фактов. Из его рассуждений явствует, что челядин «предмет продажи», в чем (наряду с прочим) он отличается от пленника. Но, по словам самого же автора, пленник «представлял собой товар для продажи», являясь, следовательно, «предметом продажи». Чем же с этой точки зрения отличается челядин от пленника? М. Б. Свердлов, не замечая собственной путаницы, оставляет данный вопрос без разъяснений. Еще одно отличие челядина от пленника состоит, по М. Б. Свердлову, в том, что «челядин был тесно связан с хозяйством господина». Между тем он сам опять-таки говорит о русских пленниках, «работящих у грек». Но разве «работающий» не связан с хозяйством господина? Ответ тут, на наш взгляд, должен быть один: конечно, связан.

³²²Свердлов М. Б. Челядь и холопы в Древней Руси. С.48. См. также: Свердлов М. Б. Генезис... С.78, 153.

Скользя по источнику и не вникая должным образом в суть отражаемых им явлений, М. Б. Свердлов изобрел такую конструкцию: «русские, "работающие у грек", выкупаются на Русь, если они "пленники", а не челядь». При этом он ссылается на статьи 9, 11, 12 договора 911 г. и на статьи 3, 4, 7 договора 944 г. Однако ни в одной из перечисленных статей, где речь идет о выкупе русских, не фигурирует условие: «если они пленники, а не челядь». М. Б. Свердлов, увлекшись своей идеей, привнес в источник то, чего там нет.

Аргументы историка, как видим, зыбки, а доводы искусственны. Но это отнюдь не означает, что мы полностью отрицаем желание составителей русско-византийских договоров как-то отделить пленника от челядина. Вопрос в том, сколь это сделано радикально. И здесь надо со всей определенностью сказать: никаких коренных различий в социальном положении пленника и челядина договоры не устанавливают. Но поскольку их размежевание в договорах все-таки намечено, следует объяснить, чем это вызвано. И здесь возможны два объяснения, одно из которых связано с общими представлениями древних людей о статусе пленника, а другое — с конкретными фактами русско-византийских отношений конца IX-первой половины X в.

В древних обществах положение пленника, не адаптированного и не включенного в состав familia или какой-нибудь иной ассоциации, было неизмеримо хуже, чем положение раба, ибо, как замечает Э. Бенвенист, пленник, находясь в руках того, кто взял его в плен, или в руках купца, не пользовался статусом раба, «имеющего хоть какие-то гарантии своего существования».³²³ Эти гарантии он получал лишь тогда, когда входил в коллектив, группу, поскольку традиционное право обращалось не к отдельной личности, а к союзу лиц, будь то род, семья, племя и пр.³²⁴ Естественно предположить, что данные особенности отношения к пленнику в арха-

³²³ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, обществ. II. Власть, право, религия. М. 1995. С.104.

³²⁴ См.: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С.83-144.

ических обществах могли обусловить различие между челядином и «полоняником», обнаруживаемое в русско-византийских договорах. Однако такое предположение скорее подошло бы к русам, переживавшим эпоху варварства, чем к ромеям с их правосознанием и общественными отношениями, далеко ушедшими вперед по сравнению с Русью.³²⁵ В этой связи подобного рода предположение становится еще более проблематичным, если учесть, что статьи о челядинах и пленниках построены на одинаковых взаимных обязательствах русской и греческой сторон. Следовательно, причина некоторого обособления пленника от челядина договоров Руси с греками крылась в другом, на наш взгляд, — в преследуемых участниками соглашений интересах и целях, а именно в возвращении из плена на родину своих сограждан.

Важно не упускать из вида одну элементарную вещь: договоры 911 и 944 гг. определяют порядок выкупа и последующего освобождения пленников не вообще, а только русских и греков. Данное обстоятельство и вызывало, по нашему мнению, необходимость терминологически развести пленника и челядина, что вполне понятно: ведь словом «челядин» на Руси, как мы уже убедились, называли раба-пленника, независимо от его этнической принадлежности. Участников же соглашения волновал вопрос о судьбе лиц собственного этноса, оказавшихся за пределами родной земли в результате полона. Вот почему понадобилось выделить русина и гречина из общей челядинной массы, что и было сделано посредством раздельного применения терминов «челядин» и «пленник». Таким образом, разграничение челядинов и пленников осуществлялось не по социальному, а по этническому признаку. Поэтому нет никаких оснований полагать, что за челядином и пленником скрывались разные общественные категории. Челядин и пленник договоров Руси с Византией — невольники, опрокинутые в рабство полонем. Но за первым стоял нерусин и негречин, а за

³²⁵ См.: Липшиц Е. В. 1) Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX века. М.; Л., 1961; 2) Право и суд в Византии IV—VIII вв. Л., 1976; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодекса Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.

вторым — русин и гречин. Вот, в сущности, и все их различие.

Завершая анализ сведений о челяди, содержащихся в русско-византийских договорах, можно утверждать: и в договоре Олега с греками и в аналогичном соглашении Игоря челядин выступает в качестве раба, попавшего в рабство через плен.³²⁶

Рабская природа челядина отражается и в обстоятельствах, связанных с утверждением договора 944 г., торжественно скрепленного обоюдной присягой. Когда греческие послы отбывали на родину, князь Игорь щедро одарил их: «Игорь же, утвердив мир с греками отпусти слы, одарив скорою, и чалядью и воском, и отпусти я».³²⁷ Кто скрывался за челядью, подаренной киевским князем, догадаться легко: это рабы. Недаром послы одарены ими вместе с мехами и воском — товаром, пользовавшимся постоянным спросом на внешнем рынке.³²⁸ С этой точки зрения летописное известие как бы уравнивает челядь с мехами и воском, намекая на торговлю и челядинным товаром.

Другое летописное известие переводит нас из сферы предположений в область несомненных реалий. Летописец рассказывает: «Рече Святослав к матери своей и к боляром своим: "Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся блага сходятся: от Грек золото, поволоки, вина и оwoщеве различные, из Чех же, из Угор сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь».³²⁹ Переяславец на Дунае, или, как выяснил

³²⁶ А. И. Яковлев был прав, когда писал: «Челядь договоров — это беспокойная, но бессловесная масса "колодников", в которой нет дифференциации иначе, как по полу и по физическим свойствам». — Яковлев А. Я. Холоство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т 1. С. 10.

³²⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 39.

³²⁸ Аналогичным образом надо понимать и слова императора Константина, упрекавшего княгиню Ольгу за то, что не торопилась сдержать обещание, данное ему в Царьграде: «Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь гречьский, глаголя, яко много дарих ти. Ты бо глаголаше ко мне, яко аще възвращося в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воск. . .». — Там же. С. 45.

³²⁹ Там же. С. 48.

В. Перхавко, Преслав Великий, будучи крупнейшим торговым центром Болгарии IX-X вв., стоял на стыке торговых путей.³³⁰ Сюда везли разнообразные товары, среди которых была и челядь, т. е. рабы.³³¹

Удачным дополнением к речи Святослава служит извлечение из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей». В главе девятой своего труда император говорит о путешествии росов из «Руси» в Константинополь с торговыми целями, о тяжелых испытаниях и больших опасностях, лежащих на этом многотрудном пути. Здесь император приводит такие подробности, благодаря которым мы получаем возможность более уверенно судить о челяди, названной Святославом. По рассказу Константина, на четвертом дне восточном пороге все ладьи росов «причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения каражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу и за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог».³³² Отсюда ясно, кого надо видеть в челяди, направляемой на рынок с другими разными товарами. Челядь — рабы, идущие регулярными партиями на византийский рынок.

Академик Б. А. Рыбаков считал возможным отождествить челядь из речи Святослава с «пленными рабами»,³³³ а исследователь истории становления крестьянства у восточных славян А. В. Чернецов — сопроводить

³³⁰ Перхавко В. В. Летописный Переяславец на Дунае // Древнейшее государство Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы. М., 1995. С.176, 177.

³³¹ Там же. С.176. Некогда и Б. Д. Греков относил челядь из речи Святослава к рабам. «Несомненно, — писал он, — чаще всего встречаем мы в наших источниках рабов в качестве товара. Еще Святослав в своем перечне товаров, идущих из Руси, назвал и "челядь"» (Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной вотчине. М.; Л., 1934. С. 55). Не сомневался в рабстве челяди, упомянутой Святославом, и Л. В. Черепнин. — См.: Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. С.240-241.

³³² Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С.47-49.

³³³ Рыбаков Б. А. Первые века из русской истории. М., 1964. С.43.

эту речь следующим разъяснением: «Рабы, постоянно упоминаемые среди вывозимых из славянских земель товаров, в подавляющем большинстве представляли собой военную добычу. Это могли быть пленные из числа неславянского населения или славяне, оказавшиеся в плену в результате межплеменных столкновений».³³⁴ Следует сказать, что Святослав, говоря о поставляемой для продажи в Переяславец челяди, обходит молчанием источник ее формирования, позволяя лишь сделать вывод о рабском положении тех, кем торговали купцы из Руси. При этом, однако, догадки Б. А. Рыбакова и А. В. Чернецова нам представляются все же обоснованными. Мы уже знаем, что в договорах Руси с Византией под челядью разумелись рабы-пленники. Иноземное происхождение челядинства-невольничества подтверждают и другие источники, как устные, так и письменные. К первым относится былина о смерти Чурилы, а ко вторым — Древнейшая Правда. Начнем с былинного источника, не привлекавшегося еще историками при изучении древнерусской челяди.

Былина «Смерть Чурилы» содержит пассаж о «девке», известившей старого Бермяту об измене его жены-красавицы Катерины Микуличны. «Девка» эта явно несвободного состояния. Не случайно она называется «служанкой»,³³⁵ «дворовой»,³³⁶ «страдницей»,³³⁷ «служанкой крепостной».³³⁸ В обращении хозяев к ней сквозит высокомерие и превосходство. Когда Чурила, проезжая мимо дома Бермяты Васильевича, постучался «окошечко косевчато», то «девушка поваренная» не пустила соблазнителя, сказав ему, что в доме нет хозяина

³³⁴ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1. Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.). М., 1987. С.376.

³³⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. II. № 110; Т. III. М.; Л., 1951. № 242, 268, 309; Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941. № 1.

³³⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949. Т. I. № 67.

³³⁷ Онежские былины. . . Т. I. № 35.

³³⁸ Онежские былины. . . Т. I. № 110.

Катерина Микулична разгневана:

Она бьет-то девку по леву лицу,
Сама-то говорит ей таково слово:
- Ай же ты девка е страдница!
Только знала бы ты, девка, шти-кашу варить,
Шти-кашу варить, работников кормить,
Не твое бы дело гостей отказывать.³³⁹

пот как отреагировал на донос «девки» о неверности
ны сам Бермята:

А никто тебя, девку, не спрашивает,
А никто тебя, девку, выведывает.
Знала бы ты, девка, свое дело,
А свое бы ты, девка, дворовое,
Знала бы ты, девка, коров кормить,
Знала бы ты, девка, теляшпов поить.³⁴⁰

Зависимость «девки» скорее всего рабская.³⁴¹ Были-
предлагает нам сведения, позволяющие установить
нфицику ее рабского положения. Правда, есть запи-
и песни, в которых былинные исполнители называют
«девку» словами, чей смысл затемнен и непонятен:

Лег тут спать как Чурилушка,
Лег тут спать да сын Попленкович,
Подли его-то Катеринушка,
.....

Провидала девка дворовая,
Дворовая девка челягична.³⁴²

Бросим-ка, Чурилушка, шашочну игру,
Сядем-ко, Чурилушка, на тисову кровать,
Пришла черная девчонка челяночка.³⁴³

То такие «челягична» и «челяночка», — сказать труд-
но. По всей видимости, перед нами искажение перво-
начального обозначения, ставшего с течением времени
непонятным для певцов и потому испорченным. И

³³⁹ Онежские былины... Т. I. № 35.

³⁴⁰ Там же. № 67.

³⁴¹ См.: Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Исторические черты в были-
нах о Чуриле Пленковиче// Русский фольклор. XXVIII. Эпические
традиции. Материалы и исследования. СПб., 1995. С.172.

³⁴² Онежские былины... Т. I. № 67.

³⁴³ Там же. № 27.

здесь нет ничего необычного: научное источниковедение нередко сталкивается с подобными примерами. К счастью, углубление в песенные варианты обнаруживает это исходное обозначение, ясное и понятное историку. Былина, исполненная И. А. Федосовой, приближает нас к нему:

Тут и спроговорит Чурилушка:
- «Ай же ты, Катерина Микулична,
Лучше сядем на кроваточку — забавимся».
Из задних ворот да из челядинных
Тут увидела злодейка челядинная.³⁴⁴

Еще большую ясность вносят сказители П. Л. Калинин и А. В. Батов:

Увидала девчонка черная,
Хоть бы черна девчонка челядинка,
Тую же Катерину Микуличну
С тым же Чурилушкой Пленковичем.³⁴⁵

Бросим-ка, Чурила, шашечну игру,
Ляжем-ко, Чурила, на тисовую кровать,
На тисовую кроватку, позабавимся.
Увидала тут девчоночка черная,
Черная девчоночка челядинка.³⁴⁶

В отдельных записях вместо «челядинки» фигурирует «целядница»:

Прибегала Катерина Микулична
И пускала Чурилушку Опленковича,
Увидала его девка целядница...³⁴⁷

Нет сомнений в том, что «целядница» является северным фонетическим вариантом слова «челядница», представленного в украинском и белорусском языках.³⁴⁸

³⁴⁴ Федосова И. А. Избранное. Петрозаводск, 1981. № 35. В былине, спетой И. А. Гришиным, встречаем такие слова: «Поваренна девка все челядинна». — Онежские былины... Т. I. № 35.

³⁴⁵ Онежские былины... Т. I. № 8.

³⁴⁶ Онежские былины... Т. II. № 189.

³⁴⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909. Т. I. № 90.

³⁴⁸ См.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского го языка: В 2 т. М., 1959. Т. 2. Стб. 62. Данное обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о «челяднице» как форме более ранней чем «челядинка».

Итак, «девка» из песни о Чуриле есть «челядница-челядинка», т. е. рабыня.³⁴⁹ Но этого мало. Иногда «девка» называется «черной». В данном слове мы так же видим первоначальное обозначение, которое в процессе позднейших осмыслений обернулось в несколько производных наименований: «чернавка»,³⁵⁰ «черनावушка». ³⁵¹ Выдуманно было даже женское имя «Чернява». ³⁵² Возникнем однако в обозначение «черная».

В древнерусском языке слово «чърныи» означало, кроме прочего, *темнокожий*.³⁵³ Следовательно, в этом слове нельзя не замечать этнической окраски. Достаточно вспомнить, что по-древнерусски «чърныи» — название мавров, а «чърная страна» — Мавритания. И здесь довольно выразительным выглядит «черное лицо» былинной «девки». ³⁵⁴ Вполне правомерно предположение о

³⁴⁹ О том, что «девки» входили в состав челяди имеем прямое свидетельство, правда, более позднее, чем X-начало XI в. Во вкладной грамоте Варлаама новгородскому Спасскому Хутынскому монастырю, датируемой 1192-1210 гг. (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 210), говорится о пожалованной «челяди» и «скотине». Среди челяди упоминается и «девка» Феврония (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 104. С. 161). Л. В. Черепнин по поводу вклада Варлаама пишет: «В данной Варлаама Хутынского новгородскому Спасскому монастырю XII в. говорится о передаче земли с "челядью и с скотиною" В числе "челяди" упомянуты "отроки" и "девки" (может быть, — рабы, может быть, — нет)». — Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы... С. 174. Историк не только передает содержание грамоты Варлаама, по которой монастырю передаются не «отроки» и «девки», а «отрок» и «девка». Но оправданной нам представляется двойственная (то ли рабы, то ли не рабы) позиция Л. В. Черепнина. Передачи челяди вместе с «скотиною» — красноречивое указание на рабский характер челяди входящей в нее «девки» Февронии.

³⁵⁰ Былины Пудожского края. № 1; Онежские былины. Т. III. № 224.

³⁵¹ Онежские былины... Т. III. № 224.

³⁵² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. . № 168.

³⁵³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1564.

³⁵⁴ Онежские былины... Т. II. № 189; Федосова И. А. Избранное. № 35.

«черной девке» как о неславянке по этнической принадлежности, попавшей на Русь в рабство из чужих земель. Естественно поэтому песня назвала ее челядинкой (челядницей), указав на появление ее в Киеве со стороны.

Этим не исчерпываются наши соображения о челядинстве «черной девки». В былине есть еще одна для нас точка опоры.

Пока «Катерина дочь Микулична» забавлялась на перине пуховой с «Чурилушкой сыном Пленковичем», возмущенная увиденным «девка» побежала к Бермяте Васильевичу, молившемуся в храме, чтобы поведать ему, какое безобразие «в доме учинилосе»:

Надевала девка платье-то цветное,
Пошла к благовещенской заутрины.
Приходит она в церковь соборную,
Отворяет двери-ти на пяту.³⁵⁵

Любопытно тут открытие церковной двери «на пяту», или настежь.³⁵⁶ Как показывает изучение русского эпоса, в поведении былинных персонажей нет ничего случайного, выпадающего из идейной структуры песни. Каждый поступок действующих лиц, если можно так выразиться, семантичен. Скрывается определенный смысл и в открытой настежь «девкой» двери, ведущей в храм. Смысл этот, по всему вероятно, имеет отрицательный знак относительно «церкви соборной». Нашему предположению, казалось бы, противоречит то обстоятельство, что «девка», войдя внутрь ее, ведет себя вполне благопристойно:

Да крест-от кладет по писанному,
Поклон-от ведет по-ученому,
На все она стороны поклоняется.³⁵⁷

И все-таки мы считаем несоответствующим способ открытия «девкой» церковной двери и последующим естественным поведением в храме. У нас для этого есть основания. Так, согласно иным записям былины, «чернавка», оказавшись в церкви, явно пренебрегает христианскими установлениями:

³⁵⁵ Онежские былины. . . Т. III. № 309.

³⁵⁶ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 552.

³⁵⁷ Там же.

Она скоро-то да по чисту полю,
Еще того скорее во божью церкву,
Не крестя, ни моля да лица черного.³⁵⁸

Она скоро-то шла по чисту полю,
Поскорее того да во божью церкву.
Не крестя она идет да лица черного.³⁵⁹

Нельзя, разумеется, обольщаться, полагая, будто данный текст решает проблему исчерпывающе, поскольку в нем эпизод с открываемой настежь дверью отсутствует. Тем не менее мы думаем, что в первичном тексте былины он был представлен и лишь потом в результате переработок и подновлений, проделанных последующими поколениями былинотворцев, выпал из песни. Произошел искусственный разрыв былинной ткани, куски которой и сохранились в различных записях. О существовавшем некогда органическом единстве в песне двух, как мы считаем, взаимосвязанных моментов, судим по былине «Илья Муромец и Калин царь». Сочинив «грамоту скорописчату», адресованную князю Владимиру, «собака» Калин наказывает своему послу перед его поклоном в Киев:

Ты поди ко князю ко Владимиру,
Ты поди в палаты белокаменны,
Отворяй ты двери-ти на пяту,
Не клади креста ты по-писанному,
Не веди поклона по-ученому...³⁶⁰

О том, что посол Калина, приехав к Владимиру «на широкий двор», открывает дверь «на пяту» и «глаз-то не трестит, богу не молится», узнаем также из других записей былины об Илье и Калине.³⁶¹

Следовательно, вырисовывается некая связь между открытием двери «на пяту» и поведением персонажа внутри помещения. Впрочем, в этой былине, как и в песне о Чуриле, наблюдаются случаи нарушения такой связи, своего рода контаминация, когда образ действия калинова посла переносится частично на Илью Муромца:

³⁵⁸ Онежские былины... Т. II. № 189.

³⁵⁹ Федосова И. А. Избранное. № 35.

³⁶⁰ Онежские былины... Т. III. № 304.

³⁶¹ Онежские былины... Т. I. № 57; Т. II. № 138.

Тут Владимир князь усумнился есть
 И запечалился,
 Сделался невесел, буйну голову повесил.
 И приезжает к нему старый казак Илья Муромец,
 Отпирает он двери-тые на пяту,
 Входи он в полату белокаменну,
 Кресть он кладет по писаному,
 Поклон-от ведет по ученому,
 На вси да на четыре стороны поклоняется.³⁶²

Косвенным свидетельством позднего происхождения такого рода соединения стилей поведения разных действующих лиц может служить песенный фрагмент, где упоминается Ермак Тимофеевич, т. е. герой по сравнению с былинными киевскими богатырями несомненно новый:

Приезжает ко князю ко Владимиру
 Его родный племничек,
 Младый Ермак Тимофеевич.
 Идет он в полату со прихваткою,
 Со прихваткою, не с упадкою,
 И отпирает он дверь на пяту.³⁶³

Изначальный смысл открытия двери «на пяту» здесь настолько утрачен, что певцы не считают нужным отметить, как ведет себя вошедший в княжескую «полату» Ермак Тимофеевич, распахивание двери настежь мотивируется легкостью и ловкостью его походки «со прихваткою, не с упадкою». Но это уже есть результат осмысления действий героя, истинное значение которых со временем стерлось. Восстановить подлинную логику поведения эпических героев у двери помогает все та же былина об Илье Муромце и Калине-царе. В одном из ее вариантов сталкиваемся с весьма многозначительной ситуацией приезда Ильи к Владимиру. Тут события развиваются на бесконфликтной основе, на почве дружелюбия и полного согласия между богатырем и князем, что накладывает и своеобразный отпечаток на описание появления Ильи в палатах Владимира:

³⁶² Онежские былины. . . Т. II. № 105.

³⁶³ Там же.

И входит он палаты потихошеньку,
 Отпирает двери помалешеньку,
 Читит да крестит лицо белое,
 Чудным образом богу молится,
 А Владимиру низко кланяется.³⁶⁴

Столь же показателен и эпизод с прибытием в Киев отца Добрыни из былины о Добрыне и Змее:

Спрашивал он у ворот приворотников,
 Спрашивал он у дверей придверников,
 Отворял двери потихошеньку,
 Запирал он двери помалехоньку,
 Крест кладет по-писанному,
 Поклон ведет по-ученому.³⁶⁵

Действия героев в данной ситуации логичны и вполне согласованы: открывая дверь «потихошеньку», «помалешеньку», они не могут затем не исполнить обычаев, предписываемых этикетом почитания жилища и его хозяев. Их поведение в данном случае является более последовательным с точки зрения истинного смысла происходящего. А оно ведет нас к архаическим представлениям восточных славян о жилище.

Было бы ошибочно усматривать в жилище древних народов только материальный объект: «В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием "дом" в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно в зависимости от того, находился ли человек дома или вне его пределов. Жилище имело особое, структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства. Наконец, жилище — квинтэссенция освоенного человеком мира».³⁶⁶ Этот освоенный мир был своим, противостоящим внешнему или чужому миру, всегда потенциально опасно-

³⁶⁴ Русские былины старой и новой записи. М., 1894. № 12.

³⁶⁵ Былины и исторические песни Южной Сибири. Новосибирск, 1952. № 9.

³⁶⁶ Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С.3.

му.³⁶⁷ По словам Э. Бенвениста, «за пределами материальной общности, которую образует жилище семьи или племени, простирается пустынная равнина; там начинается чужбина, и эта чужбина обязательно враждебна».³⁶⁸

Не подлежит никакому сомнению представление восточных славян о сакральности жилища.³⁶⁹ Границы дома (стены, пол, крыша) изолировали обитавших в нем людей от пагубного вторжения внешних враждебных сил, служили им надежной защитой. Особая роль предназначалась входу и окнам. Их семиотическое значение было очень велико. Они обеспечивали проницаемость границ жилища, что придавало им «статус особо опасных точек связи с внешним миром» и соответственно «особую семантическую напряженность».³⁷⁰ Двери и окна выполняли функции «своеобразного фильтра, задерживающего нежелательные потенции внешнего мира и, таким образом, регламентирующего связь дома с остальным пространством».³⁷¹ Всем действиям у входа/выхода, т. е. у двери, приписывалась высокая степень значимости,³⁷² поскольку «дверь в зависимости от того, открыта она или закрыта, становится символом разделения двух миров или общения между ними: именно через дверь пространство, в котором находится имущество, закрытое со всех сторон место, дающее чувство безопасности, которое определяет границы власти *dominus* 'хозяина', открывается в чуждый и часто враждебный мир... Ритуалы прохождения через дверь, мифология двери придают такому представлению смысл религиозной символики».³⁷³

Под углом зрения этих древних представлений о жилище и ведущей в него двери и следует рассматривать

³⁶⁷ См.: Бенвенист Эмиль. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995. С.207-208.

³⁶⁸ Там же. С.208.

³⁶⁹ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях... С.63.

³⁷⁰ Там же. С.135.

³⁷¹ Там же. С.81.

³⁷² Там же. С.136.

³⁷³ Бенвенист Эмиль. Словарь индоевропейских терминов. С.207-208.

наказы царя Калина направляемому им в Киев послу. Фигурирующее, в частности, среди наставлений открытые двери княжеских палат настежь («на пяту») есть не что иное, как мера предосторожности: посол, воплощающий внешние, враждебные киевскому князю силы, должен ради личной безопасности поддерживать связь с ними, чего при закрытой наглухо двери, замыкающей внутреннее пространство дома, изолируя его от внешнего мира, достичь невозможно. Само собою разумеется, что христианский этикет (крестное знамение, поклоны) пошедшему в жилище послу запрещается вследствие его принадлежности к иной вере. В отличие от татарского посла отец Добрыни, закрывая за собой дверь в доме Владимира, показывает тем, что он вступает в палаты не как враг, а как свой человек, которому не грозит здесь никакая опасность.

Теперь настал момент вернуться к «чорной девке», чтобы понять, почему она распахивает дверь церкви «на пяту», а войдя туда, не крестит своего «лица черного». По аналогии с действиями калинова посла можно предположить, что «девка», открывающая столь характерным образом дверь храма, входит в него как в чужое и потому опасное святилище. Будучи в церкви, она не крестится, поскольку это означало бы поклонение чужому божеству и, стало быть, отступление от собственной веры. Открытая же «на пяту» дверь иноверного храма позволяет ей сохранить связь со своими богами, пребывающими вне его, и тем предохранить себя от зла со стороны чужих богов. Резонно заключить отсюда, что «девка» — нехристианка. В Киеве она иноверка. А если учесть, что перед нами «девка» к тому же «черная», то сам собою напрашивается вывод об иноземном ее происхождении. Скорее всего она — пленница, обращенная или проданная в рабство. Так получаем дополнительный аргумент в пользу нашего предположения о древнерусской челяди как рабах-пленниках. В пользу этого предположения говорит и Древнейшая Правда, дошедшая до нас в составе Краткой Правды (ст.ст.1-18³⁷⁴) —

³⁷⁴ См.: Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С.278-279, 287; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда// Исторические записки. 76.

законодательном памятнике конца XI в. Составленная при Ярославе, Древнейшая Правда является наиболее ранней частью Краткой Правды и отражает жизнь не только первой половины XI в., но и предшествующего времени.³⁷⁵ В ней мы находим несколько предписаний, касающихся челядина.

Статья 11 Древнейшей Правды гласит: «Аще ли челядин съкрыется любо у варяга любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третии день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривны за обиду».³⁷⁶ Еще одно установление Древнейшей Правды, относящееся к челядину, заключено в ст.16: «Аще кто челядин пояти хочет, познав свои, то к оному вести, у кого то будет купил, а той ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце».³⁷⁷

Появление в Древнейшей Правде статей о челядине А. А. Зимин объяснял повышением ценности рабов в исторических условиях, сложившихся на исходе X в. Он писал: «К началу XI в. в обстановке сокращения походов в дальние страны и складывания феодальных отношений ограничивался и приток рабов на Русь. Ценность рабов в связи с этим повышалась. Поэтому все статьи, говорящие о положении челядина, заботились прежде всего о тщательном розыске его в случаях побега или кражи».³⁷⁸ Мы иначе смотрим на причины, вызвавшие законоположения о челяди. На наш взгляд, внимание к ней Ярослава Мудрого как законодателя было обусловлено социальной потребностью защитить право собственности владельцев челяди, нарушаемое все чаще и чаще в связи с распадом родовых отношений и по-

1965. С.245.

³⁷⁵ Мы не стали бы напрямую возводить ее нормы к «закону русскому» времен Олега и Игоря, как это делает Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. С.408), а тем более к VII-VIII столетиям, как поступал Б. Д. Греков (Греков Б. Д. Киевская Русь. С.540). На наш взгляд, она в основном связана с историческими реалиями второй половины X-начала XI в. — эпохой кризиса родового строя на Руси.

³⁷⁶ Правда Русская. 1. Тексты. М.; Л., 1940. С.70.

³⁷⁷ Там же. С.71.

³⁷⁸ Зимин А. А. Холопы на Руси. . С.58.

рожденными этим процессом общественными неустройствами, сопровождавшимися ослаблением эффективности норм обычного права.³⁷⁹

Из статьи 11 Краткой Правды со всей очевидностью вытекает, что челядин состоит в полной и безусловной собственности господина, власть которого над ним признается законодателем без малейших оговорок. Когда челядин скрывается от своего хозяина, его возвращают на господский двор. С точки зрения юридической челядин бесправен, выступая как объект права по отношению к законодателю и как вещь по отношению к господину. Перед нами раб, в чем мало кто из историков сомневался и сомневается.

Рабское положение челядина четко вырисовывается и в ст. 16 Правды, где челядин — бесправное существо, покупаемое и перепродаваемое много раз. При этом право собственности на него «коренного господина» (Б. А. Романов) остается неизменным: достаточно ему было опознать челядина, чтобы предъявить на него свои владельческие права.³⁸⁰ Закон строго охраняет интересы челядинных господ.³⁸¹

³⁷⁹ См. с.181-186 настоящей книги.

³⁸⁰ Пространная Правда в идентичной 38 статье содержит дополнительный и весьма яркий штрих к рабскому портрету челядина: «а то есть не скот, не лзе рчи: у кого есмь купил, но по языку ити до конца» (Русская Правда. 1. Тексты. С.108). Следовательно, челядин не скот лишь потому, что в отличие от животного умеет говорить. Столь откровенное сближение челядина со «скотом», обнаруживаемое в статье 38 Пространной Правды, свидетельствует о крайне бесправном положении человека, состоящего в челядинстве. — См.: Ключевский В. О. Соч. в девяти томах. Т.1. С.260; Романов Б. А. Люди и нравы. . С.44.

³⁸¹ По мнению И. И. Смирнова, «текст ст.16 Древнейшей Правды в том виде, какой он имеет в дошедших до нас списках Краткой Правды, явно неполон, так как в нем отсутствуют санкции в отношении похитителя челядина. Такой характер ст.16 нельзя объяснить общим характером Древнейшей Правды, ибо статьи Древнейшей правды обязательно включают в себя формулу о санкциях. В частности, эта формула имеется и в ст.11, наиболее близкой по содержанию к ст.16. Поэтому отсутствие в ст.16 формулы о санкциях свидетельствует о том, что в сохранившихся списках Краткой Правды текст ст.16 дошел в неполном, дефектном виде». (Смирнов И. И.

Ст. 16 фиксирует заметный рост внутренней работор-
говли на Руси второй половины X—начала XI в. Будь
торговля челядью редкостью или исключением, то вряд
ли так легко можно было продать похищенного челяди-
на. Только благодаря повседневности торговли челядью,
украденного челядина продавали без особых хлопот.
Обращает внимание бойкость торговых операций:
живой товар проходил через одни, другие, третьи руки,
четвертые и т. д. Конкретной иллюстрацией перепрода-
жи челяди служит извлечение из «Легендарной саги об
Олаве святом», откуда узнаем, как «один варяг на во-
стоке в Гардах купил себе одного молодого раба. И был
[тот] немой [и] не мог говорить, однако был он разумный
и искусный во многих вещах. И не знал ни один чело-
век, какого он рода, потому что он не мог сказать этого,
даже если его об этом спрашивали. Все же многие люди
говорили, что он, должно быть, норвежец, потому что он
изготавливал оружие, как они, и украшал [его], как делали
одни варяги. И вот этот несчастный человек со своим
слабым здоровьем повидал многих господ. И как всегда
может случиться, это привело к тому, что некий купец
освободил его и дал ему свободу по причине мягкосер-
дечия. Тогда отправился он по своей воле и прибыл

Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков.
М.; Л., 1963. С.109). А. А. Зимин отклонил догадку И. И. Смирнова
как несостоятельную, считая, что статья 16 санкций вовсе не со-
держала, «ибо посвящена была процедуре сыска челяди. За кражу
челядина полагалось, вероятно, платить, так же как и за его укры-
вательство, т. е. 3 гривны "за обиду"» (Зимин А. А. Холопы на
Руси... С.62). Позиция А. А. Зимина нам кажется предпочтитель-
нее, хотя мы не стали бы с точностью определять величину платы
за продажу похищенного челядина. К этому надо добавить, что
статья 16 толкует, в сущности, о двух потерпевших: о хозяине че-
лядина, чей раб стал предметом торговых махинаций, и продавца
(«добросовестного приобретателя», по выражению А. А. Зимина),
оказавшегося жертвой обмана и не знавшего, что покупает и про-
дает чужого челядина. Первый получает полную компенсацию за
украденного челядина на «третьем своде», а второй ищет «своего
скота при видоце». Формула «а ты своего скота ищи при видоце»
может включать, на наш взгляд, и санкции в отношении «конечно-
го» (злостного) правонарушителя.

в тот город, который зовется Хольмград. И дала ему приют одна хорошая женщина».^{381*}

Итак, челядью на Руси конца X-начала XI в. торговали часто. Подъем торговли рабами внутри древнерусского общества следует, по-видимому, связывать с социальными переменами, происходившими в процессе распада родовых отношений, переживаемого Русью в указанное время.

Древнейшая Правда позволяет установить не только принадлежность челядина к рабам, но и подойти к источнику челядинства. Такую возможность исследователю дает статья 11, называющая в качестве укрывателей челядина варяга и колбяга. С варягом дело ясное: он иностранец, выходец из Скандинавии. Насчет же колбяга историки высказывают разные версии, причисляя его то к норманнам, то к финнам, то к литовцам, то к балтийским славянам, то... к печенегам или черным клобукам.³⁸² Однако в любом случае перед нами

^{381*} Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994. С.45. Судя по тому, что освобожденный мягкосердечным купцом «молодой раб» пришел в Хольмград-Новгород, перепродажа его, вследствие которой он «поидал многих господ», имела место в русской земле. О перепродаже молодого челядина читаем в переводе саги, представленном в статье С. Аннинского: «Некий варяг (varingus) на Руси купил раба, юношу доброго нрава, но немого. Так как сам о себе он ничего сказать не мог, оставалось неизвестным, какого он племени (genus). Однако ремесло, которому он был уже обучен, показывало, что он бывал среди варягов, ибо умел выделывать оружие, ими употребляемое. После того, он, перепродаваемый (разрядка наша. — Н. Ф.), долгое время служил разным господам, попал он наконец к некому купцу, который по благочестивому побуждению, разрешил ему узы рабства (снял с него рабское иго)». — Аннинский С. Письмо в редакцию по поводу заметки А. Пьянкова «Одно забытое иностранное известие о рабстве в Киевской Руси»// Историк-марксист. 1940, № 8. С.156.

³⁸² Историографические сведения см.: Брим В. А. Колбяги// Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1929. С.277-285; Правда Русская. II. Комментарии. М.; Л., 1947. С.85-86; Вилинбахов Г. В. Некоторые соображения о «колбягах» Русской Правды// История и культура славянских стран/ Ред. В. В. Мавродин. Л., 1972. С.18-25.

чужеземец.³⁸³ Заслуживают пристального внимания соображения А. В. Лонгинова по поводу колбяга: «Если слово "колбягъ" славянского корня, то оно, кажется, в тесной связи с простонародным словом *колобъ* — круг, округ, откуда географич. назв. "Колбяжичи", и с глагол. "колобоить", употребляемом в северной России, — т. е. говорить *околичности*, нести *околесицу*... Патриарх Фотий говорит о подчинении руссам *окружного населения*».³⁸⁴ Отсюда логично заключить, что колбяг — общее название, обозначающее жителя соседствующих (окрестных) с Русью стран.^{384*}

Таким образом, варяг и колбяг Древнейшей Правды — иноземцы.^{384*} Можно согласиться с Т. Е. Новицкой в том, что терминами «варяг» и «колбяг» в этом памятнике обозначены «иностранцы вообще, независимо от их национальной принадлежности».³⁸⁵ Для понимания казуса, запечатленного статьей 11, такое толкование терминов является весьма существенным. Впрочем, столь же существенно для разумения данной статьи и другое: присутствие в ней лишь варяга и колбяга, т. е. иноземцев, а не аборигенов. В чем тут причина? Что побуждало челядина бежать именно к варягу и колбягу, но

³⁸³ См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. С.406. В исторической литературе порой высказывались сомнения насчет принадлежности колбяга к иностранцам, но, на наш взгляд, недостаточно мотивированные. — См., напр., Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. СПб., 1880. С.48 (прим.).

³⁸⁴ Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками... С.143-144 (прим.).

^{384*} Согласно М. Н. Тихомирову, «под колбягами вообще понимались народы севера, жившие в Новгородской и окрестных землях» (Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С.77). У А. А. Зимина колбяги — «какое-то племя, жившее на севере в районе Новгорода, ср. р. Колпь» (Памятники русского права. Вып.1. С.89). К жителям северных районов Руси отнесла их Т. Е. Новицкая. — Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. М., 1984. Т.1. С.54.

^{384*} См.: Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси// Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С.7.

³⁸⁵ Российское законодательство... Т.1. С.54.

не к иным лицам? Эти вопросы поднимались учеными давно. Еще в прошлом столетии Н. В. Калачов спрашивал: «Почему, в самом деле, говорится, что если челядин скроется у Варяга или у Колбяга и его в течение 3 дней не выведут, истец может его взять и получает 3 гривны за обиду? разве челядин не мог бы точно также скрыться у Русина или у Словянина и проч.?». Ответ он находил в том, что это — «практические случаи, записанные для памяти, как основания, с которыми должно было сообразоваться и впоследствии, почему они в своем первоначальном виде вошли также в состав нашего памятника». ^{385*}

Некоторые исследователи пытались решить проблему упрощенным способом, сведя ее к элементарной ошибке переписчика Правды. Так, Л. Гетц утверждал, что появление варяга и колбяга в статье 11 Древнейшей Правды есть результат позднейшей описки, перенесшей их сюда из предшествующей 10 статьи. Будь по-другому, считал Л. Гетц, то варяг и колбяг бы попали в статью 16, являющуюся, по его мнению, дополнением к статье 11. Показательным для Л. Гетца было и то, что в сходной 38 статье Пространной Правды варяг и колбяг отсутствуют. ³⁸⁶

Н. А. Максимейко не находил здесь никакой ошибки переписчика, и наличие в статье 11 Древнейшей Правды варяга и колбяга показалось ему признаком новгородского происхождения данной статьи. По его разумению, «если укрывшегося раба надо было выводить и изымать, то значит он находился в месте огражденном и замкнутом». Обратив внимание на формулу статьи 13 «а познает в своемь миру», Н. А. Максимейко замечает: «В этом выражении можно видеть указание на земляков, туземцев, в противоположность иностранцам» статьи 11. Поскольку «варяги жили среди русского населения отдельной колонией», это создавало «благоприятные условия для укрывательства» беглых рабов. Вот почему нет ничего удивительного в том, что Правда, говоря об укрывателях челядина, «называет только варя-

^{385*} Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. СПб., 1880. С.48 (прим.).

³⁸⁶ Goetz L. Das Russische Recht. Bd.1. Stuttgart, 1910. S.126-128.

ов и кольбягов».³⁸⁷

Мысль о новгородском происхождении Правды Ярослава (Древнейшей Правды) вообще и статьи 11 в частности получила широкое распространение в советской историографии.³⁸⁸ Один из видных исследователей Русской Правды Л. В. Черепнин связал составление Правды Ярослава с новгородским восстанием 1015–1016 гг., направленным против варяжской дружины, творившей насилия над новгородцами.³⁸⁹ «Возникшая под влиянием серьезных волнений в Новгороде в 1016 г. Правда Ярослава ставит своей задачей тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружинников».³⁹⁰ Помимо прочего, «на обостренность отношений между новгородским населением и отрядами дружинников указывает и нарочитая вставка в ст.10 (т.е. ст.11. — И. Ф.), декретирующая право владельца беглого "челядина" "изымать" его у укрывателя. Эту общую формулу, предусматривающую вообще укрывательство беглого челядина, Правда дополнила определением разряда укрывателей: "аще ли челядин скрывается любо у варяга, любо у кольбяга". Конечно, не случайно это намеренное выделение "варяга" и "кольбяга", указывающее на постоянную рознь с новгородскими жителями».³⁹¹ Далее Л. В. Черепнин со ссылкой на Н. А. Максимейко пишет: «О том же свидетельствует и терминология статьи. Выражения "а его за три дня не выведоуть...", "то изымати емоу свой челядин" и т. д. говорят об изолированности от местного населения варягов, живших особой колонией, в огражденном и замкнутом месте. Право на такой вывод дает, быть может, и ст.12 (т.е. ст.13. — И. Ф.)—"аще поиметь кто люжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в сво-

³⁸⁷ Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып.1. Краткая редакция. Харьков, 1914. С.14-15.

³⁸⁸ См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX-начала XIII столетия. СПб., 1992. С.160-161.

³⁸⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Часть первая. М.; Л., 1948. С.243.

³⁹⁰ Там же. С.245.

³⁹¹ Там же. С.244.

смы мироу, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду». В этом выражении ("свой мир") можно видеть указание на противоположность "своей общины" местного населения и корпорации вооруженных варягов, не сливавшихся с местной общиной, подобно тому, как в последующее время существовали особые Готский и Немецкий дворы». ³⁹² Л. В. Черепнин обнаружил двойственный характер статьи 11, «согласно которой беглый челядин (раб), скрывшийся во дворе у варяга или у колбяга и не выданный укрывателем собственнику в течение трех дней, по истечении этого срока может быть возвращен своему господину принудительно, причем виновный в укрывательстве должен уплатить штраф в сумме 3 гривен. Эта статья и борется со сманиванием чужих рабов варягами, и в то же время, привлекая последних к ответственности, облегчает им возможность избежать наказания, устанавливая легальный срок выдачи беглых». ³⁹³

Мы не можем принять наблюдения Л. В. Черепнина. Думается, он ошибался, когда настаивал на новгородском происхождении Правды Ярослава, связывая ее с антиваряжским движением новгородцев в 1015 г. Правда, судя по всему, была составлена в Киеве и предназначалась для судопроизводства в Киевской и Новгородской землях. ³⁹⁴ Увязывание ее только с жизнью Новгорода, новгородской городской общины неизбежно оборачивается искажениями и натяжками при анализе содержания памятника. Не избежал этого и Л. В. Черепнин, несмотря на свою первоклассную источниковедческую подготовку. Рассуждая о «тщательной» и «заботливой» защите новгородцев от «вооруженных варяжских дружин» после кровавых происшествий 1015 г., проявлением такой защиты он считает «нарочитую вставку» в статью 11, называющую варяга и колбяга как укрывателей бежавшего челядина. Но летопись сообщает о столкновениях новгородцев с одними лишь ва-

³⁹² Там же. С.244-245.

³⁹³ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.138.

³⁹⁴ Обоснования см.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С.163-167.

рягами и хранит полное молчание о колбягах, чем существенно отличается по смыслу от постановлений Правды. Л. В. Черепнин проходит мимо этой важной детали, продолжая настойчиво повторять идею о новгородском происхождении Правды Ярослава, созданной якобы по горячим следам бурных событий 1015–1016 гг., потрясших волховскую столицу. Подобное невнимание к серьезному расхождению летописи и Древнейшей Правды по содержанию противопоставлено исследователю. Оно усугубляется отдельными небрежностями в изложении статьи 11. Например, историк отмечает, что по истечении 3-х дневного срока пребывания у варяга или колбяга челядин «может быть (разрядка наша. — И. Ф.) возвращен своему господину принудительно», тогда как Правда говорит об «изымании» господином своего челядина, причем в императивной форме.

Мысль о «нарочитой вставке», выводящей на историческую сцену варяга и колбяга, базируется у Л. В. Черепнина на ощущении первичности в законодательном памятнике некой «общей формулы, предусматривающей вообще укрывательство беглого челядина». Автор снова навязывает Правде то, чего в ней нет. Если быть точным и не выходить за рамки текста Правды, надо сказать, что никакого укрывательства вообще законодатель не предусматривает, говоря ясно и определенно о бегстве челядина к варягу или колбягу. Статья 11 сформулирована четко и не дает оснований заключать о наличии в ней вставки. Считать ее целиком вставочной бездоказательно. Остается признать, что составителей беспокоило укрывательство челяди именно варягами и колбягами, против чего и направлена статья 11. Очевидно варяги и колбяги, т. е. иноземцы, внушали особую тревогу владельцам челяди как реальные и потенциальные нарушители их собственнических прав. Это объяснялось конкретной исторической обстановкой, сложившейся на Руси в конце X—начале XI столетий, о чем разговор впереди.³⁹⁵

Не доказано и утверждение Л. В. Черепнина о «двойственном» характере статьи 11, выраженном якобы, с

³⁹⁵ См. с. 183–186 настоящей книги.

одной стороны, в привлечении варягов³⁹⁶ к ответственности за «сманивание чужих рабов» и в предоставлении им возможности избежать наказания в случае выдачи беглого челядина в установленный срок, — с другой. Гут Л. В. Черепнин смещает акценты, принадлежащие законодателю, согласно которому сам факт появления челядина в доме варяга или колбяга не означал виновности последних: оказаться там челядин мог по собственной инициативе, на свой страх и риск, а не в результате сманивания. В этом случае челядина «выводили», что свидетельствовало о непричастности варяга и колбяга к побегу челядина и, следовательно, об их невиновности. Законодатель устанавливал взятый, вероятно, из обычного права 3-х дневный срок, в течение которого беглец должен быть «выведен». Превышение его рассматривалось как подтверждение злого умысла со стороны варяга и колбяга, что влекло за собой наказание.³⁹⁷ Во всем этом мы не находим никакой двойственности. Ошибочная посылка о создании Древнейшей Правды и, в частности, статьи 11 под впечатлением событий 1015 г. в Новгороде повела Л. В. Черепнина ложным путем. На том же пути оказался и Б. А. Рыбаков.

Во всех статьях первой части Краткой Правды Б. А. Рыбаков увидел преломление «новгородских событий в июле-августе 1015 г. Юридический документ, определяющий штрафы за различные преступления против личности, не менее красочно, чем летопись рисует нам город в условиях заполнения его праздными наемниками, буянящими на улицах и в домах. Город населен рыцарями и холопами; рыцари ездят верхом на конях, вооружены мечами, копьями, щитами; холопы и челядницы иногда вступают в городскую драку, помогают своему господину, бьют жердями и батогами свободных людей, а когда приходится туго, то ищут защиты в господских хоробах. А иногда иной челядин, воспользовавшись случаем, скроется от господина во дворе чуже-

³⁹⁶ Автор опять забывает о колбягах. Забывчивость эта, как видно, не случайна. Она помогает соблюсти убедительность его построений.

³⁹⁷ «Трехдневный срок здесь удостоверял злостность содержания челядина», — писал Б. А. Романов. — Романов Б. А. Люди и нравы... С.42.

земца». По Б. А. Рыбакову, Древнейшая Правда, «как и летопись рисует Новгород 1015-1016 гг. расколотым на две части, на два лагеря: к одному из них принадлежит население Новгорода, от боярина до изгоя, а к другому — чужеземцы варяги и колбяги (жители Балтики). Они устраивают драки, наносят оскорбления, угрожают обнаженными мечами, хватают чужих коней и ездят на них по городу, берут чужое оружие, укрывают чужую челядь, выдирают усы и бороды, рубят руки и ноги, убивают насмерть, даже на пирах дерутся чашами и турьими рогами». Историк полагает, будто варяги и колбяги «поставлены законом Ярослава в неполноправное положение», подтверждением чего является и то, что «только в отношении варягов и колбягов закон предусматривает штраф за укрывательство чужого челядина».³⁹⁸

Сцены из жизни Новгорода, воспроизведенные Б. А. Рыбаковым с большой экспрессией, взяты откуда угодно, но не из Правды Ярослава. К области фантазии нужно отнести рыцарей, которые ездят верхом на конях, вооруженные мечами, копьями и щитами. В рыцарей Б. А. Рыбаков превратил «мужей», упоминаемых Древнейшей Правдой.³⁹⁹ Но, как показывает непредвзятый

³⁹⁸ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. С.74-76; 2) Киевская Русь и русские княжества. . . С.406-407.

³⁹⁹ Справедливости ради надо заметить, что, помимо Б.А.Рыбакова, и другие исследователи «мужей» Правды Ярослава выдают за древнерусских рыцарей (см., напр.: Греков Б. Д. Киевская Русь С.92; Черепнин Л. В. Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы// Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сб.статей. М., 1952. С.90-91). Более гибкую позицию занимал А. А. Зимин. Комментируя статью 1 Краткой Правды, он писал: «Мужь» — в данном случае всякий свободный человек, член общины. Этим же термином иногда назывались представители господствующего класса, дружинники (ср. ст.2 Кр.Пр.)». (Памятники русского права. Вып.1 С.87). Едва ли есть необходимость связывать различное значение термина «мужь» («член общины» и «дружинник») с разными статьями Древнейшей Правды, ибо, как справедливо однажды заметила Е. Д. Романова, «нельзя предположить, что одни ее статьи говорят о дружинниках, в то время как другие, рядом стоящие и описывающие действующее в них лицо в одинаковой форме, говорят уже об

анализ памятника, «муж» Правды — прежде всего свободный человек, горожанин или селянин.⁴⁰⁰ Что же касается «челядинцев», вступающих иногда в городскую драку, бьющих жердями и батогами свободных людей, то это просто фантазия автора, ибо в Правде их нет.

Кстати, о жердях и батогах. Чересчур упрощенным и даже примитивным выглядит наделение этими орудиями самозащиты холопов и челядинцев в противовес рыцарям, вооруженным мечами, копьями и щитами. Е. Д. Романова с понятной иронией говорила о тех историках, «по мнению которых получается, что драка мечом и рогом могла происходить только в дружинной среде, тогда как, если дерущийся брался за дреколье (дрался "жердью" или "батогом"), то это выдавало уже простого человека, не подпадавшего под правила "кодекса чести"». ⁴⁰¹ Знакомство со статьями Древнейшей Правды, предусматривающими вознаграждения за ранения, увечья, побои и оскорбления действием, убеждает, что там фигурирует «муж», или любой свободный человек, орудующий мечом, бьющий во гневе батогом, чашей, рогом, а то и попросту — «пястью». Нет ничего необычного в том, что свободный общинник дрался,

общинниках» (Романова Е. Д. Свободный общинник... С.87). Поэтому следует признать, что во всех случаях слово «муж» в Правде Ярослава означает свободного полноправного человека, под которым мог подразумеваться и дружинник. Позднее А. А. Зимин несколько изменил свою точку зрения. «Общественный строй, как он рисуется Правдой Ярослава, — писал он, — отличается четкостью социальных контрастов. Здесь свободному общиннику — "мужу" и рабу-челядину противостоит князь и его дружина, как местная, так и варяжская» (Зимин А. А. Холопы на Руси... С.57). Объединение свободного общинника (мужа) с рабом (челядином) и противопоставление его князю с дружиной, по нашему мнению, несостоятельно, поскольку они еще составляли единое, не раздраемое классовыми противоречиями общество. Поэтому было бы вернее сказать, что в плане социальном свободным людям (князю, дружине, общинникам) противостоят рабы — челядь.

⁴⁰⁰ См.: Романова Е. Д. Свободный общинник в Русской Правде // История СССР. 1961, № 4; Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси // Археологический ежегодник за 1964 год. М., 1965.

⁴⁰¹ Романова Е. Д. Свободный общинник... С.87.

помимо прочего, мечом. Изучение соответствующих источников убеждает в наличии оружия, в том числе и мечей, у свободного рядового люда Киевской Руси.⁴⁰²

Неправомерно Б. А. Рыбаков приписывает варягам и колбягам всякие самоуправства, в частности то, будто они «хватают чужих коней, и ездят на них по городу, берут чужое оружие». В своих представлениях он исходит, судя по всему, из статьи 13 Древнейшей Правды, гласящей: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривны за обиду».⁴⁰³ М. Н. Тихомиров, отвергая мысль о причастности посторонних «миру» лиц к правонарушениям, упомянутым в настоящей статье, подчеркивал, что в ней речь идет о «судебном разбирательстве внутри самого "мира" — общины», сельской или городской.⁴⁰⁴ И ученый был, конечно, прав.

Странное впечатление, наконец, производит рассуждение Б. А. Рыбакова о том, что варяги и колбяги, преследуемые штрафными санкциями за укрывательство чужого челядина, поставлены тем самым Правдой Ярослава в «неполноправное положение». Получается так, будто остальные укрыватели челяди, избегавшие этих санкций, находились сравнительно с варягами и колбягами в полноправном положении. Так один домысел порождает другой. Правда, тут, возможно, не обошлось без влияния предшественников в интерпретации статьи 11 Древнейшей Правды. М. Н. Тихомиров, например, говорил: «Русская Правда предоставляет некоторые льготы варягам и колбягам, обеспечивая им возможность вместо привода двух свидетелей идти на роту. Но рядом с этим она вводит ответственность варягов и колбягов за сокрытие челядина, накладывая на них обязанность уплатить "3 гривне за обиду"».⁴⁰⁵ У М. Н. Тихомирова как бы подспудно проводится мысль

⁴⁰² См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.193-196.

⁴⁰³ Правда Русская. 1. Тексты. С.70-71.

⁴⁰⁴ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С.78.

⁴⁰⁵ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С.56.

об ограничении законом Ярослава прав варягов и колбягов по части укрывательства челяди.

В другой своей работе исследователь дает этой мысли полный ход: «Статья о челядине, скрывшемся у варяга или колбяга, уже ограничивает права варягов и колбягов, которыми они могли пользоваться в более раннее время».⁴⁰⁶ Стало быть, в «более раннее время» варяги и колбяги укрывали челядинов, пользуясь на то правом, порушенным позднее Ярославом. Не это ли хочет сказать и Б. А. Рыбаков вместе с М. Н. Тихомировым? Если это так, то на чем основаны подобные заключения? К сожалению, и М. Н. Тихомиров, и Б. А. Рыбаков прибегают не к фактам, а к собственным домыслам, оспаривать которые бесполезно.

Итак, Б. А. Рыбакову, как и Л. В. Черепнину, не удалось убедительно ответить на вопросы: 1) почему в статье 11 Древнейшей Правды выделены в качестве укрывателей челядинов лишь варяг и колбяг? и 2) почему «челядинцы» бежали именно к варягам и колбягам?

Не находим удовлетворительных ответов на эти вопросы и у других исследователей. К примеру, Б. А. Романов причину бегства челядина к варягу или колбягу усматривал в том, что тот «оказывался в условиях экстерриториальности (на особом дворе, где стояли в Новгороде эти иноземцы)», т. е. «под защитой привилегии укрывателя».⁴⁰⁷ Однако экстерриториальность варягов и колбягов была неполной: статья 11 Древнейшей Правды «ограничивает эту экстерриториальность и, предлагая спокойно выждать два дня, чтобы дать время укрывателю по собственной инициативе "вывести" скрывшегося и передать его общественной власти для возвращения владельцу, разрешает потерпевшему на третий день самому "изымати" своего челядина и штрафует укрывателя...».⁴⁰⁸

Б. А. Романов, на наш взгляд, предложил сомнительное толкование статьи 11 Правды Ярослава. Данная

⁴⁰⁶Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 20. Об ограничении в данном отношении прав варягов и колбягов пишет и А. А. Зимин. — Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 58.

⁴⁰⁷Романов Б. А. Люди и нравы... С. 41, 42.

⁴⁰⁸Там же. С. 41.

статья не дает оснований рассуждать об «экстерриториальности» варягов и колбягов и об их в этой связи «привилегии». Из ее содержания следует, что о нахождении бежавшего челядина у варяга или колбяга было неизвестно ни властям, ни его владельцу. Вполне резонно предположение Т. Е. Новицкой о «применении заклика» — объявления на торгу о пропавшем челядине, что обязывало варяга и колбяга вернуть челядина в трехдневный срок.⁴⁰⁹ Закон предусматривает две возможности в поведении варяга и колбяга: «вывод» челядина или его сокрытие. В первом случае все разрешалось само собою, а во втором — применялись санкции, как только власти и законный хозяин челядина узнавали, что тот скрывается у этих иностранцев.⁴¹⁰

⁴⁰⁹ Российское законодательство X-XX веков. Т.1. С.56. См. также: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч.1. С.245. О «закличе», как известно, говорится в статье 32 Пространной Правды, представляющей собой переработку разбираемой нами статьи Краткой Правды применительно к условиям XII в.: «А челядин скрывается, закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и третии день, то свои челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи» (Правда Русская. 1. Тексты. С.107). «Закличь на торгу» статьи 32 Пространной Правды воспринимается Н. Л. Рубинштейном как «новая процедурная форма», не практиковавшаяся ранее, поскольку она «говорит о городе с развивавшимся торгом, где рынок стал центром городской жизни. Этому противостоит вся система представлений Краткой Правды, замкнутых в узком кругу "своего мира"» (Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда... С.7). Доводы Н. Л. Рубинштейна не убеждают. В городах эпохи Древнейшей Правды, прежде всего в Киеве и Новгороде, где действовал этот законодательный кодекс, была достаточно развита внешняя торговля и, следовательно, существовал торг, на котором мог быть произведен «заклич». По отношению к иностранцам (варягам и колбягам) это вполне логично. На наш взгляд, Н. Л. Рубинштейн преувеличивает степень замкнутости мира и системы представлений, отраженных в Краткой Правде. Достаточно вспомнить статью 16 с ее нескончаемым «изводом», ведущим истца и ответчика из одного «мира» (общины) в другой, чтобы убедиться в том.

⁴¹⁰ В древнерусском языке слово «познати» обозначало, помимо прочего, и *узнать* (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Стб.1088). В «Указателе

Сложность, однако, состоит в том, чтобы уяснить, по истечении какого времени, согласно Древнейшей Правде, они узнавали о наличии невольника в доме укрывателей. В Правде на этот счет сказано: «въ третии день». Как понимать данную фразу? Обычно ее переводят в *третий день, на третий день*,⁴¹¹ противореча другой формуле статьи 11, говорящей: «а его за три дни не выведуть», т. е. не выведут, как считают исследователи, *после трех дней, в течение трех дней*.⁴¹² В самом деле, если варягу и колбягу закон устанавливал три дня для «вывода» челядина, то, вероятно, нельзя было применять к ним санкции в третий день, на третий день, когда становилось явным укрывательство ими бежавшего челядина.

Б. А. Романов, которому смысл статьи 11 казался понятен,⁴¹³ ощутил все же несуразность привычных ее толкований и попытался выйти из положения, определив ва-

терминов и речений в Правде Русской» к учебному пособию по Русской Правде, составленном Б. А. Романовым, и в «Предметно-терминологическом указателе» к первому и второму томам «Памятников русского права», подготовленном Я. С. Лурье, термин «познати» в связи со статьей 11 Древнейшей Правды истолкован двояко: *опознать, узнать* (Правда Русская. Учебн. пособие. М.; Л., 1940. С.105; Памятники русского права. М., 1953. Вып. II. С.415). В материалах для словаря Русской Правды, собранных М. Н. Тихомировым, приведены три значения слова «познати»: *узнать, опознать, признать* (Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С.161). Думается, слова «познають», «познаеть» статьи 11 Древнейшей Правды употреблены в значении *узнают, узнает*. Чтение «а познають и в третии день» содержит Академический 1 список Правды Русской, тогда как в Археографическом 1 списке формулировка несколько иная: «а познаеть и в третии день» (Правда Русская. 1. Тексты. С.70, 79). В первом случае речь идет, вероятно, о представителях власти, узнающих, что челядин скрывается у варяга или колбяга, а во втором, — о господине бежавшего раба. Нельзя, по-видимому, отрицать ни один, ни другой вариант.

⁴¹¹См.: Правда Русская. II. Комментарии. С.87; Памятники русского права. Вып. I. С.82.

⁴¹²См.: Правда Русская. II. Комментарии. С.87; Памятники русского права. Вып. I. С.82; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С.77.

⁴¹³Правда Русская. Учебное пособие. С.41.

рягу и колбягу, как мы знаем, два дня для передачи владельцу скрывшегося у них челядина. На третий день, по Б. А. Романову, господин сам «изымал» своего челядина, а с варяга или колбяга взыскивалась 3-х гривенная плата «за обиду».⁴¹⁴ То, что предложил Б. А. Романов, не вяжется с текстом статьи, где ясно сказано: «а его за три дни не выведутъ, а познають и в третии день». С его трактовкой можно было бы согласиться, если бы законодатель выразился несколько иначе: «а его за два дни не выведутъ, а познають и в третий день». Но суть как раз в том, что составитель Правды говорит именно о трех, а не о двух днях, на протяжении которых варяг или колбяг «выводили» скрывшегося у них челядина, не рискуя навлечь на себя обвинения в сознательном укрывательстве. Остаются два способа решения проблемы: либо признание испорченности текста позднейшими переписчиками, либо новое осмысление выражения «а познаеть (познають) и в третии день». Последний способ нам представляется более продуктивным, чем первый.

Обращает на себя внимание тот факт, что Пространная Правда в статье 32, соответствующей статье 11 Краткой Правды, содержит любопытные разночтения. Часть ее списков сохраняет нетронутым текст «а познаеть и в третии день».⁴¹⁵ Но в ряде списков в этой формуле отсутствует предлог «въ», и она составлена так: «а познаеть и третии день».⁴¹⁶ В некоторых случаях встречается чтение «а познаеть и на третии день».⁴¹⁷ Что же касается фразы «а его за три дни не выведутъ», то в ней мы не находим каких-либо изменений.⁴¹⁸ Отсюда следует необходимость дополнительного изучения формулы «а познаеть (познають) и в третий день», прежде всего смыслового значения предлога «въ».

Лингвистические исследования показывают, что в древних славянских языках предлог «въ» употребляется (хотя и очень редко) в значении «после». В качестве

⁴¹⁴ Романов Б. А. Люди и нравы... С.41-42.

⁴¹⁵ Правда Русская. 1. Тексты. С.189, 303, 331, 349, 374.

⁴¹⁶ Там же. С.107, 125, 151, 170, 414.

⁴¹⁷ Там же. С.218, 248, 284.

⁴¹⁸ Там же. С.107, 125, 151, 170, 218, 248, 284, 303, 331, 349, 413.

Иногда в этой фразе опущена отрицательная частица «не»: «а за три дни выведутъ его». — См.: там же. С.189, 374.

примеров можно привести речения из архаического старославянского языка: «в малъ часъ» — через короткое время (после него); «въ век пребываетъ» — вечно, т. е. после этого времени.⁴¹⁹

Т. П. Ломтев, рассматривая формулу «а познають и въ третии день», увидел в ней обозначение «неопределенного времени как момента внутри определенного времени». Впоследствии в русском языке это значение исчезло, сохранившись лишь в наречных сочетаниях типа «в это утро», «в субботу» и пр. Обычно эти сочетания при опущенном определении сохранили значение срока: *сделал в день = за день*.⁴²⁰

Таким образом, наблюдения лингвистов⁴²¹ позволяют по-новому взглянуть на статью 11 Древнейшей Правды и слова ее «познаетъ и в третии день» истолковать как *узнает по истечении трех дней, после трех дней*, а не так, как обычно их понимают: *в третий день, на третий день*. Отсюда следует, что об укрывательстве челядина варягом или колбягом заинтересованные лица могли узнать через пять, семь, десять дней и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что статья 11 Правды Ярослава предполагает случай, когда господин скрывающегося челядина и власти какое-то время (более трех дней) не знали, что беглый раб прячется за стенами варяжского или колбяжского дома. Возникает вопрос: а если о нахождении там бежавшего челядина стало известно раньше, т. е. до истечения трех дней, означало ли это, что хозяин невольника должен был ждать, пока минует грое суток? По нашему мнению, не должен. Законодатель, формулируя статью 11, исходил, как нам кажется, из молчаливого признания неотъемлемых прав рабовладельца на своего челядина, предъявить которые он мог в любой момент, едва узнав, где и у кого тот скрывается. Так падает идея об экстерриториальности варяга и колбяга и становится очевидной бесплодность по-

⁴¹⁹ См.: Kopečný František. Etymologický slovník slavanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek I: predložky, koncové partikule. Praha, 1973. S.273.

⁴²⁰ Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С.337, 339.

⁴²¹ На них указал нам проф. В. В. Колесов, за что выражаем ему свою признательность.

пытки Б. А. Романова объяснить бегство к ним челядина стремлением последнего воспользоваться условиями этой экстерриториальности.

Столь же безрезультатным в истолковании статьи 11 Древнейшей Правды оказался и опыт А. А. Зимина, согласно которому «варяг и колбяг здесь выделены именно потому, что они являются представителями, олицетворением старого отношения к челяди, как к товару. Именно они могли перепродать, вывести челядина, "изъять" его из производства, что вовсе не соответствует потребностям времени. Вот почему так энергично ограничиваются их права. Выделение статьи было необходимо в связи с появлением варяга и колбяга».⁴²² По А. А. Зимину, «ст.11 в первую очередь направлена против варягов, которые укрывали беглую челядь с целью перепродажи ее на рынках Востока и Византии».⁴²³ Историк полагал, что в статье 11, «касающейся челяди, новгородцам сделана была уступка: у варяга и колбяга можно было забрать челядина без свода».⁴²⁴ Все эти рассуждения А. А. Зимина обнаруживают ряд слабых мест. Начнем с заключительного тезиса о том, будто бы статья 11 Правды Ярослава делает уступку новгородцам, позволяя им забирать челядина у варяга и колбяга «без свода». Тут какое-то недоразумение, поскольку названная статья говорит о правонарушении в ситуации, которая не требует свода. Как следует из ее содержания, челядин бежит к варягу и колбягу прямо, без посредников или промежуточных ступеней. Тем самым отпадает необходимость в своде, и, стало быть, версия А. А. Зимина повисает в воздухе.

Исследователь несколько поспешно утверждает, что статья 11 в «первую очередь направлена против варягов».⁴²⁵ Вернее было бы сказать, что статья 11 в первую очередь направлена против побегов челяди, нарушающих право собственности ее владельцев, а уж потом — против варягов и колбягов как конкретных укры-

⁴²²Зимин А. А. Холопы на Руси. . С.58.

⁴²³Там же. С.59.

⁴²⁴Там же. С.60.

⁴²⁵Аналогичным образом рассуждает Н. Л. Рубинштейн, говоря, что «статья в целом обращена против "варяга или колбяга"» - Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда... С.7.

пателей бежавших рабов. Конечно, факт упоминания в статье только варяга и колбяга нуждается в объяснении. А. А. Зимин предлагает свое объяснение, но оно нам представляется неудачным. «Старое отношение» (не соответствующее общественным потребностям начала XI в.) варяга и колбяга к челяди, как к товару, — вот что, с точки зрения автора, побудило законодателя выделить их особо. Не понять, почему отношение к челяди, как к товару, есть «старое отношение». Разве современники Правды Ярослава не видели в челяди заурядный живой товар? Разве статья 16 Правды не является свидетельством широкого распространения практики купли-продажи челяди на Руси начала XI в.? Для нас совершенно очевидно, что это «старое отношение» есть предположение ученого, а не реальная действительность Руси времен Ярослава. К числу подобных предположений надо отнести и мысль А. А. Зимина о выделении статьи 11 как следствия появления в новгородском обществе варяга и колбяга, так как это появление имело место намного раньше, чем время составления Правды Ярослава.

Если бы А. А. Зимин задумался над тем, почему челядин искал укрытие у варяга или колбяга, то он вряд ли бы смог согласовать его поведение со своими догадками о цели укрывателей. Перепродажа беглой челяди на рынках Востока и Византии — такова, по А. А. Зимину, цель, преследуемая варягами и колбягами, принимавшими сбежавших рабов. Трудно поверить, будто челядин скрывался у варяга и колбяга ради того, чтобы затем в невольничьих колодках быть отправленным на рынки Востока и Византии. Отдаваясь им в руки, он, по-видимому, надеялся на нечто лучшее, чем прежняя жизнь в рабстве. И эти надежды не казались ему несбыточными. Они, судя по всему, имели под собой какие-то реальные основания. Докопаться до них — задача историка, что у А. А. Зимина, к сожалению, не получилось.

Близко к истине подошел Н. Л. Рубинштейн, когда писал: «С иноземцем челядин рассчитывает уйти и, значит, скрыться от розыска».⁴²⁶ Это, конечно, так. Но почему только с иноземцем челядин рассчитывал уйти?

⁴²⁶ Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда... С. 7.

уда он хотел уйти? Какой прок от того варягу и колбягу? Н. Л. Рубинштейн такие вопросы не ставит, в чем мы видим существенный недостаток его в целом интересной в научном отношении важной статьи.

Данный недостаток характерен для всех рассмотренных нами толкований статьи 11 Древнейшей Правды. В результате нет целостности в интерпретации мотивов оведения варяга и колбяга, с одной стороны, и челядина, — с другой. Комментаторы статьи 11 указывают на интересы либо варяга и колбяга, либо челядина, тогда как необходимо выявить их взаимную, обоюдостороннюю заинтересованность. Что же здесь является помехой? Полагаем, неправильное понимание сути челядинства. Челядь — не просто рабы, а рабы-пленники, часто славяне. Только с учетом этой особенности смысл статьи 11 Древнейшей Правды раскрывается в полной мере.

Челядин, раб-иноплеменник, бежит к чужеземцам же варягу или колбягу, чтобы с их помощью выбраться из страны, где он находится в рабстве, и вернуться домой. Не исключено, что челядин мог быть соплеменником варягу и колбягу. Тогда его бегство к ним становится еще более понятным и оправданным. Следовательно, со стороны челядина заинтересованность в побеге именно к варягу и колбягу очевидна.

Укрывательство челядина и содействие ему в возвращении на родину сулило выгоду и варягу с колбягом. Они, по всему вероятно, получали выкуп за каждого доставленного в родные места пленника или какое-нибудь другое вознаграждение. Разумеется, чем знатнее был возвращенный, тем выше была за него плата.⁴²⁷

⁴²⁷ Из скандинавских саг узнаем, что среди рабов-пленников на Руси во времена Владимира Святославича и Ярослава Мудрого встречались варяги, в том числе знатные, даже такие как «Олав сын Трюггви» (см.: Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С.100-101; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С.62-63; Джакон Т. Н. Исландские королевские саги. . С.45). Рабы-пленники из варягов поступали на Русь не только в результате прямого военного захвата, сопутствовавшего варяго-русским столкновениям, но и как купленные в соседних землях. Так, в земле востов существовал

Таким образом, обнаруживается взаимное притяжение невольной челяди и заезжих иноземцев. Их объединяло то, что все они являлись представителями внешне-го для Руси мира, т. е. иноплеменниками. С этой точки зрения правонарушения варягов и колбягов внушали древнерусским властям серьезную тревогу, возраставшую в связи с общественными неурядицами, порожденными распадом родоплеменных отношений на Руси конца X — начала XI в.⁴²⁸

Изучение Древнейшей Правды, как видим, дает нам дополнительные аргументы в пользу предположения о том, что челядь, упоминаемая древнерусскими источниками X — начала XI столетий, — это рабы-пленники и только.

Как-то Л. В. Черепнин по поводу наших представлений о челяди заявил: «Замечания И. Я. Фроянова безусловно остроумны. Но из них никак не вытекает, что челядь состояла только из пленных. Мне кажется, этот тезис надо отвергнуть. Слово "челядь" могло покрывать разные формы рабства».⁴²⁹ С тех пор прошло четверть века. Однако ни время, ни возражения оппонентов не поколебали нашей уверенности в том, что, согласно сведениям, которыми располагает современный ученый, челядинами, челядью на Руси конца IX — начала XI в. называли рабов-пленников, и плен тогда был единственным источником челядинства.⁴³⁰ Произведенный

большой летний рынок, где во множестве продавались рабы, в том числе пленные варяги. — См.: Снорри Стурлусон. Круг земной. С.132; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь... С.64.

⁴²⁸ См. с.165-228 настоящей книги.

⁴²⁹ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы... С.172.

⁴³⁰ Нет никаких оснований, подобно М. Б. Свердлову, рассуждать о челяди, попавшей «в зависимость не через плен, а в результате социальной и имущественной дифференциации, происходящих в посточнославянском обществе» (Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989. С.31). Примечательно, что автор, исходя из Раффельштеттенского таможенного устава, говорит о продаже этой челяди купцами-русами в Германии, вступая в противоречие с высказанными ранее собственными утверждениями относительно запрета продавать такого рода челядь и запутывая вконец проблему челядинства на Руси начала X в.

ами сейчас анализ показаний источников и высказываний историков (кстати отметим, более основательный и развернутый, чем прежние наши исследования по данному сюжету)⁴³¹ еще раз укрепляет эту уверенность.

В условиях первобытного строя, ревниво оберегающего свободу внутри родов и племен, предполагать существование иных форм рабовладения, помимо челядинства, или внешнего невольничества, едва ли правомерно: слишком слабыми и неприметными были ростки внутреннего рабства, чтобы говорить о нем как о значительном явлении общественной жизни. Этот институт получает развитие в результате разложения родовых отношений и приобретает собственное название — «холопство».

КРИЗИС РОДОВОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХОЛОПСТВА НА РУСИ КОНЦА X - НАЧАЛА XI ВЕКА

По признанию одного из новейших исследователей восточнославянских древностей, «история восточных славян переходного периода — от первобытности к классовому обществу — является актуальной, но довольно сложной проблемой. Несмотря на то, что она находится в центре внимания историков, этнографов, социологов и археологов, трудно найти в истории восточных славян другой период, который породил бы столько противоречивых теорий, суждений и разногласий. И в настоящее время по этой проблеме из-за ограниченности прямых свидетельств письменных источников не прекращается острая полемика, высказываются различные точки зрения о начальной грани сословно-классового общества, о конкретных путях его сложения и т. д.»⁴³² И все же, несмотря на наличие «противоречивых теорий, суждений

⁴³¹ См.: Фроянов И. Я. 1) О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. 1965; 2) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

⁴³² Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 3

и разногласий», в современной историографии укоренилось разделяемое большинством ученых мнение, согласно которому доклассовая (дофеодалная) эпоха в жизни восточного славянства завершается в середине IX в. образованием единого государства с центром в Киеве, открывая раннефеодалный период на Руси, длившийся до конца XI столетия, после чего древнерусское общество вступает в стадию «зрелого», «развитого» феодализма.⁴³³ В целом это мнение поддерживает и тот новейший исследователь, а именно Б. А. Тимошук, чьи слова мы только что цитировали.⁴³⁴ Будучи специалистом-археологом, он мобилизовал весь имеющийся в науке запас археологических данных, чтобы вселить в читателя уверенность в справедливости своих представлений о социальной эволюции восточного славянства. Письменные источники играют у него не столько основную, сколько подсобную роль. И это не случайно, ибо является следствием неоправданных, как нам кажется, надежд ученого на информационные возможности археологических источников сравнительно с письменными. Вот почему он пишет: «В связи с разногласиями по вопросу о сущности общественного строя Киевского государства особое значение приобретают археологические источники, при помощи которых может быть подтверждена или опровергнута та или иная интерпретация письменных источников, а также раскрыты те черты этого строя, которые не нашли своего отражения в других источниках».⁴³⁵ Мы придерживаемся противоположного взгляда, полагая, что посредством письменных изве-

⁴³³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990.

⁴³⁴ Тимошук Б. А. Восточные славяне... С.123-240.

⁴³⁵ Там же. С.716. Эта вера в особые возможности археологических источников свойственна и другим специалистам. В.П. Даркевич, например, затрагивая спорные вопросы происхождения и развития древнерусских городов, пишет: «При междисциплинарном подходе к изучению древнерусских городов, когда подвергаются сомнению казавшиеся еще вчера нерушимыми догматы, роль археологии с ее практической неисчерпаемостью материалов будет неизменно возрастать» (Даркевич В. П. О некоторых спорных вопросах происхождения и развития древнерусских городов (X-XIII вв.))// Город как социокультурное явление исторического

стий может быть «подтверждена или опровергнута та или иная интерпретация» археологических источников. Ведь археологические материалы сами по себе беззвучны и подвержены различным, нередко взаимоисключающим, толкованиям. Поэтому их следует подвергать проверке письменными сведениями, а не наоборот. Иначе легко оказаться во власти субъективных ощущений, весьма опасных искажением прошлого.

Преувеличенная оценка возможностей археологических источников понадобилась Б. А. Тимощуку, вероятно, для того, чтобы усилить впечатление от содержащихся в его книге конкретных зарисовок, наблюдений и выводов. Однако общая схема автора по сути ничем не отличается от общепринятой концепции социального развития восточного славянства, хотя и сопровождается археологически более наглядной, так сказать, вещественно осязаемой и потому кажущейся на первый взгляд убедительной картиной общественных трансформаций восточнославянского мира.⁴³⁶

процесса/ Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1995. С.136). Письменные источники, относящиеся к истории восточных славян и Древней Руси, далеко не исчерпаны. Прежде всего с их помощью пересматривались и пересматриваются казавшиеся еще недавно незыблемыми представления о ранней истории Руси.

⁴³⁶ Б. А. Тимошук, исходя из археологических материалов, относящихся к восточнославянским поселениям, определяемым как «общинные» и «феодалные» центры (что само по себе достаточно спорно), разворачивает стадиальную картину развития восточнославянского общества VI–XIII вв. Он пишет: «Хронологическая классификация основных типов поселений-общинных центров и поселений-феодалных центров дает возможность разделить историю восточнославянского населения VI–первой половины XIII в. на четыре стадии развития. Для первой стадии (VI–VII вв.) с наиболее примитивными формами жизни характерны главным образом неукрепленные общинные центры — большесемейные. В это же время появляются более развитые общинные центры-убежища. Начало второй стадии (VIII в.) определяется появлением новых укрепленных общинных центров — административно-хозяйственных. В это же время начали формироваться надобщинные ("племенные") центры. Не позже IX в. появляются первые городища-святилища. Начало третьей стадии (не позднее конца IX в.) сопровождалось ликвидацией общинных центров и

Между тем эта концепция, по нашему убеждению, доживает свой век, становясь достоянием истории исторической науки. Коренной ее порок состоит в соединении двух несовместимых во временном плане процессов: распада родовых связей и складывания феодальных отношений. Разлагавшееся первобытное восточнославянское общество порождало не феодализм, как принято думать, а общинно-территориальную организацию, являющуюся промежуточной ступенью между первобытным строем и феодальной формацией, или, если угодно, цивилизацией. А. И. Неусыхин рассматривал ее как «общинную без первобытности» (т. е. без родовых древностей) и видел в ней переходную стадию развития от родоплеменного общества к раннефеодальному, внося тем самым серьезный вклад в разработку проблемы перехода от доклассовых социальных структур к классовым не только у варваров Западной Европы, но и других народов, переживавших аналогичные процессы общественной эволюции.⁴³⁷

Идеи А. И. Неусыхина получили развитие в трудах А. Я. Гуревича, по словам которого периодизацию истории народов, переходивших в раннее средневековье от доклассового строя к феодальному, «нельзя строить таким образом, что вслед за общинно-родовым строем не-

строительством княжеских (государственных) крепостей. Одновременно с ними начали формироваться раннефеодальные города. Основным показателем четвертой стадии (конец XI - первая половина XIII в.) являются частновладельческие феодальные замки-усадьбы. В это же время продолжали функционировать — но уже в новом качестве — княжеские крепости и древнерусские города» (Тимошук Б. А. Восточные славяне... С.124-125). «Хронологическая классификация» поселений восточных славян, произведенная Б. А. Тимошуком с расчетом на новое слово в науке, целиком вписывается в привычную периодизацию восточнославянского общества: до VII в. включительно — первобытная эпоха; VIII-IX вв. — генезис феодализма; вторая половина IX — конец XI в. — раннефеодальный период; с XII в. — время зрелого феодализма

⁴³⁷См.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья)// Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн.1.

посредственно идет феодальный или раннефеодальный (как первая форма феодализма), ибо тогда мы не избежим крайностей схематизации, натяжек и насилия над конкретным материалом, которые неминуемо приведут нас к искаженному представлению об исторической действительности».⁴³⁸

А. Я. Гуревич пошел еще дальше. Полностью разделяя мысль А. И. Неусыхина об особой общественной форме, отделяющей первобытные образования от раннефеодальных, он усомнился в целесообразности считать эту форму лишь переходной по характеру. «Не следует ли ее рассматривать как самостоятельную, самодевящую форму, не развивающуюся во что-то принципиально иное, а если и развивающуюся, то вовсе не обязательно в феодализм?» — спрашивал исследователь. И отвечал: «Перед нами — самобытное варварское общество, обладающее рядом устойчивых конститутивных признаков... Этому обществу — мы называем его "варварским" совершенно условно — в гораздо большей мере присущи стабильность и даже застойность, нежели изменчивость и развитие. Внутренние возможности трансформации этой социальной системы крайне ограничены. Когда же она вступает в тесное взаимодействие с другой более развитой общественной системой, она рушится уступая место новому общественному строю... До тех пор пока подобного интенсивного взаимодействия с иной социальной системой не происходит, варварское общество, по-видимому, мало развивается. Во всяком случае, это развитие происходит крайне медленно и вряд ли ведет к коренной перестройке системы и к вызреванию в ее недрах новой системы. Скорее можно предполагать постоянное воспроизведение прежних элементов этой системы, проявляющей большую консервативность и сопротивляемость структурным сдвигам. Варварское общество характеризуется не столько способностью к эволюции, сколько настроенностью на гомеостасис — саморегулировку, приводящую к сохранению прежней структуры целого».⁴³⁹

⁴³⁸ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С.13.

⁴³⁹ Там же. С.14.

Эти идеи А. Я. Гуревича нам представляются весьма плодотворными и перспективными. Недаром они привлекли внимание и получили положительную оценку в рецензии Ю. Г. Алексева на его книгу. «Представляет интерес, — писал рецензент, — отмечаемая автором стабильность "варварского" общества, вовсе не спешащего перерасти в феодальное, а потому не могущего рассматриваться только как "преддверие" феодализма... Рассмотрение "варварского общества" ("дофеодального") как относительно самостоятельного этапа социального развития значительно расширяет возможности исследования ранних стадий истории». ⁴⁴⁰

А. Я. Гуревич подчеркивал устойчивость варварского общества и в другой своей книге, посвященной вопросам генезиса феодализма в Западной Европе. По словам исследователя, «варварское общество само по себе не порождало феодализма. Возможности этого общества изменяться, по-видимому, нередко переоцениваются. Ни в их производстве, ни в социальной структуре, ни в политической организации варварские племена Европы, в первую очередь германцы, не переживали коренных сдвигов на протяжении периода, предшествующего Великим переселениям народов. Их социальная структура была такова, что способность ее эволюционировать была чрезвычайно ограничена. То, что общественный строй варваров был очень консервативным, лучше всего доказывается анализом общественных отношений тех народов и племен, которые не переселялись на территорию Империи. Сопоставление данных скандинавских источников XII-XIV вв. с сообщениями античных авторов о древних германцах обнаруживает сходство поистине поразительное, если учесть, что между рассказом Тацита и записями права Норвегии и Швеции пролегло более тысячелетия!». ⁴⁴¹

К сожалению, соображения А. Я. Гуревича не получили должного понимания и признания в творчестве историков-русистов. Возможно, это было вызвано громким и позорным для «блюстителей» чистоты марксист-

⁴⁴⁰ Скандинавский сборник. Таллин, 1970. XV. С.257.

⁴⁴¹ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С.215.

ской историографии скандала, организованного вокруг только что цитированной книги «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», выпущенной в качестве учебного пособия для студентов исторических факультетов. По поручению Министерства высшего и среднего специального образования СССР 22 мая 1970 г. на совместном заседании кафедр русского и западноевропейского феодализма исторического факультета Московского университета состоялось «обсуждение» этого учебного пособия, причем в отсутствие автора. Штампованные обвинения посыпались, как град: было высказано сомнение в правильности применения А. Я. Гуревичем «основных положений исторического материализма» (С. Д. Сказкин); указано на то, что он «не хочет считаться с марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях» (Г. А. Новицкий), выступая «фактически против учения о социально-экономических формациях и феодализме как одной из формаций» (М. Т. Белявский); А. Я. Гуревич пришел, по словам критиков, «к отрицанию феодализма как общественно-экономической формации», его книга не способствует «развитию марксистской теории познания исторического прошлого», а, напротив, уводит «от нее в дебри структурализма и прочих "новомодных", хотя уже давным-давно доказавших всю свою несостоятельность теорий» (А. М. Сахаров); А. Я. Гуревич «в своей книге полемизирует не столько с буржуазной медиэвистикой, сколько с советской, с ее методологическими положениями и научными выводами», его главная ошибка в том, что он применил структурный метод исследования «в отрыве от марксистско-ленинской методологии исторической науки, от категорий и законов материалистического понимания истории» (Ю. М. Сапрыкин).⁴⁴² «Появление такой книги понять трудно; еще трудней понять, как над ней работали редактор и издательство, и совсем невозможно понять, как книга А. Я. Гуревича могла

⁴⁴² Плешкова С. Л. Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (информация о ходе обсуждения книги А. Я. Гуревича) // Вопросы истории. 1970, № 9. С. 154, 157, 159, 160, 162, 163.

быть издана в качестве учебного пособия для студентов. Она может их только запутать, посеять у них сомнение в применимости марксистско-ленинской методологии к изучению данной проблемы. Создание и издание такого "учебного пособия" — грубая ошибка, которая должна быть исправлена» (М. Т. Белявский).⁴⁴³ С «созданием и изданием» неудобной книги ничего, увы, нельзя было поделать. Оставалось лишь «просить Научно-методический совет по учебно-методической литературе Министерства высшего и среднего специального образования СССР ходатайствовать перед Министерством о снятии грифа учебного пособия с названной книги А. Я. Гуревича». Министерство удовлетворило просьбу ученых мужей.⁴⁴⁴ Много времени прошло с тех пор, но идеи о внутренней устойчивости "варварского общества", его самодавляющем характере и тенденции к неизменяемости основ социальной организации так и лежат втуне, не привлекаемые к изучению истории восточных славян.

Мы считаем, что древнерусское общество XI-начала XIII в. как раз и есть то, условно говоря, "варварское общество", настроенное на саморегулировку и стабильность, о чем писал А. Я. Гуревич. Оно воплощало собой общинную цивилизацию Древней Руси со своеобразным общественным, политическим и государственным строем, самобытной и яркой культурой. Эта цивилизация погибла под ударами татаро-монгольского нашествия, и на ее обломках возникла монархическая Московская Русь, положившая начало новой сословно-классовой эпохе в истории России.⁴⁴⁵ Сама же она вынута из разлагающегося родоплеменного строя. Когда это произошло?

Большинство современных исследователей, как уже отмечалось, связывает падение родового общества с IX столетием, ставшим начальной хронологической границей раннефеодального периода в исторической жизни

⁴⁴³ Там же. С.159.

⁴⁴⁴ Там же. С.167.

⁴⁴⁵ См.: Фроянов И. Я. О возникновении монархии в России// Лом Романовых в истории России/ Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1995.

восточных славян. Но вот однажды Б. А. Рыбаков, вглядываясь в события последней четверти X в., заметил много новых явлений, связанных с глубокими внутренними процессами». Он увидел, как «неудержимо распадались родовые связи, шло расслоение деревни, выделялись устойчивые индивидуальные хозяйства», как совершался переход от «верви-рода к верви-общине», от «коллективного родового земледелия к более прогрессивному тогда индивидуальному». ⁴⁴⁶ Его взору открылся «процесс деструкции замкнутых родовых ячеек, высвобождавший то изгоев, потерпевших поражение в борьбе с сородичами, то крестьянские семьи, вырвавшиеся из принудительного родового сообщества и ищущие опоры вне своих старых связей». ⁴⁴⁷ Но то был эпизод в идейном поиске Б. А. Рыбакова, несколько с его стороны экстравагантный и неожиданный для научной общест-венности, а быть может, и для самого исследователя, поскольку совсем незадолго до того в одном солидном академическом издании он утверждал: «Период между VI и IX столетиями — это время наиболее интенсивного перехода от первобытнообщинного строя к феодальному, время создания экономических и социальных предпосылок феодализма и возникновения классовых отношений, завершившееся созданием феодального государства Руси в IX-X вв.». ⁴⁴⁸

Б. А. Рыбаков вернулся, как и следовало ожидать, на «прямоезжий» торный путь советской историографии происхождения феодализма в России, констатируя существование в VIII-IX вв. сложившегося в Среднем Поднепровье «раннефеодального государства с верхов-

⁴⁴⁶ Рыбаков Б. А. 1) Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 42; 2) Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 57.

⁴⁴⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С. 61.

⁴⁴⁸ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III-IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958. С. 831. См. также: Рыбаков Б. А. Образование Древнерусского государства с центром в Киеве // Всемирная история / Гл. ред. Е. М. Жуков. М., 1957. Т. 3. С. 242.

ной собственностью на землю, вассалитетом, основанным на земельных владениях», обзревая тысячи боярских замков-хором, стихийно возникавших в это время по всей Руси и знаменовавших собой «рождение новых феодальных отношений». ⁴⁴⁹

Возвращение Б. А. Рыбакова «на круги своя» в большей мере зависело от инерционного воздействия историографической среды, в которой пришлось ему вращаться, чем от притяжения фактов, извлекаемых из исторических источников. Если следовать последним, то именно вторая половина X – начало XI столетия окажется временем, когда завершался распад родоплеменного строя у восточных славян. Проявление этого процесса подтверждается значительным количеством признаков.

Важным показателем разложения старой родовой организации было появление в восточнославянском обществе бедняков и неимущих людей. Нарастание их шло, конечно, медленно и постепенно, но само возникновение подобных элементов в обществе говорило о том, что солидарность и защита со стороны родовых групп стала давать серьезные сбои. О существовании бедных узнаем уже из сведений, относящихся к первой половине X в. По рассказу Ибн Фадлана, русы, если кто из них заболел, «то они разобьют для него палатку в стороне от себя, оставят его в ней, положат вместе с ним некоторое количество хлеба и воды и не приближаются к нему и не говорят с ним, особенно если он бедняк или невольник...». ⁴⁵⁰ Похороны бедного человека, по свидетельству Ибн Фадлана, заметно отличались от похорон богатого: «Если это бедный человек из их (русов. — И. Ф.) числа, то делают маленький корабль, кладут его в него и сжигают его [корабль]». ⁴⁵¹ Т. М. Калинина, комментируя данное сообщение арабского писателя, замечает: «Ибн Фадлан рассказывает, что в составе русов

⁴⁴⁹ Рыбаков Б. А. 1) Новая концепция предыстории Киевской Руси // История СССР. 1981, № 2; 2) Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982; М., 1993. См. также: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 303–305.

⁴⁵⁰ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 143.

⁴⁵¹ Там же.

были бедные люди. В случае смерти бедняка, как пишет Ибн Фадлан, его все же не оставляли, а сжигали, что, вероятно, свидетельствует не только о вхождении его полноправным членом в состав "людей дома", но и о выраженном социальном неравенстве среди его членов». ⁴⁵² Едва ли можно совместить мысль о бедняке как полноправном члене в составе "людей дома" с тезисом о его социальном неравенстве среди членов этого дома. Приниженный бытовой статус бедняка не вызывает сомнений. Но это не значит, что в социальном плане, с точки зрения прав и обязанностей свободного члена общества, он находился в ущербном положении сравнительно с остальными русами.

Во второй половине X в. количество бедных, судя по всему, возросло, и они стали привычным явлением в Киеве. Князь Владимир, призывая киевлян креститься, называет среди них убогих и нищих. ⁴⁵³ Он взял на себя попечение о бедных и нищих, кормил их, раздавал убогим богатства. ⁴⁵⁴ И это особенно показательно, поскольку говорит о том, что эти люди оказались вне сферы родственных связей, один на один со своей горькой, как степная полынь, долей. И таких людей, выпавших из родственных коллективов и утративших защиту и покровительство родичей, к исходу X в. было, по всей видимости, множество. К ним относились, помимо прочих, изгои, упоминаемые Правдой Ярослава.

Важное значение для разумения сущности изгойства имеют этимологические разыскания лингвистов. По их наблюдениям, термин «изгой» восходит к слову «готить», означающему *жить, давать жить, устроить, приютить*. ⁴⁵⁵ Отсюда ученые в изгоях видели то поте-

⁴⁵² Калинина Т. М. Термин "люди дома" ("ахл ал-байт") у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1995. С. 137.

⁴⁵³ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 80.

⁴⁵⁴ Там же. С. 85, 86.

⁴⁵⁵ См.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. I. С. 138; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II. С. 122; Шанский Н. М. (и др.). Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 171.

рявших звание людей,⁴⁵⁶ то выжитых из рода и не пользующихся уходом,⁴⁵⁷ то лишенных средств к жизни.⁴⁵⁸ Следует сказать, что все эти определения не исключают, а дополняют друг друга, характеризуя изгойство с разных сторон. В самом общем обозначении изгой есть человек, «изжитый», выбитый из привычной жизненной колеи, лишенный прежнего своего состояния,⁴⁵⁹ порвавший связи «со своей социальной группой»,⁴⁶⁰ так сказать, «бывший человек, социальный "экс"». ⁴⁶¹ Вопрос, однако, в том, откуда вышел изгой, с какой социальной группой у него прервались связи.

Еще в середине прошлого столетия Н. В. Калачов в специальной статье высказал мысль о том, что изгой — это отпавший или исключенный из рода.⁴⁶² Ему возражал К. С. Аксаков. Изгой, по Аксакову, — тот, кто выпал из общины, сословия, будучи явлением не родовым, а гражданским.⁴⁶³ В. И. Сергеевич не согласился ни с Н. В. Калачовым, ни с К. С. Аксаковым. «Сторонники родового быта и сторонники общины, — писал он, — одинаково пользуются словом изгой для доказательства своих любимых теорий. И те и другие согласны, что изгой означает существо, исключенное из союза, к которому он прежде принадлежал, а потому и умаленное в

⁴⁵⁶ Преображенский А. Г. Этимологический словарь... С.138.

⁴⁵⁷ Фасмер М. Этимологический словарь... С.122.

⁴⁵⁸ Шанский Н. М. (и др.). Краткий этимологический словарь... С.171.

⁴⁵⁹ См., напр.: Ключевский В. О. Соч. в девяти томах. М., 1989. Т. VI. С.118, 408; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С.249; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С.73; Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства // Труды Всесоюз. заочн. юридич. ин-та. 1970. Т. XIV. С.137.

⁴⁶⁰ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С.187.

⁴⁶¹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С.121.

⁴⁶² Калачов Н. В. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси // Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. I. С.57-72.

⁴⁶³ Аксаков К. С. Родовое или общественное явление было изгой? // Полн. собр. соч. М., 1889. Т. I. С.43.

своих правах. Но у первых таким союзом является род; изгой же — существо отреченное от рода. Причина — преступление или безрассудность, отвага. Такой выкинутый из рода должен считаться преступником, разбойником, грешником. Таково мнение Калачова... У вторых изгой исключен из общины. Так у К. Аксакова. "Это был человек, говорит он, исключенный, или сам исключивший себя из общины или сословия". Все это только догадки. По историческим же памятникам изгой не имеет никакого отношения ни к роду, ни к общине; он не преступник и в правах не умален; наоборот он поставлен под особое покровительство церкви, как человек бедный, жалкий». ⁴⁶⁴

Несмотря на столь суровый приговор, идеи Н. В. Калачова и К. С. Аксакова продолжали жить в историографии. Б. Д. Греков, изо всех сил старавшийся феодализировать древнерусское общество и развести его с родоплеменным строем, все же не решился оторвать изгоя от родовых корней и потому не исключал появления термина «изгой» в архаическом обществе для обозначения чужеродных элементов, принимаемых в родовые замкнутые группы. Однако изгойство «стало особенно развиваться в процессе распада родовых союзов и в "Русскую Правду" попало, несомненно, тогда, когда род уже был известен только в отдельных пережитках. Изгой, по-видимому, и упомянут в "Русской Правде" в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя». ⁴⁶⁵ Б. Д. Греков, конечно, не мог ограничиться данной аттестацией изгоя. «Если нет ничего невероятного в том, что изгой могли появиться в период разложения родового строя, — писал он, — то вполне очевидно, что они продолжали существовать и позднее; выходец из соседской общины, принятый в другую, может быть принятый с некоторыми ограничениями в правах, мог оставаться здесь под именем и на положении изгоя». ⁴⁶⁶ Легко заметить, что эти представления об изгое Б. Д. Греков получил, соединив точки зрения

⁴⁶⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1902. Т. I. С. 275.

⁴⁶⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 250.

⁴⁶⁶ Там же.

Н. В. Калачова и К. С. Аксакова. Но справедливости ради надо сказать, что то было не механическое соединение, а основанное на учете исторического развития института изгойства с выделением начальной и последующих ступеней его эволюции. Наше внимание сейчас привлекает раннее изгойство, связь которого с историей родовых отношений подтверждается новейшими научными изысканиями.

По наблюдениям В. В. Колесова, изгой изначально — «отщепенец, лишенный рода насильно». Буквальный смысл слова «изгой», согласно В. В. Колесову, «лишенный жизненной силы рода, традиции, а значит и права на жизнь». ⁴⁶⁷ Не имеющий рода, родства, изгой стоял вне закона. ⁴⁶⁸ Он известен издавна, появившись еще в родовом обществе. ⁴⁶⁹ Надо полагать, что первоначально, в условиях господства родовых отношений, изгойство не имело широкого распространения, изгоями становились лица, изгнанные из родственных коллективов за особо тяжкие преступления (например, убийство родственника родственником, воровство у родичей, нарушение половых запретов), ⁴⁷⁰ выброшенные из общезития на произвол судьбы, т. е. лишенные мира. ⁴⁷¹ Пе-

⁴⁶⁷ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С.174.

⁴⁶⁸ См.: Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Учен. зап. Лeningr. гос. педин-та им. А. И. Герцена. Т.80. Л., 1949. С.234.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ См.: Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т.2. С.170-171.

⁴⁷¹ Гальперин С. Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893. С.145. Как показывает внимательное изучение фактического материала, прежде всего этнографического, у первобытных народов «сила обычаев и племенных традиций, регулирующих жизнь и поведение человека, очень велика; они касаются всех сторон жизни — правил участия в производительной деятельности и разделе добычи, брачных порядков, взаимоотношений полов, повиновения старикам, междуобщинных отношений и пр. Не то что невозможно нарушение обычаев — оно возможно и оно случается. Личность не порабощена в настоящем смысле слова; человек может восстать против обычаев во имя личной склонности, симпатии или антипатии,

ред нами «полное отлучение от крова и пищи, aquae et ignis interdictio. В таком виде этот институт действует не только в праве античных народов, но и в праве китайцев, перуанцев, индусов и разных других народов». ⁴⁷² Изгой, лишенный мира, не имел мстителей, готовых вступить за него. «Он может быть убит, и никто за его убийство ничем не воздаст убийце. Об этом даже не будет поднято вопроса». ⁴⁷³

Со временем слово «изгой» наполняется иным содержанием, знаменуя появление нового изгойства, характеризуемого утратой связей с родственным коллективом, обусловленного не преступной деятельностью того, кто оказался в положении изгоя, а переменами в общественной жизни, вызванными падением родоплеменного строя. Б. Д. Греков был прав, отмечая, что это новое изгойство стало особенно развиваться в ходе распада родовых союзов. ⁴⁷⁴ Он ошибался только в датировке названного распада, относя его к VI-VIII вв. Исторически более точные хронологические ориентиры нащупал С. В. Юшков, согласно которому Древнейшая Правда отразила общественные отношения X, возможно, даже и IX в. Именно тогда шло разложение родовых связей, в результате чего и появились изгой. ⁴⁷⁵ Еще ближе к историческим реалиям был Б. А. Рыбаков, когда применительно к концу X в. говорил о продолжении «процесса деструкции замкнутых родовых ячеек», высвобо-

такие случаи засвидетельствованы. Но в возникающем неизбежно конфликте победа всегда остается за коллективом и за ограждающим интересы коллектива обычаем. Любой протест индивида против обычая обречен на неудачу. Да эти протесты, очевидно, бывали редко. Повседневная жизнь первобытной общины текла по ровной колее, освященной традициями, стариной, обычаем» (История первобытного общества. Эпоха первобытной общины/ Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986. С.546). Отсюда ясно, что и наказания в виде изгойства-изгнания были не столь часты. Следовательно, говорить о массовости изгойства не приходится.

⁴⁷² Там же. С. Д. Гальперин сравнивал изгойство и с кавказским абречеством. — Там же. С.140.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. С.250.

⁴⁷⁵ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С.120, 121.

ждавшего изгоев, «потерпевших поражение в борьбе с сородичами».⁴⁷⁶ Вернее, на наш взгляд было бы сказать не о продолжении, а завершении в это время данного процесса и о высвобождении из «замкнутых родовых ячеек» изгоев не в результате их поражения в борьбе с сородичами, а вследствие разложения самих этих ячеек.

Итак, на исходе X — начале XI в. в древнерусском обществе формируется новый довольно многочисленный разряд изгоев — свободных людей, не имеющих связей с родственными союзами и лишенных, следовательно, их защиты и покровительства. Факт появления такого рода людей — свидетельство деградации этих родственных союзов, т. е. глубокого и системного кризиса родового строя, время которого зафиксировала Древнейшая Правда, составленная вскоре после вокняжения в 1016 г. Ярослава в Киеве и отразившая социальные сдвиги, происходившие в Киеве и Новгороде на рубеже X и XI столетий.⁴⁷⁷

Древнейшая Правда позволяет не только установить время возникновения новой категории изгоев на Руси, но и выявить степень распространения изгойства в общественной жизни. Упоминание изгоя в статье 1 Правды — верный признак определенной массовости изгойства. Здесь изгой отделен от семейной организации, оберегающей своих сородичей, и поставлен в ряд с теми, кто выступал в одиночку и не мог быть защищен кровной мезтью, узаконенной обычным правом.⁴⁷⁸ Место родственного коллектива заступал князь, бравший

⁴⁷⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С.61.

⁴⁷⁷ См.: Фроянов И. Я. Мязежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С.164-167.

⁴⁷⁸ Это «княжые мужи» гридин, ябетник мечник, пришедший со стороны в Киев или Новгород «купчина». Сюда же относились русин, или житель Южной Руси, оказавшийся в Новгороде, и словенин — житель Новгородской земли, находящийся в Киеве (см.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т.1. Киевская Русь. М., 1938. С.184; Фроянов И. Я. Мязежный Новгород... С.166. Ср.: Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда// Исторические записки. 76. 1965. С.246). Все они не имели поддержки и защиты родственников, обозначенных в начальной части статьи 1 Правды Ярослава, поскольку одни не имели широкого кру-

под свою защиту, помимо прочих, и изгоя, делая его субъектом княжого права.

Б. Д. Греков, отмечая равноправие изгоя, поставленного рядом с дружинником и кушом, писал: «Нет ничего невероятного также и в том, что это равноправие такого же происхождения и так же относительно, как и право закупа жаловаться на своего господина, если этот последний бьет его не "про дело", т. е. это есть компромиссная мера в целях успокоения общественного движения, в данном случае имевшего место в Новгороде в 1015 г., после чего и, может быть, в значительной мере вследствие чего и приписано настоящее прибавление к первой статье древнейшего "Закона русского". Если это так, что весьма вероятно, то равноправие изгоев в начале XI века было уже для них потеряно, но не совсем забыто и, может быть, служило неписанным лозунгом общественных низов, по преимуществу городских, в событиях 1015 г.»⁴⁷⁹

Вряд ли равноправие изгоя, утверждаемое статьей 1 Древнейшей Правды, есть «компромиссная мера», призванная успокоить общественное движение в Новгороде, а «прибавление» к этой статье, упоминающее изгоя, — следствие бурных событий 1015 г. в Новгороде.

Отвергая довольно распространенное в исторической литературе мнение о том, что якобы Правда Ярослава регулировала отношения между княжеской дружиной и простым людом Новгорода, и соглашаясь с теми учеными, которые усматривали в ней законодательный кодекс, непосредственно обращенный к народной массе и касающийся отношений внутри этой массы,⁴⁸⁰ мы полагаем, что Правда Ярослава предназначалась не только для Новгородской земли, но и для Южной Руси,⁴⁸¹ запечатлев социальные перемены, происходившие в этих крупнейших регионах Древней Руси. Отсюда вытекает

га родичей, а другие были на чужбине, вдали от них.

⁴⁷⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. С.250.

⁴⁸⁰ См., напр.: Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси// Археографический ежегодник за 1964 год/ Отв.ред. М. Н. Тихомиров. М., 1965. С.5.

⁴⁸¹ См.: Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С.102; Фроянов И. Я. Мятужный Новгород. С.166.

и наше отрицательное восприятие весьма популярной в современной историографии идеи о «прибавлениях» к «основному» тексту статьи 1 Древнейшей Правды, идеи, навязчиво преследующей многих современных историков. Обратимся, однако, к самой статье. Она гласит: «Убьеть мужь мужа, то мьстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изьгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь».⁴⁸²

По Б. Д. Грекову, та часть статьи, которая начинается словами «аще будеть русин», по-видимому, «вставлена позднее, в момент вручения Правды новгородцам, оказавшим помощь Ярославу при овладении им Киевом, т. е. в 1016 г. Смысл этой приписки делается ясен при сопоставлении ее с записью событий 1015–1016 гг. в Новгороде».⁴⁸³ В другой своей работе Б. Д. Греков говорит несколько по-иному, полагая, что в перечень лиц, защищаемых 40-гривенной платой, были вписаны изгой и словенин, и «очень похоже на то, что они специально сюда вставлены: после перечня пяти категорий названных здесь общественных групп, поставленных рядом без всяких оговорок, идет новое "аще", за которым следует "изгой будет либо словенин"».⁴⁸⁴ Аналогичным образом рассуждал и Б. А. Романов, согласно которому к суще-

⁴⁸² Правда Русская. 1. Тексты. М.; Л., 1940. С.70.

⁴⁸³ Русская Правда/ Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1934. С.4, прим.2. Догадка о вставке со слов «аще будет русин» высказывалась и ранее, в частности, Л. Гетцем. В противном случае, по Гетцу, мы имели бы «перечисление отдельных состояний (сословий) среди русов и отличие варягорусов от новгородцев как русов от нерусов, если воспринимать "словенина" как "неруса"». Вот почему эту часть ст.1 он принимал «за позднее добавление к первоначальному составу древнейшей редакции», где первоначально говорилось о «тяжелейшем увечье, убийстве в двух случаях, когда совершалась кровавая месть, или когда она заменялась выплатой штрафа». А далее шел текст о простых увечьях. — Goetz L. K. Das Russische Recht. (Русская Правда). Bd.1. Die älteste Redaktion des russischen Rechtes. Stuttgart, 1910. S.129-131.

⁴⁸⁴ Греков Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1937. С.69. См. также: Греков Б. Д. Киевская Русь. С.250.

ствующей уже основе статьи в 1015–1016 гг. было сделано «новое добавление о новгородцах — изгое и словенине».⁴⁸⁵

М. Н. Тихомиров, возражая Б. Д. Грекову по поводу приписки, начинающейся будто бы словами «аще будет русин», замечал, что «смысл этой приписки совсем не так ясен, как может показаться при первом взгляде». Тем не менее саму идею о дополнении раннего текста статьи 1 Древнейшей Правды он не отвергал, находя приписку в другом ее месте. «Начало Правды, — писал он, — уже устанавливает 40 гривен за убитого мужа при отсутствии мстителя. Приписка является совершенно бесполезной, так как под категорию "мужей" или свободных людей подходили и все люди, перечисляемые в предполагаемой приписке. Поэтому мне представляется, что первоначальный текст был разделен совершенно по-иному. После общего установления о мстителях шла статья о том случае, когда мститель отсутствовал, которая читалась таким образом: "аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову, аще боудеть роусинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ". Иными словами, статья устанавливала ответственность за убийство людей, находившихся под защитой князя, даже при отсутствии мстителя. Таким образом, отпадает всякая необходимость в предположении позднейшей вставки. Наоборот, слова "аще изъгой боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь" представляются явным позднейшим дополнением. Вставной характер этих слов доказывается повторением слова "аще", которое обычно начинает новую статью или мысль составителя Правды, тогда как рядом разделение княжеских людей произведено словом "любо". Слова об изгое и словенине представляются дополнением, сделанным редакторами Краткой Правды», т. е. в начале XII в., когда она была составлена в Новгороде.⁴⁸⁶ Появление вставки об изгоях в Краткой Правде М. Н. Тихомиров объясняет их близостью к новгородскому архиепископу. Вот почему «лицо, сделавшее

⁴⁸⁵ Правда Русская. Учебное пособие. М.; Л., 1940. С.37.

⁴⁸⁶ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С.49, 74-78.

вставку в Древнейшую Правду об изгое и словенине, по-видимому, принадлежало к новгородским церковным кругам. Цель вставки заключалась в том, чтобы русину, под которым редактор Краткой Правды, несомненно, понимал жителя южной или Киевской Руси, противопоставить "словенина" — новгородца.⁴⁸⁷

Статья 1 Краткой Правды, открывающая Правду Ярослава, показалась А. А. Зимину «одной из самых трудных для понимания» и наряду с этим «одной из важнейших статей».⁴⁸⁸ Трудность ее состоит в том, что она «сохранила в себе постановления, уходящие корнями в седую старину, но вместе с тем дополненные в начале XI в. Ярославом Мудрым. Первая часть статьи — («Убьеть мужь мужа... 40 гривен за голову») говорит о праве кровной мести, которое существовало у восточных славян уже в период разложения первобытнообщинного строя. Это — самая архаическая часть статьи. Но и эта часть подверглась ко времени княжения Ярослава Мудрого сильным изменениям, вызванным развитием раннефеодального государства. Во-первых, сокращается круг мстителей ближайшими родственниками (отец, сын, племянник и двоюродный брат). Мстить они могли и за родичей по женской линии. В целом этот круг приближался к кругу славянской большой семейной общины...».⁴⁸⁹ По мнению А. А. Зимина, «вторая часть статьи («аще будет русин... то 40 гривен положить за нь») устанавливает уплату в княжескую казну виры за убийство русина..., кто бы он ни был: воин (гридин), купец (купчина), хозяйственный или судебный агент (ябедник и мечник)».⁴⁹⁰

К данной части статьи и была сделана приписка: «Вторая часть ст.1 Краткой Правды содержит в себе, очевидно, вставку, начинающуюся союзом "аще", который обычно свидетельствует о новой мысли составителя закона («аще изъгой будет любо словенин»). Согласно этой вставке, сделанной, вероятно, при составлении

⁴⁸⁷ Там же. С.75.

⁴⁸⁸ Памятники русского права. М., 1952. Вып.1. С.85.

⁴⁸⁹ Там же. С.85-86.

⁴⁹⁰ Там же. С.86.

Правды Ярослава, платеж виры (в случае отсутствия мстителей) происходил и при убийстве новгородских общинников (словенин), а также людей, вышедших из общины (изгой). Если считать, что Правда Ярослава была составлена в 1016 г., то появление отмеченной вставки нельзя не связать с напряженной классовой борьбой в Новгороде и одновременно борьбой между русскими князьями за Киевский стол. В ходе борьбы за Киев Ярослав, стремясь обеспечить себе поддержку Новгорода, издал специальный закон, которым создает видимость гарантии новгородским "мужам" от своевольий княжеской дружины, вызвавших движение в Новгороде в 1015 г. Эту же тенденцию можно усмотреть в ст.1 и в ряде других статей Древнейшей Правды». ⁴⁹¹

Исследователь старался найти новые подтверждения своим предположениям, когда снова обращался к статье 1 Краткой Правды. Так, он привлек внимание к известной речи Ярослава, произнесенной им на вече после избиения новгородцев «на Рокоме». Князь, по словам А. А. Зимина, якобы говорил, что «даже золотом он не может заменить убитых новгородцев ("не топерво ми их златом окупите")». Речь в данном случае идет о том, что за совершенные им убийства Ярослав откупился золотом, но, с горечью замечает он, никакое золото не заменит людей, необходимых для походов. Этот летописный текст помогает разобраться во вставке к ст.1 Кр. Пр., которую уже многие исследователи относили к эпохе Ярослава: "аще изъгой будеть, либо словенин, то 40 гривен положити за нь". Согласно этому постановлению, пеней каралось убийство не только дружинников, но и любого изгоя (не члена общины) и словенина (новгородца-общинника). Идя навстречу требованиям новгородцев оградить их жизнь от произвола дружины, Ярослав провозглашает, что теперь (конечно, при отсутствии мстителей) сорокагривенным штрафом каралось убийство не только русин-дружинников, но и славян и изгоев. Ранее дружина злоупотребляла своей почти полной безответственностью... Новгородцы требовали ответственности убийц не только перед семьей,

⁴⁹¹ Там же. С.86-87.

но и перед князем. Это требование и было удовлетворено Ярославом». ⁴⁹² По-старому для А. А. Зимина существенным доказательством служило употребление во вставке союза «аще»: «Вставочный характер слов "аще будет изгой любо словенин" как бы подчеркивается неожиданным союзом "аще", прерывающим перечисление "любо...любо"». ⁴⁹³

Довольно сложную работу по части вставок в статью 1 Древнейшей Правды воспроизводит Л. В. Черепнин. Конец ее текста историк вмещает в слова «аще не будет кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгой будет, любо словенин, то 40 гривен положити за нь». По мнению Л. В. Черепнина, «вторичное указание на 40 гривен, лишь подкрепляющее то, что было сказано по этому поводу в первый раз, дает основание считать фразу со слов "аще будет русин..." до слов "...любо словенин" вставочным текстом. При этом можно предположить, что вставка была сделана в два приема. Первоначально было сказано, что постановление ст.1 распространяется как на выходцев из Киевской Руси, так и на новгородцев: "аще будет русин...любо словенин". Затем указание на территориально-этническую принадлежность убитых было дополнено перечнем тех социальных разрядов, к которым они могли быть причислены. Так в тексте появились термины, обозначающие различных княжеских (киевских), а может быть, и местных новгородских дружинников ("гридин", "ябетник", "мечник"), купцов ("купчина")». ⁴⁹⁴ Что касается упоминания изгоя, то «оно, очевидно, отсутствовало и во второй вставке и появилось в тексте не в 1016 г., а позже. Такой вывод можно сделать прежде всего на основе наблюдений за построением статьи в ее первоначальном виде и за конструкцией вставок в нее.

⁴⁹² Зимин А. А. Феодалная государственность... С.245-246.

⁴⁹³ Там же. С.246, прим.78.

⁴⁹⁴ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда// Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.133-134. Упоминание в конце статьи 40 гривен послужило признаком вставки и для М. Н. Тихомирова. — См.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С.75.

Первая вставка построена по принципу "аще" — "любо" ("аще... русин... любо словенин"). Вторая — рядом союзов "любо" дифференцирует понятия "русин" и "словенин". Возвращение к союзу "аще" перед словом "изгой" позволяет думать, что перед нами новое напластование, легшее на текст после обеих вставок, сделанных в 1016 г.».⁴⁹⁵

Последнее соображение Л. В. Черепнина насчет изгоя как «новом напластовании» на текст 1 статьи Древнейшей Правды, по убеждению М. Б. Свердлова, «не подтверждается ввиду одинаковой структуры дополнительного текста».⁴⁹⁶ И все же, по М. Б. Свердлову, «отчетливо выделяемые группы лиц, вероятно, были приписаны к первоначальному тексту статьи».⁴⁹⁷ Осторожность, с какой выражается автор, выдает его неуверенность в приписке «отчетливо выделенных групп лиц». И для такой неуверенности есть серьезные основания. В самом деле, на чем построены предположения о вставках в статью 1 Правды Ярослава?

Упомянутые нами исследователи в своих догадках опираются в основном на употребление в тексте статьи союзов «аще» и «любо», играя ими, как заблагорассудится. Вторичное упоминание 40 гривен — еще один аргумент в их руках. Наконец, в качестве доказательства привлекается фрагмент известной речи князя Ярослава на новгородском вече по записи в Новгородской Первой летописи младшего извода. Вот, собственно, и все, чем "богаты" открыватели «прибавлений» к 1 статье Древнейшей Правды. Скажем прямо: запас фактов весьма и весьма скромный, если не убогий. К тому же эти факты не столь однозначны, как может показаться при первом взгляде.

Сам по себе союз «аще», неоднократно фигурирующий в статье 1 Правды Ярослава, не является бесспорным свидетельством дополнений к ней. Этот союз мог быть употреблен в одно время одним и тем же лицом, из под пера которого вышла данная статья. В плане рече-

⁴⁹⁵ Там же. С.134.

⁴⁹⁶ Свердлов М. Б. От закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С.33, прим.7.

⁴⁹⁷ Там же. С.33.

вой практики той поры здесь нет ничего необычного и невозможного.⁴⁹⁸

Вторичное указание на 40 гривен в самом конце статьи нельзя считать небрежным или неуклюжим повтором того, что «было сказано по этому поводу в первый раз», как полагали Л. В. Черепнин и М. Н. Тихомиров. «В первый раз» 40 гривен фигурируют в связи с мстью и в альтернативном варианте.⁴⁹⁹ Во второй раз 40 гривен устанавливаются не в качестве замены мести, а как сдвинственное наказание за убийство определенных лиц, находившихся под защитой княжеской власти, в отличие от тех, чью жизнь оберегал родственный союз. Следовательно, перед нами разные казусы, хотя и с одинаковой денежной компенсацией. Повтор-ошибка, повтор-описка тут не просматриваются. Значит, и нет причин во вторичном указании на 40 гривен видеть внешний признак вставки.

Не оправдывают надежд сторонников идеи «прибавлений» к статье 1 Древнейшей Правды и слова Ярослава Мудрого: «Любимая моя и честная дружина, юже вы исекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупите».⁵⁰⁰ Эти слова А. А. Зимин, как мы знаем, понял так, что за совершенные убийства «Ярослав откупился золотом», хотя, по признанию князя, «никакое золото не заменит людей, необходимых для походов».⁵⁰¹ По мнению А. А. Зимина, как уже отмечалось, приведенный отрывок из речи Ярослава помогает разобраться во вставке, гласящей: «аще изъгой будеть, либо словенин, то 40 гривен положити за нь».⁵⁰² Однако предлагаемое А. А. Зиминым понимание летописного текста отнюдь не обязательно. В исторической литературе есть другие примеры его прочтения. По Н. М. Карамзину, Ярослав говорил на вече: «Вчера умертвил я безрасудный верных слуг своих; теперь хотел бы купить их

⁴⁹⁸ Этим соображением поделился с нами в устной беседе известный специалист в области древнерусского языка проф. В. В. Колесов, за что автор выражает ему свою признательность.

⁴⁹⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С.33-35.

⁵⁰⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С.174-175.

⁵⁰¹ Зимин А. А. Феодалная государственность... С.245.

⁵⁰² Там же. С.245-246.

всем золотом казны моей». ⁵⁰³ С. М. Соловьев предлагает несколько иной перевод: «Ах, любимая моя дружина, что вчера избил, а нынче была бы надобна, золотом бы купил». ⁵⁰⁴ Историк далее пишет: «Ярослав жалеет не о том, что перебил новгородцев, но о том только, что этим убийством отнял у себя воинов, которые в настоящих обстоятельствах были ему очень нужны...». ⁵⁰⁵ Ни у Н. М. Карамзина, ни у С. М. Соловьева, князь Ярослав, как видим, золотом не откупается. Золото у них фигурирует как средство купли (найма) дружины. Не дает оснований говорить об откупе и сам летописный текст. Присмотримся к нему внимательнее и постараемся уяснить, что означало в устах Ярослава слово «окупите».

В древнерусском языке «окупити» означало не только *выкупить*, но и *собрать*. ⁵⁰⁶ Похоже, Ярослав выразился во втором значении. На это указывает Новгородская I летопись, где находим слово «окупати»: «О, любимая моя дружина, юже вчера избих в безумьи моем, то сперво ми их златом окупати, а ныне надобни». ⁵⁰⁷ В древности «окупити» имело смысл *сокупить*, *собрать*, *составить*. ⁵⁰⁸ Весьма существенно и то, что в Новгородской Первой летописи, которой пользовался А. А. Зимин, интересующая нас фраза, произнесенная Ярославом, начинается с отрицательной частицы «не», которая относится не только к ближайшему «топерво», но и к последнему «окупите», придавая обозначаемому им действию отрицательный смысл. Учитывая эту языковую особенность, А. А. Зимин должен был бы отрицать факт откупа золотом со стороны Ярослава, что сделало бы его перевод вообще несуразным. Вот почему слова князя надо понимать по-другому: «Любимая моя и честная дружина, что избил вчера в безумии моем, не собрать их

⁵⁰³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 10.

⁵⁰⁴ Соловьев С. М. Соч. в восемнадцати книгах. М., 1988. Кн. 1. С. 199.

⁵⁰⁵ Там же. С. 200.

⁵⁰⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 654-655

⁵⁰⁷ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV, ч. 1. Вып. 1. С. 106.

⁵⁰⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 1193.

(ее) теперь золотом». Перед нами своеобразное восхваление дружины, смешанное с горечью ее утраты, восхваление, весьма созвучное понятиям времени. Вспомним отца Ярослава, князя Владимира, проникновенно говорившего о дружине: «Сребром и золотом налести не имам дружине, а дружиною налезу золото и сребро, якоже дед мой и отец мой доискашеса злата и сребра дружиною». ⁵⁰⁹ Вспомним сына Ярослава, князя Святослава, который однажды похвалялся богатством своим перед послами «из немець». Послы, «видевше бесчисленное множество, золото, и сребро, и поволоки», сказали: «Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болши сего». ⁵¹⁰ В словах немецких послов скрыта позиция самого летописца, что с полной очевидностью явствует из его библейской ремарки к ним: «Сиде ся похвали Иезекий, цесарь иудейск, к послам цесаря асурійска, его же взята быша в Вавилон: тако и по сего смерти все именье расыпаса разно». ⁵¹¹ Та же позиция отразилась и в проникнутом иронией рассказе летописца о том, как другой Ярославич, князь Изяслав, изгнанный из Киева братьями Святославом и Всеволодом, «иде в ляхы с именьем многым, глаголя, яко "Сим налезу вои". Его же взяша ляхове у него, показавше путь от себе». ⁵¹² Все это убеждает в необходимости воспринимать фрагмент из вечаевой речи Ярослава о дружине и золоте в аналогичном смысловом русле.

Таким образом, рушится последний аргумент тех, кто склонен подозревать в 1 статье Правды Ярослава наличие «прибавлений», которые легли дополнительным слоем на первоначальный ее текст.

На наш взгляд, эта статья была составлена одновременно в том виде, в каком она читается сейчас, будучи откликом князя как законодателя на глубокие социаль-

⁵⁰⁹ НПЛ. С.167.

⁵¹⁰ ПВЛ. Ч.1. С.131.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же. С.122. Еще более выразительный слог в Новгородской Первой летописи: «Изяслав же иде в Ляхы с именьем многым и с женою, уповая богатством многым, глаголя, яко "сим налезу вои", еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь от себе». — НПЛ. С.197-198.

ные изменения, произошедшие в конце X - начале XI столетия в Древней Руси, связанные с распадом родоплеменного строя и образованием новой общественной организации, возводимой на общинно-территориальных началах. В условиях кризиса кровных союзов появились лица, лишенные защиты родичей. Среди них оказались и изгои. Князь, выступающий в роли правителя, обязанного заботиться о безопасности и благополучии подчиненного ему люда, о внутреннем мире и «наряде» общества, должен был взять на себя попечение о них. Он выполнил возложенные на него как местного властителя обязанности и ввел изгоев под кров своего княжого права. При этом он исходил из интересов общества, а не из вожделений землевладельца и собственника, как пытаются представить некоторые весьма почтенные исследователи.

Так, согласно А. Е. Преснякову, изгой, поставленный неблагоприятными для него обстоятельствами вне закона, благодаря опеке князя входил «снова в правовой союз. Рядом с этой стороной дела стояла другая, экономическая необходимость искать обеспечения и приложения своему труду». Княжеское землевладение давало выход «элементам населения, выбитым судьбою из обычного строя и уклада народной жизни. Это выход в состав особого социального союза "княжих людей... , стоящего вне народной общины и тесно сплоченного связями покровительства и зависимости, труда и обеспечения в чужом крупном хозяйстве». А. Е. Пресняков рассматривает этот союз как выпадающий из «общегосударственного союза членов племени и построенный на совершенно иной основе».⁵¹³

Еще более прямолинейно высказывался С. В. Юшков: И вот все эти-то изгои — недавно полноправные члены общин — и стали пользоваться специальной княжеской защитой потому, что каждый из них представлял рабочую силу для княжеских сел».⁵¹⁴

Мы совершенно иначе оцениваем попечение князя, в частности Ярослава, относительно изгоев. Защищая из-

⁵¹³ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909. С.278-279.

⁵¹⁴ Юшков С. В. Очерки. . С.122.

гоев, он выполнял одну из общественно-полезных функций, возложенных на него в качестве властителя. Делая изгой субъектом княжого права, дополняющего и развивающего обычное право, он возвращал потерявшего связь с обществом индивида в «общегосударственный союз членов племени», восстанавливая его полноправие как свободного. Вот почему изгой в статье 1 Древнейшей Правды — свободный человек, жизнь которого защищена 40 гривенной платой, как и жизнь других свободных людей.

Итак, появление изгоев в Правде Ярослава нельзя, по нашему убеждению рассматривать иначе, как проявление кризиса родового строя на Руси в исходе X — начале XI в.

Разложение родоплеменных структур влекло за собой ослабление общественного организма. Терялась способность эффективного контроля за поведением не только свободных, но и рабов. И они побежали от своих господ. Об этом, вероятно, сообщает Титмар Мерзбургский, рассказывая о Киеве начала XI в., куда спасающиеся бегством рабы стекались «со всех сторон».⁵¹⁵

⁵¹⁵ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993. С.143. А. В. Назаренко, применяя в переводе термин «рабы» (см. также: Назаренко А. В. События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и русской летописи// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год/ Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1981. С.185, прим.36), в комментариях неожиданно заявляет, будто у Титмара речь идет «не о "беглых", а о "спасающихся бегством" крестьянах окрестных сел, собиравшихся, как это обычно бывало, в городе во время нападения кочевников и, естественно, принимавших участие в их отражении» (Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С.201). Не вполне оправданным является замечание А. В. Назаренко, что аналогичный его переводу текст содержится в работах М. Б. Свердлова (там же). Однако у М. Б. Свердлова значатся сервы, а не рабы (Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М., 1989. С.69). В сервах он усматривает «зависимых крестьян», прибегая к чересчур вольным предположениям. Указав на то, что термин «*servus*» неоднократно встречается в хронике Титмара и «используется в обычном церковном понимании в значении "раб"», М. Б. Свердлов в случае с киевскими сервами делает исключение, приводя ряд сомнительных

Судя по описаниям Титмара, то было массовое бегство, поскольку сбегавшиеся в Киев рабы составили одну из главных сил борьбы с внешним врагом, благодаря которой удавалось «противостоять весьма разорительным набегам печенегов, а также побеждать другие народы». ⁵¹⁶

Массовое бегство рабов — факт примечательный, свидетельствующий, по крайней мере, о трех важных вещах. Он указывает, во-первых, на необычность социальных условий, порождавших подобное бегство: в нормальной обстановке более или менее спокойно текущей жизни, не осложняемой социальными сдвигами и потрясениями, массовые побеги невольников вряд ли бы состоялись. Значит, Русь переживала в это время общественные неустройства. Их связь с распадом родоплеменного строя для нас очевидна. Во-вторых, столь значительное количество рабов, ударившихся «в бега», — явный знак, говорящий об отсутствии каких-либо прочных связей беглецов с местным, туземным обществом. Отсюда наш вывод: рабы, стекавшиеся, по Титмару, «со всех сторон» в Киев — это челядь, или рабы-пленники. ⁵¹⁷

поводов (там же. С.97-98). В итоге у него сервы, бежавшие в Киев, — это челядь, холопы, закуны, рядовичи, изгои, что совершенно бездоказательно (там же. С.98). Мы остаемся с теми исследователями, которые считали, что Титмар говорил о беглых рабах. — См., напр.: Грушевский М. Виімки з жерел до історії України-Руси. До половини XI віка. Львів, 1895. С.97; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источники. (Опыт анализа). М., 1957. С.127; Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С.46; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С.11.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Б. А. Рыбаков пишет, опираясь, надо полагать, на рассказ Титмара, что «к Владимиру бежали холопы со всех концов Руси» (Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С.61). С этим нельзя согласиться, ибо холопство тогда, как мы покажем ниже, только зарождалось и разряд холопов был малочисленным. В другой своей книге Б. А. Рыбаков иначе толкует известия Титмара, полагая, будто «беглые рабы» в его описании есть, «очевидно, те изгои, которые со всех концов Руси стекались в города и попадали здесь то в друкину, то в дворцовые слуги феодалов» (Рыбаков Б. А. Киевская

Данный вывод подтверждается еще и тем, что на Руси в рассматриваемое время подавляющее число рабов, как мы уже показали, формировалось за счет полонив и состояло из пленных, обращенных в рабство. Рабов местного происхождения было ничтожно мало. Поэтому они и бежать не могли массами. В-третьих, наконец, само бегство рабов-иноплеменников весьма симптоматично. Раб-иноземец, являясь представителем внешнего, как правило, враждебного мира, противостоял не только своему господину, но и всему обществу, куда его забросила судьба, будучи потенциально опасным для него. Держать рабов-пленников в строгом повиновении составляло тогда одну из важнейших общественных задач. Неспособность социума справиться с этой задачей указывает на истощение общественных сил, подорванных неустройствами приходящего в упадок родоплеменного строя. Отсюда и бегство рабов. Спрашивается, почему они бежали в Киев?

По мнению Н. Ф. Котляра, «в бегстве холопов в город нет ничего удивительного, поскольку в крупнейших не только на Руси, но и в Европе городских центрах вроде Киева, Новгорода или Смоленска холоп легко мог затеряться в массе торгово-ремесленного населения — и влиться в него».⁵¹⁸ Мы думаем иначе. Киев — крупный центр международной торговли, стягивающий большое количество иностранных купцов и другого заезжего иноземного люда. Прежде всего поэтому рабы-пленники стекались туда, надеясь найти у них помощь и поддержку. Своеобразной иллюстрацией здесь может служить привлекавшая уже наше внимание статья 11 Древнейшей Правды, имеющая в виду случаи бегства челядина к варягу или колбягу и укрывательства ими беглеца. Кроме того, бегство рабов (челяди) в Киев было обусловлено стремлением укрыться за городскими валами и укрепле-

Русь... С.411). Но изгой — не рабы, а «выходцы из общин, порвавшие связи с прошлым и еще не нашедшие своего места в жизни». Это — мысль самого Б. А. Рыбакова (там же. С.406). Тут, как говорится, концы с концами не сходятся. Н. Ф. Котляр, усматривающий в сервах Титмара рабов, рассуждает о беглых холопах и челяди, не видя, следовательно, никакого различия между ними. — Котляр Н. Ф. Формирование территории... С.11.

⁵¹⁸Котляр Н. Ф. Формирование территории... С.11.

ниями от печенежской неволи, весьма реальной в условиях многочисленных нападений печенегов на Русскую землю, особенно участвовавших в конце X — начале XI в. Однако повальное бегство рабов, повторяем, стало возможным вследствие деградации родового строя.

Ярким признаком разложения родовых отношений надо считать возникновение и утверждение большой семьи, пришедшей на смену роду, что засвидетельствовано в 1 статье Древнейшей Правды: «Убить мужь мукы, то мстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови...».⁵¹⁹ Еще К. С. Аксаков рассматривал ее как обозначение семьи.⁵²⁰ Современный исследователь А. А. Зимин считает, что здесь «основой общества является уже не род, а большая семья».⁵²¹ И в этом он прав.⁵²² Следует только подчеркнуть, что эта большая семья — не архаический институт, уходящий корнями в седую старину, а новое образование, возникшее взамен исчерпавшего свой исторический ресурс рода. Именно поэтому она попала в Правду Ярослава — законодательный сборник, появившийся на грани двух эпох: первобытно-родовой и

⁵¹⁹ Правда Русская. 1. Тексты. С.70.

⁵²⁰ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т.1. С.105.

⁵²¹ Зимин А. А. Феодальная государственность... С.231. Указание на большую семью находил в статье 1 Древнейшей Правды и Д. Греков. — Греков Б. Д. 1) Киевская Русь. С.106; 2) Полиця: опыт изучения общественных отношений в Полице XV-XVII вв. // Избранные труды. М., 1957. Т.1. С.162; 3) Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута // Избранные труды. М., 1959. Т. II. С.573.

⁵²² См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С.33-35. О том, что Древнейшая Правда дает не просто перечень родичей, а изображает семью, свидетельствуют реликты кровной мести Галичины, исследованные В. Ф. Инкиным. Ученый замечает: «Круг родичей, которые обыкновенно имели право мстить или получать вознаграждение за убийство родича, ограничивался теми рамками, в каких существовала и продолжала существовать на данной территории до конца IX в. неразделенная семья в своей последней исторической стадии». — Инкин В. Ф. Нові матеріали до коментування статей «Руської Правди» про мужебійство та помсту // Вістник Львівськ. ун-ту. Серія історична. 1970, № 6. С.89.

общинно-территориальной. Ее присутствие в этом памятнике права нами также воспринимается как показатель распада родовых отношений на Руси второй половины X—начала XI в., уже выявленного нами по некоторым другим признакам.

Не менее показательны перемены, происходившие в древнерусских городах. К ним надо отнести возникновение посадов — городских средоточий ремесла и торговли. О многом говорит нам их начальная история.

М. Н. Тихомиров, автор специального монографического исследования о городах в Древней Руси, определяя время появления посадов, писал: «Городские посады начинают появляться примерно с конца X—начала XI в., в Киеве раньше, чем в других пунктах, в большинстве же русских городов — с XI в.».⁵²³ Так читаем в первом издании книги 1946 г. Во втором издании, осуществленном десять лет спустя, находим нечто иное: «Городские посады начинают появляться примерно с IX в., в Киеве раньше, чем в других пунктах, в большинстве же русских городов — с XI в.».⁵²⁴ Следовательно, в первом издании М. Н. Тихомиров возникновение посадов датировал концом X—началом XI в., а во втором издании — IX в. Вместе с тем образование посадов в большинстве древнерусских городов он в обоих изданиях приурочил к XI столетию. Едва ли мы ошибемся, предположив, что за передатировкой начальной истории посадов на Руси скрывались не исторические факты, а стремление историка привести в соответствие время зарождения посадской жизни с общепринятыми представлениями Б. Д. Грекова и его школы о развитии феодализма в Киевской Руси, согласно которым древнерусское общество уже в IX в. вступило в феодальную формацию. Ради грековской схемы М. Н. Тихомиров пожертвовал ясностью и последовательностью своих суждений. «Появление городских посадов — новое и важное явление в истории русских городов, с которым мы встречаемся не ранее конца X в.», — пишет он в одном месте своей книги. А через несколько страниц возникновение предградий, или посадов, датирует IX—X вв.⁵²⁵

⁵²³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946. С. 27.

⁵²⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 47.

⁵²⁵ Там же. С. 44, 51.

В результате переломный момент истории древнерусских городов, связанный с появлением посадов, получился чересчур растянутым: IX–XI вв., т. е. почти весь период Киевской Руси. Полагаем, что в первом издании «Древнерусских городов» М. Н. Тихомиров высказал верную мысль, когда возникновение городских посадов на Руси отнес к концу X и XI столетию. Правильно он рассуждал и тогда, когда в своей другой работе замечал: «В XI–XIII вв. происходит не только быстрый рост количества городов на Руси, но и большие качественные изменения в самой их структуре. Города не были только замками, а в большинстве случаев имели обширные неукрепленные "посады", или "предградия"». ⁵²⁶ Не только М. Н. Тихомиров связывал с XI в. начальный период формирования древнерусских посадов.

«Вопрос о времени появления городов на Руси, — писал Л. В. Алексеев, — будет решен окончательно лишь после длительного археологического исследования. Сейчас, в предварительном порядке, можно высказать следующее: если определяющим для возникновения города признать существование при детинце торгово-ремесленного посада, то, судя по имеющимся далеко не полным данным, образование древнерусских городов следует отнести не к IX–X вв., а к XI в. — времени, которым датируется возникновение в раннесредневековых городах Руси посадов». ⁵²⁷

Мало что изменилось и «после длительного археологического исследования проблемы». В недавно вышедшей книге Б. А. Тимощука «Восточные славяне: От общины к городам» обобщен огромный археологический материал по истории возникновения и развития древнерусских городов, добытый учеными-археологами на протяжении последних десятилетий. Древнерусские города он воспринимает как «символы сословно-классовой эпохи». ⁵²⁸ Б. А. Тимощук полагает (и тут он выступает с традиционных в советской исторической науке по-

⁵²⁶ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси IX–XIII вв. М., 1955. С.39–40.

⁵²⁷ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С.133.

⁵²⁸ Тимощук Б. А. Восточные славяне: От общины к городам. М., 1995. С.104.

зий), что «наличие в структуре поселения торгово-ремесленного посада-общины является главным признаком города, позволяющим отличить его от поселений княжеских крепостей и феодальных замков-усадеб».⁵²⁹ «Настоящий город» есть «поселение сложной структуры, совмещающее в себе центр феодального властвования (крепость-детинец) и самоуправляющийся торгово-ремесленный посад, основная масса населения которого представляла собой союз (общину) мелких свободных производителей и торговцев».⁵³⁰ Все эти положения Б. А. Тимощука не соответствуют новейшим достижениям в области исторических и этнографических знаний, поднимающих завесу над происхождением города, и поэтому не могут быть приняты.⁵³¹ Но сейчас суть не в этом. Нас интересует время появления городских посадов на Руси, устанавливаемое автором. И что же? Б. А. Тимощук начальную стадию формирования посадских общин помечает X–XI столетиями.⁵³²

Возникновение посадов явилось, на наш взгляд, следствием разложения родовых отношений, смены рода семьей. Если в предшествующие времена ремесленник, будучи членом родового союза, не мог покинуть его, то теперь, после распада рода, он получил свободу действий, и ремесленники устремились к городам, которые предоставляли им удобства и как пункты обмена, и как убежища на случай опасности. Стало быть, непосредственным условием возникновения городских посадов на Руси был именно разрыв родовых пут, мешавших подвижности населения. Начало их формирования нужно отнести приблизительно если не к концу, то ко второй половине X в. В XI в. происходит быстрый рост посадов, что приводит к резкому увеличению городского населения в Древней Руси.⁵³³ Приток населения в

⁵²⁹ Там же. С.106.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ См.: Фроянов И. Я. Спорные вопросы образования городов на Руси // Историческая этнография. Межвузовский сб. / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1985. С.108-117. См. также: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С.44-45.

⁵³² Тимощук Б. А. Восточные славяне... С.114.

⁵³³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С.39-

рода некоторые исследователи объясняют бегством юда крестьян и холопов.⁵³⁴ Не отрицая наличия среди городских жителей определенного количества рабов, особенно возросшего в процессе кризиса первобытных институтов и учреждений на рубеже X–XI вв., заметим все же: подавляющее большинство посадских людей составляли свободные ремесленники, покидавшие родовые оселки и оседавшие у городских стен.

Рост населения городов, обусловленный расстройством родовых связей, стимулировал развитие внутреннего обмена, апогей которого приходится на XI–XII вв.,⁵³⁵ что опять-таки подтверждает наше предположение о второй половине X – начале XI столетий как времени перехода от родового строя к «общинному без первобытности».

Весьма примечателен так называемый «перенос» городов, наблюдаемый исследователями в конце X – начале XI в.⁵³⁶ Известно, например, что Сарское городище «уступило место возникшему рядом Ростову, городище Медвежий угол – Ярославлю, Гнездово – Смоленску, Меднев (Сновск) — Чернигову и т. д.».⁵³⁷ В. В. Мавродин

⁵³⁴ Там же. С.40; Котляр Н.Ф. Формирование территории... С.11.

⁵³⁵ См.: Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути// История культуры Древней Руси. М., Л., 1948. Т.1. С.350-363; Фехнер М.В. вопросу об экономических связях древнерусской деревни// Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1959. С.173; Шалин А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–VI вв. Л., 1977. С.87.

⁵³⁶ См.: Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С.51; Алексеев Л.В. 1) О древнем Смоленске// СА. 1977. 1977, № 1. С.84; 2) Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии. М., 1980. С.136, 141, 144, 146; Дубов И.В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси// Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Межвузовский сб. К 75-летию со дня рождения проф.В.В.Мавродина/ отв.ред. В.А.Ежов, И.Я.Фроянов. Л., 1983. С.70-82; 2) Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С.13-14.

⁵³⁷ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства... С.51.

рассматривает «перенос» городов на фоне «распада родовых связей».⁵³⁸ Но объясняет его рядом причин: «Город переносили в том случае, если изменялся этнический состав населения или когда подвергалась разгрому древняя родоплеменная знать, или когда перенос диктовался нуждами торговли и военных предприятий князей».⁵³⁹ Согласно И. В. Дубову, «перенос» городов «имел место в тех случаях, когда новый нарождающийся класс феодалов не в состоянии был полностью оттеснить родо-племенную знать, отчаянно цеплявшуюся за свою власть, основанную на родовых устоях и порядках. Этот класс пока еще не имел возможности целиком подчинить себе все сферы жизни и деятельности старых сформировавшихся центров».⁵⁴⁰

Оба автора, как видим, связывают «перенос» городов с утверждением новых порядков, отрицающих прежние родовые устои общественной жизни. И это правильно. Нельзя только эти новые порядки относить к феодализму. Подобно другим явлениям, о которых шла речь выше, «перенос» городов конца X — начала XI в. означал, на наш взгляд, разложение родо-племенного строя и устройство восточнославянского общества по территориально-общинному принципу.⁵⁴¹ Менялся характер городов: из племенных центров они превращались в средоточия земель, волостей, приобретая статус городов-государств, городов-республик, развивающихся на общинной основе.

Складывание земель и волостей взамен племенных союзов — явление также достаточно примечательное, свидетельствующее о завершении родовой эпохи и о наступлении нового периода в истории Руси. Уходят в прошлое племенные названия полян, кривичей, словен и пр. Вместо них утверждаются наименования «кияне», «смоляне», «новгородцы» и т. д., распространявшиеся на городских и сельских жителей, составлявших население волости.⁵⁴² Древнерусская волость-земля, при-

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов... С.80.

⁵⁴¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С.39-40.

⁵⁴² См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-поли-

являвшая форму города-государства, представляла собою объединение соподчиненных общин (городских и сельских) во главе с общиной старейшего города.

А. Е. Пресняков, обращаясь к вопросу о переходе от племенного быта к строю «земель-княжений», писал: «Представления о так называемом "племенном быте" относятся ко временам "доисторическим" или, точнее, согласно с терминологией французских археологов, "протоисторическим", т. е. таким, о которых имеются, при отсутствии местных "исторических источников", свидетельства иностранных писателей. А как только восточное славянство выступает на свет истории, уже организованное в политической форме "Киевской Руси", перед нами картина такого строя народной жизни, который ничего общего с племенным бытом не имеет. Страна, занятая восточными славянами, разделяется на ряд "земель"; каждая из этих "земель" тянет к одному главному своему городу, составляя его "волость", а все земли вместе объединены в один сложный политический организм под главенством Киева. Вопрос о том, как представить себе процесс перехода от древнейшего племенного быта к историческому строю городских земель-областей, труднейший в истории Руси. Все попытки вывести второе явление из первого в виде органической эволюции не дают никакого результата и обречены на неизбежную неудачу. Городские волости-земли явились на развалинах племенного быта, не из него выросли, а его разрушили».⁵⁴³

В отличие от А. Е. Преснякова мы полагаем, что «племенной быт» в форме племенных союзов и суперсоюзов существовал у восточных славян отнюдь не в «протоисторические» времена, почти недоступные взору исследователя, а в эпоху, прослеживаемую по летописным источникам, когда сложилась та «политическая форма», которую историк именуется «Киевской Русью».⁵⁴⁴ Переход от племенных образований, стянутых Киевом

ической истории. Л., 1980. С.233-234.

⁵⁴³Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т.1. Киевская Русь. М., 1938. С.62.

⁵⁴⁴См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.21-24.

в огромный общевосточнославянский союз племен, к «землям-княжениям», или волостям (городам-государствам), наблюдается примерно с конца X в. и продолжается до полного своего завершения в XII столетии.⁵⁴⁵ Его начало знаменовало крушение «племенного быта».⁵⁴⁶

Ослабление старых властных структур — еще одна верная примета упадка родоплеменного строя на Руси. Народное собрание (вече), совет старейшин (старцев градских), ведавших гражданскими делами, военный вождь (князь) — вот ветви древа власти у восточных славян. По-разному складывалась их судьба в период общественного переустройства, вызванного кризисом родового строя. Несколько снизилась, по-видимому, активность веча. Конечно, нет оснований считать, будто оно вовсе «не функционировало» или было «ликвидировано» в результате укрепления «аппарата княжеского административно-судебного управления».⁵⁴⁷ Вечевая деятельность не прерывалась.⁵⁴⁸ Однако в сфере верховных прав князь отчасти потеснил вече, сосредоточив в своих руках более обширную власть, нежели раньше. Нельзя это рассматривать иначе, как перераспределение власти, вызванное ослаблением традиционных политических институтов, что с особой наглядностью демонстрируют «старцы градские», или старейшины, занимавшиеся гражданскими вопросами, в отличие от князей, действующих прежде всего в области военной.⁵⁴⁹

⁵⁴⁵ Там же. С.232-243. См. также: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси.

⁵⁴⁶ А. Е. Пресняков прав, говоря о том, что городские волости-земли, возникая на обломках «племенного быта», разрушали его. Но вместе с тем они и вырастали из него. Эти противоречивые тенденции не исключали друг друга, как считал А. Е. Пресняков, а находились в диалектическом единстве.

⁵⁴⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. С.353; Свердлов М. Б. Образование Древнерусского государства (Историографические заметки)// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы/ Отв.ред. А. П. Новосельцев. М., 1995. С.13.

⁵⁴⁸ См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С.102-104; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.160-164.

⁵⁴⁹ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси

Старейшины еще теснятся вокруг Владимира, о чем изещают как отечественные,⁵⁵⁰ так и зарубежные источники.⁵⁵¹ Впрочем, создается впечатление, что князь, который старался следовать заветам отцов и дедов, пылся оживить деятельность «старцев градских». Но аспрасно. Они безвозвратно уходили в прошлое. Возикнув в недрах родоплеменного строя, старцы покинуи историческую сцену, как только распались основы одового общества.⁵⁵² И уже Владимир вместе со своми дружинниками должен был взять на себя многое з того, что составляло предмет их занятий. Из Повести временных лет узнаем, что киевский князь с дружиною «думал» о «строи земленом» и об «уставе земленом».⁵⁵³ В Новгородской Первой летописи взамен строя земленого» и «устава земленого» говорится о строении земьском».⁵⁵⁴ А составитель Никоновской летописи так осмыслил слова древнего летописца: «И сие зело любяще Владимир дружину, и с ними думая о ожественей дръжаве Русской, и о всем земском устроении».⁵⁵⁵

Современные исследователи по-разному понимают сообщение автора Повести временных лет о «думе» Владимира с дружиною насчет «строя земленого» и «устаа земленого». Д. С. Лихачев считает, что здесь «дана арактистика не личным свойствам Владимира, а ти-

в.// Культура средневековой Руси. Л., 1974. С.30, 32.

⁵⁵⁰См.: ПВЛ. Ч.1. С.74, 85.

⁵⁵¹См.: Свердлов М. В. Латиноязычные источники по истории древней Руси. Германия. IX - первая половина XII в. С.50.

⁵⁵²Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские»... С.32-33. Нет никаких оснований видеть, подобно С. В. Бахрушину, в старцах градских нарождающийся во времена князя Владимира «класс крупных землевладельцев» — «потомков "добрых" племенных князей» (Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей»/ Вестник древней истории. 2. М., 1938. С.96). Старцы градские были представителями старой родоплеменной верхушки, управлявшей восточнославянским обществом, причем лицами не княжеского звания и достоинства. Их история в княжение Владимира не начиналась, а заканчивалась.

⁵⁵³ПВЛ. Ч.1. С.86.

⁵⁵⁴НПЛ. С.167.

⁵⁵⁵ПСРЛ. СПб., 1862. Т.IX. С.67.

пичному для того периода положению дружины». ⁵⁵⁶ Полагаем, что он слишком сузил смысл летописного известия, сконцентрировав внимание на дружине и оставив в стороне заботы князя и дружинников о «строе и уставе землею», что, на наш взгляд, является главным в данном известии. Нередко историки подходят к летописному свидетельству с мерками феодализма. А. А. Зимин, приведя его в своей работе о феодальной государственности и Русской Правде, заключает: «Итак, Владимир уже думает о "строе землею", т. е. именно в его переломную эпоху князь и дружина все более и более оседают на землю... "Земляной устав" продолжал, очевидно, строительство княжеского хозяйства, начатое еще бабкой Владимира Ольгой. Какие именно статьи позднейшего домениального устава восходят к установлениям Ольги о "перевесах" и "уставу землею" Владимира, сказать трудно». ⁵⁵⁷ Понятие «земной» А. А. Зимин, таким образом, тесно увязывает с земельной собственностью князей и дружинников, сведя проблему к интересам зарождающихся феодальных землевладельцев, что вряд ли правомерно. ^{557*}

Более широко, казалось бы, смотрел на вопрос Л. В. Черепнин, когда говорил, что в Повести временных лет и Новгородской Первой летописи «речь идет о деятельности киевского князя с дружиной в области государственного устройства, о выработке ими устава (закона), регулирующего общественно-правовые отношения в Древнерусском государстве». ⁵⁵⁸ Но затем он, как и А. А. Зимин, перевел законотворческую деятельность князя в плоскость «устанавливаемых феодальных порядков»: «"Устав землею" Владимира продолжал ту же политическую линию, которую наметила своими "уставами" и "уроками" княгиня Оль-

⁵⁵⁶ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. Приложения. Статьи и комментарии Л. С. Лихачева. С. 349. Далее — ПВЛ. Ч. II.

⁵⁵⁷ Зимин А. А. Феодальная государственность... С. 244.

^{557*} В другой работе А. А. Зимин будет говорить о том, что Владимир вместе с дружинниками думал «о новых условиях хозяйственного устройства дружины». — Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 53.

⁵⁵⁸ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С. 152.

а. Ее задачей являлось, во-первых, укрепление власти над общинниками-данниками, жившими на земле, считавшейся верховной собственностью киевских князей; во-вторых, устройство вотчинного хозяйства на земле, перешедшей в дворцовую, княжескую собственность. И то и другое вызывало сопротивление со стороны крестьянских общин. "Устав землей" князя Владимира направлен на подавление этого сопротивления, возлагая на общины-верви всю ответственность за враждебные действия их членов против устанавливающихся феодальных порядков». ⁵⁵⁹

А. А. Зимин и Л. В. Черепнин находились под сильным воздействием господствующей в советской историографии идеи о феодализме в Древней Руси и потому видели во Владимире поборника феодального развития, радеющего о нарождающемся классе земельных собственников. Отсюда их построения, тенденциозность которых для нас и ясна и, разумеется, понятна. Самая откровенная, с нашей точки зрения, натяжка — «Устав землей», будь то сугубо домениальный кодекс или законодательный сборник с более дальним, так сказать, прицелом. Его связь с «законотворчеством» княгини Ольги, обнаруживаемая исследователями, — плод фантазии, подогреваемой мыслью о феодализации древнерусского общества в переломную эпоху князя Владимира. Достаточно сравнить летописный рассказ об «уставах» и «уроках» Ольги с известием о «думах» Владимира, чтобы убедиться в их несопоставимости. Ольга, как явствует из сообщений о ее пребывании в Древлянской и Новгородской землях, упорядочивала взимание дани, тогда как в связи с Владимиром о дани летописец хранит полное молчание, характеризуя стиль его деятельности в качестве правителя, озабоченного строением земской жизни. К этому надо добавить, что составление Ольгой законодательных документов весьма сомнительно. ⁵⁶⁰ Следовательно, и рассуждения о том, будто Владимир в данном случае продолжал дело, начатое Ольгой, построены на чем угодно, но только не на исторических фактах. По меньшей мере наивными явля-

⁵⁵⁹ Там же. С.154.

⁵⁶⁰ См. с.401-402 настоящей книги.

ются попытки выявить конкретное содержание «Устава земельного» посредством обращения к Русской Правде.

Л. В. Черепнин ищет «в Русской Правде следы "устава земельного" князя Владимира», в частности в статье 20 Краткой ее редакции, где говорится, что «если во время разбоя произойдет убийство огнищанина, а члены той верви, на территории которой найдено тело убитого, не станут искать для представления в суд или не смогут найти убийцу, то они обязаны уплатить виру». По Л. В. Черепнину, «смысл этой статьи заключается в привлечении крестьян-общинников к коллективной ответственности за выступления против господствующего класса, совершенные в пределах их верви».⁵⁶¹ Положим, это так, хотя и не обязательно. Странно другое: почему «в своей основе разбираемое законодательство восходит еще к княжению Владимира»? Историк приводит единственный довод, состоящий в том, что Владимир, согласно летописным свидетельствам, боролся с разбоями. Довод явно недостаточный и искусственно притянутый.

Под свою произвольную догадку Л. В. Черепнин подводит также статьи 3-8 Пространной Правды, устанавливающие порядок уплаты вервью виры. Он пишет: «Значительная часть этого законодательного материала относится уже ко времени позднее правления Владимира. Однако здесь использовано и более древнее право, в том числе, по-видимому, и "устав земной" 90-х годов X в.». По мнению исследователя, «сделать такой вывод позволяет прежде всего выражение, имеющееся в ст.6: "платити по верви ныне". Слово "ныне" указывает на нововведение. Значит, в основе данного раздела лежит какой-то более ранний памятник (предположительно "устав земной" Владимира)».⁵⁶² Решающим аргументом для Л. В. Черепнина служит, как видим, слово «ныне». Но с этим словом и с толковани-

⁵⁶¹ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения. . . С.153.

⁵⁶² Там же. С.153-154 О нововведении здесь говорит и А.А.Зимин: «Ныне -- теперь. Указывает на то, что ст.6 (а с нею и другие статьи о платеже дикой виры) является нововведением во время составления Пространной Правды». — Памятники русского права. Вып.1. С.141.

ем его не все так просто. Недаром некоторые знатоки Русской Правды считают текст статьи 6 испорченным. Б. А. Романов, например, комментируя данную статью, замечал: «Текст испорчен и точному переводу ("по верви ныне") не поддается».⁵⁶³

Л. В. Черепнин прошел мимо этого замечания. Не придал он никакого значения и тому, что в некоторых списках Пространной Правды слово «ныне» в 6 статье отсутствует.⁵⁶⁴ В одном случае там читаем «тако ему платити по вервинне», а в другом — «тако ему платити по вервине». Именно от этих чтений отталкивался Б. Д. Греков, который писал: «В издании "Русской Правды" обычно передают термин "по верви ныне", к чему нет никаких оснований; "по вервинне", "по вервине", "по вервиныне" — это значит по вервной линии, по обычаю верви. Полицейский статут знает аналогичный другой термин, "по правой врви", иногда "по правди", "како гре врвь".»⁵⁶⁵ Л. В. Черепнин оставил без внимания и наблюдения Б. Д. Грекова. Допустим, что он прав: слово «ныне», читаемое в большинстве списков Пространной Правды, означало нововведение. Но отсюда никак не следует, будто в основе раздела, где фигурирует статья 6, лежали соответствующие нормы владимиорова «Устава земленого», если он даже и существовал, в чем мы, однако, очень сомневаемся. На голом предположении Л. В. Черепнин устанавливает связь статьи 7 Пространной Правды все с тем же мифическим «земляным кодексом» Владимира. Построения автора наукообразны, но по сути представляют собой художественные вариации на историческую тему.

Итак, не стоит, на наш взгляд «приземлять» правительственную деятельность князя Владимира с дружинной и ограничивать ее землевладельческими нуждами феодализирующейся социальной верхушки. Вместе с тем нельзя бросаться и в другую крайность, уводя князя и его дружинное окружение в заоблачную сферу державной политики, как это делали летописцы московских

⁵⁶³ Правда Русская. Учебное пособие. С.57.

⁵⁶⁴ См.: Правда Русская. 1. Тексты. С.347, 372.

⁵⁶⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. С.554, прим.1.

времен и некоторые современные историки.⁵⁶⁶

В советской историографии есть, конечно, более или менее трезвые оценки летописного известия о думах Владимира. Так, В. Т. Пашуто за «строим земляным» видел «политический строй», а за «установом земляным» — «государственное законодательство».⁵⁶⁷ Необходимо прислушаться и к некоторым дореволюционным историкам.

Согласно А. Е. Преснякову интересующий нас летописный рассказ сохранил указание «на совещание князя с дружиной по делам земли — о ее строе и уставе».⁵⁶⁸ До А. Е. Преснякова о том же писал В. О. Ключевский, по которому Владимир был в заботах «об устройении земли».⁵⁶⁹ У С. М. Соловьева киевский властитель думает с дружиной о «строе земском» и об «уставе земском».⁵⁷⁰ Отражение деятельности князя и дружины в области государственного строительства и управления находили в словах летописца и другие историки.⁵⁷¹ Но самое точное, как нам кажется, объяснение летописной записи предложил Н. М. Карамзин: «Владимир, по словам летописи, отменно любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских делах, так и гражданских делах».⁵⁷²

⁵⁶⁶См., напр.: Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей». С.96; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С.305; Толочко П. П. Историчні портрети. Из історії давньоруської і європейської політики X–XII ст. Київ, 1990. С.66.

⁵⁶⁷Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси// Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.16.

⁵⁶⁸Пресняков А. Е. Княжое право... С.238.

⁵⁶⁹Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1902. С.15.

⁵⁷⁰Соловьев С. М. Соч. в восемнадцати книгах. М., 1988. Кн.1. С.219.

⁵⁷¹См., напр.: Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865. Кн.1. С.77; Лювернуа Н. Источники права и суд в Древней Руси: Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. С.117; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1898. С.6.

⁵⁷²Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Т.1. С.157.

Итак, вслед за Н. М. Карамзиным отметим, что летопись засвидетельствовала обращение князя и его ближайших соратников к гражданским делам, которыми ему пришлось заниматься сверх дел военных. Для военного вождя, каким по преимуществу являлся древнерусский князь X в.,⁵⁷³ это было не вполне обычное, вынужденное обстоятельствами времени занятие. В результате расширились княжеские функции, что вело к изменению статуса князя в обществе.

Перемены в положении князя на исходе X в. заметили еще дореволюционные ученые. «С Владимира Св., — писал, например, М. В. Довнар-Запольский, — самый характер княжеской власти изменяется: князь-дружинник осаживается, начинает все свое внимание обращать на управление».⁵⁷⁴ По Довнар-Запольскому, следовательно, князь-дружинник, поглощенный прежде ратными походами и озабоченный главным образом военными предприятиями, теперь как бы меняет характер своей деятельности, сосредоточиваясь на внутренних проблемах общественной жизни, связанных с управлением обществом. К сожалению, ученый не называет причин, вызвавших такой поворот в занятиях князя.

Как мы уже видели, советские историки по отношению к древнерусскому князю и дружинникам изучаемой нами сейчас эпохи тоже применяют термин «осаживаются», «оседают». Но они вкладывают в этот термин иной смысл, уверяя, что князь и дружина «оседают» на землю в качестве феодальных земельных собственников. Делаясь феодалом, князь превращается в раннефеодального монарха, в результате чего меняются, естественно, и его властные функции. Мысль о возникновении раннефеодальной монархии на Руси в конце X — начале XI в. пользуется признанием среди части современных историков, весьма авторитетных в научном мире.⁵⁷⁵ Однако

⁵⁷³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.26-27.

⁵⁷⁴ Довнар-Запольский М. В. Князь, его Дума и администрация// Русская история в очерках и статьях. М., б/г. Т.1. С.254.

⁵⁷⁵ См.: Фроянов И. Я. О возникновении монархии в России// Дом Романовых в истории России/ Отв.ред. И. Я. Фроянов СПб., 1995. С.25-26.

при всем нашем почтении к ним говорить о феодализме и раннефеодальной монархии в это время мы все-таки не решаемся.⁵⁷⁶ Стало быть, причину расширения круга обязанностей древнерусского князя на рубеже X–XI вв. и усложнения его занятий как правителя надо искать не в феодализации восточнославянского общества, а в чем-то другом. Думается, она крылась в порожденной распадом родового строя деградации традиционных властных структур, в частности совета старейшин, державшего в руках нити гражданского управления, что вызвало необходимость вхождения князя в дела, выпадавшие ранее из его компетенции. Вот почему заботы Владимира о «строе земляном» и «уставе земляном», или о гражданском строительстве Русской земли, можно рассматривать как признак разрушения родоплеменной организации власти, а в конечном счете — как признак распада родоплеменного строя на Руси. Те же симптомы наблюдались и в сфере военной. Особенно наглядно они проявились в войнах Киева с печенегами.

Современники рассказывают о печенежской орде как воинственной и грозной для соседних народов. По словам автора X в. Феофилакта Болгарского, набег печенегов — «удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко — от быстроты бегства. Нападая, они предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмежаются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».⁵⁷⁷ Несмотря на то, что печенеги являлись сильным и опасным противником, они поначалу не доставляли Руси больших неприятно-

⁵⁷⁶ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии; 4) О возникновении монархии в России

⁵⁷⁷ Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т.1. С.4-5.

стей, что объяснялось, помимо прочего, военной мощью последней.

Впервые печенеги встретились с русами вскоре после победоносного похода Олега на Царьград, когда Русь находилась в зените своей славы и могущества. «Придоша печенеги первое на Рускую землю, и сотворивше мир со Игорем, и придоша к Дунаю», — читаем в летописи под 915 г.⁵⁷⁸ Это летописное известие следует понимать так, что печенеги в 915 г. первый раз вторглись в «пределы России».⁵⁷⁹ Вторжение, кажется, было неглубоким, до крупных сражений дело не дошло, и кочевники, заключив мирное соглашение с киевским князем, направились к Дунаю.⁵⁸⁰ То был первый русско-печенежский договор.⁵⁸¹ Надо полагать, что печенеги заключили его отнюдь не от сознания слабости воинства русов.⁵⁸² Но через пять лет Игорь, по сообщению летописца, уже воюет с печенегами: «Игорь воеваша на печенеги».⁵⁸³ Трудно сказать, кто нарушил мир: русские или печенеги. Но судя по летописной фразеологии, нападающей стороной был Игорь. Ведь именно он «воеваша на печенеги». Предлог «на», употребляемый летописцем, позволяет заключить о походе князя против

⁵⁷⁸ПВЛ. Ч.1. С.31.

⁵⁷⁹Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Т.1. С.111. Согласно С. А. Плетневой, печенеги лишь «подошли к границам Руси». — Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы// Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.214.

⁵⁸⁰Н. М. Карамзин предполагал, что печенеги «думали ограбить Киев» (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.1. С.112). Летописный текст не дает оснований для такого предположения.

⁵⁸¹Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С.107.

⁵⁸²По словам Н. М. Карамзина, печенеги, «встреченные сильным войском, не захотели отвесть счастья в битве, и мирно удалились в Бессарабию или Молдавию...». — Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.1. С.112.

⁵⁸³ПВЛ. Ч.1. С.32. В Ипатьевском списке Повести временных лет имеем ту же запись: «Игорь же воеваша на Печенеги». — ПСРЛ. М., 1962. Т.II. Стб.32. См. также: Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М.; Л., 1963. Т.II. С.39; М.; Л., 1964. Т.IV. С.119.

печенегов в места их обитания.⁵⁸⁴

Военная акция русов была, очевидно, настолько вну-

⁵⁸⁴ По мнению С. А. Плетневой, русские в борьбе с печенегами «ограничивались только охраной границы и постепенным перенесением ее к югу (от Стугны при Владимире до Роси при Ярославле). В глубь степи походов не организовывалось. Даже окончательный разгром печенегов в 1036 г. Ярославом произошел под стенами Киева, во время наступления печенегов на Русь. Объясняется это, по-видимому, тем, что у печенегов не было постоянных кочевков. Для них был характерен первый, наиболее архаичный способ кочевания — таборный. . . При этом способе кочевания народ кочует круглый год, передвигаясь по степи и летом и зимой. При таком образе жизни они были практически неуловимы, и поэтому походы в степь теряли смысл» (Плетнева С. А. Половецкая земля// Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С.263-264. См. также: Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С.134). Найти печенегов в степях при их образе жизни, о котором пишет С. А. Плетнева, было, наверное, сложно, но никак не безнадежно. Ведь летопись говорит о нападении именно Игоря на печенегов, и с этим исследователю надлежит считаться. С. А. Плетнева, на наш взгляд, преувеличивает «неуловимость» печенегов. Вспомним, какую четкую роспись землям с живущими на них печенежскими племенами дал Константин Багрянородный, включая и соседние с Русью: «фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами» (Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1989. С.157). Известно, что некий Варяжко советовал князю Ярополку бежать к печенегам (ПВЛ. Ч.1. С.55). Значит, найти их можно было. Сам Варяжко бежал к печенегам и добрался до них (Там же). К печенегам бежал и князь Святополк, спасаясь от Ярослава Мудрого (Там же. С.97). Наконец, Бруно Квертфуртский, замысливший обратить печенегов в христианство, находит их без особого труда (Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. . . С.50-51). Судя по рассказу Бруно, князь Владимир примерно знал, когда и где тот встретит печенегов. Это явствует из слов князя, переданных Бруно одним из русских старейшин: «Я проводил тебя [туда], где кончается земля моя и начинается вражеская. Богом прошу, не погуби [свою] юную жизнь к моему позору. Знаю, завтра до третьего часа без пользы, без причины тебе суждено вкусить горькую смерть» (Там же. С.50). Все эти факты говорят, что «неуловимость» печенегов, о которой пишет С. А. Плетнева, была относительной. Добавим к этому, что

шительной и устрашающей, что на длительное время в какой-то мере сковала военную активность печенегов в отношении Русской земли. Впрочем, Н. М. Карамзин замечает, что предание, которым пользовался Нестор-летописец, повествуя о войне русских с печенегами, «не сообщило ему известия об ее последствиях».⁵⁸⁵ Это верно. Но примечательно и другое: полное исчезновение в летописи почти на двадцать пять лет упоминаний о печенегах. Значит, на протяжении данного времени не произошло ни одного сколько-нибудь крупного столкновения Руси с печенегами, которое произвело бы сильное впечатление на современников и отложилось в народной памяти. Вот в этом-то и надо видеть «последствия» похода Игоря на печенегов в 920 г., после которого воинственный пыл степняков относительно Руси заметно поубавился. Весьма показательны, что следующее летописное сообщение о печенегах, датируемое 944 г., говорит о них как о союзниках киевского князя: «Игорь же совкупив вой многи... и печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки в лодьях и на коних...».⁵⁸⁶

А далее следует еще более выразительное известие: Игорь, приняв предложение греков о мире и повернув войско вспять «повеле печенегом воевати Болгарьску землю».⁵⁸⁷ Киевский правитель обращается, следовательно, с печенегами как со своими подручными. Перед нами свидетельство силы Руси, устрашающей печенегов и сдерживающей их воинственность. Но это не означает, что «пачинакиты» тогда, как думает В. В. Каргалов, вообще «не играли самостоятельной роли во внешнеполитических делах Северного Причерноморья и... выступали союзниками (даже наемниками) Руси, а затем — Византии».⁵⁸⁸ Отсюда также не следует, будто печенеги, как считал П. В. Голубовский, «во

сама С. А. Плетнева в одной из своих давних работ писала о походе в 920 г. князя Игоря в степь. — Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958, № 62. С. 215.

⁵⁸⁵ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. С. 112.

⁵⁸⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 33-34.

⁵⁸⁷ Там же. С. 34.

⁵⁸⁸ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 26.

все продолжение IX в. и до 968 г. не тревожили Русской земли».⁵⁸⁹ Они, по свидетельству Константина Багрянородного, «частенько» враждовали с русами, грабили «Росию», разоряли ее землю, наносили ей значительный вред и причиняли ущерб, уводили в рабство русских женщин и детей.⁵⁹⁰ Трудно, конечно, ручаться за точность рассказа императора и верить каждому его слову.⁵⁹¹ Возможно, он несколько сгущал краски. И все же не следует преуменьшать самостоятельность печенегов или рисовать русско-печенежские отношения в розовом цвете. Можно лишь утверждать, что после 920 г., когда состоялся удачный, по всей видимости, поход киевского князя «на печенеги», длительное время с печенежской стороны не было сколько-нибудь серьезных нападений на Русь, подобных тем, какие, скажем, наблюдались в конце X — начале XI в. Д. А. Расовский допустил явную неточность, утверждая, будто «у первых киевских князей Игоря, Святослава, Владимира "бе (съ Печенегами)... рать велика бесперестани"».⁵⁹² При Игоре печенеги вели себя с Русью более или менее мирно, во всяком случае, не столь агрессивно и воинственно, как позже. Перелом тут наметился в княжение «пардуса» русской летописи — Святослава.

Под 968 г. в Повести временных лет читаем: «Придоша печенези на Русску землю первое, а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга в граде со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Володимером в граде Киеве. И оступиша печенези град в силе велице, бецислено множество около града, и не бе льзе из града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людье гладом и водою».⁵⁹³ Летописец здесь, как и в сообщении 915 г., говорит и о том, что печенеги пришли на Русскую землю «первое». Что это: незамеченный им повтор,

⁵⁸⁹ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. С.68.

⁵⁹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С.37, 39.

⁵⁹¹ Ср.: Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы... С.215.

⁵⁹² Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии// Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н. П. Кондакова. Прага, 1933. IV. С.3.

⁵⁹³ ПВЛ. Ч.1. С.47.

выдающий небрежность летописателя, или осознанная запись? В. Т. Пашуто ограничивается простой констатацией факта: «Повесть вновь сообщает, что печенеги пришли на Русь "первое"». ⁵⁹⁴ А Д. С. Лихачев пытается дать объяснение летописной загадке. «Это сообщение летописи, — пишет он, — как будто бы находится в противоречии с предшествующими сведениями в той же "Повести временных лет" о появлении печенегов перед проходом угров мимо Киева, о первом их приходе на Русь при Игоре (под 915 г.), о войнах Игоря с печенегами и т. д. Очевидно, здесь летописец имеет в виду только то, что печенеги впервые напали на самый Киев». ⁵⁹⁵ О том, что печенеги «впервые подошли к Киеву», говорит и С. А. Плетнева. ⁵⁹⁶ Версию Д. С. Лихачева повторили без ссылки на предшественника Н. Ф. Котляр и В. А. Смолий. Цитируя слова летописца о приходе в 968 г. печенегов на Русскую землю «первое», они замечают: «В действительности первый набег печенегов на Русь засвидетельствован Нестором еще под 915 г. Здесь, думам, отмечено первое их нападение на Киев». ⁵⁹⁷ В. В. Каргалов предлагает в данной связи такую догадку: «Летописец здесь пишет, что печенеги пришли "первое на Русскую землю", хотя упоминания о них в летописи отмечались и ранее (см. запись под 915 г.). Видимо, этим подчеркивалось, что в 968 г. произошло первое большое вторжение печенегов в пределы Киевской земли». ⁵⁹⁸

Указание на то, что печенеги в 968 г. напали на Русь «первое» говорит прежде всего о перемене в поведении кочевников, подтверждая наше предположение о сравнительно длительном и относительно мирном периоде русско-печенежских отношений, характеризующихся отсутствием каких-либо крупных военных столкновений, за исключением, разумеется, мелких грабительских набегов. Догадку о том, будто это указание свидетель-

⁵⁹⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С.323.

⁵⁹⁵ ПВЛ. Ч. II. С.312.

⁵⁹⁶ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы. . . С.216.

⁵⁹⁷ Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. Киев, 1990. С.60.

⁵⁹⁸ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы. . . С.26, прим.2.

ствует о первом нападении степняков на «самый Киев», необходимо отвергнуть, поскольку в источнике с полной определенностью сказано, что печенеги «придоша» именно на Русскую землю, а не на Киев. Если бы летописец хотел подчеркнуть другое, он, вероятно, и выразился бы по-другому, назвав непосредственно «самый Киев». Ближе к правильному пониманию летописной записи подошел В. В. Каргалов. Однако, по нашему мнению, в ней сказано не только о том, что «в 968 г. произошло первое большое вторжение печенегов в пределы Киевской земли», но еще и о том, что это вторжение являлось первой крупномасштабной войной степняков на территории Руси. Последующие описания летописца не оставляют на сей счет никаких сомнений.

Огромная печенежская рать пришла к Киеву и окружила город. По пути к столице печенеги, конечно же, разорили и сожгли русские поселения, вытоптали поля и нивы. Киев оказался в тяжелейшем положении и был на грани падения. Ополчение людей «оной страны Днепра», возглавляемое воеводой Претичем, не решалось вступить в бой с врагами. Оно, наверное, и не преследовало такой цели. В. В. Мавродин писал: «Очевидно, Претич не рассчитывал разбить и отогнать печенегов и ставил себе более скромную задачу: спасти от плена, а быть может, и от смерти мать и сыновей своего грозного князя».⁵⁹⁹ Воевода медлил, оцепенело глядя на мириады печенегов, снующих у киевских стен. Казалось, ничто уже не могло спасти «мати градов русьских». Но летописец так повернул описание событий, что все у него разрешилось для Киева и Русской земли благополучным исходом. Правда, сделал он это неумело, наполнив свой рассказ противоречиями, заметными даже при беглом знакомстве с летописным текстом. Печенеги, будто бы, едва услышав от Претича о приближении князя Святослава с войском, «побегоша разно от града». Но затем они опять отступают от города. Несмотря на повторное их отступление, изображенное летописцем, они находились рядом с Киевом, почему «не бяше лъзе кони напоити: на Лыбеди печенези». Печенеги хозяйничали

⁵⁹⁹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.273.

в Русской земле до тех пор, пока не пришел Святослав, который «собра вои и прогна печенеги в поли». ⁶⁰⁰ Летописец говорит, что после того, как Святослав прогнал печенегов в поле, «бысть мир». Но чуть позже устами князя скажет: «Печенези с нами ратьны». ⁶⁰¹

Итак, отношения печенегов с Русью в период княжения Святослава переходят в стадию острой конфронтации. Конечно, не все печенежские племена враждовали с Русью. Однако те из них, что нападали на русские земли, были достаточно многочисленны и весьма опасны. Печенежские вторжения становятся все более частыми и в конце X – начале XI в. приобретают шквальный характер. «Бе бо рать велика бес перестани», — читаем в летописи. ⁶⁰²

Киевский летописец, повествовавший о войнах Владимира с печенегами спустя столетие, не всегда ощущал в полной мере драматизм постигшей Русь судьбы. Знавший последующее развитие событий, обратившее печенегов в прах, он оптимистично оценивал военные дела Владимира: «И бе воюяся с ними (печенегами. — И. Ф.) и одолая им». ⁶⁰³ В том, что Владимир «воюяся» с печенегами, летописец был точен. Но, утверждая, будто князь всегда одолевал их, несколько грешил против правды.

Надо отдать должное Владимиру: он хорошо понимал степень печенежской опасности, ставившей Русскую землю если не на грань гибели, то на грань потери независимости со всеми вытекающими отсюда тяжелейшими последствиями. Поэтому князь предпринимал огромные усилия, чтобы остановить печенежский натиск, и на организацию обороны, по выражению П. П. Толочко, «не шкодував ні сил, ні коштів». ⁶⁰⁴ Только возможности его были ограничены, и ему часто не доставало как «сил», так и «коштів».

Владимир старался укрепить южное порубежье: «И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Тру-

⁶⁰⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 47-48.

⁶⁰¹ Там же. С. 48, 51.

⁶⁰² Там же. С. 87.

⁶⁰³ Там же. С. 83.

⁶⁰⁴ Толочко П. П. Исторични портрети: Из історії давньоруської і європейської політики X–XII ст. Київ, 1990. С. 31.

бежеви, и по Суле, и по Стугне».⁶⁰⁵ Был заложен Белгород, прикрывавший Киев с юга, укреплен Переяславль. Строительство крепостей, хотя и затрудняло продвижение печенегов в глубь Русской земли, но не стало неодолимой преградой на их пути. Вот почему нельзя согласиться с В. В. Мавродиным в том, что «своей энергичной деятельностью по обороне южных рубежей Руси Владимир обезопасил поселения Киевской земли от нападения печенегов...».⁶⁰⁶ К сожалению, это не совсем так, поскольку постройка крепостей «не вполне удовлетворяла своей цели и защиты Киева. Печенеги, как позже половцы, прорываются сквозь линии этих укреплений».⁶⁰⁷ Орды кочевников ходили по Русской земле, разоряя и грабя ее.⁶⁰⁸ Они жгли даже Киев.⁶⁰⁹ Заключая мирные соглашения с печенегами, киевские князья унижались до того, что посылали к ним в качестве заложников собственных детей. Так, например, поступил Владимир, отправив заложником к степнякам своего сына Святополка.⁶¹⁰

По поводу летописного сообщения о строительстве Владимиром городов-крепостей П. П. Толочко писал: «Этот рассказ летописи свидетельствует о высоком уровне государственной организации Киевской Руси X в. Подобные мероприятия были под силу только стране с большим материальным и людским потенциалом».⁶¹¹ Мы сомневаемся в «высоком уровне государственной организации Киевской Руси X в.» и в существовании страны, занимающей необозримые просторы Восточной Европы. Перед нами не единая страна, а возглавляемый Киевом межплеменной суперсоюз с примитивной государственностью, обеспечивающей в первую очередь господство полянской общины над починенны-

⁶⁰⁵ ПВЛ. Ч.1. С.83.

⁶⁰⁶ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.304.

⁶⁰⁷ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы. . С 74-75.

⁶⁰⁸ См.: ПВЛ. Ч.1. С.85, 87.

⁶⁰⁹ См.: Свердлов М. Б. Латиноязычные источники. . С.68, 92.

⁶¹⁰ Там же. С.51, 56.

⁶¹¹ Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С.51.

ми ей восточнославянскими племенами.⁶¹² С этой точки зрения следует говорить не о «высоком уровне государственной организации», а о мобильности и самоорганизации полянской общины, начавшей под руководством местного властителя строительство крепостей на южных границах своей земли, чтобы противостоять внешнему врагу. «Большой людской потенциал», о котором говорит П. П. Толочко, также вызывает сомнение. Рать Русской земли к этому времени, по всей видимости, оскудела, и воинов Владимиру явно не хватало. Поэтому он, строя городские крепости, «поча нарубати муже лучшие от словен, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады».⁶¹³ Конечно, делать предположение об оскудении ратных сил Южной Руси, исходя только из факта заселения «градов» мужами далеких от Киева восточнославянских и финских племен, никоим образом нельзя. Подвластные киевским князьям племена всегда служили источником пополнения мест-

⁶¹²См.: Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства// Из истории Византии и византиноведения. Межвузовск. сб./ Отв. ред. Г. Л. Курбатов. Л., 1991.

⁶¹³ПВЛ. Ч.1. С.83. «В летописном рассказе о заселении вновь построенных порубежных крепостей, — пишет П. П. Толочко, — некоторое недоумение вызывает список племен, представителям которых было оказано столь высокое доверие: словене, кривичи, вятичи и чудь. Что это — попытка киевского правительства мобилизовать для нужд обороны Русской земли силы других восточнославянских и неславянских племен? Ответить на этот вопрос можно вполне удовлетворительно, но вряд ли этот ответ будет исчерпывающим. Привлекая от перечисленных племен "мужей лучших" для постоянного жительства в южнорусских крепостях, Владимир преследовал также цель создания здесь своеобразного противовеса местному боярству. Не исключено, что летопись имеет в виду людей, так или иначе связанных с князем и его окружением, т. е. "своих людей", на которых можно было положиться» (Толочко П. П. Древняя Русь... С.51). Если придерживаться строго летописного рассказа, то надо сказать, что он ни о чем другом не говорит, как только лишь о заселении южных городов-крепостей «лучшими мужами» северных племен. Догадка исследователя о том, что эти «мужи» были связаны с князем и его окружением, что они должны были стать противовесом «местному боярству», не имеет под собой никаких реальных оснований.

ного воинства. Вопрос в том, насколько значительным и постоянным был недостаток военных сил, чтобы можно было говорить об их хроническом истощении.

Сообщение летописца о создании крепостных гарнизонов из представителей чужих племен, дополненное другими летописными известиями, склоняет к последнему. Согласно этим известиям, Владимир ходил (наверное, не раз) в Новгород «по верховьние вое на Печенеги». ⁶¹⁴ Из летописи узнаем, что в 996 г. «придоша печенежи к Василеву, и Володимир с малою дружиною изыде противу. И съступившимися, и не мог стерпети противу, подъбег ста под мостом, одва укрыся противных». ⁶¹⁵ Князь, как видим, выступил против печенегов с малым войском. Что это — оплошность князя или знак отсутствия у него многочисленного воинства, способного остановить врага. Надо думать, Владимир в тот момент имел лишь «малую дружину», а иной у него попросту не было. В противном случае он не рискнул бы выступить с небольшой ратью навстречу печенегам, приходившим на Русь во множестве.

Недостаток воев, ощущаемый киевским князем в конце X — начале XI в. осложнялся нехваткой средств, необходимых для экипировки войска. Намек на это содержит летописный рассказ о советниках Владимира, которые рекомендовали ему взимать с разбойников виру на приобретение военного снаряжения. «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди», — говорили они Владимиру. ⁶¹⁶

Таким образом, на рубеже X—XI вв. Русская земля в военном отношении заметно ослабела. Между тем, в современной исторической науке широко бытует представление о том, что Русь в указанное время находи-

⁶¹⁴ Там же. С.87.

⁶¹⁵ Там же. С.85.

⁶¹⁶ Там же. С.87. Известия иностранцев о великом богатстве Владимира, о неописуемо богатой княжеской казне (Свердлов М. Б. Латиноязычные источники. . С.50, 69; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С.143) следует считать преувеличением, диссонирующим упомянутому летописному сообщению. В обстановке войны с печенегами «без перестани», носившей со стороны Руси оборонительный характер и требовавшей огромных затрат, княжеская казна вряд ли могла быть полной.

лась в зените своей мощи. Это представление, на наш взгляд, не соответствует действительности. Наивысшего могущества межплеменной общевосточнославянский союз достиг в правление вещего Олега, поставившего на колени Византию. После Олега военная сила Русской земли постепенно убывала, что отразилось на отношениях Руси как с ромеями, так и с печенегами. К исходу X в. этот процесс зашел настолько далеко, что русские могли казаться со стороны легкой добычей. Отсюда и частые разорительные вторжения печенегов.

Историки задавались вопросом, чем была вызвана такая активность кочевников. По догадке П. В. Голубовского вторжения печенегов стали следствием «внутренней борьбы, которая уже при Владимире Св. и Ярополке дала возможность кочевникам вмешиваться в дела Русских и увидеть их слабость».⁶¹⁷ Ослабление Руси было обусловлено удельными драками князей. П. В. Голубовский говорит: «Усилению кочевников начинает способствовать самый ход политических событий на Руси. С последних лет княжения Святослава являются зачатки удельного порядка. Напрасно было бы думать, что творцом его был Ярослав, что удельный период начался только со смертью последнего. Такой порядок присущ всему славянству, и у нас, на Руси, он с началом государственного устройства только изменил свой характер, найдя точку опоры в княжеской семье. ... Уже после смерти Святослава в 972 г. начинается борьба между князьями, посаженными в Киеве, Новгороде и земле Древлянской. С течением времени борьба разрастается, и соседи-кочевники играют в ней не мало-важную роль».⁶¹⁸ Подъем военной активности печенегов П. В. Голубовский, стало быть, связывал с изменением внутривосточнославянской ситуации в Русской земле, характеризующейся межкняжескими «каторами», ослаблявшими страну и делавшими ее незащищенной перед степняками. П. В. Голубовский не различает две вещи: участие печенегов в межкняжеской борьбе на стороне того или иного князя и самостоятельные нападения кочевников на Русскую землю, преследующие собственные цели.

⁶¹⁷ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы. . . С.68-69.

⁶¹⁸ Там же. С.70-71.

С. П. Толстов искал ответ в сфере религиозной политики киевских правителей, в частности князя Владимира. Принятие христианства и крещение Руси — вот что вызвало бешеный натиск печенегов: «Есть все основания полагать, что разразившаяся непосредственно вслед за принятием Русью христианства девятилетняя жестокая русско-печенежская война 988–997 гг. ("бе бо рать велика бес перестани"), в которой печенеги выступают неизменно в качестве наступающей стороны, вынуждая Владимира спешно строить оборонительные линии под самым Киевом, стоит в тесной связи с этими событиями. Ал-Бекри указывает нам на исламизацию печенегов около этого времени под влиянием хорезмийских миссионеров. Весьма интересна дата, на которой обрываются в летописи сведения о русско-печенежской борьбе. Это — 997 г., год смерти хорезмшаха Мамуна ибн-Мухаммеда. Это позволяет с большей долей уверенности видеть в печенежском наступлении прямую враждебную акцию Хорезма, ставившую задачей оттеснить Русь от сферы хорезмийских интересов на Волге, акцию явившуюся ответом на поворот в религиозно-дипломатической линии Владимира».⁶¹⁹

Соображения С. П. Толстова разделял В. В. Каргалов, полагая, впрочем, что они не вполне объясняют причины печенежских вторжений на Русь. Историк писал: «Девятилетняя русско-печенежская война 988–997 гг. началась вслед за принятием Русью христианства, и вряд ли это случайно. Видимо, печенежское наступление было направлено Хорезмом в ответ на изменение религиозно-политической линии Руси. По наблюдениям С. П. Толстова, примерно в это время происходит исламизация печенегов, что подтверждает наличие у них определенных политических связей с исламским Хорезмом. По нашему мнению, влияние Хорезма могло сыграть некоторую роль в активизации печенежского наступления на Древнерусское государство, но оно не было определяющим. Причины следует искать, по-видимому, скорее внутри самого печенежского общества. Продвижение печенежской орды на новые земли закончи-

⁶¹⁹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С.262.

лось, она осела в причерноморских степях, в окружении своих оседлых соседей. Возможности для дальнейшего расширения территории кочевого передвижения, к чему стремились все скотоводческие племена, были ограничены. Экстенсивное скотоводческое хозяйство не могло удовлетворить жажду половецкой (?) знати к обогащению. В этих условиях грабительские походы на земли оседлых соседей превратились в один из основных источников добывания жизненных благ. Русь, имевшая со степями огромную по своей протяженности границу, стала объектом набегов печенегов». ⁶²⁰

Ни одному из факторов, названных этими учеными, мы не придаем решающего значения. П. В. Голубовский, на наш взгляд, был прав, когда причину усиления военной активности печенегов, направленной против русских, усматривал в ослаблении Руси. Но он ошибался, объясняя слабость Русской земли удельной междоусобной борьбой. Не входя в обсуждение весьма спорного тезиса о существовании «удельного порядка» на Руси той поры, заметим, что после вокняжения Владимира в Киеве и убийства Ярополка соперничество князей за власть в столичном граде прекращается. Ее мы не видим вплоть до смерти Владимира. А ведь именно в княжение последнего рать с печенегами была «бес перестани». Отсюда ясно: междоусобная борьба не являлась той главной пружиной, которая привела в движение печенегов, набросившихся на Русь.

Не исключено, что исламизация печенегов и подстрекательства хорезмшаха Мамуна ибн-Мухаммеда побуждали кочевников к враждебным действиям против русских. Однако нельзя русско-печенежскую войну укладывать, как это делает С. П. Толстов, в жесткие хронологические рамки 988–997 гг. Войны с печенегами начались раньше 988 г. и продолжались после 997 г., о чем говорят как древнерусские источники, так и памятники иностранные. Следовательно, существовала еще какая-то иная важная причина печенежских вторжений в русские земли, помимо той, на какую указал С. П. Толстов.

Суть вопроса не проясняют и соображения В. В. Каргалова. Грабительские походы кочевников-скотоводов

⁶²⁰ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы. . . С. 28.

на земли соседних оседлых земледельческих племен и народов — заурядное явление в мировой истории. Применительно же к русско-печенежским войнам надо понять, почему пик их приходится на конец X — начало XI столетия. По В. В. Каргалову, Русь «стала объектом набегов печенегов» потому, что «продвижение печенежской орды на новые земли закончилось», и «она осела в причерноморских степях». Печенежская знать, движимая жаждой обогащения, вместе с массой рядовых соплеменников, склонных к грабежу соседей, устремилась на Русь для поживы.

Но В. В. Каргалов не должен забывать, что расселение печенегов в причерноморских степях завершилось к середине X в.,⁶²¹ тогда как нападения печенегов на русские земли летописец начинает отмечать несколькими десятилетиями позже, и только в конце X — начале XI в. эти нападения достигают своей кульминации. Значит, существо вопроса не в окончании продвижения печенежской орды в Северное Причерноморье и оседании ее на завоеванных землях, а в чем-то ином. И тут мы снова возвращаемся к мысли о кризисе родоплеменных отношений в Южной Руси на рубеже X—XI вв. Разрушение традиционных родовых устоев общества, его перестройка на новых территориальных основах вызвали резкое ослабление общественного организма вообще и военной организации, — в частности. Отсюда активизация набегов степняков, обусловленная не столько их могуществом и тягой к грабежу, сколько слабостью русских, порожденной конкретными условиями внутреннего развития Руси указанного времени. А это означает, что возросшее количество печенежских вторжений в пределы Русской земли, наблюдаемое на исходе X и в начале XI в., свидетельствует о кризисном состоянии местного общества, переживавшего переход от родоплеменного строя к общиннотерриториальному. Данное состояние нашло отражение и в религиозной политике киевских правителей.

Введению христианства на Руси предшествовала, как

⁶²¹ Об этом узнаем из сочинения Константина Багрянородного, где обозначены границы различных печенежских «фем». — Константин Багрянородный. Об управлении империей. С.157.

известно, языческая реформа князя Владимира, который «постави кумиры на холме вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хъроса, Дажьбога, и Стрибога и Симаргла, и Мокошь. И кряху им, наричюще я боги».⁶²² Было это, по летописной датировке, в 980 г.

Как показало проведенное нами исследование,⁶²³ «поставление кумиров» – религиозная и идеологическая мера, посредством которой киевский князь пытался удержать власть над покоренными племенами, остановить начавшийся распад грандиозного союза племен во главе с Киевом. Надо подчеркнуть, что то был именно межплеменной союз, характерный для завершающей стадии развития первобытности, а не раннефеодального государства, как полагают многие современные исследователи. Поэтому Перун предстал в окружении богов других племенных объединений, символизируя их единство с Киевом. Столица полян, следовательно, претендовала на роль религиозного центра восточного славянства.

Опыт Владимира оказался безрезультатным. Он не дал того, на что надеялся князь. Причина княжеской неудачи крылась в исторической необратимости разложения родоплеменного строя, что делало неизбежным падение союза союзов племен под гегемонией Киева. Владимир ищет новую опору власти над покоренными племенами и находит ее в христианстве.⁶²⁴ В 988 г., т. е. всего лишь через восемь лет после языческой реформы, состоялось крещение Руси. Столь короткий срок между языческим нововведением и обращением к христианству выдает метания киевского князя, его лихорадочные поиски средств преодоления распада межплеменного сою-

⁶²² ПВЛ. Ч.1. С.56.

⁶²³ См.: Фроянов И. Я. 1) Об историческом значении «крещения Руси» // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Межвузовск. сб. К 80-летию проф. В. В. Мавродина / Отв. ред. И. Я. Фроянов. Л., 1987. С.50-53; 2) Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия Древняя Русь. Л., 1988. С.228-230; 3) Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С.83.

⁶²⁴ Фроянов И. Я. 1) Об историческом значении... С.53; 2) Начало христианства... С.230; 3) Древняя Русь... С.84.

за, возглавляемого Киевом. Все это, конечно, говорит о нестабильности в целом общественных отношений переходного (от родового к общинному) периода, в условиях которого пришлось княжить Владимиру. На нестроения в обществе указывает и разгул преступности, поразивший Русскую землю в рассматриваемое время.

В Повести временных лет под 996 г. приведен рассказ, правдивость которого едва ли подлежит сомнению. Во всяком случае, С. В. Юшков, один из известных отечественных источниковедов, не сомневался в его достоверности.⁶²⁵ Там читаем: «Живяше же Владимир в страсе божьи. И умножися зело разбоеве, и реша епископи Володимеру: "Се умножишася разбойници, почто не казниши их?". Он же рече им: "Боюся греха". Они же реша ему: "Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытаном". Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники...». ⁶²⁶ Из слов летописца можно заключить, что «разбойници умножишася» из-за кротости Владимира, жившего в «страсе божьи» и потому не подвергавшего разбойников казни. Такая, сугубо нравственная, мотивация умножения разбоев теряет право на исключительность при сопоставлении с известиями поздних летописцев, дополняющих автора Повести временных лет.

Составитель Никоновской летописи сообщает: «Невидяй же добра диавол сотвори в людех лукавство, и брат брата и друг друга лихоимъствоваша, и сиде умножашеся разбой в земле Русстей. И събрашася епископи и старци митрополиту глаголюще: "яко сын твой, князь Володимер, в велице кротости и тихости бе, и разбойници опустеша землю, и ты что о сем мыслиши?" И рече им митрополит: "идите и рците ему, да воспрещаает злым и да казнит разбойники, по божественному закону, со испытанием и рассмотрением...». Епископы передали Владимиру наставления митрополита, и князь «подвѣзашеся на лукавыя и злыа, с рассмотрением и великим испытанием». ⁶²⁷

⁶²⁵ Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С.251.

⁶²⁶ ПВЛ. Ч.1. С.86-87.

⁶²⁷ ПСРЛ. Т.IX. СПб., 1862. С.67.

Никоновская летопись рассказывает и о том, как «изыгаша хитростию некоею славного разбойника, нарицаемаго Могута; и егда ста пред Владимиром, въскрича ело, и многы слезы испущая из очию, сице глаголя: ”поучника ти по себе даю, о Владимире, Господа Бога и пречистую его Матерь Богородицу, яко отныне никакоже не сътворю зла пред Богом и пред человеки, но да буду в покаянии вся дни живота моего”. Слышав же иа Владимир, умилися душею и сердцем, и посла его к отцу своему, митрополиту Ивану, да пребываете ниюгдаже исходе из дому его. Могут же заповедь храня, никакоже исхожаше от дому митрополичи, и крепким и кестоким житием живяше, и умиление и смирение много показа, и провидев свою смерть, с миром почи о Господе». ⁶²⁸ Датированная 1008 г., или двенадцатью годами позже цитированного выше известия Повести временных лет, запись о «славном разбойнике» Могуте, личности, скорее всего, легендарной, ⁶²⁹ примечательна для нас не только как изображение конкретного эпизода, взятого из жизни времен Владимира, сколько в качестве отражения общей «криминогенной» обстановки на Руси конца X — начала XI в.

По справедливому замечанию Д. С. Лихачева, рассказ о разбоях «передан в Никоновской летописи с большими подробностями, чем в Лаврентьевской и др.». ⁶³⁰ Он, в

⁶²⁸ Там же. С.69.

⁶²⁹ Рассказ о Могуте, сходный с записью Никоновской летописи, содержится и в Истории Российской В. Н. Татищева (см.: Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М.; Л., 1963. Т.II. С.69; М.; Л., 1964. Т.IV. С.142). Н. М. Карамзин относил этот рассказ к «нехитрым вымыслам» никоновского летописца, которым «перили историки и «включали их в свое повествование» (Карамзин Н. М. История Государства Российского в двенадцати томах. М., 1989. Т.I. С.297, прим.483). С доверием воспринимал летописное сообщение о Могуте С. М. Соловьев. Он писал: «Летопись говорит об умножении разбойников, и сохранилось имя одного из них — Могута, который был пойман в 1008 году и покаялся в доме у митрополита» (Соловьев С. М. Соч. Кн.I. С.193). Использовал в своих построениях «рассказ о разбойнике Могуте» и В. О. Ключевский. — Ключевский В. О. Боярская Дума древней Руси. М., 1902. С.534.

⁶³⁰ ПВЛ. Ч.II. С.350.

частности, содержит весьма ценное свидетельство, которое позволяет понять, что причиной роста разбойных преступлений стали не только «кротость и тихость» Владимира, создававшие для разбойников атмосферу вседозволенности и безнаказанности. Благоприятной почвой для разбоев оказались социальные противоречия, вызванные «лихоимством», творящим взаимную злобу, зависть и ненависть. Этот штрих позднего летописца, характеризующий источник умножения разбоев при Владимире с точки зрения социальной, не получил, к сожалению, должного развития в до-революционной историографии. И уже В. Н. Татищев, подобно автору Повести временных лет, объясняет рост разбоев мягкосердечием Владимира, живущего во страхе божьем: «Владимир как жил в законе и страхе божии, ослабел в наказании злодеев по законам, поставляя казнь достойную за грех, и чрез сие умножились разбои повсюду и грабительства».⁶³¹ Ту же идею проводил и Н. М. Карамзин, говоря о милосердии князя, который «щадил жизнь самых убийц и наказывал их только Вирою, или денежною пенею: число преступников умножилось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан».⁶³² Согласно Н. М. Карамзину, «под разбоем разумели в то время убийство».⁶³³

Чувство христианской любви, по Н. И. Костомарову, владело киевским князем, удерживая его от жестоких наказаний за разбойные дела: «Владимир после крещения является чрезвычайно благодущным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев».⁶³⁴ Отсюда и рост числа разбоев. Но историк не ограничился личными свойствами Владимира. Помимо его добродушия, он существенное значение придавал изменению общественного сознания, вызванному усвоением христианской морали, отвергающей языческие нормы поведения и оценки поступков

⁶³¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 67.

⁶³² Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. I. С. 158.

⁶³³ Там же. С. 296, прим. 478.

⁶³⁴ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х кн. М., 1990. Кн. I. С. 6.

человека. Смена нравственных ориентиров заставила обратить внимание на разбой, которые и раньше имели место, но воспринимались как вполне заурядные и привычные деяния и потому мало волновали общественное сознание, оставаясь, по сути, незамеченными. Вот что писал Н. И. Костомаров по этому поводу: «Владимир до того добродушен, что боится даже казнить разбойников, которые, по замечанию летописца, очень умножились в те времена. Мы думаем, однако, что эти жалобы на умножение разбойников были скорее сознанием, возникшим при веянии новой христианской жизни, необходимости безопасности и мер к недопущению своевольтства, к положению предела диким страстям. Разбой по смыслу, какой давался этому слову, не значил исключительно того, что мы, в строгом значении его, понимаем теперь; но обнимал собой и всякое своевольтство, не щадившее прав личности и собственности, свойственное дикому языческому обществу, но возбуждавшее негодование христиан».⁶³⁵

С. М. Соловьев, хотя и связывал усиление разбоев с введением христианства на Руси, но совсем в иной плоскости, чем те исследователи, которые суть проблемы сводили к душевному состоянию князя Владимира, просветленного новой верой, или к смене нравственных критериев в обществе, произошедшей под влиянием христианской морали. Историк говорил: «Можно думать, что разбойники умножились вследствие бегства тех закоренелых язычников, которые не хотели принимать христианства; разумеется, они должны были бежать в отдаленные леса и жить за счет враждебного им общества...».⁶³⁶

В советской историографии широкое хождение получила мысль о классовом характере разбоев, направленных против феодализации общественных отношений и являвшихся закономерным следствием развития феодализма в Киевской Руси. Характеризуя историческую обстановку конца X – начала XI столетия, В. В. Мавро-

⁶³⁵ Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // Исторические монографии и исследования. СПб.; М., 1881. Т. 13. С. 168-169.

⁶³⁶ Соловьев С. М. Соч. Кн. 1. С. 193.

дин писал: «Вводятся новые порядки. Княжеские "мужи" судят по "Закону Русскому", борются с разбоями, умножившимися на Руси. Зарождаются нормы "Русской Правды". Это "умножение" разбоев в ряде случаев было не чем иным, правда, как отражением борьбы "простой чади" против укрепляющихся феодальных порядков, разрушавших привычные ей условия общинной жизни и быта, создававшие ей известное, ныне теряемое надолго, навсегда благополучие. "Изгойство", то самое изгойство, которое, несомненно, связано с разрушением общины..., заставило выбитых из обычной колеи простых "людей" бороться с укрепляющейся на развалинах общинной собственности частной собственностью "нарочитой чади", что в представлении княжих "мужей" и духовенства сливалось, по вполне понятным причинам, с обычным разбоем».⁶³⁷ Употребляемое историком выражение «в ряде случаев», позволяет думать, что в разбойных нападениях он видел не только антифеодальную борьбу, но и «обычные разбои», или уголовные преступления. Несколько прямолинейнее рассуждал В. Т. Пашуто: «Крестьяне боролись против феодалов с оружием в руках. При Владимире Святославиче "разбой" (так часто называли в то время вооруженные выступления крестьян) стали распространенным явлением».⁶³⁸

Обострение классовой борьбы на исходе X в. «в форме усиления разбойничества» наблюдал А. А. Зимин.⁶³⁹ «Конец X – начало XI в., — писал исследователь, — были временем острой классовой борьбы. Летопись сообщает о серьезных мерах, предпринятых князем Владимиром против "разбойников"».⁶⁴⁰ Участившиеся разбои, по А. А. Зимину, были выражением недовольства «народных масс новым феодальным порядком».⁶⁴¹ Жертвой

⁶³⁷ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С.344. См. также: Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956. С.150-151.

⁶³⁸ Пашуто В. В. Древняя Русь конца IX – начала XII в. // Всемирная история / Отв. ред. Н. А. Сидорова. М., 1957. Т. III. С.255.

⁶³⁹ Зимин А. А. Феодальная государственность... С.243.

⁶⁴⁰ Зимин А. А. Холопы на Руси... С.68.

⁶⁴¹ Там же. С.53.

разбоев стали превращающиеся в феодалов княжеские дружинники и воины.⁶⁴²

Л. В. Черепнин не сомневался в том, что «умножение разбоев» во времена Владимира явилось результатом развития феодальных отношений. Разбой (или вооруженное нападение на лиц, обладавших имуществом, их грабление и часто убийство) представлял собой в ряде случаев не просто уголовное деяние, а акт классовой борьбы, социального протеста со стороны людей, терявших в процессе феодализации землю и стоявших на грани потери свободы. Активные выступления этих людей были опасными для господствующего класса.⁶⁴³ Отмечая, что летописный текст о «разбоях» в княжение Владимира «носит следы явной литературной стилизации», Л. В. Черепнин подчеркивает: «Но бесспорно отвечают реальной действительности такие явления, как усиление классовой борьбы при Владимире, бывшее следствием процесса феодализации, распространение новой формы массового социального протеста — разбоев, поиски в правящих кругах средства борьбы с выступлениями антифеодального характера и укрепления своей власти».⁶⁴⁴ Л. В. Черепнин, подобно В. В. Мавродину, допускает разбой как «простые уголовные деяния», говоря, что «в ряде случаев» (следовательно, не всегда) на них скрывались акты классовой борьбы.

Односторонне оценивает летописные разбои М. Б. Свердлов: «Раннефеодальные отношения, рост эксплуатации непосредственных производителей в системе госу-

⁶⁴² Зимин А. А. Феодальная государственность... С. 244.

⁶⁴³ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 152.

⁶⁴⁴ Там же. С. 153. В другой работе Л. В. Черепнин пишет: «Одной из форм социального протеста против феодализации являлись вооруженные нападения крестьян на представителей господствующего класса — "разбой". В летописи содержится рассказ о мерах, принятых князем Владимиром Святославичем в 996 г. в целях искоренения этого явления». — Черепнин Л. В. Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1985. С. 346.

исчерпавшую себя.⁶⁴⁹ Все это делает, на наш взгляд, искусственным и произвольным сопоставление летописной аписи 996 г. со статьями 19, 20 Краткой Правды и 3-8 Пространной Правды, проводимое М. Б. Свердловым.

Завершая историографическую справку, назовем еще и В. И. Буганова, определяющего разбой, упоминаемые Повестью временных лет под 996 г., как покушения на жизнь и собственность древнерусских феодалов.⁶⁵⁰

Итак, мысль о разбоях конца X—начала XI в. как классовой борьбе, порожденной развитием феодализма на Руси, пользуется чуть ли не всеобщим признанием у современных историков. Есть, впрочем, и исключения.

Б. А. Рыбаков, изучая былины об Илье Муромце, убедился в том, что крестьянское происхождение богатыря и его приезд в Киев издали «вполне объяснимы исторической обстановкой 988–993 гг.». По догадке ученого, борьбу Ильи с «Соловьем Разбойником и станичниками, прокладывание "дорог прямоезжих" надо связывать с летописной записью 996 г. о казни разбойников. Даже отношение Ильи к разбойникам такое же переменчивое, как и само постановление боярской думы 996 г.: то он их казнит, не боясь греха, то милует».⁶⁵¹ В облике Соловья Б. А. Рыбаков разглядел «не столько придорожно-го грабителя (такие существуют в былинах отдельно от Соловья), сколько представителя тех косных сил родоплеменного строя, которые были чужды государственности, боролись за свою обособленность, противодействовали "дорогам прямоезжим" через их лесные земли, — дорогам, которые теперь особенно понадобились для связи юга с землями Вятичей и Кривичей».⁶⁵²

Мы расходимся в истолковании летописной статьи 996 г. как с представителями дореволюционной, так и

⁶⁴⁹ См.: Рыбаков Б. А. 1) Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века // Вопросы истории. 1962, № 4. С. 42; 2) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 57; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 19–26.

⁶⁵⁰ Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 14.

⁶⁵¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С. 75.

⁶⁵² Там же. С. 73.

советской исторической науки. Довольно наивными нам кажутся суждения об умножении разбоев в княжение Владимира как следствие богобоязни и душевной кротости князя, не решавшегося казнить разбойников и тем пресечь рост тяжких преступлений, угрожающих жизни и безопасности личности. Нельзя также ограничивать круг разбойников теми язычниками, которые, не желая креститься, бежали в леса и становились разбойниками. Более перспективной надо признать идею, объясняющую рост числа разбоев в конце X—начале XI в. социальными переменами, обозначившимися в названное время. Однако существо этих перемен нам видится не в наступлении на «простую чадь» феодалов, лишаящих ее свободы и собственности, а в распаде родоплеменного строя, сопровождавшегося расстройством традиционных общественных связей, крушением старых учреждений, появлением бедных и необеспеченных людей, оказавшихся вне родственных коллективов и вынужденных в одиночку бороться за собственное выживание.

Это создавало питательную почву для всякого рода преступлений, в том числе и разбоев. Отсюда их умножение, отмеченное летописью. Становится ясным, что разбой—это не акты классовой борьбы, а уголовные преступления, несущие серьезную угрозу внутреннему миру Русской земли. Следовательно есть все основания считать, что в рассказе Повести временных лет о разбоях нашел отражение процесс кризиса родового строя в Киевской Руси конца X—начала XI столетия. Так за летописным сообщением об увеличении числа разбоев при Владимире открывается картина общественных неурядиц и потрясений, поразивших Русскую землю на переломе X—XI вв. Показательны в данном отношении и сами меры, предпринятые князем для обуздания разбоев. Каковы эти меры?

По разумению Д. С. Лихачева, «Владимир придерживался русского права и не казнил разбойников (убийц) смертью, как это требовалось по законам Византии, а брал с убийц "виры" (штрафы). Епископы, которые все были во времена Владимира из греков, посоветовали Владимиру наказывать убийц смертью, но усилив

редварительное расследование ("со испытанием"). Владимир послушался их совета, отверг русские виры и стал наказывать убийц смертью. Государство тем самым лишилось некоторой части своих доходов. Тогда русские советники князя — "старцы"... и епископы (те же или другие — не ясно) посоветовали Владимиру вернуться к старой русской вине и употреблять ее на коней и оружие... Владимир согласился с этим... и стал придерживаться русского обычая отцов и дедов». ⁶⁵³

Можно согласиться с М. Б. Свердловым, что это толкование является «наиболее близким к содержанию летописного рассказа». ⁶⁵⁴ Вряд ли только следует меры Владимира подводить под понятие «реформа». ⁶⁵⁵ Нельзя также рассматривать их как раздел разработанного князем с дружиной устава (закона), «регулирующего общественно-правовые отношения в Древнерусском государстве». ⁶⁵⁶ Перед нами импульсивные, торопливые действия, обусловленные необычностью ситуации и потребностью незамедлительного выхода из нее. Замена виры на смертную казнь, ⁶⁵⁷ а затем отмена смертной

⁶⁵³ ПВЛ. Ч. II С. 350.

⁶⁵⁴ Свердлов М. Б. От Закона Русского... С. 79. В научной литературе существуют и другие истолкования летописной записи 96 г. о разбоях. — См., напр.: Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 532-534; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 202-204; Goetz L. K. Das Russische Recht. Bd. 1. S. 193-211; Шепкин Е. Н. Варяжская вира. Одесса, 1915. С. 102-103.

⁶⁵⁵ Там же. С. 79. См. также: Зимин А. А. 1) Феодальная государственность... С. 244; 2) Холопы на Руси... С. 53.

⁶⁵⁶ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С. 132. Ср.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 28-29.

⁶⁵⁷ В. О. Ключевский считал, что речь в данном случае идет не о смертной казни, а о «каком-то правительственном наказании» (Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 533). Но вряд ли «какое-то правительственное наказание» могло ассоциироваться у Владимира с «грехом». А ведь именно боязнь греха удерживала, если верить летописцу, князя от казни разбойников. По понятиям времени, казнить человека — значит совершить душегубство, т. е. власть великий грех. Недаром Мономах, наставляя детей своих и всех, кто прочтает его «грамотищу», говорил: «Ни права, ни крива не бивайте, ни повелевайте убити его. Аще будет повинен смерти,

казни с возвращением снова к вире свидетельствуют о судорожных действиях князя в области суда и права, подобно тому, как это было с ним в религиозной сфере.⁶⁵⁸ И в этом нет ничего удивительного, ибо историческая обстановка была такова, что решение одной неотложной задачи влекло за собой появление новой, не менее серьезной и требующей столь же быстрого решения: введя смертную казнь вместо взимавшегося до того штрафа, Владимир, казалось, нашел эффективное средство пресечения разбоев, но существенно сократил тем самым поступление средств в казну, необходимых для покупки коней и оружия, чтобы противостоять возрастающей печенежской агрессии, ставившей Русь на край гибели. Такого рода поспешность в принятии мер, неумение предвидеть отрицательные последствия проводимой политики типичны для переходных периодов социального развития, отличающихся чрезвычайной сложностью и неустойчивостью общественных отношений.

Наконец, довольно красноречивы отмена традиционной восточнославянской виры, с одной стороны, и введение непривычной византийской смертной казни, — с другой. Подобное могло произойти лишь при условии некоторого ослабления действия на Руси обычного права, хранимого в устной традиции, и ухода (если не полного, то частичного) с исторической сцены так называемых законоговорителей, оглашавших древние законы на народных собраниях.⁶⁵⁹ В противном случае князю было бы не по силам отменить одну из важнейших общеправовых норм, заменив ее предписанием, заимствованным из чужого права. Владимир, следовательно, предстает перед нами как правитель, способный вносить изменения в старые законы и дополнять их. Непосредственно за ним выступает сын его Ярослав — создатель первого древнерусского законодательного кодекса, компенсирующего недостаточность обычного права. И ослабление

а душа не погубляйте никакая же хрестьяны». — ПВЛ. Ч.1. С.157.

⁶⁵⁸ См. с.215-217 настоящей книги.

⁶⁵⁹ См.: Гуревич А. Я. 1) Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С.10; 2) Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С.89.

обычного права и княжеское приобщение к законотворчеству есть верные признаки перестроенного характера древнерусского общества времен Владимира.

Итак, в конце X—начале XI в. мы застаем Русскую землю в состоянии глубокого кризиса родоплеменных отношений. То был системный кризис, охвативший все стороны жизни общества: экономическую, социальную, политическую, военную, религиозную и т. п. Вследствие расстройств общественной жизни вне привычных социальных связей оказалось большое количество обездоленных людей, нуждающихся в помощи, поддержке, защите и покровительстве. Это и создавало почву для внутреннего порабощения. Запрет обычного права на обращение в рабство соплеменников силою жизненных обстоятельств был снят. Возникла новая разновидность рабовладения — холопство, выросшее из недр местного общества. Наряду с челядином, рабом-иноземцем (как правило, пленником), теперь существует холоп — раб из своего, местного населения. Такой ход развития рабства на Руси рассматриваемого времени хорошо согласуется с теми историческими данными, которыми располагает современный исследователь.

Отметим прежде всего относительно позднее появление в источниках термина «холоп». С. В. Бахрушин подчеркивал, что «в ранних памятниках X в. (договоры с греками) термин "холоп" не известен».⁶⁶⁰ Его встречаем лишь к началу XI в.⁶⁶¹ Даже на протяжении XI столетия этот термин был сравнительно новым.⁶⁶² О чем это говорит? Конечно, о том, что холопство как социальное явление было тоже отнюдь не старым.⁶⁶³

⁶⁶⁰ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937, № 3. С. 170. В другой раз С. В. Бахрушин писал: «Самый термин "холоп" появляется только в XI веке». — Бахрушин С. В. О работе А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» // Большевик. 1945, № 3-4. С. 74.

⁶⁶¹ Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 67.

⁶⁶² Пьянков А. П. Холопство на Руси до образования централизованного государства // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. / Отв. ред. В. К. Яцунский. М., 1970. С. 45.

⁶⁶³ Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 67-68. Ср.: Свердлов М. Б. 1) Челядь и холопы в Древней Руси // Вопросы истории. 1982, № 9. С. 50; 2) Структура и генезис феодального общества в Древней Ру-

Историки по-разному смотрят на обстоятельства появления в древнерусских источниках термина «холоп». Приведем лишь несколько примеров. По мнению А.А.Зимины, оно «связано с процессом постепенного превращения все большего контингента рабов в феодально-зависимое население. Старый термин "челядь" начинал применяться для обозначения совокупности феодально-зависимого люда. Поэтому понадобилось появление нового термина "холоп", которым бы назывались рабы в узком смысле слова».⁶⁶⁴ По Л. В. Черепнину, это «было связано с процессом роста феодально зависимого крестьянства, переходом в его состав бывших рабов и попыткой законодателя четко определить источники холопства и отграничить рабское население, как находящееся в полной собственности господ, от остальных социальных категорий, стоявших на пути от сословной неполноправности к прямому крепостному состоянию».⁶⁶⁵ Стремление законодателя «отграничить» рабов от нерабов было продиктовано, согласно Л. В. Черепнину, «обострением классовой борьбы, крестьянскими движениями, направленными против закрепощения».⁶⁶⁶

Сходно рассуждает А. П. Пьянков. «Необходимость выделения рабов из общей массы населения, подвластного феодалам, вызвала к жизни новый термин. Рабов стали называть "холопами"».⁶⁶⁷

Историю холопства в Древней Руси М. Б. Свердлов «неразрывно» связал с «генезисом феодальной общественно-экономической формации. На протяжении длительного периода, от распада родоплеменного строя до формирования развитых феодальных отношений, она представляла собой процесс становления феодального

си. Л., 1983. С.155.

⁶⁶⁴ Памятники русского права. М., 1952. Вып.1. С.93.

⁶⁶⁵ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв.// Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С.186. См. также: Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси// Исторические записки. 56. 1956. С.257.

⁶⁶⁶ Черепнин Л. В. Из истории формирования... С.257.

⁶⁶⁷ Пьянков А. П. Холопство на Руси... С.45.

класса-сословия, основанный первоначально на росте неравенства в патриархальных больших семьях (следствие поло-возрастного разделения труда) и на существовании патриархального рабства. Холопы включались в систему господского хозяйства... Генезису феодальных отношений была свойственна множественность форм феодальной эксплуатации, основанной на внеэкономическом принуждении. Одна из них — личная крепостная зависимость — стала причиной появления особой социальной группы холопства, развившейся в класс-сословие... Развитие феодального господского хозяйства и необходимость внеэкономического принуждения посредством личной крепости послужили предпосылками появления и последующего развития класса-сословия холопов».⁶⁶⁸ Выполненная в ключе прописных истин исторического материализма, схема М. Б. Свердлова лишена серьезной фактической основы и потому искусственна. В целом она не содержит ничего принципиально нового, повторяя зады советской историографии общественного строя Древней Руси.⁶⁶⁹

⁶⁶⁸ Свердлов М. Б. Челядь и холопы... С.56.

⁶⁶⁹ Впрочем, «новизна» ее в том, что автор, вопреки очевидным фактам и предшествующей историографии, не желает видеть в холопах рабов, изображая их аморфным классом-сословием, куда вошли «люди разных общественных состояний», которых объединяло одно: феодальная зависимость (Свердлов М. Б. 1) Челядь и холопы... С.52, 53; 2) Генезис и структура... С.169). Здесь Свердлов повторяет С. В. Бахрушина, правда, без ссылок на последнее. У С. В. Бахрушина читаем: «Холопство характерно для эпохи феодальной и не может быть отождествляемо с рабством. Это одна из форм феодальной зависимости» (Бахрушин С. В. О работе А. И. Яковлева... С.74). Идею М. Б. Свердлова о нерабском характере холопства в Древней Руси подверг убедительной критике А. Л. Шапиро. Он, в частности, замечал: «Если последовать за М. Б. Свердловым и толковать холопов Киевской Руси как "сословие феодально-зависимого населения", пришлось бы предположить, что в условиях развитых феодальных отношений в XIV–XVII вв. незначительная часть этого феодально-зависимого сословия превращалась в рабов на пашне своего господина, лишенных средств производства и принадлежавших холоповладельцу. Подобная эволюция холопства оказалась бы в полном противоречии с ходом социально-

Если А. А. Зимин, Л. В. Черепнин, П. А. Пьянков и М. Б. Свердлов появление социального термина «холоп» объясняли, исходя из внутренних условий развития древнерусского общества, то А. Я. Яковлев свел все к внешнему заимствованию. Он полагал, что «термин *Σκλαβενοι*—*Σκλαβοι* и *sclaveni* получил сначала у византийцев и арабов, а потом, вероятно, и у персов универсальный объемлющий смысл, начав суммарно обозначать всех славян, не взирая на их более или менее мелкое племенное дробление. Ожесточенные войны с воинственными соседями или непокорными подданными, какими были балканские славяне для византийцев V—VII вв., вызвали появление на византийском и других средиземноморских рынках большого количества военнопленных из среды именно славянских народностей. Эти военнопленные невольники захватывались не только на восточном, но и на западном фланге поселений славянства, где на них нападали германцы. Славянские рабы становятся одним из самых ходовых товаров на среднеазиатских, мессопотамских и на всех средиземноморских рынках, причем специалистами по этой торговле на востоке являются арабы и евреи, а на западе — византийские греки. Особенно значительные массы славянских рабов появились на рынке после ударов, нанесенных славянству Карлом Великим, Людовиком Немецким и имп. Оттоном I, победы которых над славянами повыбрасывали на итальянские, испанские и африканские невольничьи базары огромные партии военнопленных славянских невольников. Вот почему и на востоке, и на западе нарицательным термином для обозначения невольников вообще сделалось племенное название именно «славян», прошедшее через ряд видоизменений и укоренившееся в разных вариантах едва ли не у всех западноевропейских народов. Слово «славяне» сохранило в то же время и свой этнический смысл, отличающийся от смысла социального, т. е. невольничьего...».⁶⁷⁰

экономического развития страны. Однако в жизни этого противоречия не было, ибо экономические и юридические черты рабского состояния были, несомненно, присущи значительной части холопов Киевской Руси». — Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987. С.237-238.

⁶⁷⁰ Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве

Социальное явление, заключенное в слове *Σχλαβος* — *sclavus* было настолько распространено в Европе, что это слово «уверенно надо разыскивать и в Чехии и в Польше». ⁶⁷¹ Но ни в польском, ни в чешском языках оно не встречается. Значит, его «надо искать где-то в видоизмененной форме, в звуковой оболочке, подвергшейся чешской или польской обработке. Где же? Ответом на этот вопрос является чешское и польское *chlор...*». ⁶⁷² Впоследствии на Руси его усваивают в виде *хлопа-хлапа-холопа*. ⁶⁷³ А. И. Яковлев даже устанавливает время, когда русские заимствовали термин «холоп»: это отрезок между 1018 и 1031 г., в пределах которого известно поселение польских пленников под Киевом. «Можно думать, — говорит А. И. Яковлев, — что именно посадка в эти годы под Киевом польских пленников и привела к переносу и утверждению в русском языке термина хлоп-хлап-холоп, хотя по-польски слово это обозначало не невольника в собственном смысле, а подневольного земледельца-холопа». ⁶⁷⁴

Этимологические догадки, высказанные А. И. Яковлевым, решительно оспорил В. В. Виноградов. ⁶⁷⁵ А. А. Зимин, хотя и сочувственно отнесся к «остроумной гипотезе А. И. Яковлева», но не безоговорочно. «Термин "холоп" употребляется еще в 1016 г. (Правда Ярослава),

XVII в. М.; Л., 1943. Т.1. С.12-13.

⁶⁷¹ Там же. С.14.

⁶⁷² Там же.

⁶⁷³ Там же. С.14-15.

⁶⁷⁴ Там же. С.15.

⁶⁷⁵ См.: Исторический журнал. 1944, №10-11. С.120-121. Столь же энергично выступил против подобного словопроизводства и С. В. Бахрушин, который писал: «Особенно нелепо и необоснованно утверждение А. И. Яковлева, будто слово "холоп" есть видоизменение слова "славянин". Автор делает этот "вывод" на основании совершенно произвольного фонетического толкования греческого слова "сфлабос" (славянин), чешского "хлап" и польского "хлоп", перенесенного в XI веке польскими пленниками в Киевскую Русь, где этот термин получил значение раба-земледельца. Это недопустимое с научной точки зрения сближение автор стремится объяснить происшедшим якобы процессом "инстинктивной переработки" неблагозвучных звуковых сочетаний в благозвучные». — Бахрушин С. В. О работе А. И. Яковлева... С.77.

т. е. до сношений с Болеславом I», — заметил он. Кроме того, этот термин «первоначально применялся к рабам, не связанным с землей». ⁶⁷⁶ От себя «приложим», что еще в X в., если не раньше, т. е. задолго до того, как, по А. И. Яковлеву, в лексику древнекиевского общества, проник термин «холоп», на Руси пленников-рабов называли челядью. ⁶⁷⁷ Зачем понадобилось брать со стороны новый термин для обозначения тех же пленников-рабов, ученый не поясняет, оставляя читателя своей книги в недоумении. Но самое существенное состоит, конечно в том, что термин «холоп» имеет праславянские корни. ⁶⁷⁸ И это понятно, поскольку само слово «холоп» общеславянское. ⁶⁷⁹ Его находим в старославянском, болгарском, сербо-хорватском, чешском, словенском, польском и других славянских языках. ⁶⁸⁰

Важно отметить наличие в великорусском и украинском языках однокоренных слов «хлопец», «хлопець», «хлопчик» со значением *парень, парнишка, паренек, мальчик, малый, мальчишка, малец* и т. п., ⁶⁸¹ что уводит нас в область семейных возрастных отношений. Но отсюда совсем не следует, будто холопы «и как термин и как социальная категория длительное время существовали у восточных славян и означали лично зависимых от господина людей». ⁶⁸² Нет никаких данных, подтверждающих столь смелое утверждение М. Б. Свердлова. Нельзя, на наш взгляд, говорить о существовании социальной категории холопов в родоплеменном обществе восточных славян. Надо, по-видимому, вести речь о поло-возрастной группе. К этому и М. Б. Свердлов, вроде бы, скло-

⁶⁷⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси. . С.66.

⁶⁷⁷ См. с.106-124 настоящей книги.

⁶⁷⁸ Зимин А. А. Холопы на Руси... С.66.

⁶⁷⁹ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С.481.

⁶⁸⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973, Т.IV. С.257; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М., 1993. Т.II. С.348-349.

⁶⁸¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1956. С.551; Українсько-російський словник. Київ, 1965. С.999.

⁶⁸² Свердлов М. Б. Генезис и структура... С.155-156.

нен, заявляя, что термин «холоп» в XI в. «стал обозначением не семейно-возрастной, а общественной категории»,⁶⁸³ что «в родо-племенном обществе он обозначал людей неполноправных или младших в семье»⁶⁸⁴ — «подростка или лишённого родственных связей».⁶⁸⁵ Однако из этих признаний он не делает должных выводов, связывая судьбы холопства главным образом с развитием классовых отношений у восточных славян, включая холопов в процесс социальной эволюции восточнославянского общества. И в этом крупный просчет исследователя.

Надо думать, что вплоть до распада родового строя, совершившегося, как мы знаем, на границе X—XI вв., восточнославянское слово «холоп»⁶⁸⁶ имело возрастное значение. По верному наблюдению В. В. Колесова, «в описаниях древнего родового быта *холопъ* (или *хлупъ*, или *хлупъ*) — молодой член общества, еще холостой и безбородый...».⁶⁸⁷ Иначе, перед нами член общества, не достигший зрелого возраста и не прошедший инициацию. Естественно, он неполноправный член общества, но только в том смысле, что не пользуется правами тех, кто входит в высшую поло-возрастную группу. Здесь нет социального неравенства, хотя в родовом обществе холоп, будучи «молодым представителем племени», служит «любому старшему в роде».⁶⁸⁸ Но это — временная роль: с наступлением зрелости и прохождением инициации холоп становился полноправным членом рода и племени. Ясно, что при таких порядках о классовом образовании и речи быть не может.

Совсем иное дело, когда слово «холоп» наполняется социальным содержанием. В этом случае возрастной критерий теряет прежний смысл: холопами делаются люди, независимо от возраста. Но теперь они, попадая в услужение к господину, превращаются в лица, социально неполноценные, поменявшие свою свободу на «работ-

⁶⁸³ Свердлов М. Б. Челядь и холопы... С.50.

⁶⁸⁴ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С.155.

⁶⁸⁵ Свердлов М. Б. Челядь и холопы... С.51.

⁶⁸⁶ См.: Львов А. С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С.252.

⁶⁸⁷ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. С.166-167.

⁶⁸⁸ Там же.

ное» ярмо. Завязывается процесс формирования холопства как сословия или класса, занимающего собственное положение в общественной структуре, отличное от положения других социальных категорий. Но это становится реальностью лишь при разложении родового строя, происходившего, как мы неоднократно отмечали, в конце X – начале XI в. Понятно, почему именно в это время термин «холоп» приобретает социальное звучание.

Впервые он упоминается в летописи под 986 г. в речи миссионера-«философа», склонявшего Владимира принять христианство: «В Самарии же царьствова Иеровам, холоп Соломан, иже створи две корове злате, постави едину в Вефиле на холме, а другую в Еньдане, рек: "Се бога твоя, Израилю". И кланяхуся людье, а бога забыша». ⁶⁸⁹ Царь иудейский Иероваоам выступает тут в качестве холопа Соломона. По А. А. Зимину, «"холоп" в рассказе летописи фигурирует как раб, слуга уже с известным оттенком презрения». ⁶⁹⁰ Суждение слишком определенное и категоричное. Приведенный летописный отрывок позволяет говорить только о какой-то зависимости Иероваоама от Соломона, степень и характер которой установить, опираясь на цитированный текст, невозможно. Не улавливается в нем и «оттенок презрения». Мы имеем лишь голый факт: Иероваоам — холоп Соломона. Важно, однако, что в летописной записи слово «холоп» уже не имеет того возрастного смысла, который был характерен для родового быта. Если согласиться с предположением А. А. Шахматова о том, что эта запись сделана при Ярославе, когда был составлен Древнейший свод 1039 г., ⁶⁹¹ то можно указать примерное время появления нового значения термина: это опять-таки рубеж X–XI вв.

Неоценимую услугу исследователю оказывает Русская Правда, в частности статья 17 Краткой Правды, где читаем: «Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где

⁶⁸⁹ ПВЛ. Ч.1. С.68.

⁶⁹⁰ Зимин А. А. Холопы на Руси... С.66.

⁶⁹¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С.147.

его налезуть удареныи той мужь, да бьютъ его».⁶⁹² В Пространной Правде встречаем аналогичную статью, в которой есть указание на то, кем была внесена в законодательный сборник статья 17 Краткой Правды: «А се аже холоп ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затем аче и кде налезеть удареныи ть своего истыця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором».⁶⁹³ Последняя 65 статья Пространной Правды позволяет сделать предположение о принадлежности статьи 17 Краткой Правды к законодательству князя Ярослава Владимировича,⁶⁹⁴ а также о вхождении ее изначально в состав Древнейшей Правды, или Правды Ярослава. Впрочем, в исторической литературе существует мнение о позднем происхождении статьи 17 сравнительно с остальными статьями Древнейшей Правды. Такова, например, точка зрения Б. Д. Грекова.⁶⁹⁵ Впечатление «позднейшей интерполяции» вызвала эта статья у А. И. Яковлева.⁶⁹⁶ К Б. Д. Грекову и А. И. Яковлеву присоединился И. И. Смирнов. Правда, в отличие от названных исследователей, не утруждавших себя особенно доказательствами на сей счет, он попытался привести некоторые обоснования своей точке зрения.

И. И. Смирнов исходил из убеждения, что термин «холоп», а следовательно и статья 17, есть исключительная принадлежность Правды Ярославичей.⁶⁹⁷ Но, обращаясь к идентичной 65 статье Пространной Правды с ее указанием «Ярослав был уставил», историк датировал статью 17 временем не ранее первой половины XI столетия,⁶⁹⁸ допуская тем самым если не вхождение этой ста-

⁶⁹² Правда Русская. I. Тексты. М.; Л., 1940. С.71.

⁶⁹³ Там же. С.112.

⁶⁹⁴ См.: Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. М.; Л., 1966. С.43; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С.162; Зимин А. А. Холопы на Руси... С.63.

⁶⁹⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. С.188.

⁶⁹⁶ Яковлев А. И. Холопство и холопы... С.293.

⁶⁹⁷ Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII-XIII веков. М.; Л., 1963. С.103.

⁶⁹⁸ Там же. С.104.

тьи в Правду Ярослава, то, во всяком случае, ее существование до составления Правды Ярославичей. В итоге провозглашенная И. И. Смирновым принадлежность термина «холоп» Правде Ярославичей теряет свою исключительность.

Установив ранний предел времени составления статьи 17, автор получил, как ему кажется, право вывести данную статью за рамки Древнейшей Правды, созданной якобы на основе «Закона Русского», восходящего к эпохе более древней, чем первая половина XI в.⁶⁹⁹ Мы очень сомневаемся в том, что Древнейшая Правда отражает общественные отношения VIII–IX вв., как полагал Б. Д. Греков,⁷⁰⁰ или первой половины X в. (времен договоров с греками), как считал И. И. Смирнов.⁷⁰¹ С нашей точки зрения, Древнейшая Правда (Правда Ярослава) — законодательный памятник, запечатлевший общественные условия Руси конца X — начала XI в., связанные с ломкой родовых отношений.⁷⁰² Древнейшая Правда всецело принадлежит новой переходной (от первобытно-родового быта к общинно-территориальному) стадии развития Руси, хотя и основана на традиционных принципах обычного права. Вот почему упоминание в ней холопа, бывшего продуктом распада родового строя, вполне естественно.⁷⁰³ Следовательно, нет никаких причин относить, по примеру И. И. Смирнова, термин «холоп» только к Правде Ярославичей.

Несколько иначе, чем И. И. Смирнов, решает задачу Л. В. Черепнин, который тоже говорит об отсутствии в Древнейшей Правде, составленной, по мнению ученого, Ярославом в 1016 г., статьи 17, но при этом он, не различая по существу терминов «челядин» и «холоп», полагает, будто данная статья «представляет собой до-

⁶⁹⁹ Там же.

⁷⁰⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь. С.188.

⁷⁰¹ Смирнов И. И. Очерки... С.104.

⁷⁰² См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь... С.110–111.

⁷⁰³ С этой точки зрения неприемлемой является догадка Н. Л. Рубинштейна, согласно которой термин «холоп» статьи 17 «принадлежит позднейшей редакции». — Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодалного строя Киевской Руси // Археологический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С.8.

полнение к ст.11 Древнейшей Правды, где также речь шла об укрывательстве несвободного человека, только не его владельцем, а другим лицом. Дополнение это вполне могло быть сделано в 1036 г. Новый термин "холоп" заменил старое словоупотребление "устава и закона русского" — "челядин"». ⁷⁰⁴ Думается, Л. В. Черепнин тут не прав, поскольку статья 11 и статья 17 Правды Ярослава посвящены разным казусам. В первой законодатель имеет в виду злостное укрывательство чужого раба-челядина, нарушающее право собственности рабовладельца, а во второй — вполне легальную, предусмотренную законом возможность оказать провинившемуся рабу-холопу покровительство, ⁷⁰⁵ спасая его от расправы со стороны «ударенного мужа». Нельзя поэтому рассматривать статью 17 как дополнение к статье 11. Перед нами два самостоятельных установления, касающиеся различных казусов. А это показывает поспешность вывода Л. В. Черепнина о замене термина «челядин» термином «холоп». Вернее было бы говорить о сосуществовании этих терминов в той части Краткой Правды, которую исследователи называют Древнейшей Правдой, или Правдой Ярослава. ⁷⁰⁶

Таким образом, статья 17 знакомит нас с представителем новой, так сказать, популяции рабов в Древней Руси — холопом. Она замечательна еще и тем, что поверяет одну из важнейших причин, побуждавших свободных людей менять свою свободу на холопью нево-

⁷⁰⁴ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С.161, 162. В другом месте у Л. В. Черепнина читаем: «За то, что ст.17 представляет собой позднейшую вставку, говорит и встречающийся только в ней термин "холоп". Во всех других статьях Древнейшей Правды употребляется термин "челядин"». — Там же. С.129.

⁷⁰⁵ См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1902. Т.1. С.111.

⁷⁰⁶ Считаю ошибочным утверждение Н. Л. Рубинштейна о том, будто статья 17 «не подтверждает одновременного существования обоих терминов — "челядин" и "холоп"» (Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси. С.8). Данная статья, по нашему убеждению, подтверждает как одновременное существование названных терминов, так и одновременное существование на Руси в начале XI в. двух видов рабства — челядинства и холопства.

лю: стремление найти покровительство и защиту, а то и элементарную материальную помощь, чтобы попросту выжить. Понятно, что подобное стремление могло возникнуть в обстановке расстройства традиционных общественных связей, обеспечивающих безопасность и благополучие индивида в родовом обществе. Кроме того, статья 17 свидетельствует о приобретении термином «холоп» социального смысла взамен прежнего возрастного содержания, поскольку холоп «здесь ясно определяет крайнюю степень рабской зависимости от господина, так как ему грозило смертью оскорбление "свободного мужа"». ⁷⁰⁷ Статья, наконец, помогает исследователю разобраться в том, когда это все произошло, указывая на конец X — начало XI в.

Из сказанного выше следует, что состав рабов в Древней Руси на рубеже X—XI вв. претерпевал существенные изменения, пополняясь за счет представителей местного населения. Такой ход развития рабства на Руси показывает ошибочность широко распространенного среди новейших историков мнения о замене в XI в. термина «челядин» словом «холоп». ⁷⁰⁸ Между тем, некоторые исследователи выводят отсюда концептуальные идеи насчет социальной эволюции Руси. К ним относится, в частности, И. И. Смирнов, для которого «наличие в Краткой Правде двух параллельных терминов — «холоп» и «челядин» — представляет большой интерес в плане социальном, позволяя поставить эти термины в связь с общим процессом развития социально-экономических отношений Руси в XI в. Дело в том, что внутри Краткой Правды термины «холоп» и «челядин» четко размежевываются, распределяясь между Древнейшей Правдой и Правдой Ярославичей». ⁷⁰⁹ По И. И. Смирнову, это означает, что в Правде Ярославичей произошла замена термина «челядин» на термин «холоп». Сама же смена терминов «представляет собой отражение и выражение тех процессов, которые характеризуют эволюцию

⁷⁰⁷Зимин А. А. Холопы на Руси... С.65. По терминологии А. А. Зимина, холоп статьи 17 — это «дворовый раб». — Там же.

⁷⁰⁸См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С.111-129.

⁷⁰⁹Смирнов И. И. Очерки... С.103.

челяди. В XI в. понятие «челядин» уже перестало быть адекватным понятию «челядь»: "термин челядь в XI в. включает в себе уже понятие более сложное, чем рабы". Поэтому единый и аморфный термин «челядин» в Правде Ярославичей "заполняется новым содержанием", распадаясь на челядина-смерда и челядина-холопа и включая в себя и такой ингредиент, как «рядович» (которому посвящена ст.25 Правды Ярославичей)".⁷¹⁰

Сложность, однако, состоит в том, что термин «челядин» присутствует в Пространной Правде. Этот для И. И. Смирнова «неожиданный факт» находит «удовлетворительное объяснение в характере Пространной Правды», составитель которой воспроизвел архаический термин, потерявший реальный смысл. Поэтому причину «возрождения в тексте Пространной Правды термина "челядин" (отсутствующего в Правде Ярославичей) следует искать не в области социально-экономических отношений Руси XII-XIII вв., а в редакционных особенностях текста Пространной Правды, сохранившей в статьях с термином "челядин" (как и в некоторых других) архаическую терминологию источников, положенных в основу данных статей».⁷¹¹

Ссылка на «редакционные особенности Пространной Правды» при объяснении наличия в ней термина «челядин» нас удовлетворить не может. Ее отвергает и такой знаток Русской Правды, как А. А. Зимин. «Трудно допустить, — пишет он, возражая И. И. Смирнову, — что в лице составителя Пространной редакции Русской Правды мы встречаем лишь "механического сводчика" старых текстов. К тому же термин "челядь" не исчез, а продолжал существовать в XII-XIII вв. (в Галиче и Новгороде во всяком случае)".⁷¹² К этому надо добавить, что с челядью и челядином мы встречаемся не только в XII-XIII вв., но в XI в., причем и в других местностях

⁷¹⁰ Там же. С.106.

⁷¹¹ Там же. С.106, 108, 112. До И. И. Смирнова сходной точки зрения придерживался А. И. Яковлев, который полагал, что термин «челядин» был Пространной Правдой «механически унаследован от краткой редакции». — Яковлев А. И. Холопство и холопы. С.294.

⁷¹² Зимин А. А. Холопы на Руси. С.171.

Руси, помимо Галича и Новгорода.⁷¹³

Что касается «четкого размежевания» терминов «челядин» и «холоп» между Древнейшей Правдой и Правдой Ярославичей, то оно, как мы видели, размыто са-

⁷¹³В канонических ответах митрополита Иоанна II, относимых к 1080-1089 гг., говорится: «Прощал еси о неких, иже купять челядь. . . последи же продавше в поганья» (Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1880. Стб.10-11). Челядь здесь выступает как обычное явление общественной жизни Руси второй половины XI в. Под 1095 г. в Повести временных лет читаем о походе на половцев Святополка Изяславича с Владимиром Мономахом: «Святополк же и Володимер идоста на вежи, и взяста веже, и полониша скоты и коне, вельблуды и челядь и приведоста я в землю свою» (ПВЛ. Ч.1. С.143). Летописец пользуется термином «челядь» в качестве привычного и понятного своим современникам. Из Поучения Владимира Мономаха узнаем, что князь ходил вместе «с черниговци и с половци, с читеевичи, к Меньску. изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» (Там же. С.160). Было это в 1084 г. (см.: Алёксеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX-XIII вв. М., 1966. С.250; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978. С.72). Приведенные показания источников свидетельствуют о том, что челядь, челядин во второй половине XI в. по-старому существовали и в терминологии и в самой жизни. А. А. Зимин, как мы видели, упоминает в связи с челядью XII-XIII столетия, и это, по видимому, не случайно, поскольку он полагает (сближаясь в данном отношении с И. И. Смирновым), что прежний термин «челядь» исчезает «из княжеского Устава середины XI в.» (Зимин А. А. Холопы на Руси. . . С.170-171. См. также: Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси. С.8). Историк говорит и о смене терминов: «В княжеском Уставе Ярославичей впервые ясно видна смена старого термина "челядь" термином "холоп". Теперь термин "холоп" употребляется для обозначения всех категорий рабов. . . Термин "челядь" на целое столетие исчезает из летописи и Русской Правды и сохраняется лишь в церковной литературе, где он имеет свою историю, или приобретает позже иной смысл, близкий по значению к военнопленным. Так было, в частности, в Галиче с XII в.» (Там же. С.74-75). Эти суждения А. А. Зимина надо признать ошибочными. Слово «челядин» в значении раб-военнопленный было известно еще в X в. Термины «челядь», «челядин» вопреки А. А. Зимину из летописи, как мы только что убедились, не исчезают.

мим И. И. Смирновым, датировавшим статью 17 отрезком времени («не ранее первой половины XI в.»), предшествовавшим законотворчеству Ярославичей.⁷¹⁴ Необходимо также помнить об условности обращения исследователей к Древнейшей Правде и Правде Ярославичей. Ведь они не располагают двумя отдельными и самостоятельными законодательными кодексами, а держат в руках Краткую Правду, соединившую в себе разновременные законоположения. По мнению авторитетных ученых, она отличается цельностью.⁷¹⁵ «Для того, чтобы разделить Краткую Правду на два различных документа, — пишет М. Н. Тихомиров, — надо иметь уверенность в том, что мы имеем в ней обычный сборник, в который были вписаны два памятника, лишь механически соединенные вместе. Но как раз эта мысль и не может быть доказана, так как есть все основания думать, что дошедший до нас текст Краткой Правды представляет собой сборник, положивший в свое основание несколько источников, которые соединены в один памятник после соответствующей переработки и редакционных изменений».⁷¹⁶

А вот суждение другого крупного специалиста в области изучения Русской Правды: «Правда Ярослава вместе с новеллами Ярослава и Правда Ярославичей с новеллами Ярославичей существовали самостоятельно. Вероятно, наблюдались противоречия между их нормами или во всяком случае существовали различия в формулировках отдельных норм. Естественно, что в конце концов возникла настоятельная необходимость в объединении этих двух основных пластов, норм Русской Правды. Это объединение и было произведено. Была составлена Краткая Правда».⁷¹⁷

Если согласиться с М. Н. Тихомировым и С. В. Юш-

⁷¹⁴ В другом месте своей книги И. И. Смирнов пишет, что вопрос о холопстве стал впервые предметом законодательства «во времена Ярослава и Ярославичей» (Смирнов И. И. Очерки. . С.117). Отнеся холопий вопрос ко временам Ярослава, автор нанес еще один удар по собственной схеме.

⁷¹⁵ См., напр.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С.44.

⁷¹⁶ Там же. С.45.

⁷¹⁷ Юшков С. В. Русская Правда. . . С.343. Некоторые исследова

ковым (а нам кажется, что с ними нужно согласиться), придется тогда признать, что упоминание челядина в той части Краткой Правды, которую принято называть Древнейшей Правдой, или Правдой Ярослава, актуально для всех ее частей, т. е. для законодательного сборника в целом. А это означает, что челядь как рабская категория существовала на Руси и во времена Ярославичей во второй половине XI в., что никакой замены челяди холопами не произошло, а обе группы рабов (и челядь и холопы) бок о бок жили в древнерусском обществе, не вытесняя и не сменяя друг друга. Причиной тому были разные источники происхождения челядинства и холопства: в первом случае войны и плен, а во втором — внутренние процессы имущественной и социальной дифференциации. Челядинство было древней формой рабства, возникшей в эпоху восточнославянской первобытности. Оно значительно старше холопства, что закономерно, ибо «рабство соплеменников становится возможным лишь при разрушении кровнородственных отношений, вытеснении их связями территориальными...». ⁷¹⁸ Возможность эта, как мы знаем, появилась в конце X — начале XI в. Однако М. Б. Свердлов уверяет, будто «холопство как общественный институт сложилось до XI в.». ⁷¹⁹ Ему кажется, что Краткая Правда подтверждает такое предположение. Тут М. Б. Свердлов, похоже, обольщается. Краткая Правда, по обоснованному мнению И. И. Смирнова, отразила в себе «начальный этап истории термина "холоп"». ⁷²⁰ То же самое, конечно, надо сказать и о холопстве как социальном явлении. Простое сопоставление Краткой Правды с Пространной Правдой убеждает в

гели высказывали иное, менее обоснованное, на наш взгляд, мнение о том, что в Краткой Правде заключены самостоятельные, не связанные между собой правовые памятники. Сравнительно недавно это мнение развивал Н. Н. Гринев. — См.: Гринев Н. П. Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // Новгородский исторический сборник. 3 (13). Л., 1989. С.20-42.

⁷¹⁸ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С.131.

⁷¹⁹ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С.158.

⁷²⁰ Смирнов И. И. Очерки... С.106.

мысли о холопстве XI в. как формирующемся институте, т. е. находящемся в процессе становления.

При чтении Краткой и Пространной Правды замечаем стремительный количественный рост статей, прямо или косвенно касающихся холопов. Краткая Правда имеет 3 таких статьи, а Пространная Правда — 19 статей. Кроме того, в ней содержится ряд статей, где вопрос о холопах всплывает в связи с социальным превращением того или иного лица в результате действий, которые расцениваются как правонарушения. Это статьи о закупе (56, 61, 64) и о купце-банкроте (54-55). Нарастание таких статей — верный признак не сложившегося холопства, а формирующегося. В данной связи любопытно отметить, что только во времена Пространной Правды возникла необходимость юридически определить источники холопства. Это было сделано в статье 110 Пространной Правды: «Холопство обелное трое: оже кто котя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самем холопемь; а второе холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же стоять; а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжеть ключь к себе без ряду, с рядомь ли, то како ся будеть рядил, на том же стоять».⁷²¹

Данная статья породила толки в научной литературе. Еще В. Лешков отмечал, что Русская Правда «допускает и указывает только три источника обельного холопства» и «при этом именно говорит, что обельное холопство только трое».⁷²² Однако далеко не все исследователи так думали. Многим показалось, будто кодификатор по недосмотру упустил иные способы пополнения обельного холопства, известные в Древней Руси. «Наш первый юрист-систематик, — писал В. И. Сергеевич, — просмотрел, что есть и другие виды обельного холопства: плен и еще три, на которые можно найти указания даже в тексте Правды: 1) бегство закупа; 2) рождение от невольных родителей и 3) несостоятельность».⁷²³ Укор

⁷²¹ Правда Русская. I. Тексты. С.116.

⁷²² Лешков В. Русский народ и государство. М., 1858. С.151-152.

⁷²³ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. I. С.146-

этот довольно часто повторялся в трудах историков, о чем Б. А. Романов не без иронии как-то заметил: «Стало признаком хорошего тона у многих исследователей мимоходом упрекнуть составителя "Устава" в том, что он (в ст.110) "просмотрел, что есть и другие виды обельного холопства", кроме перечисленных в ст.110 трех ("холопство обельное трое")». ⁷²⁴ Б. А. Романов напоминал, что Устав о холопах — «не учебник права, регистрирующий систематически все разновидности того или иного предмета, о котором зашла речь. Это — документ прежде всего практический, преследующий определенную политическую цель — признать на будущее законным лишь такой переход свободных в обельное холопство, в котором не было бы принуждения со стороны господ и тогда уже считать, что бывший свободный ни под каким видом не может поднять спора о своем холопстве». ⁷²⁵ И здесь Устав «ставил свою задачу слишком четко, чтобы затемнять суть дела нагромождением лишних деталей — ради нашего ученого педантизма». ⁷²⁶

Мысль Б. А. Романова о добровольном переходе свободных в обельное холопство, засвидетельствованном статьей 110, не являлась совершенной новостью в историографии древнерусского рабства. В тех или иных вариациях она звучала и раньше. Так, М. А. Дьяконов специфику статьи 110 находил в том, что она отразила переход в холопство по почину самих поступающих в холопы. ⁷²⁷ О поступлении в холопы по доброй воле, закрепленном законодательно в упомянутой статье, говорил и М. В. Довнар-Запольский. ⁷²⁸ С. В. Юшков, вчитываясь в текст все той же статьи, обнаружил превращение свободного человека в обельного холопа «без формального принуждения». ⁷²⁹

Эти соображения историков были оспорены И. И. Смир-

⁷²⁴ Романов Б. А. Люди и нравы... С.225-226.

⁷²⁵ Там же. С.226.

⁷²⁶ Там же.

⁷²⁷ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С.105-106.

⁷²⁸ Довнар-Запольский М. В. Холопы// Русская история в очерках и статьях/ Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., б/г. С.322.

⁷²⁹ Юшков С. В. Очерки... С.65.

новым, который полагал, что путь к выяснению вопроса об источниках обельного холопства, перечисленных в статье 110, открыл В.О.Ключевский, назвавший их «гражданскими источниками» холопства.⁷³⁰ По И.И.Смирнову, «формула Ключевского о "гражданских источниках" обельного холопства ст.110, конечно, гораздо глубже раскрывает существо этих источников, чем слова Дьяконова о "доброй воле поступающего" или тезис С.В.Юшкова и Б.А.Романова об отсутствии "принуждения", указывая на то, что корни этих источников обельного холопства следует искать в "гражданских" отношениях, т.е. в отношениях экономических. Иными словами, здесь свободный человек превращается в обельного холопа силой самих экономических отношений без применения политического насилия».⁷³¹

Следует согласиться с уточнением И.И.Смирнова, основанным на идее В.О.Ключевского о гражданских источниках обельного холопства статьи 110. Но это не исключает полностью возможность добровольного (без принуждения) поступления свободного человека в обельное холопство, о чем говорили исследователи, которым оппонирует И.И.Смирнов. Верно то, что в обельные холопы свободный люд нередко загоняла крайняя нужда, в результате чего добрая воля при переходе в несвободное состояние выглядела весьма условной, по существу — фиктивной.⁷³² Однако подобного рода ситуация не исчерпывает многообразия случаев, побуждавших людей Древней Руси поступать своей свободой. Было бы упрощением рассуждать так, будто переход свободных в обельное холопство — следствие одной лишь порабощительной политики господ. Для некоторых лиц жизнь в холопах являлась заманчивой, поскольку давала им покровительство, защиту перед внешним миром, а порой сулила материальный достаток и даже — богатство.⁷³³ Как бы там ни было, ясно одно: статья 110 Пространной Правды трактует о внутриобществе

⁷³⁰ Ключевский В. О. Соч.: В 9-ти т. М., 1990. Т. VIII. С. 129-130.

⁷³¹ Смирнов И. И. Очерки... С. 222-223.

⁷³² Там же. С. 223-224.

⁷³³ Вероятно, о таких, обогатившихся холопах, злословил Даниил Заточник: «Не лепо у свинии в нозрех рясы златы, тако на холопе орты дороги. Аще бо были котлу во ушию златы колца, но дну

ственном рабстве, возникающем прямо и непосредственно, а не опосредовано через холопье состояние родителей, криминальные казусы и, конечно же, не через плен, поскольку пленение, как мы знаем, вело в челядинство — рабство внешнего происхождения, в отличие от холопства, порожденного внутри общины. Что касается криминальных казусов, то они связаны с закупом правонарушителем и неоплатным должником.

О последнем речь идет в статье 54 Пространной Правды: «Иже который купец, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться любо рать возметь, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платити, зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортити, то како любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля». ⁷³⁴ Злостный должник фигурирует и в статье 55 Русской Правды: «Аже кто многим должен будеть, а пришел господь (гость) из инога города или чюжеземець, а не ведаея запустити за нь товар, а опять начнеть не дати гости кун, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому». ⁷³⁵

В научной литературе давно ведется спор о том, как понимать термин «продати» статей 54–55. Одни исследователи предполагали продажу имущества должника, ⁷³⁶ а другие — продажу в рабство самого должника. ⁷³⁷ М. Н. Тихомиров считал, что «вопрос решается

его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени». — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С.60-61.

⁷³⁴ Правда Русская. 1. Тексты. С.110.

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ См., напр.: Удинцев В. История займа. Киев, 1908. С.140; Струмилин С. Г. Договор займа в древнерусском праве. М., 1929. С.29-30; Греков Б. Д. Киевская Русь. С.185-187.

⁷³⁷ См., напр.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Г.1. С.148; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского

беспорным свидетельством проекта договора Новгорода с Любеком 1269 г. о продаже в холопство несостоятельного должника». ⁷³⁸ Действительно, в проекте договорной грамоты сказано: «А поручится жена за своего мужа, и итти ей в холопство за долг вместе со своим мужем, если они не могут заплатить...». ⁷³⁹ Но есть более близкое по времени свидетельство, принадлежащее арабскому путешественнику Абу Хамиду ал-Гарнати, побывавшему на Руси в 1150–1153 гг. «У славян, — рассказывает он, — строгие порядки. Если кто-нибудь нанесет ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту или нарушит законность каким-нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его. ... А страна их надежная. Когда мусульманин имеет дело с кем-нибудь из них и славянин обанкротился, то продает он и детей своих и дом свой и отдает этому купцу долг». ⁷⁴⁰ А. Л. Монгайт, опубликовавший записки Абу Хамида, заметил: «Не будем комментировать сообщение Абу Хамида о славянских законах, поскольку оно в основном не противоречит тому, что мы знаем из "Русской Правды". Отметим лишь, что оно говорит скорее в пользу тех исследователей, которые считали, что неисполнение обязательств по древнерусскому праву ведет к рабству». ⁷⁴¹ Этот вывод был поддержан В. В. Мавродиным, подчеркнувшим, что после публикации А. Л. Монгайта вряд ли

права. СПб.; Киев, 1907. С.407; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С.106; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С.99; Гусаков А. Д. О ростовщичестве в Киевской Руси// Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957. С.289; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С.238-239; Покровский С. А. Общественный строй... С.157-158; Зимин А. А. Холопы на Руси... С.165-167.

⁷³⁸ Тихомиров М. Н. Пособие... С.99.

⁷³⁹ ГВНП М.; Л., 1949. №31. С.61.

⁷⁴⁰ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) М., 1971. С.36-37.

⁷⁴¹ Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в Русские земли 1150–1153 гг.// История СССР. 1959, №1. С.179-180

есть основания сомневаться в продаже несостоятельно-го должника в рабство.⁷⁴² А. А. Зимин, приведя известие Абу Хамида, резюмировал: «Итак, неисполнение долговых обязательств (безотносительно к их происхождению) вело к продаже должника в рабство».⁷⁴³ Но затем А. А. Зимин заявляет, что «неплатежеспособный должник» становился закупом, что «разорившиеся, одолжавшие кушцы, очевидно, попадали в состав необельных холопов-закупов».⁷⁴⁴ Однако закуп — не раб, а полусвободный, находящийся на грани между свободой и рабством.⁷⁴⁵ Поэтому неоплатный должник, проданный в рабство, не являлся закупом. Он становился холопом, т. е. рабом.

Итак, статьи 54-55 Пространной Правды запечатлели внутренний источник рабства, за которым, по все-му вероятно, скрывалось холопство, хотя этот термин в статьях не фигурирует. Наше предположение делает оправданным статья 117, которая служит своеобразной иллюстрацией к статьям 54-55. В ней говорится: «Аже пустить холоп в торг, а одождает, то выкупати его господину и не лишитися его».⁷⁴⁶ Надо думать, господин выпускал в торг тех холопов, которые имели необходимый опыт торговых сделок и операций. При всех оговорках занятия кушца — все же специализированные занятия. Посему в купеческой деятельности вопрос о «квалификации», или о профессиональной подготовке, занимал, конечно, не последнее место. Господин, выпуская в торговую стихию холопа, надеялся, видимо, получить какую-то выгоду. Естественно, он поручал торговлю набившему в этой отрасли руку холопу. Логич-

⁷⁴² Мавродин В. В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // История СССР. 1962, № 1. С. 72.

⁷⁴³ Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 167.

⁷⁴⁴ Там же. Идея о холопе-закупе родилась еще в дореволюционной историографии. М. Ф. Владимирский-Буданов, например, рассуждал о временном холопстве, которое в «земский период» именовалось закупничеством. «Права господина на закупа или служилого холопа отличались от прав на полного холопа». — Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 406-407.

⁷⁴⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 126-136.

⁷⁴⁶ Правда Русская. 1. Тексты. С. 117.

по предположить, что торгующий холоп был в прошлом купцом, который, разорясь, не смог расплатиться с долгами и оказался проданным в холопы, как то предписывал закон, в частности статьи 54-55 Пространной Правды. В нашем предположении мы не одиноки. «Спрашивается, — писал Б. А. Романов, — кому естественнее всего мог поручить вести свои торговые операции господин, как не бывшему "купцу", если бы ему удалось заиметь к себе в "работное ярмо" такого ("одолжавшего") несчастливца-профессионала?». ⁷⁴⁷ Статья 117, таким образом, дает право заключить о принятой на Руси практике продажи в холопство неоплатного должника из купцов, обозначая внутренний резерв пополнения холопского сословия.

На путь в холопы легко мог соскользнуть и закуп. Пространная Правда называет обстоятельства, при которых закупа обращали в холопов. «Аже закуп бежит от господы, — говорит статья 56, — то обель; и деть ли искать кун, а явлено ходит, или к судиям бежит обиды дея своего господина, то про то не работять его, но дати ему правду». ⁷⁴⁸ Стало быть, за побег закуп платил воей, хотя и весьма урезанной, свободой, становясь холопом. Закупничество — явление внутреннего развития древнерусского общества. Поэтому переход закупа в холопы надлежит рассматривать как социальное превращение, происходящее в недрах общественной организации Руси. Это — вывод по первой части статьи 56. Что касается второй ее части, то и здесь перевод в холопы, оставленный вне закона, но в жизни, по-видимому, все же случавшийся (иначе, какой смысл запрещать!), уходил корнями в местную социальную почву.

Воровство, совершенное закупом, влекло за собой его превращение в холопа, о чем узнаем из статьи 64 Пространной Правды: «Аже закуп выведеть что, то господин в немь, но оже кде и налезуть, то преди заплатити господин его конь или что будеть ино взял, ему холоп белныи; и паки ли господин не хотети начнет платити а нь, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или а вол, или за товар, что будеть чужего взял, а прок ему

⁷⁴⁷ Романов Б. А. Люди и нравы. . . С. 62.

⁷⁴⁸ Правда Русская. 1. Тексты. С. 110-111.

самому взять себе». ⁷⁴⁹ Характер порабощения здесь тот же, что и в статье 56.

Существенный интерес представляет статья 111, гласящая: «А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатьце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть». ⁷⁵⁰ В холопы, следовательно, «роботять». Значит, холопство — это рабство. Люди, живущие на господском «хлебе» и «придатке», — «совершенные пауперы, которые ищут, как бы перебедовать надвигающийся на них голодный год в ожидании лучшей конъюнктуры». ⁷⁵¹ Закон защищает этих людей от порабощительной политики господ, ⁷⁵² которые «роботили» их и «по хлебе» и «придатке», считая, что «и то и другое давалось безвозвратно». ⁷⁵³ Тут снова вырисовывается внутриобщественный источник холопства. Вместе с тем здесь проглядывает стремление законодателя ограничить аппетиты холоповладельцев, остановить разрастание холопства, сохранить некое равновесие общественных сил, а следовательно, и относительное согласие в обществе. То был общий принцип, характерный для древнерусского законодательства. Его воплощение мы наблюдаем в Пространной Правде, а именно в тех ее статьях, где речь идет о неплатежеспособных должниках, закупах и холопах. Во всех этих статьях холопство подвергается либо регламентации, либо ограничению, преследующих цель смягчения чреватых общественными потрясениями социальных противоречий, или обеспечения внутреннего мира. ⁷⁵⁴

Отсюда сам собою напрашивается вывод о холопстве как институте, зарождение и развитие которого было псецело связано с процессами имущественного и сословного расслоения населения Древней Руси, чем оно отличалось от челядинства, формировавшегося в ходе войн и за счет пленников, т. е. чужаков. Надо полагать, что холопы, будучи выходцами из местных людей, пользо-

⁷⁴⁹ Там же. С. 111.

⁷⁵⁰ Там же. С. 116.

⁷⁵¹ Романов Б. А. Люди и нравы... С. 67.

⁷⁵² Там же. С. 225.

⁷⁵³ Там же. С. 67.

⁷⁵⁴ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь... С. 238-254.

вались некоторыми послаблениями сравнительно с челядью, пришедшей извне и потому противостоящей не только своим конкретным владельцам, но и обществу в целом. Эти послабления лежали в сфере дееспособности и правоспособности лиц, состоящих в холопстве.

В исторической литературе вопрос о дееспособности и правоспособности холопов в Древней Руси принадлежит к числу спорных, неоднозначных. П. И. Беляеву древнерусский холоп казался «субъектом права, отнюдь не вещью, лицом правоспособным и дееспособным, могущим совершать гражданские сделки, иметь долги, движимое и недвижимое имение и иметь публичные права».⁷⁵⁵ Взору М. Ф. Владимирского-Буданова открылось двойственное положение холопов: «Относительно правоспособности холопов... в наших памятниках замечается двойственность. По одним источникам, определяющим юридическое положение холопов, последние лишены всякой правоспособности; по другим же, говорящим о фактическом положении их, они являются наделенными некоторыми правами».⁷⁵⁶ Существует точка зрения, отрицающая вообще правомочия холопов. Так, согласно Е. И. Колычевой, «холопы были лишены всяких элементов правоспособности».⁷⁵⁷ О полном бесправии холопов писал С. А. Покровский, по словам которого холоп есть объект права. Он — вещь, а не лицо. Закон ставит его на одну доску со скотом.⁷⁵⁸ С. А. Покровский не видит никаких различий между холопом и челядином, в решительных выражениях подчеркивая их тождество: «Между правовым положением челядина и холопа Русской Правды не было абсолютно никакой разницы. Различие терминов не дает никаких оснований к установлению различий между холопом и челядином».⁷⁵⁹

Однако, это не так. При чтении краткой редакции

⁷⁵⁵ Беляев П. И. Холопство и долговые отношения в древнерусском праве // Юридический вестник. 1915. Кн. IX (1). С. 134.

⁷⁵⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 412.

⁷⁵⁷ Колычева Е. И. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В. И. Ленина и советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. Сб. статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1970. С. 138.

⁷⁵⁸ Покровский С. А. Общественный строй... С. 166.

⁷⁵⁹ Там же. С. 167.

Русской Правды действительно складывается впечатление, что положение челядина и холопа ничем в сущности не отличается: как тот так и другой выступают в качестве безусловной собственности господина (статьи 11, 16, 17, 29). Челядин и холоп тут бесправны и являются не более, чем объектом права. Но это не должно нас смущать, поскольку Краткая Правда принадлежит той эпохе, когда холопство не вполне оформилось. Поэтому она столь скупое и невыразительное говорит о холопстве, пытаясь трактовать холопов, исходя из старых, привычных представлений о челяди. Однако жизнь побудила законодателей понять, что холоп и челядин — не одно и то же. Это начинают осознавать уже Ярославичи. Если при их отце оскорбивший свободного мужа холоп мог быть убит потерпевшим, то они, как явствует из статьи 65 Пространной Правды, вместо смертоубийства ввели телесное наказание. Новация Ярославичей была продиктована не столько нуждами холоповладельцев, защищающих эксплуатируемую ими рабочую силу (так думал Б. А. Романов⁷⁶⁰), сколько интересами самих холопов и, конечно же, холопов потенциальных из массы рядового свободного «людья», находящихся в холопстве прибежище от жизненных невзгод. В конечном счете мы упираемся в одну из важнейших общественных потребностей, связанных со смягчением внутреннего рабства, что в свою очередь служило мерой, предупреждающей социальные конфликты, вызывающие в обществе неустройства и смуту.

Обращаясь к Пространной Правде, замечаем, что челядин в ней изображен таким же, как и в Краткой Правде. Он — раб, пребывающий в полной власти своего господина, забитое бесправное существо, одним лишь отличающееся от «скота», — речью. Холоп же выглядит иначе. Его положение двойственное: с одной стороны, холоп, подобно челядину, лишен правоспособности, с другой, — наделен правами, заметно ослабляющими «работное ярмо», в которое он угодил. В чем же состояла правоспособность холопа? В статье 66 Пространной Правды сказано: «А послушества на холопа не складывают, но оже не будет свободного, но по ну-

⁷⁶⁰ Правда Русская. Учебное пособие. М.; Л., 1940. С.75.

ки сложити на боярьска тивуна, а на инех не склады-
вати». ⁷⁶¹ Формулировка довольно противоречивая: за-
прещающая холопу выступать свидетелем, законодатель тут
же пробивает брешь в своем запрете, указав на возмож-
ность послушества со стороны высшего разряда холо-
пов — боярских тиунов. Достаточно выразительна ста-
тья 85, которая определяет: «Ты тяже все судять по-
слухи свободными, будеть ли послух холоп, то холопу
на правду не вылазити; но оже хочеть истець, или иметь
и, а река тако: по сего речи емлю тя, но яз емлю тя, а
не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлеть
на немь свое; не обинить ли его, платити ему гривна за
муку, зане по холопыи речи ял и». ⁷⁶² Составителю ста-
тьи пришлось проявить большую изворотливость, что-
бы узаконить послушество холопа. Достоинно внимания
то, что холоп в ней прямо называется послухом.

Указания на послушество холопов сохранила не толь-
ко Пространная Правда. В житии Андрея Юродиво-
го читаем: «...хлапъ (холоп) онъ видокъ есть былъ». ⁷⁶³
Любопытное известие содержит Новгородская Первая
летопись, где под 1055 г. говорится: «В сем же лете
клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Ду-
дики, изиде из Новгорода и иде Киеву, о осуди митро-
полит Ефрим, и пребысть тамо 3 лета». ⁷⁶⁴ Холоп Ду-
дика, надо полагать, выступил в качестве послуха на
митрополичьем суде. По его показаниям и был осужден
новгородский епископ.

Приведенные сведения подтверждают предположение
о свидетельской практике холопов в Древней Руси. Но
право свидетельствовать по суду есть право свободного
человека. Холоп, пользующийся элементами этого пра-
ва, подымался тем самым над остальной массой рабов,
в частности над челядью, которой было вовсе заказано
всякое послушество.

Холопы, как видно из источников, заключали различ-
ные сделки по торговле и кредиту. Так, статья 116 Про-
странной Правды говорит: «Аче же холоп кде куны вло-
кить, а он будеть не ведая вдал, то господину выкупати

⁷⁶¹ Правда Русская. 1. Тексты. С.112.

⁷⁶² Там же. С.113.

⁷⁶³ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде... С.50.

⁷⁶⁴ НПЛ. М.; Л., 1950. С.182-183.

али лишиться его; ведая ли будеть дал, а кун ему лишися». ⁷⁶⁵ Холоп, следовательно, имел возможность совершать финансовые сделки, не скрывая своего холопства. Бывало так, что господин сам пускал холопа в торг (статья 117): «Аже пустить холопа в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишится его». ⁷⁶⁶ Размышляя по поводу этой статьи, И. И. Смирнов замечал, что упоминаемый ею холоп «определенно свидетельствует о существенно новых чертах в положении самого холопства, ибо, конечно, холоп, посылаемый господином в торг с полномочиями не только торговать, но даже и заключать сделки займа, — это совсем не тот холоп-челядин, который (ст.38) фигурирует на торгу как предмет купли-продажи, вызывающий ассоциации с там же покупаемым "скотом"». ⁷⁶⁷ И. И. Смирнов тонко уловил различие в положении рабов статей 38 и 117. Но он не сумел отличить челядина от холопа (отсюда у него терминологическое сращение «холоп-челядин»), и это помешало ему правильно и до конца понять суть этого различия, которое заключалось не в приобретении старой категорией рабов (челяди) иного, чем прежде, положения в обществе, а в появлении и развитии новой группы рабов (холопов), пользующихся некоторыми преимуществами по сравнению с другими собратьями-невольниками.

Статьи 116-117 Пространной Правды позволили И. И. Смирнову говорить по поводу холопа, «легально действующего в различных областях городской эконо-

⁷⁶⁵ Правда Русская. 1. Тексты. С.117. И. И. Смирнов, пожалуй, был прав, когда указывал на неисправность данного текста статьи 116 Троицкого списка, предпочитая пользоваться вариантом, представленным в Археографическом II списке: «Аще где холоп шлжеть куны, а он будеть не ведая вдал, то господину выкупати, а не лишатися, ведая ли будеть дал, то кун лишену ему быти» (Там же. С.315; Смирнов И. И. Очерки... 1963. С.175, 195). Нет причин входить нам сейчас в детальное обсуждение вопроса о том, какой из цитированных текстов ближе к протографу Русской Правды. Считаю лишь необходимым подчеркнуть, что холоп, судя по Пространной Правде, мог вступать в отношения с кредиторами.

⁷⁶⁶ Там же. С.117.

⁷⁶⁷ Смирнов И. И. Очерки... С.198.

мической жизни», занятого различными видами и формами «экономической деятельности вне господского двора». ⁷⁶⁸ В проникновении столь «оборотистого холопа» (термин Б. А. Романова, повторяемый И. И. Смирновым) в текст Русской Правды И. И. Смирнов узрел «то изменение в реальном экономическом положении холопа, которое должно быть поставлено в прямую связь с развитием городов как центров ремесла и торговли и, как следствие этого, развитие товарно-денежного обращения, в том числе и таких его форм, как торговый кредит (зарегистрированный в ст. 48 Пространной Правды) и ростовщичество-резоимство, вызвавшее специальное законодательство Владимира Мономаха — Устав о ревах (ст. 53 Пространной Правды)». ⁷⁶⁹ С исследователем можно отчасти согласиться. Развитие городов как центров ремесла и торговли, рост товарно-денежного обращения определили формы «экономической деятельности холопа вне господского двора», тогда как сама по себе его деятельность была обусловлена особенностями холопства как местного института, бывшего следствием той смягченной (сравнительно с челядинством) разновидностью рабства, допускавшего и, быть может, предполагавшего некоторую дееспособность порабощенных, — в прошлом полноправных свободных людей.

Если Пространная Правда, наделяя холопа экономической дееспособностью, лишает его правоспособности в этой сфере, устанавливая ответственность господина за сделки, совершенные им, то договор 1229 г. Смоленска с Ригою и Готским берегом говорит не только о торговой деятельности, но и о правомочии холопа. «Или Немечьский гость, — гласит статья 7 договора, — дасть колопу княжю или боярьску, а кто его задницу возьмет, то в того Немчичю товар взяти». ⁷⁷⁰ А. А. Зимин полагал, что настоящая статья «восходит к ст. 117 Пространной Правды, говорящей об ответственности хозяина за долги холопа. Однако в ст. 7 мы встречаемся с дальнейшим изменением положения холопа: статья уже знает

⁷⁶⁸ Там же. С. 175.

⁷⁶⁹ Там же.

⁷⁷⁰ Памятники русского права. М., 1953. Вып. II. С. 60-61.

имущество холопа (задница, останок). Это свидетельствует о расширении его самостоятельности и постепенном изживании рабства на Руси». ⁷⁷¹ Едва ли статья международного соглашения восходит к Пространной Правде, предназначенной для внутреннего пользования. Источником как статьи 7 договора Смоленска с Ригою и Готским берегом, так и статьи 117 Пространной Правды явилось реальное положение холопов в жизни, характеризующее их известной самодеятельностью. Статья 7 свидетельствует об имущественных и наследственных правах холопов в Древней Руси, об определенной ответственности холопов перед законом. Во всем этом мы видим не изживание рабства на Руси, как утверждал А. А. Зимин, а отражение своеобразного статуса холопов в древнерусском обществе, отношение последнего к рабам из сограждан, которые по экономической необходимости или каким-нибудь иным соображениям уходили в холопство.

Таким образом, и Русская Правда и другие источники дают основание заключить о наличии у древнерусских холопов элементов дееспособности и правоспособности, отделяющих эту категорию рабов от челяди, лишенной каких бы то ни было прав. Это позволяет отвести замечание А. А. Зимина в наш адрес: «Но так как автору не удалось доказать существования в Пространной Правде каких-либо черт различия в источниках и правовом положении холопства и челядинства, его предположение (об отличии холопов от челяди. — *И. Ф.*) не может быть принято». ⁷⁷² Как мы только что видели, «черты различия» холопов и челяди отчетливо проступают в письменных памятниках, в том числе и в Пространной Правде. Следовательно, нельзя смешивать холопов с челядью. Точно также нельзя смешивать поступление в холопы местных людей с пленением иноземцев и их обращением в рабство. Разные источники происхождения холопства и челядинства по-разному влияли на положение холопов и челядинов в древнерусском обществе, обеспечивая первым некоторые бытовые, экономические и юридические послабления и ставя вторых в

⁷⁷¹ Там же. С. 79.

⁷⁷² Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 191.

чень жесткие и суровые условия.⁷⁷³

Это мнение о челяди и холопах, высказанное нами еще в 1965 г.,⁷⁷⁴ вызвало неоднозначную реакцию у историков: и положительную и отрицательную. Об отношении А. А. Зимина мы уже знаем. А вот оценка П. В. Черепнина: «Замечания И. Я. Фроянова безусловно остроумны. Но из них никак не вытекает, что челядь состояла только из пленных. Мне кажется, этот тезис надо отвергнуть».⁷⁷⁵ Зато В. В. Мавродин целиком принял данный тезис: «Источники различают 1) челядина и 2) холопа... Более позднее появление термина "холоп" в источниках объясняется и более поздним применением его по отношению к определенной категории рабов. "Холопы" — рабы. Это ни у кого не вызывает сомнений. Но "холопы" — не "челядь". "Челядь" — это половьяники, в древности иноплеменники. Холопы же вербуются из среды соплеменников, внутри данного общества и являются продуктом тех социальных процессов, которые идут именно внутри данного общества. Поэтому источники холопства иные... Среди источников холопства нет только одного — плена. И это понятно. Пленный становился не холопом, а челядином».⁷⁷⁶ Разделяет нашу точку зрения и Л. В. Данилова. «К концу X—XI в., — пишет она, — плен потерял значение единственного источника пополнения контингента рабов, яв-

⁷⁷³ Различие в статусе рабов-иноплеменников и местных невольников отнюдь не составляло специфики, присущей древнерусскому обществу. Аналогичные порядки замечаем и у других народов. Например, у народов бассейна Конго существовала заметная разница правовом положении рабов. При этом «чужеземцы, захваченные в войнах, были самой бесправной категорией». — Львова Э. С. Складывание эксплуатации и ранней государственности у народов бассейна Конго // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток, 1995. С. 154.

⁷⁷⁴ См.: Фроянов И. Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ИГУ. 1965, № 2.

⁷⁷⁵ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 172.

⁷⁷⁶ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 62-63.

ственно обозначилось новое явление, отразившее существенные сдвиги в социальной структуре восточного славянства: появилось холопство — рабство соплеменников».⁷⁷⁷

Примечательный факт: отдельные исследователи, которые не согласились в принципе с нашим подходом к челяди и холопам, вынуждены все же развивать в какой-то части проблемы созвучные нашему взгляду идеи. Так, С. А. Покровский говорит: «С появлением местных социальных источников рабства входит в употребление новый термин — холоп...».⁷⁷⁸ У М. Б. Свердлова «основным источником холопства был не плен, а личная зависимость соплеменников, устанавливаемая в результате социально-экономических процессов».⁷⁷⁹

Холопство являлось одной из форм внутренней эксплуатации, существовавшей в древнерусском обществе, в то время как челядинство было частью системы внешней эксплуатации, возникающей в результате военных столкновений различных племен и народов. В эту систему входило и данничество, к изучению которого мы приступаем.

⁷⁷⁷ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С.133.

⁷⁷⁸ Покровский С. А. Общественный строй... С.170.

⁷⁷⁹ Свердлов М. Б. Генезис... С.167.

Часть вторая

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ДАНИЧЕСТВО

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данничество у восточных славян — сюжет, привле-
кавший внимание многих поколений отечественных исто-
риков. Вызывает он большой интерес и у современных
ученых, стремящихся понять характер даннических от-
ношений, проникнуть в суть самого понятия «дань».

Попытки определить смысл термина «дань» предпри-
нимал еще В. Н. Татищев — родоначальник русской исто-
рической науки. Затем они постоянно возобновлялись.
Можно с полной уверенностью сказать, что ни один
сколько-нибудь заметный исследователь русского про-
шлого не прошел мимо вопроса о даях.

Довольно значительная группа дореволюционных ав-
торов причисляла дань к факторам внутреннего обще-
ственного развития. Однако при этом дани восприни-
мались по-разному: то как подати, уплачиваемые зави-
симыми людьми своим господам и хозяевам — князьям и
дружинникам, порабоцавшим этих людей и лишавшим
их собственности на землю силой оружия, — то как на-
лог, который получали князья на правах суверенов и
правителей. Следовательно, в первом случае дань от-
носилась к частноправовой сфере, а во втором — к пуб-
личноправовой.

Некоторые историки прослеживали эволюцию даннических отношений. Возникновение дани они обуславливали войнами и уподобляли ее контрибуции, превратившейся впоследствии в элемент фиска, т. е. в государственный налог.

Наконец, в досоветской историографии существовала еще и такая точка зрения, согласно которой дань на протяжении всей древнерусской истории выступала в качестве платы за мир, или откупа от военных вторжений. Дань обычно платили побежденные племена и народы.¹

Советские ученые кое-что позаимствовали у своих дореволюционных коллег, например, идеи о дани-контрибуции и дани-налоге, но внесли в изучение вопроса и принципиально новое, связав дань с феодальной рентой. В первую очередь здесь надо назвать С. В. Юшкова, написавшего еще в 30-е годы специальную статью, посвященную эволюции дани в феодальную ренту на Руси X-XI вв. Дань, по С. В. Юшкову, прошла в своем развитии два периода: первый, когда она не была еще феодальной рентой, и второй, когда она стала таковой. Сперва «сбор дани вместе с "примучиваниями" разного рода был не чем иным, как организованным феодальной властью грабежом сельского населения...». Правление княгини Ольги знаменует решительный перелом в даннических отношениях. Ольга ликвидировала местных племенных и варяжских князей, взамен которых «была создана прочная, непосредственно связанная с центром, местная финансовая и, вероятно, судебная администрация». Княгиня устроила погосты — финансово-административные и судебные центры, где находились княжеские агенты. Смысл ее нововведений состоял в том, что «вместо периодических наездов — осеннего и зимнего полюдья князя или наиболее близких к нему дружинников, создается постоянно действующая, прочная и довольно густая сеть финансовых органов, которые затем уже передают собранную дань или князю или

¹ Подробный обзор мнений дореволюционных историков о данничестве см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.134-147; Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X-XII вв. в отечественной историографии XVIII-начала XX в. Ижевск, 1995. С.84-92, 173-174.

представителям князя». Кроме того, Ольга учредила дани и оброки, что свидетельствует «об изменении состава сборов».² Именно в оброках С. В. Юшков усматривал «новые дополнительные обложения», введенные по повелению киевской правительницы. Дань взималась «уроком» (общей суммой) с дыма или рала мехами, медом, воском, а оброк платился с земли, что позволяет отнести его к одному из «первичных видов типичной феодальной ренты. Оброк мог выплачиваться хлебом и другими продуктами питания или деньгами». Итак, «деятельность княгини Ольги имела своим следствием форсирование процесса сближения дани с типичной феодальной рентой. Погосты не были просто финансово-административными центрами: они были центрами феодального властвования, основными очагами феодальной эксплуатации». В дальнейшем этот процесс ускоренными темпами шел прежде всего в принадлежащих князьям и церкви волостях и городах, где «права князя и церковных властей над сельским населением ничем не ограничивались, и оно быстро превращалось в феодальное зависимое крестьянство».³

Преобразования Ольги коснулись не только древлянской земли, но и всей территории Киевского государства.⁴ Перерождение дани в феодальную ренту произошло в результате захвата земель племен, обложенных данью, и превращения этих земель в феодальные владения князей и их слуг, постепенного упорядочения способов сбора дани в одинаковом размере (с двора или от рала), а также вследствие раздачи князьям земель данников боярам и церковным организациям.⁵

Таким образом, «при княгине Ольге произошла круп-

²Юшков С. В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X-XI веках// Историк-марксист. 1936, № 5. С.135-137.

³Там же. С.137, 138.

⁴Там же. С.135.

⁵См. также: Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.. 1939. С.87-89; 2) Киевское государство// Преподавание истории в школе. 1946, № 6; 3) К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве// Вопросы истории. 1946. № 7; 4) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С.77, 92, 113-114

ная финансово-административная реформа: изменился порядок взимания дани и, по-видимому, состав самой дани». ⁶ Эта реформа создала благоприятные условия для перехода дани в феодальную ренту, а ее плательщиков из свободных земледельцев в феодальнозависимых крестьян.

Коренной недостаток построений С. В. Юшкова состоял в отсутствии серьезной фактической основы. Он разработал схему, где теория превалировала над фактами, что весьма обедняло и упрощало воспроизводимую им историческую действительность.

С. В. Юшкову возражал А. Н. Насонов. Он писал: «В соответствии со своим пониманием общественно-политического строя Киевского государства, С. В. Юшков выдвинул новую теорию — теорию превращения в Киевской Руси дани в феодальную ренту. По ряду соображений принять эту теорию не считаем возможным. Разумеется, частично дань в феодальную ренту переходила. Следует подчеркнуть, что дань остается особой разновидностью феодальной эксплуатации; источники не дают оснований полагать, что граница между поборами, собираемыми государственным аппаратом, и феодальной рентой отдельных землевладельцев стирается. Сказанное отнюдь не противоречит тому, что дань в раннюю феодальную эпоху обычно делилась, что из нее выделялись доли в пользу тех или иных феодалов. Конечно, с развитием феодального землевладения значение дани среди других источников обогащения знати падало». ⁷

Говоря о частичном переходе дани в феодальную ренту на Руси XI-XII вв., А. Н. Насонов в то же время подчеркивал различие между этими платежами: «Дань была разновидностью феодальной эксплуатации, но эксплуатации, осуществляемой не отдельными феодалами, а государственным аппаратом». ⁸ Высказывания С. В. Юшкова показали А. Н. Насонову отступлением от марксистских положений, ибо, приняв их, «мы придем к не-

⁶ Юшков С. В. Эволюция дани. . . С.135.

⁷ Насонов А. П. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1952. С.19-20.

⁸ Там же. С.19-20 (прим.).

обходимости пересмотреть учение о феодальной ренте, согласно которому древнейшими формами ренты при феодализме были отработочная рента и рента продуктами, а более поздняя — денежная. Мы знаем, что денежная рента предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежно-обращения. На Руси денежная рента появляется в XV в.»⁹

А. Н. Насонов спорил с С. В. Юшковым главным образом с точки зрения теоретической. Но со стороны методологической был уязвим и сам, поскольку дань, собираемая «государственным аппаратом», могла истолковываться в соответствии с марксистской теорией как централизованная феодальная рента. Историк не учел такой возможности. Отсюда у него нечеткость в определении дани. Назвать дань «разновидностью феодальной эксплуатации» — не значит прояснить вопрос, поскольку остается гадать насчет конкретного смысла слова «разновидность», а также отличия по существу данной «разновидности феодальной эксплуатации» от феодальной ренты. И здесь, конечно же, не является критерием обстоятельство, кто взимал дань: государство или частный землевладелец.

Правильно указав на отличие дани от феодальной ренты, А. Н. Насонов не сумел удовлетворительно объяснить, в чем оно заключалось. Если бы он вывел данничество за рамки феодализма, его позиция была бы прочнее. Но исследователь полностью разделял общепринятое представление о феодальной природе Киевской Руси. Поэтому дань, собираемую феодальным государственным аппаратом, он объявил (хотя и частично) разновидностью феодальной ренты, войдя в противоречие с самим собой.

Если А. Н. Насонова настораживала перспектива пересмотра марксистского «учения о феодальной ренте», то украинские археологи В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский перешли заповедную черту, внося изменения в каноническую, так сказать, последовательность су-

⁹Там же. С.20 (прим.).

ществования различных форм феодальной ренты. Они совместно выступили на страницах журнала «Вопросы истории», включившись в дискуссию о периодизации истории СССР. Авторы выразили решительное несогласие с теми историками, которые полагали, что дань IX–X вв. «не была феодальной формой эксплуатации».¹⁰ Они отказались от мысли о дани как следствии военных столкновений древних обществ: «Дань не могла возникнуть в результате завоеваний; она могла означать только повинность земледельческого населения феодалу за пользование землей, которая юридически была его собственностью. И если варяги и хазары действительно собирали дань у славян от дыма и рала, то это можно объяснить той системой даннических отношений, которая существовала у славян значительно раньше и независимо от варягов и хазар». С полной уверенностью авторы статьи утверждали: «Дань могла быть только выражением крепостнических феодальных отношений, когда землевладелец-феодал посредством внеэкономического принуждения присваивал часть труда непосредственного производителя в виде продуктов этого труда. Основанием для феодала принуждать производителя отдавать ему часть продуктов было то, что производитель пользовался землей, которая юридически принадлежала феодалу. Князь, бывший верховным владыкой в княжестве, был прежде всего собственником всей земли».¹¹

Позднее Довженок и Брайчевский развивали эти идеи в своих индивидуальных работах. В одной из них В. И. Довженок писал: «Дань была выражением внутренних социально-экономических отношений в восточнославянском обществе накануне создания Киевского государства и являла собой форму эксплуатации крестьян-общинников феодальным классом, который в это время нарождался. Она была натуральной формой феодальной ренты».¹²

Согласно М. Ю. Брайчевскому, у восточных славян в

¹⁰ Довженок В., Брайчевский М. О сложении феодализма в Древней Руси// Вопросы истории. 1950, № 8. С.63.

¹¹ Там же . С.64.

¹² Довженок В. И. Землеробство в древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961. С.198.

период генезиса феодализма не было условий для развития отработочной ренты, и «основной формой эксплуатации в это время должна была выступить продуктовая рента».¹³ Однако продуктовая рента не являлась единственной формой эксплуатации, дополняясь отработочной и денежной рентой. С необычайной легкостью М. Ю. Браичевский отыскал отработки в X веке и ренту деньгами в XI веке.¹⁴ «Таким образом, — заключает он, — мы не видим серьезных причин возражать, что древнерусская дань являла собой феодальную ренту продуктами и что древнейшею формой феодальной эксплуатации на Руси была не отработочная рента, а продуктовая».¹⁵

Первичность продуктовой ренты-дани вывела Русь в лидеры европейского прогресса: «Феодализм на Руси начинался с господства натуральной ренты в отличие от Западной Европы, где он начинался с господства ренты отработочной. Эта особенность стала определяющим фактором особых общественных порядков в Киевской Руси в области экономической, политической и других сторон жизни. Важнейшей особенностью Киевской Руси были быстрые темпы ее исторического развития. Пожалуй, подобных темпов мы не наблюдаем ни в одной другой стране Европы этого времени. За одно столетие, с IX по X в., что в условиях феодального общества составляет очень небольшой срок, страна преобразилась во всех отношениях. Время характеризуется огромными достижениями в области сельского хозяйства, ремесла, торговли, общественного разделения труда, городской жизни, во всех областях культуры. Историки дореволюционного времени, пытавшиеся объяснить эти явления, искали внешних причин. Таково содержание теорий влияний и заимствований, в том числе норманнской теории. Действительной же причиной ускоренных темпов исторического развития Киев-

¹³Браичевский М. Ю. Про початкову форму феодальної експлуатації в Київській Русі// Вісник Академії наук УРСР. 1959. № 4. С.64.

¹⁴Там же. С.70.

¹⁵Там же. С.66.

ской Руси были особые благоприятные условия общественного развития, выразившиеся в господстве более прогрессивной формы феодальных отношений».¹⁶ Эти рассуждения, не опирающиеся на факты, больше увлекают, чем убеждают.

Несмотря на несоответствие представлений В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского марксовской теории стадийности развития феодальной ренты (отрабочная — продуктовая — денежная), они все же получили поддержку в редакционной статье, подводившей итоги дискуссии о периодизации истории СССР.¹⁷ Положительно отнеслись к ним и некоторые видные участники дискуссии, такие, скажем, как Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто.¹⁸ Безымянному автору (или авторам) редакционной статьи, а также Л. В. Черепнину и В. Т. Пашуто положения Довженка — Брайчевского приглянулись, вероятно, потому, что удрежняли феодальную эксплуатацию на Руси и, кроме того, давали новое обоснование традиционной концепции, устанавливающей господство феодализма в Киевской Руси. То был, образно говоря, «спасательный круг», брошенный приверженцам древности происхождения феодализма в России, которые начинали испытывать недостаток конкретных данных для удержания своих позиций.¹⁹ С особой остротой этот недо-

¹⁶ Довженко В. И. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1972. С. 100-101.

¹⁷ Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951, № 3.

¹⁸ Черепнин Л. В., Пашуто В. Т. О периодизации истории России в эпоху феодализма // Вопросы истории. 1951, № 2.

¹⁹ Верную оценку историографической ситуации дает Л. В. Данилова: «Когда стала очевидной несостоятельность частновладельческой интерпретации феодального строя Киевской Руси, Л. В. Черепнин, спасая вывод о господстве феодализма в IX-X вв., на место вотчины-сеньории поставил якобы существовавшую гам государственную собственность на землю...» (Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 176). Следовало бы здесь Л. В. Даниловой упомянуть и зачинателей «спасательной операции» — В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского.

статок стал ощущаться во времена хрущевской «оттепели», пробудившей ученые умы от догматической «зимней спячки». Но подлинный пересмотр старых взглядов так и не состоялся. Началось нечто похожее на переливание старого вина в новые мехи.

Два основополагающих тезиса В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского, в соответствии с которыми древнерусский князь являлся верховным собственником земли, а дань выступала в качестве феодальной ренты, были приняты и развиты выдающимся специалистом в области истории средневековой России Л. В. Черепниным.²⁰ В наиболее законченном и отшлифованном виде концепция данничества у восточных славян и на Руси содержится в труде Л. В. Черепнина, посвященном изучению спорных вопросов истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв.²¹

Дань, по мнению Л. В. Черепнина, – самая ранняя форма эксплуатации восточнославянских общинников киевскими князьями. На словах историк признает эволюцию дани в феодальную ренту, подчеркивая, что она «совершалась постепенно и датировать этот процесс трудно».²² Однако на деле (в ходе проводимого исследования) он не показывает превращения дани в феодальную ренту, и дань у него, как, кстати, и у В. И. Довженка с М. Ю. Брайчевским, фигурирует в виде феодальной повинности, возникшей вдруг, в готовом виде.

Термин «полюдь», по Л. В. Черепнину, имел двойный смысл: «Форма взыскания дани (объезды предста-

²⁰В этом легко убедиться, заглянув в его исследования. См.: Черепнин Л. В. 1) Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.)// Вопросы истории. 1953, № 4; 2) Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси// Исторические записки. 56. 1956; 3) Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда// Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.146-154.

²¹Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв.// Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.

²²Там же. С.151.

вителями правящего класса подчиненных общин) и тот корм, который ими при этом брался».²³ Дань «раскладывалась по погостам и бралась с "двора", "дыма", "рала", "плуга", т. е. с отдельных крестьянских хозяйств. В связи с этим погосты как поселения соседских общин приобретают новое значение — административно-фискальных округов. С именем княгини Ольги летопись связывает проведение в 946–947 гг. ряда мероприятий, направленных к укреплению княжеской власти в пределах соседских общин: нормирование повинностей, получивших регулярный характер ("устанавливаю уставы и уроки"), устройство погостов как постоянных центров сбора дани ("устанавливаю погосты и дани..."). Система "полюдья", т. е. поездок княжеских "мужей" за данью, постепенно сменяется "повозом", т. е. доставкой ее в определенный пункт погоста общинниками».²⁴ Феодальную ренту (дань) Л. В. Черепнин наблюдает на протяжении X–XII вв.²⁵

Концепция дани, предложенная Л. В. Черепниным, нам кажется неубедительной. Исследователь во главу угла поставил так называемое «окняжение» земли, или установление верховной (государственной) собственности князя на землю. Феодальная суть дани выводится автором из этого фундаментального для него положения. Но «окняжение» земли, верховная княжеская (государственная) собственность на землю — вещь весьма сомнительная.²⁶

Л. В. Черепнин оперирует словами «процесс», «эволюция», «превращение».²⁷ Но они — пустой звук. За этими словами нет динамики, нет развития. Картина,

²³ Там же. С. 152.

²⁴ Там же. С. 152–153.

²⁵ Там же. С. 155. См. также: Черепнин Л. В. Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе. В 3 т. Г. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 327–329.

²⁶ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси.

²⁷ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы... С. 151, 155.

изображаемая Л. В. Черепниным, статична, если не считать канвы событий, или рассказов о том, где, когда, какое племя было обложено данью, какие перемены внесла княгиня Ольга в порядок сбора дани и т. п. Именно эволюции дани у автора мы, как ни приглядывались, не заметили. В самом деле, возложение дани на «примученное» племя есть в то же время, по Л. В. Черепнину, установление верховной собственности победителя (киевского князя) на землю побежденных, а учреждение верховной собственности государства в лице князя означало приобретение данью феодального характера. Следовательно, у Л. В. Черепнина время возникновения дани-ренты есть время появления верховной княжеской собственности и наоборот. Отсюда ясно, что эволюция дани в феодальную ренту в исследовании Л. В. Черепнина не раскрыта: дань-рента появляется у него, можно сказать, мгновенно и в готовом виде.

Идеи Л. В. Черепнина были подхвачены многими современными историками. Они легли в основу теории государственного феодализма на Руси как первоначальной формы феодальных отношений в России. Эта теория получила широкое распространение в современной исторической литературе.²⁸

К сожалению, ее сторонники не учитывают достижения этнографов, изучавших данничество в различных регионах мира и пришедших к выводу об архаичности этой формы эксплуатации, реализуемой коллективно посредством завоевания и подчинения одних племен и народов другими.²⁹

²⁸См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С.281-300.

²⁹См.: Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1967. С.189; Хазанов А. М. 1) О характере рабовладения у скифов// Вестник древней истории 1972, № 2; 2) Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей// Становление классов и государства/ Под ред. А. И. Першица. М., 1976. С.274-275; 3) Социальная история скифов. М., 1975. С.254-263; 4) Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества// Первобытное общество/ Под ред. А. И. Першица. М., 1975. С.117-118; Першиц А. И. 1) Данничество// IX Международный конгресс антропологических

А. И. Першиц предлагает следующее определение данничества: «Один из рано возникающих способов *эксплуатации*, под которым в этнографии обычно понимают регулярные поборы с побежденных натуральным продуктом, рабами, деньгами и т. п.»³⁰ Отделяя дань, с одной стороны, от контрибуции, а с другой, — от подати (налога), А. И. Першиц понимает под ней, «в отличие от первой, регулярные поборы и, в отличие от второй, поборы не со своей собственной, а с покоренной чужой общины (племени, города, государства), которая при этом остается более или менее самостоятельной. Отсюда вытекает понимание данничества как формы эксплуатации, состоящей в регулярном отчуждении продукта победителями у побежденных, но в основном не утративших прежней экономической и социально-потестарной структуры коллективов».³¹ Вырисовываются три главные черты данничества: «1) Данничество не составляет особого способа производства», поскольку «отчуждаемый в виде дани продукт может производиться в рамках и разлагающегося первобытного и любого антагонистического (хотя и главным образом докапиталистического) классового строя. 2) Данники располагают собственными, не принадлежащими получателям дани средствами производства и эксплуатируются путем внеэкономического принуждения, которое распространяет-

и этнографических наук. Чикаго. Сентябрь 1973. Доклады советской делегации. М., 1973; 2) Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов// Становление классов и государства. С.290-293; 3) Ранние формы эксплуатации и проблема их генетической типологизации// Проблемы типологии в этнографии/ Под ред. Ю. В. Бромлей. М., 1979; Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С.277-278; История первобытного общества. Эпоха классовообразования/ Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1988. С.209-210; Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С.45-46; Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках. Проблема генезиса и стадияльно-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990. С.177, 184.

³⁰Социально-экономические отношения и соционормативная культура. С.45.

³¹Першиц А. И. Данничество. С.2.

ся чаще не на отдельные личности, а на весь коллектив. 3) Данники и получатели дани не интегрированы в составе одного этнического и *социального организма*: они могут принадлежать к разным этносам и у них может быть различная общественная и предполитическая или *политическая организация*.³²

Общий вывод А. И. Першица такой: «Данничество составляет особый не тождественный ни с одним из классических способ эксплуатации. Возникая в распаде первобытнообщинного строя и получая наибольшее развитие в раннеклассовых обществах, оно в дальнейшем сохраняется как второстепенная межформационная форма, более упорядоченная и развитая, чем близкие к ней по своей сущности грабеж и контрибуция, но далеко уступающая в экономической эффективности тем формам эксплуатации, которые являются в то же время и способами производства».³³ Вместе с тем А. И. Першиц считает необходимым отметить, что данничество, хотя и «составляет вполне самостоятельную форму эксплуатации, по своей экономической сущности, а следовательно, по заложенным в нем тенденциям близко к феодализму».³⁴ Больше того, грань между даннической и феодальной зависимостью «относительно легко преодолима». Вот почему «в древнем мире данничество, даже принимая облик отношений типа илоти, становилось полурабством-полукрепостничеством, а на рубеже средних веков оно почти всегда было одним из основных истоков феодализма».³⁵

Сближение данничества с феодализмом, производимое А. И. Першицем, запутывает вопрос, оставляя впечатление внутренней противоречивости его суждений. В самом деле, если даннические отношения не укладываются в рамки «особого способа производства», а дань представляет собой «межформационную» (вполне самостоятельную) форму эксплуатации, то о какой близости данничества к феодализму исследователь может

³²Социально-экономические отношения и соционормативная культура. С.45.

³³Першиц А. И. Данничество. С.11.

³⁴Там же. С.11-12.

³⁵Там же. С.12.

вести речь, не рискуя при этом оказаться в разладе с собственными построениями. Конечно, в отдельных случаях дань эволюционировала в сторону феодальной ренты, но тогда она переставала быть данью, а носители ее — данники — превращались в феодальнозависимых (крепостных) людей.³⁶

А. И. Першиц говорит о генетической и функциональной связи даннической эксплуатации с военным грабежом и контрибуцией.³⁷ По нашему мнению, можно сказать и более определенно: военный грабеж, контрибуция и дань находились в тесном, органическом единстве, представляя собою исторически последовательные этапы и формы в сфере отчуждения прибавочного продукта победителями у побежденных. Самым ранним средством изъятия прибавочного продукта был, судя по всему, военный грабеж, возникший вслед за появлением излишков в производстве и обусловленных ими материальных накоплений в обществе, т. е. богатства.³⁸

³⁶Подчеркнем, что эта эволюция не была выражением генеральной линии развития данничества. Она являлась лишь ответвлением от нее, своеобразным отклонением от основного исторического пути, каким шло данничество. Во всяком случае, именно так обстояло дело с данничеством у восточных славян. По этой причине нельзя согласиться с Л. Е. Куббелем, когда он пишет: «По своему экономическому содержанию данничество олицетворяло ту же тенденцию, которая позднее служила основой феодальной эксплуатации: речь шла об отчуждении при помощи внеэкономического принуждения прибавочного продукта, произведенного в собственном хозяйстве производителя. Поэтому в большинстве случаев данничество в своем развитии перерастало как раз в феодальную эксплуатацию, становясь таким образом важнейшим фактором и одним из источников феодализации общества. Так шло развитие классового общества у древних германцев и славян, у арабов и кельтов. Во всех этих случаях сравнительно легко и быстро совершался переход от зависимости коллективной к зависимости индивидуальной» (История первобытного общества... С.210). Не беремся судить о германцах, кельтах, арабах и других, но что касается восточных славян, то у них картина была иная, чем та, которую изображает Л. Е. Куббель.

³⁷Першиц А. И. Данничество. С.8.

³⁸До появления прибавочного продукта, овеществленного в богатстве, войны, по всей видимости, выливались в тотальное истребление противника, уничтожение его поселений и жилищ.

Межплеменные столкновения, набеги и войны, сопровождавшиеся грабежами, восходят ко временам первобытности. Военный грабеж — эпизодический и неупорядоченный способ коллективного отчуждения прибавочного (а нередко и необходимого) продукта у побежденных племен и народов.

Более поздней, чем военный грабеж, коллективной формой присвоения является, по-видимому, контрибуция, взимаемая единовременно, но отличающаяся известной упорядоченностью, основанной обычно на договоре, соглашении между коллективами победителей и побежденных.

Данничество — последняя и наиболее совершенная форма коллективного отчуждения прибавочного продукта, осуществляемого посредством войн. Дань собиралась в размерах, определяемых договором, и, кроме того, взималась постоянно, или ежегодно. В этом состоит главная особенность данничества сравнительно с военным грабежом и контрибуцией.

Все названные формы, возникая в разное время, не сменяют одна другую, а сосуществуют и даже переплетаются друг с другом, сохраняясь на протяжении многих столетий. Немало подтверждений тому содержит история восточного славянства.

Эти подтверждения исследователь находит в различных источниках, иностранных и отечественных. К числу первых принадлежат сочинения латинских, греческих и восточных авторов. Ко вторым относятся сведения, содержащиеся в Повести временных лет — уникальном памятнике древнерусской письменности. Сложность, однако, состоит в том, что вопрос о достоверности известий Повести временных лет вызывает в ученой среде разногласия. М. Д. Приселков, например, не доверял сообщениям Повести о событиях X в., мотивируя свои сомнения тем, что погодные заметки стали производиться летописцами только с XI в., тогда как предшествующее время окутано туманом легенд, далеких от исторической действительности.³⁹ Ученый больше верил византийским источникам, нежели древнерусской летопи-

³⁹В своих представлениях о начале летописания на Руси М. Д. Приселков шел от А. А. Шахматова, датировавшего создание древнейшей летописи 1037–1039 гг. При этом М. Д. Приселков,

си, отказывая ей в правдивости изображаемых событий.⁴⁰ Скептические настроения М. Д. Приселкова разделял Я. С. Лурье, заявлявший, что «для истории IX–X вв. "Повесть временных лет" является недостаточно надежным источником».⁴¹ По убеждению Л. Н. Гумилева древняя история Руси отражена в Повести временных лет «неадекватно», с пропусками фактов, приводимых выборочно, и даже лживо.⁴²

В исторической науке существует и другая традиция. Еще И. И. Срезневский считал возможным говорить о

как заметил А. Г. Кузьмин, «следовал не позднему, а раннему А. А. Шахматову. Он, по-видимому, не учел в полной мере существа поворота мысли А. А. Шахматова в последние годы и даже как будто не оценил в должной мере критических высказываний ученого в свой адрес. Он практически ничего не изменил в гипотетической схеме развития событий X–XI веков, раскритикованной А. А. Шахматовым, не изменил негативного отношения к неизученным источникам, остающимся за пределами единственной летописной традиции, не изменил, за небольшими исключениями, и отношения к шахматовским "фикциям"». — Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С.47-48.

⁴⁰Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам// УЗ ЛГУ. Серия исторических наук. Вып.8. 1941. Надо сказать, что Константин Багрянородный, которому доверился историк, был, как убеждаются новейшие исследователи, не столь уж хорошо осведомлен о Руси (см.: Толкачев А. И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio»// Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. М., 1962. С.41). Надо, по-видимому, отчасти согласиться с Б. Д. Грековым в том, что, «ограничив себя узким кругом источников и а priori признав византийские сведения более достоверными, чем русские, М. Д. Приселков сделал опыт изображения Древнерусского государства, столь же смелый, сколь и неубедительный». — Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С.282.

⁴¹Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источника// Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып.1. С.92. См. также: Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед// ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т.XVIII. С.468.

⁴²Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани (Опыт критического комментария летописного сюжета)// Русская литература. 1974, № 3. С.167, 170, 171.

возникновении летописного дела применительно к X в.⁴³ По М. Н. Тихомирову, зарождение русской историографии (летописания) связано с X столетием. «Внимание исследователей, — говорил он, — было обращено в первую очередь на вопрос, когда возник тот или иной летописный свод. Между тем русскую историографию как начального периода, так и более позднего времени нельзя отождествлять с летописными сводами, которые сами основывались на ряде источников различного характера. Летописные своды были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания».⁴⁴ С точки зрения М. Н. Тихомирова, известия о Руси IX–X вв., помещенные в Повести временных лет, «основаны на сказаниях: о начале Русской земли, о призвании варяжских князей, о русских князьях X в. Из этих сказаний наиболее ранним является последнее. Сказание о русских князьях X в., вероятнее всего, было написано вскоре после крещения Руси и является первым русским историографическим произведением, притом отнюдь не церковного характера».⁴⁵

Некоторые летописеведы обнаруживают зачатки летописания во второй половине IX в. Б. А. Рыбаков пишет: «Самым трудным и спорным является определение начала русского летописания. Если говорить о летописях — исторических сочинениях, — имеющих определенную концепцию, то, очевидно, такие сочинения появились не ранее конца X в. Но вполне возможно, что краткие хроникальные записи, самая идея фиксации исторических событий (а следовательно, и отбор их для записи) возникли значительно раньше».⁴⁶ Б. А. Рыбаков считает вероятным существование летописи, созданной при

⁴³См.: Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. СПб., 1862.

⁴⁴Тихомиров М. Н. 1) Начало русской историографии// Вопросы истории. 1960, № 5. С.41; 2) Русское летописание. М., 1979. С.46-47.

⁴⁵Тихомиров М. Н. Русское летописание. С.65.

⁴⁶Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С.159.

киевском князе Аскольде: «Восемь погодных записей о русских делах времен Осколда, охватывающих свыше двух десятков лет, образуют в своей совокупности нечто вроде "летописи Осколда", начатой в Киеве в год крещения русов в 867 г. и законченной гибелью князя от рук норманна». ⁴⁷ Потом «на протяжении всего X в. в Киеве, очевидно, велись лаконичные эпизодические записи, продолжавшие тип "Осколдовой летописи". Такие записи не составляли отдельных книг, а могли вестись на пустых листах церковных книг». ⁴⁸ Вместе с тем «своеобразная летопись, фиксировавшая посольства, природные явления и печенежские дела, началась в Киеве еще при Ярополке, затем она прервалась и возобновилась в 991 г., но уже не в Киеве. Продолжение этой летописи связано, вероятно, с городом Белогородом, построенным в 991 г. и ставшим около 992 г. центром епархии». ⁴⁹ Составление в конце X века летописного свода Б. А. Рыбакову казалось вполне вероятным. ⁵⁰

Л. В. Черепнин, подобно Б. А. Рыбакову, допускал возможность создания в конце X века летописного свода. ⁵¹ К тому же склонялся И. У. Будовниц, согласно которому на исходе X в. в Киевской Руси «составлялись исторические сочинения и делались попытки обобщить их в едином историческом труде». ⁵²

Близок к Б. А. Рыбакову исследователь начальных этапов русского летописания А. Г. Кузьмин, полагающий, что уже в IX в. на Руси возникали «какие-то записи исторического характера». ⁵³ А с X в. «устанавливается определенная преемственность в сохранении письменных свидетельств Древней Руси». ⁵⁴

А. Н. Насонов, хотя и отвергал мысль о составлении летописного свода в конце X в., ⁵⁵ но все же признавал,

⁴⁷ Там же. С. 173.

⁴⁸ Там же. С. 190.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 173-192.

⁵¹ Черепнин Л. В. «Повесть временных лет» и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 25. 1948.

⁵² Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). М., 1960. С. 46.

⁵³ Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 387.

⁵⁴ Там же. С. 388.

⁵⁵ См.: Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания в

что при Десятинной церкви еще до появления сводных летописных трудов «велись исторического характера записи», т. е. «возникла историческая письменность».⁵⁶

Если с должным вниманием отнестись к этим соображениям исследователей о начале русского летописания, то недоверие к известиям Повести временных лет о событиях X в. и ранее теряет, по меньшей мере, свою безоговорочность. Конечно, здесь нельзя бросаться в другую крайность, принимая за подлинное все, о чем Повесть рассказывает, «как в широком смысле (значение "дунайской прародины" и расселение славян, роль хазар и варягов в русской истории и т. д.), так и в отношении конкретных событий (погосты Ольги, варяги-христиане в Киеве и т. д.)».⁵⁷ Такое пользование летописью серьезному исследователю противопоказано.

Итак, записи Повести временных лет при осторожном и критическом к ним подходе могут служить ценным источником по истории восточных славян вообще и даннических отношений в частности.

Сообщения иностранных авторов и древнерусского летописца о данничестве в восточнославянском мире делятся на две части: к первой относятся те, что извещают о даннических связях восточных славян с иноязычными народностями, а ко второй — говорящие о данничестве восточнославянских племен между собою. Обратимся к анализу сведений, касающихся даннических отношений восточного славянства с соседями, ближними и дальними.

ДАННИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН С ИНОЗЕМЦАМИ

Римский историк Публий Корнелий Тацит повествует о венедах, которые «ради грабежа рыщут по лесам и

связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источникововедения. М., 1959. Вып. VII.

⁵⁶Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 26, 31.

⁵⁷Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX — XI веков. М., 1995. С. 5.

горам». ⁵⁸ Если под венедами Тацита скрывались славяне, ⁵⁹ то перед нами древнейшее свидетельство о военных грабежах, которыми промышляли наши предки в начале 1 тысячелетия н. э. Вместе с тем в сообщении Тацита мы имеем указание на первоначальную и самую примитивную форму коллективного изъятия материальных ценностей в ходе внешних войн.

Середина 1 тысячелетия н. э., с которой начинается письменная история восточных славян, застаёт уже существующими две формы отчуждения продукта — стихийный военный грабёж и контрибуцию. Нет необходимости приводить снова многочисленные примеры набегов антов и склавинов на византийские владения, преследующих грабительские цели. Важно лишь подчеркнуть, что хаотический грабёж и контрибуции часто сочетались в одних и тех же военных акциях восточных славян. Прокопий Кесарийский говорит о славянах и антах, разграбивших европейские земли, принадлежавшие Византии. Одни города они разрушили до основания, а другие обобрали «посредством денежных контрибуций». ⁶⁰

В источниках, сообщающих о склавинах и антах, нет прямых данных о взимании ими даней с «примученных», по выражению древнерусского летописца, соседей. Но по некоторым косвенным свидетельствам можно заключить (правда, весьма гипотетически) о применении восточными славянами и этой формы коллективной эксплуатации покорённых силой оружия народов. Когда авары потребовали у склавинов ежегодной дани, они получили от князя Даврита и склавинских старейшин такой ответ: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, а мы чужою привыкли обладать. И в этом уверены, пока будет на свете война и мечи». ⁶¹ На фоне требований аварами выплаты ежегодной дани слова Даврита и старейшин о том, что

⁵⁸ Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т.1. С.372.

⁵⁹ См.: Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С.5.

⁶⁰ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Гайная история. М., 1993. С.392-393.

⁶¹ Вестник древней истории. 1941, № 1. С.248.

они сами привыкли обладать чужой землей, звучат как бы намеком на получение даней склавинами. Но это, конечно, только лишь догадка.

Надо сказать, что военный грабеж и контрибуция являлись более надежным и эффективным средством обогащения в случаях, связанных с дальними походами. Держать в постоянной даннической зависимости земли, расположенные далеко от данщиков, было очень трудно, а то и вовсе невозможно. Поэтому регулярными даями облагались прежде всего те, кто находился поблизости.

Удача на войне — дело переменчивое. Восточные славяне, грабившие другие племена и народы, бывшие с них контрибуции и дани, сами порою оказывались в положении побежденных и данников. В недатированной части Повести временных лет читаем о хазарах, которые «наидоша» полян, живших на днепровских кручах «в лесех». Хазары сказали полянам: «Платите нам дань». Поляне «вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и к старейшином своим, и реша им: "Се, налезохом дань нову". Они же реша им: "Откуда?"". Они же реша: "Въ лесе на горах над рекою Днепрською". Они же реша: "Что суть въдали?". Они же показаша мечь. И реша старци козарьстии: "Не добра дань, княже! Мы ся доискахом оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сих оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах". Се же сбысться все: не от своя воля рекоша, но от божья повеленья».⁶²

Ученые по-разному определяют время установления власти хазар над полянами. М. С. Грушевский называл вторую половину VII — первую половину VIII в.⁶³ Согласно В. В. Мавродину, то был, по всей вероятности, VIII в.⁶⁴ Освобождение полян от «хазарского ига»

⁶²ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч.1. С.16.

⁶³Грушевський Михайло. Історія України-Руси. Київ, 1913. Т.1. С.395.

⁶⁴Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (С древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940. С.35. В другой работе В. В. Мавродин пишет: «Мы не знаем точно, когда и при каких условиях распространилась власть хазарского кагана на восточнославянские племена, но, по-видимому, это произошло

М. И. Артамонов датирует концом VIII – началом IX в.⁶⁵ Значит, под игом хазар они оказались раньше. С. А. Плетнева связывает наложение дани хазарами на полян с периодом после арабо-хазарских войн, т. е. с серединой VIII в.⁶⁶ «Можно допустить, что поляне дважды подчинялись хазарам, но оба раза ненадолго», — замечает А. П. Новосельцев. Последний раз от хазарского владычества их «освободили в 862 г. варяги Аскольд и Дир».⁶⁷ Наконец, Л. Н. Гумилев перенес описываемые Повестью временных лет поляно-хазарские отношения в X век. В 939 году «русский вождь» Хельги-Игорь взял и разгромил принадлежавший Хазарии город Самкерц. «Хазарский царь ответил ударом на удар. На русов двинулась мусульманская гвардия под командованием еврея, "достопочтенного Песаха". Песах освободил Самкерц, переправился через Керченский пролив и прошел маршем по южному берегу Крыма (940), истребляя христианское население. (Спаслись лишь укрывшиеся в неприступном Херсонесе.) Перейдя Перекоп, Песах дошел до Киева и обложил русское княжество данью. Тогда же русы выдали хазарам мечи, о чем рассказывает в "Повести временных лет"».⁶⁸ Смысл дани

задолго до IX в., не позднее VIII столетия. Наша летопись относит покорение части восточнославянских племен хазарами еще к легендарным временам». — Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С.181.

⁶⁵ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С.365.

⁶⁶ Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. С.57. Сам же летописный рассказ о полянской дани мечами С. А. Плетнева относит к моменту прекращения зависимости полян от хазар, усматривая в этом рассказе упоминание «о последнем "полюдье" хазар в полянскую землю. Они получили в ответ на требование дани мечи, что несомненно означало вызов (не мир, но меч!). После этого хазары отступились от далекого и сильного народа». — Там же. С.58.

⁶⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.200.

⁶⁸ Гумилев Л. Н. 1) От Руси до России. СПб., 1990. С.40; 2) Сказание о хазарской дани... С.168. Возражения Л. Н. Гумилеву см.: Магнер Г. И. От дыма меч. Историческая основа легенды о полянской дани хазарам// Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. См. также: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории... С.94-95.

мечами Л. Н. Гумилев видит в том, что «у полян было изъято оружие». ⁶⁹

Едва ли рассказ Повести временных лет, легендарный по своей сути, может служить свидетельством о конкретном событии из истории Руси X в. Л. Н. Гумилев тут явно переусердствовал. Но, отрицая фактографичность летописной записи о полянской дани, мы вовсе не отказываемся видеть в нем историческую основу. Она проступает сквозь сказочную дымку. Вот почему нельзя согласиться с Д. С. Лихачевым в том, будто занесенное в Повесть «народное предание о дани, собранной хазарами с полян мечами, как и другие народные исторические предания в летописи, политически осмысливает события прошлого. Подобно многим другим историческим преданиям, попавшим в летопись, оно не столько стремится передать исторический факт, сколько его осмыслить, соотнести с современностью. На обидный для самолюбия полян факт их былой зависимости от хазар это предание накладывает противоположный факт живой современности». ⁷⁰ Конечно, здесь присутствует элемент позднего осмысления. ⁷¹ Но оно заключено скорее в сознании летописца, чем в самом предании, где проглядывают, по верному наблюдению М. И. Артамонова, «некоторые вполне реалистические черты». ⁷² И они связаны не только с одним фактом былой зависимости полян от хазар, как можно думать, читая комментарий Д. С. Лихачева. Их историческое содержание разно-

⁶⁹ Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. . . С.164. Отношение Л. Н. Гумилева к летописному Сказанию о хазарской дани довольно противоречивое, сочетающее подозрительность с доверчивостью. Обвиняя летописца в подтасовке фактов, он в то же время принимает за правду его рассказ о мечах, взятых хазарами у полян.

⁷⁰ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. С.229

⁷¹ А. А. Шахматов полагал, что рассказ летописи об уплате полянами дани хазарам является вставкой, произведенной Никоном при работе над сводом 1073 г. (Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С.426-428). И. У. Будовниц в связи с этим предположением А. А. Шахматова замечал: «Если это даже и так, то все же Никон, очевидно, основывался на какой-то бытовавшей в Киеве старой легенде». — Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. С.27.

⁷² Артамонов М. И. История хазар. С.294.

образнее и богаче, чем кажется толкователю летописи.

Легендарный характер летописного повествования об отношениях полян с хазарами, наличие его в недатированной части Повести временных лет предостерегают нас от того, чтобы видеть в нем отражение событий X или даже второй половины IX в. Скорее всего оно запечатлело происшествия, имевшие место раньше: где-то в VIII столетии.

Вникая в это повествование, убеждаемся, что права получения дани добиваются силой оружия («мы ся доискахом оружьем одиною стороною, рекше саблями»), что взимается она от «дыма» — родственного коллектива, скрепленного производственным и потребительским единством,⁷³ что, наконец, счастье отвернулось от хазар, и они стали данниками Руси.

М. И. Артамонов понял летопись так, будто поляне «без сопротивления подчинились хазарам и согласились выплачивать им дань».⁷⁴ По Б. А. Рыбакову получается наоборот: «Сказание о полянах, вручивших хазарам меч вместо дани, нельзя рассматривать как свидетельство покорности полян».⁷⁵ Выдав хазарским воинам меч, поляне тем самым «символически выразили свою полную независимость и возможность силой оружия отстоять ее».⁷⁶ Б. А. Рыбаков, как видим, воспринимает летописный меч натурально, придавая ему вместе с тем символическое значение. Сугубо предметно, без какой-либо символики истолковал известие летописца о дани мечами Л. Н. Гумилев, обнаружив в нем указание

⁷³См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С.48. См. также с.292 настоящей книги.

⁷⁴Артамонов М. И. История хазар. С.294. Этой точки зрения некоторые историки придерживались и раньше. Так, М. К. Любавский писал: «По всем данным, славяне без борьбы подчинились хазарам, именно потому, что хазары были для них оплотом, защитой от нападений с востока. Входя в состав хазарской державы, славяне и расселились так широко по степным пространствам юга». — Любавский М. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918. С.45.

⁷⁵Рыбаков Б. А. Русь и Хазария// Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С.76.

⁷⁶Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. С.258.

на изъятие хазарами оружия у полян.⁷⁷ «Дань, размер которой соответствовал мечу», — так раскрывает летописное известие Б. А. Тимошук.⁷⁸ Идею о дани именно мечами развивает В. Я. Петрухин. Обозревая погребальные памятники, принадлежавшие высшей хазарской знати, он пишет: «Специальный интерес представляет ... "могила всадника" у с. Арцыбашева в Верхнем Подонье. Вооружение всадников — палаши — напоминает о предании о хазарской дани в "Повести временных лет", которую хазары "доискахом оружием одиною стороною, рекше саблями"». ⁷⁹ Интересную версию предлагает Г. И. Магнер: «Выражения "от дыма меч", "по мечу от дыма" означают по вооруженному воину от каждого дома, от каждой семьи. "Дым" — двойная метонимия: под дымом понимается домашний очаг, под очагом — собравшаяся возле него семья. А "меч" — простейшая метонимия: воин с мечом». Первоначальный смысл легенды, не разгаданный летописцем, открывается Г. И. Магнеру в том, что «на требование дани поляне, пользуясь обычной формулой дани, ответили гордой иронией: мы готовы выставить вам дань — по мечу от дыма, т. е. по воину с мечом от каждой семьи, мы встретим вас всенародным ополчением». ⁸⁰ По Г. И. Магнеру, стало быть, никакой дани мечами не было, и поляне ответили на домогательства хазар решительным отказом, подкрепив его готовностью сражаться за свою независимость. Надо отдать должное автору: он несравненно тоньше почувствовал источник, чем его предшественники. И все же мы не можем согласиться с ним, поскольку исследователь, подобно другим толкователям Сказания о хазарской дани, усматривает в этом Сказании отдельный эпизод в поляно-хазарских контактах.

На наш взгляд, меч в летописном предании есть символ полянской свободы, предсказанной старейшинами хазар, причем не по собственной воле, но «от божья по-

⁷⁷ Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. С. 164.

⁷⁸ Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990. С. 101.

⁷⁹ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории... С. 86.

⁸⁰ Магнер Г. И. От дыма меч... С. 192.

веленья». Само же предание заключает в себе спрессованную в одной сцене целую историю поляно-хазарских отношений: первоначальное поражение полян, обложение их данью и последовавшее со временем освобождение от хазарского владычества, а затем — полное торжество над бывшим победителем. В подобном понимании предания нет ничего надуманного, ибо оно исходит из специфики устного народного творчества, отличавшегося исторической полифоничностью изображаемых сказителями событий, их содержательной многозначностью, отражающей голоса различных исторических эпох.⁸¹

Поляне находились в даннической зависимости от хазар продолжительное время, исчисляемое, по всей видимости, не одним десятилетием.⁸² Недаром Повесть временных лет уже в датированной части под 859 годом сообщает, как хазары брали дань «на Полянех, и на Северех, и на Вятичех, имаху по белеи веверице от дыма».⁸³ Помимо полян, следовательно, хазарскими данниками были северяне и вятичи. Известия летописи подтверждает каган Иосиф, говоря о вятичах и северянах, плативших дань Хазарии.⁸⁴ К ним летописец причисляет

⁸¹См.: Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. 1) Исторические реалии в былине о Дюке// Русская литература. 1990, № 2; 2) Старинная история. М., 1991; 3) Исторические черты в былинах о Чуриле Пленковиче// Русский фольклор. XXXVIII. СПб., 1995; 4) Русский былинный эпос. Курск, 1995. С.28-72. С этой точки зрения отпадает предположение А. П. Новосельцева о том, что летописное сказание о полянской дани объединило два отдельных «варианта хазаро-полянских отношений». — Новосельцев А. П. Хазарское государство... С.199-200.

⁸²Ср.: Плетнева С. А. Хазары. С.57-58; Новосельцев А. П. Хазарское государство... С.200.

⁸³ПСРЛ. М., 1962. Т.1. Стб.19. В Ипатьевской летописи концовка текста читается по-другому: хазары «имаху дань» с восточнославянских племен «по беле и веверице тако от дыма» (ПСРЛ. М., 1962. Т.П. Стб.14). Издатели Повести временных лет в серии «Литературные памятники», положившие в основу своего издания список, заключенный в составе Лаврентьевской летописи, почему-то воспроизводят запись под 859 годом так, как она читается в Ипатьевском своде. — См.: ПВЛ. Ч.1. С.18.

⁸⁴Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.

еще и радимичей, что «по щялягу козаром даяху».⁸⁵

Дань, уплачиваемую северянами и радимичами, Б. А. Рыбаков считает «откупом от назойливых наездов» со стороны хазар. При этом он думает, что «речь идет не о коренной земле радимичей, а о радимичских выселенцах, живших в Северянской земле на Псле и Борксле. Северяне и радимичи-колонисты, входившие в состав "Русской земли", жили на самом пограничье со степью, и дань-откуп вполне естественна. Вятичи в X в. (до 964 г.) платили дань хазарам. Здесь опять-таки маловероятно обложение коренной земли лесных племен, а скорее всего подразумеваются проездные пошлины по донскому и волжскому пути. Ни летопись, ни хазарские источники нигде не говорят о завоевании каких-либо славянских племен хазарами. Что же касается Руси как политического организма, то здесь не может быть сомнений: ни один источник (включая и хазарские X в.) не говорят ни в настоящем, ни в прошедшем времени о власти хазар над Русью».⁸⁶

С доводами Б. А. Рыбакова трудно согласиться, поскольку источники ясно указывают на взимание дани Хазарским каганатом с целой группы восточнославянских племен. Из этих источников явствует, что данью облагалось население не окраинных племенных территорий или отдельные лица, ходившие по донскому и волжскому пути, как считает Б. А. Рыбаков, а жители коренных восточнославянских земель. В противном случае надо признать, что Олег и Святослав, переводя хазарскую дань с радимичей и вятичей на себя, имели дело с колонистами оторвавшимися от основной массы соплеменников, а также с теми, кто плывал по Дону и Волге. Нелепость такого признания для нас очевидна. Б. А. Рыбаков не хочет понять, что власть хазар над полянами, северянами, радимичами и вятичами как раз и проявлялась через данничество, устанавливаемое военной силой. А. П. Новосельцев справедливо упрекал Б. А. Рыбакова в том, что он «в своих последних работах игнорирует летописные известия о зависимости славян

С.98.

⁸⁵ПВЛ. Ч.1. С.20.

⁸⁶Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.257.

от хазар».⁸⁷

Слова летописца о сборе хазарами дани с полян, северян и вятичей «по белеи веверице от дыма» А. П. Новосельцев, принимавший чтение «по беле и веверице от дыма», толкует так: «по шелягу (серебряному дирхему) и белке со двора».⁸⁸ При этом он ссылается на Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, оставляя без внимания их разночтение.⁸⁹ Подобная небрежность в работе с источниками недопустима.

Аналогичное толкование данного текста до А. П. Новосельцева предлагал Б. Д. Греков, стремившийся пересмотреть «обычное понимание некоторых слишком хорошо знакомых мест летописи. К числу их относится и известное место под 859 г. о том, что "козари имаху на полянех и на северех и на вятичех, имаху по белеи веверице от дыма". Но не правильнее ли будет читать этот текст так, как он написан в Ипатьевской летописи "по беле и веверице", где "бель" может быть понимаема и как серебряная монета? Тогда наше представление об этих племенах и характере их обложения представится нам в другом свете».⁹⁰

О серебряной монете и белке рассуждал также М. И. Артамонов, хотя и не был вполне уверен в своем предположении: «Взимание хазарами дани со славян деньгами весьма сомнительно, так как денежное обращение предполагает известную товарность хозяйства, чего явно не было у носителей роменско-боршевской культуры. Доказательством последнего может служить весьма ограниченное количество монетных кладов IX-X вв. в областях славян, подвластных хазарам. Монетные клады более раннего времени (VIII в.) в них вообще неизвестны».⁹¹ К этому последнему отмеченному М. И. Артамоновым обстоятельству необходимо добавить еще и то, что предания об обложении данью тех или иных покоренных племен IX-X вв. «были записаны рукою городского летописца в середине XI в. и потому могут больше характеризовать современную ему дей-

⁸⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство. . С.200.

⁸⁸ Новосельцев А. П. Хазарское государство. . . С.200.

⁸⁹ Там же. С.242, прим.475.

⁹⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С.39.

⁹¹ Артамонов М. И. История хазар. С.405.

ствительность, чем точно воспроизводить факты, относимые за 200 или за 100 лет назад: по-видимому, упоминаемые в его записях разнообразные формы дани бытовали еще и в XI в. Преимущественно это — натура: "белая веверица", якобы взимавшаяся "от дыма" в середине IX в. варягами с северных славяно-финских поселений и казарами с южнорусских племен; "черная куна" взимавшаяся будто бы Олегом с древлян.⁹²

В Никоновской летописи находим разночтение сравнительно с Повестью временных лет, которое можно считать либо исправным вариантом соответствующего текста, либо осмыслением позднего летописца. Однако в любом случае оно представляет для нас большой интерес и значительную ценность. Вот оно: «Козари имаху дань на Полянех, и на Северянех, и на Вятичех по беле, рекше по векше, с дыма».⁹³ В древнерусском языке *векша* — это не только денежная единица, но и белка, мех белки.⁹⁴ Примечательно также известие В. Н. Татищева, по которому казары «брали от полян, северы, вятичь и протчих по белке от дыма и по веверице (ласка или горностаи)».⁹⁵ Похоже, казары, действительно собирали дань с восточнославянских племен (в том числе полян) мехами, т. е. натурой, а не деньгами.⁹⁶ О дани меха-

⁹² Романов Б. А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. I. С. 376.

⁹³ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 8. Текст Никоновской летописи близок к Лаврентьевскому варианту, что укрепляет доверие к последнему.

⁹⁴ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I. Стб. 485; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 55; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II. С. 294.

⁹⁵ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 32. В первой редакции татищевской Истории содержится идентичный текст. — См.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 112.

⁹⁶ См.: Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Сб. статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978. С. 147. Д. С. Лихачев, комментируя летописную запись «по беле и веверице от дыма», замечал: «Весьма важен вопрос о том, как правильно читать это место. Можно читать его так: "по белей веверице" и тогда зна-

ми говорят восточные авторы, в частности Ибн Фадлан: «На царе "славян" [лежит] дань, которую он платит царю хазар: от каждого дома в его государстве — шкуру соболя».⁹⁷ Единицей обложения, по свидетельству летописца, был «дым». Что скрывалось за «дымом»?

Н. М. Карамзин отождествлял «дым» с «домом».⁹⁸ Сходный взгляд у Ю. А. Гагемейстера, который за «дымом» видел *хозяйство, дом*.⁹⁹ При этом он говорил: «Очаг, дымовая труба, в первобытном состоянии, и особенно в северных краях, означает наилучшим образом жилище человеческое; очагом на всех языках именуется сборище семейства; клубящийся дым издали уже извещает об оном, служа путеводителем заблудившемуся страннику и корыстолюбивому воину».¹⁰⁰ Ю. А. Гагемейстер отли-

чение его будет такое — "по белой (т. е. по серой, зимней) белке". мех белки ценится только зимний, как наиболее прочный. В современном русском языке определение-прилагательное "белая" в конце концов вытеснило существительное "веверица" и само приняло суффикс существительного — "белка". В подтверждение этому пониманию текста "Повести временных лет" можно привести следующее место из Лаврентьевской летописи под 1068 г.: "кунами и белью", в Ипатьевской же это место понято так: "кунами и скорою (т. е. мехами), что свидетельствует о том, что в Древней Руси слово "бель" понималось иногда как "беличий мех". Однако можно читать это место и так: "по беле и веверице", что может означать "по беле (по белой, серебряной монете) и белке". Такое толкование было впервые предложено еще в первой половине XIX в. и развито акад. Б. Д. Грековым». К мнению «акад. Б. Д. Грекова» комментатор и примкнул (ПВЛ. Ч. II. С. 233). По догадке А. П. Новосельцева, хазары собирали дань у восточных славян и деньгами и пушниной. — Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопросы истории. 1991, № 2-3. С. 6. См. также: Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 84, 87.

⁹⁷Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана и его путешествие на Волгу 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 140.

⁹⁸Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Г. 1. С. 54.

⁹⁹Гагемейстер Ю. А. Розыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 11.

¹⁰⁰Там же. С. 12.

чал «дым» от «двора», полагая, что «дворы» находятся только у народов, достигших уже некоторой степени образованности.¹⁰¹ По В. О. Ключевскому, летописный «дым» покрывал *избу*.¹⁰²

Разные суждения о «дыме» высказывались и в советской историографии. Согласно Б. Д. Грекову, «дым, или дом, — это, несомненно, оседлое хозяйство — очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку облагается как особая хозяйственная единица».¹⁰³ Похожим образом рассуждал О. М. Рапов: «Термином «дым» в древней Руси обозначался дом, имеющий очаг, фактически отдельное хозяйство, расположенное на определенной территории».¹⁰⁴ Д. С. Лихачев разглядел в «дыме» отдельную семью,¹⁰⁵ правда, непонятно, какую: большую или малую. Контуры дома и семьи просматривались в «дыме» М. И. Артамоновым.¹⁰⁶ «Как известно, "дым" — единица обложения индивидуального, а не коллективного хозяйства, она дожила в русской сельской общине до XX в.», — утверждал И. И. Ляпушкин.¹⁰⁷ Если учесть, что хозяйственной ячейкой восточнославянского общества И. И. Ляпушкин считал малую семью, то становится ясно: за «дымом» у исследователя скрывалась малая семья. Ее обнаружил и В. В. Мавродин, приняв «дым» за parcelлу — малую семью с характерным

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. I. С. 139.

¹⁰³ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 40.

¹⁰⁴ Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период // Вестник МГУ. История. 1968, № 1. С. 60.

¹⁰⁵ ПВЛ. Ч. II. С. 233-234.

¹⁰⁶ Артамонов М. И. История хазар. С. 405.

¹⁰⁷ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Л., 1968. С. 166. И. И. Ляпушкин не отличал «дым» от «двора». Он писал: «"Дымом" или "двором" может обозначаться несомненно лишь хозяйство индивидуальное, мелкого собственника, а не коллективное. Счет по "дворам" или "дымам" в сельских общинах дожил до революции». — Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л., 1958. С. 224.

для нее индивидуальным хозяйством.¹⁰⁸ Мысль о «дыме» как отдельном хозяйстве малой семьи проводил А. В. Чернецов.¹⁰⁹ Ее разделяет М. Б. Свердлов. «В историографии, — отмечал он, — существует большое число мнений о содержании понятия "дым". Все они имели равные основания, пока не был археологически исследован характер восточнославянских поселений и жилищ IX-X вв. В результате исследований было установлено, что восточнославянские поселения состояли из отдельных жилищ (10–20 кв.м), причем дворы и усадьбы не прослеживаются. В таких жилищах, приблизительно равных по площади и одинаковых по конструкции, была печь, которая топилась по-черному. Она служила для приготовления пищи и обогрева дома. Таким образом, по археологическим материалам устанавливается тождество понятий "дым" и "дом". Показательно, что у булгар на Волге, живших в сходных со славянами природных условиях, в начале X в. царю булгар ежегодно платилось по шкурке от каждого дома. Такой же была дань булгар хазарскому кагану. Поэтому известия Повести временных лет следует понимать как сбор дани на поселениях от каждого дома-жилища».¹¹⁰ Дым-дом являлся вместилищем малой семьи, ведущей собственное хозяйство.¹¹¹

Взгляд на «дым» как малую семью не единственный в новейшей историографии. Существует мнение, что «дым» есть обозначение большой семьи. Его придерживался В. Т. Пашуто.¹¹² У А. Л. Шапиро «дым» — аналог плуга» и «рала», т. е. окладных единиц, определяв-

¹⁰⁸ Мавродин В. В. К вопросу о развитии производительных сил в земледелии восточных славян и о связи этого процесса с разложением первобытнообщинных отношений // Проблемы отечественной и всеобщей истории / Отв. ред. В. Г. Ревуненков. Л., 1969. С. 45, 48.

¹⁰⁹ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции В 5-ти томах. М., 1987. Г. 1. С. 382.

¹¹⁰ Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения. . . С. 146–147.

¹¹¹ История крестьянства северо-запада России. СПб., 1994. С. 26.

¹¹² Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 84.

шихся «мощью не парной семьи, а семьи, состоявшей из двух или нескольких взрослых работников с женами и детьми».¹¹³ С точки зрения Б. А. Тимошука, «в VIII–IX вв. основной хозяйственной единицей у восточных славян был дым — большая патриархальная семья».¹¹⁴

Недавно А. П. Новосельцев истолковал термин «дым» разбираемого нами летописного текста как *двор*.¹¹⁵

Итак, дом, изба, двор, отдельное хозяйство, большая семья, малая семья — вот набор суждений о «дыме» Повести временных лет. Мы не можем согласиться ни с одним из них.

Слово «дым», как уже отмечалось, наряду с хозяйственным единством «характерным образом выражает и потребительское единство».¹¹⁶ Носителем же хозяйственного и потребительского единства был сперва род, а потом большая семья и малая. Какую из названных кровнородственных организаций следует связывать с восточнославянским «дымом»? Думается, с родом, поскольку восточные славяне VIII–IX вв. жили в условиях родоплеменного строя,¹¹⁷ прекратившего свое существование лишь на рубеже X–XI вв.¹¹⁸ А это означает, что хазары, по свидетельству Повести временных лет брали дань у полян, северян и вятичей шкурками белок с каждого рода, занимавшего отдельное поселение (городище).¹¹⁹ Мы видим, как один этнос эксплуатирует другой посредством военного принуждения.

В то время, когда хазары властвовали над славянами, обитавшими в Поволжье и Поднепровье, на северо-западе восточнославянского мира господствовали варя-

¹¹³ Шапиро А. Л. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России // Проблемы отечественной и всеобщей истории. С. 73.

¹¹⁴ Тимошук Б. А. Восточнославянская община... С. 101.

¹¹⁵ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 210.

¹¹⁶ Косвен М. О. Семейная община и патронимия... С. 48.

¹¹⁷ См.: Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян VIII–IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. II. Сб. статей в память проф. М. И. Артамонова / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л., 1978. С. 125–132.

¹¹⁸ См. с. 165–228 настоящей книги.

¹¹⁹ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян... С. 130–131.

ги: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и всех, кривичех». ¹²⁰ В Летописце Переяславля Суздальского говорится, что варяги собирали дань, «приходя из заморья». ¹²¹ Едва ли следует сомневаться в вооруженном насилии пришельцев «из-за моря» над славянами и финнами. Именно так нас ориентирует рассказ летописца о том, что Олег «устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягом». ¹²² Князь, стало быть, определил ежегодную дань варягам «ради сохранения мира». ¹²³ Какой мир разумел летописец?

Историки на разный лад толкуют фразу летописца «мира деля». В. Н. Татищев, например, так судил о ней: «Сей же Олег... устави варягом, бывшим по рукою его, давати от Новагорода по триста гривен в год покоя ради». ¹²⁴ В примечании к данному тексту он выражается яснее: «Варягам под рукою его (Олега. — И. Ф.). Дань, разумеется, в жалованье, или корм, сим далеко от домов отлученным войскам». ¹²⁵ По Татищеву, следовательно, дань, назначенная Олегом, суть жалованье варягам, оберегающим безопасность Новгорода. Аналогично, хотя и мудренее, говорил И. Н. Болтин, доказывая, что «Олег на Новгород дани не накладывал, а определил токмо в жалованье Варягам, сущим или в подданстве его, или яко союзным, производить ежегодную по триста гривен из податей, собираемых с Новгородской области». ¹²⁶ В согласии с В. Н. Татищевым рассуждал и М. В. Ломоносов, у которого «Олег, радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить города и устанавливать порядочные дани. Во первых, Варягам Россам на содержание учредил, чтобы Новгородцы платили по триста гривен на год...». ¹²⁷ Эти представления историков XVIII в. перешли в историографию

¹²⁰ ПВЛ. Ч.1. С.18.

¹²¹ ЛРСЛ. М., 1995. Т.41. С.7.

¹²² ПВЛ. Ч.1. С.20.

¹²³ Там же. С.217.

¹²⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т.II. С.34.

¹²⁵ Там же. С.210.

¹²⁶ Болтин И. Н. Критические примечания на первый том Истории князя Шербатова. СПб., 1793. С.204.

¹²⁷ Ломоносов М. В. Российская история. СПб., 1766. С.61-62.

следующего столетия.

«Славяне, Кривичи и другие народы, — читаем в Истории Государства Российского Карамзина, — должны были платить дань Варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнее ходячею монетою Российскою... Сию дань получали варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярославовой; с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России».¹²⁸ По Г. Эверсу, «выражение, что Новгородцы платили наложенную на них дань Варягам мира деля, ничего более не означает, как "в возмездие за мир", который Варяги доставляли им своею службою».¹²⁹ В том же духе высказывались С. М. Соловьев и К. Н. Бестужев-Рюмин. Новгородцы, полагал С. М. Соловьев, «были особо обязаны платить ежегодно 300 гривен для содержания наемной дружины из варягов, которые должны были защищать северные владения».¹³⁰ К. Н. Бестужев-Рюмин видел в варягах, получавших ежегодно 300 гривен, членов княжеской дружины, которая жила отчасти в Киеве, отчасти в Новгороде.¹³¹ По проторенному названными историками пути шел М. К. Любавский, говоря о Новгороде, где «княжеские посадники, со времен Олега и до смерти Ярослава, собирали дань и отдавали ее частью варягам и вообще княжеским дружинникам, а частью отсылали в Киев».¹³² Однако в дореволюционной науке имели место и отклонения от историографической традиции, начатой В. Н. Татищевым.

Ю. А. Гагемейстер отмечал, что «в княжение Олега упоминается в первый раз о налогах, распределяемых на твердом основании». Князь Олег, обосновавшись в Киеве, «установил новый порядок во оставленных им странах, которые он почитал себе совершенно подвласт-

¹²⁸ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.1. С.100.

¹²⁹ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С.44.

¹³⁰ Соловьев С. М. Соч. в восемнадцати книгах. М., 1988. Кн.1. С.133.

¹³¹ Бестужев-Рюмин К. Русская история. СПб., 1872. Т.1. С.110.

¹³² Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918. С.84.

ными, и таким образом дань, платимая до тех пор Варяго-Руссам Славянами, Кривичами и Мерями сделалась определяемою податью. Летописец выражает сие словом "уставить" вместо наложить, употребляемого им при возложении дани на вновь покоренные народы». ¹³³

По-своему осмысливал летописное известие об установленной Олегом дани варягам Н. А. Полевой: «Новгороду определено было платить Варягам для поддержания мира 300 гривен серебра ежегодно. Не можем изъяснить сей дани иначе, как только тем, что Новгородцы получили первые основания своей независимости, заключили договор и обязались платить Олегу 300 гривен за себя, Чудские, Белозерские и Изборские области, над которыми получили особенную власть, без посредства Олеговых наместников». ¹³⁴

«Что значит мира деля?» — спрашивал К. С. Аксаков. «Для того ли, чтобы Варяги защищали Новгород, составляли его дружину и берегли его мир? Но такое объяснение, кажется нам, несколько натянуто; такого сложного понятия не может высказывать это выражение. Кажется, проще понять, что Новгородцы платили эту сумму или для союза (мира) с Олегом, или для мира, чтобы сохранять мир, то есть чтобы им самим жить в мире. С кем? — Конечно же с Олегом, который их оставлял в покое». ¹³⁵

Наиболее удачное объяснение, на наш взгляд, дал М. П. Погодин, разумеющий под варягами, получавшими ежегодно 300 гривен, «Варягов заморских, т. е. тех самых, которые в 859 году имаху дань из-за моря на Словенах, Кривичах, Мери, — тех самых, для защиты от которых призваны были племенами Рюрик, Синеус и Трувор». Выражение «мира деля» означает, по Погодину, лишь одно: «Новгородцы обязались платить по 300 гривен с условием, чтоб варяги не нападали на них, как прежде». ¹³⁶ В направлении, указанном М. П. Погодиным (но

¹³³ Гагемейстер Ю. А. Розыскания о финансах... С.13, 14.

¹³⁴ Полевой Н. История Русского народа. М., 1829. Т.1. С.106-107.

¹³⁵ Аксаков К. С. О древнем быте Славян вообще и Русских в особенности// Полн.собр.соч. М., 1889. Т.1. С.116.

¹³⁶ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т.3. С.83-84. Уместно здесь напомнить, как

с явным стремлением подвести под события договорно-правовую основу и тем придать им вид законности), продвигался А. В. Лонгинов, рассматривавший уплачиваемую Новгородом дань в плоскости международных отношений руси и варягов. Он привлек сведения Иоакимовской летописи о заключении «старейшиною словен Гостомыслом» мира с варягами и с учетом этого обстоятельства определял значение слов «мира деля», которое, по его мнению, заключалось в ежегодной выдаче варягам дани «ради соблюдения или для сохранения мира». Такого рода «добровольные соглашения», поставленные на «почву правовую», казались А. В. Лонгинову «наиболее могучим двигателем в образовании Русского государства».¹³⁷

Все приведенные выше мнения дореволюционных исследователей проникли в советскую историческую науку, разойдясь по сочинениям тех или иных ученых. Так, Б. Д. Греков шел вслед за Ю. А. Гагемейстером: «Олег "нача города ставити", т. е. укреплять новые свои владения и упорядочивать отношения с входившими в состав государства народами, и "устави дани словенам и кривичем и мери и устави варягам дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето мира деля". Дань платят покоренные народы своим победителям. Таково первоначальное значение этого термина. Но с какого-то времени этим термином начинает обозначаться не только военная контрибуция, но и подать, систематически взимаемая и определяющая гражданское положение ее плательщиков по отношению к государству. Заметим, что ни один из упомянутых "Повестью" народов не был завоеван Олегом: ни словене, ни кривичи, ни меря. Необходимо в связи с этим отметить также технический термин, примененный автором "Повести", в данном слу-

А. А. Шахматов понимал данное место из летописи: «Словене, Кривичи и Меря, т. е. те самые племена, которые добровольно призвали Варяжских князей, облагаются несколько позже данью в пользу опять-таки Варягов; даже не в пользу киевского князя или его дружины, а, как по крайней мере читается в дошедшем до нас тексте, в пользу именно Варягов». — Шахматов А. А. Разыскания... С.295.

¹³⁷ Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование. Одесса, 1904. С.115-116.

чае "устави" (а не "возложи", как это тут же говорится о покоренных народах). Это значит, что Олег в данном случае действует не как военная власть, а как правитель государства, определяя повинности своих подданных». ¹³⁸

По П. И. Лященко, князь Олег здесь, напротив, действует как завоеватель: «Воинственный Олег, завоевав чудь, мерю, весь, утвердившись в их городах, облагает данью подвластных ему словен, а с Новгорода "ради мира" устанавливает дань в 300 гривен в год, которая платилась до смерти Ярослава». ¹³⁹

Посредством соединения двух точек зрения (Гагемейстера — Грекова, с одной стороны, Татищева и его последователей, — с другой) решал вопрос В. В. Мавродин. Исследователь писал: «Б. Д. Греков совершенно справедливо обратил внимание на терминологию летописного рассказа. На словен, кривичей, мерю Олег дань "устави", а не "взложи", а это различие весьма существенно, так как в летописи термин "устави" употребляется в смысле узаконения, установления определенного порядка, закона, тогда как слово "взложи" употребляется в смысле наложения дани на покоренные народы, что имеет место и по отношению к деятельности Олега. . . На северо-западе и на северо-востоке Олег действует не как завоеватель, а как государственный деятель, определяющий повинности и обязанности своих подданных». ¹⁴⁰ Что касается выражения «на лето мира деля», то оно «означает вознаграждение княжеской наемной дружине ("tributum, quod mir vocatur"), явление,

¹³⁸ Греков Б. Д. Борьба руси за создание своего государства. М.; Л., 1945. С.52-53.

¹³⁹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Г.1. С.109. Автор полагал, что «отношения, сходные с описанными в древней Руси, складывались и в Западной Европе, где также скандинавские мореходцы грабили берега Северного моря, Нормандии, Дании, становились здесь наемными защитниками, превращаясь иногда во владельческие классы». — Там же. С.109, прим.3.

¹⁴⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С.226. Справедливости ради надо сказать, что на особенности летописной терминологии обратил внимание, как мы видели, еще Ю. А. Гагемейстер.

характерное и для норманнов и для западных славян». ¹⁴¹

В соответствии с традицией, восходящей к В. Н. Татищеву, воспринимал олегову политику В. Т. Пашуто: «Место варягов в новой государственной структуре видно из размера дани, которую определил им Олег, — она шла не от всей Руси, а лишь от Новгорода: "устави варягом дань даяти от Новгорода" в размере 300 гривен в год "мира деля". Эта дань — плата стоявшему в Новгороде варяжскому служилому корпусу, который позднее перекочует через Киев в Константинополь». ¹⁴²

В погодинском ключе истолковал сообщение летописца М. Н. Покровский: «новгородские славяне просто-напросто откупились от грабежей норманнов Рюрикова племени, пообещав им платить ежегодную определенную сумму, которую дальше летопись и называет». ¹⁴³ Тут нужно упомянуть и Б. А. Рыбакова, по чьей догадке, «Новгород долгое время уплачивал варягам дань-откуп, чтобы избежать новых набегов. Таковую же дань Византия платила русским "мира деля"». ¹⁴⁴

А. Н. Сахаров предпочел версию, близкую к той, что развивал А. В. Лонгинов. «И вот почему. Первые страницы русской летописи неоднократно возвращают нас к столкновениям славяно-русских племен с варяжскими дружинами. Конечно, нас может не убедить полуполюгандарное и не подтвержденное другими источниками известие Иоакимовской летописи о заключении мира между Новгородом и варягами. Но помимо этого летописные своды донесли до нас сведения о давних и разнообразных отношениях варягов и северо-западных славяно-русских и других племен. Под 859 г. ПВЛ сообщает о том, что варяги "имаху" дань с чюди, словен, мери, кривичей. Здесь же летописец сравнивает взаимоотношения варягов и славянских племен (словен, кривичей) с отношениями между хазарами и другими славянскими племенами: хазары брали дань с полян, северян, вятичей. Здесь дань является определенным

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С.24.

¹⁴³ Покровский М. Н. Избр. произв. в четырех книгах. М., 1966. Кн.1. С.99.

¹⁴⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.314.

признаком вассальной зависимости славянских племен как от варягов, так и от хазар. Затем следует известие о том, что варяги были изгнаны за море. Следствием этого явилось прекращение уплаты дани ("и не даща им дани"). И вот вновь появляется известие об уплате варягам дани "мира деля". Беспокойные соседи, видимо, наносили ощутимый вред северо-западным русским землям. И теперь древнерусское государство соглашается на выплату варягам дани "мира деля", ради соблюдения мира на своих северо-западных границах.¹⁴⁵ В книге, посвященной дипломатии Древней Руси, А. Н. Сахаров отмечает: «Завладев Киевом, подчинив себе окрестные славянские племена, Олег оградил себя от постоянных нападений со стороны варягов, откупившись от них ежегодной данью».¹⁴⁶ К А. Н. Сахарову присоединился П. П. Толочко: «Значительных успехов достигла Киевская Русь в конце IX – начале X в. на международной арене. Одним из важных мероприятий Олега как киевского князя была попытка оградить свое государство от нападений соседей, в том числе и варягов. Этой цели, видимо, служила ежегодная дань в 300 гривен, которую Русь выплачивала варягам "мира деля". Исследователи справедливо полагают, что между сторонами был заключен обычный для тех времен договор "мира и дружбы". Свидетельства летописи о регулярном привлечении киевскими князьями для военных походов варяжских дружин указывают, видимо, на договорную обусловленность этой помощи».¹⁴⁷

Модификацией точки зрения Н. А. Полевого и К. С. Аксакова является мнение Д. С. Лихачева, который, ссылаясь на соответствующие и как ему кажется более правдивые тексты Уваровской и Кирилло-белозерской летописей, где нет упоминания о варягах, полагает, что последние появились под пером составителя Повести вре-

¹⁴⁵Сахаров А. Н. Поход Руси на Константинополь в 907 году // История СССР. 1977, № 6. С. 79-80. См. также: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980. С. 96.

¹⁴⁶Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С. 96.

¹⁴⁷Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 24.

менных лет, находившегося во власти своей «варяжской теории». Поэтому «киевский князь собирал дань, конечно, для себя, и вряд ли мог устанавливать дань в пользу варягов».¹⁴⁸ Сложность, однако, состоит в том, что, помимо Повести временных лет, варяги в качестве адресата новгородской дани фигурируют также в Новгородской Первой летописи младшего извода, содержащей «известия (в повествовании и о древнейших событиях), которых нет в Повести временных лет», и сохранившей «ряд явно более древних чтений по сравнению с Повестью временных лет».¹⁴⁹ Необходимо все-таки в согласии с киевским и новгородским летописцами конца XI–начала XII в. признать, что варяги получали дань, установленную Олегом.

Сомнительным, на наш взгляд, является вывод Б. Д. Грекова о том, будто Олег, захватив Киев, действовал там не как «военная власть, а как правитель государства», определяющий повинности «своих подданных». Этот вывод у него основан на противопоставлении терминов «устави» и «возложи», применяемых автором Повести временных лет. Оказывается, летописец, когда говорит о взимании дани с покоренных, то пользуется словом «возложи», а когда речь идет о наложении повинностей на подданных, прибегает к термину «устави». Но, как известно, княгиня Ольга, победив древлян, «възложиша на ня дань тяжьку». Вместе с тем она, находясь в Древлянской земле, «уоставляючи уставы и уроки».¹⁵⁰ Значит, можно «возложить» и «уоставить» дань, т. е. одно не исключает другое.

Возражение вызывает и то, будто Олег «сам вынужден был выплачивать дань варягам, которые неоднократно нападали на русские земли»,¹⁵¹ будто «древнерусское государство соглашается на выплату варягам дани "мира деля", ради соблюдения мира на своих северо-западных границах»,¹⁵² будто Олег в качестве киевского князя старался «оградить свое государство

¹⁴⁸ ПВЛ. Ч. II. С. 253-254.

¹⁴⁹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 107; Насонов А. Н. История русского летописания XI–XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 14.

¹⁵⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 43.

¹⁵¹ Сахаров А. Н. Поход Руси... С. 78.

¹⁵² Там же. С. 80.

от нападения соседей, в том числе и варягов».¹⁵³ Олег по смыслу этих суждений выступает в роли правителя огромного государства с центром в Киеве. Но такого государства тогда не было. Оно существует в воображении историков, которым кажется, что Олег объединил Новгород с Киевом и основал обширное государство. Грезный и объективный анализ исторических фактов развеивает мираж, под влиянием которого находились и находятся многие историки. В лучшем случае можно говорить об установлении союзнических отношений между северными племенами во главе со словенами и Русской землей, где главенствовали поляне, причем о таких союзнических отношениях, которые строились на принципах равенства, а не зависимости от Киева.¹⁵⁴ Поэтому варяги получали дань не от Олега или «древнерусского государства», а от Новгорода, о чем ясно сказано в летописи. Причастность Олега к вопросу об уплате варягам дани обусловлена тем, что он сохранял связь с Новгородом как свой, местный князь, кстати, весьма почитаемый словенами.¹⁵⁵

Широко распространенная в исторической литературе идея о наложении Олегом дани на словен, кривичей и мерю как подвластных ему племен также не соответствует действительности.¹⁵⁶ На самом деле дань получили как раз словене и союзные им племенные объединения, которые пришли с Олегом к Киеву и помогли ему изъять полянскую столицу. То были победители. А побе-

¹⁵³Толочко П. П. Древняя Русь... С.24.

¹⁵⁴См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С.123-126.

¹⁵⁵Там же. С.117, 120-123.

¹⁵⁶Тем не менее она воспроизводится и в новейших обобщающих трудах. Например, в «Истории крестьянства СССР» читаем: Дань собиралась не только с вновь присоединенных территорий. Так, Олег, пришедший в Киев из Новгорода, берет дань с новгородцев». — История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1987. Т.1. С.381. См. также: Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX - первой половины X в.// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы/ Отв.ред. А. П. Новосельцев. М., 1995. С.42.

дители, согласно обычаям века, брали дань с побежденных, в данном случае — с полян. Наше предположение о выплате дани словенам, кривичам и мери, кроме приведенных уже нами аргументов,¹⁵⁷ усиливается некоторыми текстологическими и филологическими нюансами. «Устави дани», — так читаем в записи о словенах, кривичах и мери. В записи же о варягах словоупотребление иное: «устави дань даяти».¹⁵⁸ Отсюда заключаем Олег «уставил» (положил, назначил¹⁵⁹) дани словенам, кривичам и мери в качестве единовременного побора, а варягам как постоянную (ежегодную) повинность, что подчеркнуто глаголом *даяти*, основа которого выражает повторяющееся действие. В первом случае мы имеем дело с контрибуцией, или усеченным, так сказать, видом данничества, а во втором — с долговременным изъятием материальных ценностей, реализуемым периодически, или раз в год, т. е. с высшей формой даннических отношений как коллективным способом эксплуатации одного этнополитического союза другим. Новгород обязался платить дань заморским варягам, чтобы те не тревожили словен разорительными военными набегами и вторжениями. Это была плата за мир и спокойствие («мира деля»).

А. Н. Сахаров пытается рассматривать новгородскую дань варягам с точки зрения дипломатической практики Византии, откупавшейся от грабительских нападений воинственных и жадных до богатства варваров. «Русь, — пишет он, — не оставалась в стороне от дипломатических традиций раннего средневековья, и договоры с Византией 60-х годов IX в. и 907 г. не были единственными в ее политической истории конца IX — начала

¹⁵⁷ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С.117.

¹⁵⁸ Идентичные записи содержат и такие древние памятники, как Ипатьевская летопись и Летописец Переяславля Суздальского См.: ПСРЛ. Т. II. Стб.17; ПСРЛ. Т.41. С.9.

¹⁵⁹ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С.117. Слишком вольно толкует слово «устави» в данном летописном тексте В. Я. Петрухин, по которому «Олег подтверждает своим уставом договор ("ряд") с северными племенами» (Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории... С.92). Летописец пользуется термином «устави», но не «устав», а это — вовсе не одно и то же.

X в. У нас есть свидетельства о заключении Русью договоров "мира и любви" и с другими государственными объединениями. В первую очередь здесь следует сказать о варягах.¹⁶⁰ По А. Н. Сахарову, следовательно, получается, что между Византией, платившей дань варварам, и Русью (а точнее было бы сказать: племенным союзом словен), дававшей дань варягам, нет принципиального различия: обе страны строили свои отношения с внешним миром в рамках «дипломатических традиций раннего средневековья». Но это — поверхностный взгляд, скользящий по историческим явлениям и не задерживающийся на их сути. В результате историческая картина расплывается, теряя свои конкретные черты. А суть состоит в том, что данничество есть порождение архаических обществ. Тяга к нему — имманентное их свойство. Что касается византийского общества, достигшего вершин цивилизации и потому далеко ушедшего вперед от варварских обществ, то для него данничество было чужеродным, навязываемым извне. Для варваров же оно являлось своего рода формой бытия. Отсюда у них непрестанные военные походы и войны, предпринимаемые с целью поиска данников. Поэтому Византию и восточнославянские племена, обложенные данью, разделяет целая эпоха, о чем исследователю нельзя забывать, дабы искусственно и зря не сближать Византийскую империю, откупающуюся от варварских нападений, с новгородскими словенами, уплачивающими дань таким же, как и они, варварам — варягам, и не рассматривать поведение словен и варягов с точки зрения «дипломатических традиций раннего средневековья». Последняя формула тут, пожалуй, вовсе неуместна. Ведь разве можно разбой и грабеж, пусть даже оформленные договором «мира и любви», относить к разряду дипломатических акций, хотя бы и раннего средневековья? По-видимому, нет. Прибегая к подобной терминологии, мы модернизируем историю, преждевременно цивилизуя наших предков, в чем нет никакой надобности, ибо их история и без того наполнена яркими и впечатляющими событиями. Вернемся, однако, к летописному свидетельству о трехсотгривенной дани Новгорода варягам.

¹⁶⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С.95-96.

Данное свидетельство иногда связывают с рассказом летописца под 1014 годом: «Ярославу же сущу Нове-городе, и уроком дающе Киеву две тысяче гривен от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху. И тако даяху вси посадници новъгородьстии, а Яро-слав сего не даяше к Киеву отцу своему. И рече Во-лодимер: "Требите путь и мостите мост", — хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся».¹⁶¹ С. М. Соловьев по поводу этого летописного сообщения замечал: «Преемник Рюрика оставил Новгород, но не отказался от владычества над ним: вместе с другими покоренными племенами Новгородцы принуждены были признать зависимость свою от князя Киевского, зна-ком которой служила дань Киеву в две тысячи гривен. Кроме этой ежегодной дани, Новгородцы обязаны были давать посаднику своему сперва 300, а потом 1000 гри-вен для раздачи дружине, которая блюла за сохранени-ем внутреннего наряда, общественной безопасности».¹⁶² С. М. Соловьев, как видим, излагает события в Новгоро-де во времена Олега, комбинируя, а точнее сливая два известия летописца, причем его нисколько не смущает, что в первом из них говорится об уплате дани варя-гам без упоминания посадников, а во втором — о разда-че посадниками, одним из которых был Ярослав, денег «гридем», или дружине, куда входили, по всей видимо-сти, и неваряги. Отождествлять эту дачу с данью нет никаких оснований. И все же А. Е. Пресняков, подоб-но С. М. Соловьеву, не усматривает здесь каких-нибудь различий. Он пишет: «Про времена Владимировы чи-таем: "Ярославу же сущу Новегороде и уроком дающе Киеву две тысяче гривен от года и до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху". Не умея объяснить раз-личие в числах, полагаю, однако, что это та же дань "мира деля", которую Олег "устави Варягом дань дая-ти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля"».¹⁶³

Сопоставление текстов летописи под 882 и 1014 гг.

¹⁶¹ ПВЛ. Ч.1. С.88-89.

¹⁶² Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С.24-25. См. также: Бестужев-Рюмин К. Русская исто-рия. Т.1. С.110.

¹⁶³ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909. С.196-197, прим.2.

убеждает нас в том, что они посвящены разным сюжетам. В записи, датированной 882 годом, речь идет о единовременной дани (контрибуции), которую получили словены, кривичи и меря, и о ежегодной дани, уплачиваемой Новгородом заморским варягам, чтобы те не нападали на словенские земли («мира деля»). В записи же, помеченной 1014 годом, формула «мира деля» отсутствует, вместо варягов фигурируют «гриди», а вместо дани — урок, отправляемый в Киев.¹⁶⁴ Все это, конечно, новые реалии, неизвестные Новгороду в княжение Олега, явившиеся результатом длительных взаимоотношений Киева с Новгородом. Вот почему мы считаем, что рассказы, помещенные в Повести временных лет под 882 и 1014 гг. различны по содержанию. Вернемся, впрочем, к вопросу о данничестве.

В 898 г., если верить летописной датировке, «идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедше к Днепру стаха вежами: беша бо ходяще аки се половци». Затем пришельцы «устремишася черес горы великия яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живуцая ту волохи и словене. Седяку бо ту преже словени, и волохове прияха землю словенску. Посем угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша съ словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска».¹⁶⁵ Приведенный текст составлен не ранее второй половины XI в., на что указывает ремарка летописца «беша бо ходяще аки половци». Следовательно, между его составлением и упоминаемыми в нем событиями прошло два столетия. Отсюда, надо полагать, лапидарность записи, отсутствие подробностей, касающихся того, чем кончилось стояние венгров «вежами» подле Киева, и что побудило их оставить в покое полянскую столицу. Приход венгров, по всей ве-

¹⁶⁴ Под словом «урок» подразумевалась, вероятно, дань определенного размера, обусловленного договором. Это слово этимологически связано со словами «реку», «рок». Поэтому «урок» можно понимать как уговор, договор, как нечто установленное. — См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Г. IV. С. 168; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. II. С. 200.

¹⁶⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 21.

роятности, сопровождался военными действиями, ибо, как справедливо замечает А. Н. Сахаров, если иноземная рать «появляется под стенами большого и богатого города, становящегося уже "матерью русских городов", то не прогулки ради совершается это путешествие на север — в сторону от намеченного движения на запад через Северное Причерноморье. Но русские авторы либо не знали событий, разыгравшихся под киевскими стенами, либо, зная их, сокрыли для последующих поколений. Однако одного не мог скрыть летописец: над русской столицей нависла смертельная опасность. Враги окружили город, стали вежами, т. е. повели себя так, как и другие кочевники — половцы, заклятые враги Руси уже в XI–XII веках. Их манеру осады русских городов прекрасно знал древний автор и живо воспроизвел ее, описывая венгерский выход из степей».¹⁶⁶

Древнерусскую летопись дополняет историческое сочинение «Деяния венгров», написанное безымянным нотариусом венгерского короля Белы III в 1196–1203 гг. и восходящее отчасти к протографу XI века.¹⁶⁷ В этом сочинении говорится о том, что венгры «достигли области Русов (*ad partes Rutenorum*) и, не встретив какого-либо сопротивления, прошли до самого города Киева (*Kyev*). А когда проходили через город Киев, переплывая [на паромках — *transnavigando*] реку Днепр, то захотели подчинить себе королевство Русов. Узнав об этом, вожди (*duces*) Русов сильно перепугались, ибо они услышали, что вождь Альмош, сын Юдьека, происходит от рода короля Аттилы, которому их предки платили ежегодную дань. Однако киевский князь (*dux de Kyev*) собрал всех своих вельмож (*primates*), и, посоветовавшись, они реши-

¹⁶⁶ Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...»: Рождение русской дипломатии. Л., 1986. С.93. См. также: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С.97. Свидетельство летописца о том, как угры «сташа вежами» у Киева, позволило С. А. Плетневой говорить о «характерной форме нашествия». — Плетнева С. А. Кочевники и раннефеодальные государства степей Восточной Европы// История Европы в восьми томах. М., 1992. Т.2. С.227.

¹⁶⁷ Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в.// Международные связи России до XVII в. Сб.статей/ Под ред. А. А. Зимины и В. Т. Пашуто. М., 1961. С.131-132, 146, 149.

ли начать битву с вождем Альмошем, желая лучше умереть в бою, нежели потерять свое королевство и помимо своей воле подчиниться вождю Альмошу». Русы проиграли битву. А «вождь Альмош и его воины, одержав победу, подчинили себе земли Русов и, забрав их имущества (вопа), на вторую неделю пошли на приступ города Киева». Тогда местные правители изъявили полную покорность вождю венгров, который потребовал от местных князей и их вельмож отдать «ему своих сыновей в качестве заложников», уплатить «в виде ежегодного налога десять тысяч марок» и, кроме того, предоставить «продовольствие, одежду и другие необходимые вещи». Требование было выполнено, но с условием, что венгры оставят Киев и уйдут «на запад, в землю Паннонии», что и было исполнено.¹⁶⁸

При оценке событий, связанных с русско-венгерскими отношениями конца IX века и нашедших отражение в Повести временных лет, а также в известиях венгерского Анонима, необходимо, на наш взгляд, отказаться от двух крайностей, наблюдаемых в современной исторической литературе. Первая крайность состоит в том, будто венгерские вожди со своим народом мирно прошли через земли Руси,¹⁶⁹ а вторая — в покорении венграми русских земель и возложении на русов ежегодной дани.¹⁷⁰ Можно согласиться с В. П. Шушариным, что «венгры-кочевники прошли через Русь не как завоева-

¹⁶⁸ Там же. С. 137, 138, 140-141. Рассказ Анонима о прохождении венгров мимо Киева, об осаде города и покорении русов подвергался сомнению еще в прошлом столетии (см., напр.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. С. 251-253; Смирнов М. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею. (1387). СПб., 1860. С. 29-31, прим. 14). Современный исследователь В. П. Шушарин, критически проанализировав источник, пришел к заключению о достоверности его сведений относительно пути венгров-кочевников в Паннонию и свидетельства «о проходе венгерских племен через район Киева». — Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. С. 155, 157.

¹⁶⁹ Об этом писал В. Т. Пашуто. — См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 49-50. См. также: Павлушкова М. П. Русско-венгерские отношения до начала XIII века // История СССР. 1959, № 6. С. 151, 153.

¹⁷⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С. 97.

тели». ¹⁷¹ Но это не значит, что у приднепровских славян с венграми не было никаких военных конфликтов. Венгерское предание, которым воспользовался Аноним, рассказывало, как полагает В. П. Шушарин, о «столкновениях венгерских племен с русскими и об установлении между ними мирных отношений. Условиями этого мира были уход венгров с русской земли в Паннонию и предоставление русскими их бывшим противникам помощи продовольствием и другими предметами первой необходимости». ¹⁷² По всей видимости, надо говорить не просто о «помощи продовольствием и другими предметами первой необходимости», а о выкупе, откупе, предотвратившем взятие и разорение Киева уграми, иначе о контрибуции, но не ежегодной дани.

Принудить киевских полян к более или менее длительному данничеству венгры не могли. Они находились в состоянии миграции и не имели еще освоенной территории, которая могла бы служить базисом для организации военных операций и удержания в даннической зависимости встреченных на миграционном пути племен. Проникнув в Паннонию, угры погрузились в войны с тамошним населением, чтобы силой утвердить свое право на захваченные земли. Отзвуки этих войн сохранились в Повести временных лет, где читаем, как угры «почаша воевати на живущая ту волохи и словени». Ясно, что венграм тогда было не до русов, обитавших в Среднем Поднепровье.

Задержка угров в Русской земле, очевидно, была продиктована потребностью пополнения продовольствием и припасами, истощившимися за время долгой дороги. Понятно, почему венгерский Аноним сообщает о выдаче русами «вождю Альмошу» и его воинству пищевых продуктов, одежды, лошадей «с седлами и удилами», верблюдов «для перевозки грузов». Соглашение о мире сопровождалось дарами, среди которых называются меха ласки и белки. Наряду с дарами русы выплатили контрибуцию (откуп) в обмен на отказ венгров брать Киев приступом. Удовольствованные и отягощенные полученным добром угры двинулись в дальнейший путь.

¹⁷¹ Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. С.179.

¹⁷² Там же. С.171.

А. Н. Сахаров усматривает в русско-венгерском соглашении, как и в договорах Руси с Византией, проявление «дипломатических традиций раннего средневековья», еще раз демонстрируя не столько исторический, сколько наивнопатриотический подход в осмыслении фактов прошлого.¹⁷³

Восточные славяне не только платили контрибуции и дани, но и сами добывали их с оружием в руках, нападая на соседние страны, прежде всего на Византию, манившую варваров сказочным богатством. В 907 году князь Олег, собрав огромное разноплеменное войско, «иде на Греку». ¹⁷⁴ Достигнув Царьграда, он «выиде на брег и воевати нача, и много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. . . и многа зла творяху русь греком, елико же ратнии творять». ¹⁷⁵ Греки стали просить Олега: «*Не погубляй града (выделено нами. — И. Ф.), имем ся по дань, яко же хочещи*». Князь запросил дань из расчета 12 гривен на каждого воина. «*И яшася греци по се, и почаша мира просити, дабы не воевал Грецкые земли (выделено нами. — И. Ф.)*. Олег же, мало отступив от града, нача мир творити со царьма грецкими, со Леоном и Александром, посла к нима в град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава, и Стемида, глаголя "Имите ми ся по дань"». Греки выдали олеговым воям «по 12 гривен на ключ» и согласились «даяти уклады на рускыа грады». ¹⁷⁶ Разберемся по порядку в греческих даях. Дело это, впрочем, достаточно сложное, запутанное многими поколениями историков. Некоторых исследователей летописная статья, содержащая рассказ о походе Олега на Царьград, поражает своей неожиданностью. Именно такое ощущение переживает А. Н. Сахаров, когда, обращаясь к ней, сталкивается с двумя как бы взаимоисключающими «заповедями» князя Олега: выплатить дань на каждого че-

¹⁷³ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. . . С.96-97.

¹⁷⁴ О достоверности похода см.: Сахаров А. Н. 1) Поход Руси на Константинополь в 907 году; 2) «Мы от рода русского. . .». С.105-113. Ср.: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории. . . С.135-137.

¹⁷⁵ ПВЛ. Ч.1. С.24.

¹⁷⁶ Там же.

ловека и «на ключь». Эти две головоломные «заповеди» породили у историков немало изобретательности, чтобы как-то согласовать их.

В. Н. Татищев изображал произошедшее у стен Царьграда так, словно у него перед глазами был другой источник, отличающийся от известной нам древней записи. В первой редакции его Истории читаем: «И заповеда Олег дань даяти на 2000 кораблей, по 12 гривен на корабль, а в корабле по 40 мужей». Другая заповедь у него сформулирована так же: «И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь (на судно)...».¹⁷⁷ Не находя, по-видимому, здесь никакого различия или противоречия, историк во второй редакции своей Истории объединил две «заповеди» в одну: «И положи Олег дань на 2000 кораблей по 12 гривен на каждый ключь сребра, а в каждом корабли 40 человек счислялось».¹⁷⁸

Сходный прием у М. В. Ломоносова, хотя он, в отличие от В. Н. Татищева, говорил об уплате греками дани не на корабль, а на человека: «Дани потребовано от них по двенадцати гривен на человека. Всех было восемьдесят тысяч, по сороку на судне. На требование согласились, просили мира и прекращения разорительных военных действий. Олег, отошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями. Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на человека, платить дань в каждые полгода на российские города...».¹⁷⁹ О требовании Олега выдать разовым порядком дань на каждого находящегося с ним человека писали Ф. А. Эмин и М. М. Шербатов.¹⁸⁰

«Выше всякого вероятия» считал И. Н. Болтин мнение о дани на человека. Он полагал «весьма возможной и

¹⁷⁷ Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 116.

¹⁷⁸ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 36.

¹⁷⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 222.

¹⁸⁰ Эмин Ф. Российская история... СПб., 1767. Т. I. С. 119, 121; Шербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. I. С. 203.

с летописью согласной» выплату дани на «каждое судно», приводя в качестве довода следующее соображение: «Флот сей (Олега. — И. Ф.) состоял из 2000 судов, на каждом судне было по 40 человек; то если на каждого человека положить по 12 гривен, составит всего 960 000 гривен, сиречь фунтов или литр. Такова количества серебра, уповаю, всей Греции в наличности не могло сыскаться».¹⁸¹

Точку зрения М. В. Ломоносова отверг также И. П. Елагин: «Здесь примечается великая в Ломоносове ошибка. Он говорит, по 12 гривен на человека: число 80 000 необъятное. Но Нестор точно скажет: на ключ, то есть на лодку. Видно, что сие древнее речение было Ломоносову не известно, или он его не приметил».¹⁸² И. П. Елагин, как и его предшественники, предполагал одноразовую выплату дани на каждую русскую ладью.

А. Л. Шлецер, полемизируя с теми историками, которые под летописным «ключом» разумели судно или лодку, замечал: «Но в словарях нахожу я только два значения слову ключ: собственно ключ и у каменщиков тот камень, которым замыкается свод, что называется также замок; каким же образом господа эти докажут, что оно в третьих значит лодку? Но если бы можно было чем доказать это, то оно очень хорошо бы шло к словам времяника. Олег потребовал сперва страшную сумму по 12 гривен на человека, но после, как обыкновенно случается, начал торговаться и согласился на 40-ю часть».¹⁸³

Не знал, чем «можно утвердить истину толкования» ключа как лодки и Н. М. Карамзин. «В какой старинной Русской книге, в каком Славянском наречии слов *ключ* знаменует лодку?» — с пафосом спрашивал он. Знаменитый историограф был убежден, что речь в летописи идет о дани на каждого воина, что слово «ключ» употреблено летописцем «в смысле человека».¹⁸⁴

Замечания Н. М. Карамзина не повлияли на М. П. По-

¹⁸¹ Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России Г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I. С. 68.

¹⁸² Елагин И. Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. I. С. 200.

¹⁸³ Шлецер А. Л. Нестор. СПб., 1816. Т. II. С. 645.

¹⁸⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. I. С. 104-105, 256.

година, который уверенно заявлял: «Греки спросили, сколько дани угодно Руси. Олег потребовал по 12 гривен на ключ или лодку (что составило около трехсот пуд серебра)».¹⁸⁵

Двойное упоминание дани (на человека и на ключ) С. М. Соловьев отнес на счет составителя летописи: «Известный характер рассказа о походе Олеговом ясно указывает на источник — устные народные сказания, причем в летописи нельзя не заметить сшивку двух известий: она обличается повторением одного и того известия о дани сперва по 12 гривен на человека, а потом по 12 гривен на ключ».¹⁸⁶ Историк принял вторую версию, полагая, что олеговы послы Карл, Фарлоф, Велмуд, Рулав и Стемид «вытребовали по 12 гривен на корабль». Летописный «ключ», по С. М. Соловьеву, — это лодка, корабль. Ключом также «назывался багор, или крюк, которым привлекали лодки к берегу».¹⁸⁷

На сложную работу летописца указывал и В. И. Сергеевич. Обращаясь к рассказу летописи о походе Олега на Царьград, он замечал: «Все место летописи о мире 907 года представляется очень спутанным: тут есть очевидные повторения и вставки, прерывающие последовательное течение мысли. Составитель как будто имел под руками разнообразный материал, из которого он хотя и построил нечто целое, именно рассказ о походе и мире 907 года, но в ущерб ясности и последовательности изложения».¹⁸⁸ Сообщения летописца о двух «заповедях» Олега, первая из которых говорила о выплате дани на человека, а вторая — на ключ, воспринимались В. И. Сергеевичем как относящиеся к одному и тому же событию, но основанные на разных источниках.¹⁸⁹

Вставочный характер летописных известий (легендар-

¹⁸⁵ Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. I. С. 12.

¹⁸⁶ Соловьев С. М. Соч. М., 1988. Кн. II. С. 102.

¹⁸⁷ Соловьев С. М. Соч. Кн. I. С. 134, 297, прим. 181.

¹⁸⁸ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 628-629.

¹⁸⁹ Там же. С. 629-630. См. также: Барац Г. М. Критический сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1911. С. 24. Д. М. Мейчик тоже находил здесь повтор. — Мейчик Д. Русско-византийские договоры // ЖМНП. 1915, октябрь. С. 300.

ных в своей основе) об олеговых даях не вызывал сомнений у М. С. Грушевского. Поздней вставкой ему казался текст летописи от слов «и начаша Греци мира просити» до слов «и рече Олег». След вставки он видел «в повторном заявлении греков, что они готовы давать дань». В самой вставке М. С. Грушевский не исключал «додатки самого редактора»: в частности, из легендарного рассказа было взято и повторено здесь свидетельство «про контрибуцію по 12 грив. на чоловіка (цифра неймовірна, і ся подробиця могла заступити загальну згадку про контрибуцію в умови)».¹⁹⁰

Несколько иное толкование летописной записи предложил А. В. Лонгинов. Исследователь договоров русских с греками утверждал, что «содержание той заповеди, которая предъявлена Олегом в приступе к соглашению с греками, вошло в первую главу... условий мирного договора, судя по повторению ее сущности, с незначительным лишь редакционным изменением, вместо 12 гривен "на человек" .. 12 гривен "на ключ"». Согласно А. В. Лонгинову, «дань в 12 гривен потребована по количеству не людей, как думал Погодин, а воинов».¹⁹¹

В советской историографии сложился тот же, собственно, набор мнений. Как и в старой исторической литературе, здесь слышатся сетования относительно сбивчивости и неясности летописного рассказа, повествующего о происшествиях под Константинополем в 907 году. Вот слова одного из крупных знатоков истории Древней Руси: «В летописном рассказе много неточного, много фантастического, вроде того места, где говорится о том, что Олег поставил корабли на колеса. Вызывает сомнение уплата греками 12 гривен на человека, хотя "на ключ" 12 гривен дани Византия уплатить могла, если в этом "ключе" видеть "ключ" — уключину, т. е. символ русской ладьи».¹⁹² В. В. Мавродин, кому принадлежат эти слова, выбирает, следовательно, из двух "разноречивых" сообщений о даях то, которое ему представля-

¹⁹⁰ Грушевський Михайло. Історія України-Руси. Київ, 1913. Т. 1. С. 431, прим. 2.

¹⁹¹ Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками... С. 55.

¹⁹² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 228.

ется более правдоподобным.

В. Т. Пашуто допускает возможность обеих «заповедей» Олега, но выплату дани связывает со второй, где значится «ключ». Ученый пишет: «Согласно договору Олег будто бы получил 12 гривен на "ключ", т. е. на руль, на корабль (первоначально он требовал эту сумму на каждого воина), что составило огромную дань в 24 тыс. гривен».¹⁹³

Встречаются исследователи, которые предпочитают говорить о греческой дани только на человека, не замечая свидетельства летописи о другой раскладке этой дани «на ключ». К ним принадлежит О. М. Рапов.¹⁹⁴ Вместе с тем существуют примеры использования летописных указаний «на человека» и «на ключ» как одинаковых по смыслу и потому взаимозаменяемых. «Результатом похода 907 г., — читаем в книге П. П. Толочко, — стал договор, заключенный между Византией и Русью в этом же году. Для Руси он был весьма почетным и выгодным. По его условиям Византия обязывалась уплатить единовременную контрибуцию "по 12 гривен на ключ" (в другом месте "на человек"), а также давать ежегодную дань».¹⁹⁵

По догадке А. Н. Сахарова, условие об уплате дани «на ключ» как бы корректирует первое требование Олега об уплате 12 гривен на каждого человека. Сама же «сумма, которую греки должны были выплатить руссам "на ключ", по-видимому, являлась единовременной денежной контрибуцией победителю».¹⁹⁶

Завершая историографическую справку о даннических «заповедях» князя Олега, упомянем А. Г. Кузьмина, который в летописной статье, помеченной 907 годом, подготавливал компиляцию различных источников. «Компи-

¹⁹³ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С.60.

¹⁹⁴ Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте... С.57.

¹⁹⁵ Толочко П. П. Древняя Русь. С.26. В дореволюционной историографии подобные суждения также имели место. — См., напр.: Самоквасов Д. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяноруссов к грекам до Владимира Святославича Равноапостольного // Варшавские университетские известия. 1886, № 6. С.14.

¹⁹⁶ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С.108.

лятивность статьи. — утверждал он, — хорошо видна, в частности, в следующем повторе: Олег посылает к двум императорам требование: "Имите ми ся по дань". И реша Греци: "чего хочеши дамы ти". И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь". Между тем выше уже говорилось о "заповеди" Олега, только вместо понятия "ключ" (т. е. "уключина", где крепится весло) там счет велся на количество людей. Разная терминология в данном случае свидетельствует о разных источниках, в неодинаковых выражениях говоривших об одном и том же.¹⁹⁷

По нашему мнению, в исторической литературе до сих пор не дано удовлетворительного толкования летописной статьи, повествующей о событиях под Царьградом в 907 году, тогда как статья эта достаточно ясно рассказывает о произошедшем и (что самое главное) представляет собою единый и цельный текст, а отнюдь не компиляцию, составленную из различных источников. Чтобы убедиться в сказанном, прислушаемся к словам летописца. Он говорит, что войско Олега, сойдя на берег, принялось убивать, разорять и грабить окрестности ромейской столицы: «И выиде Олег на брег, и воевати нача, и много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленники, овех посекаху, другиа же мучаху, иные же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа златворяху русь греком, елико же ратнии творять». Затем началась подготовка к штурму города, что нашло отражение в фантастической сцене движения по суку поставленных на колеса парусников.¹⁹⁸

Падение Константинополя со всеми вытекающими из

¹⁹⁷ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С.329-330. См. также: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С.119. В комментариях к Повести временных лет, изданной А. Г. Кузьминым и В. В. Фоминым по Лаврентьевскому списку, читаем следующее: «Летопись дает два варианта предания: в одном случае дань берется на каждого мужа, коих по 40 в ладье, в другом на уключину, коих в той же ладье 12». — Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993. С.317.

¹⁹⁸ Впрочем, эта сцена, быть может, не столь уж и фантастична. По Д. Я. Самоквасову, известие летописи об идущих на кре-

него трагическими последствиями для городского населения казалось, надо думать, весьма реальным. И греки, чтобы избежать такой катастрофической развязки, стали просить Олега: «Не погубляй града, имем ся по дань, яко же хоцещи». Князь потребовал выплатить дань на каждого человека (воина) по 12 гривен.¹⁹⁹ Ромей «яшася по се», т. е. согласились, обязались выдать затребованное.²⁰⁰ Следовательно, свой отказ от взятия и разорения Царьграда русский князь обусловил выкупом, из которого каждый воин получал положенную ему долю. Участниками дележа этого выкупа (дани, по терминологии летописца) были те воины, которые шли на приступ византийской столицы. Вместе с князем Олегом они и поделили первый выкуп. Подчеркнем еще раз, что то был выкуп только за Царьград. Намек на то, что его уплатили русам, имеется в летописном рассказе. Когда греки изъявили готовность дать дань, Олег, по выражению Лаврентьевской летописи, «устави воя».²⁰¹ Фразу

после олеговых кораблях, «признаваемое в литературе явно баснословным, объясняет нам устройство древнерусского подвижного укрепления, называвшегося обозным градом или гуляй-городом и употреблявшегося при осаде и защите городов... В летописи, например, говорится: "близ же града, яко поприща два поставиша град, обоз нарицаемый, иже некоею мудростию, на колесницах устроен и к бранному ополчению зело удобен". Отсюда понятен ужас Греков, ожидавших обыкновенного приступа неприятеля, но увидевших движение подвижной крепости, защищавшей неприятеля и дававшей ему возможность легко взобраться на высокие стены Константинополя». — Самоквасов Л. Свидетельства современных источников... С.13-14. См. также: Сахаров А. Н. Поход Руси на Константинополь в 907 году. С.95.

¹⁹⁹Возможно, что размеры дани и число воинов, получивших ее, преувеличены летописцем. Еще Н. М. Карамзин высказал предположение о том, что «Нестор увеличил взятую дань или число Олеговых воинов» (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.1. С.257, прим.310). Современный исследователь М. В. Левченко считает описание олегова похода легендарным, «так же как и указанный там размер дани». — Левченко М. В. Очерки... С.119.

²⁰⁰Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т.III. Стб.1673.

²⁰¹ПСРЛ. М., 1962. Т.1. Стб.30.

«устави воя» обычно переводят как остановил воинов.²⁰² Однако в Ипатьевской летописи и Летописце Переяславля Суздальского читаем «стави вои»,²⁰³ а в Новгородской Первой летописи младшего извода — «състави воя».²⁰⁴ Можно думать, что Олег не остановил, а поставил, собрал, построил своих воинов.²⁰⁵ К этому склоняет рассказ о «брашне и вине», которые «вынесоша» ему. Надо полагать, что греки «вынесоша» еду и хмельной напиток перед собранными воедино воями. По всей видимости, состоялось какое-то ритуальное языческое действие, символизирующее со стороны Руси прекращение военных действий. Тогда же, наверное, произошла раздача греческой дани (выкупа) ради спасения Царьграда. Но это не означало окончания войны. Оставив в покое столицу, Олег со всем воинством мог пойти, к примеру, на Амастриду, Сурож или другой какой-нибудь византийский город и там продолжить разорение и грабежи. Поэтому для полной безопасности страны нужен был, так сказать, полномасштабный мир. Вот почему «почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкыя земли».²⁰⁶ Если в первом случае греки просили не гу-

²⁰² См., напр.: ПВЛ. Ч.1. С.220; Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957. С.15; Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы XI–начало XII века. М., 1978. С.45; Се повести временных лет... С.52.

²⁰³ ПСРЛ. М., 1962. Т.II. Стб.21; ПСРЛ. Т.41. С.12.

²⁰⁴ НПЛ. С.108. В тексте значится «исъстави», что является, по-видимому, опиской переписчика.

²⁰⁵ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.III. Стб.485, 823. Добавим к этому, что слово «установити» означало, помимо *остановить*, *прекратить*, еще и *устроить*, *подворить порядок*. — Там же. Стб.1275.

²⁰⁶ К этой мысли шел А.В. Лонгинов. «Одною данью, — говорил он, — греки могли лишь временно обеспечить Царьград от угрожающего ему разгрома. Им подобало надолго обезопасить всю Грецию от русского оружия, а потому они и стали домогаться мирного договора со включением в него обязательства Олега, "дабы не воевал грецкыя земли"» (Лонгинов А.В. Мирные договоры... С.55). К сожалению, исследователь свернул с правильного пути и стал, как мы знаем, утверждать, будто «содержание той заповеди, которая предъявлена Олегом в приступе к соглашению с греками, вошло в первую главу... условий мирного договора». — Там же.

бить Царьград, то теперь они просят не воевать их землю — страну. Просьбы, как видим, разные. Естественно, что и выполнение их было обставлено разными условиями. Сначала Олег потребовал, чтобы греки выкупили стольный град, а потом выдвинул в качестве условия заключения мира выдачу единовременной дани на каждый корабль («ключ»), а также «укладов» на русские города. Греки и на это согласились, что показывает, в каком бедственном и безысходном положении они оказались.

Таким образом, мы не находим в летописном рассказе о походе Олега на Константинополь в 907 году никаких повторов и потому не считаем верным распространенное в исторической литературе мнение, будто этот рассказ скроен и сшит из разных источников. Напротив, мы имеем цельное повествование, отразившее последовательный ход событий у стен византийской столицы, бессилие греков перед бесчисленным воинством варваров, обуреваемых жадной обогащения и для удовлетворения своей страсти готовых на самые страшные деяния.²⁰⁷ Конечно, в нем нет желательной нам стройности, более того, оно несет на себе зримую печать легенды. Но задача исследователя в том и заключается, чтобы за легендарными пассажами увидеть подлинную жизнь.

Наряду с разовыми платежами «на человека» и «на ключ», т. е. дважды собранной контрибуцией,²⁰⁸ Олег вынудил греков платить регулярную дань. О том, что такая дань была установлена, заключаем из концовки летописной статьи о походе 907 года, где сказано: «Царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою...».²⁰⁹ Еще В. Н. Татищев точно определил эту дань как погонную и отождествил ее с «укладами», какие греки, по

²⁰⁷ Мы не хотим сказать, что, кроме желания обогатиться, русы в походе 907 года не преследовали иных целей. Они, несомненно, хотели наладить торговлю с греками, установить политические связи с Империей. Но главная пружина, двинувшая в поход огромное воинство — это страсть к богатству, порожденная особым складом сознания варваров, о чем уже у нас шла речь. — См. с.59-60 настоящей книги.

²⁰⁸ Ср.: Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». С.124-125.

²⁰⁹ ПВЛ. Ч.1. С.25.

выражению историка, «русским княжениям давали».²¹⁰ Новейший исследователь А. Н. Сахаров рассматривает «уклады» как регулярную ежегодную дань, «которую Византия, как правило, выплачивала либо своим союзникам, либо тем победителям, которые "за мир и дружбу", т. е. за соблюдение мирных отношений, вырывали у империи...».²¹¹ Это справедливо, но в самом общем плане, если иметь в виду существо даннических платежей Византии тем, кто их домогался. «Уклады» же как конкретное явление есть порождение именно русско-византийских отношений, развивавшихся под сильным воздействием своеобразного политического статуса городов на Руси X века.

«Очень любопытно, — замечал в свое время И. Е. Забелин, — постановление Олега давать на русские города уклады. Если такой устав вместе с данью на 2000 кораблей по 12 гривен на человека можно почитать эпической похвалюбою и прикрасою, то все-таки несомненно, что эти уклады явились в предании не с ветра, а были отголосками действительно существовавших когда-либо греческих же даней, распределяемых именно по городам».²¹² О том, что летописец брал свои сведения «не с ветра», думал и Б. Д. Греков, подчеркивая бесспорную согласованность текста русско-византийских договоров X века с записями летописца.²¹³ Правда, Б. Д. Греков полагал, будто автор Повести временных лет (или его продолжатель — компилятор) от себя прибавил к перечню городов Полоцк, Ростов и Любеч.²¹⁴ Причем он исходил из того, что Полоцк был присоединен к владениям киевского князя лишь при Владимире

²¹⁰Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 36. Отдельные представители дореволюционной историографии относили «уклады» к «дарам», «поминкам». — См.: А. Л. Шлецер. Нестор. Ч. II. С. 643, 645; Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915. С. 154.

²¹¹Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 109.

²¹²Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен М., 1912. Ч. 2. С. 130. См. также: Аксаков К. С. Поли. собр. соч. в 3-х томах. М., 1889. Т. 1. С. 505-506.

²¹³Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 295.

²¹⁴Там же

Святославиче в 980 году.²¹⁵ Однако решение данного вопроса должно зависеть не от того, когда был присоединен к Киеву тот или иной город, а от того, кто участвовал в походе. Из летописи известно, что Олег «иде на Греки», собрав «множество варяг, и словен, и чюдь, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци».²¹⁶ Поэтому нет ничего искусственного в упоминании среди «градов» Полоцка — города кривичей, принявших непосредственное участие в походе на Царьград.²¹⁷ То же можно сказать о Ростове, где жила меря и, вероятно, кривичи,²¹⁸ а также о Любече, расположенном в области обитания северян.²¹⁹ Кстати, М. Н. Тихомиров расценил упоминание Любеча в числе русских городов, получавших дань с Византии, как предостережение против распространенного мнения о вымышленности известий летописца.²²⁰ Правоту ученого подтверждает содержащееся в тексте договора 907 года условие, отражающее все тот же своеобразный статус древнерусских городов: «Приходячи Русь да витают у святого Мамы, и послеть царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмут месячное свое, — первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля, и прочии гради».²²¹ И. Е. Забелин следующим образом прокомментировал данный отрывок: «От каждого города в Царьград хаживали особые послы и свои гости, которые по горо-

²¹⁵ Там же. С.295-296.

²¹⁶ ПВЛ. Ч.1. С.23.

²¹⁷ См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX-XIII вв. М., 1966. С.238.

²¹⁸ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья М., 1961. С.198-201; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С.290.

²¹⁹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С.147-148.

²²⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С.345.

²²¹ ПВЛ. Ч.1. С.25. Киев, Чернигов и Переяславль выделены здесь не случайно. Это города Русской земли — ядра, вокруг которого формировался общевосточнославянский межплеменной союз. — См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991.

дам получали и месячное содержание от греков, а это, со своей стороны, свидетельствует: что главнейшими деятелями в этих отношениях были собственно города, а не князья и что князь в древнейшем русском городе значил то же, что он значил впоследствии в Новгороде». ²²² Историк несколько торопил события, уравнивая положение князя в Новгороде будущих времен с положением князей в городах Руси X века. Достаточно сказать, что восточные славяне в X веке находились еще во власти родоплеменных отношений, тогда как люди Древней Руси XI–XII вв., в том числе, разумеется, и новгородцы, жили в условиях территориально-общинного строя. Это — две разные, хотя и тесно связанные друг с другом, эпохи начальной русской истории. Соответственно и положение князя в каждой из них имело свои особенности. При всем том И. Е. Забелин, однако, верно угадал пропускаемое в источнике своеобразное социально-политическое значение городов на Руси начала X в., которые являли собою самостоятельные государственные образования типа городов-государств, характерные для древних обществ, иначе — выступали в качестве праящих городов, где наряду с княжеской властью действовали такие присущие родовому обществу властные структуры, как совет старейшин и народное собрание. ²²³

Все это вполне объясняет, отчего в договоре Олега с греками фигурируют русские города — крупнейшие политические центры, которые санкционировали и организовали поход на Царьград, утвердив тем свое право на получение дани. По-другому рассуждает А. Н. Сахаров, отвечая на вопрос, «почему ежегодная дань — "уклады" — выплачивалась не Киевскому государству, как таковому, а на "грады": Киеву, Чернигову, Полоцку и др.». Ответ ему подсказала «практика великокняжеских пожалований дани своим дружинникам, видным помощникам». Оказывается, эта дань «отдавалась им в лен». ²²⁴ Надо сказать, что для такого рода умозаключений есть внешняя зацепка. Летописец, перечислив города, кото-

²²² Забелин И. Е. История русской жизни. . . С.130.

²²³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.223-232; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С.34-39.

²²⁴ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С.332.

рым греки обязались «даяти уклады», замечает: «по тем бо городом седяху велиици князи, под Олгом суще».²²⁵ Можно подумать, что «уклады» предназначены упомянутым великим князьям.²²⁶ Но тогда становится непонятно, зачем все ж таки в договоре называются города. Объяснять это тем, что тут перед нами случайность или несовершенство летописного слога, вряд ли правильно. Ведь в договорной статье проходит и Киев, где великим князем был сам Олег. Последнее обстоятельство с достаточной ясностью говорит, что суть вопроса заключена именно в городах.

Итак, поход на Константинополь в 907 году принес Руси огромный успех. Князь с воями дважды (за Царьград и Греческую землю) взял выкуп, а также вынудил греков платить ежегодную дань крупнейшим русским городским общинам. Победители вернулись домой с несметным богатством: «И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье».²²⁷

Коллективный характер распределения разовых контрибуций и дани (на всех воинов и города) — явный знак заинтересованности широких кругов населения Руси в военных походах, обогащавших не только их непосредственных участников, но и тех кто оставался на Руси. Следует согласиться с А. Н. Сахаровым в том, что переговоры о контрибуции и дани были вынесены Олегом «на первый план»,²²⁸ в чем, несомненно, просматрива-

²²⁵ ПВЛ. Ч.1. С.24.

²²⁶ Примерно так в свое время и думал К. Н. Бестужев-Рюмин: «Уклады, которые взял Олег с Греков на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк и Любечь, шли мужам, сидевшим со своею дружиною по городам» (Бестужев-Рюмин К. Русская история. СПб., 1872. Т.1. С.113). М. С. Грушевский, принимая «уклады» за «контрибуции», полагал, что они предназначались для «русских князів, Олегових підручних». — Грушевський Михайло. Історія України-Руси. Т.1. С.432.

²²⁷ ПВЛ. Ч.1. С.25. В так называемой Иоакимовской летописи сказано, что Олег, принудив греков «мир купити, возвратися с честію великою и богатством многим». — Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М.; Л., 1962. Т.1. С.111.

²²⁸ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С.232. В другой своей работе А. Н. Сахаров расценивает контрибуцию и ежегодную дань как «основополагающее и наипервейшее условие»

отся главная, грабительская цель появления русов под Константинополем, тогда как остальные мотивы — лишь приложение к этой цели. Нельзя, однако, поддерживать исследователя, когда он говорит об установлении «добрососедских отношений» Руси с Византией, определяя при этом выплату греками ежегодной дани как «тяжкую для них обязанность».²²⁹ Добрососедство и выполнение «тяжкой обязанности» — понятие едва ли совместимые. Договор «мира и любви», продиктованный Олегом с позиции силы, мог соблюдаться лишь до перемены обстоятельств в пользу Византии, что и произошло в конце 30-х годов X века.

К этому времени ослабло и распалось Болгарское царство, враждовавшее ранее с Византией и причинявшее ей немало хлопот и вреда. Политика болгарской правящей верхушки становилась враждебной Руси.²³⁰ Ухудшились отношения Руси с Хазарией. Но самое, пожалуй, главное состояло в том, что на южных рубежах Руси появилась новая орда кочевников — печенегов, которые очень скоро стали важным фактором внешней политики правительства Византии.²³¹ Греки нередко использовали печенегов, натравливая их на своих врагов, включая, разумеется, и Русь, в чем откровенно признается Константин Баргянородный: «Пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны,

договора 907 года, как его «центральный пункт» (Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». С.125, 126, 185). Автор допускает, на наш взгляд, неточность, когда говорит, что основными условиями русско-византийского соглашения были «мир, контрибуция, дань» (там же. С.130, 131). Правильнее, нам кажется, было бы сказать: основными условиями мирного договора, или мира, являлись контрибуция и дань.

²²⁹ Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». С.124, 125.

²³⁰ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С.128, 142, 149.

²³¹ «Существенные перемены в характере отношений с русскими, — пишет Г. Г. Литаврин, — внесло укрепление Византийской империи в 20-30-х годах X в. и вторжение в причерноморские степи полчищ печенегов. С этого времени печенежская угроза становится важнейшим фактором антирусской политики империи» — История Византии в трех томах. М., 1967. Т.2. С.230-231.

а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят против ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю».²³²

Воспользовавшись благоприятной международной ситуацией, Византия перестала платить дань Руси, что

²³²Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989. С.39. Идиллическую картину рисует А. Н. Сахаров, по мнению которого, «отношения Руси с печенегами в 30-60-х годах были дружественные. Летопись не сообщает нам о крупных военных столкновениях между Русью и печенегами с 920 по 968 год. Но под 944 годом она рассказывает о том, что Игорь выступил во второй поход против Византии совместно с печенегами ("и печенеги наа") затем после перемирия с греками он "повеле печенегомъ воевати Болгарску землю". И хотя Константин Багрянородный в своем труде "Об управлении государством" учит своего сына Романа, как использовать печенегов против Руси, киевские князья, вероятно, с наименьшим старанием стремились строить мирные отношения с кочевниками и . . . в свою очередь использовать их конницу в борьбе со своими противниками» (Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С.164). Сомневаемся, что в действительности все было так, как говорит историк. Само появление на южных рубежах Руси воинственных кочевников осложняло ее международное положение. К тому же печенеги не составляли единую массу, а распадались на ряд колен, что облегчало их использование против русов. Подобное в принципе допускает и А. Н. Сахаров (там же. С.232). Свидетельство о мирных отношениях печенегов с Русью в середине X в. он находит в известиях Ибн Хаукаля. Но рассказ Ибн Хаукаля скорее всего «перекликается с Повестью временных лет, сообщающей о том, что Святослав заключил союз с печенегами после того как они отошли от Киева», т. е. на исходе 60-х годов X в. (Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г./ Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1976. С.99). На протяжении первой половины X века мы не видим сколько-нибудь крупных военных нападений печенегов на русские земли не потому что они дружественно относились к Руси, а потому, что та была сильна, и кочевники опасались ее возмездия. — См. с.201-205 настоящей книги.

вызвало новый поход на греков, но теперь уже киевского князя Игоря. Данная причина выступления русской раги была понятна уже В. Н. Татищеву: «Игорь, посылая в Греки по дань и виде, иж греки не хотяху уложенного со Ольгом платити, иде на греки».²³³ Однако не всем исследователям она казалась очевидной, и Н. М. Карамзин, например, объяснял «войну Игореву с греками» желанием князя «прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с Империею».²³⁴ Постепенно все же в литературе зрела мысль, что не ради удалства Игорь пошел на греков, а в наказание за нарушение ими прежних соглашений. С нею мы встречаемся и в советской историографии. «Вполне естественно предположить, — писал Б. Д. Греков, — что Византия старалась ликвидировать позорные для нее условия мира 911 года. Нарушение этих условий, которыми, конечно, дорожила Русь, вызвало поход Игоря 941 года...».²³⁵ Такое же предположение высказал В. В. Мавродин: «Возможно, что Византия пыталась ликвидировать условия мира 911 года, и нарушение их и вызвало поход Игоря в 941 году».²³⁶ В аналогичном плане высказывался и М. В. Левченко, отмечавший значительное улучшение внешнеполитического положения Византийской империи в первые 20 лет правления Романа. «Это укрепление позиций Византии не могло не отразиться на ее отношениях с Русью. Византийское правительство теперь могло считать чрезмерными те уступки, которые были даны Руси по договорам 907–911 гг. и склонно было их ограничить или аннулировать». Произошел разрыв прежних отношений Руси с Византией, о чем и свиде-

²³³ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 119. Во второй редакции татищевской Истории сохранен аналогичный текст: «Игорь, посылая в Греки дани ради и видя, еже греки не хотели положенного со Ольгом платити, пошел на них». — Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 40.

²³⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. I. С. 112.

²³⁵ Греков Б. Д. Борьба руси за создание своего государства. С. 62.

²³⁶ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 237.

тельство поход русской рати на Константинополь.²³⁷ Вскоре такого рода построения историков были дополнены геополитическими, так сказать, соображениями.

Согласно Г. Г. Литаврину, «Византия, по-видимому не желала более соблюдать условия договоров 907 и 911 гг. Встревожило, по всей вероятности, империк и постепенное укрепление русских на берегах Черного моря. Русские пытались обосноваться в устье Днепра, оставаясь там и на зимнее время. Очевидно, речь шла о попытке русских использовать днепровское устье и другие районы Причерноморья в качестве плацдарма для подготовки весенних и летних военных экспедиций в бассейне Черного моря. В результате отношения Руси и Византии осложнились, следствием чего и был поход Игоря 941 года».²³⁸ Происки византийской дипломатии, настраивавшей печенегов против Руси, заставили Игоря, по П. П. Толочко взяться за оружие: «Византия, опасаясь усиления Киевской Руси, пыталась воспрепятствовать этому посредством печенежской угрозы. В Киеве не сразу разгадали коварство императорского двора и вплоть до 30-х годов X в. Русь продолжала оказывать военную помощь Византии... В конце концов двойная игра византийской дипломатии, вероятно, была раскрыта, и между сторонами произошел разрыв. В 941 г. Игорь предпринял первый поход на Византию...».²³⁹ С точки зрения А. Н. Сахарова, к разрыву мирных отношений между Русью и Византией толкало «противоборство сторон в районе Северного Причерноморья и Крыма. Другим поводом, по-видимому послужило прекращение Византией уплаты ежегодной дани...».²⁴⁰ Вместе с тем А. Н. Сахаров замечает, будто «видимым свидетельством этого разрыва стало прекра-

²³⁷ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С.137, 138.

²³⁸ История Византии. Т.2. С.231.

²³⁹ Толочко П. П. Древняя Русь... С.39.

²⁴⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С.227. Исследователь предполагает, что «одной из причин войны могло стать и стеснение русской торговли в Константинополе в ответ на русское давление в Северном Причерноморье». — Сахаров А. Н. «Мы о рода русского...». С.186.

щение империей уплаты дани Руси».²⁴¹ У автора, стало быть, получится, что неуплата греками дани являлась внешним выражением произошедшего разрыва, т. е. отказ Византии платить дань Руси явился не причиной «размирья», а его следствием. Послушаем, однако, летописца.

«Иде Игорь на Греки. И послаша болгаре весть ко царю, яко идут Русь на Царьград, скедий 10 тысящ. Иже придоша, и приплуша и почаша воевати Вифиньския страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фллогоньски земли, и всю страну Никодимийскую попленивше, и Суд весь пожгоша... Много же свытых церквий огневи предаша, монастыре и села пожгоша, и именья исмало от обою страну взяша». Далее повествуется о поражении Руси на суше и на море, а также о возвращении Игоря в Киев, где он «нача совокупляти вое многи, и посла по варяги многи за море, вабя е на греки, паки хотя пойти на ня».²⁴² При сравнении приведенного рассказа Повести временных лет с византийскими источниками (Хроникой Амартола, Житием Василия Нового) обнаруживается неточность передачи событий летописцем. Русское войско, как явствует из этих источников, проиграло битву 18 июня 941 года в первом морском сражении у Иерона, на ближних подступах к Константинополю. Много русских кораблей было сожжено «греческим огнем». Игорь с частью воинов воротился домой, и другие ушли к берегам Малой Азии. Там в районе Вифинии они все лето грабили и опустошали прибрежные области, пока византийские войска, возглавляемые Вардой Фокой и Куркасом, не вынудили их погрузиться на корабли и отплыть в сторону Фракии. Затем состоялось второе морское сражение, в котором русы опять были разбиты.²⁴³ Там бесславно закончился первый по-

²⁴¹ Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». С.185.

²⁴² ПВЛ. Ч.1. С.33.

²⁴³ См.: Истрин В. М. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград// Изв. ОРЯС. СПб., 1916. Т. XXI. Кн.2; Половой Н. Я. 1) Две ошибки древнейшего русского хрониста// ГОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV; 2) Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков// ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI; Шапов Я. Н. Русская летопись о политических

ход Игоря против греков.

В источниках нет прямых указаний на то, какую цель преследовали русы, идя «на Греки». Но из рассказов древнерусского летописца и греческих авторов о действиях русских воинов видно, что шли они прежде всего за добычей. Летописец прямо говорит о захвате ими богатства: «И именья немало об обою страну взяша». По свидетельству византийских авторов, игорево воинство, разбитое у Иерона, направилось в прибрежные районы Малой Азии, чтобы продолжить там грабежи. Богатство, честь и слава, приобретаемые в бою, — вот что манило наших предков в Византии. Но главным, судя по всему, было приобретение богатства, ибо в нем воплощались и удача, и честь, и слава, и благоволение богов.

Прямой интерес Игоря и его воинов к богатству сквозит в летописных известиях о втором походе князя на Царьград, помеченных летописцем 944 годом, когда он, «совкупив вои многи, варяги, Русь, и поляны, словени, и кривичи, и тиверьце, и печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки в лодьях и на коних, хотя мстити себе». Игорь не дошел еще и до Дуная, как перед ним появились византийские послы и сказали от лица императора: «Не ходи, но возьми дань юже имал Олег, придам и еще к той дани». Игорь созвал дружину на думу и «поведа им речь цареву. Реша же дружина Игорева: "Да аще сице глаголеть царь, то что хотим более того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто весть, кто одолеет, мы ли, оне ли? Ли с морем кто светен? Се бо не по земли ходим, но по глубине морьстей: обьча смерть всем"». Игорь послушал дружину, взял «у грек злато и паволоки» и «възратися въспять».²⁴⁴ Отсюда ясно, что поход затевался прежде всего ради дани. «Настойчивое выдвигание проблемы дани на первый план в переговорах Игоря с греческим посольством на Дунае, — пишет А. Н. Сахаров, — связь этого аспекта переговоров с русско-византийским договором 907 г., заключенным Олегом, убедительно говорят, что причи-

взаимоотношениях Древней Руси и Византии// Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину/ Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1972.

²⁴⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 33-34.

ной очередного русско-византийского конфликта наряду с борьбой за сферы влияния в Северном Причерноморье и в Крыму было нарушение Византией своих финансовых обязательств».²⁴⁵ Мы полагаем, что коренной причиной походов Игоря явилось именно «нарушение Византией своих финансовых обязательств», т. е. прекращение даннических платежей, на которое греки решились не столько в ответ на притязания Руси в Северном Причерноморье и Крыму (их значение и эффективность не следует преувеличивать), сколько вследствие улучшения внешнеполитического положения Империи, позволившего занять ей более жесткую позицию по отношению к Руси.

Греки благоразумно решили не доводить дело до войны и посулили Игорю дань, «юже имал Олег». Император готов был и на большее. «Придам и еще к той дани», — говорил он через послов. О чем здесь конкретно идет речь? У А. Н. Сахарова читаем: «Что касается слов "придам и еще к той дани", то они означают обычную надбавку к установленной сумме дани».²⁴⁶ По А. Н. Сахарову, надбавка — это увеличение именно дани. Однако не исключено тут и другое: предложение выплатить, помимо установленной Олегом ежегодной дани, единовременную контрибуцию. Недаром летописец сообщает, что Игорь с войми взяли «у грек злато и паволоки».²⁴⁷ Греки, следовательно, взяли на себя обязательство платить дань по старине и сверх того выдали в знак примирения отдельную разовую сумму, которую нельзя назвать иначе, как контрибуцией. Вряд ли стоит отождествлять ее целиком с данью, как это сделал, например, К. Д. Кавелин.²⁴⁸ Контрибуция — единовременный платеж, тогда как дань — платеж постоянный, хотя и одна и другая входят в понятие «данничество», с которым современная этнология связывает архаическую форму коллективной эксплуатации, возникшей в процессе развития межэтнических противоречий

²⁴⁵ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 228-229.

²⁴⁶ Там же. С. 227.

²⁴⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 34.

²⁴⁸ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней Руси// Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. С. 24.

и конфликтов.

Военные предприятия, организованные сыном Игоря князем Святославом по своим целям мало чем отличались от предшествующих. О воинских делах Святослава мы черпаем сведения из отечественных и византийских источников, которые не только дополняют, но и корректируют друг друга, позволяя устранить односторонность информации русских летописцев и греческих хронистов. Среди ратных занятий Святослава особый интерес для нашей темы представляют балканские войны. Киевский князь начал воевать на Балканах не без стараний Византии, имевшей обыкновение стравливать опасных для себя противников, т. е. расправляться со своими врагами чужими руками. Вот и на этот раз император Никифор Фока направил к Святославу патрикия Калокира, чтобы побудить его напасть на Болгарию. Калокир привез в Киев 15 кентинариев (1500 фунтов) золота, предназначенного для распределения между «тавроскифами» в обмен на их выступление против болгар.²⁴⁹ Миссия Калокира достигла поставленной цели: патрикий, прибыв «в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров, совратил его дарами и очаровал льстивыми речами — ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко на подкупы, и на обещания. Калокир уговорил [его] собрать сильное войско и выступать против мисян с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания...». Святослав, «возбужденный надеждой получить богатство, видя себя во сне владельцем страны мисян, поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав таким образом войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян».²⁵⁰

Б. А. Рыбаков полагает, что «никакого приглашения, никакого дружественного договора Византии с Киевской Русью, направленного против болгар, на самом

²⁴⁹ Диакон Лев. История. М., 1988. С.36-37.

²⁵⁰ Там же. С.44.

деле не было».²⁵¹ Но, помимо свидетельства византийского автора, существуют известия поздних летописцев, говорящие о том, что такого рода «приглашение» все же поступило от греков. В Никоновской летописи читаем: «О Русском князе Святославе. При сем Никифоре царе, в лето 6475, иде Святослав на Болгары. Никифору царю изведшу на них, многого ради их воевания еже на Царьград...».²⁵² Не следует отбрасывать это сообщение.²⁵³ Вместе со сведениями Льва Диакона оно должно использоваться при воспроизведении того, что предшествовало походу Святослава на Болгарию. А предшествовало ему появление в Киеве императорского посольства, которое уговаривало русов идти «на Болгары», подкрепляя свои уговоры раздачей золота. По словам М. В. Левченко, «1500 фунтов золота, привезенные в Киев Калокиром, были авансом. По выполнении возложенных на него поручений Святославу, кроме военной добычи, было обещано денежное вознаграждение».²⁵⁴ Важно подчеркнуть, что золото, доставленное в качестве аванса Калокиром в Киев, было передано не

²⁵¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С.379.

²⁵² ПСРЛ. Т.IX. С.33. Нет соответствующих данных, чтобы утверждать, как это делает А. Н. Сахаров, будто Никоновская летопись использовала здесь тексты, восходящие к «Истории» Льва Диакона (Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С.221). Вполне возможно, что составитель Никоновского свода располагал записями отечественного происхождения, где сообщалось о действиях Никифора по вовлечению Святослава в войну с болгарями.

²⁵³ Оно содержится и в татищевской Истории: «иде Святослав на Дунай по призыву Никифора на болгары, многого ради их воевания на Царьград» (Татищев В. Н. История Российская. Т.IV. С.127). Во второй редакции текст несколько иной: «Святослав елико по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, толико по своей обиде, что болгары помогали козарам, пошел паки к Дунаю» (Татищев В. Н. История Российская. Т.II. С.49). Как видим, и во второй редакции «Истории» Татищева призыв Никифора к Святославу также фигурирует, хотя и наряду с собственной обидой князя на болгар.

²⁵⁴ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С.255. См. также: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С.69.

одному Святославу, а распределено и между русами,²⁵⁵ входившими, вероятно, в ближайшее окружение князя, а также, быть может, среди более широкого круга известных в киевском обществе воинов.

Что касается Повести временных лет, то она говорит о походе Святослава без каких-либо упоминаний о предварительном соглашении греков с русами: «Иде Святослав на Дунай на Болгары. И бившимся обоим, одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеве, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на грецех».²⁵⁶ Перед нами картина войны, но отнюдь не «союза русских с болгарами», как пытается уверить Б. А. Рыбаков.²⁵⁷ Ему вообще представляется сомнительной данная летописная статья: «В этой короткой заметке ощущается ряд противоречий. Преувеличенным кажется такое большое количество дунайских городов; отчасти оно объясняется тем, что в свое время император Юстиниан построил на Дунае множество крепостей, часть которых потом опустела. Станным представляется и то, что одолел Святослав войско болгар, а дань взимал с Византии».²⁵⁸ Возможно, летописец преувеличил количество взятых Святославом болгарских городов, но ничего нет странного во взимании дани с Византии, а не с болгар. Ведь он остался в Переяславце не как завоеватель, а как правитель, князь: «И седе княжа ту». Произошла, следовательно, метаморфоза — Святослав из завоевателя превратился в правителя. При каких обстоятельствах это совершилось летописец, к сожалению, умал-

²⁵⁵ Согласно Льву Диакону, патрикий Калокир был послан к тавроскифам-росам «с приказанием распределить между ними врученное ему золото, количеством около пятнадцати кентинариев, и привести их в Мисию с тем, чтобы они захватили эту страну». — Диакон Лев. История. С.36-37.

²⁵⁶ ПВЛ. Ч.1. С.47.

²⁵⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. . С.378-379. Выражение этого «союза» историк видит в «переходе к Святославу 80 городов», что произошло «уже при первом появлении русских на Дунае» (там же. С.379). Если бы было так, как думает Б. А. Рыбаков, то летописец скорее вместо «взя 80 город по Дунаеве» написал бы «прия 80 город по Дунаеве». Слово «взя» означает тут взятие силой, захват, что противоречит мысли о союзе русских с болгарами.

²⁵⁸ Там же. С.378.

чивает, констатируя лишь факт самого превращения, которому не стоит удивляться, поскольку оно соответствовало жизненной практике. То же случилось и с Олегом, когда он, захватив Киев, стал местным, киевским князем. О том, что Святослав, находясь в Переяславце, взял на себя функции правителя, можно судить по укоризненной речи киевлян: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив». ²⁵⁹ Блюсти землю — одна из важнейших обязанностей князя как главы местной власти. Характерное признание сделал и сам Святослав, обращаясь к матери своей и боярам: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моея, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoцeve разноличные, из Чех же, из Угор среброи комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь». ²⁶⁰ Примечательна терминология Святослава. Он хочет «жити в Переяславци на Дунаи». По понятиям древнерусских людей, «жизнь» нередко означала волость, где правил тот или иной князь, а «жити» было синонимом «княжити». ²⁶¹ Любопытно и то, что Святослав смотрит на Русь как бы со стороны, поставив ее в один ряд с явно чужими народами: греками, чехами и уграми. Он как бы отделяет «свою землю» от греческой земли, русской, чешской и венгерской. Какая это земля? Конечно, болгарская. ²⁶² Поэтому бесплодны, на наш взгляд, ученые дебаты о том, русскую ли столицу или личную резиденцию намеревался

²⁵⁹ ПВЛ. Ч.1. С.48. А. Н. Сахаров, касаясь вопроса о достоверности данных слов киевлян, замечает: «Мы вовсе не считаем, что это достоверное послание, а не результат, скажем, позднейшей компиляции, однако оно в известной степени представляет собой оценку древним автором ситуации, сложившейся в Подунавье, когда, утвердившись там, Святослав не торопился возвращаться на родину и предпочитал блюсти "чюжея земли", чем заботиться о своей "отчине"» (Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С.140). Речь, полагаем, надо прежде всего вести не об оценке древним автором ситуации в Подунавье, а об оценке им поведения Святослава, бросившего Киев на произвол судьбы ради княжения в Переяславце.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С.63.

²⁶² См.: Соловьев С. М. Сочинения. Кн.1. С.160.

Святослав перенести в Переяславец.²⁶³ Он задумал совсем иное: покинуть Киев и сесть на княжение в Переяславце — там, «куда вся благая сходятся».²⁶⁴ Какую-то роль в возникновении замыслов Святослава, как уже отмечалось, играли и греки, в частности Калокир, который соблазнял Святослава «выступить против мисян с тем, чтобы после победы на ними подчинить и удержать

²⁶³ См., напр.: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.272; Левченко М. Ф. Очерки по истории русско-византийских отношений. С.200, 264; История Византии. Т.2. С.233; Толочко П. П. Древняя Русь... С.45, 46; Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.380; Перхавко В. В. Летописный Переяславец на Дунае// Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы/ Отв.ред.А. П. Новосельцев. М., 1995. С.176-177. Л. Н. Гумилев полагал, что «появившаяся у Святослава идея устроить новую столицу на окраине своей земли была не так уж нелепа. То же самое сделал Петр Великий, создавший Петербург, в котором сосредоточилась шумная жизнь нового общества» (Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С.47. См. также: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С.232). Доказательство путем аналогии, притом весьма вольной в плане правомерности сопоставления исторических явлений, разделенных несколькими эпохами, — не лучший способ познания прошлого. По словам Н. Ф. Котляра и В. А. Смолия, «кроме запальчивого заявления Святослава, скорее всего принадлежащего к тому же к фольклорным вымыслам, у нас нет оснований полагать, что князь намеревался перенести свою столицу на Дунай». — Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. Киев, 1990. С.61.

²⁶⁴ Подобным образом поступил в свое время Олег, ушедший из Новгорода в Киев, который манил его, как и Переяславец Святослава. По В. В. Мавродину, князя Святослава привлекала «перспектива стать царем Русско-Византийско-Болгарской державы». Город же Переяславец «следует рассматривать в планах Святослава как некий трамплин для овладения будущей четвертой столицей Руси, в состав которой должны были войти и обширные русские земли, и Болгария, и Византия» (Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.274-275). Столь грандиозный план создания мировой державы, приписываемый исследователем Святославу, в источниках не просматривается. Считаю, что киевский князь об этом не помышлял. — См.: Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. С.58.

страну для собственного пребывания».²⁶⁵ Калокир воспламенил воображение Святослава, который во сне уже видел себя «владельцем страны мисян».²⁶⁶

О желании Святослава уйти из Киева можно догадаться по его распоряжениям перед новым уходом в Переяславец: «Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в деревех». Новгородцам он дал Владимира.²⁶⁷ Заботой о «державе» объясняет эти меры князя В. В. Мавродин. «Похоронив мать, — пишет он, — Святослав принялся за устройство своей державы. Для этого он сажает своих сыновей Ярополка в Киеве, Олега в земле древлян, в Овруче, а Владимира — в Нов-

²⁶⁵ Диакон Лев. История. С.44.

²⁶⁶ Там же. По нашему мнению, А. Н. Сахаров несколько суживает замысел Святослава, заявляя, будто «одним из главных условий русско-византийского договора, заключенного Калокиром в Киеве, явилось согласие Византии не препятствовать Руси в ее попытках овладеть ключевыми торговыми позициями на Дунае (в первую очередь Переяславцем), которые издавна имели перво-степенное значение для русской торговли» (Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С.130). На основании летописных известий и сведений Льва Диакона восстанавливается более обширный план Святослава, возжелавшего стать «владельцем страны мисян», т.е. правителем Болгарии. Поэтому едва ли можно согласиться с М. Н. Тихомировым, полагающим, что Святослав претендовал только «на области в районе Дунайских гирл, вплоть до Доростола», поскольку «занятие этих областей облегчало торговлю Руси с Византией, пути которой неизменно шли вдоль берегов Болгарии». По М. Н. Тихомирову, центром стремления Святослава «была Добруджа, а не вся Болгария» (Тихомиров М. Н. 1) Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947. С.146, 147, 151; 2) Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С.114, 115, 118). В унисон с М. Н. Тихомировым рассуждает А. Н. Сахаров. «Конечно, — говорит он, — ни о каком завоевании Русью Болгарии не могло быть и речи, и мы присоединяемся к точке зрения тех историков, которые считали, что целью первого балканского похода Святослава являлось овладение лишь территорией нынешней Добруджи, дунайскими гирлами с центром в городе Переяславце». — Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С.129.

²⁶⁷ ПВЛ. Ч.1. С.49-50.

городе. Такое распределение диктовалось необходимостью создать крепкую власть в недавно покоренной Древлянской земле и иметь в своих руках оба крупнейших города на великом водном пути "из варяг в греки"». ²⁶⁸ А. Н. Сахаров обнаружил тут раздел Руси: «Возвращаясь после смерти Ольги в июле 969 года на Дунай, в свой любимый Переяславец, Святослав даже разделил Киевскую землю между своими сыновьями. В Киеве он посадил Ярополка, древлянскую землю отдал Олегу, в Новгород отправил Владимира». ²⁶⁹ Однако ни В. В. Мавродин, ни А. Н. Сахаров, ни многие другие ученые не оценили должным образом факт наделения Ярополка «матерью градов русских» — Киевом. Ведь Святослав сажает Ярополка в Киеве, иначе — передает ему княжескую власть. ²⁷⁰ Перед нами уникальный, пожалуй, в истории Древней Руси случай, когда власть в Киеве получил сын при живом отце. А это, безусловно, означает, что мотивы передачи Святославом власти в Киеве старшему сыну были весьма необычны. Они явились следствием решения Святослава переселиться в Переяславец и сесть там на княжение. Вер-

²⁶⁸ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства С.276.

²⁶⁹ Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». С.301. См. также: Толочко П. П. Древняя Русь... С.46.

²⁷⁰ Уместно здесь вспомнить В. Н. Татищева, который писал о том, как Святослав «распорядил о всем правлении и определил старейшего сына своего Ярополка со всю властью в Киеве...» (Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С.51). Нельзя согласиться с М. В. Левченко, когда он говорит, что Святослав, отогнав печенегов от днепровской столицы и дождавшись смерти Ольги, «посадил своего сына Святополка (?) в качестве наместника Киева» (Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С.264). Будь так, как утверждает М. В. Левченко, Киев из правящего над восточнославянскими племенными союзами центра превратился бы в наместничество, зависимое от Переяславца со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до данничества. Полагаем, что такого понижения политического статуса Киева не допустила бы местная полянская община, принимавшая активное участие в выработке и проведении политики своих князей. — См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.123-130.

но угадал намерение киевского князя С. М. Соловьев: «Святослав спешил окончить свое княжение на Руси: он посадил своего старшего сына в Киеве, другого, Олега, — в земле Древланской».²⁷¹

Все это позволяет разрешить недоумение Б. А. Рыбакова относительно того, что Святослав княжил в Переяславце, а дань брал с греков. Взойдя на княжеский стол в Переяславце,²⁷² он не мог собирать дань с местного болгарского населения, ибо данью облагали чужие племена и народы. Дань являлась выражением внешнего господства, навязанного и поддерживаемого военной силой. Она была унижительной для свободного народа. Вспоминается описанный Львом Диаконом характерный в этой связи эпизод, произошедший в Царьграде, когда к императору Никифору пришли болгары и заявили, что «их властитель требует обычной дани, за которой они посланы теперь к василевсу. [Никифор] был спокойного нрава, и его нелегко было вывести из

²⁷¹ Соловьев С. М. Соч. Кн.1. С.155. Правильно С. М. Соловьев истолковал и фразу из речи Святослава «середа земли моей». Он писал: «Здесь очень важно для нас выражение Святослава о Переяславце: "То есть середа Земли моей". Каким образом Переяславец мог быть серединою земли Святославовой? Это выражение может быть объяснено двояким образом: Переяславец в земле моей есть срединное место, потому что туда из всех стран свозится все доброе; Переяславец, следовательно, назван серединою не относительно положения своего среди владений Святослава, но как средогочие торговли. Второе объяснение нам кажется легче: Святослав своею Землею считал только одну Болгарию, приобретенную им самим» (там же). «Второе объяснение» становится еще более вероятным, если под летописным Переяславцем понимать, как предлагает В. Б. Перхавко, Великий Преслав — столичный град Болгарии. — Перхавко В. Б. Летописный Переяславец на Дунае. С.172-173, 175.

²⁷² Факт княжения Святослава служит еще одним аргументом в пользу предположения о Переяславце как Великом Преславе, ибо «княжеском столе в Малом Преславе едва ли могла идти речь. По словам Д. И. Иловайского, Святослав «завладел самою столицею Болгарского царства Великою Преславою, захватил в свои руки сыновей Петра и, признавая царский титул за старшим из них, Борисом, в сущности сделался настоящим государем Болгарии. ». — Иловайский Д. Становление Руси. М., 1996. С.51.

себя, но [речь послов] против ожидания чрезвычайно его рассердила; преисполненный гнева, он воскликнул необычным для него громким голосом: "Горе ромеям, если они, силой оружия обратившие в бегство всех неприятелей, должны, как рабы, платить подати грязному и во всех отношениях низкому скифскому племени!" Находясь в затруднении, он обратился к своему отцу Варде, — случилось, что тот, провозглашенный кесарем, был тогда при нем, — и спросил у него, как следует понимать то, что мисяне требуют у ромеев дани: "Неужели ты породил меня рабом и скрывал это от меня? Неужели я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань?". Он тут же приказал отхлестать послов по щекам и сказал им: "Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников"²⁷³ Если это и вымышленная сцена, то все равно по ней можно судить о понятиях того времени насчет даннической зависимости.²⁷⁴ Она, повторяем, оскорбляла свободный народ. И все же Никифор дань Святославу платил. Русский князь, как мы знаем, княжил в Переяславце, «емля дань на грѣцех». Что это была за дань?

По В. Н. Татищеву, Святослав «оставался жить в Переяславце, куда ему греки уложенную погодную дань безспорно присылали».²⁷⁵ Примерно так же рассуждает А. Н. Сахаров. Летописная фраза «и седе княжа ту

²⁷³ Диакон Лев. История. С.36.

²⁷⁴ М. Я. Сюзюмов и С. А. Иванов, комментаторы Истории Льва Диакона, полагают, что описанное византийским автором негодование Никифора «нельзя не считать лицемерным», поскольку «выплаты были обычным инструментом имперской политики» (Лев Диакон. История. С.187, прим.16). И все же в этом негодовании, хотя и лицемерном, отразилось укоренившееся в общественном сознании понимание даннической зависимости как бесчестья, несовместимого с достоинством свободного народа.

²⁷⁵ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С.49. В первой редакции историк воспроизвел текст Повести временных лет: «И се

в Переяславци, емя дань на гръцех» исполнена, по его мнению, «большого исторического смысла. Она возвращает нас к истокам русско-византийских мирных урегулирований — вопросу об уплате империей ежегодной дани Руси. Уплата дани... лежала в основе всех мирных соглашений Руси с Византией, начиная с 860 года. Действие этого условия приостанавливалось во время военных конфликтов и возобновлялось после заключения очередного русско-византийского договора. Мы не знаем, прекращала ли Византия выплачивать дань Руси в период их конфликта 966–967 годов. Но судя по тому факту, что летописец упомянул о взимании Святославом дани с греков во время пребывания его в Переяславце, это может быть косвенным свидетельством нарушения империей своих традиционных финансовых обязательств в отношении союзника».²⁷⁶ Эти обязательства явились предметом обсуждения во время пребывания в Киеве посольства, возглавляемого Калокиром. «Судя по тому, что Святослав явился в Переяславец и продолжал брать дань с греков, византийское посольство подтвердило действующие пункты договора 907 года, в частности о выплате Византией ежегодной дани Руси».²⁷⁷

Иначе видится дань, какую получал Святослав в Переяславце, другому исследователю В. В. Мавродину. Обещанное Никифором Фокой вознаграждение за выступление против болгар — вот что такое, по догадке ученого, эта дань.²⁷⁸ Согласно М. В. Левченко, русский князь «получил от императора обещанное вознаграждение, о чем говорит летопись: "емля дань на Грьцех", хотя не полностью».²⁷⁹

Интересное предположение высказал В. Т. Пашуто: Святослав, оказавшись в Переяславце, заключил, по-видимому, «какое-то соглашение с Византией. Быть мо-

де княжа ту в Переяславци, емя дань на гръцах». — Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 127.

²⁷⁶ Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С. 138.

²⁷⁷ Там же. С. 130.

²⁷⁸ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 272.

²⁷⁹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 260–261.

жет, оно было тройственным — русско-болгарско-византийским, ибо в 968 г. император отказался платить Болгарии предусмотренную договором 927 г. дань. Святослав мог стать правопреемником части этой дани». ²⁸⁰

Б. А. Рыбаков назвал дань с греков контрибуцией, наложенной на Византию в итоге «нижнедунайских военных действий». ²⁸¹ А М. Я. Сюзюмов и С. А. Иванов усматривают в ней «какие-то суммы», которые получал Святослав от Никифора. ²⁸²

По-видимому, надо отказаться от однозначных определений упоминаемой летописцем дани, поступавшей Святославу в Переяславец. Обращает внимание многократность взимания дани князем, что подчеркнуто глагольной формой «емля». За этой многократностью угадывается неоднородность платежей, идущих Святославу. То могла бы быть дань, приносимая новому правителю Болгарии, возможно, в качестве правопреемника прежних даннических поступлений болгарам, как предположил В. Т. Пашуто. Если данная догадка верна, то надо говорить о возобновлении выплаты дани Болгарии византийским правительством, прерванной Никифором, который в 965 году отказался «давать дань» болгарам и весной 966 года начал военные действия против них. ²⁸³ Теперь император вынужден был снова платить дань Болгарии в лице ее правителя (как оказалось, мимолетного) Святослава, представлявшего для Византии большую опасность. ²⁸⁴ Эта дань шла «мира деля». Кроме того, князь мог получать какую-то часть ежегодной дани, определенной Руси в соответствии с русско-византийскими договорами. Не исключены здесь и разовые подношения в виде даров. Следовательно, летописная формула «емля дань на гръцех» должна быть истолкована в смысле взимания Святославом различных платежей, о которых, разумеется, мы можем высказы-

²⁸⁰ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С.70.

²⁸¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.380.

²⁸² Диакон Лев. История. С.197, прим.39.

²⁸³ История Византии. Т.2. С.214.

²⁸⁴ В результате появления на Балканах русского князя Византия, по словам Г. Г. Литаврина, «получила еще более опасного врага, чем болгары». — История Византии. Т.2. С.214.

вать только предположения.

Вопрос о даях остается одним из главнейших для Руси и с переменой обстоятельств, связанной с началом русско-византийской войны. Из летописи узнаем, что Святослав, одолев болгар после возвращения своего из Киева на Дунай и взяв «копьем» Переяславец, «посла къ греком, глаголя: "Хочю на вы ити и взяти град ваш, яко сей"». В ответ греки «реша: "Мы недужи противу вам стати, но возми дань на нас, и на дружину свою, и повежьте ны, колико вас, да вдамы по числу на главы". И рече Святослав: Есть нас 20 тысящ, и прирече 10 тысящ, бе бо Руси 10 тысящ толко. И пристроиша грци 100 тысящ на Святослава, и не даша дани».²⁸⁵ Если приведенная запись не запечатлела подлинные исторические факты, то она, несомненно, отразила представления летописца и его современников о том, как предотвращали войну те, кто был неспособен отразить врага. Для этого следовало дать «окуп», т. е. выплатить неприятелю контрибуцию. И лишь потом приступали к переговорам и заключению договора «мира и любви», устанавливавшего долговременные даннические отношения между бывшими противниками.

Греки, если верить летописцу, хитрили, не собираясь на самом деле платить дань.²⁸⁶ Святослав меж тем, преодолев Балканский хребет, разорил Фракию и быстро продвигался к Царьграду, «воюя и грады разбивая, иже стоять и до днешнего дне пусты». Но, как свидетельствуют византийские источники, русы потерпели поражение у Аркадиополя и отступили. Летопись, напротив, изображает Святослава победителем, которому греки были не в силах противостоять. В ней повествуется о том, как василевс срочно созвал «боляре своя в полату, и рече им: "Што створим, яко не можем противу ему стати?"». А дальше следуют сцены, за внешней стороной которых скрывается глубинный смысл событий, вольно или невольно завуалированный русским книжником начала XII века.

«Боляре» посоветовали императору: «Посли к нему

²⁸⁵ПВЛ. Ч.1. С.50.

²⁸⁶О невыполнении Никифором своих обещаний, данных Святославу, говорят и сами греки. — См.: Диакон Лев. История. С.55-56, 122.

(Святославу. — И. Ф.) дары, искусим и, любезнив ли есть злату, ли паволокам?». И вот когда греки пришли с «поклоном» к Святославу и «положища пред ним злато и паволоки», князь, «кроме зря», будто бы сказал отрокам своим: «Схороните». Однако совсем по другому повел себя князь, получив от василевса «мечь и ино оружье». Он, приняв дар, «нача хвалити, и любити и целовати царя». Недобрый знак увидели в этом царевы бояре: «Лют се мужь хочет быти, яко именья не брежет, а оружье емлетъ. Имися по дань». И царь направил послов к Святославу, «глаголя сице: "Не ходи къ граду, возми дань, еже хоцещи"; за малом бо бе не дошел Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьенья, глаголя, яко "Род его возметь". Взя же и дары многы, възратися в Переяславец с похвалою великою».²⁸⁷ Так излагает события Повесть временных лет. По мнению Д. С. Лихачева, ее «рассказ об испытании Святослава дарами носит характер сделанного на основе дружинного предания с ярко выраженной дружинной идеологией».²⁸⁸ Нам представляется, что «дружинная идеология» здесь вторична относительно первоначальной смысловой основы данного рассказа, который, собственно, и стал рассказом об испытании Святослава дарами благодаря введению в него дружинных мотивов. Кому принадлежит эта новация, летописцу или устным сказителям, установить трудно. Более посильной является задача приближения к исконному смыслу означенных событий.

В Новгородской Первой летописи младшего извода эпизод с греческими дарами золотом и паволоками представлен несколько иначе, чем в Повести временных лет. Там читаем: «И поведоша Святославу: яко приидоша Греци с поклоном. И рче Святослав: "введите их семо"; и абие приведоша и. Онем же слом пришедшим и паки поклонившимся ему, и положижа пред ним злато и паволоки. И рече Святослав, кроме зря, отроком своим: "возмете, кому что будет". Они же поимаша, а слы цареве, видевши тое, приидоша к цесарю».²⁸⁹ В отличие от Повести временных лет, которая сообщает о распо-

²⁸⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 50-51.

²⁸⁸ ПВЛ. Ч. II. С. 317.

²⁸⁹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 122.

рляжении Святослава «схоронить» (спрятать) принесенные греческими послами золото и паволоки, Новгородская Первая летопись говорит о раздаче этих богатств княжеским отрокам. То же имеем и в Никоновской летописи: «И рече Святослав отроком своим, кроме зря: "возмите кому что будеть"; они же поимаша».²⁹⁰ Архангелогородский летописец, сохранивший в своем составе более исправную и полную редакцию Начального свода, нежели та, что дошла до нас в Новгородской Первой летописи младшего извода,²⁹¹ содержит любопытные нюансы, отличающие его от Повести временных лет, Новгородской Первой летописи и Никоновского свода: «и приведоша послы, и поклонившася ему (Святославу. — И. Ф.), и положиша пред ним злато и паволоки. И разда Святослав отроком своим и разделить им повеле, а сам, не зря и не отвеца послом ничтоже, и отпусти их».²⁹² Князь, стало быть, раздает отрокам своим «злато и паволоки», принесенные греческими послами, посплев им также «разделить» (поделить, оделить)²⁹³ эти сокровища. Вероятно, тут подразумеваются не только отроки, но и другие лица из числа иных воинов. Святослав не дал послам никакого ответа и отпустил их ни с чем. Безрезультатность встречи византийского посольства с русским князем отмечена и в первой редакции Истории Российской В. Н. Татищева: «А ничто же послом отвеца».²⁹⁴ Во второй редакции говорится о раздаче греческих подношений широкому кругу: «Святослав,

²⁹⁰ ПСРЛ. Т. IX. С. 37.

²⁹¹ См.: Шахматов А. А. О начальном Киевском своде. СПб., 1897. С. 52; Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 53.

²⁹² ПСРЛ. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 60.

²⁹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 39.

²⁹⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 129. Во второй редакции приведен ответ Святослава грекам: «Ежели хотите мир иметь, я с охотою учиню, токмо заплатите по договору, чего неколико лет не исправили» (Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 52). Версия первой редакции нам кажется более правильной, поскольку соответствует Архангелогородскому летописцу. Да и в Повести временных лет рассказ построен так, что напрашивается вывод о возвращении греческих послов без княжеского ответа.

не возрев на дары, рек служасчим своим: "Возьмите и раздайте требующим"²⁹⁵. Историк, по-видимому, комбинировал свой рассказ из имеющихся у него различных летописных источников. Отталкиваясь от приведенных сведений, почерпнутых из летописей, а также от татищевских известий, выскажем и мы свое суждение о произошедшем.

Несмотря на поражение Святослава у Аркадиополя, русские «вои», находившиеся неподалеку от Царьграда, страшили греков. Поэтому те и направили посольство с богатыми дарами к Святославу, чтобы договориться с ним о мире. Дары были приняты и розданы воинам. Но золото и паволоки, присланные императором, не убеждали князя в том, что греки искренне хотят мира. К тому же памятен был их недавний обман. Вот почему Святослав «не отвеща послом ничтоже», т. е. не дал мира. Ему нужны были более веские подтверждения готовности василевса прекратить войну. Тогда «царь» послал Святославу «мечь и ино оружие». Для князя-язычника этот новый дар являлся знаком подлинного миролюбия греков. В языческом ритуале, сопровождавшем заключение мира, оружию придавалось особое значение. Когда Олег «творил» мир с греками, то мужи его «кляшася оружием своим».²⁹⁶ Князь Игорь и его окружение, ходя на «роту» при заключении мирного договора 944 г., «покладоша оружие свое».²⁹⁷ Договариваясь о дружбе, русский воевода Претич и печенежский вождь обменялись оружием: «въдасть печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Он же дасть ему броне, щит и мечь».²⁹⁸ За нарушение условий договора 971 года русы навлекли на себя грозные кары, среди которых была и такал: «своим оружием да исечени будем».²⁹⁹ Примечательны слова автора Повести временных лет о том, что Святослав, получив от императора мечь и «ино оружие», стал «хвалити, и любити, и целовати царя». Обычно эти слова переводят так, будто обрадованный оружием князь, хвалил василевса, выражал ему любовь и благо-

²⁹⁵ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 52.

²⁹⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 25.

²⁹⁷ Там же. С. 39.

²⁹⁸ Там же. С. 48.

²⁹⁹ Там же. С. 52.

дарность.³⁰⁰ Однако в Новгородской Первой летописи находим несколько иное чтение, отличающееся от Повести временных лет. Святослав, приняв оружие, «нача любити и хвалити и целовати, яко самого царя».³⁰¹ Что же мог целовать князь, «яко самого царя». Скорее всего присланный царем меч. Если это так, то мы имеем перед собой фрагмент ритуального языческого обращения с оружием, полученным в знак примирения и окончания войны.^{301*} Следовательно, в сцене с дарами золотом, наволоками и оружием улавливается иной, глубинный языческий смысл, затушеванный в Повести временных лет.³⁰²

Получив оружие от «цесаря», Святослав мог теперь поверить в искренность его мирных побуждений. С данью и многими дарами он ушел за Балканы. Но «льстивые» греки на самом деле не помышляли о мире и вскоре напали на русских, но не добились безусловной победы.³⁰³ И тогда они снова повели речь о мире. Святослав же «поча думати с дружиною своєю, рька сице: "Аще не створим мира со царем, а увесть царь, яко мало нас ость, пришедше оступять ны в граде. А Руска земля далеча, а печенеги с нами ратьны, а кто ны поможет? Но створим мир со царем, се бо ны ся по дань яли, и то

³⁰⁰ См.: ПВЛ. Ч.1. С.248; Художественная проза Киевской Руси XI-XIII веков. М., 1957. С.37; Памятники русской литературы. XI-начало XII века. М., 1978. С.85; Се повести временных лет... С.73.

³⁰¹ НПЛ. С.123.

^{301*} Наше предположение становится еще вероятнее, если вспомнить, что меч на Руси X века относился к числу сакральных предметов. — См.: Оятева Е. И. Деревянный меч из древнего Пскова// Древности северо-западной России. СПб., 1995. С.89-92. Меч символизировал также связь, общение людей. — Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С.221.

³⁰² В испытании Святослава дарами А. Г. Кузьмин находит один лишь «сказочный мотив», оставляя в стороне языческие элементы в летописном повествовании. — Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С.344.

³⁰³ Об одной из решающих битв Скилица рассказывает: «Завячалась жаркая схватка, и не раз менялось течение битвы (говорят, будто двенадцать раз приобретала борьба новый оборот)...». — Лев Диакон. История. С.127.

буди довольно нам. Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова на Руси, совкупивше вои множайши, поидем Царьгороду” Люба бысть речь си дружине, и послаша лепшие мужи ко цареви, и придоша в Деревьстръ, и поведаша цареви». ³⁰⁴ Отсюда ясно, что главным условием мира для Руси было согласие греков платить ежегодную дань. ³⁰⁵

События, связанные с войнами Святослава против болгар и греков, демонстрируют весь набор приемов принудительного изъятия материальных ценностей одним этносом у другого. Это — прямой вооруженный грабеж, вынужденные дары, единовременные платежи (контрибуции), долгосрочные дани.

По окончании военной кампании Святослав с огромным «именьем» и «полоном» возвращался на Русь. Но у днепровских порогов его подстерегали печенег: «И приде Святослав к порогом, и не бе лъзе проити порог. И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по полугривне глава коняча, и зимова Святослав ту». Весною князь снова попытался «пройти порог», но не сумел и пал в бою с печенегами. ³⁰⁶

В летописной традиции и научной литературе виновниками гибели Святослава представлены соответственно болгары и византийцы, известившие печенегов о возвращении князя домой с большим богатством. Однако интересные соображения на сей счет высказал Л. Н. Гумилев. Он писал: «Существует, и уже стало общепринятым, предположение, что Цимисхий, отпустив русов из Доростола, договорился с печенегами о последующем их истреблении. Это мнение представляется предвзятым. Зачем было нужно тратить золото на подкуп кочевников, когда эскадра из 300 кораблей с огнеметами могла сжечь деревянные ладьи израненных русов на пути от устья Дуная до Днепровского лимана. Дешевле и радикальнее! Затем, как могли печенеги с осени 971 г. до весны 972 г. бросить пастьбу скота, кочевание, заготовку сена и прочие неотложные дела, только чтобы караулить русский отряд? Ну а если бы русы прошли в

³⁰⁴ПВЛ. Ч.1. С.51.

³⁰⁵См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. С.199-200.

³⁰⁶ПВЛ. Ч.1. С.52-53.

Киев на конях по долине Буга, т. е. через земли тиверцев, тогда все ожидание было бы напрасным. И наконец, Кедрен и Зонара сообщают, что Цимисхий, стремясь к скорейшему миру, предложил печенегам союз с Византией, если они пообещают не переходить Истр (Дунай), не разорять Болгарию, ставшую византийской провинцией, и "позволить русам пройти через их землю в свое отечество". Печенеги согласились на все, кроме последнего, так как "были ожесточены на русов за то, что они заключили мир с римлянами". Нет, не похожи печенеги на алчных дикарей, продающих свои услуги за подачки. Ясно, что у них были свои политические цели, которые нам пока не ясны, но, может быть, проявятся впоследствии». ³⁰⁷

Разобрав имеющиеся в распоряжении современных ученых данные, Л. Н. Гумилев приходит к выводу, что причину ожесточения печенегов против Святослава надо искать в Киеве, где всеми делами заправляла христианская партия, враждебная Святославу — князю-язычнику. Именно христиане не хотели допустить его возвращения в днепровскую столицу. Они как раз и были заинтересованы в смерти князя. Во главе киевских христиан стоял старший сын Святослава Ярополк, который, зная, что происходит на Нижнем Днепре, сговорился с печенегами. «Следовательно, вина за смерть Святослава лежит не на христианах Константинополя, а на христианах Киева». ³⁰⁸

Л. Н. Гумилев справедливо, на наш взгляд, связал гибель Святослава с обстановкой, сложившейся тогда в Киеве. Но причина неприятия киянами Святослава возникла, по-видимому, не на религиозной, а на политической почве. Не надо преувеличивать значение христианской общины в жизни Киева середины X века. Политическая роль ее в то время была еще не столь уж значительной, как кажется Л. Н. Гумилеву. ³⁰⁹ Роковым для Святослава стал его политический разлад с киевской

³⁰⁷ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С.236.

³⁰⁸ Там же. С.236-238; См. также: Гумилев Л. Н. От Руси до России. С.49.

³⁰⁹ См.: Фроянов И. Я. 1) Об историческом значении «крещения Руси»// Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. К 80-летию проф. В. В. Мавродина/

общиной. На чем основано это наше предположение?

Святослав, как мы знаем, пренебрег интересами Киева, из-за чего стольный город чуть ли не взяли печенеги. Своим поведением князь вызвал явное недовольство и возмущение киевлян. Несмотря на это, он оставил и город и киевское княжение ради того, чтобы стать правителем Болгарии.³¹⁰ Значит, из Киева он ушел по собственной воле. Правда, Л. Н. Гумилев полагает, будто Святослав «не просто покинул Киев, а был вынужден его покинуть и уйти в дунайскую оккупационную армию, которой командовали его верные сподвижники Сфенкел, Икмор, Свенельд».³¹¹ С этим утверждением ученого нельзя согласиться, поскольку Святослава позвали в Киев именно горожане, чтобы он оборонял их. По призыву киян князь и вернулся в город.³¹² Но его неудержимо влекло на Дунай, что и вызвало в конце концов отчуждение людей к своему властителю. Вполне возможно, что Святослав посадил на киевский стол Ярополка под давлением киян, боявшихся снова остаться без князя. И вот теперь «блудный» князь, потерпевший поражение в войне, возвращался домой. Но там его не ждали, больше того: не хотели видеть.³¹³ О настроениях в Киеве знали, по всему вероятно, muži из ближайшего княжеского окружения, в частности Свенельд, о чем судим по поступкам воеводы.

Повесть временных лет рассказывает, как Святослав «сотворив мир» с греками, «поиде в лодьях к порогом».

Отв. ред. И. Я. Фроянов. Л., 1987. С.43-46; 2) Начало христианства на Руси// Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Л., 1988. С.214-217.

³¹⁰ См. с.335-337 настоящей книги.

³¹¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С.234.

³¹² ПВЛ. Ч.1. С.48.

³¹³ Самовольный уход князя из города и вопреки желанию его населения вызывал реакцию полного неприятия такого властителя. «Лишается нас», — говорили в подобных случаях. И это было очень серьезным обвинением, которое делало невозможным дальнейшее княжение провинившегося. Кроме того, военная неудача князя ассоциировалась в языческом сознании «киян» с прекращением по отношению к нему благоволения богов. Такой властитель не мог дать благополучие Киевской общине, и потому был не только нежелателен, но и опасен.

И рече воевода отень Свеналд: "Поиде, княже, на коних около, стоять бо печенези в порозех". И не послуша его поиде в лодях. И послаша переяславци к печенегом, глаголюще: "Се идеть вы Святослав в Русь, взем имение много у грек и полон бесчислен, с малою дружины". Слышавше же се печенези заступиша пороги». ³¹⁴ Святослава убили, а Свенельд «приде Киеву к Ярополку». ³¹⁵ Эту историю сообщают и другие летописцы. ³¹⁶ Приводит ее и В. Н. Татищев. ³¹⁷ Архангелогородский летописец, излагая события аналогичным образом, добавляет одну подробность, касающуюся Свенельда, который якобы «убежа с бою», что был у русов с печенегами, «и приде в Киев к Ярополку сыну Святославлю, и сказа ему смерть отцеву, и плакася по нем со всеми людьми». ³¹⁸

В предании Повести временных лет об уходе Святослава с Дуная и гибели его на Днепре много неясного. С. М. Соловьев говорил, что «это предание, как оно занесено в летопись, требует некоторых пояснений. Здесь прежде всего представляется вопрос: почему Святослав, который так мало был способен к страху, испугался печенегов и возвратился назад зимовать в Белобережье; если испугался в первый раз, то какую надежду имел к беспрепятственному возвращению после, весной; почему он мог думать, что печенеги не будут сторожить его и в это время; наконец, если испугался печенегов, то почему не принял совета Свенельдова, который указывал ему обходной путь степью? Другой вопрос: каким образом спасся Свенельд? Во-первых, мы знаем, каким бесчестьем покрывался дружинник, оставивший своего вождя в битве, переживший его и отдавший тело его на поругание врагам; этому бесчестью наиболее подвергались самые храбрейшие, т. е. самые приближенные к вождю, князю; а кто был ближе Свенельда к Святославу?... И неужели Свенельд не постыдился бежать с поля боя, не захотел лечь со своим князем? Во-вторых, каким образом он мог спастись? Мы знаем, как

³¹⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 52.

³¹⁵ Там же. С. 53.

³¹⁶ См., напр.: НПЛ. С. 123-124; ПСРЛ. Т. IX. С. 38.

³¹⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 53; Т. IV. С. 129-

130.

³¹⁸ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 61.

затруднительны бывали переходы русских через пороги, когда они принуждены бывали тащить на себе лодки и обороняться от врагов, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтоб главный по князе вождь мог спастись от тучи облежавших варваров. Для решения этих вопросов мы должны обратить внимание на характер и положение Святослава, как они выставлены в предании. Святослав воевал Болгарию и остался там жить; вызванный оттуда вестью об опасности своего семейства, нехотя поехал в Русь; здесь едва дождался смерти матери, отдал волости сыновьям и отправился навсегда в Болгарию, свою страну. Но теперь он принужден снова ее оставить и возвратиться в Русь, от которой уже отрекся, где уже княжили его сыновья; в каком отношении он находился к ним, особенно к старшему Ярополку, сидевшему в Киеве? Во всяком случае ему необходимо было лишиться последнего данной ему власти и занять его место; притом, как должны были смотреть на него киевляне, которые и прежде упрекали его за то, что он отрекся от Руси? Теперь он потерял ту страну, для которой пренебрег Русью, и пришел беглецом в родную землю. Естественно, что такое положение должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотелось возвратиться в Киев, и он остался зимовать в Белобережье, послав Свенельда степью в Русь, чтоб тот привел ему оттуда побольше дружины. . . Но Свенельд волею или неволею мешкал на Руси, а голод не позволял Святославу медлить более в Белобережье; идти в обход степью было нельзя: кони были съедены, по необходимости должно было плыть Днепром через пороги, где ждали печенег. Что Святослав сам отправил Свенельда степью в Киев, об этом свидетельствует Иоакимова летопись». ³¹⁹ Действительно, из Иоакимовой летописи узнаем, что Святослав «вся воя отпусти полем ко Киеву, а сам не со многими иде в лодиах». ³²⁰ Свидетельство летописи Иоакима, некоторые детали рассказа Повести временных лет, размышления С. М. Соловьева и Л. Н. Гумилева помогают воссоздать (приблизительно и гипотетично) финальную картину жизни Святослава, а также обозначить роль воеводы

³¹⁹ Соловьев С. М. Соч. Кн.1. С.159-161.

³²⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т.1. С.111.

(Свенельда в княжеской смерти.

Возникает вопрос, когда Свенельд предупредил князя о грозящей опасности со стороны печенегов: до отплытия его от берегов Дуная или на Днепре перед приходом Святослава к порогам? За этим вопросом следует другой, когда Свенельд покинул князя и отправился правобережными степями в Киев: накануне ли ухода Святослава с Дуная, по отступлении ли его в Белобережье на зимовку или же после разгрома русской дружины и гибели ее предводителя? От ответа на поставленные вопросы прояснится в какой-то мере значение Свенельда в трагическом конце Святослава.

Иоакимовская летопись говорит о том, что Святослав русских воев «отпусти полем ко Киеву» до того, как сам тронулся в путь водою. Разумеется, воеи не могли уйти в Киев без воеводы. Таковым, как известно, был Свенельд, который, по всей видимости, и возглавил воинов, ушедших «полем» восвояси. Автор Повести временных лет не противоречит, по нашему мнению, Иоакимовской летописи. У него Свенельд предупреждает Святослава о печенежской опасности прежде, чем «перяславци» сообщают печенегам о возвращении русского князя «в Русь».³²¹ Послать же весть печенегам перяславцы вряд ли могли раньше отплытия княжеской флотилии. Отсюда следует, что русское войско, собираясь домой, еще в Болгарии разделилось на две части, одна из которых пошла по суку со Свенельдом «на коних около», а другая со Святославом отправилась в ладьях к Днепру. Будь все иначе, предостережение Свенельда оказалось бы излишним, так как Святослав, добравшись до днепровских порогов, убедился бы сам в печенежской засаде. Намек на возвращение Святослава с частью воинов, причем незначительной, содержится, полагаем, в словах перяславцев о том, что Святослав «идеть с малом дружины». Заметим, кстати, что перяславцы могли известить печенегов о выступлении князя «с малом дружины» после

³²¹ А. Г. Кузьмин думает, что здесь «вопреки логике изложение перебивается сообщением о предупреждении Свенельда». Исследователь находит здесь «прерванное повествование», т.е. вставку, произведенную летописцем в процессе редакторской работы. — Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С.345.

того, как русское войско, разделившись надвое, вышло в дорогу. Наконец, допустив движение к устью Днепра всей княжеской рати, мы должны будем признать, что на суда были погружены и все имевшиеся в войске боевые кони,³²² но это маловероятно.

Итак, Свенельд с конными воинами пошел в Киев не с Днепра, а с Дуная,³²³ о чем свидетельствует Иоакимовская летопись. К этому предположению склоняет и ряд приведенных нами соображений.³²⁴ Но, приняв его, мы должны признать такую осведомленность Свенельда, какой не располагал даже Святослав. Откуда она? Не получал ли он какие-то сведения из Киева? И не были ли ему известны замыслы правителей, оставленных Святославом властвовать в полянской столице?

³²² В. В. Мавродин отмечает наличие конников в войске Святослава, хотя и считает, что средством передвижения воинства русов были не столько лошади, сколько однодеревные суда (Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси // Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С.74, 77). И все же он не отрицает присутствие «конной дружины» в войске Святослава. — Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства. С.286; 2) Начало мореходства. С.78.

³²³ Так считал и Б. Д. Греков, у которого читаем: «Заключив с Византией мир, Святослав отправил своего воеводу Свенельда с войском в Киев, а сам остался зимовать в Белобережье, на Дунае». (Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С.467). Драматичную, но вместе с тем фантастическую версию развивает Л. Н. Гумилев, согласно которому Святослав и «его языческие вельможи» после поражения в Болгарии стали избивать находившихся в войске христиан, обвиняя их в постигшей русов неудаче. «Уцелевшие христиане и воевода Свенельд бежали степью в Киев», а князь с «верными языческими воинами пошел речным путем» (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С.237-238). Это, впрочем, не мешало Л. Н. Гумилеву называть Свенельда «верным сподвижником» Святослава. — Там же. С.234.

³²⁴ Ср.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.2 С.139; Соловьев С. М. Сочинения. Кн.1. С.160; Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства. С.286; 2) Древняя Русь (происхождение русского народа и образование Киевского государства). Л., 1946. С.212; Артамонов М. И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М., 1966. С.33; Гумилев Л. Н. От Руси до России. С.48.

Для такого рода вопросов есть определенные основания.

Обращает внимание особое положение Свенельда. «Равно другого свещанья, бывшего при Святославе, велицем князи русем, и при Свенальде», — такими словами начинается русско-византийский договор 971 г.³²⁵ Это позволило М. И. Артамонову сказать, что Свенельд «выступает наравне с князем».³²⁶ Высокий статус Свенельда подчеркнут в летописи тем, что он — «воевода отень», а не воевода Святослава. Во всем тут чувствуется некоторое соперничество наших героев. О том же говорит и возвращение воеводы в Киев отдельно от князя. По сути Свенельд оставил Святослава на произвол судьбы, поступив так, как не мог поступить верный и преданный «княжой муж». Свенельд, как явствует отсюда, не столько был связан с князем и княжеской дружиной, сколько с воями — народным ополчением киевской общины. Далее вспоминается летописное свидетельство, до сих пор недостаточно оцененное исследователями: Свенельд «приде Киеву къ Ярополку». Следовательно, воевода вернулся не просто в Киев, а пришел к Ярополку. Здесь Ярополк фигурирует как правитель, под вассальный покров которого отдается Свенельд. То был уже полный разрыв со Святославом.³²⁷

Когда Святослав терпел бедствия в Белобережье, Свенельд уже находился при Ярополке. Из Киева можно было подать помощь переносившим лишения Святославу и его воинам.³²⁸ Но она не последовала. Святослав, как мы убедились, никому был не нужен в Киеве: ни местной общине, интересами которой он пренебрегал, ни Ярополку с близкими мужами, которые не желали упускать власть из своих рук. В Киеве не только не помышляли о помощи Святославу, но и устроили печенежскую ловушку неуголному князю.³²⁹ В итоге он по-

³²⁵ ПВЛ. Ч.1. С.52.

³²⁶ Артамонов М. И. Воевода Свенельд. С.33.

³²⁷ Анализ летописного материала позволяет сделать вывод о том, что Свенельд конфликтовал и с отцом Святослава князем Игорем. — См.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С.336-337.

³²⁸ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С.238.

³²⁹ См.: Гумилев Л. Н. 1) Древняя Русь и Великая степь. С.236, 237; 2) От Руси до России. С.49. Д. И. Иловайский недоумевал по

гиб. В смерти его были повинны кияне, проявившие к нему полное равнодушие и даже отчуждение, Ярополк, стоворившийся с печенегами,³³⁰ и обуреваемый властолюбием Свенельд, надеявшийся усилить свое влияние в Киеве. Последующие события, кажется, подтверждают нашу догадку.

Вскоре после гибели Святослава началась кровавая усобица между его сыновьями. Летописец по-своему и, как нам думается, неверно объясняет причину начала межкняжеской распри. Он говорит: «Лов деюще Свеналдичю, именем Лют, ишед бо ис Киева гна по звери в лесе. И узре и Олег, и рече: "Кто се есть?". И реща ему: "Свеналдичь". И захав, уби и, бе бо ловы дея Олег. И том бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свеналд: "Поиди на брат свой и прими волость его, хотя отмстити сыну своему».³³¹ Затем следует описание войны Ярополка с Олегом.

Данный летописный текст является, похоже, переработкой более ранних записей, которыми располагал летописец. Возможно, то было Сказание о первых русских князьях, написанное, по предположению М. Н. Тихомирова, в Киеве вскоре после крещения Руси.³³² В части, интересующей нас, оно подверглось смысловой обработке, сопровождавшейся перекройкой текста, следы чего видны в летописной статье. Так, обращает внимание фраза: «И о том бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга». Неуклюжее построение этой фразы очевидно: вопреки правилам древнерусского языка местоимение в ней употреблено прежде упоминания лиц, которых оно обозначает. Неожиданно тут появляется и Ярополк. Не произведена ли здесь замена имен? Если ответить положительно на поставленный вопрос, то возникает другой: чье имя стояло в начальной редакции расска-

поводу бездействия Киева. Он писал: «Князь, конечно, поджидал помощи из Киева. Но, очевидно, или в Русской земле в то время дела находились в большом расстройстве, или там не имели точных сведений о положении князя, — помощь ниоткуда не приходила». — Иловайский Д. Становление Руси. С.59.

³³⁰ Гумилев Л. Н. От Руси до России. С.49.

³³¹ ПВЛ. Ч.1. С.53.

³³² Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С.65.

на. Ответ возможен один: имя Свенельда.³³³ Положим, однако, что наше предположение не соответствует действительности. Но и тогда нужно признать: грамматическая несообразность текста и неожиданное появление в нем имени Ярополка, указывают на значительное сокращение первоначального повествования, произведенное летописцем и затемнившее его содержание.

В летописном рассказе не согласовано также убийство Люта Свенельдича с причиной, побудившей Олега на кровавое дело. «Бе бо ловы дея Олег», — говорит летописец, мотивируя убийство Люта. Будь так, Олег вряд ли бы стал выяснять, кто гонит зверя «в лесе». Но он спрашивает: «Кто се есть?». И лишь узнав, что это «Свеналдичь», убивает его.³³⁴ Стало быть, Олег совершает убийство не потому, что встретил в своих угодьях незванного охотника, а потому, что им оказался сын Свенельда. Значит, причина, побудившая Олега расправиться с Лютом была иной, чем та, какую называет летописец.³³⁵ И все же эта мысль прижилась в летопис-

³³³ В татищевской Истории находим подтверждение тому. В первой редакции после известия об убийстве Люта в древлянских лесах Олегом следует текст: «О том бысть межи има ненависть. Свеналд разгневался на Ольга. . .» (Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 130). Во второй редакции сказано еще яснее: «За сие отец Лютов Свеналд озлобился на Ольга вельми. . .». — Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 53.

³³⁴ На эту деталь обратил внимание С. М. Соловьев. Он писал: «Олег, говорит предание, осведомился, кто такой позволяет себе шутиться вместе с ним, и, узнав, что это сын Свенельдов, убил его. Зачем предание связывает части действия так, что Олег убивает Люта тогда, когда узнает в нем сына Свенельдова? Если бы Олег простил Люту дерзость, узнав, что он сын Свенельда — шаменитого боярина старшего брата, боярина отцовского и дедовского, тогда дело было бы ясно; но летопись говорит, что Олег убил Люта, именно узнавши, что он сын Свенельда. . .». — Соловьев С. М. Соч. Кн. I. С. 162.

³³⁵ Не исключена здесь попытка затушевать тему о Свенельде. О том, что в летописании эта тема дебатировалась, свидетельствуют наблюдения А. Г. Кузьмина, согласно которым летописец и в описании гибели Игоря и в рассказе о происшествии, связанных с князем Святославом, «весьма путано излагает события, вероятно, стремясь выгородить Свенельда. В этом, очевидно, заключалась

ной и научной литературе.

Ее придержививались уже древнерусские книжники. Составитель, например Летописца Переяславля Суздальского утверждает, будто Свенельд «свадил» Ярополка с Олегом «о ловищах звериных».³³⁶ Летописцы московской поры повторяли автора Повести временных лет.³³⁷ То же проделал и В. Н. Татищев. «Лют зовомый, сын Свеналд, — читаем в первой редакции его Истории, — шед ис Киева к Деревской области, ловы деючи, и внезапу в лесе узре его Олег и рече: "Кто сей есть?". И реша ему: "Свеналдич". И заехав Олег, и уби его, бе бо ловы дея».³³⁸ Во второй редакции добавлены некоторые подробности: «Лют зовомый, сын Свеналдов, ходил ис Киева для ловли зверей к Древлянской области и внезапу съехался с Ольгом князем, где учинилась между ими о ловле распря. Олег же, оскорбясь на наглость одного Люта, убил его».³³⁹ Сходную трактовку «драмы на охоте» встречаем и в историографии XIX века.

По Н. М. Карамзину, князь Олег умертвил Люта, «встретясь с ним на ловле в своем владении: причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства».³⁴⁰ Созвучным образом размышлял С. М. Соловьев: «Мы знаем, что охота после войны была господствующей страстью средневековых варваров: везде князья представляли себе касательно охоты большие права, жестоко наказывали за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем: сын Свенельда, именем Лют, выехал из Киева на охоту

заинтересованность одного из летописцев, весьма близко стоявшего к событиям, причем приверженцу Свенельда приходилось иметь дело с уже записанными версиями, передававшими основную канву событий, быть может, более достоверно или во всяком случае более пожелательно к Святославу». — Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 346.

³³⁶ ПСРЛ. Т. 41. С. 20.

³³⁷ См., напр.: ПСРЛ. Т. IX. С. 38; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 356.

³³⁸ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 130.

³³⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 53.

³⁴⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. I. С. 140.

и, погнавшись за зверем, въехал в леса, принадлежавшие к волости Олега, князя древлянского; по случаю в то же время охотился здесь и сам Олег, он встретился с Лютом... и убил его». ³⁴¹

Имели место и другие объяснения случившемуся на ловах в Древлянской земле. Так, Н. И. Костомаров рассматривал убийство Люта на фоне отношений полян-руси с древлянами, побежденными Киевом. «Кто знает, — рассуждал он, — не проявилось ли восстание побежденных во вражде двух братьев (Ярополка и Олега. — И. Ф.) и что побежденные настроили Олега убить Свенельдова сына?». ³⁴²

Советские историки нередко усматривали причину смертельной стычки Олега с Лютом в нарушении последним владельческих прав, связанных с развитием княжеской собственности на землю. По словам В. В. Мавродина, «везде стояли "ловища" и "перевесища", "места" и "знамения", всюду хозяйничали и управляли различные княжьи "мужи", строго следившие за тем, чтобы кто-нибудь не сделал "перетес" на "знаменном дубу", не "переорал" межу, не поставил свой "знак" на бортном дереве, не бил в пущах и на болотах лосей и бобров, локш и куниц. Частная собственность росла и укреплялась. На этой почве и произошло столкновение между Олегом Древлянским и Лютом Свинельдичем». ³⁴³ Лют вторгся во владения Олега и поплатился за то головой — так думал М. И. Артамонов. ³⁴⁴ С точки зрения феодальных нравов рассматривал П. П. Толочко столкновение Олега с Лютом: «Интересы вассалов и сюзерена, как известно, не всегда совпадали. Противоречия между ними были заложены в самом характере феодальных отношений. В 977 г. они переросли в вооруженный конфликт. Борьба началась между древлянским князем Олегом и воеводой Ярополка Свенельдом. Поводом к ней послужило убийство сына Свенельда Люта, нару-

³⁴¹ Соловьев С. М. Соч. Кн. I. С. 161-162.

³⁴² Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. Т. I. С. 74.

³⁴³ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 292.

³⁴⁴ Артамонов М. И. Воевода Свенельд. С. 34.

шившего права феодальной собственности Олега». ³⁴⁵

В советской исторической литературе существует и более широкий взгляд на причины убийства Люта Свенельдича. М. Н. Тихомиров писал: «Если вспомнить, что Свенельд при Игоре держал в своих руках древлянскую дань, то поступок Олега можно объяснить тем, что речь шла о нарушении княжеских прав Олега в Древлянской земле и о попытке Люта утвердить старые отцовские права над древлянами». ³⁴⁶ О защите Олегом своих прав на Древлянскую землю от посягательства со стороны Люта Свенельдича говорил и Б. А. Рыбаков. ³⁴⁷

Большие сомнения вызывают у нас все эти объяснения причин убийства сына Свенельда древлянским князем Олегом. Следует отвергнуть идущую от летописцев идею раздора Олега с Лютом из-за охотничьих угодий и владений. Надуманной представляется нам и мысль о нарушении Лютом права частной феодальной собственности. Акцент в древнем летописном повествовании поставлен не столько на «ловах», сколько на личности «Свеналдича». Поэтому именно в Люте надо искать разгадку. И тут привлекает внимание одна довольно выразительная деталь, не оцененная должным образом учеными-историками. На вопрос Олега, кто гонит зверя, последовал ответ: «Свеналдичь». Стало быть, главное в «ловце», которого встретил Олег, состояло не то, что он — Лют, а то, что он — Свенельдич. Отсюда заключаем: Олег убивает Люта, убедившись, что перед ним сын Свенельда. Так угадывается конечный, скрытый в глубине сцены герой разыгранной драмы. Чем же прогневил Свенельд Олега? Думается, предательством по отношению к Святославу, причастностью к интриге, погубившей князя-воителя на днепровских порогах. Вот почему убийство Люта мы рассматриваем как своего рода месть Олега за отца. Так, на основе анализа косвенных данных, содержащихся в летописи, устанавливается неприглядная роль Свенельда в судьбе Святослава.

Летопись обнаруживает и связь Ярополка с печен-

³⁴⁵ Толочко П. П. Древняя Русь.. С.48.

³⁴⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С.59.

³⁴⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи М., 1963. С.181.

гами, по всей видимости с теми, которые по его наущению «заступили» днепровские пороги и не пустили в Киев Святослава. «Прииде, — читаем в Никоновском своде, — Печенежский князь Илдея, и би челом Ярополку в службу; Ярополк же приат его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице».³⁴⁸

Итак, в Киеве, а не в ином месте созрела идея устранения Святослава. Главными ее вдохновителями являлись Ярополк и окружавшие его мужи, а также Свенельд, возможно, присоединившийся к ее осуществлению на заключительном этапе. Киевская община проявила полное равнодушие к Святославу. С ее молчаливого согласия, а быть может, и одобрения Святослав был обречен на смерть своими политическими противниками, преследовавшими собственные выгоды: Ярополк и его приближенные не хотели отдавать ему власть, а Свенельд стремился приобрести еще большее влияние на князя и силу в киевском обществе. Они добились своего.

После гибели Святослава Византия обновила договор с Русью, подтвердив взятые на себя даннические обязательства. По известиям Никоновской летописи, «придоша послы от Греческого царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его».³⁴⁹ Если верить В. Н. Татищеву, «на совещании первом яшася греки по дань, а Ярополк отречеся ратовати греки, болгары и Корсунь».³⁵⁰ Перед нами старая дань «мира деля», т. е. откуп, плата за мир.

Та же Никоновская летопись под 978 годом сообщает о дани, выплачиваемой Руси печенегами: «Победи Ярополк Печенеги, и възложи на них дань».³⁵¹ Слово «възложи» указывает на долгосрочную, а не единовремен-

³⁴⁸ ПСРЛ. Т. IX. С. 39. См. также: Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 54; Т. IV. С. 130.

³⁴⁹ ПСРЛ. Т. IX. С. 39.

³⁵⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 130. Во второй редакции запись выглядит так: «Пришли послы от грек и подтвердили мир и любовь на прежних договорах, обещааяся погодную дань платить, а Ярополк обещался на грек, болгар и Корсунь не воевать и в потребности грекам со всем войском помогать». — Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 54.

³⁵¹ ПСРЛ. Т. IX. С. 39.

менную дань. Под данью оказались те печенеги, которые враждовали с Киевом.

Традиционное данничество живет и при Владимире. Летописец сообщает, что в 983 году киевский князь ходил походом на ятвягов: «Иде Володимер на ятвягы, и победи ятвягы, и взя землю их».³⁵² Надо думать, что ятвяги вошли в состав данников Руси. Интересен еще один эпизод, связанный с Владимиром: «Иде Володимер на Болгары с Добрынею, с уем своим, в лодях, а торьки берегом приведе на коних: и победи болгары. Рече Добрына Володимеру: "Съглядах колодник, и суть вси в сапозех. Сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников". И створи мир Володимер с болгары, и роте заходиша межю себе, и реша болгаре: "Толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути". И приде Володимер Киеву».³⁵³ Трудно здесь ухватить реальную канву событий. Но вряд ли один лишь вид «колодников», обутых в сапоги, заставил Владимира заключить мир с болгарами.³⁵⁴ Вероятно, поход не вполне удался: Владимир сумел набрать лишь пленников, а дани не доискался. Намек на это содержит Никоновская летопись, где сказано: «И сотвори Володимер мир с Болгары, и роты захотеша межь собя, и реша Болгари: "аще ли не будеть мира межь нами, и егода начнеть камень плавати, а хмель на воде грязнути, тогда вам дань взяти"». Летописец Переяславля Суздальского в записи об этом же походе говорит о каком-то «уроке», положенном в основу мирного соглашения: «Иде Владимир с Добрыною в Блъгары и победи а. Рече же ему Добрына: "Видех зрех колодник, ани в сапозех. Сим нам не дати дани, поищем собданьников" И съдеаше мир на уроце».³⁵⁵

Завершая исследование даннических отношений восточных славян с иноязычными племенами и народами, еще раз затронем проблему распределения дани. Надо

³⁵² ПВЛ. Ч.1. С.58.

³⁵³ Там же. С.59.

³⁵⁴ Похоже, что в рассказ о походе Владимира на болгар вплелись фольклорные мотивы. — См.: ПВЛ. Ч.П. С.329.

³⁵⁵ ПСРЛ. Т.41. С.23. Возможно, под «уроком» здесь надо понимать определенную («уреченную») договором единовременную плату, т. е. контрибуцию.

сказать, что свидетельств относительно этого в письменных памятниках сохранилось очень мало, но и они способны пролить свет на интересующий нас предмет.

Самые ранние известия о разделе добычи-дани содержатся в описании похода Олега на Царьград в 907 году, когда каждый воин, как мы знаем, получил положенную ему часть выданного византийцами богатства. Кроме того, Византия обязалась выплачивать ежегодную дань в виде «укладов» на русские города.³⁵⁶ Эта дань, если не вся, то частично, шла на общественные нужды и составляла в некотором роде страховой фонд городских общин. При Игоре существует тот же порядок распределения дани: князь брал «злато и паволоки» у греков «на вся воя».³⁵⁷ Ромеи предлагали Святославу взять дань «на дружину свою» и спрашивали князя: «Колько вас, да вдами по числу на главы».³⁵⁸ Дружина здесь — не ближайшее окружение князя, а все войско, что приобретает полную ясность из объявленного Святославом количества воинов, исчисленных в 20 тысяч. Не следует придавать значение тому, что греки, запрашивая русского князя о численности его войска, хитрили, ибо важен принцип раздачи «по числу на главы», взятый ими, бесспорно, из практики. Святослав брал дань «и за убьеня, глаголя, яко "Род его возметь"».³⁵⁹ Дань, таким образом, русские брали соответственно числу воинов, выступивших в поход, независимо от того, остались ли они живы или нет. В последнем случае долю дани получали родичи погибшего.

Нельзя, конечно, утверждать, что награбленное имущество, разовые контрибуции и ежегодные дани поровну распределялись между всеми людьми, простыми и знатными. Больше того, есть основания говорить, что значительная часть добываемого посредством войн богатства концентрировалась в руках князей, а также приближенных к ним мужей, и равенства тут не было. И все же социальная верхушка, уступая традициям, вынуждена была поступаться данями и другими приобретениями в пользу рядовых соплеменников. А это значит, что в

³⁵⁶ См. с. 321-322 настоящей книги.

³⁵⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 34.

³⁵⁸ Там же. С. 50.

³⁵⁹ Там же. С. 51.

организации военных походов, преследующих цель обогащения, было заинтересовано все общество, от мала до велика.

Мы рассмотрели факты из истории даннических отношений восточных славян в сфере международной. Однако данничество бытовало и внутри славянского этноса.

ОТНОШЕНИЯ ДАНИЧЕСТВА СРЕДИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

Основные сведения о даннических отношениях внутри восточнославянского мира историку поставляет По-весть временных лет. Она является главным источником при изучении данничества, возникшего и развивавшегося в ходе формирования связей между племенными объединениями восточных славян. Однако о данях у восточных славян говорят и зарубежные авторы, в частности восточные писатели, повествующие о взаимоотношениях русов и славян. По рассказу Ибн Русты, русы «нападают на славян». Они «не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян».³⁶⁰ Согласно Гардизи, русы «пользуются обычно славянскими посевами».³⁶¹ Если к этому добавить известие из «Худуд ал-Алам» о группе славян, которая служит русам,³⁶² то вырисовываются более или менее постоянные отношения русов со славянами, напоминающие данничество. Не случайно А. П. Новосельцев, комментируя материалы восточных памятников о русах, отмечал: «За служивают внимательного изучения данные о взаимоотношениях русов и славян. Последние служат объектом нападения русов и источником рабов, продаваемых за тем в Булгаре и Хазарии. Очевидно, под этими славянами следует понимать соседние русам славянские племена, им еще не подчиненные. Одновременно какая-то часть славян уже была подвластна русам. Именно о них

³⁶⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и руси VI–IX вв. // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 397.

³⁶¹ Там же. С. 399.

³⁶² Там же.

писал Гардизи: "Всегда 100-200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся". Не напоминает ли это известие более поздние рассказы Повести временных лет о полюдье, сборе дани с полупокоренных земель в первой половине X в.? Эта система взаимоотношений между знатью формирующегося государства и территориями и племенами, включаемыми в его состав, характерна для периода складывания государства и изживается с процессом создания и укрепления феодальной собственности на землю».³⁶³ А. П. Новосельцев, на наш взгляд, проявляет односторонность, когда рассуждает о взаимоотношениях «между знатью формирующегося государства и территориями и племенами, включаемыми в его состав». Полагая, что речь здесь надо вести не столько о знати, сколько о племени-победителе в целом, устанавливающем господство над покоренными военной силой соседними племенами. Неосмотрительно поступает он, смешивая дань и полюдье.³⁶⁴ Но в том, что известия восточных авторов напоминают рассказы Повести временных лет о даннических отношениях среди восточнославянских племен, исследователь прав.

Прямые упоминания о даях среди восточных славян впервые встречаются в известиях летописца о вокняжении Олега в Киеве. Из Повести временных лет по Лаврентьевскому списку узнаем о том, что Олег, захватив столицу полян, «устави дани Словеном, Кривичем и Мери...».³⁶⁵ Любопытное разночтение содержит Новгородская летопись младшего извода, где вместо Олега действующим лицом выведен «храбрый и мудрый Игорь», а сообщение о дани выглядит так: «И дани устави Словеном и Варягам даяти...».³⁶⁶ В поздних летописях начались осмысления древних известий. Например, сводчик Никоновской летописи изобразил события так, что Олег «дани устави по всей Русстей зе-

³⁶³ Там же. С.405.

³⁶⁴ Об отличии дани от полюдья см. с.448-484 настоящей книги.

³⁶⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т.1. Стб.24. Идентичный текст заключен в Повести временных лет, дошедшей до нас в составе Ипатьевской летописи. — См.: ПСРЛ. М., 1962. Т.II. Стб.17.

³⁶⁶ НПЛ. М.; Л., 1950. С.107.

мле».³⁶⁷ Впрочем, не все поздние летописцы отошли от старых записей. Так, составитель Воскресенского свода дает чтение, близкое к Лаврентьевской и Ипатьевской летописям.³⁶⁸ В чем суть олеговой дани, относящейся к словенам, кривичам и мери? Ответ на вопрос предва-рим некоторыми историографическими замечаниями.

В. Н. Татищев говорил: «Сей же Олег нача города ставити по всей земли Русей и устави дани словеном, и кривичам, и мерям...».³⁶⁹ А у Н. М. Карамзина Олег ведет себя как настоящий монарх, управляющий «обширными владениями Российскими». Он «поручил дальние области вельможам; велел строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внешних неприятелей, и внутренних мятежников; уставил также налоги общие».³⁷⁰

Характеризуя деятельность Олега в Киеве, С. М. Соловьев замечал, что первым его делом было «построение городов, острожков, сколько для утверждения своей власти в новых областях, столько же и для защиты со стороны степей. Потом нужно было определить отношение к старым областям, к племенам, жившим на северном конце водного пути, что было необходимо вследствие нового поселения на юге; главная форма, в которой выражались отношения этих племен к князю, была дань, и вот Олег установил дани славянам (ильменским), кривичам и мери...».³⁷¹

Несколько иначе освещает события И. Д. Беляев. Олег ушел из Новгорода, «тяготясь своим положением». Заняв Киев, он «остался там жить, и таким образом сделался самостоятельным князем, нисколько не зависимым от Новгородского веча». Новгородцам ничего не

³⁶⁷ ПСРЛ. СПб., 1862. Т.IX. С.15.

³⁶⁸ См.: ПСРЛ. СПб., 1856. Т.VII. С.270.

³⁶⁹ Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М.; Л. 1964. Т.IV. С.114. Во второй редакции слово «устави» историк заменил словом «возложи», подчеркнув тем самым долгосрочную данническую зависимость восточнославянских и финских племен от Олега. — Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М.; Л. 1963. Т.II. С.34.

³⁷⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского в двенадцати томах. М., 1989. Т.I. С.100.

³⁷¹ Соловьев С. М. Соч. Кн.1. С.133.

оставалось, как выбрать одно из двух: «или искать нового князя, который бы согласился жить в Новгороде, на тех условиях, которые предложит ему вече, или вступить в новый договор с Олегом». Новгородцы предпочли последнее, вступив в новый договор с князем. По этому договору Олег «согласился посылать к Новгородцам своих посадников или наместников для суда и управы, а Новгородцы обязались платить с своей земли условленную по взаимному согласию дань...». ³⁷²

Итак, крупнейшие дореволюционные историки, анализируя летописный рассказ о действиях Олега, предпринятых им после взятия Киева, сходились на том, что князь наложил дань на словен и другие северные племена в свою пользу.

Занимала олегова дань и советских историков. И. М. Троицкий, рассмотрев соответствующий отрывок из Новгородской Первой летописи, содержащей, как стало ясно после «разысканий» А. А. Шахматова, более древние тексты, чем Повесть временных лет, пришел к выводу, что единственным осмысленным чтением является «и дань устави словеном и варягом даяти», при котором дательный падеж оказывается зависящим от «даяти». В этих варягах автор увидел княжескую дружину, что в свою очередь заставило его принять и другую гипотезу: «Прочитав о дани варягам, установленной в Киеве, и разумея, по обычаю новгородских летописей, под варягами именно норманнов, летописец прибавил еще запись о новгородской дани им, и в таком виде статья и попала в Начальный свод». ³⁷³ К сожалению, И. М. Троицкий сконцентрировал здесь свое внимание на варягах, оставив без внимания словен, тогда как они фигурируют в толкуемой им фразе рядом и в едином смысле с варягами.

Наблюдения И. М. Троицкого не получили признания в советской историографии, оставшись в стороне от развития исторической науки, где утвердился более широ-

³⁷² Беляев И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864. С. 222.

³⁷³ Троицкий И. М. Возникновение Новгородской республики // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. общественных наук. 1932. № 4. С. 279-282.

кий взгляд на произошедшие с приходом Олега в Киев события.

С точки зрения государственной политики смотрел на даннические «установления» Олега такой исследователь как Б. Д. Греков: «Олег "нача города ставити", т. е. укреплять новые свои владения и упорядочивать отношения с входившими в состав государства народами». В плане «упорядочивания отношений» правителя с подданными Олег и возложил дань на словен, кривичей и мерю.³⁷⁴ Б. Д. Грекова полностью поддержал В. В. Мавродин.³⁷⁵

По А. Н. Насонову, обосновавшиеся в Киеве Олег и Игорь «стали брать дань с северных племен».³⁷⁶

Согласно В. Т. Пашуто, «новая государственная власть (в лице Олега. — И. Ф.) гибко пользовалась обстановкой: овладев Киевом, центром Полянкой земли, определила дань со словен, кривичей и мерю».³⁷⁷

Активизацию «консолидационных процессов» в период княжения Олега в Киеве наблюдал П. П. Толочко. «Власть Киева распространилась не только на полян, древлян и северян, но и новгородских словен, кривичей, радимичей, хорватов, уличей, на неславянские племена чудь и мерю». Нетрудно догадаться, что выражением этой власти была дань, которую платили названные племена Олегу.³⁷⁸

О сборе дани Олегом со словен, кривичей и мерю говорит Н. Ф. Котляр, усматривая в этом признак государственности на Руси. «Первое, как нам кажется, — заявляет он, — несомненное свидетельство о существовании древнерусской государственности относится ко времени, последовавшем вскоре после утвержде-

³⁷⁴ Греков Б. Д. Борьба руси за создание своего государства. М. 1945. С.52-53.

³⁷⁵ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства Л., 1945. С.226.

³⁷⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.43.

³⁷⁷ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.87.

³⁷⁸ Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С.24.

ния Олега в Киеве (около 882 г.): "Се же Олег нача города ставити и устави дани словеном, кривичем и мери...". Был установлен порядок сбора дани на подвластных князю землях, которые таким образом окняжились; создавались укрепленные грады, опорные пункты центральной власти в племенных княжениях.³⁷⁹ Н. Ф. Котляр открыл в Олеге державного правителя и первого общерусского великого князя, который «з самого початку підкорив Киеву Новгород».³⁸⁰

В. Я. Петрухин понял летопись в том смысле, что Олег, став киевским властителем, начал «строить города... и "устави дани словеном, кривичем и мери..."». Таким образом, Олег подтверждает своим уставом договор ("ряд") с северными племенами». По этому «уставу» славяне платили дань Руси.³⁸¹ К данному выводу В. Я. Петрухин приходит посредством чересчур смелого обращения с летописным текстом, подменяя глагол «устави» существительным «устав». Но такого рода "исследовательские" приемы лежат за пределами научного обращения с источниками.

Полагаем, что на этом можно прервать историографический экскурс, поскольку, как нам думается, и на основе приведенного материала становится ясной общая линия трактовки историками летописных сведений о даних, определенных Олегом после захвата власти в Киеве. Выявляется единодушие ученых в мнении о словах, кривичах и мери как племенах, обязанных платить дань Олегу. Но оно не может служить бесспорным критерием правильного истолкования известий летописца. Случается и так, что единодушие исследователей в том или ином вопросе создает видимость достоверности общепринятой идеи.

В свое время В. А. Пархоменко недоумевал по поводу того, что Олег, «пришедший из Новгорода в Киев и по-

³⁷⁹Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1995. С.42.

³⁸⁰Котляр М. Русь язичницька: біля витоків східнослов'янської цивілізації. Київ, 1995. С.118.

³⁸¹Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М., 1995. С.92. 95.

бедивший здесь, заставляет Новгород же платить дань Киеву».³⁸² В этом историк увидел несообразность и противоречивость летописной записи о появлении Олега в Киеве, которые, наряду с другими несуразностями, заронили в нем сомнение относительно правдивости вообще рассказов летописца об Олеге. Подозрения В. А. Пархоменко во многом были обусловлены тем, что он придерживался традиционного толкования летописного текста, которое, на наш взгляд, необходимо поправить.

Этот текст достаточно сложен и запутан. Летописец сперва сообщает о градостроительстве Олега, а затем об «установлении» им дани. Такая последовательность, вероятно, и сбивала с толку ученых, внушив им мысль о государственных мерах Олега, включающих распоряжение князя насчет даннических платежей.³⁸³ Уместно, однако, спросить: имеем ли мы здесь реальную последовательность событий или же перед нами манера их изложения, свойственная летописям. Вопрос отнюдь не праздный, ибо древний книжник иногда помещал в летописной статье, датированной одним годом, события, происходившие в разные годы,³⁸⁴ и, наоборот, разъединял по нескольким годам то, что состоялось одновременно.³⁸⁵ Вполне вероятно, что летописец в рассказе о деятельности Олега по вокняжению в Киеве свел воедино все, чем князь занимался в начальный период своего правления в Русской земле. К строительству городов он, очевидно, приступил не сразу, а по истечении некоторого времени, пусть даже короткого. О даних же

³⁸² Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л., 1924. С.81.

³⁸³ Достаточно сказать, что в книге Н. Ф. Котляра имеется отдельный раздел с характерным названием «Почав ставити міста і встановив данини», где рассматривается державно-государственное строительство Олега. — Котляр М. Русь язичницька... С.117-121.

³⁸⁴ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С.457; Приселков М. Д. Истории русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С.18, 19, 25, 31-33.

³⁸⁵ См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX начала XIII столетия. СПб., 1992. С.101.

он должен был распорядиться немедленно, поскольку взял Киев благодаря военной помощи словен, варягов, кривичей и финно-угорских племен, которых следовало отблагодарить за оказанное содействие. Во всяком случае, относительно варягов это бесспорно.

Наше предположение о том, что свидетельство о градостроительстве Олега приведено летописцем не там, где ему надлежало быть, опирается не только на логические доводы, но и на указания, извлеченные из других летописных памятников. В Архангелогородском летописце, или Устюжском своде, заслуживающем доверия,³⁸⁶ под 883 годом читаем такую запись: «Иде Олг на древляны, и на северы, и на козары, и наложи на них дань по чорной кунице с человека на год, и оброки по всеи земли Руской устави, и многи города постави».³⁸⁷ Этой записи непосредственно предшествует датированная 881 годом статья, повествующая, как Олег завоевал Киев и «облада Рускою землею». Следовательно,

³⁸⁶ А. А. Шахматов обнаружил в Архангелогородском летописце более древнюю передачу известий Начального свода, чем в Новгородской Первой летописи, а тем более — в Повести временных лет. Вот почему этот летописец казался ему «весьма важным источником при исследовании нашего летописания» (Шахматов А. А. О начальном киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 52). Правда, А. Н. Насонов отмечал, что «в ходе дальнейших разысканий он (А. А. Шахматов. — И. Ф.), по-видимому, пришел к мысли, что источник этот (Устюжский свод) слишком поздний, чтобы можно было использовать его для решения поставленной задачи, и в последующих трудах он к нему почти не прибегал» (Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 21). Однако современные издатели Устюжского летописного свода, учитывая редакторскую отделку составителя (всякого рода сокращения, осмысления и подполнения текста), все же усматривают в нем огромную ценность, так как этот памятник донес до нас более древнюю и полную редакцию Начального свода, отражение которой нигде больше не встречается. — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1951. С. 5. См. также: Сербина К. Н. 1) Устюжский летописный свод // Исторические записки. 1946. Т. 20. С. 260-263; 2) Устюжское летописание XVI-XVIII вв. Л., 1985. С. 53; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 49-51.

³⁸⁷ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 57.

Архангелогородский летописец связывает градостроительную деятельность Олега со временем, несколько отстоящим от начала его княжения в главном городе полян, что весьма реалистично. Да и само сообщение о ней выглядит в летописце уместнее, нежели в Повести временных лет, поскольку следует за рассказом о военных походах киевского князя, в частности против хазар. Завоевательная политика Олега сопровождалась мерами по защите Русской земли от внешних врагов, в соответствии с которой осуществлялось строительство «градов», или крепостей.³⁸⁸ И оно, конечно же, развернулось после прочного утверждения бывшего новгородского правителя на киевском столе, тогда как в момент занятия этого стола обстоятельства требовали княжеских распоряжений о даях. Отсюда ясно, что между «установлением» даний и градостроительством Олега нет той связи, о которой обычно рассуждают исследователи. Нет также оснований усматривать в строительстве Олегом городов сооружение княжеских крепостей, связанных с государственным освоением земель, на которых они возводились.³⁸⁹

Новгородская Первая летопись младшего извода не допускает кривотолков, когда свидетельствует: «И дани устави Словеном и Ваягом даяти...».³⁹⁰ Здесь, несомненно, речь идет о даях, предназначенных словенам и варягам. И это понятно, ибо при новоиспеченном киевском князе «беша Варязи, мужи Словене, и оттоле прочии прозвашася Русью».³⁹¹ В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку об этом сказано так: «И беша у него Варязи и Словени и прочии прозвашася Русью».³⁹² В Ипатьевском списке Повести впереди поставлены словене: «И беша у него Словени и Варязи и прочии прозвашася Русью».³⁹³ Но если в Новгородской Первой летописи упоминание о варягах и слов

³⁸⁸ С. М. Соловьев называл их острожками. – Соловьев С. М. Соч. Кн. I. С. 133.

³⁸⁹ См.: Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 183, 185.

³⁹⁰ НПЛ. С. 107.

³⁹¹ Там же.

³⁹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 23.

³⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

нах предваряет сообщение об уплате только им дани, то в Повести временных лет перечень получателей дани расширен: «И устави дани Словеном, Кривичем и Мери».³⁹⁴

Б. Д. Греков, как мы знаем, подчеркивал различие терминологии, обращенной к словенам, кривичам и мери, с одной стороны, и к древлянам, северянам и радимичам, — с другой. В первом случае употреблен термин «устави», а во втором — «возложи». Вывод отсюда он сделал ошибочный, полагая, будто Олег, объяв («устави») словен, кривичей и мерю платить дань, поступил как «правитель государства», определяющий повинности своих подданных.³⁹⁵ Однако слово «уставити» в древнерусском языке было многозначным: установить, постановить, положить, назначить, определить, устроить, водворить порядок, уничтожить, отвратить, отвлечь.³⁹⁶ По нашему мнению, словосочетание «устави дани» надо разуместь не в смысле «точно определять, узаконивать, водворять порядок», как это делает Б. Д. Греков, а в значении *положить, назначить*. Стало быть, Олег повелел выдать дань тем представителям северных племен, которые приняли участие в походе на Киев и обеспечили ему победу, т. е. словенам, кривичам и мери. То была единовременная дань, или «окуп», контрибуция.

Итак, наше представление о даях, установленных Олегом после взятия Киева в корне отличается от общепринятого. Повторяем, словене и их союзники по межплеменному объединению³⁹⁷ получили дань как победители, посадившие своего князя на киевский стол. Об этом и говорили древние летописи. Но поздние летописцы перекроили старые тексты, исказив суть того, что произошло в Киеве на заре его истории. Далекую от исторической правды версию приняли историки XVIII—XIX вв., а потом — и современные исследователи.³⁹⁸ Свою тут роль сыграли, по-видимому, осознан-

³⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 24; Т. II. Стб. 17.

³⁹⁵ Греков Б. Д. Борьба руси... С. 53.

³⁹⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 1274-1276.

³⁹⁷ См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С. 69.

³⁹⁸ Разделял эту версию и автор настоящих строк. Такова, увы,

ные или неосознанные политические мотивы, возникшие в результате успехов создания единого Русского государства с центром в Москве, последующего роста Российской империи и создания унитарного строя в СССР. На фоне центристских процессов дань, уплачиваемая столичным Киевом периферийному племени словен, не говоря уже о представителях финно-угров, казалась немислимой.

Завершая сюжет об «установлении» Олегом даней словенам и кривичам, еще раз подчеркнем, что в данном случае мы имеем дело с разовой платой побежденных победителями, иначе — контрибуцией.

Укрепившись в Киеве, Олег приступает к подчинению соседних восточнославянских племен и облагает их ежегодной данью. Первыми подверглись нападению древляне: «Поча Олег воевати древляны, и примучив а. имаше на них по черне куне». ³⁹⁹ Затем такая же участь постигла северян: «Иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легьку, и не дасть им козаром дани платити, рек: "Аз им противен, а вам не чему"». ⁴⁰⁰ Подчинив северян, киевский правитель «посла к радимичем, рька: "Кому дань даете?"». Они же реша. "Козаром". И рече им Олег: "Не дайте козаром, но мне дайте". И въдаша Ольгови по шьягу, яко и козаром даяху». ⁴⁰¹ В. Н. Татищев сообщает о покорении радимичей с некоторыми подробностями, отсутствующими в Повести временных лет: «Послал Олег к радимичем, глаголя: "Кому дань даете?". Они же отвесчаша: "Да ем козаром". И рече им Олег: "Не давайте козаром, но мне; ежели ж козары на вас приидут, аз вас обороню". И они дали Ольгу по шьягу от плуга, яко же и козаром давали». ⁴⁰²

Приведенные известия не оставляют сомнений, что данническая зависимость восточнославянских племен по отношению к Киеву устанавливалась посредством во

сила традиции. — См.: Фроянов И. Я. Давники на Руси X–XII вв // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. / Отв. ред. В. К. Яцунский М., 1970. С.34.

³⁹⁹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч.1. С.20.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Татищев В. Н. История Российская. Т.II. С.34.

сннй силы или угрозы ее применения. За краткими летописными записями скрывается упорная межплеменная борьба, выливавшаяся в кровавые войны.⁴⁰³ Полянскому союзу племен пришлось воевать на два фронта: чтобы подчинить северян и радимичей, обложить их данью, надо было нейтрализовать хазар, под данничеством которых находились эти восточнославянские племена. Недаром Архангелогородский летописец сообщает не только о походе на северян, но и на хазар.⁴⁰⁴ Под натиском киевских дружин дряхлеющий Хазарский каганат терял славянских данников одного за другим. Олег, надо отдать ему должное, действовал гибко, применяя, с одной стороны, военную силу, а с другой, — соблазняя материальной выгодой, или «легкой данью».⁴⁰⁵

Наличие хазарского фактора в истории формирования даннических отношений киевских князей и управляемых ими полян с восточнославянскими племенами очень значимо, так как позволяет сделать два, по крайней мере, принципиальных заключения, относящихся к существу дани и статусу племенных территорий, состоящих под данничеством. Обращаясь к существу дани, необходимо признать, что оно оставалось неизменным,

⁴⁰³ По мнению А. П. Новосельцева, «формулировка летописи "иде Олег на Северяне, и победи Северяны" говорит о том, что какая-то часть северянской знати оказала сопротивление Киеву. Почему? Вероятно, потому, что и Олег был чужеземец (варяг). Но, возможно, приходится считаться с местным сепаратизмом и существованием местного князя. Последнему же власть слабеющего каганата казалась удобнее, нежели власть поднимающегося Киева» (Новосельцев А. П. Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории Древнерусского государства // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1987. С. 197). На наш взгляд, следует говорить о сопротивлении Киеву не «какой-то части северянской знати», а всех северян, не желавших подчиняться новым данщикам и предпочитавших свободу даннической зависимости, от кого бы она не исходила.

⁴⁰⁴ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 57.

⁴⁰⁵ С. М. Соловьев отмечал, что Олег наложил на северян «только легкую дань, чтобы показать им выгоду русской зависимости перед хазарской». — Соловьев С. М. Соч. Кн. I. С. 134.

несмотря на смену ее получателей. Дань хазарам есть плата побежденного победителю, таковой она оставалась и тогда, когда стала поступать в Киев. Перед нами традиционная форма эксплуатации одной этнической общности другой, слабого народа сильным. Земли хазарских данников — северян и радимичей — не входили в состав государственной территории Хазарского каганата, находясь лишь в сфере внешнеполитического влияния его правителей. Мало что изменилось в этом отношении с переходом права взимания дани к Олегу: северяне и радимичи подчинились лишь близким по этнической крови полянам, войдя в межплеменной союз, возглавляемый Киевом.⁴⁰⁶ Обложенные данью племена сохраняли свою самобытность и территориальную обособленность. Их подчинение и принуждение к данничеству нельзя изображать как процесс «сложения древнерусского государства — Киевской Руси», а тем более воспринимать как «окняжение земли» данников, установление верховной государственной земельной собственности на племенные территории.⁴⁰⁷ Поэтому и дань, уплачиваемую побежденными племенами, не стоит связывать с поземельной собственностью. Источником ее является не собственность на землю, а своеобразная собственность на племенной коллектив, покоренный силой оружия. Вот почему «примученные» племена платили не только дань, но и нередко служили поставщи-

⁴⁰⁶См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.21-22; 2) К истории зарождения Русского государства// Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С.76.

⁴⁰⁷Ср.: Рапов О. М. 1) К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период// Вестн.Моск.ун-та. Сер.История 1968. № 1. С.58; 2) Княжеские владения на Руси в X - первой половине XIII в. М., 1977. С.26,28; Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв.// Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 С.149-155; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С.82; Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства... С.42, 43; Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. С.181, 183, 185.

вествует летопись, говоря о походе Олега на Византию, нежели подданные в обычном смысле слова». ⁴¹¹

Признавая справедливым мнение В.В.Мавродина, что покорение Олегом древлян, северян и радимичей не лишало их внутренней самостоятельности, что зависимость этих племен заключалась прежде всего в платеж-дани и выделении воинов для участия в войнах и походах киевского князя, мы не можем согласиться с ним, когда он говорит о несистематическом характере даннических поступлений. Дань была не только регулярной, надо полагать, ежегодной, но и фиксированной. ⁴¹² Значит, практика данничества в восточнославянском мире имела давнюю историю.

Что касается древлян, то они платили дань Олегу много лет, вплоть до смерти князя, о чем судим по записи летописца: «И древляне затворишася от Игоря по Ольгове смерти». ⁴¹³ В Летописце Переяславля Суздальского вместо слова «затворишася» фигурирует «отврѣгошася», ⁴¹⁴ а в Никоновской летописи — «заришася». ⁴¹⁵ Древляне, как видим, встали за свою независимость от Киева. Дело дошло до войны. Об этом прямо говорят Новгородская Первая летопись и Архангелогородский летописец, извещая, что Игорь княжил и Киев, «воюя на Древляны». ⁴¹⁶ Причина войны четко обозначена в Истории Российской В. Н. Татищева: «Древляне отложились от Игоря по смерти Ольгове, не хотя дань, ни войска давать». ⁴¹⁷ Отказ древлян платить дань Киеву вызвал немедленную реакцию: «Иде Игорь на древляны, и победив а, и возложи на ня дань болши Ольго

⁴¹¹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства С.227.

⁴¹² В противном случае были бы излишни указания летописца «по черне куне», «по шьялгу». У В. Н. Татищева записано, что Олег «возложил» дань на древлян «по черне куне от дыма», а на северян — «по шьялгу от плуга». — Татищев В. Н. История Российская Т. II. С.34.

⁴¹³ ПВЛ. Ч. I. С.31.

⁴¹⁴ ПСРЛ. М., 1995. Т.41. С.14.

⁴¹⁵ ПСРЛ. Т. IX. С.26.

⁴¹⁶ НПЛ. С.109; ПСРЛ. Т. XXXVII. С.58.

⁴¹⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С.39.

ны». ⁴¹⁸ Дань «болши Олговы» есть, конечно, наказание древлян за строптивость. ⁴¹⁹ Право сбора древлянской дани Игорь вскоре передал Свенельду, который облегчил ношу данников, вернувшись к тому, что установил некогда Олег: «И дасть же дань деревьскую Свенделду, и имаша по черне куне от дыма». ⁴²⁰ Княжеская дружина роптала: «Се дал еси единому мужеве много». Похоже, Свенельд собирал дань с древлян не постоянно, а с перерывами. На это, возможно, намекает еще одна запись Новгородской Первой летописи, отстоящая от только что цитированной на двадцать лет: «Вьдасть (Игорь. — И. Ф.) дань деревьскую Свенделду». ⁴²¹ Второе пожалование датировано 942 г. Но три года спустя, в 945 г., за данью к древлянам ходил уже сам Игорь. Данное обстоятельство породило у М. И. Артамонова сомнение в передаче Свенельду вообще «права взимания дани в свою пользу». ⁴²² По-другому оценивал упоминаемые летописцем события Л. В. Черепнин. Он писал: «Судя по Новгородской 1 летописи, право сбора дани с Древлянской земли получил на началах ленного пожалования дружинник киевского князя Игоря Свенельд... На эти доходы последний кормил и одевал собственную дружину... Но от доходов с древлян не хотели отказаться и другие дружинники Игоря, требовавшие от него полюды в древлянскую землю, хотя он и отдал ее в лен Свенельду. Под натиском таких претензий Игорь отправляется "в Дерева" и вторично собирает там дань, несмотря на то, что перед ним то же самое делал Свенельд». ⁴²³

На наш взгляд, М. И. Артамонов был прав, когда го-

⁴¹⁸ ПВЛ. Ч.1. С.31.

⁴¹⁹ Фраза «болши Олговы» является намеком на фиксированный, но никак не произвольный характер дани. Иначе бессмысленно было бы так говорить.

⁴²⁰ НПЛ. С.109; ПСРЛ. Т.IX. С.26-27.

⁴²¹ НПЛ. С.110.

⁴²² Артамонов М. И. Воевода Свенельд// Культура Древней Руси/ Отв.ред. А. Л. Монгайт. М., 1966. С.30. Исследователь имеет в виду лишь запись 942 года, оставляя без внимания аналогичное сообщение под 922 годом.

⁴²³ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда// Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.146.

ворил, что в 945 году древлянскую дань собирал только Игорь. Но он заблуждался, доказывая, будто Свенельд к сбору древлянской дани совсем не имел никакого отношения.⁴²⁴ Воевода ходил к древлянам за данью, но не постоянно, а только тогда, когда киевский князь жаловал его этим правом. То были, следовательно, эпизодические хождения, от случая к случаю, но отнюдь не ежегодные, по крайней мере не многолетние.⁴²⁵ Сомнительным представляется и утверждение Л. В. Черепнина о сборе Игорем дани в Древлянской земле после того, как там побывал с той же целью Свенельд.

Помимо древлян, Игорь предоставлял Свенельду право сбора дани и с другого восточнославянского племенного союза — уличей, которые, как и люди «Деревской земли», оказывали упорное сопротивление Киеву, не желая оказаться в положении данников. Но Игорь в конце концов «примучи Угличе, възложи на ня дань, и вдасть Свендельду».⁴²⁶ Но не все уличи сразу покорились завоевателям. Не сдавался им «един град, именем Пересечен; и седе около его три лета и едва взя».⁴²⁷ С падением Пересечена, последнего оплота сопротивления уличей, положение их стало безнадежным, и они «яшася по дань Игорю».⁴²⁸

В истории с уличами обращает на себя внимание относящаяся к установлению даннической зависимости терминология, применяемая летописцем: до взятия Пересечена он прибегает к термину «возложи», а после сдачи города пользуется словом «яшася». Можно, конечно, объяснить данные терминологические отличия

⁴²⁴ Сходная точка зрения у В. А. Рыбакова: когда в 945 году Игорь «отправился собирать древлянскую дань сам, летописец ни одним намеком не показал, что этим попираются права Свенельда У варяга их просто не было — он получал содержание, а не бенефиций». — Рыбаков В. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С.326.

⁴²⁵ Именно этим, по нашему мнению, объясняется повторное упоминание летописца на передачу дани с древлян Свенельду, хотя ученые обычно здесь видят следы вставок и небрежной шивки разных источников.

⁴²⁶ НПЛ. С.109.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Там же. С.110.

огрехами работы летописного сводчика, соединившего в своем повествовании разные записи об одном и том же событии. При всей источниковедческой привлекательности подобного объяснения оно не является, по нашему убеждению, единственно возможным. Нам думается, что за различием терминов проглядывает не столько редакторская техника древнего книжника, сколько отражение поэтапного, так сказать, утверждения данничества над уличами.

Сперва данью были охвачены не все уличи. Часть их еще сопротивлялась. Изъятие материальных ценностей сперва осуществлялось посредством прямого военного насилия без каких-либо соглашений и определений. Обложенные данью уличи играют сугубо страдательную роль, выступая в качестве объекта вооруженного разбоя. Затем возникает новая ситуация, когда со взятием Пересечена уличи прекращают сопротивление и все без исключения соглашаются («яшася») платить дань киевскому князю. Отношения Киева с уличами переходят в новую фазу, характеризующуюся договором, соглашением, упорядочивающим взимание дани и устанавливающим ее размер, что в сущности означает приобретение ими некоторых прав, в частности платить дань по взаимосогласованной норме. В итоге уличи, несмотря на подчинение победителям, становятся в известном отношении субъектом межплеменных отношений, правда, приниженным и неполноправным вследствие завоевания. Право сбора дани, предусмотренной договором, Игорь снова передал Свенельду.

Л. В. Черепнин находит здесь доказательство установления вассальных связей «на ранней стадии процесса феодализации. Это была передача феодальным монархом своему вассалу не вотчины, находившейся у него в частной собственности и населенной зависимыми от вотчинника людьми, а территории, на которую простирались его права как верховного собственника. Выражением подвластности ему населения такой территории была дань».⁴²⁹ Мы считаем оправданной попытку Л. В. Черепнина связать с передачей князем сбора дани своим приближенным формирование вассалитета на Ру-

⁴²⁹ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С.146.

си X в. Но отождествлять этот вассалитет с феодальным вассалитетом нет должных оснований.⁴³⁰ Историк спешит с зачислением первых Рюриковичей в разряд феодальных монархов, обладающих правом верховной собственности на землю. Древняя Русь подобных монархов не знала.⁴³¹ Они есть порождение фантазии ученых, чрезмерно увлекающихся идеей раннего возникновения феодализма на Руси.⁴³²

Нельзя к тому же переоценивать и сами факты передачи права сбора дани высокопоставленным мужам, приписывая это исключительно воле князей. Взять, к примеру, Свенельда. Будучи воеводой, он возглавлял на родное ополчение, без которого не обходилось ни одно завоевание Киевом соседних восточнославянских племен. Для покорения и обложения данью этих племен князья нуждались в более мощной военной силе, чем княжеская дружина.⁴³³ Участие же полянских воев в «примучивании» соседей давало им, а также их предводителям право на получение дани, распределяемой между отдельными воинами и аккумулируемой киевской общиной на общественные нужды.⁴³⁴ В качестве воеводы Свенельд мог пользоваться таким правом помимо княжес-

⁴³⁰ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.86-87.

⁴³¹ Там же. С.8-63.

⁴³² См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.316-318.

⁴³³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.190.

⁴³⁴ К числу важнейших статей по части расходов на общественные нужды относилась покупка боевого снаряжения для воинов народного ополчения. В этой связи несомненный интерес представляет известие, согласно которому «войско Игоревое Свинелдовой власти просили Игоря, чтоб велел им дать оружие и одежды или пошел бы с ними на древлян, где князь и они могут довольно получить» (Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С.44.) Сообщение В. Н. Татищева согласуется с некоторыми летописными свидетельствами, касающимися хотя и других обстоятельств, но близких по сути. Так, когда Владимир «отверг виры» и начал «казнить разбойников», княжеские советники сказали ему: «Раи много; оже вира, то на оружьи и на коних буди». Князь ответил «Тако буди». Тут же летописец роняет примечательную фразу

ского пожалования, которому, следовательно, не нужно придавать значение исключительности. Вернемся, однако, к Игорю и его данническим делам.

Однажды «рекоша дружина Игореву: "Отроки Свеньльжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы". И послуша их Игорь, иде в Дерева в дань, и примысляше к первой дани, и насиляше им муже его». ⁴³⁵ Так читаем в Повести временных лет. Первая редакция Истории Российской В. Н. Татищева содержит сходный текст, а во второй присутствуют любопытные разночтения, мимо которых не может пройти современный исследователь. (1) чем там речь?

Осенью 945 года Игорь «нача мыслить на древляны, хотя возложити большую дань». Его намерение совпало с желанием войска «Свинелдовой власти». Воины просили Игоря, «чтоб велел им дать оружие и одежды или пошел бы с ними на древлян, где князь и они могут довольно получить. И, послуша их, Игорь пошел на древлян ради собрания дани. И возложи на них дань более прежняя, но при том как сам, так и его воинство древляном учинили оскорбление великое». ⁴³⁶ Новгородская Первая летопись, Летописец Переяславля Суздальского и Архангелогородский летописец также сообщают о насилиях над древлянами, чинимых князем и его воинами. ⁴³⁷ Все эти известия, взятые в совокупности, позволяют разобраться в произошедшем.

Киевский князь Игорь, движимый собственным «несытством» и побуждаемый своими дружинниками (а если верить В. Н. Татищеву, то и другими воями), пошел в данью к древлянам — давним недругам полян. При этом он замыслил взять большую дань, чем ранее платили древляне: «И нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большую дань». ⁴³⁸ Замысел удался. По сви-

«И живяше Володимер по устроенью отню и ледню» (ПВЛ. Ч.1. С.37). Этим подчеркнута традиционность приобретения военного снаряжения на общественные средства, управляемые в данном случае публичной властью.

⁴³⁵ ПВЛ. Ч.1. С.39.

⁴³⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С.44.

⁴³⁷ НПЛ. С.110; ПСРЛ. Т.41. С.14; ПСРЛ. Т. XXXVII. С.58.

⁴³⁸ ПВЛ. Ч.1. С.39.

детельству В. Н. Татищева, Игорь получил дань «болше-прежняя». О том же, но в других выражениях говорит древний летописец, сообщая, что князь «примысляше к первой дани».⁴³⁹ Было, следовательно, грубо нарушено заключенное прежде соглашение по дани между Киевом и «Деревской землей», т. е. совершено насилие над данниками, что дружно подтверждают разные летописи.⁴⁴⁰ Состоялось, можно сказать, новое «примучивание» древлян, вынудившее их уплатить более значительную дань против прежней. Едва ли это было по силам княжеской дружине. Поэтому к походу «в Дерева» было привлечено народное ополчение. У В. Н. Татищева оно обозначено как «войско Игоревое Свинелдовой власти». Легко разглядеть за этой словесной вязью киевских воинов, которых возглавлял Свенельд, бывший, как мы знаем,

⁴³⁹ Слова «первая дань» надо понимать, как первоначальная, прежняя дань, установленная раньше (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1766; Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 207). Иное толкование предложил А. А. Шахматов, согласно которому летописная фраза «примысляше к первой дани» означала, что дань у древлян была уже собрана кем-то, а Игорь пришел к ним, чтобы взять вторую по счету дань. Сборщиком первой дани, по догадке исследователя, являлся Свенельд, «изодевший» своих отроков «оружьем и порты» (Шахматов А. А. Разыскания. С. 362-261). При этом он исходил из мысли, что Свенельд, получив раз от Игоря право сбора дани в древлянской земле, пользовался потом данным правом постоянно. Выше мы видели, что это не так. Другое дело — источник обогащения воеводы и его людей. Судя по летописному рассказу, то была дань. Так, по крайней мере, позволяет думать логический строй речи игоревых дружинников, которые указав своему князю на благоденствующих свенельдовых отроков предлагают ему вместе идти за данью, намекая, что отроки Свенельда «изоделися» тоже благодаря дани. Но это не значит, что Свенельд тогда брал дань именно с древлян. Его данниками могли быть уличи или другие покоренные Киевом племена. Однако мысль А. А. Шахматова воспроизводится и в современной исторической литературе. Так, Л. В. Данилова пишет о вторичном после Свенельда походе Игоря за данью к древлянам. — Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 189.

⁴⁴⁰ См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 39; НПЛ. С. 110; ПСРЛ. Т. 41. С. 14; ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 58.

воеводой, или военным вождем киевской народной раги. Но поскольку князь стоял выше воеводы и являлся главным военачальником, да к тому же еще и правителем, наделенным верховной властью, то под его началом находились и сам Свенельд и воинство Киева. Вот почему В. Н. Татищев обозначает киевское войско как Игорво, но «Свенелдовой власти», т. е. непосредственно подчиненное Свенельду. Таков смысл этой, на первый взгляд причудливой, фразы. Отсюда следует, что в землю древлян за данью из Киева было послано внушительное воинство, намного превосходящее по численности княжескую дружину. Примечательно, что в Архангелогородском летописце участники похода за древлянскую данью названы воями, под которыми в древности разумели воинов из народного ополчения.⁴⁴¹ Не противоречит нашим предположениям и термин «дружина» Повести временных лет, поскольку данный термин означал в X в. не только княжескую дружину, но и войско вообще.⁴⁴²

Устрашив древлян оружием, Игорь взял у них «большую дань» и отправился в обратный путь. Но награбленного ему показалось мало. Поразмыслив, он «рече дружине своей: "Идете с данью домови, а я возвращюся, похожую и еще". Пусти дружину свою домови, с малом же дружины возвратися, желая больша имения. Слышавше же деревляне, яко опять идеть... и послаша к нему глаголюще: "Почто идеши опять? Поимал еси всю дань". И не послуша их Игорь, и вышедше из града Изькоръстена деревлене убиша Игоря и дружину его; *«бе бо их мало»*».⁴⁴³

Существенный интерес представляют такие летописные речения, как «дружина» и «малая дружина». Что скрыто за ними? Говоря о «малой дружине», летописец указывает на ее незначительный количественный состав («бе бо их мало»). О том, кто входил в нее, он умалчивает, вероятно, потому, что и ему и читателям летописи это было ясно без дополнительных разъяснений. Мы же только можем предположить, что она включала воинов,

⁴⁴¹Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.188-191.

⁴⁴²Там же. С.66.

⁴⁴³ПВЛ. Ч.1. С.40.

находившихся постоянно при князе, получавших от него довольствие и живших с ним под одной крышей. То была именно княжеская дружина, т. е. дружина в узком смысле слова, объединявшая военных сподвижников князя. И это дружинное воинство являлось несравненно малочисленнее ополчения Киева. Следовательно, за словами летописца «малая дружина» стояли не только малочисленные воины, но и лица, связанные дружинными отношениями. Значит, Игорь отпустил киевских воев с данью домой, а сам со своей личной дружиной вернулся к древлянам, чтобы еще раз взять с них дань.

Древляне, по автору Повести временных лет, встретили киевского князя словами: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань». ⁴⁴⁴ Летописец Переяславля Суздальского содержит несколько иную редакцию древлянской речи: «Узял еси и лише своего урока, то почто идешь?». ⁴⁴⁵ Из приведенных летописных сведений следует, что дань, уплачиваемая древлянами Киеву, являлась упорядоченной, а не произвольной, что Игорь с дружиной и киевским воинством взял дань один раз, но в увеличенном размере («лише своего урока»). ⁴⁴⁶ Вероятно, эта повышенная дань была (хотя с явным неудовольствием и раздражением) принята древлянами как новая норма даннических платежей, почему они и говорят Игорю: «Поимал еси всю дань». Получить такую дань и заставить признать ее на будущее можно было, конечно, опираясь на мощную военную силу, парализующую сопротивление древлян. Но когда князь вернулся, чтобы снова «походить» меж данников, да еще и в сопровождении «малой дружины», терпению их настал конец. Древляне «убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало». ⁴⁴⁷

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ ПСРЛ. Т.41. С.14.

⁴⁴⁶ Следует согласиться с Б. А. Рыбаковым, когда он по поводу событий 945 года в Древлянской земле говорит, что дань «была и давна тарифицирована», что Игорь «увеличил ее, примыслил новые поборы к "первой дани"». Князь «стал нарушителем установленного порядка, преступил нормы ренты» (Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.327, 328). Здесь все верно, кроме притягательности для Б. А. Рыбакова феодальной ренты.

⁴⁴⁷ ПВЛ. Ч.1. С.40.

ги восстания, которые могли увлечь простой народ. Но это говорит не об общности интересов местной знати и "людьа", а об использовании древлянскими "нарочитыми мужами" недовольства рядовых плательщиков дани политикой киевских князей. Древлянские "нарочитые мужи" противопоставили ей свою политику, расценивая ее как не отяготительную для народа». ⁴⁵⁰

Древлянская знать, поднимая народ на борьбу с данщиками, заботилась о собственной выгоде: «Полноту власти над древлянами мечтали вернуть себе представители местных социальных верхов, которые стремились убедить народ в том, что их политика отвечает его интересам: "А наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю". Антитеза киевского князя-волка и "добрых" древлянских правителей — это политический мотив, который звучит в выступлениях местных "нарочитых мужей", желавших повести за собой народные массы. А последние, конечно, были не в силах понять, что их "добрые" князья заинтересованы в свержении господства киевской феодальной знати не во имя уничтожения эксплуатации, а во имя обеспечения себе большей доли дани и больших политических привилегий». ⁴⁵¹

Изучение «вопроса об общественном строе Древлянской земли», предполагающее вдумчивый анализ имеющихся в распоряжении современного исследователя материалов, Л. В. Черепнин подменяет постулированием положений, страдающих явной гипертрофией классовой оценки социальных явлений на Руси X в. Это — не вина талантливого историка, а его беда, ибо таковым являлось жесткое правило, предписываемое историографической средой, в которой пришлось ему работать.

Заявлена, но ни чем не обоснована главная идея ученого о наблюдаемом процессе феодализации в Древлянской земле, приведшем якобы к «заметному классовому расслоению», когда на «одном полюсе общества находилась местная знать», а на другом — «трудовой народ». Уверовав в это, легко затем по классовому признаку сортировать летописные термины «князья», «на-

⁴⁵⁰ Там же. С.147-148.

⁴⁵¹ Там же. С.148.

рочитые мужи», «лучшие мужи», «старейшины», «люди», «людье». Напомним, однако, что деление на знатных и простых людей — явление, присущее родоплеменному строю, где нет и намека на «классовое расслоение». ⁴⁵² Оно свойственно и дофеодальным варварским обществам, не знавшим еще классового расслоения. ⁴⁵³

Не подкреплен какими-нибудь фактами (помимо тенденциозного толкования летописной фразы «держажу Деревьску землю») тезис о политическом господстве древлянской знати «над трудовым населением». Л. В. Черепнин не задумывается над тем, что править (управлять) и господствовать — далеко не одно и то же. Не считается он должным образом и с наличием жизнедеятельной вечевой организации у древлян, указывающей на общественную активность населения Древлянской земли, несовместимую с политическим всесилием знати. ⁴⁵⁴ Бездоказательно утверждение историка о древлянской знати, живущей за счет труда свободных от частной зависимости общинников, хотя какие-то дары за исполнение общественно-полезных функций, связанных с управлением обществом, она от соплеменников получала. Но то были именно дары (добровольные приношения) типа полкюдья, ⁴⁵⁵ а не принудительные подати. И уже совершенно произвольным является предположение авто-

⁴⁵² Некоторые современные исследователи настолько увлечены «классовым подходом», что даже «выделение знати из среды свободных» в родоплеменном обществе воспринимают как «первоначальные элементы социально-экономического расслоения». — См.: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. 2. С. 19.

⁴⁵³ См.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Проблемы истории докапиталистических обществ / Под ред. Л. В. Даниловой. М., 1968. Кн. 1.

⁴⁵⁴ И. И. Ляпушкин верно замечал, что политику в Древлянской земле определял народ. — Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Л., 1968. С. 169. См. также: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 126-127.

⁴⁵⁵ См. с. 448-484 настоящей книги.

ра, будто знатные древляне жили трудом крестьян барщинников или оброчников, эксплуатируемых в «имениях отдельных феодалов». По поводу последнего предположения Л. В. Черепнин замечает, что «прямых данных здесь у нас нет». От себя добавим: тут нет и косвенных данных, иначе — никаких. Историк, стало быть, принял желаемое за действительное.

Л. В. Черепнину, исследователям его поколения и круга очень трудно было представить, что знатные люди древних обществ могли выступать в качестве проводников народных интересов. И если «трудовое население» шло, как в нашем случае, за «местными князьями, считая их выразителями своих нужд», то, оказываясь, по неспособности понять корыстные устремления и планы своих властителей. Так упрощалась история и оглуплялись народные массы, которыми, преследуя собственные выгоды, ловко манипулировала социальная верхушка. В реальной исторической жизни все было по-другому.⁴⁵⁶

Кроме Л. В. Черепнина, классовую дифференциацию в Древлянской земле увидел Г. В. Абрамович. Рассматривая социальные отношения у древлян середины X века, он обнаружил, что древлянские князья и «нарочитые мужи» успели к этому времени «разделить» землю, т. е. поделить ее на «сферы влияния и управления».⁴⁵⁷ На этом основании делается далеко идущий вывод о глубокой социальной неоднородности древлянского общества, что позволяет автору выделить даже целую стадию в развитии раннего феодализма на Руси. Но откуда Г. В. Абрамович взял сведения о «разделе» Древлянской земли? Ведь в Повести временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам говорится о древлянских князьях, «иже распасли суть Деревьску землю»,⁴⁵⁸ а в Новгородской Первой летописи — «расплодили землю нашу».⁴⁵⁹ И что же?

⁴⁵⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.

⁴⁵⁷ Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // История СССР. 1981. № 2. С. 66, 67.

⁴⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 56; Т. II. Стб. 44.

⁴⁵⁹ НПЛ. С. 111.

«В описании переговоров древлян с Ольгой, — пишет Г. В. Абрамович, — имеются расхождения между Лаврентьевской и Ипатьевской летописями, с одной стороны, и летописью Нестора — с другой. В первых двух древляне, говоря о своих князьях употребляют термин "распасли" землю..., а Нестор вместо "распасли" употребляет термин "разделили", что, по нашему мнению, более точно определяет их взаимоотношение с населением».⁴⁶⁰

Напомним, однако, что «летописью Нестора» в ее авторском виде мы не располагаем. Эта летопись, как известно, сохранилась не в подлиннике, а в редакционной обработке, дошедшей до нас в составе поздних летописных сводов. Г. В. Абрамович принял за «летопись Нестора» содержащуюся в Воскресенской летописи (памятник XVI века) Повесть временных лет, названную издателями «средним текстом летописи Нестора». Эта терминология издателей и ввела, вероятно, в заблуждение Г. В. Абрамовича, стремившегося во что бы то ни стало открыть наличие раннефеодального общества у древлян.

Однако строго следование летописи приводит к выводу об отсутствии социальных контрастов в древлянском обществе. Древляне, по верному заключению И. И. Ляпушкина, осторожного и вдумчивого исследователя, в X веке еще сохраняли «свои первобытнообщинные устои».⁴⁶¹ Правда, это заключение И. И. Ляпушкина оспорил В. Т. Папуто. Но его доводы производят, по меньшей мере, странное впечатление. Он говорит: «У древлян есть своя общественная структура: княжеская власть (притом давняя: "князи распасли" землю — на это нужно время), "лучшие мужи" ... и, наконец: народ. Народ действует не непосредственно, а через "лучших мужей": их, "числом 20", древляне шлют к Ольге послами, и они говорят ей: "посла ны Деревьска земля"; и вовсе не народ произносит слова, от коих веет патриархальностью, а именно "лучшие мужи". И

⁴⁶⁰ Абрамович Г. В. К вопросу о критериях... С.66-67, прим.44.

⁴⁶¹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... С.169; См. также: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.126-127.

во второе посольство древляне не двинулись толпой а "избраша лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьскую землю", ниже древляне называют этих мужей "дружинной". Когда Ольга идет войной на древлян, те встречают ее "полком"; проиграв битву, древляне обороняются в Искоростене, где упомянуты дворы, клетки, вежи, одрины. Здесь тоже царит не народовластие, а есть "старейшины"...». ⁴⁶²

По логике В. Т. Пашуто, народоправство у древлян можно было бы признать лишь в том случае, если бы они всюду ходили толпами, жили без князей, лучших мужей, старейшин, т. е. пребывали в каком-то стадном состоянии. Трудно понять, какие аргументы для опровержения мысли о демократическом складе древлянского общества В. Т. Пашуто почерпнул в упоминаемых летописью дворах, вежах, клетях и одринах. Историк, как нам представляется, не различает два принципиальных момента: существование правящей верхушки и узурпацию власти. Нет людского общежития, которое обходилось бы без лидеров. Но то, что они есть, никоим образом не означает бесправие народа. Надо показать на конкретных фактах, устранен ли народ от власти или же наделен ею.

И вот тут очень важны свидетельства летописи о том, что древляне (народ) собираются на думу с князем своим Малом и принимают решение расправиться с Игорем, а потом избирают «лучших мужей» и посылают их к Ольге в Киев. Значит, рядовые древляне действуют с полным сознанием собственных прав, не озираясь на знать. Перед нами еще единое общество, не расколотое на привилегированные верхи и бесправные или полубесправные низы. И знатные и простые древляне выступают против киевских завоевателей сплоченно. В борьбе с Киевом у них интересы общие. И борьба эта отнюдь не внутриобщественная, а, как мы уже отмечали, межплеменная. Поэтому и древлянская дань, которую брал Игорь, являлась признаком внешней зависимости древлянского племенного союза от полян. Суть ее состояла в долгосрочном (ежегодном) изъятии прибавочно

⁴⁶² Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С.106

го продукта, осуществляемом посредством завоевания и последующей военной угрозы.

В этой дани мы имеем все ту же встречавшуюся нам неоднократно архаическую форму коллективной эксплуатации покоренных оружием племен или народностей. Поэтому Игорь и его воины ведут себя среди древлян как захватчики, люди сторонние и чужие, пришедшие в Древлянскую землю, чтобы взять добро и с ним уйти восвояси. «Способ обращения Игоря с данниками, — писал И. И. Костомаров, — изобличает вполне разбойничий характер. Набравши дани и возвращаясь домой, Игорь рассудил, что древляне народ смиренный и податливый и задумал ограбить их побольше. Ни о каком правительственном устроении покоренной Земли Игорь не думал; он оставлял Древлянской Земле ее князя, ее вече, и древляне невозбранно могли сотворить совещание между собою о том, как избавиться от разбойников: "повадится волк в овчарню — говорили они — вынесет все стадо, если не убьют его". Таков был приговор их веча. Убили Игоря, перебив его дружину, точно так же, как бы перебили всякую другую разбойничью шайку».⁴⁶³ Сказано, быть может, резко, но по сути верно.

Расправа с Игорем и его дружиной означала выход древлян из подчинения Киеву с прекращением, разумеется, выплаты дани. Чтобы восстановить прежний порядок, киевские правители должны были снова воевать с Древлянской землей. И вот «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Деревьску земли. И изодоша деревляне противу... И победиша деревляны. Деревляне же побегоша и затворишася в градах своих».⁴⁶⁴ Минувя «затворишиися» древлянские города, Ольга устремилась к Искоростеню — организационному центру антикиевской борьбы. Искоростень успешно оборонялся, а княгиня теряла терпение и силы подле осажденного города. Наконец, она задумала взять его хитростью, послав «ко граду, глаголюще: "Что хотите доседети? А вси гради ваши предашася мне и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя;

⁴⁶³ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т.12. С.9

⁴⁶⁴ ПВД. Ч.1. С.42.

а вы хотите изъмерети гладом, не имучеся по дань"». Не важно, что слова Ольги — неправда.⁴⁶⁵ Важно то, что она, обманывая древлян, прибегала к правдоподобным фактам и жизненным ситуациям. И тут оказывается, что древляне, кроме укрывшихся в Искоростене, платят дань Ольге и тем самым получают возможность мирно возделывать свои нивы и земли. Стояние Ольги у Искоростеня преследует одну цель: вынудить горожан давать дань. Это явствует из слов: «а вы хочете изъмерети гладом, не имучеся по дань».

Уплачиваемую древлянами дань иначе, чем платой за мир, не назвать. Она является условием мирного земледельческого труда («ялися по дань и делают нивы своя и земле своя»). Характерна в данном отношении и речь жителей Искоростеня, обращенная к Ольге: «Ради ся быхом яли по дань, но хочещи мыцати мужа своего».⁴⁶⁶ Смысл ее примерно такой: рады бы купить мир и покой себе, да опасаемся разорения от тебя. Ольге все же удалось убедить искоростенцев в своем мирном намерении, и те, поверив ей, дали дань, но просчитались: враги подожгли город, и «побегоша людье из града, и повеле Ольга воем своим имати а, яко взя град и пожьже и; старейшины же града изънима, и прочая люди овых изби, а другие работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку». В Летописце Переяславля Суздальского заключительная сцена еще более впечатляет: «И побегоша людие из града, и повеле Олга имати их, и взя их, и град съжже, старейшины ижже, а прок разведе, а иных посече, а иных раздая отроком своим, и платити повеле по две куне чръных, по две веверици и скоры, и мед...».⁴⁶⁷

Дань как следствие завоевания выступает здесь во всей своей наготе, причем завоевание это — дело рук не только княжеской дружины, но и народного ополче-

⁴⁶⁵ В. Н. Татищев сообщает, что Ольга, став с войском около Искоростеня, к «другим городом послала воевод» (Татищев В. И. История Российская. Т. II. С. 46). Если это действительно было, то не исключено, что киевские «воеводы» подчинили и обложили данью остальных древлян, пока княгиня осаждала искоростенцев. В таком случае Ольга могла говорить и правду.

⁴⁶⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 42.

⁴⁶⁷ ПСРЛ. Т. 41. С. 16-17.

ния полян, а точнее — в большей мере народного ополчения, чем княжеской дружины. Летописи запечатлели жестокою войну двух соседних восточнославянских племен друг с другом, в которую были вовлечены все военные силы обеих сторон.⁴⁶⁸ Недаром в Повести временных лет говорится, что «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю».⁴⁶⁹ Мобилизовано в поход было, по-видимому, все наличное воинство полянской общины. Красноречива летописная фраза «иде на Деревьску землю», указывающая на межплеменной характер конфликта. То же самое подчеркивает Летописец Переяславля Суздальского, обозначая воюющие стороны: «и победиша деревлян кiane».⁴⁷⁰ Автор Летописца, следовательно, ставит акцент не на дружине, а на «кианах», т. е. на народных воинах. Киевлянам противостоят древляне — ополчение Древлянской земли, что подтверждается лексикой летописца. «И сънемшемася обема полкома на скупь», — говорит он. Полк — не дружина, а ратное соединение воев, или народных ополченцев.⁴⁷¹ Древлянский полк состоял из воинов «Деревской земли». Это видно из сообщения летописца о том, как древляне, потерпев поражение, «побегаша и затворишася в градах своих». Гонимые страхом древляне разбежались, стало быть, по разным городам своей земли, что указывает на участие в войне общеземского древлянского ополчения.

Сурово покарав жителей Искоростеня, Ольга совершила объезд Древлянской земли «с сыном своим и дружиною, уставляюще уставы и уроки; и суть становища се и ловища». Затем она «иде Новугороду, и уставы по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ее суть по всей земли, знаменья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру пе-

⁴⁶⁸ В рассказе летописи слышится, по словам Н. И. Костомарова, «та племенная вражда, которая существовала между полянами — Русью и древлянами». — Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.; М., 1881. Т. 13. С. 105.

⁴⁶⁹ Летописец Переяславля Суздальского вместо воев многих и храбрых называет «воинство многое». — ПСРЛ. Т. 41. С. 16.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 188-191.

ревесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселс. И изрядивши възратися к сыну своему Киеву...». ⁴⁷²

Путешествие киевской княгини по Древлянской и Новгородской землям и ее распорядительная деятельность воспринимаются многими современными учеными как установление новых феодальных отношений в сфере княжеского землевладения и данничества. В летописном повествовании о вояже Ольги они видят иллюстрацию складывания княжеского домена и «окняжения» общинных земель. «Летопись, — утверждает С. В. Бахрушин, — приписывает захват земель впервые княгине Ольге, в результате ее побед над древлянами. На первом месте тут стоит освоение охотничьих и бортных угодий — "ловищ" и "знамений"». ⁴⁷³ В. В. Мавродин в связи с устроительной поездкой Ольги говорил: «Всюду по Деревской земле, по Днепру и по Десне, по Мсте и Луге — ее "ловища" и "перевесища", всюду — ее "знаменья", которыми она отмечала свою собственность на землю и угодья, всюду княжеские "становища" и "места", где сосредоточивается ее княжеская администрация, слуги и челядь, куда свозят все, добываемое на нивах и угодьях. Эти "места" и "становища", являясь центрами возникающего княжеского домена, в то же время являются и административными центрами». ⁴⁷⁴

Б. Д. Грекову казалось, будто Ольга «внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах». ⁴⁷⁵ Основная мысль, заключенная в летописном рассказе о поездках Ольги, — освоение киевскими правителями «земель, населенных и ненаселенных на периферии государственной территории». ⁴⁷⁶

⁴⁷² ПВЛ. Ч.1. С.43.

⁴⁷³ Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2. С.94.

⁴⁷⁴ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.251.

⁴⁷⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С.301.

⁴⁷⁶ Там же. С.302.

По Л. В. Черепнину, в данном рассказе речь идет «об организации хозяйства (сельского и промыслового) на землях, принадлежащих князьям-вотчинникам, пользовавшимся трудом феодально-зависимых людей... Вероятно, часть земельной площади была изъята Ольгой у пользовавшихся ею общинников в личную собственность». ⁴⁷⁷

Настоящий переворот в «поземельных отношениях» наблюдается в Древлянской земле О. М. Рапов, связывая его с походом Ольги на древлян: «Местные старейшины-землевладельцы ("лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю") были лишены своих держаний и, вероятно, заменены администрацией Ольги. Более того, на территории Древлянской области возникли великокняжеские домениальные владения (Ольгины ловища и становища)». ⁴⁷⁸ Согласно Б. А. Рыбакову, «летопись сохранила нам драгоценнейшие сведения об организации княжеского домениального хозяйства середины X в. Здесь все время подчеркивается владельческий характер установлений Ольги: "ее становища", "ее ловища", "ее знамения", "ее город Вышгород", "ее село"». Ольгой «устанавливается тот каркас княжеского домена, который столетием позже оформится на страницах Русской Правды». ⁴⁷⁹ Обширный домен она создала на севере, в Новгородской земле, где ею были отобраны на себя хозяйственные угодья и устроена сеть погостов-острогов, придающая «устойчивость ее домениальным владениям», расположенным «в тысяче километров от Киева». ⁴⁸⁰

Мысль об организации Ольгой домениальных владений, получившая широкое распространение в советской исторической литературе, нам представляется сильно преувеличенной, а осмысление летописных известий — однобоким. Полагаем, что летописец меньше всего стремился отразить в своей записи «владельческий характер» установлений княгини. Он старался рассказать о

⁴⁷⁷ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения. . . С.150.

⁴⁷⁸ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С.27.

⁴⁷⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. . С.363.

⁴⁸⁰ Там же. С.363, 364.

мерах киевских правителей по упорядочению сбора дани, что потребовало личного объезда Ольгой племенных территорий, населенных данниками Киева. Отсюда у него интерес к памятным местам, связанным с личностью «блаженной» княгини. Поэтому он уведомляет своих читателей: «И суть становища ея и ловища и до сего дни».⁴⁶¹ Или: «И сани ее стоять в Плескове и до сего дне».⁴⁶² В одном памятнике встречаем и такую подробность, относящуюся к воспоминаниям об Ольге: «По Днепру перевоз ея и до ныне словеть».⁴⁶³ На берегу Волги, в версте от устья Мологи, еще в XVII в. лежал большой камень, который слыл Ольгиным.⁴⁶⁴ А двумя столетиями раньше Ольгиным именем называлась гора близ Пскова.⁴⁶⁵

Эти и другие данные привели Н. М. Карамзина к важным наблюдениям и выводам. «Историки наши, — писал он, — несправедливо думали, что Ольга распорядила в государстве звериную, птичью и рыбную ловлю: здесь говорится о местах, где княгиня забавлялась ловлею, местах известных и в Несторово время под именем Ольгиных».⁴⁶⁶ И еще: «Ольга, кажется, утешила древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере все ее памятники — ночлеги в местах, где она, следуя обыновению тогдашних героев, забавлялась ловлею зверей — долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства».⁴⁶⁷

Причину подобных переживаний нельзя понять, абстрагируясь от языческих верований. Киевская княгиня, победившая древлян, а стало быть, и древлянских

⁴⁶¹ ПСРЛ. Т.41. С.17; Татищев В. Н. История Российская. Т. II С.46.

⁴⁶² ПВЛ. Ч. I. С.43.

⁴⁶³ Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878 С.242.

⁴⁶⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. I. С.270, прим.377.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же. С.123. Заметим, кстати, что Ю. А. Гагемейстер также относил «ловища» и «становища» к разряду памятников «пребывания Ольги и ее сына в земле Древлянской». — Гагемейстер Ю. А. Розыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С.15.

богов, которые по воззрениям древних принимали деятельное участие в людских делах, в том числе в военных битвах,⁴⁸⁸ воспринималась язычниками как сверхъестественное существо, осененное божественной благодатью. Необходимо также вспомнить о ритуальном значении охоты, которой занимались правители при объезде подвластных им земель.⁴⁸⁹ Охота являлась не только развлечением, но и религиозным ритуалом,⁴⁹⁰ отправление которого властителю предписывал обычай. Стоянки правителей порою отмечались специальными знаками.⁴⁹¹ Отсюда и хранимые народной памятью ольгины «знаменья», «становища», «ловища», т. е. места, освященные присутствием княгини, или, по выражению Н. М. Карамзина, памятники,⁴⁹² а по нынешнему, — достопримечательности. Наглядным подтверждением правомерности такого толкования летописных известий являются сберегаемые еще во времена летописца

⁴⁸⁸ Язычники верили, что если они «воевали между собою, то не только люди, но и боги принимали участие в этой борьбе. Не следует думать, что это лишь поэтический вымысел. У древних это было очень определенное и чрезвычайно глубокое верование. . . Древние были твердо убеждены, что боги принимают участие в сражении; воины защищали богов, и боги защищали воинов. Сражаясь против неприятеля, каждый был убежден, что вместе с тем он сражается против богов враждебной гражданской общины. Боги эти были чужими, их разрешалось ненавидеть, оскорблять, побивать, их можно было брать в плен». — Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906. С.226-227. См. также: Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С.294-296.

⁴⁸⁹ См.: Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С.28, 37, 54, 83, 87, 90, 132, 150, 173, 209, 229, 254-264.

⁴⁹⁰ Там же. С.54.

⁴⁹¹ Там же. С.47. «По сути своей охота в сознании язычников представляла собой своеобразный сакральный акт, сопровождаемый жертвоприношением, а преследование зверя по следу представлялось как стремление к Высшему Началу. . .». — Маковский М. М. Сравнительный словарь. . . С.256.

⁴⁹² Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.1. С.270, прим.377.

во Пскове сани, принадлежащие некогда Ольге. Вспомним, что в языческой обрядности сани — весьма важный атрибут верований и ритуалов.⁴⁹³ Весьма показательно и то, что современники летописца оберегали какие-то знаки или следы княгининых «становищ» и «ловищ». В Летописце Переяславля Суздальского сохранилось на сей счет ценное свидетельство: «И суть становища ея и ловища и до сего дни».⁴⁹⁴

Итак, летопись указывает не столько на создание Ольгой своего феодального домена, сколько отмечает священные знаки и места, хранящие память о ее поездках по Древлянской и Новгородской землям.⁴⁹⁵ Летописец, чтобы убедить читателя в правдивости своего рассказа об объезде названных земель, ссылается на известные его современникам достопримечательности, связанные с ее именем. Что касается самих поездок, то они имели целью упорядочение взимания дани.

Древлянскую землю Ольга объезжала «съ дружиною».⁴⁹⁶ Под дружиной здесь следует, очевидно, понимать войско в целом, а не ближайших военных сотрудников князя Святослава или княгини Ольги. Именно такое понимание встречаем у В. Н. Татищева: «Пошла она (Ольга. — И. Ф.) с сыном своим и со всем войском по

⁴⁹³ См.: Анучин Д. Н. Сани, ладыя и кони как принадлежность похоронного обряда. М., 1890. «Причем тут сани?» — спрашивал Б. Д. Греков и отвечал: «Я думаю, что сани — это вещественное доказательство (предмет материальной культуры) того, что Ольга действительно ездила по Новгородской земле. Сани эти берегли и в Пскове, подобно тому, как в Ленинграде сберегался ботик Петра, в Новгороде хранилась баржа Екатерины и т. п. Ольга ездила и в этих санях. Летописец это хорошо знал или крепко в это верил» (Греков Б. Д. Киевская Русь. С.301-302). Историк дал рационалистическое объяснение на манер современных понятий. Для него сани — лишь «предмет материальной культуры», тогда как их потаенный сакральный смысл, привычный людям Древней Руси, остался им незамеченным.

⁴⁹⁴ ПСРЛ. Т.41. С.17.

⁴⁹⁵ Говорит он и о хозяйственных заботах княгини, упоминая при надлежащее ей село и «перевесища», но все-таки главное свое внимание обращает на памятные места, отмеченные ее личным присутствием.

⁴⁹⁶ ПВЛ. Ч.1. С.43.

Древлянской земле». ⁴⁹⁷ Обход древлян с внушительным войском был демонстрацией силы, устрашающей данников. Вид многочисленного воинства должен был привести в полную покорность население Древлянской земли, облагаемое данью. И все же сопротивление древлян, хотя и подавленное безжалостно Киевом, вынудило Ольгу отказаться от произвола своего покойного мужа, переступившего условленную обоюдным соглашением норму сбора дани. Она шествовала по Древлянской земле, «уставляющи уставы и уроки». Что это значило?

М. Н. Тихомиров полагал, что «Святослав и Ольга учредили в Древлянской земле "уставы и уроки", т. е. ввели какие-то постановления, может быть, письменные». ⁴⁹⁸ По мнению Л. В. Черепнина, смысл мероприятий Ольги, которые исследователь определяет как «нововведения», заключался «в нормировании повинностей населения (определении уроков) и издании уставов, какими могли бы руководствоваться при сборе дани и производстве суда представители власти на местах». ⁴⁹⁹ С еще большей настойчивостью говорит о законодательстве киевской княгини А. А. Зимин, связывающий ее деятельность в Древлянской земле «с изданием "Уставов" и "уроков"», которые частично «определяли жизнь княжеского хозяйства, но вместе с тем имели и общегосударственное значение. Ведь "устав" — это какой-то княжеский акт... "Уроками" также именовали законодательные акты, связанные с судебным процессом, а иногда — это штраф в пользу князя или расценка за кражу. Иногда "урок" — просто вообще возмещение убытка или даже вид дани. Связь "урока" с какими-то установлениями (может быть, судебными) княжескими несомненна... Введенные Ольгой после гибели Игоря "уставы" и "уроки" должны были предотвратить повторение случаев убийства дружинников и князей в покоренных землях. Очевидно, к ее деятельности можно отнести добавление в ст.1 Кр.Пр.: "аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник... то 40 гривен по-

⁴⁹⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 46.

⁴⁹⁸ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 30.

⁴⁹⁹ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С. 149.

ложити за нь". Смысл этой статьи заключается в защите княжеских дружинников от посягательств на их жизнь, в первую очередь со стороны закабаляемых общинников, восставших от усиления гнета... Закон твердо и недвусмысленно провозглашал защиту нарождающегося господствующего класса, объявляя, что отныне всем лицам, покушавшимся на жизнь княжеских дружинников, придется иметь дело с законом и государственным аппаратом, стоявшим на его страже». ⁵⁰⁰

Сходный взгляд обнаруживает М. Б. Свердлов, по которому «древлянам "устанавливались" "уставы" — законодательные княжеские акты... и "уроки" (это слово многозначно, им обозначались: законодательные акты, связанные с судебным процессом, штраф в пользу князя, наказание за кражу, возмещение убытка, вид дани. Учитывая, что понятие "устав" более определенно связывается с судебным производством, можно предположить, что "урок" в данном случае нормировал сумму податей...). Таким образом, в процессе укрепления раннеклассового государства отчетливо проявилась функция права как орудия регулирования отношений в обществе, в котором укреплялась система социального неравноправия. В чем конкретно заключалось содержание "уставов" Ольги, выяснить не удастся. Но связь развивающихся социально-экономических отношений, активной деятельности государства как аппарата насилия господствующего класса с совершенствованием права раннеклассового государства в данном случае несомненна». ⁵⁰¹

Построения М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимины и М. Б. Свердлова искусственно усложняют отношения киевских правителей с древлянами, выдавая межплеменные отношения за классовые и, следовательно, модернизируя их. Сказывалась приверженность этих исследователей традиционной концепции раннего

⁵⁰⁰Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда// Исторические записки. 76. 1965. С.241-242.

⁵⁰¹Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М. 1988. С.76-77. Согласно В. Я. Петрухину, «древлянское восстание и смерть Игоря оказываются стимулом для установления государственных правовых норм от Среднего Поднепровья до Новгорода...». — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси... С.151.

происхождения феодализма на Руси. Поэтому у них находим рассуждения о «господствующем классе» и восстающих против закабаления и неравноправия общинников, о феодальном законодательстве, охраняющем интересы нарождающегося класса феодалов, и прочие словесные аксессуары теории классовой борьбы. Но соответствует ли все это реальной исторической действительности Руси середины X в.?

С нашей точки зрения, княгиня Ольга, «уставляющи уставы и уроки», восстанавливала порядок, определяющий сбор дани с древлян.⁵⁰² Слово «уоставити» в древнерусском языке было полисемичным и означало, в частности, *положить, назначить, определить*, а слово «уостав» — *предел, граница*.⁵⁰³ Под «уроком» в Древней Руси понимали, наряду с другим, *плату, подать, налог*.⁵⁰⁴ Сообразуя эти значения, можно предположить, что в летописной фразе «уоставляющи уставы и уроки» отразилась регламентация дани, возложенной на древлян: Ольга точно определила ее норму. Обращает внимание некоторое языковое нагромождение, похожее на тавтологию: «уоставляющи уставы». Не ближе ли к первоначальному чтению запись, содержащаяся в Летописце Переяславля Суздальского, где сказано: «И иде Олга по Деревьстеи земли с сыном своим, уроки уоставляющи...».⁵⁰⁵ Тут, несомненно, речь идет об определении платежей, взимаемых с древлян на основе двустороннего соглашения, скрепленного, надо думать, клятвой жителей Древлянской земли и присягой Ольги, а это все к законодательству не имеет никакого отношения, поскольку лежит в сфере традиции и обычая, имеющих давнюю историю. Вот почему нам представляются несостоятельными предположения о введении Ольгой письменных «постановлений» (М. Н. Тихомиров), об издании ею «уставов» для руководства при сборе дани и осуществлении суда (Л. В. Черепнин), о составле-

⁵⁰² По В. Н. Татищеву, Ольга шла по Древлянской земле, «уставляя порядок». — Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 46.

⁵⁰³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 1275.

⁵⁰⁴ Там же. Стб. 1258.

⁵⁰⁵ ПСРЛ. Т. 41. С. 17.

нии княгиней «уставов» и «уроков», упорядочивающих «жизнь княжеского хозяйства», но вместе с тем имеющих и «общегосударственное значение» (А. А. Зимин), о принятии киевской правительницей «законодательных княжеских актов, формирующих раннеклассовое право» и укрепляющих «систему социального неравенства» (М. Б. Свердлов), об установлении Ольгой «государственных правовых норм», действующих на территории «от Среднего Поднепровья до Новгорода» (В. Я. Петрухин).

Нельзя признать удачной и догадку о том, будто к законодательной деятельности Ольги, встревоженной якобы убийствами дружинников и князей в подчиненных Киеву землях, можно отнести добавление к статье 1 Краткой Правды «аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник... то 40 гривен положить за нь». А. А. Зимин, высказавший эту догадку, считает, что здесь говорится о «различных видах русина, т. е. дружинника; он мог быть гриднем — просто высшим дружинником, мог быть ябетником, судебным чиновником, мог быть и мечником, сборщиком дани, а потому по долгу службы присутствующим на суде. Он, наконец, мог быть "купчиной" — полукупцом, полувоином».⁵⁰⁶

А. А. Зимин допускает серьезный методический просчет, рассматривая "добавление" к статье 1 Краткой Правды в отрыве от ее предшествующего текста. Если бы он воспринимал данную статью как целое, то, конечно же, заметил бы, что она посвящена взаимоотношениям не князей и дружинников с населением «покоренных земель», а мужей с мужами, или полноправных свободных людей друг с другом («убьет муж мужа...»). Кроме того, А. А. Зимин опускает упоминаемых в "добавлении" изгой и словенина: «Аще изъгой будеть, любо словенин». Умолчание А. А. Зимина об изгое и словенине, по всей видимости, вынужденное, поскольку эти лица не являлись дружинниками, а тем более князьями, погибавшими в «покоренных землях» от рук классовых врагов — общинников, восстававших против «усиления гнета». Ясно, что наличие изгой и словенина в ряду

⁵⁰⁶ Зимин А. А. Феодальная государственность... С.241.

«различных видов дружинника-русина» не вязалось с догадкой ученого о законодательстве Ольги, защищавшем «нарождающийся господствующий класс». Поэтому они и были изъяты исследователем из списка тех, за чье убийство была назначена сорокагривенная вира. Разумеется, это изъятие легко объяснить вставочным характером записи, относящейся к изгою и словенину. А. А. Зимин, кстати, придерживался именно такого мнения.⁵⁰⁷

В одной из ранних своих работ он писал: «Вторая часть ст.1 Краткой Правды содержит в себе, очевидно, вставку, начинающуюся союзом "аще", который обычно свидетельствует о новой мысли составителя закона ("аще изгой будеть, любо словенин")». Вставка, по А. А. Зимину, сделана в 1016 году, когда создавалась Правда Ярослава.⁵⁰⁸ Не составляет большого труда сообразить, что в данном случае «новая мысль составителя» работала над расширением круга лиц, подпадающих под действие старого закона, от чего суть последнего не менялась. Если учесть, что, согласно А. А. Зимину, это были «новгородские общинники» (словенин) и люди, «вышедшие из общины» (изгой),⁵⁰⁹ надо признать несоответствие цели, преследуемой статьей 1 Краткой Правды, предположению исследователя о том, будто она защищала жизнь князей и дружинников, на которую покушались в «покоренных землях». Да и составитель Правды Ярослава не усматривал в данной статье норму, оберегающую безопасность дружинников и князей. Будь иначе, он не включил бы в перечень убитых новгородского общинника или вышедшего из общины человека. Все это убеждает нас в том, что никакого «добавления в ст.1 Кр.Пр.», принадлежащего Ольге, на самом деле не было.

Итак, законодательство Ольги, выводимое нашими историками из летописных известий о ее «уставах» и «уроках», относится к кабинетным изобретениям, а не к реальной исторической действительности. Отпадает,

⁵⁰⁷ Об ошибочности этого мнения см. с.175-177, 178-181 настоящей книги.

⁵⁰⁸ ИРП. М., 1952. Вып.1. С.86.

⁵⁰⁹ Там же.

ваемой «реформы» Ольги. Но может что-то новое она внесла по части нормирования дани?

А. А. Зимин, являющийся сторонником идеи о реформаторской деятельности киевской княгини, говорит: «Необходимо было точно регламентировать сбор дани. Была введена норма дани...». ⁵¹⁰ Мы также считаем, что обстоятельства требовали от киевских правителей упорядочить сбор дани, установив ее норму, не допускающую произвольных взиманий. Но для этого не было необходимости реформировать старую систему. Нужно было восстановить ее, т. е. вернуться к существовавшей ранее практике сбора фиксированной дани, порушенной Игорем. ⁵¹¹ Чтобы обеспечить бесперебойное поступление древлянской дани в Киев, оказалось недостаточным подавить восстание древлян, выступивших против неумеренного грабежа со стороны киевских князей. Следовало успокоить население Древлянской земли, дав гарантию того, что дань будет снова браться по норме, а не произвольно. Но при этом прежняя суть дани как грабежа одного племени другим оставалась неизменной. Не удивительно, что единственным способом принуждения данников являлось завоевание, опираясь на которое киевские князья доискивались даней, а стало быть, — различных дорогих товаров и всякого узорочья. «Сребром и золотом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и золото, яко же дед мой и отец мой доискася дружиною золота и сребра», — говаривал Владимир Красное Солнышко, отражая общий взгляд эпо-

⁵¹⁰ Зимин А. А. Феодальная государственность... С.240-241.

⁵¹¹ Однако В. Я. Петрухин утверждает, что ольгиной «реформе» подвергается и архаическое государственное право (полюдье) и «племенные» традиционные нормы, послужившие правовым основанием для казни Игоря» (Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси... С.151). За этими словами у автора нет серьезного анализа источников. Само понятие «архаического государственного права» нам представляется надуманным. Непонятно далее, почему это право существует отдельно от «племенных традиционных норм». Ведь и то и другое, как явствует из работы В. Я. Петрухина, было следствием развития даннических отношений, имея, таким образом, один источник.

хи.⁵¹² Таким образом, нормирование древлянской дани, произведенное Ольгой, осуществлялось не в рамках ее пресловутой реформы, а в соответствии с традицией, сложившейся в процессе длительного развития даннических отношений в восточнославянском мире.

По мнению А. А. Зимина, реформа коснулась и сроков получения даннических платежей: «После реформы, судя по рассказу Константина Багрянородного, сбор дани — "полюдья" происходил в строго установленные сроки».⁵¹³ Однако византийский император не упоминает никаких «строго установленных сроков» сбора росами дани. Она сообщает лишь об их привычных занятиях: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия...».⁵¹⁴ Так, вероятно, повелось давно. Во всяком случае, обычай ходить за данью существовал и до "реформы" Ольги. «Приспе осень», — замечает летописец перед тем, как начать рассказ о походе Игоря за данью к древлянам. По тону его повествования можно заключить, что осень — привычное время, когда киевские князья с дружиной и войми отправлялись собирать дань у соседних восточнославянских племен. И нет причин, чтобы связывать этот срок с ольгиной "реформой". Искусственность подобной связи для нас очевидна.

Проводя "реформу", Ольга, как полагает А. А. Зимин, определила пункты, где останавливались прибывающие в Древлянскую землю из Киева сборщики дани. Это — «становища».⁵¹⁵ Б. А. Рыбаков пошел еще дальше и посвятил целый пассаж «становищам». Он писал: «Становища указаны в связи с Древлянской землей, где и ранее происходило полюдые. Возможно, что при Игоре киевские дружины пользовались в качестве станов городами и городками местных древлянских князей (вроде

⁵¹² ПВЛ. Ч.1. С.86.

⁵¹³ Зимин А. А. Феодальная государственность... С.241.

⁵¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С.51.

⁵¹⁵ Зимин А. А. Феодальная государственность... С.241. См. также: Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения. С.150-151.

Овруча, Малина, Искоростеня) и не строили собственных опорных пунктов в Деревской земле. Конфликт с местной знатью и "древлянское восстание" потребовали новых отношений. Потребовалось строительство своих становищ для безопасности будущих полюдий. И Ольга их создала... Становище раз в год принимало самого князя и значительную массу его воинов, слуг, ездовых, гонцов, исчислявшуюся, вероятно, многими сотнями людей и коней. Поскольку полюдь проводилось зимой, то в становище должны были быть теплые помещения и запасы фуража и продовольствия. Фортификация становища могла быть не очень значительной, так как само полюдь представляло собой грозную военную силу. Оборонительные стены нужны были только в том случае, если в становище до какого-то срока хранилась часть собранной дани». ⁵¹⁶ Б. А. Рыбаков произвел даже подсчеты становищ: их, оказывается, было не менее 50. В каждом становище находилось «несколько десятков человек». К этому надо еще добавить и близлежащие села, где жили и пахали землю люди, обслуживающие становище. ⁵¹⁷ Все приведенное нами множество догадок Б. А. Рыбакова базируется, как известно, на единственном известии летописи о «становищах» Ольги в Древлянской земле. Отдавая должное изобретательности и воображению авторы, мы все-таки обязаны напомнить, что летописец говорит о «становищах» отнюдь не в связи со строительной деятельностью княгини, а в связи с ее поездкой по Древлянской земле. Посещая древлян, она, естественно, останавливалась то там, то сям. Примечательно, что княгиня не заходит в древлянские грады и селения, располагаясь в оборудованных своими людьми становищах. Данное обстоятельство приобретает ясность на фоне языческих верований и обычаев.

Как показывают наблюдения этнографов, древние люди, вступая в незнакомую страну, испытывали чувство, будто идут по заколдованной земле, и потому принимали меры, «чтобы охранить себя как от демонов, которые в ней обитают, так и от магических способностей ее жителей. Так, отправляясь в чужую страну, маори совер-

⁵¹⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.364-365.

⁵¹⁷ Там же. С. 365.

нают обряды для того, чтобы сделать ее "мирской" (как будто до этого она была "священной"). Когда Миклухо-Маклай приближался к деревне на Берегу Маклая в Новой Гвинее, один из сопровождавших его туземцев срвал с дерева ветку и, отойдя в сторону, некоторое время что-то ей нашептывал; затем он поочередно подходил к каждому участнику экспедиции, выплевывал что-то ему на спину и несколько раз ударял его веткой. В заключение он пошел в лес и в самой чаще зарыл ветку под истлевшими листьями. Эта церемония якобы ограждала экспедицию от предательства и опасности в деревне, к которой она приближалась. Основывалась она на представлении, что дурные влияния отвлекаются от людей на ветку и вместе с ней зарываются в чаще леса. Когда в Австралии племя получает приглашение посетить своих соседей и приближается к их стоянке, "пришельцы держат в руках зажженную кору или головни; делается это, по их словам, для разряжения и очищения воздуха". Когда тораджи находятся на охоте за головами в стане врага, они не имеют права отведать ни одного посаженного врагом плода, ни одного выращенного им животного, не совершив перед этим какой-либо враждебный акт, например не подпалив дом или не убив человека. Считается, что, если они нарушат этот запрет, в них проникнет часть духовной сущности врага, и это уничтожит магическую силу их талисманов».⁵¹⁸

Мы не хотим сказать, что Ольга, будучи в чужой земле, поступала точно так же, как в подобных случаях действовали маори, папуасы или тораджи. Но и отрицать ее приверженность язычеству не станем, ибо все ее поведение проникнуто языческими мотивами.⁵¹⁹ И вполне оправдано ожидать от нее принятия соответствующих мер предосторожности, когда она пребывала во враждебной Древлянской земле. Что же делает Ольга в этой связи? Она остерегается посещать грады древлян, имевшие, наряду с прочим, сакральное значение для местного населения и потому внушающие опасность сторонним лицам, и устраивает отдельные становища, как бы со-

⁵¹⁸ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С.225.

⁵¹⁹ См.: Фроянов И. Я. 1) О событиях 945–946 гг. в Древлянской земле и Киеве; 2) Древняя Русь... С.63–73.

здавая вокруг себя собственное, оберегаемое полянскими богами пространство. Поэтому предание о киевской княгине, попавшее позднее в летопись, с таким вниманием относится к этим становищам.

Находясь в становищах, Ольга, конечно, молилась своим богам, приносила им жертвы, чтобы поддержать божественное благоволение к себе и к тем, кто был с нею. Жертвенному умерщвлению подвергались не только люди, но звери и птицы, возможно, священные с точки зрения верований древлян.

Яркую иллюстрацию жертвоприношений птицами сохранил Летописец Переяславля Суздальского. Ольга, обращаясь к древлянам, произносит такую речь: «Ныне у вас несть меду, ни скар, но мало у вас прошю дати богам жрътву от вас, и ослабу вам подать себе на лекарство главные болезни, дайте ми от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, зане у вас есть тыи птицы, а инде уж всюду събирах, и несть их, а в чюжую землю не шлю; а то вам в род и род». ⁵²⁰ Д. С. Лихачев правильно заключил отсюда, что «птицы нужны Ольге для совершения жертвенного обряда». ⁵²¹ Но из речи княгини следует также и то, что во время длительной осады Искоростеня в стане киевских завоевателей совершались массовые моления о победе, сопровождавшиеся обильными жертвоприношениями. Усердные «кияне» переловили в округе всех жертвенных птиц («а инде уж всюду събирах, и несть их»), но боги полян оставались глухи к их мольбам. Тогда Ольга задумала получить этих птиц из рук древлян, чтобы снова вознести молитву и принести жертву своим богам. «Даите ми от двора по 3 голуби и по 3 воробьи», — просила она у искоростенцев. Надо сказать, что в старину слова «двор» и «дом» нередко смешивались, так как «на первых порах именно двор и был "вместилищем" дома, поскольку имел ограду». ⁵²² Возможно, и здесь *двор* следует понимать как *дом*. Но в любом случае нельзя забывать об особом значении двора и дома в жизни древних людей, согласно верованиям которых и тот и другой очер

⁵²⁰ ПСРЛ. Т.41. С.16.

⁵²¹ ПВЛ. Ч.II. С.303.

⁵²² Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С.199.

чивали границы «своего мира», где человек чувствовал себя защищенным от воздействия внешних, враждебных ему сил. Дом и двор имели сакральный характер, являясь важнейшими конструкциями ритуального уклада жизни.⁵²³ Они «представляли собой сложную, хорошо продуманную и веками создававшуюся систему заклинательных охранительных мер. Микрокосм древнего язычника был оборудован как крепость, ожидающая неожиданные нападения. Везде были расставлены как стражи благожелательные божества: на дворе был "дворовой", в овине "овинник" (Сварожич), на гумне — "гуменник", в бане — "банник". Воеводой этого воинства, комендантом усадебной крепости был персонафицированный предок — "домовой", или "кутный бог" ("бес-хороможитель"). Хоромы-крепость, внутри которой даже зловещие навьи не страшны, ограждены целой системой "овеществленных заговоров" — вырезанных из дерева, нарисованных, прокопченных четверговой свечой символов. При выборе символов славянин исходил из сущности анимистического мировоззрения — духи зла повсеместны. Повсеместному разлитию в природу злого начала, которое "на злых ветрах" может внезапно поразить не только вылезшего из хоромины человека, но и проникнуть внутрь домашнего микромира, противопоставлялись не единичные символы, а система, воспроизводящая макромир».⁵²⁴

С учетом этих языческих представлений особый смысл приобретает выдача Ольге древлянами птиц, которые жили в их дворах. То была передача частички «своего мира», означавшая полную покорность. Понятно, почему Ольга, приняв принесенных из Искоростеня голубей и воробьев, молвила городским посланцам: «Се уже есте покорилися мне и моему детяти».⁵²⁵

⁵²³ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995. С.207-208; Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С.460-517.

⁵²⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С.517.

⁵²⁵ ПВЛ. Ч.1. С.43.

Особую значимость получало и принесение в жертву птиц, взятых из дворов горожан. Жертвенное их умерщвление было призвано ослабить способность дворовладельцев к сопротивлению и защите. Оно давало киевским воинам уверенность в победе. Состоялось грандиозное действо, в котором приняло участие все войско, стоявшее у стен Искоростеня. Птиц предали сожжению: «Волга же раздая воем по голуби кому ждо, а другим по воробьеви, и повеле к коемуждо голуби и к воробьеви привязывати церь, обертывающе в платки малы, нитькою поверзывающе к коемуждо их. И повеле Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воем своим». ⁵²⁶ Обертывание «цери», или серы, в «платки малы» есть, по-видимому, фрагмент какого-то ритуала. Птиц с привязанной к ним нитками горячей серой отпускали. ⁵²⁷ Это было впечатляющее зрелище: горящие

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ «Серу с огнем» упоминает Житие Ольги (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.1. С.269, прим.374). О сере сообщают и поздние летописи (ПСРЛ. Т.IX. С.28; ПСРЛ. Т.XV. М., 1965. Стб.61). Толковали церь как серу В. И. Даль и И. И. Срезневский (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т.IV. Стб.579; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.III. Стб.1460). Другое мнение у Д. С. Лихачева, который замечает, что «слово "церь" очень часто неправильно переводилось как "сера". Так было переведено слово "церь" в "Толковом словаре" В. Даля и в "Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. Однако, как указывалось в лингвистической литературе, этот перевод был подсказан Далю и Срезневскому поздними летописцами XV-XVI в., заменившими (едва ли не по созвучию только) слово "церь" словом "сера". На самом деле слово "церь" означает "трут". Именно в этом значении слово "церь" сохранилось в современном белорусском языке...» (ПВЛ. Ч.II. С.303). Следует заметить, что и В. И. Далю и И. И. Срезневскому можно добавить и других ученых, понимавших «церь» как «серу» (см., напр.: Соловьев С. М. Соч. Кн.1. С.147). В. Н. Татищев называет и трут и «серу горючую» (Татищев В. Н. История Российская. Т.II. С.46). Д. С. Лихачев забывает, что В. И. Даль составил свой «Толковый словарь» на основе живого народного языка. В словаре «вовсе устарелые речения исключены, если только особые уважения не заставили об них упомянуть; но много старинных слов и поныне живут в народе, хотя их

птицы прорезали темное небо, словно молнии. Ольга и ее воины зывали к богу-небожителю, скорее всего — к Перуну.⁵²⁸ Возможно, какая-то часть птиц долетела до своих гнезд в дворах Искоростеня и вызвала пожар в городе, что позволило летописцу, составлявшему свой труд в конце XI или в начале XII века, переиначить древний рассказ об осаде Ольгой древлянской столицы, выдав языческое моление за военную хитрость.⁵²⁹ Тут проявилась присущая благочестивым монахам-летописцам тенденция завуалировать языческое прошлое киевской княгини и создать более привлекательный для христиан ее образ.⁵³⁰ Современный исследователь должен помнить об этом и не поддаваться на летописную уловку.

Мы несколько отвлеклись от нашей главной темы для того, чтобы лучше понять внутреннюю связь летописных «становищ» и «ловищ» Ольги. Устройство «становищ» и пребывание в них сопровождалось, по всей

мало знают, и они приняты в словаре» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т.1. С.XVII, XXX). Любопытное свидетельство об использовании серы в схожем случае сохранила Сага о Харальде Суровом: «Когда Харальд приплыл на Сикилей, он воевал там и подошел вместе со своим войском к большому городу с многочисленным населением. . . У горожан было довольно продовольствия и всего необходимого для того, чтобы выдержать осаду. Тогда Харальд пошел на хитрость: он велел своим птицеловам ловить птичек, которые выют гнезда в городе и вылетают днем в лес в поисках пищи. Харальд приказал привязать к птичьим спинкам сосновые стружки, смазанные воском и серой, и поджечь их». — Стурлусон Снорри. Круг земной. М., 1980. С.405.

⁵²⁸ Жертвоприношения посредством сожжения птиц имели место и у других древних народов. — См.: Кобищанов Ю. М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. С.25.

⁵²⁹ Впрочем, можно вообще сомневаться в городском пожаре, вызванном прилетевшими с огнем в свои гнезда птицами. Это сомнение порождает сам летописец. Сперва он говорит, что вернувшиеся в голубятни и под стрехи голуби и воробьи подожгли весь город: «и не бе двора, идежи не горяше». Но затем, сообщая о взятии Ольгой «града» заявляет, что княгиня «взя град и пожже и» (ПВЛ. Ч.1. С.43; ПСРЛ. Т.II. Стб.48). У него, следовательно, Искоростень сгорает дважды.

⁵³⁰ См.: Фроянов И. Я. 1) О событиях 945–946 гг. в Древлянской земле и Киеве; 2) Древняя Русь... С.71–72.

видимости, молениями и требованиями, призванными обеспечить безопасность пришельцев и успех затеянного ими дела. Нельзя было поэтому обойтись без ловли птиц и зверей, приносимых в жертву полянским богам, т. е. без ритуальной охоты. Места, куда ходили на такую охоту люди из «становищ», находились, вероятно, поблизости. Следовательно, «становища» и «ловища», составляя некое сакральное единство, дополняли функционально друг друга. К домениальной феодальной собственности они, таким образом, вряд ли могут быть отнесены.

Подводя итог деятельности Ольги в Древлянской земле, мы выражаем несогласие с теми исследователями, которые пытаются приписать княгине проведение, так сказать, судьбоносной реформы. Киевская княгиня вводила не новые порядки и правила, а восстанавливала старые традиции, неосмотрительно нарушенные ее супругом Игорем. Она вернулась к нормированию дани, «устави» точные ее размеры — «уроки». Земельной собственностью «в Деревях» Ольга, по нашему мнению, не обзаводилась, заимок под свой домен не производила и домениальных, а тем более «общегосударственных» законов («уставов») не издавала. Нет оснований, чтобы говорить об изменении порядка сбора дани в Древлянской земле. Стало быть, в деятельности Ольги, обошедшей Древлянскую землю, отсутствует то, что можно было бы назвать реформой.

По сообщению Повести временных лет, представленной в Лаврентьевской летописи, в 947 году «иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты... И изрядивши, возвратися к сыну своему Киеву...»⁵³¹ В Ипатьевском варианте Повести текст дан с небольшими разночтениями: «Иде Ольга к Новугороду, и устави по Мьсте погосты и дань и по Лузе погосты и дань и оброки, и ловища ея суть по всей земли и знаменья, и места, и погосты... изрядивши, възвратися к сыну своему в Киев».⁵³²

Летописный рассказ о поездке Ольги «к Новугоро-

⁵³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 60.

⁵³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 48-49.

ду» историки обычно соединяют с предшествующим повествованием о пребывании княгини в Древлянской земле, полагая, что проведенная там реформа была затем распространена на другие области Киевской Руси⁵³³ и даже — на всю территорию Киевского государства.⁵³⁴ В результате известия летописца, относящиеся по сути к двум разным историческим событиям, искусственно подгоняются под одну общую идею о финансово-административной реформе, якобы осуществленной в середине X века киевской правительницей. Создается социологическая схема, далекая от реальной действительности.

Военный поход Ольги на Древлянскую землю и мирная ее поездка в Новгородскую область — различные, на наш взгляд, по задачам и по целям мероприятия. В первом случае княгиня пришла с войной к древлянам, стремясь силой оружия вернуть киевской общине господство над ними и заставить их снова платить дань, а во втором она поехала в словенский край с устроительными замыслами касательно сбора дани в бассейнах Мсты и Луги. Недаром летописец венчает свой рассказ о приезде Ольги в Новгородскую землю словом «изрядивши», что означало *распорядиться, навести порядок, привести в порядок, уладить*.⁵³⁵ О чем конкретно распорядилась Ольга? Какой она навела порядок? Чтобы ответить на поставленные вопросы, надо прежде всего разобраться с такими терминами, как «погосты», «оброки», «знамения» и «места».

Древнерусское слово «погост», по наблюдениям лингвистов, «производное посредством темы -ъ от *погости-ти* — "побывать в гостях", префиксальной формы к го-

⁵³³ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С.149; Зимин А. А. Феодалная государственность... С.240-242.

⁵³⁴ Юшков С. В. Эволюция дани в феодалную ренту в Киевском государстве в X—XI веках // Историк-марксист. 1936, № 5. С.135; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С.250; Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.367; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси... С.151.

⁵³⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1. Стб.1080; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып.1. С.208; Словарь древнерусского языка (XI—XIV). М., 1991. Т.IV. С.93.

стити». Развитие значения этого слова «шло следующим образом: "место гощения купцов (т. е. постоялый двор) > место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью > главное поселение округа > церковь в нем > кладбище при церкви > кладбище"». ⁵³⁶ Можно, казалось бы, думать, что во времена Ольги погост означал жилое подворье князя и сопровождающих его лиц при сборе дани, стан князей и княжих мужей, приезжающих за данью. ⁵³⁷ Согласно Повести временных лет, погосты были учреждены Ольгой. Однако в современной исторической литературе о древнерусских погостах высказываются различные суждения.

Еще в 30-е годы Н. Н. Воронин, изучив мнения своих предшественников о древнерусском погосте и относящиеся к данной проблеме факты, пришел к следующему заключению: «Совершенно отпадает... трактовка "погоста" как торгового места, как становища князей, как результата деятельности "мудрой Ольги"; погост — сложная система общественных отношений, в которой на еще доклассовую основу наслаивались позднейшие процессы. Одним из основных моментов нужно считать превращение этих погостских общин в подданные общины; не обложение данью создавало погосты, а дань, собиравшаяся в частности Ольгой, легла на исторически сложившиеся территории общин, усвоив имя погоста дани; не проезд князя и купца создавал погост как поселение, а князь и купец собирали дань и торговали в старых центрах архаической сельской общины». ⁵³⁸ Следовательно, погостом «называлась, с одной стороны, определенная система поселения, а именно — сельская община, и, с другой стороны, "погостом" же называется определенный вид дани». ⁵³⁹ Что касается погоста-дани, то это была дань с «сельской периферии», с «далеких тер-

⁵³⁶ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С.346.

⁵³⁷ См.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. II. С.85; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С.295.

⁵³⁸ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, свобода, село, деревня. Л., 1935. С.27.

⁵³⁹ Там же. С.24.

риториальных общин», в отличие от городских даннических платежей.⁵⁴⁰

Н. Н. Воронину возражал Б. А. Романов. «Из песни слов не выкинешь, — писал он, — от Ольги. . . остались какие-то территориальные пункты — погосты. Что они были удобно расположены или установлены для сбора дани не в отдалении от населенных мест, а скорее всего в исторически сложившихся центрах населенных районов, это довольно правдоподобно. Но Ольга могла назначить свои погосты и неудачно, и они могли оставить впоследствии только мертвый след — будь то погост-пункт или погост-район. Во всяком случае, простым отрицанием Н. Н. Воронин не убедит читателя, что здесь имелся в виду временный приезд для сбора дани и гостыбы, как временным должен был быть и приезд в насиженные пункты местных новгородских гостей».⁵⁴¹ Н. Н. Воронину, полагает Б. А. Романов, «не удалось привести ни одной черточки в источниках в пользу того, что территориальная община всюду и везде носила на дофеодальном этапе название "погост". Поскольку, при этом, автор не пытается дать какое-либо иное языковое объяснение этого, простое отрицание его связи с гостыбой и остановками князей в полюдье не продвигает, а тормозит отнесение этого термина в дофеодальную древность».⁵⁴² По Б. А. Романову, погост — территориальная единица, созданная князьями для податных и административных целей.⁵⁴³

⁵⁴⁰ Там же. С.24, 26.

⁵⁴¹ Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма// Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII-XVII веков/ Отв.ред. И. И. Смирнов. М.; Л., 1960. С.342.

⁵⁴² Там же. С.415.

⁵⁴³ Там же. С.341-375. Точку зрения Б. А. Романова среди новейших исследователей разделяет Б. А. Тимошук: «К территориальным единицам относятся погосты. О их сущности среди исследователей нет единого мнения. Все же, учитывая то, что погосты устанавливались князьями, следует присоединиться к тем исследователям, которые полагают, что погост — это территориальная единица, образованная князьями для фискальных и административных целей» (Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI-X вв. н.э. М., 1990. С.106). В другой своей работе Б. А. Тимошук

Еще более незамысловатую картину рисует А. Н. Насонов, по которому «первоначально все погосты имели значение "становищ"... , откуда распространялась во время объездов деятельность административно-финансовая и судебная на окружные места». ⁵⁴⁴

Промежуточную позицию в споре Б. А. Романова с Н. Н. Ворониным занял Л. В. Черепнин, предпочитавший «динамический подход к теме», что позволило ему «оценить погосты на разных этапах их существования по-разному». ⁵⁴⁵ Первоначально погосты имели общинную основу. Археологические материалы, добытые В. В. Седовым в ходе раскопок сельских поселений центральных районов Смоленской земли, вызвали у Л. В. Черепнина представление о погосте-общине — социальной организации, именуемой в Русской Правде «вервью». ⁵⁴⁶ С развитием даннических отношений «погосты как поселения соседских общин приобретают новое значение административно-фискальных округов». Такие погосты и были устроены Ольгой. ⁵⁴⁷

В. В. Мавродин увидел в погостах селища и места для

снова возвращается к погостам и дает более развернутую картину их строительства князьями, которые в процессе «окняжения земли» ликвидировали общинные и надобщинные центры и ввели административно-территориальные округа — волости, разделив последние «на ряд административно-фискальных округов, которые в летописях, начиная с X в., упоминаются как погосты». По мнению Б. А. Тимошука, «каждый податной округ-погост имел свой центр, т. е. место, где останавливались "погостить" приезжие люди, в том числе собиратели податей. Центром погоста мог стать развитый общинный центр» (Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. С.186-187). Взгляд Б. А. Романова на погосты принимал и автор этих строк. — См.: Смерды в Киевской Руси// Вестник Ленинградского ун-та. 1966, № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. С.72.

⁵⁴⁴ Насонов Н. А. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.96.

⁵⁴⁵ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв.//Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье-Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С.150.

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ Там же. С.152, 153.

торговли, «гостьбы», которые Ольга превратила «в административные центры княжеского финансового управления». ⁵⁴⁸ Автору казалось понятным, «почему именно погосты Ольга делает ячейками своего княжеского управления. Это были места, объединяющие население целого района, где оно торговало и общалось друг с другом. Здесь и следовало основывать княжеские опорные пункты, дабы использовать исторически сложившиеся условия, в результате которых погост являлся объединяющим центром всех тянувших к нему поселений данников, где сходились нити экономических связей, соединяющих отдельные пункты данного района». ⁵⁴⁹

По А. А. Зимину, погосты первоначально являлись «какими-то старыми племенными центрами», которые вследствие реформы Ольги превращались «не только в сборные пункты дани, но и в центры судебно-административной деятельности». ⁵⁵⁰

Взгляд на погосты как детище государственного строительства древнерусских князей имеет горячих поборников в новейшей исторической литературе. Так, по идее М. Б. Свердлова, «определяющим первоначальным значением погоста было место временной остановки князя и княжого мужа с дружинами во время сбора дани. Очевидно, во время их пребывания погосты превращались в центры административного управления, княжеского суда, взимания податей». ⁵⁵¹ При Ольге погосты получили распространение по всей Руси. И лишь «к XII в. система погостов в южных густонаселенных княжествах вследствие широкого распространения княжеского и боярского землевладения исчезла, а в областях с более редким населением и большими лесными массивами осталась». ⁵⁵²

В коллективной монографии, посвященной истории крестьянства Северо-Запада России, М. Б. Свердлов снова возвращается к сюжету о погостах, проводя еще бо-

⁵⁴⁸ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 251.

⁵⁴⁹ Там же.

⁵⁵⁰ Зимин А. А. Феодалная государственность... С. 241.

⁵⁵¹ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 64.

⁵⁵² Там же.

лее четко мысль об их происхождении, обусловленном нуждами формирующегося государства и классовыми интересами господствующей социальной верхушки. Он наблюдает, как на Руси в середине X века «происходил процесс совершенствования административно-судебного управления, которое осуществляло взимание податей и исполнение повинностей, обеспечивающих объективные потребности государства и обогащения служилой части господствующего класса. Структура племенных княжеств не удовлетворяла этим потребностям, и в середине X в. в правление княгини Ольги она была заменена территориальной погостной системой. В северных преданиях об Ольге, записанных в Повести временных лет, сообщается об "уставлении" Ольгой погостов по Мсте под 947 г. Однако погостная система была распространена в середине – второй половине X в. на всей территории Северо-Запада (как, впрочем, и по всей территории Древнерусского государства)». ⁵⁵³

Н. И. Платонова связала становление системы погостов на Руси с «успехами окняжения земель во 2 пол. X в. Возникновение сети погостов-центров соответствует этапу развития государственности, на котором грабеж "примученных" племен и архаичное полюдье уступили место регулярному сбору даней по округам. Сбор проводился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников. Подоснова, на которой возникали погосты X–XI вв., могла быть различной. В частности, такую роль принимали на себя и более ранние территориальные центры. Однако путать само явление с его подосновой не следует». ⁵⁵⁴

К разряду княжеских новообразований, чуждых общинным поселениям, отнес погосты Б. А. Рыбаков, локализовав их на Севере, где «за пределами большого полюдья, за землей Кривичей в Новгородской земле киевская княгиня не только отбирает на себя хозяйственные

⁵⁵³ История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994. С.27-28.

⁵⁵⁴ Платонова Н. И. Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореф. канд. дисс. Л., 1988. С.16.

угодья, но и организует сеть погостов-острогов, придающую устойчивость ее домениальным владениям на Севере, в тысяче километров от Киева». ⁵⁵⁵ Согласно Б. А. Рыбакову, Ольга устраивает в Древлянской земле становища, а в Новгородской — погосты. При этом исследователь не находит существенного различия между становищем и погостом. ⁵⁵⁶ Удаленный от Киева на 1–2 месяца пути, погост «представлял собой микроскопический феодальный организм, внедренный княжеской властью в гущу крестьянских "весей" и "вервей". Там должны были быть все те хозяйственные элементы, которые требовались и в становище, но следует учесть, что погост был больше оторван от княжеского центра, больше предоставлен сам себе, чем становище на пути полюдья. Полюдье устрашало окрестное население; ежегодный выезд всего княжьего двора был гарантией безопасности, чего не было у погоста, — подъездные, данники, смцы, вирники, посещавшие погост, тоже были, конечно, вооруженными людьми, но далеко не столь многочисленными, как участники полюдья. В силу этого погост должен был быть некоей крепостицей, острожком со своим постоянным гарнизоном. Люди, жившие в погосте, должны были быть не только слугами, но и воинами. Оторванность их от домениальных баз диктовала необходимость заниматься сельским хозяйством, охотиться, ловить рыбу, разводить скот. Что касается скота и коней, то здесь могли и должны быть княжеские кони для транспортировки дани и скот для прокорма приезжающих данников ("колико черево возьмет"). На погосте следует предполагать больше, чем на становище различных помещений для хранения: дани (воск, мед, пушнина), продуктов питания гарнизона и данников (мясо, рыба, зерно и т. п.), фуража (овес, сено). Весь комплекс погоста нельзя представить себе без тех или иных укреплений. Сама идея организации погоста, внедренного в покоренный князем край, требовала наличия укреплений, "града", "градка малого". Поэтому у нас есть надежда отождествить с погостами некоторые городища

⁵⁵⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.364.

⁵⁵⁶ Там же.

IX–XI вв. в славянских и соседних землях».⁵⁵⁷

За нарисованной Б. А. Рыбаковым картиной угадывается не столько ученый, строго придерживающийся данных, содержащихся в источниках, сколько писатель, имеющий законное право пофантазировать. С высоты своей фантазии он не различает граней, отделяющих X в. от XI или XII в. Поэтому во времена Ольги у него действуют персонажи, взятые из эпохи Русской Правды (подъездные, емцы, вирники) и соответствующие более высокой степени развития княжеской власти и большей дифференциации ее представителей, чем это было в середине X в. По той же причине он, описывая жизнь погостов, заведенных Ольгой «на Севере», пользуется выражениями, заимствованными из позднего времени и не имеющими какого-либо отношения к погостам.⁵⁵⁸

Остается недоказанным один из главных тезисов Б. А. Рыбакова, будто Ольга «организует сеть погостов острогов, придающую устойчивость ее домениальным владениям на Севере». По нашему мнению, летопись не дает оснований говорить о «домениальных владениях» Ольги в Новгородской земле. Но Б. А. Рыбаков прав в том, что именно на Севере княгиня завела погосты, а не по всей Руси, как кажется М. Б. Свердлову и некоторым другим историкам.⁵⁵⁹ Каково же назначение погостов, что «уоставила» Ольга? Что скрывалось за ними? Су

⁵⁵⁷ Там же. С.365

⁵⁵⁸ Данники (данщики?), приезжающие в погост, получали, по Б. А. Рыбакову, еды столько, «колико черево возметь». Образ насыщающегося данщика подсказан ему, очевидно, статьей 74 Пространной Правды, предписывающей выдавать княжескому должностному лицу и сопровождающему его отроку мяса и другой еды, «что има черево возметь». Нам могут сказать, что это — мелочь, на которую не следует обращать внимания. Но из-за таких «мелочей» теряется историческая конкретность характеризуемых исследователем событий и явлений прошлого.

⁵⁵⁹ См., напр.: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории. С.157. В подтверждение своей догадки М. Б. Свердлов ссылается на летописца, который якобы отметил, что «при Ольге погосты были "по всей земле"» (Свердлов М. Б. Генезис и структура... С.64) Если быть точным, то надо сказать, что летописец говорит о ловищах княгини «по всей земле», но не о погостах (ПВЛ. Ч.1. С.43) Это, — во-первых. Во-вторых, нельзя утверждать, что слова «по

щественную помощь при ответе на поставленные вопросы оказывают этимологические сведения.

Слово «погост» однокоренное слову «гость».⁵⁶⁰ Последнее является общеславянским.⁵⁶¹ По-видимому, первоначальное его значение — *чужеземец, чужестранец, приезжий*, т. е. в конечном счете *чужак*.⁵⁶² Лингвисты полагают, что оно родственно готскому *gasts* (гость) и латинскому *hostis* (чужеземец, враг).⁵⁶³ Сравнение латинского *hostis* (враг) с готским *gasts* (гость) показывает, что в древности чужак «воспринимался как враг, однако чужак, принимаемый в доме, был гостем».⁵⁶⁴ Что касается славян, то у них слово «гость» долгое время было двузначным — и *недруг*, и *друг*.⁵⁶⁵ В Древней Руси гость — это прежде всего «чужак, с чужой стороны, пришедший с безлюдного поля», или «чужедалных земель человек».⁵⁶⁶

«... по всей земле» означают *по всей Руси*. То могла быть Новгородская земля, куда ходила Ольга. Но и данное предположение условно, поскольку летописец сообщает об «установлении» погостов только по Мсте и, возможно, по Луге, хотя это и спорно. Не случайно И. Е. Забелин, цитируя соответствующее место из Повести временных лет, замечал: «Из этого места летописи видно, что Ольга установила погосты только по Мсте, а не по всей Новгородской Области. По крайней мере расширять, распространять смысл этого места без натяжек нельзя». — Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. М., 1872. Ч.1. С.549.

⁵⁶⁰ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С.66.

⁵⁶¹ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С.112.

⁵⁶² См.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т.1. С.152; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т.1. С.447; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т.1. С.210; Колесов В. В. Мир человека. . С.65-66.

⁵⁶³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. С.447; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. . С.79.

⁵⁶⁴ Колесов В. В. Мир человека. . С.65.

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же. С.66, 67.

По понятиям древних людей, чужой есть носитель злых, губительных и потому опасных сил. Для первобытного человека за пределами рода, племени, фратрии и других объединений по браку и родству «лежал непонятный и враждебный мир. "Мы" и "они", свои и чужие — характерная черта сознания на стадии первобытности».⁵⁶⁷ И «чем более раннюю ступень развития мы возьмем, тем нагляднее это выступает. Авторы, изучавшие строй жизни и верования австралийцев, в том числе колдовство, магию, замечали распространённость эмоции страха или жутости и связь ее с межобщинной или межплеменной неприязнью. Всякую болезнь, смерть и другие беды австралийцы норовили приписать колдовству людей чужого племени, чужой общины. Чаще всего подозрение падало не на определенное лицо, а вообще на чужую группу. О племенах Арнемовой Земли этнограф Спенсер сообщал, что они "всегда больше всего боятся магии от чужого племени или отдаленной местности". По относящимся к племенам центральной Австралии словам Спенсера и Гиллена, "все чужое вселяет жуть в туземца, который особенно боится злой магии издали". То же писал миссионер Чалмерс о туземцах южного берега Новой Гвинеи: "Это состояние страха, которое испытывают взаимно дикари, поистине плачевно; они верят, что всякий чужеземец, всякий посторонний дикарь угрожает их жизни...". Реальная вражда и воображаемый вред сплетаются в одном отрицательном чувстве к чужакам».⁵⁶⁸ Сказанное относится и к другим первобытным племенам.⁵⁶⁹ Конечно, мы далеки от того, чтобы приписывать восточным славянам точно такие же переживания и ощущения. Но отрицать вообще по отношению к ним нечто подобное также нет оснований. Недаром даже в Древней Руси всякий, кто побывал за рубежом, надеясь найти там спасение и помощь, дома навсегда оставался под подозрением, поскольку «наши предки полагали, что такой человек не просто *странный*, но *чужой*, хотя бы и немного, но уж

⁵⁶⁷ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С. 21

⁵⁶⁸ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979 С. 99-100.

⁵⁶⁹ Там же. С. 100-101.

ваться на глаза чужакам местные жители не решались, боясь оказаться во власти посторонних злых сил. То, что это было именно так, подтверждает Марвази, согласно сообщению которого народ йура (югра) торгует «посредством знаков и тайно из-за... страха перед людьми».⁵⁷⁵ Югра, по свидетельству Марвази, вообще избегала общения с чужеземцами, опасаясь их вредоносных чар: «Они [йура] — народ дикий, обитают в чащах, не имеют сношений с людьми, боятся зла от них».⁵⁷⁶

Не очень разнились, надо полагать, по части обычаев и нравов от своих северо-восточных этнических собратьев, угорских племен, жившие на северо-западе в новгородских владениях финно-угры.⁵⁷⁷ Для нас это положение приобретает особую важность, поскольку княгиня Ольга «устанавливала» погосты по Мсте и Луге, т. е. там, где обитали финно-угорские племена веси и води.⁵⁷⁸

Отталкиваясь от приведенных нами сведений, характеризующих отношение первобытных людей к чужакам, можно теперь составить представление о погостах, связанных с пребыванием княгини Ольги в Новгородской земле.

Поначалу погосты — это специально отведенные места, предназначенные для встреч и контактов местных финно-угорских племен с чужеземцами. Такова их ран-

⁵⁷⁵ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 63.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Исследователи устанавливают племенное родство финно-угров Верхнего Поволжья с населением Приуралья. Много общего они находят в их религиозной идеологии, домостроительных традициях, в керамике и элементах одежды. Все это говорит о том, что культурные и этнические связи жителей «Верхнего Поволжья и Приуралья, возникшие, по-видимому, еще в неолитическую эпоху, продолжали существовать вплоть до начала II тысячелетия н.э.» Имела место и миграция приуральских племен в область верхнего Поволжья. Отдельные волны этой миграции достигали побережья Белого моря и Прибалтики. — См.: Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. С. 144, 148, 149.

⁵⁷⁸ См.: Пименов В. В. Вепсы: Очерки этнической истории и культуры. М.; Л., 1969. С. 18-52; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 143, 145.

няя функция. Надо согласиться с В. В. Колесовым в том, что погост есть место, где собираются «гости», или чужие.⁵⁷⁹ Но нельзя принять его предположение о погосте как месте, где «производят что-либо, т. е. поля и пашни».⁵⁸⁰ Во всяком случае, ранний погост не имел производственного значения, и при нем не было полей, ни пашен. Он играл скорее сакральную, нежели хозяйственную роль, заключая в себе такое пространство, которое гарантировало безопасность туземцев с пришельцами.

По мере развития данничества и в результате обложения данью северо-западных финно-угров расширяются функции погостов: они становятся еще и пунктами, куда приезжают сборщики дани. Деятельность Ольги разворачивалась именно в таких погостах, возможно, частично уже существующих, а частично образованных вновь. Для этого были обоюдные основания: каждая из сторон заботилась о своей безопасности, стремясь сходиться в специальных, сакрально защищенных местах. Сказанное позволяет разобраться в летописной формуле «установи повосты» и «дани», относимой к деятельности Ольги.

Вряд ли дань по Мсте и Луге вводилась впервые с приходом киевской княгини. Надо думать, что она существовала и раньше, поступая в Новгород на нужды местных правителей и новгородской городской общины. И вот теперь ее присвоила Ольга, указав места (погосты), куда она и ее люди будут приходить за данью. Разумеется, такое могло произойти лишь при условии реальной власти Киева над Новгородом. Признаки ее прослеживаются в источниках.⁵⁸¹

Приспосабливая погосты для сбора дани, Ольга, по нашему глубокому убеждению, отнюдь не создавала в Новгородской земле финансово-административные центры «феодалного властвования и эксплуатации», не сплетала «прочную и довольно густую сеть финансо-

⁵⁷⁹ Колесов В. В. Мир человека... С.65, 66, 67.

⁵⁸⁰ Там же. С.66.

⁵⁸¹ См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С.126-129.

вых органов»,⁵⁸² сеть «погостов-острогов, придающую устойчивость ее домениальным владениям на Севере в тысяче километрах от Киева».⁵⁸³ Надуманной и даже абсурдной нам представляется идея, согласно которой Ольга, «уставив» погосты, заменила «структуру племенных княжений» на «территориальную погостскую систему».⁵⁸⁴ Переход от племенной (кровно-родственной) организации к территориальной (соседской) происходит не по воле отдельной личности, а в результате глубинных общественных изменений, возникающих в процессе социальной эволюции первобытных народов. Полагаем, что Ольга, опираясь на существующие традиции финно-угорских племен,⁵⁸⁵ обозначила сакральный

⁵⁸² Юшков С. В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X–XI вв. // Историк-марксист. 1936, № 5 С.135–137.

⁵⁸³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.364.

⁵⁸⁴ История крестьянства Северо-Запада России... С.27. Эта идея восходит к Н. М. Карамзину, заявлявшему, будто Ольга, находясь в Новгородском крае, «разделила землю на погосты или волости; сделала без сомнения все нужнейшие дела государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию» (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т.1. С.123). Знаменитого историографа можно понять, поскольку российская история у него это прежде всего деяния государей, что естественно для ученого, работавшего почти двести лет назад. Но по отношению к современному исследователю такой подход выглядит, по меньшей мере, странным.

⁵⁸⁵ Мы говорим лишь о финно-угорских племенах потому, что древние летописцы относят «устваление» Ольгой погостов только на землях по Мсте и Луге (см.: ПСРЛ. Т.1. Стб.60; ПСРЛ Т.II. Стб.48; НПЛ. С.113). Правда, может показаться, что эти летописцы, заключая рассказ насчет хождения Ольги по Мсте и Луге, сообщают о ее погостах «по всеи земли». Полагаем, что «всеи земля» — это обойденные княгиней земли по берегам Мсты и Луги, где она «уствалила» погосты. Однако уже поздние летописатели расширили ареал ольгиных погостов, находя их «по всей земле Русстей и Новгородстей» (ПСРЛ. Т.IX. С.29). И все же мы отдаем предпочтение свидетельствам древних летописей. Едва ли «погостная система была распространена в середине — второй половине X в. по всей территории Северо-Запада», а тем более — «по всей территории Древнерусского государства» (История крестьянства Северо-Запада России... С.27–28). «Погостная система», связанная

но защищенные места сбора дани. Причем определение этих мест, функционировавших ранее в качестве пунктов общений и встреч с чужаками, соответствовало интересам туземного населения, озабоченного собственной безопасностью, стремившегося уберечься от зла, исходившего от представителей чужого и враждебного мира. Вот почему места *погостий* (погосты), где происходили контакты аборигенов с иноплеменниками, стали еще и местами сбора дани, куда приезжали данщики из Киева.⁵⁸⁶ Так видятся нам погосты, упоминаемые летописцем в связи с поездкой Ольги в Новгород.⁵⁸⁷

ная с данничеством, возникла не сразу, а постепенно, и не везде, а только там, где киевские правители собирали дань, причем и здесь она появилась не повсеместно, а выборочно. В Древлянской земле, по верному наблюдению Б. А. Рыбакова, Ольга погостов по себе не оставила (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С.364). Она указала места сбора дани (погосты) на территории финно-угорских племен Новгородской земли.

⁵⁸⁶Со временем термин «погост» наполнялся новым содержанием и стал, в частности, обозначать и административно-территориальный округ, а также центр его. В этом значении, по-видимому, данный термин фигурирует в договорных грамотах Великого Новгорода с князьями, где встречаем такую клаузулу: «а смерд поидеть в свои погост, тако пошло в Новегороде» (ГВНП. М.; Л., 1949, № 6, 9, 15, 19, 22, 26). Смерды здесь — давние плательщики дани, являвшие собой сперва покоренные военной силой иноязычные племена, и затем — их представителей, насильственно переселенных на коренные новгородские земли (см.: Фроянов И. Я. 1) Смерды в Киевской Руси // Вестник Ленинградск.ун-та. 1966, № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып.1; 2) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С.119-126). Весьма характерна и показательна связь смердов, стоящих вне коренной «господствующей общности» (Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С.154), с погостами и данью. Нить этой связи тянется, несомненно, ко временам княгини Ольги, когда погосты приобретали значение мест, куда свозилась дань.

⁵⁸⁷Тут мы решительно расходимся с Б. А. Рыбаковым, который писал: «В социологическом смысле первоначальные погосты представляли собой вынесенные вдаль, в полуосвоенные края, элементы княжеского домена. Погост в то же время был и элементом феодальной государственности, так как оба эти начала — домениальное и государственное — тесно переплетались и в практике, и в юриди-

Другой термин, требующий специального внимания, — «оброки».

Летописные оброки позволили С. В. Юшкову рассуждать «об изменении состава сборов». Именно в оброках он усматривал «новые дополнительные обложения», введенные Ольгой. Оброк, по мнению исследователя, платили с земли. Он «мог выплачиваться хлебом и другими продуктами питания или деньгами». С. В. Юшкова отнес оброк к одному из «первичных видов типичной феодальной ренты».⁵⁸⁸ Эти и другие идеи ученого, касающиеся эволюции древнерусской дани, были благожелательно приняты последующими историками.⁵⁸⁹ Обработавшись, однако, к источникам.

Надо сказать, что не во всех летописных памятниках, сохранивших древние записи, имеются упоминания об оброках. О них сообщает Повесть временных лет, представленная в Лаврентьевском и Ипатьевском сводах. «И устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани», — читаем в Повести, помещенной в Лаврентьевской летописи.⁵⁹⁰ В Ипатьевском своде находим несколько отличный текст: «И устави по Мьсте погосты и дань и по Лузе погосты и дань и оброки».⁵⁹¹ Следовательно, Повесть временных лет, вошедшая в состав Лаврентьевской летописи, говорит об оброках лишь «по Лузе», умалчивая при этом об «установлении» здесь погостов. В итоге получается, что Ольга учреждает по Мьсте погосты и дани, а по Лузе оброки и дани, но без погостов. Перед нами явная непоследовательность действий княгини. Что это, — оплошность летописца в передаче событий или реальный факт политики киевской правительницы? Мы склоняемся к первому варианту и считаем, что Ипатьевская летопись содержит более правильное чтение, указывая на «установление» погостов по Мьсте и по Лузе. Вместе с тем нельзя не заметить, что оброки

ческом сознании средневековых людей» (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. . С.366). На наш взгляд, историк наделяет «первоначальные погосты» такими свойствами, каких они не имели.

⁵⁸⁸ Юшков С. В. Эволюция дани. . С 137, 138.

⁵⁸⁹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.152-153.

⁵⁹⁰ ПСРЛ. Т.1. Стб.60.

⁵⁹¹ ПСРЛ. Т.1. Стб.48.

фигурируют в обоих списках Повести только по отношению к насельникам лужских берегов. Следует ли отсюда, что племена, жившие по Мсте, оброками не облагались? Казалось бы, согласованность этих списков дает основание ответить: да, не облагались. Но мы формулируем вопрос иначе: имело ли место вообще оброчное обложение? Данный вопрос вполне уместен, поскольку не все летописи содержат известие об оброках. К их числу принадлежат летописные произведения, которые лучше, чем Повесть временных лет, сохранили записи Начального свода. Сюда же надо отнести и летописи, сохранившие отсутствующие в Повести временных лет сообщения, почерпнутые из более ранних, нежели Повесть, летописных источников.

Новгородская Первая летопись младшего извода сообщает: «Иде Ольга к Новугороду, и устави по Мсте погосты и дань». И далее об оброках ни слова.⁵⁹² В Архангелогородском летописце говорится о дани без каких-либо упоминаний об оброке.⁵⁹³ Эти умолчания, по нашему мнению, не случайны. Они свидетельствуют, что дань являлась единственной формой платежа, взимавшегося Ольгой с племен води и веси. Да и сами летописные оброки не столь однозначны, как может показаться поначалу.

М. Б. Свердлов, моделируя «систему налогообложения в Древней Руси», пишет: «Известий о конкретной форме оброка для X–XI вв. нет, но есть достаточно много сведений о даях в IX–X вв.».⁵⁹⁴ Точнее было бы сказать, что у нас нет известий не только о «конкретной форме оброка» времен первых Рюриковичей, но и об оброке как историческом явлении, за исключением, разумеется, летописного эпизода, связанного с Ольгой. Сведения же о даях идут постоянно целым потоком. Данное обстоятельство, конечно, указывает на искусственность употребления летописцем термина «оброки» применительно к событиям середины X в.

⁵⁹² НПЛ. С.113.

⁵⁹³ ПСРЛ. Т. XXXVII. С.59.

⁵⁹⁴ Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси// Восточная Европа в древности и средневековье/ Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978. С.146.

Необходимо учесть и многозначность в древнерусском языке слова «оброк». Помимо *подати* и *определенной, назначенной платы*, оно означало *определение, назначение, обязанность, обет, обязательство* и пр.⁵⁹⁵ Первичное его значение — «то, о чем договорились», т. е. «договор, соглашение».⁵⁹⁶ Отсюда вывод: «оброки», учиненные Ольгой, — это и есть нечто схожее с договорами и соглашениями, или то, «о чем договорились». Что же было предметом договоренности Ольги с данниками?

По всему вероятно, Ольга, «устанавливая» дани и погосты по Мсте и Луге, заключала при этом соответствующие соглашения, касающиеся нормирования дани и ее сбора. Подобные договоренности не являлись чем-то необычным и новым. Так было и раньше, когда покоренные Киевом племена обязывались платить дань определенного размера, что, естественно, достигалось путем взаимных договоров, хотя данники выступали здесь в качестве подневольной стороны. Ольга, стало быть, и в данном случае ничего не изобретала, а шла по пути, проложенному предшественниками.⁵⁹⁷

Если подыскать аналогию «оброкам» княгини, то следует назвать ее же «уроки» в Древлянской земле. М. А. Дьяконов тонко почувствовал сходство «уроков» с «оброками». Он писал: «Ольга с сыном и дружиною обошла Деревскую землю, "устанавливающи уставы и уроки". Она же установила "по Мсте повосты и дани и по Луге *оброки* и дани". Эти "уроки" и "оброки" вызывали ряд различных толкований в исторической литературе. Едва ли, однако, под этими терминами можно разуместь какие-либо особые сборы в отличие от дани. "Уроком" называлось все более или менее точно определенное в цифрах. ... В этом смысле уроком могла быть названа и

⁵⁹⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 546-547; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 108.

⁵⁹⁶ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь... С. 300.

⁵⁹⁷ «Размеры дани-окупа, — замечал М. А. Дьяконов, — определяются уже с древнейшего времени: иначе не могло, конечно, и быть». — Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 184.

дань, так что в позднейших памятниках говорится о "дани по уроку". В таком же значении определенной в цифрах дани мог первоначально употребляться и термин "оброк", как это встречается и в более поздних памятниках: "А дань имати по оброку".⁵⁹⁸ Значит, оброк — это и договор, соглашение, определяющее норму дани, и сама нормированная дань.^{598*}

Обращаясь к терминам «места» и «знаменья», мы должны возразить против распространенного в исторической литературе понимания их как княжеских земельных владений-заимок («места»), помеченных знаками собственности («знаменья»). Такого рода представления связаны с весьма спорной мыслью о быстром росте феодального землевладения на Руси середины-второй половины X в. Между тем, завесу над «местами» и «знаменьями» приподнимают архаические обычаи, которыми сопровождался сбор дани. Как показывают исследования этнографов, сбор дани в древних обществах был ритуализирован. За данью ходили в определенное время, обычно в период уборки урожая. Данические поездки сопровождалась ритуальными пирами, молениями, табуированием облагаемой данью территории. Даже сам маршрут был сакрализован.⁵⁹⁹ Что касается непосредственно Ольги, то мы видели, как она, будучи в Древлянской земле, совершала языческие религиозные ритуалы, принося обильные жертвы своим богам.⁶⁰⁰ Все это позволяет усматривать в «местах» и «знаменьях» киевской княгини памятные места, отме-

⁵⁹⁸ Дьяконов М. А. Очерки... С.184-185.

^{598*} О связи оброка с данью свидетельствует финское слово «арчакка» — измененное в соответствии с финским произношением русское слово «оброк» и означающее «дань». — См.: Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI-XIII веках// УЗ ЛГУ. Сер.истор.наук. Вып.10. Л., 1941. С.102; Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С.106.

⁵⁹⁹ История первобытного общества. Эпоха классовобразования/ Отв.ред. Ю. В. Бромлей. М., 1988. С.424.

⁶⁰⁰ В этой связи, кроме приведенных фактов (см. с.407-411 настоящей книги), вспоминается свидетельство Повести временных лет по Ипатьевской летописи о том, что Ольга, взяв древлянский Искоростень, «старейшины города ижьже» (ПСРЛ. Т.II. Стб.48). То было, несомненно, ритуальное жертвенное сожжение знатных лю-

ченные ее присутствием, сохранявшие следы языческих ритуалов и обрядов, которые она «творила», объезжая земли данников.

Итак, приведенные выше факты и соображения вынуждают нас отказаться от бытующих в научной литературе представлений об административно-финансовой реформе, проведенной якобы Ольгой и будто бы ускорившей процесс феодализации восточнославянского общества. Реформа Ольги — один из историографических мифов, характеризующих прошлый день исторической науки. Киевская княгиня вводила не столько новые порядки, сколько возвращалась к старым, традиционным, демонстрируя приверженность старине, освященной временем. И главной ее мерой в этом направлении было восстановление (а в некоторых, быть может, случаях и новое подтверждение) фиксированной дани, чему непосредственной причиной явилось восстание древлян, потрясшее Киев и едва не лишившее его прежнего положения и власти в восточнославянском мире. Сквозь скупые летописные известия, составленные в прокиевском духе, вырисовывается ситуация, поставившая полянскую общину на грань катастрофы: убит или принесен в жертву древлянским богам князь Игорь,⁶⁰¹ истреблены ближайшие его сподвижники, находившиеся при нем в качестве дружинников; древляне, торжествуя победу, вознамерились взять Ольгу в жены за своего князя Мала и с нею унаследовать власть и силу умерщвленного «князя рускаго», а с сыном его поступить, как за благо рассудится.⁶⁰² По сути дела речь шла о падении господства полянской общины над «примученными» в

дей врага. О предании огню старейшин Искоростена сообщает и Летописец Переяславля Суздальского. — ПСРЛ. Т.41. С.17.

⁶⁰¹ Есть основания полагать, что убийство Игоря было не просто казнью, а ритуальным умерщвлением, или жертвоприношением (Фроянов И. Я. Древняя Русь. С.55-56). По словам Ю. М. Кобищанова, киевского князя древляне подвергли «жестокой ритуальной казни», привязав к стволам двух священных берез (Кобищанов Ю. М. Полюдь. . . С.250). Ритуальные мотивы улавливает здесь и В. Я. Петрухин. — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси. . . С 148.

⁶⁰² См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. . . С.53-73.

упорной и длительной борьбе племенами. Киеву надо было мобилизовать все свои военные ресурсы, чтобы удержать это господство. Ему удалось подавить движение древлян. Но меч не решал проблемы в долговременном плане. Следовало устранить причину повторения подобных выступлений в будущем, т. е. брать дань «по закону», — не произвольно, а по определенной, оговоренной соглашением норме, как это осуществлялось прежде. Ольга так и поступила. Но она не ограничилась Древлянской землей и посетила данников других подвластных киевским правителям земель. Последний факт свидетельствует о том, что наряду с древлянским восстанием были и другие обстоятельства, требующие внимания к даннической политике со стороны властей Киева.

Создаваемый киевскими князьями с конца IX в. межплеменной общевосточнославянский союз под гегемонией «матери градов русских» был очень выгоден полянской общине, являясь источником огромных богатств, поступаемых в виде даней. Сохранить этот союз и удержать в повиновении племена, дающие дань, было для киевских правителей задачей первостепенной важности. Решая эту задачу, они опирались не только на военную силу, но и прибегали к иным средствам. Предпринимались, в частности, попытки религиозного воздействия на союзников. Киевская знать, например, стремилась превратить свой город в культовый центр восточного славянства. С этой целью языческое капище с изваянием Перуна, размещавшееся первоначально в черте древнейших укреплений Киева, выносится на новое место, доступное всем прибывающим в столицу полян. Перун провозглашается верховным общеславянским богом где-то в княжение Игоря (913-945), но до заключения русско-византийского договора 944 г. Понадобилось это для того, чтобы идеологически укрепить и обосновать господствующее положение Киева над остальными восточнославянскими племенами. С той же целью проводил позднее свою языческую реформу князь Владимир, учредив в Киеве настоящий пантеон богов, куда вошли божества и периферийных племен, живших далеко от полянского центра. Преследовал ее Владимир и тогда, когда при-

ступил к крещению Руси.⁶⁰³ Строгая фиксация даннических платежей, произведенная Ольгой, являлась средством умиротворения данников и, следовательно, удержания их в зависимости от Киева. Наше предположение усиливается при сопоставлении действий Ольги и Игоря.

Политика Игоря по отношению к данникам Киева была непоследовательной. Стараясь связать «примученные» племена религиозными узами, он возбуждал вражду к себе и полянской общине произвольным взиманием дани, нарушающим прежние соглашения и договорности. Желание взять «большую дань» толкало князя к насилиям, вызывавшим открытое сопротивление данников. Восстание древлян служит здесь яркой иллюстрацией. Разумеется, такие потрясения не укрепляли союз племен, возглавляемый Киевом, а, напротив, расшатывали его. Чтобы избежать обострения межплеменной борьбы, чреватой развалом союза, Ольга демонстративно отказалась от пагубной политики мужа и возобновила старую, испытанную временем практику фиксированной дани, что потребовало от нее объезда земель данников, заключения соглашений, устанавливающих определенные размеры дани, а также порядок ее выплаты. Поездка Ольги, ее договоры с данниками были обставлены языческими действиями и ритуалами, память о которых хранили связанные с нею «места» и «знамения». Вот к чему сводилась «реформа» княгини. Однако на этом нельзя ставить последнюю точку при оценке деятельности киевской правительницы в сфере даннических отношений на Руси середины X в. Ведь что-то незаурядное она тут свершила, коль привлекла специальное внимание летописцев. Впрочем, можно подумать, что сама прославленная (благодаря обращению в Христову веру) личность княгини была притягательной для христианских монахов-летописцев. И все же суть заключалась, надо полагать, не только в почтительно-внимательном отношении монашествующей братии к памяти «благословенной в женах русских». Ей, действи-

⁶⁰³ См.: Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси// Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С.227-230.

тельно, принадлежат меры, ставшие заметной вехой в истории даннических отношений на Руси X в. и потому замеченные летописцами. В чем они заключались?

М. А. Дьяконов говорил: «От времени княжения Ольги сохранились первые известия об упорядочении сбора дани».⁶⁰⁴ Нам кажется, что акцент следует делать не столько на упорядочении дани как таковой, сколько на масштабах предпринятой акции. И тут надо подчеркнуть, что упорядочение сбора дани было, вероятно, произведено на территории всего восточнославянского союза племен. Такая столь значительная мера, охватившая весь огромный межплеменной союз, предпринималась впервые.⁶⁰⁵ На это ушло, по-видимому, несколько лет, потребовалось множество поездок, тогда как летопись свела все к двум годам и двум поездкам, в чем отразилась своеобразная, как известно, манера подачи материала летописцем, отличавшаяся выборочностью запечатленных фактов.⁶⁰⁶ Небывалый размах предприятия Ольги привлек внимание современников и последующих летописцев. В остальном было мало новизны, поскольку княгиня восстанавливала и укрепляла традиционные основы взаимоотношений в данничестве, сложившиеся в предшествующие времена. Причем не менялось существо дани как организованного внешнего грабежа, или насильственного изъятия материальных ценностей племенем-победителем у покоренных оружи-ем племен.⁶⁰⁷ Именно о такой дани свидетельствует ле-

⁶⁰⁴ Дьяконов М. А. Очерки... С.184.

⁶⁰⁵ Киевские правители старались ослабить противоречия между полянской общиной и покоренными ею племенами, чтобы предотвратить распад межплеменного союза, выгодный Киеву. Упорядочение сбора дани как раз и являлось одним из средств сохранения этого союза.

⁶⁰⁶ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С.256-257.

⁶⁰⁷ Поэтому мы не можем согласиться с Б. А. Рыбаковым в том, что время княгини Ольги «было временем усложнения феодальных отношений, временем ряда запомнившихся реформ, укреплявших и юридически оформлявших обширный, чересполосный княжеский домен от окрестностей Киева до впадающей в Балтийское море Луги и до связывающей Балтику с Волгой Мсты» (Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.367). Об окрестностях Киева вообще

тописец и в дальнейшем.

В 964 г. Святослав «иде на Оку и на Волгу, и нале же вятичи, и рече вятичем: "Кому дань даете?" Они же реша: "Козаром по щяльгу от рала даем"». ⁶⁰⁸ Святославу не удалось сразу овладеть вятичами и сделать их своими данниками. Весь следующий год, по летописцу, ему пришлось воевать с казарами, ясами и касогами. И только в 966 г. «вятичи победи Святослав, и дань на них възложи». ⁶⁰⁹ Как видим, «возложение дани» есть прямое следствие завоевания. Совершенно ясно, что дань, которую вынуждены платить вятичи, являлась внешним побором, навязанным со стороны.

После гибели Святослава вятичи отложились от Киева и перестали платить дань. Сын его Владимир, сев на киевском столе, должен был снова смирять их: «В сем же лете (981) и вятичи победи, и възложи на ня дань от плуга, яко и отець его имаше». ⁶¹⁰ Но в следующем году опять «заратишася вятичи, и иде на ня Володимир, и победи я второе». ⁶¹¹ Вятичи, объединявшиеся в племенной союз, ⁶¹² выступают, следовательно, единым фронтом. Перед нами один из примеров межплеменных

неуместно говорить, ибо под данью находились не поляне, а соседние с ними восточнославянские племена. Наведение порядка в сборе дани не стоит смешивать с «усложнением феодальных отношений» и устройством «княжеского домена». Мы не согласны и с Н. И. Костомаровым в том, что «Ольга первая является в истории с некоторыми признаками государственности; это видно из установления дани и уроков. До тех пор не было никакого установления: брали сколько хотели. У Ольги разбойничий наезд стал заменяться подобием закона. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что великая княгиня Ольга поступила так вследствие знакомства с приемами греческой образованности, которое должно было произойти после крещения» (Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т.12. С 11). В даннической политике Ольги нет признаков государственного строительства, а в ее отношении к покоренным племенам — приемов «греческой образованности». — См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь... С.57-83.

⁶⁰⁸ ПВЛ. Ч.1. С.46-47.

⁶⁰⁹ Там же.

⁶¹⁰ Там же. С.58.

⁶¹¹ Там же.

⁶¹² См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.258-284.

войн, в результате которых устанавливалось господство одной этнополитической общности над другой с вытекающим из него данничеством.

В круг даннических вожделений Владимира попали и радимичи. В 984 г. «иде Володимер на радимичи. Бе у него воевода Волъчий Хвост, и посла и Володимер перед собою, Волъчья Хвоста; сърете радимичи на реце Пищане, и победи радимиче Волъчий Хвост. Быша же радимичи от рода ляхов; пришедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне».⁶¹³ Наличие среди княжеских ратников воеводы, успешно действующего и добывающего победу без участия князя и, стало быть, его дружины, говорит о том, что против радимичей воевали не только дружинники, ведомые Владимиром, но и народное ополчение (вои), возглавляемое Волчьим Хвостом. Это и понятно, поскольку победить войско племенного союза радимичей с помощью одной княжеской дружины было невозможно. Киевских воев никто не гнал в поход. Они сами шли на войну, надеясь поживиться добычей. Надо полагать, что они получали и какую-то часть дани. Так, во всяком случае, позволяет думать летописный рассказ о наложении дани на древлян.

Древлянскую землю усмиряло большое войско: «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю».⁶¹⁴ Участие в карательной экспедиции против древлян полянского народного ополчения («воев многих и храбрых») объясняет раздел дани, «возложенной» на жителей Искоростеня: «2 Части дани идетъ Киеву, третья Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегород град Волъзин».⁶¹⁵ Поступление даннических платежей в Киев и Вышгород М. Ю. Кобищанов рассматривает как доставку «собранного в виде дани натурального продукта (в том числе продовольствия) в главную или в одну из долговременных резиденций правителя. В Киевской Руси такими резиденциями были Киев и Вышгород и некоторые другие города, и часть

⁶¹³ ПВЛ. Ч.1. С.59.

⁶¹⁴ Там же. С.42.

⁶¹⁵ Там же. С.43.

собранной дани потреблялась здесь в летние месяцы». ⁶¹⁶ Для В. Я. Петрухина «показательно, что древлянская дань при Ольге распределялась между Киевом и Вышгородом, "Ольгиным" градом. Эта взаимосвязь административных и фискальных функций, роль разных городов как подателей и получателей дани... свидетельствует о сложной и дифференцированной системе древнерусской городской сети в X в. и непосредственной связи ее развития со становлением древнерусской государственности». ⁶¹⁷ Оба автора, на наш взгляд, впадают в крайность: первый чересчур упрощает вопрос, сводя его лишь к доставке дани в княжеские резиденции, а второй неоправданно усложняет проблему, предполагая тут взаимосвязь административных и фискальных функций, существование единой городской сети на Руси, где одни города выступали в качестве получателей дани, а другие в роли ее подателей.

Нет сомнений, что какую-то часть дани, скорее всего немалую, получала киевская знать во главе с Ольгой и Святославом. Но источник прямо указывает на присвоение дани крупнейшими городскими общинами полянского межплеменного союза, в которых, по всей видимости, формировалось народное ополчение, подавившее выступление древлян. Киев как главный, столичный город Русской земли, претендовал на более значительную долю дани, чем Вышгород. Впрочем, по поводу Вышгорода необходимо сказать несколько слов особо.

Летописец называет Вышгород «градом Ольги», связывая с этим поступление туда дани. Что означает выражение «град Вользин»? Еще в 30-е годы С. В. Юшков высказал догадку о принадлежности Вышгорода к доменальным владениям княгини. ⁶¹⁸ Мысль о «княжеском городе» Вышгороде звучала и позднее. ⁶¹⁹ Не расстаются с ней историки и по сей день. ⁶²⁰ Однако в исто-

⁶¹⁶Кобищанов Ю. М. Полюдье... С.237

⁶¹⁷Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси... С.158-159.

⁶¹⁸Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси М.; Л., 1939. С.46-47.

⁶¹⁹См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С.294

⁶²⁰См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.363; Горский А. А.

рической литературе высказывалось и другое мнение о статусе древнего Вышгорода. А. Н. Насонов отмечал: «Вышгород XI–XII вв. возник не из княжеского села, как можно было думать, имея в виду слова летописца "Ольгин град" (под 946 г.). В X–XI вв. это не село-замок, а город со своим городским управлением (начало XI в.), населенный (в X в.) теми самыми "руссами", которые ходят в полюдье, покупают однодеревки и отправляют их с товарами в Константинополь. Существование здесь в начале XI в. своей военно-судебной политической организации отмечено "Чтениями" Нестора и сказанием о Борисе и Глебе. Здесь мы видим "властелина градско-го", имеющего своих отроков или "старейшину града", производящих суд. ... Ольга происходила не из Вышгорода, но она поселилась в Вышгороде (предание называет Вышгород "Ольгиным градом") с "родом" своим (в заключении договора с греками от нее участвовал Искусеви) именно потому, что здесь была своя знать, на которую можно было опереться. ... Следовательно, уже во второй половине X в. Вышгород являлся центром, подобным крупнейшим центрам тогдашней России».⁶²¹ В новейшем исследовании И. Б. Михайловой прослеживается эволюция Вышгорода из племенного центра в городскую общину, вставшую со второй четверти XII в. на путь борьбы за независимость от Киева.⁶²² По всей видимости, противоречия между Киевом и Вышгородом возникли еще в эпоху родоплеменного строя, когда эти два племенных центра боролись за лидерство в полянском союзе племен. Точно такую же картину наблюдаем и в других регионах восточнославянского мира, в частности на Северо-Западе в словенской земле, где за главенство в союзной организации словен состязался

Древнерусская дружина. М., 1989. С.35; Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С.86.

⁶²¹Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.53-54. С А. Н. Насоновым по этому вопросу спорил М. Н. Тихомиров, но, как нам кажется, неудачно. — См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С.294-295.

⁶²²Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII – середине XIII в. Канд.дисс. СПб., 1993. С.105-130.

лись Ладога и Новгород.⁶²³ В словенской земле в конечном счете победил Новгород, а в полянской — Киев, который выдвинулся в лидеры среди полянских племенных «градов» во времена, вероятно, Вещего Олега. По-видимому, не случайно летописец вложил в его уста известные слова о Киеве: «Се буди мати градом русским». В этих словах как бы подспудно чувствуется, что на ведущую роль среди «градов русских», стоявших в Среднем Поднепровье, претендовал не только Киев.

Поневоле уступив Киеву передовое место в полянском племенном союзе, Вышгород оставался здесь весьма заметным и влиятельным городом. Вот почему он пользовался правом на часть древлянской дани, а вовсе не потому, что являлся собственностью Ольги. Летописное выражение «град Вользин» следует понимать так, что Ольга правила в Вышгороде и жила в нем, как верно догадался А. Н. Насонов.⁶²⁴ Возможно, в Вышгороде было некое подобие княжеского стола. Но если это так, то перед нами еще одно свидетельство об особом положении Вышгорода в племенном объединении полян.

Поступление древлянской дани в Киев и Вышгород характеризует восточнославянское данничество как коллективную форму внешней эксплуатации, или угнетения одного племени другим, осуществляемого не только военно-дружинной знатью племени-победителя, но и рядовыми соплеменниками, т. е. всем племенным сообществом в целом.^{624*} Эта эксплуатация возникает и раз-

⁶²³ См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С.46-56.

⁶²⁴ О пребывании Ольги в Вышгороде говорил в свое время и В. А. Пархоменко. Он не находил оснований считать княгиню феодалкой. «Из того, — писал он, — что летопись связывает имя "Ольжичи" с княгиней Ольгой и ей приписывает пребывание в городе Вышгороде, вряд ли можно сделать вывод о том, будто Ольга была "землевладелицей-феодалкой"». - Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Учен. зап. Лening. ун-та. Серия исторических наук. Вып.8. Л., 1941. С.204.

^{624*} Вот почему нельзя согласиться с Д. И. Иловайским, когда он говоря об обложении жителей Искоростеня «тяжкими поборами», утверждал: «Две трети этих поборов определены на Киев, т. е. великому князю и его мужам; а одна треть на Вышгород, т. е. матери Святослава и ее дружине; ибо княгини русские также имели свои

вивается в сфере межплеменных отношений. Ее нельзя связывать с феодализмом.

Когда исследователи говорят о дани как феодальной ренте, они исходят из предположения о наличии на Руси IX–X вв. верховной собственности на землю либо государства, либо князя, либо военно-дружинной знати, что, по нашему убеждению, противоречит показаниям древних источников и потому должно быть отвергнуто.⁶²⁵

В историографии предпринимались попытки выявить структурообразующие элементы дани, характеризующие ее как феодальную ренту. Так, О. М. Рапов считает, будто «в X в. имеются налицо все составляющие этой земельной ренты: 1) верховный земельный собственник — Киевское государство (фактически — киевский князь); 2) регулярность взимания дани, установленная "уставами" и "уроками"; 3) наличие определенных фиксированных площадей, с которых происходило взимание; 4) сбор ренты проводился с помощью внеэкономического принуждения, которое выражалось в изъятии дани вооруженными отрядами княжеских дружинников».⁶²⁶

Доводы О. М. Рапова без труда отвел А. Л. Шапиро: «Все черты, которые О. М. Рапов считает отличительными признаками дани-ренты, в равной мере присущи и дани-контрибуции. Дань-контрибуция, которую киевские князья брали с Византии, не была единовременным платежом, а должна была повторяться... Дань-

дружины» (Иловайский Д. Становление Руси. М., 1996. С.44). Это мнение дореволюционного ученого могли бы поддержать современные сторонники идеи феодализации Руси X века. Но, по нашему разумению, оно искажает смысл летописного повествования.

⁶²⁵См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. См. также: Данилова Л. В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. Сб. статей. 1. М., 1993.

⁶²⁶Рапов О. М. К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период // Вестн. Моск. ун-та. Серия IX. История. 1968, № 1. С.61.

контрибуция, как и дань-рента, и даже в большей степени, чем эта последняя, взималась по определенной норме, в установленных размерах, иногда и с земельных площадей. Вспомним, например, татарскую дань с сохи и сборщиков татарской дани — поплужников». ⁶²⁷ А. Л. Шапиро решительно (и, на наш взгляд, вполне обоснованно) отверг идею о верховной земельной собственности первых Рюриковичей и тем самым лишил еще одной опоры конструкцию О. М. Рапова. ⁶²⁸ Нельзя считать показателем рентной сути дани ее изъятие «вооруженными отрядами дружинников», поскольку к данническим платежам, как мы не раз убеждались, всегда принуждали посредством военной силы.

Несравненно ближе к истине, чем толкователи дани как феодальной ренты, подошел А. И. Першиц, когда замечал, что «при первых киевских князьях дань, собираемая на земле данников и под непосредственной угрозой применения военной силы, еще оставалась как бы не вполне институционализированной суммой ежегодных контрибуций». ⁶²⁹ А это означает, что дань у восточных славян вплоть до X в. включительно являлась архаической формой внешней эксплуатации, порожденной межплеменными войнами, в результате которых устанавливалось господство одной этнополитической общности над другой, ⁶³⁰ носившее ярко выраженный коллек-

⁶²⁷ Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969, № 12. С. 69.

⁶²⁸ Там же. С. 67-69.

⁶²⁹ Першиц А. И. Данничество // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации. Отд. оттиск. М., 1973. С. 8. В другой своей работе исследователь, впрочем, скажет: «На Руси сбор дани с покоренных славянских и неславянских племен уже в Киевский период стал трансформироваться в феодальные повинности». — Першиц А. И. Данничество // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 46.

⁶³⁰ Следует согласиться с Л. В. Даниловой в том, что «первыми формами зависимости и эксплуатации в среде восточного славянства были формы, связанные с межплеменными различиями» (Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С. 137). Зависимость и эксплуатация на межплеменной основе оставались глав-

тивный характер, в котором отражалось противоборство племен, типичное для родоплеменного строя, особенно на завершающей стадии его развития. Есть все основания согласиться с В. В. Мавродиным в том, что «дань — не феодальная рента. Платящие дань общинники еще не являются феодально-зависимыми людьми. Они платят дань и принимают участие в военных мероприятиях своих князей. И только. При этом дань — результат военных столкновений, "примучивания" или, наоборот, стремления избежать вооруженной борьбы ("мира деля"). Платят дань только покоренные силой оружия "люди" разных племен и земель неславянского и славянского происхождения». ⁶³¹

Помимо стремления выдать восточнославянскую дань за феодальную ренту, в историографии предпринимались попытки изобразить ее как внутреннюю подать, связанную с налогообложением. Так, по словам М. Б. Свердлова, «вопрос о даях восточнославянских племен IX-X вв. имеет большое значение для изучения истории системы налогообложения в Древнерусском государстве». ⁶³² В. И. Горемыкина рассматривает дань времен княгини Ольги в качестве налога, являвшегося «формой зависимости от государства». ⁶³³ Согласно Л. В. Даниловой, «дань-контрибуция известна и в киевские времена, и позже. В рамках же политического объединения восточных славян она была главным государственным налогом и в качестве такового играла роль одного из важнейших факторов политической интеграции». ⁶³⁴

ными в сфере господства и подчинения на протяжении всей истории родоплеменного строя до его падения.

⁶³¹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С.66-67.

⁶³² Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси. С.145.

⁶³³ Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970. С.39. См. также: Горемыкина В. И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе (Опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). Минск, 1982. С.63-64.

⁶³⁴ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С.179.

Чтобы зачислить межплеменную дань в разряд государственных налогов, надо доказать существование в X в. единого Древнерусского государства, охватывающего огромные просторы Восточной Европы, освоенные многочисленными восточнославянскими племенами. Но сделать это, увы, невозможно, хотя стараний тут приложено немало.⁶³⁵ Сохраняют научную ценность наблюдения историков, стоявших у истоков советской исторической науки, согласно которым у восточных славян X в. не было и не могло быть общей государственной территории, а значит, и единого государства.⁶³⁶ По мнению С. В. Бахрушина, изучавшего историю государственности при первых Рюриковичах, «говорить о прочной государственной организации в эту эпоху еще трудно. Нет даже государственной территории в полном смысле этого слова. Покоренные племена отпадают при первой возможности, и приходится их покорять сызнова. Если верить летописи, древляне были покорены уже Олегом; вторично их покоряет Игорь, но при нем же они восстают и не только избавляются от киевской дани, но и угрожают Киеву; в третий раз их покоряет вдова Игоря, Ольга, и с этого времени только Древлянская земля прочно входит в состав Киевского государства. Владимир должен был дважды совершать поход в землю вятичей, уже покоренную в свое время отцом Святославом, и т. д. Каждый новый князь начинал свое правление с того, что приводил опять в подчинение племена, входившие при его предшественниках в состав державы».⁶³⁷ Более того, «у киевских князей,

⁶³⁵ См.: Мавродин В. В. Советская историография Древнерусского государства // Вопросы истории. 1967, № 12; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 128-141.

⁶³⁶ См.: Бахрушин С. В. 1) К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. 1936, № 6; 2) Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937, № 3; 3) «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938, № 2; Рубинштейн Н. Л. 1) Рецензия на книгу «Памятники истории Киевского государства» // Историк-марксист. 1938, № 1; 2) От редакции // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь М., 1938. С. IV; Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство.

⁶³⁷ Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей». С. 95.

вечно стремящихся к новым завоеваниям еще нет прочной связи с Приднепровьем». Откинутые сюда внешнеполитическими и военными неудачами, «киевские князья должны были отказаться от широких завоевательных планов. Сыновья Святослава уже пытаются опереться на местные силы». ⁶³⁸ «Подлинным киевским князем» С. В. Бахрушин считал Владимира. Но и тот был тесно связан лишь с территорией Приднепровья. ⁶³⁹

В. А. Пархоменко, тщательно рассмотрев соответствующие летописные сведения, заключал: «Получается очень неясная и расплывчатая территория Владимировой державы, противоречиво обозначаемая в .. преданиях и сказаниях. С другой стороны, укрепление — по летописи — Владимиром ближайшей к Киеву территории (по Стугне, Трубежу и Остру, — Белгород, Переяслав, Василев) естественно склоняет к сильному ограничению допускаемых обычно широких размеров Владимировой державы. .. Походы же его на радимичей, вятичей и червенские города вряд ли могут быть связаны с вопросом о прочных границах и пределах Владимировой державы; это скорее набеги характера Святославовых походов за данью. Говорить о "покорении", о "присоединении" этих территорий к "русскому государству" или "включении в состав его" — не соответствует духу и характеру эпохи». ⁶⁴⁰

К сожалению, советские историки не прислушались к тому, о чем говорили С. В. Бахрушин и В. А. Пархоменко. Их манил образ огромного и могучего Киевского госу-

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ Там же. С. 96. Взгляды С. В. Бахрушина на социально-экономическое развитие Киевской Руси, отвергнутые школой В. Д. Грекова, постепенно возвращаются в науку (см.: Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию со дня рождения С. В. Бахрушина / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1984. С. 4; Дубровский А. М. Освещение социально-экономической истории феодальной России в трудах С. В. Бахрушина / Там же. С. 12). Необходимо отдать должное историку и по части его идей в области истории Древнерусского государства, придающих сейчас новый импульс исследованиям восточнославянской государственности. — См.: Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. .. С. 10.

⁶⁴⁰ Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира. .. С. 209.

дарства, в состав которого вошли земли восточнославянских и некоторых инородных племен, разбросанных по лику Восточной Европы. Не устоял перед этим образом и А. Н. Насонов, написавший во многом замечательную книгу об образовании территории Древнерусского государства. «В конце IX или в начале X в. (с объединением Киева с Новгородом), — писал он, — власть киевских князей стала распространяться на другие "земли", лежавшие далеко за пределами древней "Русской земли". Тем самым образовалось государство с огромной территорией во главе с Киевом (Киевское государство)».⁶⁴¹ По определению А. Н. Насонова, «государственная территория — это территория, входящая в состав данного государства, население которой подчиняется власти государства, иными словами, это — территория, население которой в интересах господствующего класса подчинено публичной власти, возникшей для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое население, творящей суд и устанавливающей всякого рода поборы».⁶⁴² Отсюда расширение государственной территории, ее рост на Руси А. Н. Насонов рассматривает как «распространение дани и суда». При этом «важным моментом было установление постоянных мест суда и сбора дани — "становиц" и "погостов"».⁶⁴³

Необходимо со всей ясностью сказать, что механизм

⁶⁴¹Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. С.216. На самом деле того объединения Киева с Новгородом, о котором говорили А. Н. Насонов и многие другие исследователи, не было. — См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С.111-126.

⁶⁴²Там же. С.6.

⁶⁴³Там же. С.6, 217. Л. В. Данилова полностью разделяет эти соображения А. Н. Насонова. Она пишет: «Установление дани, особенно с тех пор, как были учреждены опорные пункты ее сбора... один из ведущих факторов в формировании восточнославянской государственности, на что совершенно справедливо обращено внимание в капитальном труде А. Н. Насонова, посвященном образованию территории раннесредневекового государства». — Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С.179. Л. В. Данилова могла бы указать и на идейных предшественников А. Н. Насонова в досоветской историографии, в частности, на Д. И. Иловайского, который писал: «Обязанности подчиненных племен к Киевскому

формирования государственной территории (распределение дани и суда), предложенный А. Н. Насоновым, для Руси X в. не пригоден. Нет каких-либо фактов, свидетельствующих об отправлении киевскими правителями или их агентами суда в «становищах» и «погостах», упоминаемых Повестью временных лет. Дань там, как мы знаем, собиралась. Но платили ее соседи Русской земли, ближние и дальние, славяне и неславяне, завоеванные киевскими князьями и полянским этнополитическим союзом. Так называемое "Киевское государство" X в. являло собой конгломерат племен, рыхлое и неустойчивое межплеменное образование, сооруженное Киевом посредством военного принуждения прежде всего с целью получения дани и не имеющее прочных внутренних связей, а потому готовое в любой момент рассыпаться. О единой государственной территории, общей и единственной для всех племен власти в данных условиях говорить рано. Дань, будучи внешним побором, навязанным со стороны, причем не только дружинной знатью Киева, но и полянской общиной в целом, не может быть отнесена к налогам, возникающим в процессе внутреннего общественного развития. Не стала она и фактором, как полагает Л. В. Данилова, «политической интеграции» восточных славян,⁶⁴⁴ поскольку восточнославянские племена тяготились унижительной даннической зависимостью от Киева, ожидая случая, чтобы сбросить ее и вернуть себе былую свободу.

Мы согласны с Л. В. Даниловой, когда она пишет: «Содержащиеся в источниках сведения о дани свидетельствуют о ее возникновении из отношений господства и подчинения между разными этнополитическими образованиями».⁶⁴⁵ К этому следует добавить: дань не

князю, конечно, выражались данью, которую ему платили; князь за то давал им суд и расправу и защищал от нападения соседних народов. Эти взаимные отношения представляли первобытный вид того государственного порядка, который развивался впоследствии на Русской земле». — Иловайский Д. Становление Руси. С.43.

⁶⁴⁴ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С.179.

⁶⁴⁵ Там же. С.178. Однако едва ли можно согласиться с Л. В. Даниловой в том, что «племена-победители присваивали территорию вместе с находившимся на ней населением» (Там же. С.169).

только возникает «из отношений господства и подчинения между разными этнополитическими образованиями», но и продолжает существовать в рамках этих отношений у восточных славян на протяжении всего X в. Иначе смотрится восточнославянское полюдьё.

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕРУССКОМ ПОЛЮДЬЕ

Полюдьё — архаический институт, встречающийся в самых различных регионах мира, у множества древних народов. Выразительный и обильный материал, говорящий о широком бытовании полюдьё собран в книге Ю. М. Кобищанова.⁶⁴⁶ В исследовании Ю. М. Кобищанова полюдьё характеризуется как «комплекс полифункциональный, соединяющий в себе экономические, политические, судебные, религиозно-ритуальные, символические и другие функции».⁶⁴⁷ При этом автор уточняет

Племена-победители, по нашему мнению, посягали не на земли побежденных, а на их свободу и труд, что выливалось в «ополонение челядью» и присвоение материальных ценностей в виде дани. Вспомним слова Ольги о древлянах, которые «ялися по дань, и деляють нивы своя и земле своя» (ПВЛ. Ч.1. С.42). Из этих слов никак не следует, что княгиня присвоила земли данников себе в собственность. Древляне, хотя и платят дань, но остаются на своей земле. Иначе и быть не могло, поскольку для «первобытного человека родовые земли — не просто "угодьё", где можно добывать себе пищу, но атрибут его личности, воплощение его силы (букв. "могущества"), исходящей из общего источника, т. е. опять-таки земли рода. Образно (для нас) говоря, "стратегические ресурсы" первобытного общества — родовая, магическая по своей природе сила, но никак не нечто вещественное. Земля — только талисман, символ, который содержит в себе эту жизненную силу» (Белков П. Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995. С.185). Поэтому, чтобы в древности завладеть территорией, нужно было либо согнать с земли ее население, либо истребить его полностью.

⁶⁴⁶Кобищанов Ю. М. Полюдьё: явление отечественной и всемирной истории цивилизации. М., 1995.

⁶⁴⁷Там же. С.236. Мысль о полифункциональности полюдьё ра

«Сразу же следует заявить, что разнообразные функции полюдьдья — это плод нашего анализа. В представлении людей "эпохи полюдьдья" это явление не расчленялось на функции, а было просто обычаем». ⁶⁴⁸ Получается так, что полифункциональность свойственна полюдьдью изначально. Однако этому противоречат конкретные сведения, приводимые самим Ю. М. Кобищановым. Он пишет: «Когда правитель африканского государства, обходя свои владения полюдьдем или принимая при своем дворе подчиненных князей, получал в качестве дани все шкуры убитых в стране львов и леопардов, перья орлов или красные перья различных птиц, которые он отнюдь не собирался продавать купцам или дарить своим приближенным, то эта дань вряд ли имела самостоятельное экономическое значение. Скорее она представляла собой ряд ритуально-политических символов, означавших признание князьями-данниками подданными власти священного царя». ⁶⁴⁹

В данном случае функция у полюдьдья лишь одна: ритуально-политическая. Бывало и так, что полюдьде приобретало сакральное значение, которое являлось если не единственным, то главнейшим. «Сакральный смысл полюдьдья заключался в том, что священный царь (или вождь-жрец), обходя со свитой и жрецами подвластные ему земли, укрепляет свою силу в святилищах и вместе с тем "передает" землям плодородие. Так, будущие цари государств низовьев р. Конго до своей коронации должны были обойти все святые места в своих владениях. Царь Нгойо на каждой стоянке сажал банан и трогался снова в полюдьде (или паломничество) лишь после того, как он вкушал первинки урожая этого банана, а одна из двух его жен рожала зачатого здесь ребенка. Сход-

деляют и некоторые историки средневековой Руси. — См., напр.: Назаров В. Д. Полюдьде и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитый феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина. 1. М., 1988. С. 164.

⁶⁴⁸ Кобищанов Ю. М. Полюдьде... С. 236.

⁶⁴⁹ Там же. С. 240.

ный обычай существовал и в Лоанго, а также, вероятно, в Конго и Каконго. Народ убеждался, что кандидат на престол обладает детородной и в то же время хлебородной силой, и верил, что общинная земля получила свою долю этой силы». ⁶⁵⁰ О чем все это говорит?

Ю. М. Кобищанов, имея в виду шкуры убитых львов и леопардов, перья орлов и красные перья различных птиц, приносимые правителю африканского государства во время полюдьд, замечает, что здесь «экономические функции сбора дани отступали на второй и третий план перед политическими и религиозно-символическими функциями». ⁶⁵¹ Похоже, экономические функции тут вообще отсутствуют, и полюдьд выступает как монофункциональное явление. Во всяком случае, исследователь, занимающийся полюдьдом, должен констатировать, на наш взгляд, различную степень многозначности данного института на разных этапах его существования. Иначе, необходимо подходить к полюдьду исторически, выявляя во времени, какие из «полюдных» функций возникли раньше, какие позже; какие из них были главными, а какие второстепенными, какие ведущими, какие подчиненными. Нужна, следовательно, динамическая картина. Ю. М. Кобищанов же рисует полюдьд в статике. И это — серьезный минус его исследования.

Другой существенный недостаток заключается в том, что Ю. М. Кобищанов не различает внешних поборов от внутренних сборов, т. е. платежи «своих» и «чужих». Поэтому он смешивает дань с полюдьдом. ⁶⁵² Кормления и престижные пиры он также не отличает от полюдьда.

Надо сказать, что смешение дани с полюдьдом — характерная черта исследований, касающихся полюдьда в Киевской Руси. Вместе с тем имели место и попытки разграничить дань и полюдьд. Подобное разграничение намечилось еще у С. М. Соловьева. ⁶⁵³ Другой из

⁶⁵⁰ Кобищанов Ю. М. Священные цари // Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С.199.

⁶⁵¹ Кобищанов Ю. М. Полюдьд... С.240.

⁶⁵² Не отделяют дань от полюдьда и другие этнографы. См., например: Попов В. А. «Хождение в Абомей в сухое время года», или к вопросу об инверсиях полюдьда // Ранние формы политической организации... С.331, прим.7.

⁶⁵³ Соловьев С. М. Соч. Кн.1. С.215-216.

вестный дореволюционный историк М. А. Дьяконов писал: «В числе прямых сборов, кроме дани, памятники упоминают еще о *даре* и *полюдьѣ*. Оба эти вида сборов стоят отчасти в тесной связи. Полюдьем назывался объезд князем своей территории для выполнения правительственных функций, в частности для сбора доходов.

Население выходило навстречу князю с поклонами и подносило подарки. Этот стародавний обычай, как пережиток, сохранился и до наших дней: государя у нас и теперь встречают хлебом-солью. Это и есть древний "дар". Подарки, полученные во время полюдьѣ, стали называться "полюдьем даровным". Здесь полюдьѣ означало уже сбор, именно сбор даров, так что "дар" и "полюдьѣ" здесь слились».⁶⁵⁴ Но М. А. Дьяконов тут же делает поворот, заявляя, что «во время объезда территории князь мог получать не только подарки, но и дани, судебные пошлины, корм. Под "полюдьем" в смысле сбора могли разумеаться и эти сборы».⁶⁵⁵

Более последовательно решал вопрос о дани и полюдьѣ М. Д. Приселков, по которому «Киевское государство середины X века представляло собою, во-первых, основное ядро из трех княжеств — Киевского, Черниговского и Переяславского, называвшихся Русью, Русскою землею, и, во-вторых, подчиненные этой Руси силою меча киевского князя земли, которые платили Киеву полюдьѣ». Собираемое с подвластных Русской земле областей полюдьѣ шло на содержание дружины князя. Но у покоренных Киевом племен были свои правители, которых нужно было содержать. Поэтому, кроме полюдьѣ, предназначенного киевскому князю и его дружинникам, населению завоеванных областей приходилось выделять средства для собственных властителей. Эти средства М. Д. Приселков и считает данью. «Что полюдьѣ в землях, подвластных Русской земле, представлялось повинностью населения поверх обычных повинностей в пользу своей местной власти, — убеждает ученый, — лучше всего подтверждается из тех документов, где еще живет этот термин. Там везде... различается

⁶⁵⁴ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С.185.

⁶⁵⁵ Там же.

"дань" местной власти от "полюдья" как высшей дани». ⁶⁵⁶ Независимо от того, верно или неверно истолковал дань и полюдые М. Д. Приселков, само разграничение этих понятий — бесспорная заслуга ученого.

М. Д. Приселкова поддержал В. В. Мавродин: «Дани и полюдые в источниках разграничиваются. М. Д. Приселков высказал вполне убедительное предположение, что полюдые было формой расплаты "великого князя Руского" со своей наемной дружиной, состоявшей из варягов. Эти наемные дружины, "все Руссы", отправлялись с наступлением зимы в отведенные им земли. Здесь они "кормились" всю зиму, собирали известное количество товаров для предстоящего торга в Константинополе...». ⁶⁵⁷ Следовательно, «"дань" — не "полюдые" "Полюдые" не платит "Русь", Русь внутренняя, коренная: Киев, Чернигов, Переяславль. Оно распространяется лишь на земли подвластных Киеву славянских племен, "Русь внешнюю"». ⁶⁵⁸ Нельзя, однако, сказать, что В. В. Мавродин полностью копировал М. Д. Приселкова. Он дал несколько отличное от своего предшественника толкование дани. Если М. Д. Приселков усматривал в дани платежи «примученных» племен собственным князьям, собираемые сверх полюдья, получаемого киевским князем и его дружиной, то В. В. Мавродин под данью понимал сбор, предназначенный только для владетеля из Киева. ⁶⁵⁹ Необходимо отметить эволюцию взглядов В. В. Мавродина на дань и полюдые. В одной из поздних его работ читаем: «"Люди" — члены бесчисленных вервей и миров Древней Руси — находятся в определенных отношениях к князьям. Князья, не утратившие черт племенных владык, довольствуются определенными приношениями, собираемыми во время полюдья». ⁶⁶⁰ Совсем «иное дело сельское "людые" пок...

⁶⁵⁶ Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Серия исторических наук. Вып. 8. 1941. С. 235, 236.

⁶⁵⁷ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 244.

⁶⁵⁸ Там же. С. 155.

⁶⁵⁹ Там же. С. 244.

⁶⁶⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 66.

ренных земель. Сам факт покорения, подчинения был неразрывно связан с обложением данью. Не случайно подчинение князю и уплата дани стали синонимами, что нашло отражение даже в современном термине "подданный"». ⁶⁶¹

Б. А. Рыбаков сперва был склонен различать дань и полюдье по местам их сбора. Подобно М. Д. Приселкову и В. В. Мавродину, следовавшим за василевсом Константином Багрянородным, историк делил Русь на внешнюю и внутреннюю. Но плательщики дани и полюдья ему виделись иначе, чем М. Д. Приселкову и В. В. Мавродину. Он говорил: «Далекый Новгород и земли данников — это внешняя Русь. Ко внутренней Руси нужно отнести те области вокруг Киева, где князь сам собирал полюдье». ⁶⁶² Затем Б. А. Рыбаков стал рассуждать по-другому, смешивая дань с полюдьем и распространяя последнее на огромную территорию покоренных Киевом восточнославянских племен. ⁶⁶³

Пыталась отделить дань от полюдья В. И. Горемыкина. По ее словам, «первые князья из династии Рюриковичей, очевидно, не имели земельных владений. Кормление, "стол" себе и дружине добывали либо путем обложения данью соседних народов, либо путем полюдья и подвластные земли. Короли вестготов, остготов, лангобардов и других также в значительной степени кормились за счет налоговых поступлений, прежде всего с покоренного населения, а также и грабежа соседей». ⁶⁶⁴ В принципе подход у В. И. Горемыкиной приемлемый, тогда как разрешение задачи запутывает вопрос. На Руси X в. «покоренное население» — это древляне, северяне, радимичи, вятичи и прочие восточнославянские племена, завоеванные Киевом. Но они, как явствует из лето-

⁶⁶¹ Там же.

⁶⁶² Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С.36-

17

⁶⁶³ См.: Рыбаков Б. А. 1) Смерды// История СССР. 1979, № 2; 2) Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. С.278, 318-329.

⁶⁶⁴ Горемыкина В. И. Возникновение и развитие антагонистической формации в средневековой Европе (Опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). Минск, 1982 С.63.

писных источников, платили дань, а не полюдье.

Заслуживают внимания наблюдения Л. В. Даниловой относящиеся к дани и полюдью. «В киевские времена, — пишет она, — дань платили общины подчиненных смердов, общины же, принадлежавшие к главенствующей общности, были обязаны полюдьем (даром, полюдьем даровным) — побором, выросшим из старинной обычая поочередного пребывания князя с его окружением в каждой из возглавляемой им в совокупности общин».⁶⁶⁵ К сожалению, Л. В. Данилова проявляет непоследовательность насчет смердов, когда страницей ниже говорит о том, что «в начальный период формирования княжеской власти и дружины полюдье могло и не выражать отношений эксплуатации, оставаться компенсацией за выполнение общественных функций. Но к IX-X вв. его социально-экономическое содержание изменилось. Для подвластных общин смердов сбор полюдья был сопряжен с внеэкономическим принуждением».⁶⁶⁶ У Л. В. Даниловой, как видим, смерды платят то дань, то полюдье, с чем, разумеется, нельзя согласиться.

Приведенные суждения историков о дани и полюдье составляют не правило, а исключение, ибо подавляющее большинство исследователей не отличают дань от полюдья.⁶⁶⁷ Но верно ли это? Прислушаемся к известиям (к сожалению, весьма малочисленным) о полюдье, которыми располагает современная наука.

Впервые термин «полюдье» встречаем в иностранном источнике середины X в. — сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей».⁶⁶⁸ В греческий текст своего трактата

⁶⁶⁵ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М. 1994. С.180.

⁶⁶⁶ Там же. С.181.

⁶⁶⁷ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.148-171.

⁶⁶⁸ А. П. Новосельцеву кажется, будто раннее упоминание о полюдье, кроме сочинения Константина, содержится и в «русских источниках», под которыми он понимает запись Повести временных лет «под 945 годом, когда древляне убили киевского князя» (Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в. — первой половины X в. (полюдье))// Социально-

Константин вводил славянские слова почти в точной звуковой передаче. К ним относится и слово «полюдь». ⁶⁶⁹

Рассказывая об образе жизни росов, василевс сообщает, что осенью, когда наступит ноябрь, «архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется "кружиением", а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев». ⁶⁷⁰ По мнению Л. В. Черепнина, здесь Константин ведет речь о «княжеских "мужах", получивших в лен сбор дани с общинников». ⁶⁷¹ Но у нашего информатора в данном случае ничего не сказано о сборе дани, а тем бо-

нэкономическое развитие России. Сб. статей к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1986. С.23). Это, по меньшей мере странно, поскольку Повесть временных лет говорит о дани, а не о полюдье. А. П. Новосельцев, по всей видимости, исходит из распространенного в литературе представления о полюдье как объезде подвластного населения с целью сбора дани. Это и позволяет ему находить полюдье там, где его нет, т. е. чересчур вольно обращаться с источником, привнося в него чуждые ему элементы. А. П. Новосельцев поступает примерно так, как Б. А. Рыбаков, который заявляет, что путешествие ради сбора дани носило название "полюдья". Летописец избегает этого слова, хотя и поход Игоря, стоивший ему жизни, и поездка Ольги по Деревской земле точно соответствуют этому термину» (Рыбаков Б. А. Смерды. С.39). Но так можно доказать все, что захочется.

⁶⁶⁹Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. ... С.228. «Константин Багрянородный передает в греческой транскрипции древнерусский термин *полуѡѡа*», — замечает А. А. Горский. — См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С.96.

⁶⁷⁰Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С.51.

⁶⁷¹Черепнин Л. В. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С.152. Весьма спорную трактовку сообщения Константина о полюдье предложил М. Ю. Брайчевский. Слово «полюдье» в греческом тексте он считает не русским словом и производит его от греческого «полис» —

лее — о пожаловании дани в лен княжеским мужам. Он повествует лишь о зимнем кормлении росов и их архонтов в землях «вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян». Все остальное — домыслы ученого. Правда, намеком на сбор дани может служить указание Константина на то, что названные им славянские племена являются «пактиотами росов». Но термин «пактиот» означал как данников, так и союзников.⁶⁷² Следовательно, нельзя с полной уверенностью утверждать, в каком смысле употреблен этот термин в данном месте трактата.⁶⁷³ Мы вовсе не отрицаем возможность того, что в цитированном тексте сочинения императора взимание дани подразумевается, хотя об этом прямо

«город». Отсюда у М. Ю. Брайчевского «полюдия» — «городки», «феодальные замки». Оказывается, Багрянородный рассказывает не о круговом объезде росами подвластных Киеву восточнославянских земель, а о том, что феодальные собственники разъезжали на зиму по своим замкам, где жили, эксплуатируя зависимых крестьян (Брайчевский М. Ю. По поводу одного места из Константина Багрянородного // Византийский временник. Т. XVII. М.; Л., 1960. С. 144-145). Надо сказать, что в вопросе о «городках» Константина ученый не оригинален. Еще Л. Нидерле производил форму *полубио* от греческого *πολιβιον*, якобы «маленький городок», против чего возражал М. Фасмер. — См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 321-322.

⁶⁷²Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 316. По А. П. Новосельцеву, «отношения между Киевом и другими землями регулировались договорами (русское "ряд", греческое "пакт", отчего Константин Багрянородный именуется большинство славян "пактиотами Киева"). Этими же договорами определялось право великого князя на полкюдь — основной источник благосостояния ранних киевских князей и их дружины (руси). Но, очевидно, не все области находились в одинаковом положении» (Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991, № 2-3. С. 15). За термином «пактиоты», полагает В. Я. Петрухин, скрывались те, кто выплачивал дань по договору-«пакту». — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. М., 1995. С. 146.

⁶⁷³Ср.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 322; Новосельцев А. П. Арабские источники... С. 26; Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 96.

не сказано. Но нам хотелось бы подчеркнуть, что Константин с полной ясностью лишь говорит о «полюдиях», именуемых «кружениями» (круговыми объездами⁶⁷⁴), и о «кормлении» русов, которое отождествлять со сбором дани нет достаточных оснований. Свидетельство императора не столь однозначно, как может показаться с первого взгляда. Вот почему несколько торопливым нам представляется толкование новейшими комментаторами «полюдий» Константина как форм «взимания дани "росами" с подвластных им славянских племен».⁶⁷⁵

Позднее, в XII в., термин «полюдые» появляется в древнерусских источниках. В жалованной грамоте великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, датированной 1130 г.,⁶⁷⁶ читаем: «Се аз Мьстислав Володимир сын, дьржа Руську землю, в свое княжение повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви с данию, и с вирами, и с продажами... А яз дал рукою своею и осеннее полюдие даровное, полътретьядесяте гривьн святому же Георгиеви».⁶⁷⁷ Тут дань и полюдые различаются.⁶⁷⁸ Другой Мономашич, князь Ростислав, учреждая смоленскую епископию, дал «святеи Богородици и епископу десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходит истых кун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдыя».⁶⁷⁹ Формула пожалования Ростислава производит двойственное впечатление: с одной стороны, она как будто бы отличает дань от полюдыя, а с другой, — совмещает эти понятия. Поэтому в историографии на сей счет и мнения высказываются разные. Так, М. Д. Приселков полагал, что Уставная грамота Ростислава «различает дань и полюдые».⁶⁸⁰ Со-

⁶⁷⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.318.

⁶⁷⁵ Константин Багрянородный. Об управлении государством. С.291-292.

⁶⁷⁶ См.: Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С.135.

⁶⁷⁷ ГВНП. М.; Л., 1949. № 81. С.140.

⁶⁷⁸ Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в.... С.236.

⁶⁷⁹ Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1978. С.141.

⁶⁸⁰ Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в.... С.236.

гласно же М. А. Дьяконову, А. А. Зимину, Я. Н. Шапову и Л. В. Алексееву, полюдье и дань здесь совпадают, как частное с общим. Иначе, полюдье являлось одним из видов дани.⁶⁸¹ Нам думается, что ближе к истине был М. Д. Приселков, и вот — почему.

Если полюдье считать разновидностью дани, то к ее разряду придется отнести вируы и продажи, упоминаемые в грамоте наравне с полюдьем. Но едва ли это будет правильно, тем более, что в самой грамоте дань и вира разграничены: «Ледичи и дань и вира 15 гривен...».⁶⁸²

В жалованной грамоте Ростислава о полюдье говорится еще дважды: «На Копысе полюдья четыре гривны»; «в Лучине полюдья [...] гривны».⁶⁸³

Новгородский и смоленский документы позволяют составить некоторое представление о полюдье. Несомненно то, что полюдье в обеих грамотах выступает как определенный сбор с населения, подвластного князю. Примечателен термин «полюдье даровное», характеризующее полюдье как дар, или добровольное приношение.⁶⁸⁴ В этом коренное отличие полюдья от дани, бывшей принудительным побором.⁶⁸⁵ Отсюда и различие

⁶⁸¹ Дьяконов М. А. Очерки... С.185; ПРП. М., 1953. Вып. II. С. 16; Шапов Я. Н. 1) Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 год (к 70-летию академика М. Н. Тихомирова). М., 1963. С.41; 2) Церковь в системе государственной власти древней Руси // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.280; 3) Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI-XV вв. М., 1972. С.148; 4) Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989. С.78-79; Алексеев Л. В. 1) Устав Ростислава смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Slowialni w dziejach Eufory. Roznan, 1974. С.109; 2) Смоленская земля в IX-XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С.110.

⁶⁸² Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. С.142-143.

⁶⁸³ Там же. С.143.

⁶⁸⁴ См.: Дьяконов М. А. Очерки... С.185.

⁶⁸⁵ Нельзя поэтому согласиться с А. И. Роговым и Б. Н. Флорей в том, что полюдье — это «наезды дружины на земли восточнославянских объединений, лежавших за пределами "Русской земли". во время которых дружина, взимая дань, "насиляше" местное население».

между названными платежами, засвидетельствованное в княжеских актах.

Прав Л. В. Алексеев, подчеркивая, что полюдье платили люди — свободные общинники. Следует с ним согласиться и в том, что полюдье «выплачивалось только свободным населением. Кто не платил дани, тот должен был отдавать князю полюдье, и наоборот».⁶⁸⁶ Л. В. Алексеев, однако, не до конца последователен. Он пишет: «Полюдье — "даровая" дань со свободных...». Оно — «осенний поход князя, именно в те отдаленные уголки земли, где общинники считали себя еще свободными от дани князю, но он уже числил ее по своей разверстке».⁶⁸⁷ Наконец, полюдье в XII в. есть «промежуточная форма дани от дани-контрибуции к дани — феодальной ренте».⁶⁸⁸ Л. В. Алексеев, таким образом, начав с различения полюдья и дани, кончил полным их смешением. Между тем, внимательный анализ исторических данных показывает, что дань грамоты Ростислава — результат первоначального, скорее всего военного освоения соседних племен той этнополитической группировкой, средоточием которой был Смоленск. Стало быть, там, где осуществлялось «примучивание», где власть устанавливалась силой оружия, — там платили дань. Полюдье же, как отмечалось, было «даром», так сказать, «сограждан» в пользу князя, исполнявшего функции публичной власти.⁶⁸⁹ Можно думать, что полюдье давали «свои люди», а дань «чужие» или по происхождению «чужие», как, например, древнерусские смерды.⁶⁹⁰ Достаточно красноречиво в этом отношении полюдье князя Всеволода Большое Гнездо.

ние» (Развитие этнического самосознания... С.105). Полюдье не было связано с насилием, поскольку в основе его лежал «дар» — добровольные приношения людей своим правителям.

⁶⁸⁶ Алексеев Л. В. Смоленская земля... С.110. См. также: Алексеев Л. В. Устав Ростислава смоленского... С.110.

⁶⁸⁷ Алексеев Л. В. Смоленская земля... С.110.

⁶⁸⁸ Алексеев Л. В. Устав Ростислава смоленского... С.109.

⁶⁸⁹ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С.212-217.

⁶⁹⁰ См.: Фроянов И. Я. 1) Смерды в Киевской Руси// Вестн. Ленингр. ун-та. 1966, № 2; 2) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974 С.113-126.

В Лаврентьевской летописи под 1190 г. читаем: «Родися у благоверьнаго и христолюбивого князя Всеволода сын месяца февраля в 8 день на память святого пророка Захарьи, и нарекоша и в святем крещеньи Феодор. И тогда сущю князю великому в Переяславли в полюдьи». ⁶⁹¹ В конце того же месяца Всеволод был еще в полюдье, но теперь уже во граде Ростове, о чем узнаем в связи с прибытием туда нового «пастуха всеи земли Ростовской и Суздальской и Володимерьской» владыки Иоанна. Когда Иоанн приехал в Ростов, то застал в нем князя Всеволода в полюдье: «Тогда сущю великому князю Ростове в полюдьи». ⁶⁹² Всеволод, как видим, в зимнее время совершал полюдье — объезд городов Ростово-Суздальской земли, сопровождавшийся, надо думать, одариванием князя. Вполне вероятно, что он побывал не только в Ростове и Переяславле-Залесском, но и в других городах «земли Ростовской, Суздальской и Владимирской», хотя летопись об этом умалчивает.

Однако нельзя безудержно импровизировать на свой счет, как Б. А. Рыбаков, который пишет: «В 1190 г. владими́ро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо совершал полюдье зимой. И по времени (февраль — начало марта), и по маршруту мы застаем лишь финальную стадию кругового объезда: Переяславль-Залесский (8 февраля), Ростов (25 февраля), Суздаль (10 марта), Владимир (16 марта). Полюдье сопровождалось сбором дани, судебным разбирательством на местах и двигалось неспешно. Средняя скорость — около 7-8 км в сутки». ⁶⁹³ В другой своей работе историк приводит более детальные расчеты: «Путь от Ростова до Владимира равнялся 140 км. В зимних условиях он мог быть покрыт за 2-3 дня. Но полюдье прошло этот путь в 19 дней. И это совершенно естественно, так как полюдье включало в себя сбор дани, княжеский суд, разъезды емцов и вирников, возможно, зимнюю охоту и пиры у местной знати. Средняя скорость этого неторопливого объезда равнялась 7-8 км в сутки; она слагалась из самой езды

⁶⁹¹ ПСРЛ. М., 1962. Т.1. Стб.408-409. См. также. ПСРЛ. М., 1995. Т.41. С.120.

⁶⁹² ПСРЛ. Т.1. Стб.408; Т.41. С.120

⁶⁹³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.277-278.

и длительных остановок в нужных местах». ⁶⁹⁴ Откуда взялся описанный Б. А. Рыбаковым маршрут и скорость полюдя князя? Из поверхностного прочтения летописи. Чтобы не быть голословными приведем полностью соответствующий летописный текст: «Посла благоверный христоролюбивый великий князь Всеволод, сын Гюргев, внук Мономахов Володимерь, г Киеву, Святославу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору отця своего духовнаго Иоана на епископство, якоже Господь глаголетъ, на кого призрю не на кроткаго ли и на смиреннаго и трепещющаго словес моих, тако и на сего блаженнаго призре Бог и святая Богородица, хотяще его поставити служителя своеи церкви и пастуха всеи земли Ростовской и Суждальской и Володимерьской, еже и бысть. Поставлен же бысть месяца генваря в 23 день, на память святаго мученика Климента епископа, а в Ростов пришел на свой стол месяца февраля в 25 день, на память святаго отца Тарасья, тогда суцю великому князю Ростове в полюды, а Суздаль въшел месяца в 10 день, на память святаго мученика Кондрата, а в Володимерь вшел тогож месяца в 16 день, в пяток на святаго Олексея человека Божья». ⁶⁹⁵ В Летописце Переяславля Суздальского данный текст короче и потому яснее: «Посла великий князь Всеволод къ Киеву отця своего духовнаго Иоанна къ Всеволодичю Святославу и къ митрополиту Никифору на епископство. И поставлен бысть месяца генваря в 23 день, а в Ростов пришел на свой стол февраля въ 25, тогда суцю великому князю в Ростове в полюдии, а въ Суздаль въшел марта въ 10, а въ Володимиръ въшел марта же в 16 день». ⁶⁹⁶ Совершенно ясно, что в приведенных летописных отрывках речь идет о прибытии новоиспеченного владыки в главные города Северо-Восточной Руси. Пастырь «всеи земли Ростовской и Суждальской и Володимерьской» приезжает, как и следовало ожидать, сперва в старейший град Ростов, затем — Суздаль, а потом — во Владимир. Между появлением владыки Иоанна в Ростове и прибытием его во Владимир прошло 19 дней. Мы не знаем, с какой «средней скоростью» передвигался свя-

⁶⁹⁴ Рыбаков Б. А. Смерды. С.40.

⁶⁹⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб.408.

⁶⁹⁶ ПСРЛ. Т.41. С.120.

титель, так как неизвестно, сколько дней он пробыл в Ростове. Если предположить (и это логично), что на какое-то время Иоанн задержался в Ростове, то на путь до Владимира у него было меньше 19 дней.

Б. А. Рыбаков не только перепутал сведения о приезде владыки Иоанна в главные города Ростово-Суздальской земли с полюдьем князя Всеволода, но, произведя расчеты, никак к поездке князя не относящиеся, подошел с их меркой к полюдью X в., упоминаемому Константином Багрянородным.⁶⁹⁷ Такие приемы исследования следует отвергнуть. Вернемся, впрочем, к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо.

Князь, как явствует из летописных известий, совершал полюдье, посещая города своей земли, где являлся великим князем, т. е. высшим властителем.⁶⁹⁸ А вот когда летопись свидетельствует о даях, добываемых Всеволодом, она рисует картины военных походов, «примучиваний», осуществляемых за пределами Ростово-Суздальской области.⁶⁹⁹

Против такого осмысления летописной записи о полюдье Всеволода возражает Л. В. Данилова. Она замечает: «Думается, что предлагаемая И. Я. Фрояновым трактовка летописного сообщения под 1190 г. о хождении Всеволодом Большое Гнездо в полюдье в пределах своего княжества как отрицание факта существования там дани основана на недоразумении. Князь как раз и отправлялся в полюдье за сбором дани. В той же Лаврентьевской летописи, на которую ссылается И. Я. Фроянов, под 1158 г. говорится о пожаловании Андреем Боголюбским великокняжеской церкви Богороди-

⁶⁹⁷ Рыбаков Б. А. Смерды. С.40.

⁶⁹⁸ Характерен в этой связи сам термин «полюдье», восходящий к слову «люди». На языке восточных славян «люди» есть «свободные члены рода, свои среди своих» (Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С.144). Важно подчеркнуть, что в эпоху родового быта «людьми» называли «своих» (Там же). В Древней Руси люди выступали как «свободные подданные, народ, подвластный, но "свой"» (Там же. С.141). Отсюда и полюдье — это сбор со «своих», но не с «чужих». Последние, как мы знаем, платили дань.

⁶⁹⁹ См., напр.: ПСРЛ. Т.1. Стб.386-387.

цы купленных слобод "з даньми"». ⁷⁰⁰ Доводы Л. В. Даниловой нас не убеждают, и мы продолжаем настаивать на своей «трактовке летописного сообщения под 1190 г.». Летопись не дает никаких оснований утверждать, будто «князь отправлялся в полюдь за сбором дани». Связывая полюдь с данью, исследователь вносит в летописный рассказ свой собственный домысел уже потому, что в этом рассказе о дани нет ни слова. Нельзя, конечно, отрицать сбор князем дани «в пределах своего княжества». Вопрос только в том, кто давал дань. Для нас не подлежит сомнению тот факт, что свободные общинники («люди») данью не облагались. На них возлагали кормления, они платили виры, продажи и, разумеется, полюдь. Дань же собиралась с несвободных, в частности со смердов, не принадлежащих «к главенствующей общности». ⁷⁰¹ Летописное известие о купленных Андреем Боголюбским слободах «з даньми» является ярким подтверждением уплаты дани зависимым людом. О крайней степени зависимости (близкой к рабству, либо рабской) населения слобод можно судить по тому, что эти слободы куплены.

Допуская наличие данников в пределах Ростово-Суздальской земли, необходимо помнить, что отнюдь не дани были основным внутренним источником поступлений в княжескую казну и «скотницы» дружинников. «Сядящема Ростиславичема в княженьи земля Ростовская, роздаяла бяста по городом посадничество Русьским дедьцим, они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами», — сообщает летописец. ⁷⁰² Значит, виры и продажи — вот что отягощало «людей» Ростовской земли. Сходные ситуации возникали и в других древнерусских землях. Одной из причин оскудения Киевской земли в конце XI в. были «возлагаемые» на людей продажи. ⁷⁰³ «Творимые виры и продажи» стали приметой времени для составителя Начального свода. ⁷⁰⁴

Возвращаясь к полюдью, отметим, что в древнерус-

⁷⁰⁰ Данилова Л. В. Сельская община... С.184, прим.133.

⁷⁰¹ См.: Фроянов И. Я. Смерды в Киевской Руси.

⁷⁰² ПСРЛ. Т.1. Стб.374.

⁷⁰³ ПВЛ. М.: Л., 1950. Ч.1. С.143.

⁷⁰⁴ НПЛ. М.; Л., 1950. С.104.

ских источниках XII в. термин «полюдье» означал, во первых, объезд князем как правителем подвластного населения («людей»), сопровождаемый подношениями, а во-вторых, — сами эти подношения или сборы, причем добровольные, а не принудительные.

Б. А. Рыбаков рассматривает полюдье XII в. как «локальное пережиточное явление».⁷⁰⁵ Едва ли это так. Ведь полюдье, если судить даже по редким упоминаниям, дошедшим до нас, сохранялось в Новгородской, Смоленской и Ростово-Суздальской землях. Поэтому мы не стали бы зачислять его в разряд «локальных явлений». Скорее всего оно имело общерусское значение, встречаясь во всех регионах Древней Руси. Не было полюдья, на наш взгляд, и «пережиточным явлением»,⁷⁰⁶ поскольку на Руси XII в. рядовые свободные люди составляли основную массу населения, находившегося с князьями преимущественно в отношениях сотрудничества и партнерства, а не господства и подчинения.⁷⁰⁷ В этих условиях полюдье являлось одним из вознаграждений князю за исполнение им общественно-полезных функций и формой общения людей со своим правителем, которое было неотъемлемой и весьма существенной чертой социально-политического уклада Руси XI–XII вв.⁷⁰⁸

⁷⁰⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.318.

⁷⁰⁶ Пережиточный характер оно приняло, по всей видимости, позднее, или за пределами древнерусского периода нашей истории. — См.: Назаров В. Д. Полюдье и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений 1. М., 1988. С.163-170.

⁷⁰⁷ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; 4) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы М.; СПб., 1995.

⁷⁰⁸ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.118-149.

По Б. А. Рыбакову, уже в середине X в. полюдь, которое он считает первичной формой получения ренты, доживало «последние годы. Началом же системы полюдья следует считать переход от разрозненных союзов племен к суперсоюзам-государствам, т. е. рубеж VIII и IX вв.», когда «полюдь было не только прокормом князя и его дружины, но и способом обогащения теми ценностями, которых еще не могло дать зарождавшееся русское ремесло».⁷⁰⁹ Ученый предлагает и социологическую, так сказать, схему возникновения полюдья. Оказывается, его вызвало к жизни «постепенное окняжение восточнославянских племен».⁷¹⁰ За формулой «окняжение восточнославянских племен» следует понимать их завоевание. Полюдь, следовательно, изначально было средством насильственного изъятия материальных ценностей у покоренных оружием племен.⁷¹¹

Более аморфным и скрытым представляется процесс зарождения полюдья А. П. Новосельцеву. Он полагает, что «полюдь — институт крайне архаичный, известен давно, и его истоки, несомненно восходят ко временам ранних восточнославянских объединений, предшественников Древнерусского государства».⁷¹² К сожалению, А. П. Новосельцев не поясняет, что он понимает под «восточнославянскими объединениями»: союзы родственных племен или союзы союзов — суперсоюзы.⁷¹³ Полюдь X в., как представляется историку, «включало в себя и сбор дани и полугодовое существование князя (или другого знатного лица) за счет местного, подчиненного Киеву населения».⁷¹⁴ Что касается предшествующего времени, в частности IX в., то тогда «полюдь носило более стихийный характер, мало отличный порой от набегов с целью взимания добычи. Истоки полюдья, очевидно, и восходят к таким набегам, элементы кото-

⁷⁰⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.329.

⁷¹⁰ Рыбаков Б. А. Смерды. С.46.

⁷¹¹ Отсюда понятно, почему исследователь связывает с полюдем сообщения восточных авторов о насилиях, чинимых русами над славянами. — Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.329.

⁷¹² Новосельцев А. П. Арабские источники... С.23.

⁷¹³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С.11-13.

⁷¹⁴ Новосельцев А. П. Арабские источники. С.24.

рых сохранились и в полюдье середины X в.». ⁷¹⁵ Полюдье, если следовать А. П. Новосельцеву, было одним из проявлений межплеменного разбоя. Князья и другие знатные лица промышляли полюдьем на стороне, а не у себя дома. ⁷¹⁶ Оно — прямое следствие вооруженного насилия, обращенного на соседей. ⁷¹⁷ Исчезновение полюдья исследователь относит к середине X в. (ко временам Ольги и Святослава), считая, что оно было заменено «ранними формами налога». ⁷¹⁸

А. А. Горский связал возникновение полюдья с эволюцией дани: «Изменение характера дани, ее превращение в регулярную подать, вызвало появление термина "полюдье" (древнерусского, в отличие от термина "дань"), обозначающего систему сбора дани — явление новое по отношению к родоплеменному строю. Зарождение такой системы, по-видимому, относится к эпохе автономного развития союзов племенных княжеств, возникших в VI-VIII вв. после расселения славян. Полюдье киевских князей первой половины X в. уже вынесено за рамки "своего" союза, оно охватывает территорию нескольких союзов». ⁷¹⁹

Таковы соображения современных исследователей о происхождении и общественной сути восточнославянского полюдья. В них много, на наш взгляд спорного, а то и просто сомнительного. В чем же наши расхождения с этими исследователями? Как представляется нам

⁷¹⁵ Там же. С.25.

⁷¹⁶ Поэтому поляне были освобождены от полюдья киевских князей. — Там же. С.24.

⁷¹⁷ В согласии с этой мыслью А. П. Новосельцев, подобно Б. А. Рыбакову, иллюстрирует восточнославянское полюдье ссылками на тексты Ибн-Русте и Гардизи, где говорится о насильственном изъятии русами у славян пищевых продуктов. — Новосельцев А. П. Арабские источники... С.25.

⁷¹⁸ Новосельцев А. П. Древнерусское государство // История Европы с древнейших времен до наших дней. В 8-ми томах. М., 1992. Т.2. С.201, 203. Об исчезновении полюдья говорят и другие исследователи. «На смену полюдья приходит "повоз" — поступление дани от общин непосредственно в княжеские крепости», заявляет Б. А. Тимошук. — См.: Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С.239.

⁷¹⁹ Горский А. А. Древнерусская дружина. С.33-34.

возникновение полюдья?

Прежде всего необходимо подчеркнуть недопустимость отождествления дани с полюдьем. По происхождению дань — явление внешнего порядка, тогда как полюдье — фактор внутренней жизни восточнославянского общества. Подобно тому, как внешнее рабство исторически предшествует рабству внутреннему, так и дань, будучи формой межплеменной эксплуатации, предшествует возникновению внутривременных сборов, в частности полюдью. Косвенным аргументом здесь могут служить лингвистические данные.

Как известно, слово «дань» является праславянским.⁷²⁰ Иное дело термин «полюдье», который лингвистами признается восточнославянским.⁷²¹ Его позднее появление указывает, по нашему мнению, на поздний (сравнительно с данью) характер полюдья.⁷²² И это понятно, поскольку вражда племен, сопряженная с ограблением побежденных победителями существовала издревле, а внутренние сборы, за исключением, пожалуй, культовых, появлялись по мере становления института вождей, т. е. в результате внутриобщественных перемен и сдвигов. Не противоречит нашему предположению древнейшее происхождение слова «дар», семантически связанного с полюдьем и дублетного «дани».⁷²³ Дело в том, что смысл слова «дар» не был неизменным. По наблюдениям ученых, он менялся следующим образом: дар — культовый дар — дары князю — налог, подать.⁷²⁴ В этой смысловой цепи наше внимание останавливают дары князю. По-видимому, они возникают тогда, когда должность вождя становится постоянной. А это проис-

⁷²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т.1. С.484; Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т.1. Вып.5. С.13-14.

⁷²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.III. С.321.

⁷²² Но это не означает, что полюдье развивается из дани, как считает А. А. Горский. — См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. С.33.

⁷²³ См.: Этимологический словарь русского языка. Т.1, вып.5. С.13-14.

⁷²⁴ Там же. С.14. См. также: Machek V. Etimologicku slovník jazyka ceskeho a slovenskeho. Praha, 1957. S.80.

ходит, судя по всему, в результате складывания родственных межплеменных союзов типа летописных полян, древлян, северян, словен и пр., наблюдаемого на заре восточнославянской истории (VI–VIII вв.)

Учреждение постоянной должности вождя-князя есть следствие внутренних процессов, протекавших в восточнославянском обществе, на определенном этапе развития которого возникает потребность в такой должности, и она создается. Вокруг нее постепенно формируется правящая племенная верхушка.

Постоянный вождь-властитель необходим обществу, и оно всячески поддерживает его. Одной из форм поддержки и были дары «людей» — «своих», соплеменников. Сбор даров проходил посредством объезда племенной территории, другими словами — хождения по людям. Отсюда название объезда: полюдье. Вскоре и дары, собираемые во время обхода людей стали называться тоже полюдьем.

Таким образом, полюдье есть порождение родоплеменного общества.⁷²⁵ Оно органически входило в систему общественных связей первобытного строя, не нарушая его традиционных устоев.⁷²⁶ Полюдье нет никаких оснований считать следствием «окняжения» восточнославянских племен, или их завоевания.⁷²⁷ Полюдье возникало как общественно необходимый и общественно полезный институт, обеспечивающий нормальное функционирование власти правителя (вождя, князя), а следовательно, и социума в целом.

Нечто похожее на полюдье проглядывает в сообщении Тацита о германцах: «У [германских] племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество скота или земных плодов; это принимается как почетный дар, но в то же время служит

⁷²⁵ По Б. А. Рыбакову, «полюдье — архаичный институт, восходящий, по всей видимости, еще к концу родоплеменного строя» (Рыбаков Б. А. Смерды. С.39). Правильнее, по нашему мнению, было бы сказать, что полюдье восходит к эпохе расцвета родоплеменного строя.

⁷²⁶ Ср.: Горский А. А. Древнерусская дружина. С.39.

⁷²⁷ Ср.: Рыбаков Б. А. Смерды. С.46.

для удовлетворения потребностей». ⁷²⁸ Во франкском королевстве была распространена практика "подарков" (dona) королю. В Малых Лоршских анналах за 750 г. говорится, что подарки приносили королю "по старому обычаю". «Кроме этих регулярных "подарков" королевскому семейству приносили еще и особые дары по случаю его домашних торжеств. Так, по словам Григория Турского, при выдаче замуж сестры Хильперика, "франки приносили большие дары, кто золотом, кто серебром, кто лошадьми или одеждой и вообще кто чем мог"». ⁷²⁹

Нечто похожее на дары древних германцев, описанные у Тацита, М. Б. Свердлов допускает применительно к славянам VI-VII вв., что вполне резонно. ⁷³⁰ Но он видит в них лишь снабжение «продуктами князей, знати и их дружин». ⁷³¹ На наш взгляд, не стоит все сводить к бытовому потреблению даров. Они могли играть и сакральную роль, а также предназначаться для культовых нужд: не исключено, что какая-то часть отдаваемых правителю в качестве дара животных приносилась в жертву богам и использовалась с целью устрой-

⁷²⁸ Древние германцы. М., 1937. С.64. А. Я. Гуревич полагает, что добровольность приношений, о которой говорит Тацит, «могла быть иллюзорной: в случае если вождь обладал значительным могуществом, сомнительно, чтобы кто-либо в племени решился бы не почтить его подарком» (Гуревич А. Я. 1) Древноревская вейцла (из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии)// Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958, № 3. С.144; 2) Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С.122-123). Довод А. Я. Гуревича звучит неубедительно. Чем могущественнее и удачливее был вождь, тем желаннее он был как правитель, а значит, тем искреннее и неподдельнее становились дары, ему приносимые. Ведь могущество и сила вождя, по языческим понятиям, есть могущество и сила племени. — См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С.65, 197-200.

⁷²⁹ См.: Колесницкий Н. Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах// Проблемы докапиталистических обществ/ Отв. ред. Л. В. Данилова. М., 1968. Кн.1. С.623.

⁷³⁰ Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI - начале VII века// Советское славяноведение. 1977, № 3. С.56.

⁷³¹ Там же.

ства ритуальных пиров.⁷³² Да и само полюдье-объезд — ритуальное, по всему вероятно, действо, исполненное религиозного смысла. Достаточно сказать, что князь у восточных славян был наделен религиозными функциями.⁷³³ Полюдье, сопровождаемое дарами, являлось своеобразной формой общения князя со «своими людьми» (массой соплеменников), что, помимо прочего, имело и сакральное значение. Весьма примечательно свидетельство Константина Багрянородного о том, что у росов «полюдия» именуется «кружениями».⁷³⁴ Термин «кружения» позволяет нам войти в сферу сравнительно-исторических параллелей и поставить исследование восточнославянского полюдья на более прочную основу.

«Кружения», «хождения по кругу» являлись в древности общественной обязанностью вождей.⁷³⁵ Эти «кружения» и «хождения по кругу», будучи объездом «своей» территории, «засвидетельствованы в самых разных традициях, отдаленных друг от друга во времени и пространстве. Несмотря на различие эпох и мест, в которых выявлен этот обычай, в многочисленных его свидетельствах вскрываются общие архаические черты, прослеживаются пути его эволюции, связанные с эволюцией общества».⁷³⁶ Такого рода объезды вождями управляемой ими территории возникают в первобытном обществе и потом долго сохраняются в общественной жизни, видоизменяясь по ходу времени. Они обнаружены в жизни «многих народов Африки, у монгольских кочевников, в Микронезии, на Гавайях, на Таити, в Полинезии».⁷³⁷

Богата ими также история Европы раннего средневековья. Многочисленные тому примеры исследователи находят в прошлом Германии, Франции, Нидерландов, Испании, Португалии, Англии, Ирландии, Шотландии,

⁷³² И в одном и в другом были заинтересованы широкие круги соплеменников вождя, поскольку жертвоприношения и ритуальные пиры имели важное общеплеменное значение.

⁷³³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.16-17.

⁷³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С.51.

⁷³⁵ См.: Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С.22.

⁷³⁶ Там же.

⁷³⁷ Там же. С.169.

Швеции, Дании, Норвегии, Польши, Сербии, Болгарии, Венгрии и др.⁷³⁸ К обычаю подобных «кружений»-объездов «восходят практиковавшиеся еще в XVIII–XIX вв. "путешествия" (раз или два в году) по своим владениям правителей Абхазии, Имеретии, во время которых они посещали подданных, пользовались их гостеприимством и получали от них подарки».⁷³⁹ Сходные порядки «наблюдались еще в середине XX в. в складывавшихся ("сегментичных") государствах у нилотских народов ачولي и алур на крайнем севере области Великих африканских озер». Так, «у алур князь обходил подвластные ему общины для прекращения в них беспорядков, для вызывания дождя или просто для поддержания своего престижа. В любом случае клан, во владениях которого останавливался князь, предоставлял большую часть продовольствия ему и свите. В первый день глава клана резал быка или козла, снабжал пришельцев растительной и мясной пищей и в последующие дни...».⁷⁴⁰

К разряду названных «кружений» исследователи относят и полюдье в «ранней Киевской Руси».⁷⁴¹ Надо полагать, что оно, как и в других странах, наряду с гостеприимством, угощением и содержанием, соединенными с жертвоприношениями богам и духам, «имело и религиозное (ритуально магическое) значение, состоявшее в том, что священный царь, обходя свои владения, уже своим присутствием, а также жертвоприношениями, различными магическими действиями и молитвами богам (духам, богу, христианским святым в условиях религиозного синкретизма) сообщал плодородие земле, скоту и людям, вносил гармонию в общественное мироздание».⁷⁴² Объезды можно также «интерпретиро-

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Там же.

⁷⁴⁰ Кобищанов Ю. М. Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовому / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С.145.

⁷⁴¹ См.: Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы... С.169; Кобищанов Ю. М. 1) Священные цари. С.199; 2) Полюдье и его трансформация... С.146.

⁷⁴² Кобищанов Ю. М. Полюдье и его трансформация. С.140-

вать как "отделение от внешнего мира" определенной территории, создание вокруг нее "барьера" от "злых сил". Да и сама «территория страны благодаря границе, которую проводил по ней царь, приобретала сакральную характер». ⁷⁴³ К этому надо добавить, что вера древних людей в «сакральную природу вождя, обладавшего "удачей" или "счастьем", к которому население систематически приобщалось, была одним из условий, благоприятствовавших развитию системы кормлений и периодических разъездов государя по странам для их сборов». ⁷⁴⁴

Помимо ритуально-магического содержания в «кружениях» (объездах) выявляется и социальный аспект, проявляющийся «прежде всего в восприятии "объезда" как способа приобретения территории (владения), подтверждение прав на нее» со стороны вождя. ⁷⁴⁵ Речь, разумеется, идет не о праве собственности на землю, а о праве властвования над определенной территорией и ее населением.

В «кружениях-полюдиях» исследователи выделяют экономическое содержание, заключающееся в продолжительном, относительно регулярном, регламентированном обычае «изъятии прибавочного продукта у организованных в общины мелких производителей при личном участии глав ранних государств». ⁷⁴⁶

141. В другой своей работе Ю. М. Кобищанов пишет: «Сакральный смысл полюдья заключается в том, что священный царь (или вождь-жрец), обходя со свитой и жрецами подвластные ему земли, укрепляет свою силу в святилищах и вместе с тем "передает" землям плодородие». — Кобищанов Ю. М. Священные цари. С.199. См. также: История первобытного общества. Эпоха классового образования/ Отв.ред. Ю. В. Бромлей. М., 1988. С.424.

⁷⁴³ Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы... С.22.

⁷⁴⁴ Там же. С.170.

⁷⁴⁵ Там же.

⁷⁴⁶ Кобищанов Ю. М. Полюдь и его трансформация... С.136. Необходимо подчеркнуть, что это «изъятие» базировалось не на принуждении, а на взаимном согласии сторон, нуждающихся друг в друге. Мы не можем поддержать Ю. М. Кобищанова, когда он говорит, что полюдь являлось отчуждением прибавочного продукта на месте его производства «в виде дани» (Там же.) Не беремся судить об иных народах, но у восточных славян полюдь представ-

Наконец, следует сказать о символическом значении института полюдьа, причем многообразном: «от архаической символики кругового движения и аналогии с видимым движением небесных светил вокруг земного пространства (поскольку священный царь уподоблялся небесным светилам) до знака признания царя олицетворением социума (этносоциального организма, этнополитической общности)». ⁷⁴⁷ В частности, круговое движение полюдьа, «объезд» территории правителем происходили по солнцу, были связаны с курсом солнца (с востока на запад). ⁷⁴⁸

Таким образом, в наиболее полном, развитом виде полюдье являло собой «центральный момент функционирования зарождающейся государственности, в котором сочетаются экономические, социальные, политические, судебные, коммуникативные, символические и религиозные функции царей». ⁷⁴⁹ По-видимому, эти достаточно многообразные функции царей (вождей) возникли не сразу. Исторически одни из них предшествовали другим. К числу первоначальных надо отнести, по нашему мнению, коммуникативные, символические и религиозные функции, которые со временем дополнялись функциями социальными, экономическими, политическими и пр.

Самое раннее известие, относимое исследователями к восточнославянскому полюдью и характеризующее его в плане коммуникативном и религиозно-символическом, встречается в сочинении арабского энциклопедиста Ибн Русте, написанном в начале X в. ⁷⁵⁰ Ученый араб рассказывает, как славянский царь ежегодно объезжает своих людей. «И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также

являло собой «отчуждение прибавочного продукта» в виде добровольных приношений, даров «людей» своему властителю-князю, а не дани, которая изымалась, как не раз отмечалось нами, силой у покоренный оружием соседних племен и народов.

⁷⁴⁷ Там же. С.140.

⁷⁴⁸ Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы... С.170; Кобищанов Ю. М. Полюдье и его трансформация... С.140.

⁷⁴⁹ Кобищанов Ю. М. Полюдье и его трансформация... С.136.

⁷⁵⁰ Новосельцев А. П. Арабские источники... С.24.

берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, то дает по одному из платьев жены или рабыни в год». ⁷⁵¹

Б. А. Рыбаков вслед за Ф. Вестбергом, В. Ф. Минорским и Т. Левицким связал это известие Ибн Русте с вятичами ⁷⁵² и принял его за указание на эксплуатацию царем местного населения в форме дани, или полюдья. ⁷⁵³ Отождествление дани с полюдьем не приближает к решению проблемы, но только запутывает ее, ведя историка ложным путем. Не лучше обстоят дела и с тезисом об эксплуатации вятичей. Но Б. А. Рыбаков на этом не останавливается и продолжает привносить домыслы в рассказ восточного автора. Он пишет: «В описаниях полюдья у вятичей некоторые недоумения вызывает то, что "царь" взимает дань "платьями". Б. Н. Заходер пояснил, что соответствующее слово могло обозначать вообще "подарок", "подношение", но в данном случае едва ли его можно толковать так расширительно: подарок должен был бы идти от самого подданного, от главы семьи, а здесь дань перечислена по нисходящим ступеням: платье дочери; платье сына; платье жены; платье рабыни. ... можно думать, что дань платьями подразумевала или реальную меховую одежду, что мало вероятно, или же некоторое количество выделанного меха, потребное для изготовления какого-то условного вида одежды». А дальше следуют уже простые цифровые прикидки «Бе-

⁷⁵¹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и руси VI-IX вв. // Новосельцев А. П. [и др.]. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.389.

⁷⁵² Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.277-278. К вятичам относят свидетельство Ибн Русте и другие исследователи (см., напр.: Кобищанов Ю.М. Полюдь и его трансформация... С.146; Горский А. А. Древнерусская дружина. С.34). А. П. Новосельцев не согласен с такой племенной привязкой (Новосельцев А. П. 1) Арабские источники... С.24; 2) Восточные источники... С.393-394). Для нас неважно, к какому восточнославянскому племени относится известие Ибн Русте. Намного существеннее то, что он ведет речь о союзе родственных племен. — См. Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С.277; Горский А. А. Древнерусская дружина. С.34.

⁷⁵³ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С.29-30; 2) Новая концепция предистории Киевской Руси // История СССР. 1981, № 2. С.52; 3) Киевская Русь. С.278.

личья шкурка равна по площади 200-400 кв. см.; на изготовление одежды из беличьего меха требуется около 3 кв. м меха, что в среднем соответствует примерно 100 беличьим шкуркам. Это количество резко расходится с тем, что сообщает летопись о взимании дани пушной: одна шкурка с одного "дыма" — двора. "Одежда", упоминаемая Ибн Русте (если она меховая), такова, что требует сбора белок с целой сотни "дымов"».

Отсюда Б. А. Рыбаков делает далеко идущий вывод: «Царь во время своего полюдья имел дело не с каждым крестьянским дымом в отдельности, а со старостами "сотен", главами родовых или соседских общин, плативших дань в 100 вевериц или кун за все "сто". В пользу того, что князь князей брал дань не с простых общинников непосредственно, говорит и упоминание о рабыне. Тот подданный, с которого полагается "платье", владеет рабыней (или вообще челядью) и, конечно, стоит на один разряд выше, чем обычный крестьянин».⁷⁵⁴

Читая без предвзятости Ибн Русте, нетрудно заметить, что Б. А. Рыбаков увлекся рискованными догадками, которые никак не следуют из слов нашего информатора. Если же строго придерживаться этих слов, то надо говорить не о надуманных "старостах сотен" или "главах соседских общин", а о главах семейных коллективов, которые постепенно вызревали внутри родов.⁷⁵⁵ Не составляет труда также понять, что славянский царь, объезжая свои владения, брал не дань и даже не полюдье как специальный сбор, предназначенный для его содержания, а конкретное, определенное обычаем подношение (в нашем примере — платье), но отнюдь не веверицы и куны, как безосновательно заявляет ученый. Похоже, перед нами ритуальный дар, а сам объезд подвластных царю людей — акт общения правителя с "подданными", скрепляемый особым даром — платьем, т. е. одеждой, которая в религиозных верованиях и магии

⁷⁵⁴Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С.278.

⁷⁵⁵См.: Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян в свете археологических данных// Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. А. П. Новосельцев называет в данной связи большую родственную семью, сохранявшуюся у славян VIII-XI вв. — Новосельцев А. П. Восточные источники... С.395.

язычников занимала заметное место.⁷⁵⁶ Смысл и объезд и подношений состоял, вероятно, в поддержании и обновлении симпатической связи, существовавшей, согласно верованиям древних, между божественным правителем и его людьми. Важное значение в этом отводилось одежде, получаемой царем из рук глав семейных коллективов. По представлениям язычников, в «вещи, принадлежит ли она одному человеку или группе людей, заключена какая-то частица их самих».⁷⁵⁷ Вещь не считалась инертной или мертвой, ибо являлась частично воплощением того, кто подарил ее.⁷⁵⁸ Тем более это относится к одежде дарителя — вещи, теснейшим образом связанной с ним.⁷⁵⁹

Итак, выявляется религиозно-коммуникативное зна-

⁷⁵⁶Замечательно, что статья 13 Краткой Правды среди похищенных предметов выделяет одежду («порт»), причем в одном ряду с конем и оружием, игравшими в языческих верованиях восточных славян важную роль. Об особом значении одежды в сознании язычников свидетельствует факт выставления в киевских церквях «портов» первых русских князей. — ПСРЛ. М., 1962. Т.1. Стб.418.

⁷⁵⁷Гуревич А. Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества)// Средние века. М., 1968. Вып.31. С.184.

⁷⁵⁸Там же. С.186. См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. С.258.

⁷⁵⁹Одежда, по убеждению древних людей, настолько была связана с ее владельцем, что, например «одевание священного царя убивает тех, кто им пользуется». Одно прикосновение мужчины к женской одежде казалось пагубным. Оно ослабляло мужчину настолько, что он не мог иметь успеха «ни на охоте, ни в рыбной ловле, ни на войне» (Фразер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С.237). Согласно древним верованиям, от одежды людей исходила магическая сила, которую старались улавливать. Примечательно, что «одежда связывалась с символикой узла», а сам узел означал единение Неба и Земли, различных микро- и макромиров (Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С.245, 246, 334). Заслуживает внимания и тот факт, что слово «узел» было связано со значением «жертва» (там же. С.351, 352). Поэтому взимание одежды можно рассматривать как жертвенный дар.

чение запечатленного Ибн Русте восточнославянского полюдья, характеризующее его с архаической стороны. Полагаем, что перед нами самая древняя и первоначальная функция полюдья.

Кроме рассмотренного известия Ибн Русте, мы не находим в восточных источниках других упоминаний о полюдь у восточных славян.⁷⁶⁰ И только Константин Багрянородный дает новое описание полюдья, но уже середины X в.

Сведения, сообщаемые византийским императором, имеют несомненную ценность для историка, хотя пользоваться ими следует весьма осторожно. В этих сведениях, на наш взгляд, смешаны два древних сбора, различные по сути, — полюдь и дань. Трудно сказать, кто тут повинен: Константин или его информатор. Но, узнав о хождении русов за данью и в полюдь, кто-то из них не сумел различить два разнородных явления и слил их воедино, посеяв у позднейших историков иллюзию тождества полюдья и дани, от чего они, к сожалению, не избавились до сих пор.

Особый интерес представляет свидетельство Багрянородного о полюдь как «кружении», что указывает на его ритуально-символическую постановку.⁷⁶¹ Здесь

⁷⁶⁰ Б. А. Рыбаков и А. П. Новосельцев связывают с восточнославянским полюдем еще два свидетельства восточных авторов о русах (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С.329; Новосельцев А. П. Арабские источники. . . С.25). Первое из них принадлежит Ибн Русте, а второе — Гардизи: «Они [русы] не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян»; «всегда 100-200 из них [русов] ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся». Эти свидетельства, как нам представляется, не имеют отношения к полюдь — добровольным приношениям, собираемым восточнославянскими князьями в «своих» племенных союзах. Они должны привлекаться при изучении данных отношений среди восточного славянства. — См. с.362-363 настоящей книги.

⁷⁶¹ Это «кружение» (объезд) могло осуществляться вдоль пограничья с «чужими» землями, или территорией соседних этнополитических образований. В. Д. Назаров усматривает здесь реализацию «нерасчлененной» идеи о «суверенитете и собственности на землю главы раннеклассового образования». Вот почему, согласно В. Д. Назарову, символичен «не просто факт объезда подвласт-

открывается один из архаических элементов, роднящий полюдь X в. с полюдьем IX столетия, запечатленным Ибн Русте. Однако в полюдьи времен Игоря, Ольги и Святослава центр тяжести сместился отчасти с религиозных, ритуальных и магических функций на функции экономические и социальные. И тут важно отметить, что материальное обеспечение князя и его окружения все более явственно проглядывает в полюдье. Поэтому не случаен рассказ Константина Багрянородного о зимнем кормлении архонтов и русов. Показательно, что это кормление реализуется не в форме централизованного сбора продуктов с последующей доставкой их потребителям, как это было с даями и «повозами», а посредством объезда («кружения») подвластного населения и непосредственного общения с ним, в ходе которого, конечно, происходили ритуальные встречи, пиры и всякого рода языческие действия.⁷⁶² Стало быть, полюдьем

ной ему территории, но объезда по периметру границ или близкому маршруту... Этому соответствует известный по источникам более позднего времени обряд установления границ путем обхода с выполнением определенного ритуала при земельных конфликтах. Следует предполагать, что импульс к развитию представлений о суверенных и собственнических правах давали усложнение и обоснование функций полюдья наряду с усложнением структуры корпорации лиц, обеспечивающих полюдьем свое существование (не говоря о религиозном факторе)» (Назаров В. Д. Полюдь и система кормлений... С.164). Нам представляется, что в данном случае именно «религиозный фактор» должен быть поставлен на первый план, а не собственнические интересы «главы раннеклассового образования». Объезд сакральным правителем подвластной ему территории «по периметру границ или близкому маршруту» означал периодически возобновляемое табуирование (или освящение — см.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С.262) земли, призванное обеспечить живущим на ней людям защиту от внешних враждебных сил и благоденствие. — См.: Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы... С.22; Кобищанов Ю. М. Полюдь... С.247, 248, 250.

⁷⁶² Важное значение имели ритуальные пиры, где происходило «причащение» едой и хмельными напитками, совершались жертвоприношения, связанные с отправлением религиозного культа. — См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995 С.66; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С.126, 127.

кормление было еще плотно окутано язычеством. И нет никаких причин видеть в нем феодальную ренту, пусть даже и примитивную. Между тем, в современной историографии бытует мнение о феодальном характере полюдья.⁷⁶³

Специальное обоснование рентной сути полюдья сравнительно недавно предпринял Ю. М. Кобищанов. Отмечая определенную неясность «всемирно-исторической» роли полюдья, Ю. М. Кобищанов вместе с тем находит достаточно оснований заключить о важном значении «этого института в процессе генезиса феодализма».⁷⁶⁴ В «полюдье-дани» он обнаруживает одну «из наиболее примитивных форм феодальной ренты», а также «образ ренты-налога».⁷⁶⁵ Систему изъятия прибавочного продукта посредством полюдья ученый считает раннефеодальной.⁷⁶⁶ В ключе этих положений Ю. М. Кобищанов и толкует древнерусское полюдье X в.: «В Киевской Руси варяжская династия в лице Игоря и его вассала Свенельда значительно увеличила тяжесть ренты во время полюдий к древлянам и уличам».⁷⁶⁷

Построения Ю. М. Кобищанова страдают, как уже нами отмечалось, такими существенными недостатками, как смешение дани и полюдья, неразличение внешних и внутренних сборов, т. е. сборов с «чужого» и «своего» населения,⁷⁶⁸ отсутствие динамического подхода в изучении полюдья. В результате он постулирует, а не доказывает свои положения.

Сохранение древнерусским полюдьем X в. религиозного (ритуально-магического) значения, связанного с обожествлением правителя,⁷⁶⁹ делало этот институт нерасторжимым с сакральной личностью князя. Чтобы

⁷⁶³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С.162, 164, 167-168.

⁷⁶⁴ Кобищанов Ю. М. Полюдье и его трансформация... С.151.

⁷⁶⁵ Там же. С.136.

⁷⁶⁶ Там же.

⁷⁶⁷ Там же. С.145.

⁷⁶⁸ Отсюда у него рассуждения о полюдьях у древлян и уличей, которые, согласно летописи, давали дань, а не полюдье.

⁷⁶⁹ См.: Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца XII - начала XIII столетия. Спб., 1992. С.122-123.

полюдье состоялось, необходимо было непосредственное участие в нем князя. Лица не княжеского достоинства не могли в данном случае служить заменой. Нельзя было князю передать кому-нибудь другому право на полюдье.⁷⁷⁰ В этом — еще одна коренная особенность полюдья по сравнению с данью, которой киевские князья X в. порою жаловали наиболее влиятельных мужей из своего дружинного окружения.⁷⁷¹ Отчисления от дани в форме десятины получала, как известно, и юная русская церковь.⁷⁷² С полюдьем было, по-видимому, сложнее.

В одной из ранних своих работ Я. Н. Шапов по поводу полюдья писал: «Система сбора этого вида дани, вероятно, отличалась от других видов и не позволяла делить его с церковью».⁷⁷³ Историк тонко подметил невозможность наделения церкви полюдьем. Зря только он отнес полюдье к одному из «видов дани» и объяснил «системой сбора» отсутствие возможности его раздела с церковью. Древнее полюдье, как мы знаем, нельзя причи-

⁷⁷⁰Ср.: Новосельцев А. П. Арабские источники... С.24. Красно-речивы в этом отношении некоторые детали, содержащиеся в документе более позднего времени — жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю. Князья пожаловали обители волость Буйцы «с данью, и с вирами, и с продажами» (ГВНП. С.140, № 81). Чернецам, следовательно, было предоставлено право сбора названных волостных доходов (см.: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С.68, 85; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С.78-79). Но когда речь заходит о полюдье, Мстислав говорит: «А яз дал рукою своею и осеннее полюдие даровьное, польтретьядесяте гривьн святому же Георгиеви». Как явствует из источника, монастырь сам собирает волостные доходы в виде дани, виры и продаж, тогда как полюдье получает непосредственно от самого князя («дал рукою своею»). В этом мы слышим отзвук древней традиции неразрывной связи князя с полюдьем.

⁷⁷¹См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С.85-87.

⁷⁷²См.: Шапов Я. Н. 1) Церковь в системе государственной власти... С.302, 303-307; 2) Государство и церковь Древней Руси... С.77-79.

⁷⁷³Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти... С.280.

слять к данничеству. Что касается «системы сбора» полюдья, то она являлась производной от характера данного платежа, неразрывно связанного с князем и требующего от последнего ритуального «объезда» подвластной ему земли, а также прямого, исполненного языческой обрядности его общения с живущим на ней населением. Возникает естественный вопрос, не языческая ли суть полюдья отвращала от него церковь? А за ним напрашивается другой: не потому ли материальное обеспечение только что учрежденной на Руси церковной организации не включало поступления от полюдья? Мы склоняемся к утвердительному ответу на поставленные вопросы.

Впоследствии Я. Н. Шапов стал иначе рассуждать об обеспечении церкви десятиной от полюдья: «Платил ли князь десятину также от такой части своего приходного бюджета, как полюдье, собиравшееся ежегодно осенью и зимой путем объезда князем и его дружиной территорий восточнославянских княжеств, вошедших в состав государства Руси? В приведенных выше свидетельствах о десятине X—XIII вв.⁷⁷⁴ слово "полюдье" не упоминается. Смоленская уставная грамота 1136 г. вначале исключает полюдье из числа поступлений, от которых платится десятина. Однако само ограничение ("кроме полюдья") говорит, скорее, о новом изменении старого порядка в 30-х годах XII в., а не о подтверждении старого. К тому же от полюдья, которое собирается в Копысе и Лучине, на пограничных землях Смоленского княжества, десятина все же отчисляется и по грамоте 1136 г., т. е. новоизменение не охватило тех территорий, которые обладали особым статусом. Конечно, полюдье в Смоленской земле XII в. — это уже не то, что было известно о сборах во времена Игоря и Константина Багрянородного, когда оно "как первичная форма получения ренты уже доживало последние годы". Однако нет осно-

⁷⁷⁴ Историк приводит свидетельства о церковной десятине, содержащиеся в Повести временных лет, Новгородской Первой летописи, сокращенном виде Пролога, Памяти и похвале князю Владимиру Иакова Мниха, Уставе князя Владимира, Житии князя Владимира и др. — Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси... С. 76-77.

ваний считать, что князь Владимир, щедро обеспечивая церковную организацию из государственного бюджета, мог исключить такой важный и постоянный источник, как полюдье. Скорее, под "данями", поступлениями от "всей земли Руской, княжения от всего", нужно понимать все виды таких сборов, собираемые разными способами». ⁷⁷⁵

В рассуждениях Я. Н. Шапова заключены некоторые существенные изъяны. Трудно уразуметь, как совместить тезис о полюдье, доживающем во времена Игоря и Константина Багрянородного «последние годы», с утверждением, согласно которому полюдье еще при внуке Игоря князе Владимире являлось важным и постоянным источником «государственного бюджета». Неясно ли, что отживающая свой век доходная статья не может служить важным и постоянным средством пополнения княжеской казны. Тут надо выбирать что-то одно. Далее, мало сказать, что полюдье в Смоленской земле XII в. было уже не таким, как во времена Игоря и императора Константина. Необходимо более определенно показать, каким оно стало в XII в. по сравнению с X в. Автор должен был это сделать, поскольку его исследование начинается с X столетия. Однако он ограничился общей фразой, верной с точки зрения методической, но бессодержательной в конкретно-историческом плане. Непонятно, наконец, почему ограничение «кроме полюдья» Смоленской уставной грамоты 1136 г. «говорит, скорее, о новом изменении старого порядка в 30-х годах XII в., а не о подтверждении старого». С равным основанием можно предположить, что это ограничение констатирует давний порядок, который сперва действовал в полной мере, а потом постепенно стал нарушаться. Ценность уставной и жалованной грамоты князя Ростислава Смоленской епископии как раз и состоит в том, что она засвидетельствовала как одно, так и другое: старую практику в ограничительной фразе «кроме полюдья», и нарушение этой практики в отчислении десятины от полюдья, собираемого в Копысе и Лучине.

Итак, мы приходим к выводу о том, что на протяжении десятилетий после введения христианства на Руси

⁷⁷⁵ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси... С.78-79

материальное обеспечение церкви не включало десятину от полюдья. И лишь со временем (не ранее, по всему вероятию, начала XII в.) «полюдные» сборы начинают выделяться на ее содержание и отчисляться также монастырям.

Недостаточно, разумеется, констатировать факт. Надо дать ему объяснение, ибо в этом и есть основная задача историка.

Полюдь X в. еще насквозь пропитано язычеством, будучи в сущности языческим институтом. Оно во многом сохраняло тогда религиозное (ритуально-магическое) значение, несовместимое с христианской верой. Именно поэтому полюдь оказалось в стороне от организации материального обеспечения, учрежденной Владимиром русской церкви. Но шло время. Рушились устои родоплеменного строя. Формировалось новое древнерусское общество, базировавшееся на территориальных связях. Значительную эволюцию претерпела княжеская власть. Сакральный образ князя хотя и не исчез, но заметно поблек. Набирающее силу христианство несколько потеснило языческие обычаи и нравы. Все это не могло не повлиять на полюдь. Оно теряло архаическое религиозное содержание за счет расширения экономических, социальных, политических и тому подобных начал, относящихся не столько к сфере сверхчувственного, сколько к прозе реальных земных дел. Оставаясь средством общения князя с населением, а также способом властвования, полюдь вместе с тем превращалось в княжеский сбор, приближающийся к налогу. Вот такое измененное временем полюдь и было включено в систему княжеского финансирования церкви, что произошло, как мы уже отмечали, не ранее начала XII в.

Таким образом, древнерусское полюдь находилось не в статике, а в динамике, изменяясь на протяжении веков своего существования. Возникло оно с появлением постоянной должности князя, т. е. в эпоху подъема родоплеменного строя. Первоначально полюдь выполняло преимущественно религиозную функцию, обусловленную сакральной ролью вождя в восточнославянском обществе. Мало-помалу оно приобретало значение специальной платы князю за труд по управлению обществом, обеспечению внутреннего и внешнего мира. Постепенно

в нем появились и крепи экономические, социальные и политические функции. Но все эти новые тенденции длительное время развивались под языческой религиозной оболочкой, принимая часто ритуально-обрядовую форму. В таком состоянии мы и застаем восточнославянское полюдьё X в. И только позднее, где-то на рубеже XI-XII вв. «полюдный» сбор освобождается от языческого религиозного покрова, становясь неким подобием налога. И тем не менее какие-то элементы старого в нем, вероятно, продолжали жить.

Важно подчеркнуть, что во все времена основой полюдья являлись дары, или добровольные приношения. Полюдье возникло и развивалось вне рентных отношений, не имея никакой связи с феодальной эксплуатацией производителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведенный в нашей книге анализ сведений, относящихся к истории рабства и данничества у восточных славян VI–X вв., побуждает высказать ряд общих соображений, касающихся функциональных особенностей названных институтов. Важно при этом определить принцип подхода к осмыслению соответствующих исторических материалов. И здесь существенную услугу оказывает нам известный этнолог Люсьен Леви-Брюль, который замечал, что «знание пра-логического и мистического мышления», свойственного древнейшим людям, может «служить не только изучению низших обществ. Высшие типы мышления происходят от низшего типа. Они должны еще воспроизводить в более или менее уловимой форме часть черт низшего мышления. Для того, чтобы понять высшие типы, необходимо обратиться к относительно первобытному типу. В этом случае открывается широкое поле для положительных изысканий относительно психических функций в разных обществах...».¹ При таком подходе исследователь получает возможность судить о явлениях позднеродового периода и даже эпохи классогенеза, опираясь на результаты исследования предшествующих стадий общественной эволюции.² Что же следует сказать в этом плане

¹Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С.348.

²Первобытный стиль мышления, мотивации поведения первобытных людей обнаруживаются даже у современного человека. По наблюдениям Л. Леви-Брюля, «в нашем обществе не исчезли представления и ассоциации представлений, подчиненные закону сопричастности. Они сохраняются, более или менее независимые, более или менее ущербные, но неискоренимые, бок о бок с теми представлениями, которые подчиняются логическим законам. Разумение в собственном

о рабстве, данничестве, а также о первобытных войнах, порождающих и первое и второе? Начнем с последних.

Свои представления о войнах в первобытном мире советские историки обычно выводили из высказываний Ф. Энгельса, содержащихся в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Характеризуя «военную демократию» как высшую стадию развития варварского общества, Ф. Энгельс писал: «Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, становится постоянным промыслом». ³ По Ф. Энгельсу, это было уже вырождением «древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ». ⁴

Отсюда у наших ученых сложилось мнение, что война в качестве эпизодических столкновений «возникает уже на ранних ступенях общественного развития, но как мас-

смысле стремится к логическому единству, оно провозглашает необходимость такого единства. В действительности, однако, наша умственная деятельность одновременно и рациональна и иррациональна. пра-логический и мистический элементы сосуществуют с логическими» (Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении* С.371). Примечательны в данной связи и слова К. Леви-Строса: «Все цивилизации, считающиеся (справедливо или ошибочно) высокоразвитыми — христианство, ислам, буддизм и, в несколько ином плане, цивилизация технического прогресса, ныне сближающая их, — по мере своего распространения вбирали в себя элементы "первобытного" образа жизни, "примитивного" мышления, "примитивного" поведения, которые всегда были объектом антропологических исследований. Не заметно для нас такие "примитивные" элементы видоизменяют эти цивилизации изнутри» (Леви-Строс К. *Первобытное мышление*. М 1994. С.31). Тем больше оснований для сближения явлений, относящихся к различным этапам развития архаических обществ.

³Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.164.

⁴Там же. С.108.

совая организованная форма (собственно война) получает распространение только в эпоху классового образования в антагонистических классовых обществах...».⁵ С распадом родовых отношений менялись военные цели: «Закат первобытнообщинного строя был закатом и первобытных войн. С переходом к классовому обществу появились неизвестные ранее мотивы для вооруженной борьбы (жажда захвата рабов, получения дани, грабеж скота, урожая и другого имущества)».⁶ Следовательно, к войнам, особенно в высшей фазе первобытности, побуждал прежде всего материальный интерес. Однако некоторые новейшие исследователи предостерегают от однозначных решений на сей счет: «Представление, по которому главным стимулом развития войн является захват материальных ценностей, кажется несколько упрощенным».⁷ По их мнению, «причины войн в первобытном обществе могли быть экономическими, религиозными или моральными — борьба за спорную территорию, стремление к захвату женщин, потребность в человеческих жертвоприношениях, трофейных головах и скальпах, каннибализм, месть и в меньшей мере желание овладеть имуществом, которое у первобытных собирателей, охотников и рыболовов, не представляло большой ценности».⁸

Едва ли следует сомневаться в том, что перечисленные причины возникали не сразу и одновременно, а в процессе длительной социальной эволюции, перехода этнических общностей из одного состояния в другое. Однако существовала, на наш взгляд, основная, фундаментальная причина войн, действовавшая на протяжении всей первобытной истории в прямом или опосредованном (и потому затемненном) варианте. Она лежала в сфере восприятия древних людей внешнего мира,

⁵Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С.36.

⁶Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982. С.76. См. также: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. С.37.

⁷История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины/ Отв.ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986. С.405.

⁸Лавров Л. И. Этнография Кавказа. С.71-72.

всегда опасного и враждебного, грозящего гибелью и, стало быть, вызывающего потребность нейтрализации. С этой точки зрения война есть порождение отнюдь не извечной "человеческой агрессивности", а тотального страха перед тем, что находилось за пределами "своего" родового или племенного круга.⁹ Она являлась способом самосохранения архаических обществ и своеобразной формой освоения первобытными людьми внешнего мира. Отсюда неизбежность войн в древности, их, так сказать, "естественный" характер.

Пресечение опасности, идущей извне, достигалось с помощью магико-религиозных действий. Вот почему они органически включались в военные дела. «Подготовка, проведение и окончание войн у первобытных племен сопровождалось магическими действиями и соблюдениями разных запретов: гаданием, толкованием снов и различных примет, колдовством, жертвоприношениями, воздержанием от некоторых поступков и пр. Магические песни и танцы служили одновременно и для самоэкзальтации воинов перед сражением. Воины шли в бой часто в праздничных, а также устрашающих на-

⁹ Не случайно «в самой глубокой древности господствующим актом поведения по отношению к чуждым, к "ним"... было отселение подальше от них. Формирование этнической, языковой, культурной общности и резкой границы начиналось в той мере, в какой нельзя было просто уйти, отселиться. Археологам видно, что чем дальше в глубь прошлого, тем грандиознее масштабы расселений. Люди, гонимые чем-то, не только переходили громадные расстояния, они плыли на бревнах по течению великих рек, мало того, отдавались неведомым течениям в морях и океанах, где многие гибли, иных же прибывало к берегам. Да и сам факт распространения вида "человек разумный" (*Homo sapiens*) на всех четырех пригодных к жизни континентах, на архипелагах и изолированных островах в течение каких-нибудь 10-15 тысяч лет говорит не столько о плодовитости этого вида, сколько о действии какой-то внутренней пружины разбрасывающей людей по лицу планеты. Этой пружинной, несомненно, было взаимное отталкивание. Взаимное этническое и культурное притяжение и сплачивание было значительно более высокой ступенью противопоставления себя "им"» (Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С.96-97). Таким образом, взаимный страх людских коллективов друг перед другом был изначальным, составившим краеугольный камень социальной психологии древних обществ.

рядах или раскрашенными».¹⁰ Устрашение противника и духов, ему помогающих, есть по сути преобразованный страх атакующих воинов. Если оно не срабатывало, испуг в свою очередь овладевал устрашителями. По свидетельству Маврикия, склавины и анты, когда им приходилось «отважиться при случае на сражение», «с криком все вместе продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса...».¹¹

Эта воинская психология оказалась чрезвычайно живучей. Ее отзвуки слышны много позже. Московское войско, как явствует из рассказов иностранцев, вступая в бой, «двигалось нестройною, широко растянутою толпой, сохраняя только деление по полкам. При наступлении, музыканты, которых всегда в нем было множество, все вдруг начинали играть на своих трубах и сурнах, поднимая странный, дикий шум, невыносимый для не-

¹⁰Лавров Л. И. Этнография Кавказа. С.75. По наблюдениям Б. Н. Путилова, у папуасов Новой Гвинеи «военные столкновения между отдельными племенами или локальными группами ради грабежа, увода женщин, кровной мести т. д. составляли в прошлом органическую и заметную часть социальной жизни всего новогвинейского быта. Как и все другие виды социальной, хозяйственной, домашней деятельности папуасов, война — на всех ее этапах и со всеми сопутствующими ей обстоятельствами — регламентировалась выработанными и закрепленными традицией правилами, нормами, обычаями и несла на себе ярко выраженный ритуальный отпечаток. С моментами ритуализации мы встречаемся при подготовке и начале войны, выступлении в поход, победном возвращении или заключении мира, оплакивании погибших, но также и в обстановке непосредственных боевых столкновений, в самых напряженных ситуациях борьбы. Именно ритуальная сторона войны способствовала ее органическому включению в единый контекст социальной жизни, устанавливала ее связь с другими слагаемыми, придавала ей дополнительные значения» (Путилов Б. Н. Миф-обряд-песня Новой Гвинеи. М., 1980. С.198). Религиозная обрядность сопровождала войны и индейцев Северной Америки (см.: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С.309). Можно с уверенностью утверждать, что все это было общим правилом для всех древних народов.

¹¹Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. (I-VI вв.). М., 1994. С.371.

привычного уха. К этому присоединялся при самой атаке оглушительный крик, который поднимало все войско разом... Первый натиск старались произвести как можно стремительнее и сильнее, но не выдерживали долгой схватки, как будто говоря врагам, по замечанию Герберштейна: "бегите, или мы побежим"¹². Тут нет ничего специфически русского. Все юные народы прибегали к

¹²Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916. С.96. «Дикий шум», издаваемый трубами и сурнами московитов, «оглушительный крик», поднимаемый их войском, — традиционные приемы залугивания неприятеля, восходящие к глубокой древности. Из летописи узнаем, как во время осады Киева печенгами в 968 г. русские воины, возглавляемые Претичем, «вострубиша вельми», а киевляне «въ граде кликнуша». В результате степняки «побегоша разнo от града» (ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч.1. С.48). В летописной статье, повествующей о единоборстве молодого русича Кожемяки с «печенезином», говорится, что после его победы («удави печенезина в руку до смерти») русские воины «кликнуша, и печенези побегоша, и Русь погнаша по них секуще» (Там же. С.84-85). Лев Диакон сообщает о том, как однажды тавроскифы-русы, бросившись в атаку на ромеев, рычали «наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы» (Диакон Л. История. М., 1988. С.70). В Слове о полку Игореве, пронизанном языческой символикой, раздаются не раз клики воинов: «Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбри русици преградиша чрълеными шиты» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т.1. С.10); «ті бо бес шитов, с засапожники, кликомъ плъкы побеждають, звонячи въ прадеднюю славу» (Там же. С.12); «и Двина болотомъ течеть оным грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ» (Там же. С.13). Как видим, кликом можно «поля перегородить» и «полки победить». Примечательно, что автор Слова связывает клики с язычниками («дети бесови», «поганые»). Любопытно и соединение кликов с «прадедней славой». Если допустить, что клик здесь мог означать *обращение, взывание* (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1967. Вып.2. С.186), то следует признать, что клик в данном случае есть обращение к духам предков, к их покровительству. Привлекают внимание и «засапожники» — короткие ножи, которые клали за голенище сапога (Там же. С.108). А. В. Арциховский предполагал, что подобным ножом (кинжалом?) князь Мстислав зарезал Редедю перед полками касожскими (История культуры Древней Руси: Домонгольский период. Т.1. Материальная культура. М.; Л., 1948. С.429). Но убийство Мстиславом предводителя касогов было, несомненно, ритуальным (см.: Гадло А. В. 1) Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и и истори-

устрашению врага перед боем, что, похоже, имело ритуальный характер.¹³

Органическое влечение ритуалов и обрядов в подготовку и осуществление военных дел указывает на сакральную во многом суть войн, наблюдаемых в древности. Под ее знаком проходили все войны первобытности, в том числе и те, что уподобляются «регулярному промыслу» по добыче материальных ценностей: захвату скота, рабов и сокровищ. Нельзя, конечно, вовсе отрицать материальных мотивов военных предприятий, затеваемых первобытными людьми, особенно в эпоху варварства. Но если вспомнить, что богатство и тогда имело не столько утилитарное, сколько «трансцендентное» значение,¹⁴ в котором преобладали магико-религиозные и этические моменты, то идеи сакральности, чести и

ческие последствия// Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа/ Отв.ред. Н. И. Кирей. Краснодар. 1988. С.95-96; 2) Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб., 1994. С.88-89). Отсюда вопрос: не являлись ли «засаживатели» Слова ритуальными ножами? Возвращаясь же к предбоевым кликам и грозным звукам музыкальных инструментов, упоминаемым различными источниками, рискуем высказать догадку об их ритуальном значении.

¹³Вспоминается знаменитая битва между кельтами и римлянами в июле 390 г. до н.э. «Это была первая встреча римлян с варварским войском кельтов, закончившаяся полным и страшным поражением римлян. Причиной его явилась не сама атака кельтов, а тот панический страх, какой-то мистический ужас, который охватил римлян при их появлении. Античные историки красочно рассказали о том устрашающем впечатлении, которое кельты произвели на римлян. Они внезапно увидели перед собой тысячи людей гигантского роста с развивающимися волосами, танцующих и жестикулирующих, потрясающих в такт щитами и мечами. К тому же эти варвары громко распевали песни на незнакомом языке, а музыкальные инструменты фантастического вида завывали, напоминая рев хищных зверей. Затем, перекрывая все шумы, внезапно раздался боевой клич, изданный всеми воинами в сопровождении звуков труб и повторенный вдалеке эхом долин. Этот страшный крик окончательно изгнал из душ римских воинов мужество и надежду. Даже не попытавшись вступить в бой, римляне обратились в бегство». — Широкова Н. С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989. С.102-103.

¹⁴См.: Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С.68, 72, 74-75. Не случайно понятие «богатство» у древних соотносилось с понятием «бог». — См.: Маковский М. М.

славы зазвучат в войнах с еще большей силой. Вместе с тем богатства, добываемые в войнах, способствовали имущественному расслоению, нарушавшему традиционные устои равенства. И все же имущественные различия распределяли людей не по социальным или классовым группам, а по престижным нишам и позициям, создавая лишь предпосылки деления общества на классы. Следовательно, войны времен первобытнообщинного строя нет оснований рассматривать как стимулятор классового переустройства архаических обществ. Во всяком случае, их воздействие на общественное развитие было двойственным и по-своему диалектичным: консолидирующим, а в отдаленной перспективе разлагающим. Столь же неоднозначной была роль в общественной жизни рабства и данничества — прямых порождений войны.

Современные исследователи считают рабство чуждым первобытнообщинному строю. Всеобщее признание получило мнение, согласно которому рабство стало «эффективным ускорителем социального расслоения общества, открывавшего путь классообразованию и политогенеза».¹⁵ Обычно полагают, что «даже начальные, не имеющие важного производственного значения формы рабства оказывали ускоряющее влияние на развитие общественной дифференциации»,¹⁶ что «появление самых ранних форм рабства имело весьма существенное влияние на начинающуюся в обществе социально-экономическую дифференциацию».¹⁷ Перед нами несколько упрощенная оценка влияния рабства на социальную эволюцию первобытного общества. Нельзя, на наш взгляд, рассматривать рабство как инородное тело по отношению к общественным структурам первобытности. Его появление отвечало нуждам именно архаических обществ, обеспечивая нормальное их функционирование.¹⁸ Рабы удовлетворяли насущные потреб-

Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С.182-183.

¹⁵История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С.201.

¹⁶Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975. С.114.

¹⁷История первобытного общества. Эпоха классообразования. С.203.

¹⁸Мы считаем ошибочным утверждение Л. В. Даниловой о том, что

ности древних людей. Известно, например, что «для ритуальных убийств — в форме ли жертвоприношений или при погребении вождей и просто влиятельных лиц — использовались исключительно рабы-полоняники».¹⁹ Поэтому пленение и обращение в рабство означало создание своего рода страхового фонда «для различного рода ритуальных мероприятий».²⁰ Будучи составным элементом культовых отправлений, рабство тем самым укрепляло внутренние традиционные связи первобытных обществ.

При низкой рождаемости и высокой детской смертности, присущих архаическим обществам, рабы-пленники нередко служили источником восполнения убыли населения. Этим в первую очередь объясняется пленение женщин и детей, получившее широкое распространение в древности.²¹ Взятые в плен женщины и дети до адаптации в новый коллектив находились какое-то время в рабском состоянии. И они, являясь рабами, никоим образом не стимулировали процесс социальной дифференциации, а напротив, выступали средством для поддержания жизнедеятельности старых общественных образований и структур. Когда же в пленное рабство, помимо женщин и детей, стали брать взрослых мужчин, то ими часто старались восполнить недостаток воинов, столь необходимых в условиях многочисленных межплеменных войн. Следовательно, эта категория рабов-военнопленных использовалась для усиления традиционной военной организации, поддерживающей привычный строй общественных отношений. Не меняло сути дела и вхождение рабов иноземного происхождения в княжескую дружину, поскольку дружинный союз, появившись на завершающей стадии развития первобытнообщинного строя, несколько поначалу не нарушал доклас-

«патриархальное рабство появляется на последней ступени первобытнообщинного строя. — Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С.114.

¹⁹История первобытного общества. Эпоха классового образования. С.203.

²⁰Там же.

²¹Мы знаем, что «многие индейцы Южной Америки устраивали набеги на соседей с целью захвата женщин и детей для увеличения размеров своих общин». — История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С.405-406.

совых социальных связей, а сама дружина выполняла общественно-полезные функции.²²

Итак, рабство возникало в первобытном обществе не в качестве чуждого и деструктивного элемента, а как институт, обслуживающий жизненно важные нужды древних людей, связанные с непроизводительной (религиозной, военной, демографической, матримониальной и пр.) сферой их деятельности. С этой точки зрения оно является характерным явлением для архаических обществ, в которых свобода и рабство уживались вместе, не отвергая друг друга, что вполне объясняется внешним происхождением последнего.

Однако на поздней стадии развития первобытности, когда ослабли адаптационные процессы и рабы составили отдельную социальную категорию, изолированную от остальной части общества, когда невольников все чаще стали использовать в производственных целях, рабство превратилось в фактор разрушения традиционной социальной структуры. Но и тогда оно не утратило полностью своего прежнего, поддерживающего старый порядок назначения. Нечто сходное замечаем и в области данничества.

Зависимость различных народов в форме данничества — давний предмет внимания не только историков, но и теоретиков исторического процесса. Еще Н. Я. Данилевский писал, что «история представляет нам три формы народных зависимостей, составляющих историческую дисциплину и аскезу народов: *рабство, данничество и феодализм*».²³ Что касается данничества, то оно, по мнению Н. Я. Данилевского «происходит, когда народ, обращающий другой в свою зависимость, так отличен от него по народному или даже по породному характеру, по степени развития, образу жизни, что не может смешаться, слиться с обращаемым в зависимость, и, не желая даже расселиться по его земле, дабы лучше

²²См.: Корсунский Р. Ф. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С.158; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.68.

²³Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1888. С.251.

сохранить свои бытовые особенности, обращает его в рабство коллективное, оставляя при этом его внутреннюю жизнь более или менее свободною от своего влияния. Посему данничество и бывает в весьма различной степени тягостно. Россия под игом Татар, славянские государства под игом Турции представляют примеры этой формы зависимости. Действие данничества на народное самосознание очевидно, равно как и то, что если продолжительность его не превосходит известной меры, — народы ему подвергшиеся сохраняют всю способность к достижению гражданской свободы».²⁴

Исторические факты свидетельствуют, что даннические отношения устанавливались не только между разными этносами, как это следует из приведенных слов Н. Я. Данилевского, но и между племенами, принадлежащими к одной этнической общности. Восточные славяне — яркий тому пример. Однако и в данном случае внешняя суть данничества сохранялась во всей своей полноте. Недаром С. В. Бахрушин, наблюдая легкость перехода сбора ясака в Сибири от монголо-тюркских завоевателей к русским, вспоминал о том, что происходило в давние времена восточнославянской истории. Он писал: «Эта легкость перехода от одного господина к другому, без всякого усилия, без ломки установившихся привычек и отношений, переносит нас во времена князя Олега, пославшего к радимичам с вопросом: "кому дань даете? Они же решают: Козаром. И рече им Олег: не дайте козаром, а мне дайте: и вдаша Олгови по шлягу, якоже козаром даяху"».²⁵ Подобно князю Олегу, русские государи «переводили на себя ясаки», уплачиваемые до тех пор их предшественникам.²⁶

Надо сказать, что ясак и восточнославянская дань имеют сходство, причем весьма существенное. Ясак, как и дань, есть платеж покоренных победителю, и потому он является признаком подвластности, будучи «сопряжен с понятием чего-то позорящего».²⁷ Оружие бы-

²⁴ Там же.

²⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Часть вторая. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 52.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ Там же. С. 45–50.

ло решающим средством, с чьей помощью навязывалась ясачная и данническая зависимость.²⁸ Подчинению туземцев ясаку обычно «предшествовала военная экспедиция, которая должна была показать им реальную мощь новых претендентов на их пушнину. Иногда дело ограничивалось простой военной демонстрацией; но в случае упорства в ход пускалось оружие, и "погром" принуждал к покорности».²⁹ Размеры ясака определялись особым соглашением, договором.³⁰ И военное подчинение и договорные обязательства живо напоминают обложение киевскими князьями соседних восточнославянских племен. Любопытные параллели к характеру восточнославянской дани обнаруживаются при обращении к ясачным платежам среди сибирских аборигенов. Так, у некоторых азиатских племен, в частности, у енисейских киргизов, ясак платили только покоренные, «киштымы» (рабы), а племя завоевателей было свободно от этой подати.³¹ Местное население приносило собственным правителям, а потом и царским властям добровольные дары («поминки»), отличавшиеся по своей сути от ясака. Они очень походили на восточнославянское полюдье.³²

Наряду со сходством, нельзя, конечно, не видеть и различий между ясаком, собираемым царскими служи-

²⁸См.: Бахрушин С. В. Научные труды. IV. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI-XVII вв. М., 1959. С.45.

²⁹Там же.

³⁰Там же. С.45-46, 50.

³¹Бахрушин С. В. Научные труды. III. С.57.

³²С. В. Бахрушин, к сожалению, смешивал полюдье с данью и ясаком. Говоря о схожести взимания сибирского ясака и восточнославянской дани, он замечал: «На тех же, вероятно, основах строилось и обложение славянских племен варяжскими князьями в VIII и IX вв. Самая форма сбора дани — "повоз" и "полюдье" — находит себе полную аналогию в условиях сбора ясака... Ежегодные поездки служилых людей для сбора ясака по зимовьям... соответствуют полюдью. Самая дань, которую собирали князья во время полюдья взыскивается в форме "дара", почему полюдье называлось "полюдьем даровным"...» (Бахрушин С. В. Научные труды. III. С.84). Дань у восточных славян, как мы знаем, никогда не взыскивалась в форме «дара», являя собою принудительный платеж, обусловленный военным подчинением. Здесь С. В. Бахрушин оказался в плену расхожих в исторической литературе представлений о дани и полюдье.

лыми людьми, и данью, получаемой киевскими властителями. Одно из важнейших различий состояло в том, что ясаком сибирские племена облагались представителями сложившегося и развитого московского государства, в то время как к данничеству восточных славян принуждали правители этнополитического образования (племенного союза), где процесс складывания государственности еще не был завершен.³³ Это накладывало на существо дани особый отпечаток. Другое не менее важное отличие заключалось в следующем: объясачивание царским правительством туземцев Сибири означало присоединение их земель к России, в результате чего ясак из внешнего побора быстро эволюционировал в государственный налог.³⁴ Взимание же дани киевскими князьями с покоренных восточнославянских племен не сопровождалось посягательством на земли данников. Обложенные данью территории не входили в состав Русской земли, лежавшей в Среднем Поднепровье. Они вовлекались лишь в сферу внешнеполитического влияния Киева. Распределение ясака и дани также было неодинаковым. Первый полностью поступал в государственную казну, тогда как вторая шла на нужды полянской общины в целом, а также князей, дружинников и рядовых воинов в отдельности. При этом дань была и оставалась до конца X в. внешним побором, добываемым силой оружия. Ее нельзя считать внутренней податью, а тем более — централизованной феодальной рентой, получаемой корпорацией феодалов в лице государства.

Сторонники идеи государственного феодализма в Киевской Руси с его верховной княжеской (государственной) собственностью на земли восточнославянских данников совершают, на наш взгляд, две, по крайней мере, ошибки. Они подходят к взаимоотношениям полянского союза племен с другими племенными объединениями восточных славян с точки зрения классовой теории, которая к условиям жизни восточного славянства IX-

³³См.: Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991.

³⁴См.: Бахрушин С. В. Научные труды. III. С. 51, 83, 84.

X вв. неприменима, поскольку о классах в те времена говорить не приходится. Кроме того, приверженцы данной идеи чересчур рационализируют отношения в данности, наполняя их экономическим содержанием, что является явной модернизацией, искажающей историческое прошлое. Им даже в голову не приходит вопрос об отношении древних людей к земле, о воззрениях первобытного человека на землю. И тут многое проясняет этнографическая наука.

Как явствует из наблюдений этнографов, первобытные люди жили в замкнутом мире. «В этом замкнутом мире, который имеет свою причинность, свое время, несколько отличные от наших, члены общества чувствуют себя связанными с другими существами или с совокупностями существ, видимых и невидимых, которые живут с ними. Каждая общественная группа, в зависимости от того, является ли она кочевой или оседлой, занимает более или менее пространную территорию, границы которой обычно четко определены. Эта общественная группа не только хозяин данной территории, имеющий исключительное право охотиться на ней или собирать плоды. Территория принадлежит данной группе в мистическом значении слова: мистическое отношение связывает живых и мертвых членов группы с тайными силами всякого рода, населяющими территорию, позволяющими данной группе жить на территории, с силами, которые, несомненно, не стерпели бы присутствия на ней другой группы. Точно также, как в силу интимной сопричастности всякий предмет, бывший в непосредственном и постоянном соприкосновении с человеком, — одежда, украшения, оружие и скот — есть человек, отчего предметы часто после смерти человека не могут принадлежать никому другому, сопутствуя человеку в его новой жизни, точно так и часть земли, на которой живет человеческая группа, есть сама эта группа: она бы не смогла жить нигде больше, и всякая другая группа, если бы она захотела завладеть этой территорией и утвердиться на ней, подвергла бы себя самым худшим опасностям. Вот почему мы видим между соседними племенами конфликты и войны по поводу набегов, нападений, нарушения границ, но не встречаем завоеваний в собственном смысле слова. Разрушают,

истребляют враждебную группу, но не захватывают ее земли. Да и зачем завоевывать землю, ежели там неминуемо предстоит столкнуться с внушающей страх враждебностью духов всякого рода, животных и растительных видов, являющихся хозяевами этой территории, которые несомненно стали бы мстить за побежденных». ³⁵ По Л. Леви-Брюлю, чьи слова мы только что цитировали, мистическая связь «между общественной группой и почвой столь тесна и близка, что не возникает даже и мысли об изъятии земли из собственности определенного племени. При таких условиях собственность группы "священна"... она неприкосновенна, и на деле ее не нарушают, поскольку коллективные представления... сохраняют свою силу и власть». ³⁶

Соображения Л. Леви-Брюля находят подтверждение в современной науке. В одном новейшем обобщающем этнографическом исследовании читаем: «Даже в более развитых обществах, когда войны временами вели к перераспределению земельных ресурсов, захват территории, за редчайшими исключениями, не являлся целью вооруженных нападений. Последние велись прежде всего для того, чтобы обескровить противника, подорвать его материальное благосостояние и, если возможно, изгнать как можно дальше. Что же касается его территории, то она считалась местом обитания духов предков побежденных, и из страха перед сверхъестественными силами чужаки, как правило, не отваживались сразу здесь селиться». ³⁷ То же самое надо сказать и о присоединении земель побежденных к земельным владениям победителей: в силу сакральных причин оно было попросту невозможно.

Однако Л. В. Черепнин нам говорит, будто из летописи «можно заключить, что одновременно с установлением даннической от себя зависимости отдельных славянских земель князья стремились освоить эти территории путем строительства там крепостей, где селились

³⁵ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. С.346.

³⁶ Там же. С.266.

³⁷ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С.406.

их дружинники».³⁸ В итоге общинники «утрачивали возможность свободно пользоваться доходами от своих земель, становившихся верховной собственностью государства, право самим распоряжаться продуктами своего труда, часть которых присваивалась господствующим классом в форме дани».³⁹

Перед нами схема, весьма далекая от реальной действительности. Столь же схематичны и потому безжизненны представления М. Б. Свердлова, согласно которому «включение племенных княжений в состав территории Древнерусского государства являлось формой установления раннефеодальной эксплуатации непосредственных производителей через систему податей». Само же это включение «означало замену племенной верховной собственности на землю государственной, распространение государственного суверенитета на племенную территорию, в связи с чем "внешние" племенные границы становились государственными, а рубежи, отделявшие племенное княжение от Древнерусского государства, ликвидировались». Автор заключает: «Таким образом, в IX–X вв. происходило становление верховной собственности государства на землю, что выражало систему поземельных социально-экономических отношений господства и подчинения в пределах Древней Руси, которые обеспечивали обогащение и воспроизводство господствующего класса».⁴⁰ Тут сказывается одно сторонний, сугубо классовый критерий в оценке явлений древности, который проступает еще более зримо в другом рассуждении М. Б. Свердлова: «Установление верховной собственности государства на землю — основное средство производства и "всеобщий предмет человеческого труда" (К. Маркс. — *И. Ф.*) имело решающее значение в процессе классового образования в Древней Руси».⁴¹

Древние люди, в том числе и восточные славяне, не

³⁸Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Г., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С.151.

³⁹Там же. С.153.

⁴⁰Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С.82.

⁴¹Там же. С.85.

воспринимали землю материалистически, как «источник доходов», как «основное средство производства» или «всеобщий предмет человеческого труда». Они одухотворяли ее, видя в ней священное существо, мистически связанное с живущими на ней людьми, дарующее им жизнь и благоденствие. То была некая слитность, не допускающая разъединения.⁴² Вот почему земельная экспроприация киевскими князьями того или иного восточнославянского племени и учреждение верховной собственности на захваченную землю суть кабинетные изобретения ученых, подгоняющих факты прошлого под теоретические установки исторического материализма. А это означает, что исследователь не может рассматривать восточнославянское данничество в системе поземельных социально-экономических отношений и квалифицировать дань как земельную феодальную ренту.⁴³ Тут нужны иные измерения.

Межплеменные отношения в восточнославянском ми-

⁴²Представления о тесной, неразрывной связи человека с землей, о его сращении с нею сохранялись на протяжении раннего и зрелого средневековья. — См.: Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 28, 38-39; Данилова Л. В. Понятие земельной вотчины в средневековой Руси // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей / Отв. ред. В. М. Воробьев и А. Ю. Дворниченко. Спб., 1996. С. 259

⁴³По мнению А. Я. Гуревича, «установить реальную грань, отделяющую дань от феодальной ренты, чрезвычайно трудно, а в ряде случаев даже и невозможно. Трудность заключается в том, что и в основе отношений данничества, и в основе вассальной зависимости было нечто общее. Это общее заключалось... не в отношениях собственности на землю, а в обладании властью над людьми. Такой властью пользовался государь или князь, собиравший дани и угощения с населения, которым он управлял; ею пользовался и сеньор, повелевавший своими вассалами. В одних случаях эта власть могла носить личный характер и не сопровождаться поземельно-ленной зависимостью подданных от господина, а в других случаях такая зависимость создавалась» (Гуревич А. Я. Проблемы генезиса. С. 56). Рассуждения А. Я. Гуревича уместны применительно к более позднему периоду, чем эпоха восточного славянства IX-X вв., хотя и в этом случае они не бесспорны. Но что касается времен первых Рюриковичей, собиравших дань за пределами «внутренней Руси», т. е. на иноплеменной периферии, то здесь они теряют всякий смысл.

ре, как и у других народов, строились не только на материальной, вещной основе, но и на духовной, где религиозные воззрения, нравственные и этические нормы имели довольно существенное значение. Быть может, что духовный элемент был даже преобладающим в этих отношениях. Характер контактов между различными племенами во многом зависел от исходных факторов формирования традиционных структур: внутриплеменной солидарности и межплеменной конфликтности.⁴⁴ Настрой на конфликт с чужим и потому враждебным миром являлся одним из главных душевных состояний в первобытном обществе. Отсюда бесконечная череда межплеменных войн, что нами уже отмечалось. Данничество — плод войны и своеобразная форма межплеменных отношений. И вот здесь мы подходим к важному выводу: поскольку взаимоотношения племен базировались на материальных и духовных принципах, то надо признать, что дань являлась многозначным институтом.

Касаясь материальной грани данничества, следует сказать, что дань, взимаемая с «примученных» восточнославянских племен киевскими князьями в сообществе со своими дружинниками, выступала в качестве их заурядного корма, представляя, следовательно, потребительский интерес.⁴⁵ В этом выражалась ее грабительская суть. Вместе с тем она была средством обогащения, приобретения сокровищ, которые имели прежде всего сакральное и престижное значение. Стало быть, за данью скрывались религиозные и этические побуждения, и с этой точки зрения она заключала в себе духовную ценность.

Платить дань, как мы знаем, есть позор и бесчестье, а получать ее — честь и слава. Если вспомнить, что честь и слава, по понятиям древних людей, означали благоволение богов,⁴⁶ то в дани обнаруживается еще один религиозно-этический мотив.

⁴⁴См.: Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1996. С.335.

⁴⁵Об этом прямо говорит составитель Начального свода, называя древних князей, а также их дружинников, которые кормились, «воююще ины страны». — НПЛ. М.; Л., 1950. С.104.

⁴⁶См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995. С.277-283.

Честь и слава добывались ратным трудом, в войнах, преследующих цель покорения (или обезвреживания) иноплеменников. Дань в этом случае являлась выражением покорности побежденных победителю, ибо «дать что-нибудь из своего имущества — значит дать что-то от себя, следовательно, дать власть над собой».⁴⁷ Покорность была важна сама по себе как свидетельство силы и мощи победителей, обладания ими удачей и счастьем, как свидетельство, в конце концов, торжества их богов над богами побежденной стороны. Во всем этом проглядывает довольно сложный комплекс магико-религиозных и этических переживаний. Вот почему мы не можем рассматривать покорение и обложение данью восточнославянских племен в плане установления зависимости социально-экономического свойства, реализуемой в форме рентных отношений.

Порою, вероятно, изъявление покорности было важнее уплаты самой дани. Поэтому, надо полагать, размеры даннических платежей иногда имели чисто символический характер.⁴⁸ Если это так, то мы получаем еще одно доказательство нематериальной, вневещной функции дани, связанной с престижем, славой и, конечно же, безопасностью, поскольку обязательство давать дань скреплялось языческой клятвой, присягой, что, безусловно, сдерживало агрессию данников по отношению к данщикам.

Не исключено, что выплата дани не являлась односторонней и безвозмездной, что взаимоотношения ее плательщиков и получателей предполагали обмен, так сказать, услугами. Включение восточнославянских племен в систему данничества означало присоединение их к племенному суперсоюзу, возглавляемому Киевом.⁴⁹ Вхо-

⁴⁷ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. С.266. Когда жители древлянского Искоростеня дали дань Ольге, княгиня произнесла знаменательные слова: «Се уже есте покорилися мне и моему детяти» (ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч.1. С.43). Если даже слова эти выдуманы и приписаны Ольге летописцем, то и тогда они отражают общие понятия наших предков о дани.

⁴⁸ Указания на это мы видим в летописных рассказах и о дани по зверьку с «дыма» (родового союза), и о дани по 3 голубя и по 3 воробья со «двора». — См.: ПВЛ. Ч.1. С.18, 20, 43.

⁴⁹ Фроянов И.Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-политичес-

ждение в этот союз обеспечивало данникам покровительство и защиту киевских правителей, если возникала внешняя угроза.⁵⁰

Данничество, как видим, насквозь пронизано архаическим сознанием, и нет никаких оснований полагать, будто дань — «это уже выход за рамки первобытного строя».⁵¹

Осуществленное нами исследование позволяет утверждать, что и войны, и рабство, и данничество — неизбежные спутники первобытной эпохи.

кой истории. Л., 1980. С.21-24; 2) К истории зарождения Русского государства. С.76.

⁵⁰Возможно, имел место и обмен натурой, как это было, скажем, в Сибири при взимании русскими ясака. По словам С. В. Бахрушина, «государево жалование является непременным условием получения нерусского населения ясака. Если не давать подарков, то и ясака не будет». Вот почему царское правительство «было озабочено снабжением сибирских городов и острогов достаточными запасами "подарочной казны" — одекуя мелкого и крупного разных цветов, олова в блюдах и в "торелех" и т. д.». То была весьма устойчивая практика: «подарки, как непременное условие взноса ясака, просуществовали не только в течение XVII и XVIII вв., но даже до конца XIX в.» (Бахрушин С. В. Научные труды. III. С.74, 75). Выдача подарков «за ясачный платеж» казалась С. В. Бахрушину очень похожей «на меновой торг. Местные жители приносят полагающиеся с них звериные шкурки и взамен "прошают" олова и одекую. Ясачные сборщики приняв ясак, выдают подарки, и ясачные уходят восвояси» (Там же С.75). Мы допускаем здесь некоторые отголоски меновой торговли. Но несомненно здесь и другое: наличие архаических традиций обмена вещами, смысл которого объясняется языческими представлениями о незримой, мистической связи между людьми и вещами.

⁵¹Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. С.138. Безосновательно, на наш взгляд и мнение, по которому полюдьё «явление новое по отношению к родоплеменному строю» (Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С.33). И дань и полюдьё есть порождения первобытности.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович Г. В. 388, 389
 Абрамович Д. И. 69
 Аверкиева Ю. П. 271, 489
 Аксаков К. С. 167-169, 186, 295, 299, 319
 Александр, византийский император 309, 310, 318
 Алексеев В. П. 270
 Алексеев Л. В. 67, 188, 190, 241, 320, 458, 459
 Алексеев Ю. Г. 161
 Альмош, сын Юдьска 306-308
 Амартол 327
 Анастасий, византийский император 52
 Андрей Юродивый 254
 Андрей Юрьевич Боголюбский 462, 463
 Аничков Е. В. 65, 66
 Аннинский С. 137
 Антонович В. Б. 69
 Анучин Д. Н. 398
 Ардагаст 32
 Ардзинба В. Г. 470-473, 478
 Артамонов М. И. 44, 281-283, 287, 290, 292, 352, 353, 357, 377
 Арциховский А. В. 490
 Аскольд 277, 281
 Атилла 52, 306
 Афанасьев А. 64, 65
 Афанасьев Ю. 6
 Байбури А. К. 131, 132, 409
 Барац Г. М. 312
 Барсов Н. П. 320
 Бартольд В. В. 76, 79
 Бахрушин С. В. 82, 194, 199, 228, 230, 232, 394, 444, 495-497, 504
 Баян 32, 57
 ал-Бекри 213
 Бела III 306
 Белков П. Л. 448
 Белявский М. Т. 162, 163
 Беляев И. Д. 199, 364
 Беляев П. И. 252
 Бенвенист Э. 120, 132, 409, 121, 478, 502
 Бермята Васильевич 87, 124, 125, 128
 Бестужев-Рюмин К. Н. 294, 304, 322
 Бобринский А. А. 60, 61
 Бож 38
 Болеслав I 233
 Болтин И. Н. 293, 310, 311
 Борис Владимирович 69, 439
 Брайчевский М. Ю. 30, 42, 44, 60, 264-268, 455, 456
 Брим В. А. 137
 Бромлей Ю. В. 35, 170, 271, 431, 472, 487
 Бруно Квертфуртский 203
 Буганов В. И. 224
 Будовниц И. У. 277, 282
 Варда Фока 327
 Варлаам Хутынский 127
 Варяжко 203
 Василий Новый 327
 Васильев Л. С. 46, 47
 Васильевский В. Г. 84, 103, 201
 Вельмуд 309, 312
 Вестберг Ф. 474
 Вилинбахов Г. В. 137
 Виноградов В. В. 232
 Владимир, былинный князь 87-90, 129-131, 133
 Владимир Всеволодович Мономах 68, 226, 241, 256
 Владимир Святославич Святой 65, 68, 94-96, 154, 181, 194-201, 203, 205, 208-214, 216-219, 221-223, 225-228, 304, 314, 319, 320, 335, 336, 360, 375, 380, 381, 404, 433, 436, 437, 440, 444, 445, 481, 482
 Владимирский-Буданов М. Ф. 247, 249, 252
 Волчий Хвост, воевода 437
 Воробьев В. М. 501
 Воронин Н. Н. 414, 415
 Всеволод Мстиславич 457, 480
 Всеволод Юрьевич
 Большое Гнездо 459-462
 Всеволод Ярославич 181
 Гагемейстер Ю. А. 289, 294-297, 396
 Гадло А. В. 491
 Гальперин С. Д. 77, 169, 170
 Гардизи 74-80, 95, 362, 363, 466, 477
 ал-Гарнати Абу Хамид 248, 249, 423

Герберштейн Сигизмунд 490
 Гету Л. 139, 173, 226
 Гиллек 422
 Гильфердинг А. Ф. 88, 90, 124
 Гиляров Ф. 396
 Глеб Владимирович 69, 439
 Голубовский П. В. 204, 205, 209, 212, 214
 Гордиан 52
 Горемыкина В. И. 23, 443, 453
 Горский А. А. 438, 455, 456, 466-468, 474, 504
 Горюнова Е. И. 320, 424
 Горянов Б. Д. 41
 Гостомысл 296
 Греков Б. Д. 14, 15, 17-22, 30, 41, 104-107, 123, 134, 144, 167, 168, 170, 172-174, 186, 187, 193, 198, 236, 237, 247, 275, 283, 287, 289, 290, 296, 297, 300, 319, 325, 352, 366, 371, 394, 398, 445
 Григорий Богослов 65, 66
 Григорий Турский 48, 469
 Гринев Н. Н. 243
 Гришин И. А. 126
 Громько Ан. А. 64
 Грушевский М. С. 29, 184, 280, 313, 322
 Гумилев Л. Н. 275, 281-284, 334, 346-348, 350, 352-354
 Гуревич А. Я. 44, 59, 60, 63, 120, 159-163, 227, 469, 476, 478, 491, 501
 Гусаков А. Д. 248
 Даврит 279
 Даль В. И. 128, 233, 410, 411
 Даниил Заточник 246, 247
 Данилевский Н. Я. 494, 495
 Данилов Кириша 87, 88
 Данилова Л. В. 13, 34, 36, 41, 44, 64, 86, 97, 98, 100, 258, 259, 267, 269, 382, 387, 422, 427, 441, 442, 443, 446, 447, 454, 462, 463, 469, 492, 493, 501, 504
 Даркевич В. П. 157
 Дворниченко А. Ю. 191, 193, 320, 321, 459, 501
 Державин Н. С. 30, 31
 Джаксон Т. Н. 137, 154
 Диакон Лев 56, 95, 330, 331, 332, 335, 337, 338, 340, 341, 345, 490
 Диоклетиан 52

Дир 281
 Добровольский И. Г. 64, 67
 Добрыня, былинный герой 131, 133
 Добрыня, дядя кн. Владимира Святославича 360
 Добрыня Никитич, богатырь 87
 Довженко В. М. 264, 265, 267, 268
 Довнар-Запольский М. В. 200, 245
 Дружинин Н. М. 6, 455
 Дубов И. В. 64, 67, 68, 190, 191
 Дубровский А. М. 445
 Дудика 254
 Дьяконов А. П. 33
 Дьяконов М. А. 245, 246, 248, 430, 431, 435, 451, 458
 Дювернуа Н. 199
 Дюк Степанович 285
 Ежов В. А. 190
 Екатерина II Великая 398
 Елагин И. П. 311
 Ерасов Б. С. 502
 Ермак Тимофеевич, былинный герой 130
 Ефрем, митрополит 254
 Жуков Е. М. 164
 Забелин И. Е. 319-321, 421
 Затыркевич М. Д. 11
 Захарья 460
 Заходер Б. Н. 74-76, 93, 424, 474
 Зимин А. А. 21-23, 33, 35-37, 39, 41, 50, 51, 78, 79, 82, 83, 86, 101, 102, 106, 110-112, 114-118, 133, 134, 136, 138, 144, 145, 147, 152, 153, 171, 175-177, 179, 180, 184, 186, 195-197, 221, 226, 228, 229, 231-233, 235, 236, 239-241, 248, 249, 256-258, 306, 399, 400, 402-405, 413, 417, 458
 Зонара 347
 Иаков Мних 481
 Иванов В. В. 92, 233, 414, 430
 Иванов С. А. 338, 340, 421
 Игорь, князь 116, 122, 134, 202-206, 281, 324-330, 344, 353, 355, 358, 361, 363, 366, 375-384, 390, 391, 399, 400, 404, 405, 412, 432-434, 444, 455, 478, 479, 481, 482
 Идаризий 58
 Иезекий 181

- Иероваам 235
 Изяслав Ярославич 181
 Икмор 348
 Илдея 359
 Иловайский Д. И. 337, 353, 354, 440, 441, 446, 447
 Ильин Н. Н. 184
 Илья Муромец 87, 129, 130, 224
 Инкин В. Ф. 186
 Иоаким 350
 Иоанн, епископ Ростовский 460-462
 Иоанн I митрополит 218
 Иоанн II митрополит 241
 Иоанн Цимиский 346, 347
 Иордан 56
 Иосиф, каган 285
 Истрин В. М. 327
 Итс Р. Ф. 189
 Кавелин К. Д. 329
 Калачов Н. В. 138, 139, 167-169
 Калинин-царь 129, 130, 133
 Калинина Т. М. 84, 165, 166, 324
 Калокир 330, 331, 332, 334, 335, 339
 Карамзин Н. М. 113, 179, 180, 199, 200, 202, 204, 218, 219, 289, 294, 307, 311, 316, 325, 352, 356, 364, 396, 397, 410, 426
 Каргалов В. В. 204, 206, 207, 213, 214, 215
 Карл, посол 309, 312
 Карл Великий 231
 Катерина Микулична 124-126, 128
 Кедрен 347
 Келагаст 58
 Кизилев Ю. А. 39
 Кирей Н. И. 491
 Кирилл, просветитель 319
 Ключевский В. О. 102, 112, 113, 115, 135, 167, 199, 218, 226, 246, 290, 490
 Кобищанов Ю. М. 397, 411, 432, 437, 438, 448-450, 471-474, 478, 479
 Кобрин В. Б. 6
 Ковалевский А. П. 55, 79, 84, 91, 94, 165, 289
 Ковалевский М. М. 169
 Кожемяка, герой предания 490
 Коковцев П. К. 285
 Колеснический Н. Ф. 469
 Колесов В. В. 45, 151, 169, 179, 234, 408, 421, 423, 425, 462
 Колычева Е. И. 22, 252
 Коментиол 32
 Константин VII Багрянородный 85, 122, 123, 203, 205, 215, 275, 323, 324, 405, 454-457, 462, 470, 477, 478, 481, 482
 Копечный Ф. Ф. 92, 151
 Корзухина Г. Ф. 62, 63, 68, 69
 Королюк В. Д. 267
 Курсунский Р. Ф. 494
 Косвен М. О. 283, 292, 423
 Костомаров Н. И. 219, 220, 357, 391, 393, 436
 Косьминский Е. А. 48
 Котляр Н. Ф. 26, 184, 185, 190, 206, 301, 334, 366, 367, 368, 374
 Куббель Л. Е. 273
 Кузьменко Ю. К. 64, 67
 Кузьмин А. Г. 275, 277, 314, 315, 345, 351, 353, 355, 356
 Курбатов Г. Л. 69, 82, 93, 210, 216, 320, 348, 397, 434, 497
 Куркас 327
 Кушелев-Безбородко Г. 69
 Лавров Л. И. 487, 489
 Ламанский В. И. 68, 319
 Ланге Н. 172
 Лебедева Г. Е. 52, 53, 121
 Лев VI Мудрый (Леон) 309, 310, 318
 Леви-Брюль Л. 469, 476, 485, 486, 499, 503
 Леви-Строс К. 486
 Левицкий Т. 474
 Левченко М. В. 29, 41, 42, 52, 106, 114, 315, 316, 325, 326, 331, 334, 336, 339
 Ленин В. И., 252
 Лешков В. Н. 244
 Липшиц Е. В. 121
 Литаврин Г. Г. 85, 323, 326, 340
 Лихачев Д. С. 116, 194, 195, 206, 218, 225, 282, 288, 290, 299, 342, 408, 410, 435
 Ломоносов М. В. 293, 310, 311
 Ломтев Т. П. 151
 Лонгинов А. В. 113, 138, 296, 298, 313, 317
 Лука Жидята 254
 Лурье Я. С. 149, 275
 Львов А. С. 92, 105, 106, 116, 234

- Львова Э. С. 258
 Любавский М. К. 10, 283, 294
 Людовик Немецкий 231
 Лют Свенельдич 354-358
 Ляпушкин И. И. 36, 38, 60, 290, 387, 389
 Лященко П. И. 12, 297
 Маврикий 29, 31, 39, 40, 51, 54, 55, 68, 83, 86, 102, 489
 Мавродин В. В. 13, 18, 25, 38, 40, 41, 44, 55, 56, 62, 68, 106, 107, 137, 167, 190, 193, 194, 199, 207, 209, 216, 220, 221, 222, 248, 249, 258, 280, 290, 291, 292, 297, 313, 325, 334, 335, 336, 339, 347, 352, 357, 366, 375, 376, 394, 413, 416, 417, 431, 443, 444, 452, 453, 475
 Магнер Г. И. 281, 284
 Маковский М. М. 345, 397, 476, 491
 Максимейко Н. А. 139, 140
 Мал, древлянский князь 375, 390, 432
 Малуша 94
 Мамун ибн-Мухаммед 213, 214
 ал-Марвази 74-424
 Марк Карл 36, 486, 500
 ал-Масуди 75, 83
 Мачек В. 467
 Мезамир 58
 Мейчик Д. М. 312
 Мельникова Е. А. 26
 Менаандр 32, 57, 58
 Миклухо-Маклай Н. Н. 407
 Минорский В. Ф. 474
 ибн Мискавейх 37, 76
 Мисюгин В. М. 71
 Михайлова И. Б. 439
 Мишулин А. В. 40, 41
 Могута, разбойник 218
 Монгайт А. Л. 70, 248, 270, 352, 377
 Мстислав Владимирович
 Тмутараканский 101, 490
 Мстислав Владимирович, сын
 Владимира Мономаха 457, 480
 Назаренко А. В. 84, 183, 211
 Назаров В. Д. 449, 464, 477, 478
 Насонов А. Н. 263, 264, 277, 278, 300, 366, 369, 416, 439, 440, 446, 447
 Несмелянов А. Н. 15
 Нестор, летописец 204, 206, 294, 316, 319, 389, 439
 Неусыхин А. И. 44, 159, 160, 387
 Нибур Г. 46, 90
 Нидерле Л. 29, 30, 34, 37, 40, 92, 456
 Никифор, митрополит 461
 Никифор Фока 330, 331, 337-341
 Никон, летописец 282
 Новицкая Т. Е. 138, 148
 Новицкий Г. А. 162
 Новосельцев А. П. 25, 55, 74-80, 83, 86, 93, 95, 100, 106, 115, 166, 177, 193, 222, 229, 258, 268, 281, 285-287, 289, 291, 292, 301, 334, 362, 363, 366, 367, 373, 374, 377, 416, 454-456, 458, 465, 466, 473-475, 477, 480, 500
 Носов Н. Е. 22
 Олав сын Трюггви Святой 136, 154
 Олег Вещий, князь 67, 105, 106, 115-117, 122, 134, 202, 212, 286, 288, 293-305, 309-323, 325, 328, 329, 333, 334, 344, 361, 363-373, 375-377, 440, 444, 495
 Олег Святославич 205, 335-337, 354-358
 Ольга, княгиня 91, 94, 122, 196, 205, 261, 262, 269, 270, 278, 300, 336, 389-396, 398-421, 424-440, 443, 444, 448, 455, 466, 478, 503
 Ольдерогге Д. А. 72
 Опраксия, былинная княгиня 87, 89
 Оттон I 231
 Оятева Е. И. 345
 Павлов-Сильванский Н. П. 199
 Павлушкова М. П. 307
 Панелях В. М. 17-19, 22
 Панкратова А. М. 15
 Пархоменко В. А. 367, 368, 440, 444, 445
 Пашуто В. Т. 15, 26, 55, 74, 75, 84, 100, 106, 115, 183, 199, 202, 206, 221, 229, 258, 267, 268, 289, 291, 298, 306, 307, 314, 324, 328, 331, 339, 340, 366, 374, 389, 390, 416, 455, 500

- Перхавко В. Б. 123, 334, 337
 Першиц А. И. 35, 47, 270-273, 442
 Песах 281
 Петр, византийский полководец 32
 Петр Великий 334, 398
 Петрухин В. Я. 278, 281, 284, 302, 309, 367, 400, 402, 404, 413, 420, 432, 438, 456
 Пименов В. В. 424
 Платонова Н. И. 418
 Плетнева С. А. 60, 202-206, 281, 285, 306
 Плешкова С. Л. 162
 Плиний Старший Гай 28
 Погодин А. Л. 29, 58
 Погодин М. П. 295, 311, 312
 Покровский М. Н. 298
 Покровский С. А. 106, 167, 248, 252, 259
 Полевой Н. А. 295, 299
 Половой Н. Я. 327
 Попов В. А. 271, 448, 450
 Попович М. В. 36, 409
 Поршнева Б. Ф. 422, 488
 Потин В. М. 69, 70, 84
 Преображенский А. Г. 92, 126, 166, 167, 305, 414, 421, 445
 Пресняков А. Е. 78, 171, 182, 192, 193, 199, 226, 304, 444
 Претич, воевода 207, 344, 490
 Приселков М. Д. 274, 275, 368, 451, 452, 453, 455, 457, 458
 Прокопий Кессарийский 29, 31-37, 47, 49-51, 54, 58, 83, 86, 279
 Пропп В. Я. 66
 Псевдо-Захария 33
 Птолемей Клавдий 28
 Пузанов В. В. 26, 261
 Пуляев В. Т. 7
 Путилов Б. Н. 489
 Пчелов Е. В. 26
 Пьянков А. П. 21, 23, 31, 33, 34, 38, 40, 42, 43, 50, 51, 54, 137, 228, 229, 231
 Рапов О. М. 290, 314, 374, 375, 395, 441, 442
 Расовский Д. А. 205
 Ревуненков В. Г. 291
 Редедя 490
 Рогов А. И. 458
 Рожков Н. А. 9, 10
 Роман, византийский император 324, 325
 Романов Б. А. 17-19, 21, 111, 112, 116, 135, 143, 147, 149, 150, 173, 198, 236, 245, 246, 250, 251, 253, 256, 288, 415, 416
 Романова Е. Д. 144, 145, 152
 Ростислав Мстиславич Смоленский 457-459, 482
 Рубинштейн Н. Л. 23, 138, 145, 148, 152, 153, 154, 172, 237, 238, 241, 444
 Рулав 309, 312
 ибн Русте 55, 75-77, 83, 85, 86, 93, 95, 262, 466, 473-475, 477, 478
 Рыбаков Б. А. 29, 30, 41, 51, 52, 60-62, 64-66, 71, 82, 93, 123, 124, 134, 138, 143, 144, 146, 147, 164, 165, 170, 171, 184, 185, 190, 224, 276, 277, 283, 286, 298, 330-332, 334, 337, 340, 358, 378, 384, 395, 405, 406, 409, 413, 418-420, 426-428, 435, 436, 438, 453, 455, 457, 460-462, 464-466, 468, 471, 474, 475, 477
 Рыбников П. Н. 87, 88, 126, 127
 Рыздзевская Е. А. 154, 155
 Рюрик, князь 295, 304
 Сайко Э. В. 158
 Самоквасов Д. Я. 314-316
 Сапрыкин Ю. М. 162
 Сахаров А. М. 162
 Сахаров А. Н. 75, 81, 114, 298-300, 302, 303, 306-309, 314, 316, 318, 319, 321-324, 326-329, 331, 333, 335, 336, 338, 339, 346
 Свенельд 348-359, 377-383, 479
 Свердлов М. Б. 14, 25, 33, 42, 54, 73, 105, 107-111, 114, 119, 120, 155, 167, 178, 183, 194, 203, 209, 211, 222-224, 226, 228-231, 233, 234, 243, 259, 288, 291, 374, 375, 400, 402, 417, 420, 429, 443, 469, 500
 Святополк Владимирович 203, 209
 Святополк Изяславич 241
 Святослав Всеволодович 461
 Святослав Игоревич 56, 91, 92, 94, 100, 122-124, 205, 208, 212, 286, 324, 330-355, 358, 359, 361, 391, 393, 399, 436-438, 440, 444, 445, 466, 478
 Святослав Ярославич, князь черниговский 181
 Седов В. В. 28-30, 36, 43, 60, 62, 279, 416

- Сербина К. Н. 343, 369
 Сергеевич В. И. 167, 168, 238, 244, 247, 312
 Середонин С. М. 30
 Сидорова Н. А. 221
 Синеус, князь 295
 Сказкин С. Д. 162
 Скилица 345
 Смиленко А. Г. 60
 Смирнов И. И. 13, 19-21, 135, 136, 236, 237, 239-243, 245, 246, 255, 256, 415
 Смирнов М. 307
 Смирнов П. П. 16
 Смирнов С. 64, 65
 Смолий В. А. 206, 334
 Снорри Стурлусон 154, 155, 411
 Соболевский А. И. 30
 Соловьёв С. М. 8, 9, 113, 180, 199, 218, 220, 294, 304, 312, 333, 337, 349, 350, 352, 355, 356, 357, 364, 370, 373, 410, 450
 Соломон 235
 Спенсер 422
 Спицын А. А. 30, 60
 Срезневский И. И. 109, 110, 115, 116, 127, 148, 180, 275, 276, 288, 316, 317, 343, 371, 382, 401, 410, 413, 430
 Сталин И. В. 14
 Стемид 309, 312
 Столяр А. Д. 44, 292
 Строков А. А. 70
 Струве В. В. 15
 Струмилин С. Г. 247
 Сфенкел 348
 Сюзюмов М. Я. 338, 340
 Татищев В. Н. 100, 101, 113, 114, 202, 218, 219, 260, 288, 293, 294, 297, 298, 310, 318, 319, 322, 325, 331, 336, 338, 339, 343, 344, 349, 350, 355, 356, 359, 364, 372, 376, 380-383, 392, 396, 398, 399, 401, 410
 Тацит Публий Корнелий 28, 278, 279, 468, 469
 Тимошук Б. А. 97-99, 156-159, 188, 189, 284, 292, 370, 374, 415, 416, 466
 Титмар Мерзебургский 183-185
 Тихвинский С. Л. 455
 Тихомиров М. Н. 6, 97, 138, 146, 147, 149, 172, 174, 177, 179, 187, 188, 189, 242, 247, 248, 254, 276, 320, 335, 354, 358, 369, 399, 400, 401, 438, 439, 458
 Токарев С. А. 64, 65
 Толкачев А. И. 275
 Толочко П. П. 199, 208, 209, 210, 299, 301, 314, 326, 334, 357, 358, 366, 439
 Толстов С. П. 213, 214
 Третьяков П. Н. 28, 30, 33, 39-42, 50, 60-62, 101, 102, 320, 424
 Троицкий И. М. 365
 Трувор, князь 295
 Удальцов 19
 Удальцова З. В. 23, 40, 222
 Удинцев В. 247
 Успенская А. В. 70
 ибн Фадлан Ахмед 55, 56, 79, 84, 85, 91, 93, 94, 165, 166, 289
 Фарлоф 309, 312
 Фасмер М. 92, 166, 167, 233, 305, 414, 421, 430, 456, 467
 Феврония, "девка" 127
 Федор Всеволодович 460
 Федосова И. А. 126, 127, 129
 Феодосий, византийский император 53, 12
 Феофилакт Болгарский 201
 Феофилакт Симокатта 32
 Фехнер М. В. 190
 Филин Ф. П. 169
 Флоря Б. Н. 458
 Фомин В. В. 315
 Фотий, патриарх 102, 103, 138
 Фролов Э. Д. 69, 216, 348, 397, 434
 Фроянов И. Я. 5, 6, 13, 15, 24-26, 42, 44, 69, 81, 82, 88, 91, 93, 96-98, 100, 104, 125, 140, 141, 146, 155-157, 163, 165, 171, 172, 179, 186, 189-194, 200, 201, 210, 216, 224, 226, 237, 239, 249, 251, 258, 261, 269, 270, 285, 292, 301, 302, 320, 321, 333, 336, 347, 348, 368, 371, 372, 374, 380, 383, 385, 387, 389, 393, 397, 407, 411, 423, 425, 247, 428, 432, 434, 436, 440, 441, 445, 446, 454, 459, 462-465, 470, 475, 479, 480, 494, 497, 503
 Фразер Дж. Дж. 94, 407, 423, 476, 478
 Фурсенко А. А. 19
 Фюстель де Куланж 397
 Хазанов А. М. 34, 39, 40, 45, 47, 71, 97, 270
 Харальд Суrowsый 411
 ибн Хаукаль 84, 324
 Хильбудий 33, 34, 47, 49, 50, 54
 Хильперик 469
 Хлодвиг 48

- ибн Хордадбех 80
ал-Хорезми 84
Цвибак М. М. 13, 14, 23
Чалмерс 422
Черепнин Л. В. 6, 43, 55, 74,
99, 100, 106, 115, 117, 123, 127,
140-144, 147, 148, 155, 177-179,
195-198, 222, 226, 229, 231,
236-238, 248, 252, 258, 267-270,
277, 288, 328, 373-375, 377-379,
385-388, 395, 399-401, 405, 413,
416, 429, 449, 455, 464, 499, 500
Чернецов А. В. 123, 124, 291
Черных А. Я. 45
Черных П. Я. 92, 233
Чичерин Б. Н. 10
Чурила Пленкович 86-90, 124-128, 285
Шанская Т. В. 92, 233, 414, 421, 430
Шанский Н. М. 92, 166, 167, 233, 414,
421, 430
Шапиро А. Л. 190, 230, 231, 291, 292,
441, 442
Шаскольский И. П. 431
Шахматов А. А. 30, 68, 111, 235, 274,
282, 296, 343, 365, 368, 369, 382
Шестаков А. В. 15
Широкова Н. С. 491
Шлецер А. Л. 311, 319
Штыхов Г. В. 241
Шушарин В. П. 55, 74, 306-308
Шапов Я. Н. 43, 55, 74, 327, 458, 470,
481, 482
Шелкин Е. Н. 226
Щербатов М. М. 310
Эверс Г. 294, 375
Эмин Ф. А. 310
Энгельс Фридрих 35, 36, 486
Юдин Ю. И. 125, 285
Юстиниан 32, 33, 53, 58, 121
Юшков С. В. 16, 133, 167, 170, 182, 193,
217, 242, 245, 246, 261-264, 413, 426,
428, 438
Яковлев А. И. 16, 122, 228, 231-233,
236, 240
Якубовский А. Ю. 37, 76
Янин В. Л. 127, 373, 457
Ярополк Святославич 203, 205, 212, 214,
277, 335, 336, 348-350, 353-359
Ярослав Владимирович Мудрый 16, 101, 134,
140, 141, 144-147, 151-154, 166, 171-173,
175-181, 183, 203, 212, 227, 235-238, 242,
294, 297, 304, 403
Ярославичи 16, 237, 239-243
Яцунский В. К. 42, 228, 372

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю (В. Т. Пуляев)	
Введение	
Часть первая. Восточнославянское рабство	
Рабы у антов и склавинов VI-VII вв.	
Рабовладение у восточных славян VIII-X вв.	
К вопросу о челяди на Руси конца IX - начала XI века	
Кризис родового строя и возникновение холопства на	
Руси конца X - начала XI века	
Часть вторая. Восточнославянское данничество	
Предварительные замечания	
Даннические отношения восточных славян с иноземца-	
ми	
Отношения данничества среди восточного славянства	
К вопросу о древнерусском полюдье	
Заключение	
Именной указатель (И. Б. Михайлова)	